

Вальтер

Скотт

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вальтер Скотт

С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

в двадцати томах

Под общей редакцией

*Б. Г. РЕИЗОВА, Р. М. САМАРИНА,
Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО*

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том тринадцатый

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА

Перевод с английского

И. В. БРУСЯНИНА

и

Н. Л. РАХМАНОВОЙ

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

WALTER SCOTT
THE FORTUNES OF NIGEL

Редакция перевода
В. И. Ровинского

Комментарии
А. С. Ромм
и Э. И. Великановой

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА

ВВЕДЕНИЕ К «ПРИКЛЮЧЕНИЯМ НАЙДЖЕЛА»

Зачем слагать о лордах столько од?
Воспой, о муза, северный народ!

Поп¹

После того как в романе «Эдинбургская темница» мне в какой-то мере удалось пробудить интерес читателя к судьбе женщины, лишенной достоинств, на которые может претендовать едва ли не всякая героиня, я поддался искушению и избрал героем своего последующего романа лицо столь же малообещающее. И так как мне нужно было наделить честностью, сердечной добротой и высокой нравственностью того, кто не мог претендовать на знатность рода, романтическую чувствительность или на какое-либо другое достоинство, присущее тем, кто гордо шагает по страницам подобных сочинений, я позволил себе воспользоваться именем лица, оставившего в столице Шотландии столь красноречивые памятники своей щедрой благотворительности.

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены И. Комаровой.

Шотландскому читателю достаточно сказать, что вышеупомянутое лицо не кто иной, как Джордж Герриот. Но для живущих к югу от Твида нелишним, пожалуй, будет добавить, что человек, носивший это имя, был богатым эдинбургским горожанином, золотых дел мастером при дворе короля, последовавшим за Иаковом в английскую столицу, где он столь преуспел в своем ремесле, что после его смерти в 1624 году осталось весьма изрядное по тем временам состояние. У него не было детей, и, полностью удовлетворив всех своих родственников, которые могли бы претендовать на его наследство, всю остальную сумму он завещал на учреждение приюта, в котором сыновья эдинбургских горожан теперь безвозмездно воспитываются и получают образование, позволяющее им вступить на самостоятельный жизненный путь и занять приличное положение, соответствующее их талантам. Приют сей расположен в четырехугольном здании благородного готического стиля и служит украшением города, а забота, которой окружены питомцы этого учреждения, и образование, которое они там получают, делают его столь же полезным для горожан. К чести тех, кто ведает этим заведением (членов магистрата и духовенства Эдинбурга), следует заметить, что благодаря их попечению средства приюта настолько возросли, что теперь в нем находят кров и пропитание и воспитываются сто тридцать юношей ежегодно, многие из которых впоследствии честно служат своей родине на самых различных постах.

Можно с уверенностью предположить, что основатель такого благотворительного заведения прошел свой жизненный путь твердой поступью, внимательно ко всему приглядываясь, и не упускал случая помочь тем, кто, не обладая достаточным опытом, мог сбиться с дороги. Я полагал, что если вымыслом своим направлю его усилия на пользу некоего молодого дворянина, совращенного с пути истины аристократическим высокомерием того времени и эгоистической роскошью, более свойственными нашим дням, а также соблазнами наслаждений, до которых падки люди во

все времена, то можно будет извлечь удовольствие и даже некую пользу, если я расскажу о помощи, оказанной этим горожанином-наставником своему питомцу. Признаться, я не очень-то верю в нравственное воздействие романов. Однако если вообще во время сказанное слово может принести пользу юноше, то слово это должно призывать его скорее внять голосу рассудка и самоотречения, нежели голосу безудержной страсти. В самом деле, я не мог бы надеяться представить моего благоразумного и благожелательного друга в таком выгодном свете, как крестьянскую девушку, которая благородно пожертвовала семейными привязанностями ради сохранения своей нравственной чистоты. Тем не менее я все же надеялся сделать хоть что-нибудь достойное славной памяти, которую оставил по себе Джордж Гериот, оказав своей родине незабываемые благодеяния.

Мне казалось, что из этого нехитрого сюжета можно сплести весьма занимательную повесть, ибо царствование Иакова I, когда преуспевал Джордж Гериот, открывало неограниченный простор фантазии романиста и в то же время давало возможность ввести в роман гораздо больше самых разнообразных характеров, что было бы затруднительно при соблюдении исторической правды, если бы описываемые нами события были перенесены на сто лет назад. Леди Мэри Уортли Монтэгю столь же справедливо, сколь тонко заметила, что наиболее романтическая часть страны — это та, где горы сочетаются с долинами и равнинами. Точно так же можно было бы сказать, что наиболее ярким периодом в истории является тот, когда древние грубые и дикие нравы варварской эпохи озаряются первыми лучами просвещения и вновь возрождающихся наук, а также учением обновленной реформацией религии. Резкий контраст, вызванный сопротивлением старых нравов новым, постепенно подчиняющим их себе, порождает свет и тени, столь необходимые для создания яркого романа. И в то время как такой период дает автору право вводить в свое сочинение удивительные и неправдоподобные эпизоды, происходящие от необузданности и жестокости,

свойственной старым привычкам к насилию, все еще оказывающим влияние на нравы людей, столь недавно вышедших из состояния варварства, с другой стороны, характер и чувства многих героев можно обрисовать с величайшим правдоподобием, с самыми разнообразными оттенками, самыми тонкими штрихами, что свойственно новой, более утонченной эпохе, лишь недавно озарившей мир.

Для царствования английского короля Иакова I эти преимущества были особенно характерны. Последние лучи рыцарства, хотя светило это давно уже закатилось, все еще озаряли и золотили горизонт, и хотя едва ли кто-нибудь действовал строго в соответствии с донкихотскими заветами, мужчины и женщины все еще говорили рыцарским языком «Аркадии» сэра Филиппа Сиднея и все еще на аренах происходили турниры, хотя теперь они процветают только на площади Карусели.

То тут, то там какой-нибудь пылкий кавалер ордена Бани (о чем свидетельствует чересчур добросовестный лорд Херберт Чербери), верный данному им обету, считал своим долгом острием шпаги заставить другого кавалера того же ордена или сквайра вернуть бант, украденный им у прекрасной дамы;¹ но все же, в то время как мужчины лишали друг друга жизни из-за таких щепетильных вопросов чести, уже пробил тот час, когда Бэкон стал учить человечество, что оно не должно больше делать заключения, идя от авторитета к факту, а должно устанавливать истину, продвигаясь от факта к факту, до тех пор пока оно не создаст неоспоримый авторитет — не на основании гипотезы, а на основании опыта.

В царствование Иакова I жизнь была весьма неспокойной и распушенность некоторой части общества вызывала постоянные кровопролития и насилия. Наемный убийца елизаветинской эпохи, так много разновидностей которого дал нам Шекспир, как, например, Бардольф, Ним, Пистоль, Пето и другие собутыльники Фальстафа, люди, отличающиеся свои-

¹ См. мемуары лорда Херберта Чербери. (*Прим. автора.*)

ми причудами и особым видом сумасбродства, после начала войны с Нидерландами уступил место рубкам, пользующимся рапирой и кинжалом вместо далеко не столь опасного меча и щита, и, как сообщает один из историков, «часто возникали ссоры, в особенности между шотландцами и англичанами, и на каждой улице происходили дуэли; различные корпорации со странными названиями не привлекали к себе внимания и оставались безнаказанными, как, например, корпорации «буянов», «бонавенторов», «бравадоров», «куартероров» и тому подобных. Будучи людьми расточительными, они влезали в долги и вынуждены были объединяться в шайки, чтобы защищаться от карающей длани правосудия. Они получали поддержку от некоторых аристократов и от горожан, похотливость которых съедала все их состояние, и неудивительно, что число этих головорезов скорее увеличивалось, нежели уменьшалось, и они пускались на самые отчаянные предприятия, так что после девяти часов вечера редко кто отваживался показываться на улице».¹

Тот же авторитетный источник уверяет нас далее, что «престарелые джентльмены, оставившие своим сыновьям в наследство все имущество, как движимое, так и недвижимое, в хорошем состоянии (что позволяло им жить на широкую ногу), еще при жизни были свидетелями того, как наследники их проматывали большую часть состояния в кутежах, что давало мало надежды на сохранение остальной его части. Священные узы брака превратились во всеобщее посмешище, что вызвало распад многих семейств; публичные дома усердно посещались, и даже высокопоставленные лица впадали в разврат и расточали свое состояние, предаваясь сладострастным утехам. Кавалеры и джентльмены разного рода, промотавшие свое состояние то ли из-за гордости, то ли из-за расточительности, переезжали в города и, ведя там распущенную жизнь, губили также свою добродетель. Нередко их

¹ «История первых четырнадцати лет царствования короля Иакова». См. «Трактаты» Соумера, изданные Скоттом, т. II, стр. 266. (Прим. автора.)

супруги и дочери, чтобы сохранить образ жизни, достойный их высокого положения, отдавали свое тело на поругание самым бесстыдным образом. По всей стране в изобилии появились пивные, притоны для игры в кости и другие непотребные заведения».

Не только на страницах пуританского, да притом еще, быть может, сатирического, писателя находим мы такую потрясающую, отвратительную картину грубых нравов в начале семнадцатого столетия. Также и во всех комедиях того времени главным героем был весельчак и остряк, молодой наследник, совершенно изменивший порядки в унаследованном от отца имении и, говоря словами старой поговорки, подобный фонтану, который в праздной расточительности расплескивает богатство, заботливо собранное его родителями в скрытых от глаз хранилищах.

И все же, в то время как этот дух всеобщей расточительности, казалось, царил во всем королевстве, постепенно нарождалась совсем другая порода людей, степенных, с решительным характером, которые впоследствии проявили себя во время гражданских войн и оказывали столь мощное влияние на характер всей английской нации, пока, кидаясь из одной крайности в другую, они не утопили в мрачном фанатизме блистательные ростки возрождающихся изящных искусств.

После приведенных мной цитат эгоистическое и отталкивающее поведение лорда Дэлгарно, пожалуй, не покажется преувеличением и едва ли кто-нибудь может обвинить нас в сгущении красок при описании сцен в Уайтфрайерсе и тому подобных злочных местах. Действительно, такие предположения весьма далеки от истины. Именно в царствование Иакова I порок, казалось, впервые коснулся высших классов во всей его неприкрытой грязной развращенности. Увеселениям и забавам елизаветинской эпохи свойственна была благопристойная сдержанность, как это подобало двору королевы-девственницы, и в этот, более ранний период, говоря словами Бёрка, порок утратил половину своего зла, будучи лишен всякой вульгарности. Напротив, в царствование Иакова все открыто предавались самым необузданным и непристойным

утехам, ибо, как говорит сэр Джон Хэррингтон, люди погрязли в скотских наслаждениях. И даже знатные дамы забывали о своих изысканных манерах, охваченные всеобщим опьянением. После забавного описания маскарада, на котором все актеры напились и вели себя соответствующим образом, он прибавляет: «Меня очень удивляют эти странные пышные зрелища, они приводят мне на память подобные же увеселения в дни нашей королевы, в которых я сам иной раз участвовал и играл роль помощника; но никогда я не видел такого бесчинства и пьянства, как теперь. Страх перед пороховыми бочками покинул наши души, и мы ведем себя так, как будто каждый человек по наущению дьявола задумал взорвать себя, предаваясь дикому разгулу, излишества, праздности и неумеренным возлияниям. Знатные дамы искусно маскируются, и поистине единственное проявление их скромности заключается в сокрытии их лица. Но, увы, их странное поведение встречает такую поддержку, что я уже ничему на свете не удивляюсь».¹

Таковы были нравы, царившие при дворе, и грубая чувственность вместе со своим неизменным спутником — неприкрытым жестоким эгоизмом — оказывала пагубное влияние как на человеколюбие, так и на хорошие манеры, каковые, каждая в своей сфере, зависят от уважения, с которым любой человек относится к интересам и чувствам других. Именно в такие времена бессердечные и бесстыдные люди, обладающие богатством и властью, подобно вымышленному лорду Дэлгарно, могут нагло выставлять напоказ

¹ «Nugæ Antiquae» Хэррингтона, т. II, стр. 352.

Описание грубого разврата, царившего в ту эпоху и находившего поощрение в примере монарха, не лишено, впрочем, ни таланта, ни добродушия, можно найти в «Хронике» Уинвуда, в «Письмах» Хауэла и в других мемуарах того времени; но мы особенно рекомендуем обратиться к «Переписке Стини, он же Бакин-гем, с его почтенным папашей и куманьком, королем Иаковом», изобилующей как самыми непристойными, так и самыми ребяческими выражениями. Весьма ученый мистер Дизраэли, пытаясь реабилитировать репутацию Иакова, лишь сам создал себе репутацию искусного и изобретательного адвоката, не принеся, впрочем, пользы своему коронованному клиенту. (*Прим. автора.*)

свои подлости, доставляющие им наслаждения и выгоду, и торжествовать победу.

В другом месте я даю объяснение слову «Эльзас». Так назывался на воровском жаргоне Уайтфрайерс, обладавший определенными привилегиями убежища и ставший благодаря этому приютом для лихих людей, не ладивших с законом.

Привилегии эти обязаны были своим происхождением монастырю монахов Кармелитского ордена, или «белых братьев» («уайтфрайерс»), основанному, как свидетельствует Стоу в своем описании Лондона, сэром Ричардом Греем в 1241 году. Эдуард I дал им участок земли на Флит-стрит для постройки церкви. Воздвигнутое в то время здание было перестроено Кортни, графом девонширским, в царствование Эдуарда. В эпоху Реформации это место сохранило свои привилегии убежища, и Иаков I закрепил и расширил их в особой хартии в 1608 году. Шедуэл был первым автором, использовавшим в литературе Уайтфрайерс в своей пьесе «Эльзасский сквайр», опирающейся на сюжет «Братьев» Теренция.

В этой старой пьесе два богатых человека, братья, воспитывают двух юношей (сыновей одного и племянников другого), каждый по своей собственной системе, основанной одна — на строгости, другая — на снисходительности. Старший из подвергнутых этому эксперименту, воспитанный в очень суровых условиях, немедленно предается всем порокам большого города, и его совращают мошенники и буяны Уайтфрайерса, — словом, он становится эльзасским сквайром. В примечании читатель найдет описание действующих лиц пьесы, с которыми поэт знакомит нас как с исконными обитателями этого места.¹

¹ «Читли, мошенник, который из-за долгов не решается покинуть пределы Уайтфрайерса, но заманивает туда юных наследников родовых поместий, снабжает их вещами и деньгами на очень невыгодных условиях, заводит с ними дружбу, входит с ними в долю и в конце концов губит их. Похотливый, бесстыдный развратник, знаток местного жаргона.

Шемуэл, кузен Белфорда, разоренный Читли, становится приманкой для других, так как не осмеливается покинуть пре-

Успех этой пьесы, как мы узнали из посвящения графу дорсетскому и мидлсекскому, превзошел все ожидания автора. «Уже в течение многих лет ни одна комедия не делала таких полных сборов. И я был весьма польщен, — продолжает Шедуэл, — что у меня оказалось так много друзей, ибо театр со дня его основания никогда еще не был так полон, как на третий день после премьеры, и множество людей ушли домой ни с чем, так как не могли получить билетов». ¹ Из «Эльзасского сквайра» автор извлек кое-какие полезные сведения об отношениях между головорезами и ворами из Уайтфрайерса и их соседями, пылками юными студентами из Темпла, о которых вскользь упоминается в этой комедии.

Таковы источники, которым автор обязан сочинением «Приключений Найджела», произведения, быть может принадлежащего к числу тех романов, которые кажутся более интересными, когда их перечитываешь во второй раз, нежели когда их читаешь впервые ради самой фабулы, не богатой увлекательными происшествиями.

Вступительное послание написано, говоря словами Луцио, «с целью мистификации» и никогда не увидело бы света, если бы автор собирался открыть свое имя. Так как маска, или инкогнито, пользуется привилегией говорить не своим голосом под вымышленным

дела Эльзаса, где он живет. Вместе с Читли он охотится на наследников и ведет за их счет разгульную, развратную жизнь.

Капитан Хэкам, тупоголовый эльзасский забияка, трусливый, бесстыдный хвастун, некогда служил сержантом во Фландрии, дезертировал из-за пустячного долга и нашел убежище в Уайтфрайерсе, где эльзасцы произвели его в чин капитана. Он женится на содержательнице меблированных комнат, торгует вишневой наливкой и занимается сводничеством.

Скрейпол, лицемерный ханжа, вечно бормочущий молитвы и поющий псалмы, педант, разыгрывающий из себя святошу, набожный плут, вместе с Читли снабжает юных наследников вещами и деньгами». Действующие лица из пьесы «Эльзасский сквайр», собрание сочинений Шедуэла, т. IV. (*Прим автора*)

¹ Посвящение к «Эльзасскому сквайру», собрание сочинений Шедуэла, т. IV. (*Прим. автора.*)

именем, автор, скрывшись под псевдонимом, позволил себе подобные вольности; и хотя он продолжает оправдываться различными обстоятельствами, изложенными в предисловии, настоящее признание должно служить извинением высокомерной игриво-развязной манеры, которую, открыв свое настоящее имя, автор счел бы несовместимой с правилами вежливости и хорошим вкусом.

Эбботсфорд, 1 июля 1831 года.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

КАПИТАН КЛАТТЕРВАК — ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДОКТОРУ ДРАЙЕЗДАСТУ

Дорогой сэръ!

Я с радостью отвечаю на ваше любезное послание, которым вам угодно было почтить меня, и я полностью согласен с вашей цитатой «*Quam bonum et quam iucundum!*»¹ Поистине мы можем считать себя потомками одной и той же семьи, или, как говорится в нашей шотландской пословице: «все мы чада одного родителя»; и вам, почтенный, дорогой сэръ, незачем было приносить извинения за то, что вы просите у меня сообщить вам сведения, которыми я мог бы поделиться с вами относительно предмета вашей любознательности. Беседа, на которую вы ссылаетесь, имела место в прошлую зиму, и она произвела на меня такое неизгладимое впечатление, что мне не представляет никакого труда воскресить в памяти ее мельчайшие подробности.

Вы знаете, что мое участие в опубликовании романа под названием «Монастырь» создало мне некоторую известность в литературных кругах нашей шотландской столицы.

¹ Сколько хорошо и сколь приятно! (лат.).

Мне уже не приходится торговаться с непочтительным приказчиком из-за предмета моей любознательности, толкаясь перед прилавками наших книгопродавцев, среди мальчишек, покупающих азбуку Кордериуса и школьные тетради, и служанок, торгующихся из-за каждого пенни при покупке бумаги, — теперь сам книгопродавец радушно приветствует меня: «Прошу вас, пройдите ко мне за прилавок, капитан. Мальчик, подай стул капитану Клаттербаку. Не угодно ли газету, капитан, — сегодняшняя»; или: «Вот последняя новинка — не стесняйтесь, вот вам нож, можете разрезать»; или: «Положите ее в карман и возьмите с собой»; или: «Мы сделаем из вас книготорговца, сэр, мы продадим вам ее по оптовой цене». Или, быть может, если это собственное издание достопочтенного книгопродавца, его щедрость дойдет до того, что он скажет: «Не стоит беспокоиться из-за такого пустяка, сэр, — это лишний экземпляр. Прошу вас, упомяните это произведение в разговоре с вашими друзьями — читателями». Я уже ничего не говорю об уютном литературном вечере с избранной публикой, собравшейся вокруг палтуса, ноги пятилетнего барана или тому подобных яств, или о бутылке самого изысканного темного или, нет, может быть, самого лучшего красного вина Роберта Кокбёрна, спокойно совершающей круг, чтобы оживить нашу беседу о старых книгах или наши планы об издании новых. Все это утехи, выпадающие на долю свободных членов цеха пера, и я пользуюсь преимуществом неограниченно наслаждаться ими.

Но ничто не вечно под луной; и во время моих ежегодных поездок в столицу я испытываю чувство необычайной тоски, ибо мне так недостает сердечной приветливости моего общительного, остроумного и доброго друга, впервые представившего меня публике, у которого было больше оригинальности ума, нежели у дюжины признанных краснобаев, а его природного юмора хватило бы, чтобы составить счастье еще одной дюжины. К этой тяжелой утрате прибавилась потеря, надеюсь лишь временная, еще одного друга — библиофила, чей проницательный ум и сво-

бодолубивые взгляды не только превратили его родную страну в рынок для ее собственной литературы, но и создали в ней Литературный Суд, который должен внушать уважение даже тем, кто не склонен соглашаться со многими из его установлений. Результат этих перемен, в значительной степени вызванных к жизни умом и проницательностью человека, обладавшего необыкновенной способностью находить применение самым разнообразным талантам, произрастающим на его родине, вероятно покажется более ясным поколению, которое придет на смену нынешнему.

Я вошел в лавку у Кросса, чтобы осведомиться о здоровье моего достойного друга, и с удовлетворением узнал, что пребывание на юге смягчило симптомы его недуга. Затем, воспользовавшись привилегией, о которой я упомянул выше, я углубился в лабиринт тесных, темных комнат, или, говоря нашим собственным языком антиквариев, в «склеп», расположенный в обширной задней пристройке этого прославленного издательства. И все же, по мере того как я переходил из одного мрачного тайника в другой, одни из которых были заполнены старыми томами, другие же такими, о которых, судя по тому, как они стояли ровными рядами на полках, я подумал, что это самые неходкие новые книги в лавке, я невольно содрогнулся от священного ужаса, когда представил себе грозящую мне опасность, если я вторгнусь во владения какого-нибудь иступленного барда, изливающего свою поэтическую ярость, или, быть может, натолкнусь на еще более грозную стаю критиков, уединившихся, чтобы растерзать загнанную ими дичь. При мысли о возможности такой встречи я уже заранее ощутил ужас, испытываемый провидцами горной Шотландии, которые наделены даром ясновидения, вынуждающим их быть свидетелями событий, недоступных взору смертных, и которые, как говорит Коллинз,

...в безумии своем к земному глухи,
Но им дано узреть, что замышляют духи.

Тем не менее непреодолимый порыв необъяснимого любопытства увлекал меня все дальше через анфиладу мрачных комнат, пока наконец, подобно делийскому ювелиру, очутившемуся в доме чародея Беннаскара, я не вошел под молчаливые своды тайного хранилища и увидел самого автора «Уэверли», или, вернее, его фантом, или призрак, сидящий в кресле и читающий при свете лампы испещренную пометками сверку.¹ Вас не удивит мой сыновний инстинкт, позволивший мне сразу же узнать черты лица этого почтенного видения, и то, что я сразу же преклонил колена, произнеся при этом классическое приветствие: «Salve, magne patens!»² Однако видение прервало меня, указав мне на стул, давая в то же время понять, что мое появление не было неожиданным и что оно должно что-то сказать мне.

Я сел со смиренным послушанием, стараясь разглядеть черты того, в чьем обществе я столь неожиданно очутился. Но в этом отношении я не смог удовлетворить вашу честь — не только из-за царившего в комнате мрака и из-за расстроенных нервов, — мне казалось, я был охвачен чувством сыновнего благоговения, которое мешало мне разглядеть и запомнить то, что сидящий передо мной призрак, вероятно, больше всего хотел скрыть. В самом деле, его тело было так плотно закутано в плащ, халат или какую-то другую свободную одежду, что к нему можно было бы применить стихи Спенсера:

Таинственны лицо его и стать;
Мужчина или женщина пред ними —
Никто не мог бы сразу распознать.

Тем не менее мне придется и впредь применять мужской род, ибо, несмотря на то, что приводились весьма остроумные доводы и даже были представлены едва ли не бесспорные доказательства того, что автором «Уэверли» были две одаренные талантом

¹ Да будет известно непосвященным, что так называется вторая корректура. (*Прим. автора.*)

² «Здравствуй, великий родитель!» (лат.).

дамы, я все же продолжаю придерживаться общераспространенного мнения, согласно которому он принадлежит к не столь нежному полу. В его произведениях слишком много вещей, quae maribus sola tribuuntur,¹ чтобы я мог испытывать хоть какое-либо сомнение на этот счет. Я буду продолжать свое повествование в виде диалога, чтобы воспроизвести как можно более верно то, что было сказано между нами, заметив только, что во время нашей беседы моя робость незаметно исчезла под влиянием дружественного тона и что в заключительной части нашего диалога я вел спор с уверенностью, вполне приличествующей в подобных обстоятельствах.

Автор «Уэверли». Мне хотелось встретиться с вами, капитан Клаттербак, так как вы один из членов моей семьи, к которому я питаю глубочайшее уважение после смерти Джедедии Клейшботэма; и мне кажется, я был несколько несправедлив к вам, передав вам право на «Монастырь», являющийся частью моего состояния. Я собираюсь заглазить перед вами свою вину, назначив вас крестным отцом этого еще не родившегося младенца. *(Он указал пальцем на корректурный оттиск.)* Но прежде всего относительно «Монастыря» — что говорят на белом свете? Ведь вы везде бываете и могли что-нибудь слышать.

Капитан Клаттербак. Хм! Хм! Щекотливый вопрос. Я не слышал никаких жалоб от издателей.

Автор. Это самое главное, но все же иной раз посредственное произведение берут на буксир те, что вышли из гавани перед ним, подгоняемые попутным ветром. Что говорят критики?

Капитан. Существует общее... мнение... что Белая Дама не пользуется особой любовью читателей.

Автор. Мне самому кажется, что это неудачный образ, но скорее по выполнению, нежели по замыслу. Мог ли я вызвать к жизни esprit follet,² в одно и то же время фантастического и занимательного, капризного и доброго — нечто вроде блуждающего огонька,

¹ Которые только мужчинам присущи (лат.).

² Блуждающего духа (франц.).

не связанного никакими установленными законами или мотивами действий, — преданного и любящего и в то же время дразнящего и ненадежного...

Капитан. Простите, что я перебиваю вас, сэр; мне кажется, вы говорите о красивой женщине.

Автор. Поистине это так. Я должен облечь своих стихийных духов в человеческую плоть и кровь — они слишком изысканны для вкуса современной публики.

Капитан. Они протестуют также против того, что цели, которые преследует ваша русалка, не всегда благородны. Не очень-то подходящее для наяды развлечение — выкупать в реке священника.

Автор. Ах! Им следовало бы проявить снисходительность к капризам существа, которое, в конце концов, что-то вроде домового, но рангом повыше. Купанье, на которое Ариель, самое нежное создание шекспировской фантазии, соблазняет нашего веселого друга Тринкуло, было не из амбры или розовой воды. Но никто не сможет сказать, что я плыву против течения. Мне безразлично, если кто-нибудь утверждает это, — я пишу для всеобщего увеселения; и хотя я никогда не буду добиваться популярности недостойными средствами, с другой стороны — я не буду упрямо защищать свои собственные заблуждения вопреки общественному мнению.

Капитан. Значит, в настоящем произведении (*бросив, в свою очередь, взгляд на корректурный оттиск*) вы отказываетесь от мистики, волшебства и всей этой комбинации из символов, чудес и примет? В нем нет ни сновидений, ни предсказаний, ни туманных намеков на грядущие события?

Автор. Нет ничего, сын мой, ни тени, в нем нет даже еле слышного тиканья одинокого жучка-точильщика в стенной панели. Все ясно, все как на ладони — даже шотландский метафизик мог бы поверить каждому слову.

Капитан. И я надеюсь, что роман этот отличается естественностью и правдоподобием; начинается бурно, развивается естественно и имеет счастливый конец — подобно течению прославленной реки, которая с шумом низвергается из мрачного романти-

ческого грота, затем плавно несет свои воды, нигде не останавливаясь, не ускоряя своего течения, проходит, как бы влекомая врожденным инстинктом, все интересные места, которые встречаются на ее пути, становясь все шире и глубже по мере продвижения вперед, и наконец подходит к окончательной развязке, как к огромной гавани, где все корабли убирают паруса.

Автор. Эй! Эй! Какого черта вы там наговорили? Да ведь это «в духе Геркулеса», и потребовался бы человек, гораздо больше похожий на Геркулеса, чем я, чтобы написать роман, который низвергался бы водопадом, плавно нес свои воды, и никогда бы не останавливался, и разливался бы, и становился бы глубже и тому подобное. Я стоял бы уже одной ногой в могиле, сударь, прежде чем справился бы со своей задачей, а тем временем все каламбуры и софизмы, которые я мог бы сочинить для увеселения своих читателей, так и остались бы у меня в глотке, подобно застрявшим на языке островам Санчо, когда ему случалось навлекать на себя гнев своего господина. С тех пор как стоит мир, не было еще написано подобного романа.

Капитан. Прошу прощения, а «Том Джонс»?

Автор. Совершенно верно, и, может быть, также «Амелия». Филдинг был весьма высокого мнения об этом искусстве, основателем которого его можно считать. Он полагает, что нельзя сравнивать роман и эпопею. Смоллет, Лесаж и другие, освобождаясь от установленных им строгих правил, писали скорее истории разнообразных приключений, выпадающих на долю человека в течение его жизни, нежели связанную единой фабулой эпопею, у которой каждый шаг постепенно приближает нас к окончательной развязке. Эти великие мастера были довольны, если им удавалось позабавить читателя в пути; хотя заключение наступало только потому, что всякий рассказ должен иметь конец, — точно так же, как путник останавливается в гостинице с наступлением вечера.

Капитан. Весьма удобный способ путешествовать, по крайней мере для автора. Словом, сэр, вы

одного мнения с Бэйсом: «На кой черт существует сюжет, как не для того, чтобы рассказывать занимательные вещи?»

Автор. Предположим, что я таков и что я написал бы несколько живых, остроумных сцен, легких, кое-как связанных вместе, но достаточно занимательных, чтобы, с одной стороны, отвлечь от физической боли, с другой — облегчить тревогу души, в-третьих, чтобы разгладить нахмуренный лоб, изборожденный морщинами от ежедневных трудов, в-четвертых, чтобы вытеснить неприятные мысли и внушить более веселые, в-пятых, чтобы побудить лентяя изучить историю своей страны, — словом, за исключением тех случаев, когда чтение этого произведения прервало бы исполнение серьезных обязанностей, доставить безобидное развлечение; разве не мог бы автор такого произведения, как бы безыскусственно оно ни было выполнено, привести в свое оправдание извинение раба, который, будучи приговорен к наказанию за распространение ложного слуха о победе, спас свою жизнь, воскликнув: «Неужели я достоин порицания, о афиняне, я, подаривший вам один счастливый день?»

Капитан. Ваша милость разрешит мне рассказать один анекдот о моей незабвенной бабушке?

Автор. Я не могу себе представить, капитан Клаттербак, какое это имеет отношение к предмету нашего разговора.

Капитан. Это может быть уместно в нашем диалоге о взглядах Бэйса. Прозорливая старая леди — мир праху ее! — была верным другом церкви, и стоило ей услышать, как злые языки клеветают на какого-нибудь священника, как она сразу с жаром начала его защищать. Но в одном случае она всегда отступалась от своего преподобного *protégé*¹ — а именно, как только она узнавала, что он произнес проповедь против клеветников и сплетников.

Автор. Но какое это имеет отношение к нашему разговору?

¹ Подопечного (франц.).

Капитан. Я слышал от саперов, что можно выдать слабое место врагу, слишком старательно укрепляя его на виду у неприятеля.

Автор. Еще раз, прошу вас, какое это имеет отношение к нашему делу?

Капитан. Ну что ж, отбросим в сторону метафоры. Я боюсь, что это новое произведение, в котором ваше великодушие, по-видимому, собирается предложить мне участвовать, будет весьма нуждаться в оправдании, так как вы считаете уместным начать защиту вашего дела, прежде чем суд приступил к его разбирательству. Готов прозакладывать пинту бордо, что вы кое-как, наспех состряпали ваш роман.

Автор. Вы, наверно, хотите сказать — пинту портвейна?

Капитан. Я говорю о бордо, о славном бордо из «Монастыря». Ах, сэр, если бы вы только послушались совета ваших друзей и постарались заслужить хотя бы половину той благосклонности читателей, которую вы уже завоевали, все мы могли бы пить токий!

Автор. Мне все равно, что пить, лишь бы напиток был полезен для здоровья.

Капитан. Но тогда подумайте о вашей репутации, о вашей славе.

Автор. О моей славе? Я отвечу вам, как один из моих друзей, весьма остроумный, искусный и опытный адвокат, защищавший пресловутого Джема МакКоула, ответил представителям обвинения, ссылавшимся на то, что его клиент отказался отвечать на вопросы, на которые, по их утверждению, всякий человек, дорожающий своей репутацией, ответил бы без всяких колебаний.

«Мой клиент, — сказал он (между прочим, Джем в это время стоял позади него; ну и интересное же это было зрелище!), — так несчастен, что совершенно не дорожит своей репутацией. И я проявил бы величайшую неискренность по отношению к суду, если бы вздумал утверждать, что она заслуживает хоть какого-нибудь внимания с его стороны». И я, хотя по совсем другим причинам, пребываю в таком же бла-

женном состоянии безразличия, как Джем. Пусть слава следует за теми, кто обладает вещественным обликом. Призрак — а безличный автор нисколько не лучше призрака — не может отбрасывать тень.

Капитан. Быть может, сейчас вы не так уж безличны, как были до сих пор. Эти письма к ученому мужу из Оксфордского университета...

Автор. Покажите остроумие, гений и утонченность автора, которые я от всей души желал бы применить к предмету более важному, и покажите, кроме того, что сохранение моего *incognito* вовлекло молодой талант в споры по поводу любопытного вопроса о доказательстве. Но какой бы искусной ни была защита дела в суде, это еще не значит, что оно будет выиграно. Быть может, вы помните, что тщательно сплетенная цепь косвенных улик, так искусно поданных с целью доказать, что сэр Филипп Фрэнсис был автором «Писем Юниуса», сначала казалась неопровержимой, но влияние этих рассуждений на умы постепенно ослабело, и Юниус по-прежнему неизвестен широкой публике. Но на этот счет я не скажу больше ни слова, как бы меня ни просили и ни уговаривали. Установить, кем я не являюсь, было бы первым шагом к выяснению того, кто я такой на самом деле; и так как я, точно так же, как некий мировой судья, упомянутый Шенстоном, не имею ни малейшего желания вызывать всякие толки и пересуды, которые обычно сопутствуют таким открытиям, я и впредь буду хранить молчание по поводу предмета, на мой взгляд, совершенно не заслуживающего шума, поднятого вокруг него, и еще более недостойного столь ревностно примененной изобретательности, проявленной юным автором писем.

Капитан. Но все же, дорогой сэр, даже если допустить, что вам нет никакого дела ни до вашей собственной репутации, ни до репутации какого-либо литератора, на плечи которого может лечь бремя ваших ошибок, разрешите мне заметить, что простое чувство благодарности к читателям, оказавшим вам столь радостный прием, и к критикам, судившим вас столь

снисходительно, должна была бы побудить вас положить больше старания при сочинении вашего романа.

Автор. Умоляю вас, сын мой, «освободите дух свой от лицемерия!», как сказал бы доктор Джонсон. Ибо у критиков свое дело, а у меня свое. Как поется в детской песенке:

Чем голландские дети прилежно играют,
То английские дети прилежно ломают.

Я их смиренный шакал, слишком занятый добы-
ванием пищи для них и не имеющий времени поду-
мать о том, проглотят ли они ее или извергнут. Для
читателей же я представляю собой нечто вроде поч-
тальона, оставляющего пакет у дверей адресата. Если
он содержит приятные вести — записку от возлюб-
ленной, письмо от сына, денежный перевод от долж-
ника, которого считали банкротом, — письмо прини-
мается с радостью, читается и перечитывается, скла-
дывается, подшивается и бережно хранится в конторке.
Если содержание его неприятно, если оно от на-
стойчивого кредитора или от скучного человека, от-
правителя письма проклинают, письмо бросают в
огонь, от всей души сожалея о почтовых расходах; но
всегда, в том и в другом случае, о том, кто принес
весть, думают не больше, чем о прошлогоднем снеге.
Наибольшая мера добрых отношений между автором
и читателями, которая может существовать в дейст-
вительности, заключается в том, что публика склонна
проявлять некоторую снисходительность к последую-
щим произведениям своего первоначального любим-
ца, хотя бы в силу привычки, приобретенной читате-
лями, тогда как автор, что вполне естественно, при-
держивается самого хорошего мнения о вкусе тех, кто
так щедро расточал аплодисменты по адресу его тво-
рений. Но я не вижу никакой причины для благодар-
ности, в общепринятом смысле этого слова, ни с той,
ни с другой стороны.

Капитан. Тогда уважение к самому себе долж-
но было бы внушить вам осторожность.

Автор. Ах, если бы осторожность могла увеличить мои шансы на успех! Но, сказать вам по правде, произведения и отдельные места, которые удались мне лучше других, как правило были написаны с величайшей быстротой. И когда я видел, как иной раз их сравнивали с другими и хвалили за более тонкую отделку, я мог бы призвать в свидетели свое перо и чернильницу, что наиболее слабые места стоили мне несравненно большего труда. К тому же я сомневаюсь в благотворном влиянии слишком большой медлительности как в отношении автора, так и читателя. Куй железо, пока горячо, и ставь паруса, пока дует попутный ветер. Если популярный автор долго не выступает с новыми пьесами, другой тотчас же занимает его место. Если писатель, прежде чем создать свое второе произведение, отдыхает в течение десяти лет, его вытеснят другие; или же, если его эпоха так бедна гениями, что этого не случается, его собственная репутация становится самым большим препятствием на его пути. Читатели вправе ожидать, что его новое произведение будет в десять раз лучше предшествующего, автор вправе ожидать, что оно будет пользоваться в десять раз большей популярностью, и сто против десяти, что обе стороны будут разочарованы.

Капитан. Это может оправдать некоторую поспешность при издании, но не ту поспешность, которой, как говорится в пословице, людей насмешишь. Во всяком случае, вы должны не торопясь привести в порядок ваш роман.

Автор. Это мое больное место, сын мой. Поверьте мне, я не был настолько глуп, чтобы пренебречь обычными предосторожностями. Я неоднократно взвешивал на весах свое будущее произведение, делил его на тома и главы и пытался создать роман, который, по моему замыслу, должен был развиваться постепенно, держать всех в напряженном ожидании и разжигать любопытство и наконец завершиться неожиданной развязкой. Но мне кажется, что сам демон садится на мое гусиное перо, как только я начну писать, и уводит его в сторону от моей цели. Под

моим пером возникает все больше действующих лиц, множатся эпизоды, роман все больше затягивается, в то время как материал растет; мой скромный сельский дом превращается в какую-то причудливую готическую постройку, и повесть заканчивается задолго до того, как я достиг поставленной перед собой цели.

Капитан. Решимость, настойчивость и терпение могли бы исправить это зло.

Автор. Увы, мой дорогой сэр! Вам неведома сила отцовской любви. Когда я встречаю такие персонажи, как бейли Джарви или Дальгети, мое воображение оживляется и замысел мой становится все яснее с каждым шагом, который я прохожу с ними, хотя это уводит меня в сторону от столбовой дороги на несколько миль и заставляет меня, усталого от долгих плутаний, прыгать через живые изгороди и канавы, чтобы снова вернуться на свой путь. Если я буду противиться этому искушению, как вы советуете мне, мысли мои станут прозаическими, плоскими и скучными. Я пишу с трудом, с сознанием того, что перо мое слабеет, и от этого я слабею еще больше; солнечный свет, которым моя фантазия озаряла события, исчезает, и все становится мрачным и скучным. Я так же непохож на того автора, каким я был, когда писал полный радостного настроения, как собака, запряженная в привод и вынужденная часами бегать по кругу, непохожа на ту же самую собаку, весело гонящуюся за собственным хвостом и прыгающую в безудержном ликовании неограниченной свободы. Одним словом, сэр, в такие минуты мне кажется, что я околдован.

Капитан. Ну уж нет, сэр, если вы ссылаетесь на колдовство, тут уж ничего больше не скажешь — кого гонит дьявол, тому не остановиться. И мне кажется, сэр, не это ли причина того, что вы не пытаетесь писать для сцены, на что вас так часто подстрекали?

Автор. Одной из важных причин того, что я не пишу пьес, можно считать мою неспособность создать сюжет. Но истина состоит в том, что некоторые слишком благосклонные судьи считают, что я обладаю кое-какими способностями в этой области поэзии, и осно-

вывают это мнение на обрывках старых пьес, которые были взяты из источника, недоступного для коллекционеров, и которые они поспешно объявили плодом моего остроумия. Но обстоятельства, при которых я стал обладателем этих фрагментов, так необычны, что я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать вам о них.

Да будет вам известно, что лет двадцать тому назад я посетил своего старого друга в Уорчерстершире, который некогда служил вместе со мной в драгунском полку.

Капитан. Так, значит, вы действительно служили, сэр?

Автор. Служил я или не служил, какая разница? Капитан — подходящее звание для путешественника. Против ожидания в доме моего друга оказалось множество гостей, и, как обычно, — дом был очень старый, — мне отвели «комнату с привидениями». Я, как сказал один из наших великих современников, видел слишком много призраков, чтобы верить в них, и спокойно лег спать, убаюкиваемый ветром, шелестящим в листве лип, ветви которых бросали причудливые тени на блики лунного света, падающего на пол через ромбовидное окно, как вдруг появилась еще более темная тень, и я увидел на полу комнаты...

Капитан. Белую Даму из Эвенела? Вы уже рассказывали эту историю.

Автор. Нет. Я увидел женскую фигуру в домашнем чепце, нагруднике, с засученными до локтя рукавами, с пудреницей для сахара в одной руке, с разливательной ложкой в другой. Разумеется, я решил, что это стряпуха моего друга, блуждающая во сне при свете луны, и так как я знал, что он очень дорожил Сэлли, которая могла бы заткнуть за пояс любую девушку в округе, я встал, чтобы осторожно довести ее до двери. Но когда я подошел к ней, она сказала: «Остановитесь, сэр! Я не та, за кого вы меня принимаете», — слова, которые показались мне столь подходящими к обстоятельствам, что я не обратил бы на них никакого внимания, если бы не странный, глухой голос, который произнес их. «Знайте же, —

продолжала она тем же загробным голосом, — что я дух Бетти Барнс». «Которая повесилась из-за любви к кучеру дилижанса, — подумал я. — Вот так штука!» «Той самой несчастной Элизабет, или Бетти Барнс, которая долгое время служила стряпухой у мистера Уорбертона, страстного коллекционера, но, увы, слишком беззаботного хранителя самой большой коллекции старинных пьес всех времен, от большинства которых остались лишь названия, способные оживить вступление к комментированному изданию Шекспира. Да, незнакомец, именно эти злополучные руки предали жиру и огню множество маленьких листов *in quarto*,¹ которые, сохранись они до настоящего времени, свели бы с ума весь Роксбургский клуб, — эти несчастные карманные воришки жарили жирных каплунов и вытирали деревянные тарелки пропавшими рукописями Бомонта и Флетчера, Мессинджера, Джонсона, Уэбстера и — подумать только! — даже самого Шекспира!»

Как у всякого коллекционера старинных пьес, мое жгучее любопытство по поводу какой-нибудь драмы, упомянутой в «Книге церемониймейстера придворных театральных празднеств», часто гасло, когда я слышал, как предмет моих тщательных поисков упоминался среди преданных огню рукописей, которые эта несчастная женщина принесла в жертву богу пиршества. Итак, нет ничего удивительного в том, что, подобно отшельнику Парнелла,

Я в ужасе вскричал, объятый гневом:

«Несчастливая!» — но, на мою беду,

Тут Бетти подняла сковороду...

«Берегись, — сказала она, — как бы твой неуместный гнев не лишил меня возможности возместить миру ущерб, который нанесло ему мое невежество. Вот в этой угольной яме, которой уже не пользуются много лет, покоится несколько засаленных и грязных отрывков старинной драмы, которая не была полностью уничтожена. Возьми же...» В чем дело, на что

¹ В четвертую долю листа (лат.).

вы так устались, капитан? Клянусь спасением своей души, все это правда; как говорит мой друг майор Лонгбоу, «какой мне смысл лгать вам?»

Капитан. Лгать, сэр? О нет, боже упаси, чтобы я сказал такое слово про человека столь правдивого. Вы только склонны сегодня утром немного погоняться за своим хвостом, вот и все. Не лучше ли вам сохранить эту легенду для предисловия к «Трем найденным драмам» или к чему-нибудь в этом роде?

Автор. Вы совершенно правы, привычка — странная вещь, мой сын. Я забыл, с кем говорю. Да, пьесы для чулана, а не для сцены...

Капитан. Правильно; итак, вы можете быть уверены, что вас будут играть, ибо антрепренеры, в то время как тысячи добровольцев жаждут служить им, проявляют удивительное пристрастие к завербованным силой.

Автор. Я живое свидетельство этого, ибо, подобно второму Лаберию, я стал драматургом против своей воли. Я уверен, что мою музу угрозами заставили бы выступать на подмостках, даже если бы я написал проповедь.

Капитан. Поистине, если бы вы написали проповедь, из нее сделали бы фарс; и поэтому, если бы вы вздумали изменить свой стиль, я все еще советовал бы вам написать сборник драм в духе лорда Байрона.

Автор. Нет, его светлость даст мне сто очков вперед; я не хочу, чтобы моя лошадь догоняла его лошадь, если я сам могу себе помочь. Но мой друг Аллен написал как раз такую пьесу, какую я сам мог бы написать в яркий солнечный день одним из патентованных перьев Брама. Я не могу создавать хорошие произведения без такого реквизита.

Капитан. Вы имеете в виду Аллена Рэмзи?

Автор. Нет, и не Барбару Аллен. Я имею в виду Аллена Каннингхэма, который только что опубликовал свою трагедию о сэре Мармадьоке Максвелле, полную веселья и убийств, поцелуев и резни, сцен, не ведущих к развязке, но тем не менее весьма забавных. В сюжете нет ни проблеска правдоподобия, но

в некоторых сценах так много живости и все произведение пронизано такой поэзией — я был бы счастлив, если бы мог пронизать такой поэзией мои «Кулинарные остатки», если когда-нибудь поддался бы искушению и опубликовал их. При общедоступном издании народ стал бы читать это произведение и восторгаться превосходными творениями Аллена. Но сейчас народ, быть может, заметит только его недостатки или, что было бы еще хуже, совсем не заметит его. Но не обращай на них внимания, мой честный Аллен; несмотря на все это, Каледония может гордиться тобой. Там есть также его лирические излияния, которые я советовал бы вам прочесть, капитан. «Это дом родной, это дом родной...» не уступает Бернсу.

Капитан. Я не премину воспользоваться вашим советом. Клуб в Кеннаквейре стал весьма изысканным с тех пор, как Каталани посетила аббатство. Моя «Хладная бедность» была принята до обидности холодно, а «Берега славного Дуна» попросту были освистаны. *Tempora mutantur.*¹

Автор. Они не могут остановиться, они будут меняться для всех нас. Ну что ж?

Пускай бедны мы с вами...

Но час разлуки приближается.

Капитан. Значит, вы твердо решили продолжать работать по вашей собственной системе? Подумали ли вы о том, что вам могут приписать недостойные побуждения, если вы будете быстро, одна за другой, издавать ваши книги? Все скажут, что вы пишете только ради наживы.

Автор. Предположим, что я позволяю выгоде, которую приносит успех в литературе, присоединиться к другим побуждениям, заставляющим меня чаще выступать перед публикой, — этот гонорар является добровольным налогом, который читатель платит за некоторую разновидность литературного развлечения;

¹ Времена меняются (лат.).

никто силой не заставляет платить его, и я полагаю, что платит его только тот, кто может позволить себе такой расход и кто получает удовольствие в соответствии с издержками. Если капитал, который эти тома пустили в обращение, очень велик, то разве он послужил только для удовлетворения моих прихотей? Неужели не могу я сказать сотням людей, начиная от честного Дункана, фабриканта бумаги, и кончая сопливым типографским мальчишкой: «Разве ты не получил свою долю? Разве ты не получил свои пятнадцать пенсов?» Признаться, мне кажется, что наши современные Афины должны быть благодарны мне за то, что я создал такую обширную промышленность; и когда всеобщее избирательное право войдет в моду, я собираюсь выставить свою кандидатуру в парламент от всех чумазных ремесленников, связанных с литературой.

Капитан. Таким языком мог бы говорить владелец ситценабивной фабрики.

Автор. Опять ханжество, мой дорогой сын; в этом мире нет спасения от софизмов! Я утверждаю, вопреки Адаму Смиту и его последователям, что популярный автор — это производящий труженик и что его произведения составляют такую же реальную долю общественного богатства, как и продукты, созданные любым другим фабрикантом. Если новый товар, имеющий действительную внутреннюю и коммерческую ценность, является результатом работы, почему же кипы книг автора должны считаться менее полезной частью общественного капитала, чем товары любого другого фабриканта? Я имею в виду проистекающее отсюда распространение богатства, служащего на благо общества, и то трудолюбие, которое поощряется и награждается даже таким пустячным производением, как это, прежде чем книги покинут пределы издательства. Без меня этого не было бы, и в этом смысле я благодетель своей страны. Что же касается моего собственного вознаграждения, то я заработал его своим трудом и несу ответ перед богом только за то, каким образом я израсходую его. Люди чистосердечные могут надеяться, что не все оно будет слу-

жить эгоистичным целям; и хотя тот, кто откроет свой кошелек, не может претендовать на особую заслугу, все же некоторая доля богатства, быть может, послужит богоугодному делу и облегчит нужду бедняков.

Капитан. Но обычно считается неблагородным писать лишь ради наживы.

Автор. Было бы неблагородно заниматься этим исключительно с такой целью или делать это главным мотивом литературного труда. Нет, я беру даже на себя смелость утверждать, что ни одно произведение фантазии, созданное лишь ради определенной суммы гонорара, никогда еще не имело и никогда не будет иметь успеха. Так адвокат, произносящий речь в суде, солдат, сражающийся на поле брани, врач, пользующий больного, священник — если только найдется такой, — читающий проповедь, без всякого рвения в своей профессии, без всякого сознания своего высокого призвания, лишь ради гонорара или жалованья, уподобляются жалкому ремесленнику. В соответствии с этим, во всяком случае по отношению к двум ученым профессиям, услуги не поддаются точной оценке, а получают признание не на основании точной оценки оказанных услуг, а посредством гонорара или добровольно выраженной благодарности. Но пусть клиент или пациент в виде эксперимента попробует пренебречь этой маленькой церемонией вручения гонорара, что *sensé*¹ совершенно немыслимым среди них, и посмотрим, как ученый джентльмен будет заниматься его делом. Не будем лицемерить, точно так же обстоит дело с литературным вознаграждением. Ни один здравомыслящий человек, к какому бы сословию он ни принадлежал, не считает или не должен был бы считать ниже своего достоинства принять справедливую компенсацию за потраченное им время и соответствующую долю капитала, обязанного своим существованием его труду. Когда царь Петр рыл рвы, он получал жалованье рядового солдата; и самые выдающиеся знатные люди своего времени, государ-

¹ Считается (франц.).

ственные деятели и священнослужители, не считали для себя зазорным получать деньги от своих книгопродавцев.

Капитан (поет):

Коль деньги — грязь в руках людских,
То лорд бы жил без денег;
А если б бог был против них —
Не брал бы их священник!

Автор. Вы очень хорошо сказали это. Но ни один честный человек, одаренный умом и талантом, не делает любовь к наживе главной или тем более единственной целью своего труда. Что до меня, я не нахожу ничего плохого в том, что выигрываю в этой игре; но в то время как я угождал публике, вероятно, мне следовало бы продолжать игру ради одного только удовольствия, ибо я, как и большинство людей, чувствовал ту глубокую любовь к творчеству, которая заставляет писателя взяться за перо, живописца — за палитру, зачастую без всякой перспективы славы или вознаграждения. Быть может, я слишком много говорю об этом. Может быть, я с таким же правдоподобием, как большинство людей, мог бы отвести от себя обвинение в алчности или продажности; но это не значит, что я окажусь настолько лицемерным, чтобы отрицать обычные побуждения, которые заставляют весь окружающий меня мир неустанно трудиться, жертвуя своим отдыхом, покоем, здоровьем и даже жизнью. Я не хочу прикидываться таким же бескорыстным, как изобретательные джентльмены из одной торговой компании, упоминаемой Голдсмитом, которые продавали свой журнал по шесть пенсов за экземпляр исключительно ради своего собственного удовольствия.

Капитан. Мне осталось только сказать еще одно — все говорят, что в конце концов вы испишетесь.

Автор. Все говорят правду; но что же из этого? Когда они перестанут танцевать, я перестану играть на дудке и у меня не будет недостатка в напоминаниях о грозящем апоплексическом ударе.

Капитан. А что же тогда станет с нами, вашими бедными чадами? Мы будем преданы презрению и забвению.

Автор. Как и многие горемыки, уже обремененные многочисленной семьей, я не могу удержаться от того, чтобы не увеличить ее еще больше, — «это мое призвание, Хел». Те из вас, кто заслуживает этого, — быть может, все вы — да будут преданы забвению. Во всяком случае, вас читали в ваши дни, чего нельзя сказать о некоторых из ваших современников, менее счастливых, но обладающих большими заслугами. Никто не может сказать, что вы не были увенчаны короной. Это что-нибудь да значит — в течение семи лет приковывать к себе внимание читателя. Если бы я написал только «Уэверли», я давно бы уже стал, как принято говорить, «талантливым автором романа, пользовавшегося в свое время большим успехом». Я готов поклясться, что репутация «Уэверли» в значительной мере поддерживается хвалой тех, кто предпочитает это повествование его преемникам.

Капитан. Неужели вы готовы променять свою будущую славу на популярность сегодняшнего дня?

Автор. *Meliora spero.*¹ Сам Гораций не надеялся на то, что он будет жить во всех своих творениях. Я могу надеяться, что буду жить в некоторых из своих — *pop omnis moriar.*² Есть некоторое утешение в мысли о том, что лучшие авторы во всех странах были также наиболее плодовитыми, и часто случалось так, что писатели, пользовавшиеся самой большой популярностью в свое время, находили также хороший прием у потомства. Я не такого плохого мнения о современном поколении, чтобы предполагать, что его благосклонность в настоящее время означает неизбежное осуждение в будущем.

Капитан. Если бы все действовали, руководствуясь такими принципами, читателей захлестнул бы потоп.

¹ Надеюсь на лучшее (лат.).

² Не весь умру (лат.).

А в т о р. Еще раз, мой дорогой сын, берегитесь лицемерия. Вы говорите так, как будто читатели обязаны читать книги только потому, что они напечатаны. Ваши друзья книгопродавцы были бы благодарны вам, если бы вы осуществили это предложение. Самое неприятное, что сопровождает наводнения, о которых вы говорили, это то, что тряпки становятся дороже. Множество изданий не причиняет нашей эпохе никакого вреда и может принести большую пользу поколению, идущему нам на смену.

Ка п и т а н. Я не вижу, как это может случиться.

А в т о р. Во времена Елизаветы и Иакова жалобы на вызывающую тревогу плодовитость писателя были не менее громкими, нежели в наш век; но посмотрите на берег, затопленный наводнением того времени, — теперь он напоминает Рич Стрэнд «Королевы фей»...

Весь путь ее усеян жемчугами;
Не гравий — самородки под ногами
Да россыпи невиданных камней.

Поверьте мне, даже в самых непопулярных произведениях нашей эпохи грядущий век может обнаружить сокровища.

Ка п и т а н. Некоторые книги не поддадутся никакой алхимии.

А в т о р. Их будет лишь очень немного, так как, что касается авторов, не представляющих ровно никакой ценности, если только они не публикуют свои книги за собственный счет, подобно сэру Ричарду Блэкмору, их способность досаждать читателям скоро будет ограничена трудностью найти предприимчивых книгопродавцев.

Ка п и т а н. Вы неисправимы. Неужели нет границ вашей смелости?

А в т о р. Существуют священные и вечные границы чести и добродетели. Мой путь подобен заколдованному покоям Бритомарты —

Она вокруг взглянула: перед нею —
Глухая дверь, надежная как щит,
И надпись: «Будь смелее». «Будь смелее» —

Какой секрет в призыве том сокрыт?
Но вот в углу ее очам предстала
Другая дверь — и надпись там гласит:
«Не будь излишне смел»...

Капитан. Ну что же, вы подвергаетесь риску, продолжая поступать в соответствии со своими принципами.

Автор. Поступайте в соответствии с вашими и смотрите не болтайте здесь без дела до тех пор, пока не пройдет обеденный час. Я добавлю это произведение к вашему наследству, *valeat quantum*.¹

На этом наша беседа кончилась, так как явился маленький черномазый Аполлион из Кэнонгейта и от имени мистера Мак-Коркиндейла потребовал корректуру; и я слышал, как в другом закоулке вышеописанного лабиринта мистер К. делал выговор мистеру Ф. за то, что тот допустил, чтобы кто-то так далеко проник в *penetralia*² их храма.

Я предоставляю вам составить свое собственное мнение относительно важности этого диалога и позволю себе верить, что исполню желание нашего общего родителя, если предположу это письмо произведению, к которому оно относится.

Остаюсь, высокочтимый, дорогой сэръ, искренне преданный вам, ваш, и пр. и пр.

Катберт Клаттербак.

Кеннаквайр, 1 апреля 1822 года

¹ Независимо от его ценности (лат.).

² Святилище (лат.).

Глава I

У горца с бриттом мир царит.
Спешит наш Сэнди через Твид .
На нем все роскошью блистало,
Его и мать бы не узнала
Сменив шотландку на парчу,
Он предпочел теперь мечу
Рапиру дорогой работы,
Сверкающую позолотой
Своей красой пленяя свет,
На шляпу он сменил берет

«Реформация» ¹

Длительная вражда, веками разделявшая юг и север Британского острова, окончилась счастливым примирением со вступлением на английский престол миролюбивого короля Иакова I. Но хотя объединенная корона Англии и Шотландии венчала чело одного и того же монарха, прошло немало времени и не одно поколение сменило другое, прежде чем исчезли глубоко укоренившиеся национальные предрассудки, так долго омрачавшие отношения между двумя родственными королевствами, и жители одного берега Твида привыкли смотреть на обитателей противоположного берега как на друзей и братьев.

¹ Перевод Л. Хвостенко.

Сильнее всего эти предрассудки проявлялись в царствование короля Иакова. Английские подданные обвиняли его в пристрастии к подданным его исконного королевства, в то время как шотландцы столь же несправедливо упрекали его в том, что он забыл страну, в которой родился, и пренебрег своими давними друзьями, верности которых он был обязан столь многим.

Миролюбивый, почти робкий нрав короля заставлял его постоянно выступать в роли посредника между враждующими партиями, чьи раздоры нарушали покой придворной жизни. Но несмотря на все его предосторожности, историки сообщают немало примеров того, как взаимная ненависть двух народов, лишь недавно объединенных после тысячелетней вражды, внезапно прорывалась с такой силой, что грозила вызвать всеобщее потрясение и, распространяясь от высших классов к самым низшим, порождала споры в Совете и в парламенте, раздоры среди придворных, дуэли среди дворян, а также вызывала не менее частые ссоры и драки среди простого люда.

В те времена, когда пламя этих страстей разгорелось особенно ярко, в городе Лондоне преуспевал искусный, но своенравный и чудаковатый механик по имени Дэвид Рэмзи, весьма преданный отвлеченным наукам. То ли благодаря отменному искусству в своем ремесле, как утверждали придворные, то ли, как поговаривали его соседи, благодаря тому, что он родился в славном городе Дэлките близ Эдинбурга, Рэмзи занимал при дворе короля Иакова должность часового мастера и изготавливал для его величества часы всевозможного рода. Тем не менее он не считал для себя зазорным держать лавку в Темпл-Баре, в нескольких ярдах к востоку от церкви святого Дунстана.

Нетрудно себе представить, что в те дни лавки лондонских торговцев мало чем напоминали магазины, которые мы теперь видим в этом городе. Товары были выставлены для продажи в ящиках, защищенных от непогоды лишь парусиновыми навесами. Эти лавки больше походили на ларьки и будки, временно

сооружаемые торговцами на наших сельских ярмарках, чем на солидные заведения почтенных горожан. Лавка Дэвида Рэмзи, так же как большинство торговых заведений именитых купцов и ремесленников, соединялась с небольшой каморкой, имевшей выход во двор и напоминавшей пещеру Робинзона Крузо, тогда как сама лавка напоминала воздвигнутую им перед входом в пещеру палатку. В эту каморку мастер Рэмзи часто уединялся для сложных вычислений, ибо он стремился к усовершенствованиям и открытиям в своем ремесле и иной раз, подобно Непиру и другим математикам того времени, углублялся в своих исследованиях в область отвлеченных наук. Занятый работой, он оставлял внешние посты своего торгового заведения на попечение двух дюжих горластых подмастерьев, которые зазывали покупателей неизменными возгласами: «Что вам угодно? Что вам угодно?» и сопровождали эти призывы расхваливанием товаров, которыми они торговали. Такой способ зазывать покупателей, обращаясь непосредственно ко всем прохожим, в настоящее время можно встретить, пожалуй, только на Монмут-стрит (если он еще сохранился в этом квартале старьевщиков) среди разбросанных по свету потомков Израиля. Но в те времена, о которых идет речь, обычай этот существовал как среди евреев, так и среди христиан и, заменяя все наши современные газетные объявления и рекламы, служил для привлечения внимания широкой публики вообще и постоянных покупателей в частности к несравненным достоинствам товаров, которые предлагались для продажи на таких заманчивых условиях, что можно было подумать, будто продавцы больше заботились о благе покупателей, нежели о своей собственной выгоде.

Купцы, собственными устами восхвалявшие достоинства своих товаров, обладали тем преимуществом по сравнению с торговцами наших дней, пользующимися для достижения той же самой цели услугами газет, что они зачастую могли разнообразить свои призывы в соответствии с внешностью и вкусом каждого прохожего. (Таков, как мы уже говорили, был

обычай и на Монмут-стрит еще на нашей памяти. Как-то раз нам самим указали на убожество одеяния, опоясывавшего наши чресла, призывая нас приобрести более подобающее облачение... Но, кажется, мы отвлеклись от нашего повествования.) Однако этот непосредственный способ личного приглашения покупателей превращался в опасное искушение для юных шутников, на которых возлагалась обязанность зазывалы в отсутствие главного лица, заинтересованного в ходе торговли. Полагаясь на свое численное превосходство и на чувство солидарности, лондонские подмастерья нередко поддавались соблазну и позволяли себе вольности по отношению к прохожим, изощряясь в остроумии за счет тех, кого они не надеялись завербовать в покупатели при помощи своего красноречия. И если возмущенные прохожие отвечали на эти насмешки применением силы, то обитатели всех соседних лавок немедленно спешили на помощь товарищам; и, говоря словами старинной песенки, которую любил напевать доктор Джонсон,

Встали на помощь дружку своему
Все подмастерья — один к одному.

При этом часто разгорались настоящие побоища, в особенности когда мишенью для насмешек служили студенты из Темпла и другие юноши знатного происхождения, даже если они лишь мнили себя оскорбленными. В таких случаях сверкающие шпаги нередко скрещивались с дубинками горожан и иногда дело кончалось смертью на той или другой стороне. Нерасторопной полиции того времени не оставалось ничего другого, как просить местного олдермена, чтобы тот призвал на помощь обитателей квартала, превосходящие силы которых прекращали побоище, подобно тому как на сцене разнимают Монтекки и Капулетти.

В те времена обычай этот был повсеместно распространен как среди самых почтенных, так и самых мелких лавочников Лондона, и в тот вечер, к которому мы хотим привлечь внимание читателя, Дэвид Рэмзи, уединившись для своих сложных вычислений, оставил лавку, или ларек, на попечение вышеупомя-

нутых бойких, острых на язык, дюжих и горластых подмастерьев Дженкина Винсента и Фрэнка Танстола.

Питомец превосходного приюта при церкви Христа Спасителя, Винсент был настоящим лондонцем как по рождению, так и по воспитанию; он обладал смешленостью, ловкостью и смелостью, составляющими неотъемлемые черты характера молодого поколения столицы. Ему было около двадцати лет, он был невысокого роста, но чрезвычайно крепкого телосложения и по праздникам блистал своим искусством при игре в мяч и в других играх. Ему не было равных в фехтовании, хотя роль шпаги при этом выполняла пока только простая палка с рукояткой. Он знал каждый переулок, каждый тупик, каждый уединенный двор в своем квартале лучше, чем катехизис; он проявлял одинаковую предприимчивость как в делах своего хозяина, так и в своих собственных веселых похождениях и проказах, и ему удалось добиться того, что доверие, которое он приобрел своей работой, выручало его или по крайней мере приносило ему прощение, когда он попадал в беду из-за своего легкомыслия. Справедливость требует, однако, заметить, что в его похождениях до сих пор не было ничего предосудительного. Когда Дэвид Рэмзи узнавал о проделках своего подмастерья, он старался направить его на путь истинный, а на его более невинные шалости смотрел сквозь пальцы, считая, что они служат той же цели, что и «спуск» в часах, регулирующий избыточную энергию первоначального толчка, приводящего в движение весь механизм.

Внешность Джина Вина — ибо под таким сокращенным прозвищем он был известен всему кварталу — вполне соответствовала беглому наброску, при помощи которого мы пытались изобразить его характер. Его голову постоянно украшала залихватски сдвинутая набекрень плоская шапочка, какие тогда носили подмастерья, из-под которой выбивались густые, черные как смоль, вьющиеся волосы — они доходили бы ему до плеч, если бы не соответствующий его скромному положению обычай, за соблюдением которого строго следил сам хозяин, заставлявший сво-

его ученика коротко подстригать их, к немалому огорчению подмастерья, с завистью смотревшего на длинные ниспадающие локоны, которые тогда начинали входить в моду среди придворных и студентов-аристократов из соседнего Темпла и служили признаком дворянского рода и высокого положения. У Винсента были глубоко сидящие черные живые глаза, полные огня, плутовства и смысленности, светящиеся юмором даже тогда, когда он разговаривал в лавке с покупателями, словно он смеялся над теми, кто готов был принять всерьез его пустую болтовню. Он обладал, однако, изрядным искусством в обращении с людьми и своими шутками вносил оживление в будничное однообразие, царившее в лавке. Его веселый нрав, его постоянная готовность услужить, его смысленность и учтивость, когда он считал нужным быть учтивым, делали его всеобщим любимцем покупателей. Черты его лица никак нельзя было назвать правильными, ибо у него был слегка приплюснутый нос, рот скорее слишком большой, чем слишком маленький, цвет лица несколько более смуглый, чем допускало тогдашнее представление о мужской красоте. Но несмотря на то, что он постоянно дышал воздухом многолюдного города, на его мужественном, пышущем здоровьем лице всегда играл румянец. Вздернутый нос придавал его словам добродушно-насмешливый оттенок и как бы вторил его смеющимся глазам, а широкий рот украшали красиво очерченные ярко-красные губы, и когда он смеялся, за ними сверкали два ряда крепких, ровных зубов, белых как жемчуг. Таков был старший подмастерье Дэвида Рэмзи, «наставника памяти», часовых дел мастера, изготовлявшего всевозможные часы для священной особы его величества Иакова I.

Товарищ Дженкина был младшим подмастерьем, хотя годами, быть может, он был и старше его. Во всяком случае, он отличался более спокойным и степенным нравом. Фрэнсис Танстол принадлежал к древнему гордому роду, считавшему себя «незапятнанным», ибо, несмотря на изменчивое счастье длительных и кровавых войн Алой и Белой розы, он

неизменно сохранял верность династии Ланкастеров, с которой с самого начала связал свою судьбу. Ничтожнейший отпрыск такого древа чтит корень, давший ему жизнь, и, вероятно, в тайниках сердца Танстола все еще тлела искра той семейной гордости, которая исторгла слезы из глаз его овдовевшей матери, когда перед лицом надвигавшейся нищеты она вынуждена была смириться с тем, чтобы сын посвятил себя столь низкому, по ее понятиям, ремеслу, недостойному его предков. Однако несмотря на все аристократические предрассудки Танстола, его хозяин скоро убедился, что благородный юноша более послушен, аккуратен и внимателен к исполнению своих обязанностей, нежели его несравненно более резвый и проворный товарищ. Хозяину также нравилось, что Танстол, по-видимому, проявлял большой интерес к отвлеченным законам науки, связанной с тем ремеслом, изучению которого он себя посвятил и область которого с каждым днем расширялась в соответствии с развитием математических наук.

Винсент оставлял своего товарища далеко позади себя во всем, что касалось практического применения сугубо практических знаний, в ловкости рук, необходимой для выполнения механических работ, и в особенности во всем, что было связано с коммерческой стороной дела. Все же Дэвид Рэмзи частенько говаривал, что хотя Винсент лучше из них двоих знает, как нужно сделать какую-нибудь вещь, Танстол гораздо лучше знаком с принципами, которые при этом следует применить, и иногда он упрекал последнего в том, что тот слишком хорошо представляет себе теоретическое совершенство, чтобы довольствоваться посредственными практическими результатами.

Танстол был несколько застенчив и отличался прилежанием, и хотя он был безукоризненно учтив и любезен, казалось, что он никогда не чувствовал себя на своем месте при выполнении своих ежедневных обязанностей в лавке. Он был строен и красив, у него были белокурые волосы, правильные черты лица, большие голубые глаза, прямой греческий нос,

и взгляд его выражал одновременно добродушие и сметливость, несколько омраченные несвойственной его возрасту серьезностью. Он был в самых приятельских отношениях со своим товарищем и всегда готов был прийти ему на помощь, когда тот принимал участие в одной из стычек, которые, как мы уже упоминали, часто нарушали покой Лондона в те времена. Но хотя Танстол отлично владел длинной дубинкой (оружием, столь распространенным на севере Англии) и хотя природа наделила его недюжинной силой и ловкостью, казалось, он вмешивался в эти драки лишь по необходимости, и так как он никогда по собственному почину не участвовал ни в ссорах, ни в забавах молодых людей своего квартала, он стоял в их глазах гораздо ниже, чем его веселый и проворный друг Джин Вин. И если бы не заступничество Винсента, Танстол легко мог бы оказаться совершенно изгнанным из общества своих сверстников, принадлежавших к тому же сословию и наделивших его насмешливыми прозвищами «кабальеро Кадди» и «благородный Танстол». С другой стороны, юноша, лишенный свежего воздуха родных полей и прогулок, к которым он привык у себя дома, постепенно терял свой свежий румянец и, не проявляя никаких признаков настоящей болезни, худел и бледнел с каждым годом, хотя ни на что не жаловался и не приобрел привычек, свойственных больным людям, если не считать его стремления избегать общества и посвящать свой досуг занятию науками, вместо того чтобы участвовать в веселых играх своих сверстников или посещать театр, бывший в те времена излюбленным местом сборищ молодых людей его круга, где, согласно самым авторитетным источникам, они устраивали драки из-за яблочных огрызков, щелкали орехи и наполняли галерку невероятным шумом.

Таковы были юноши, называвшие Дэвида Рэмзи своим мастером и доставлявшие ему немало хлопот с утра до вечера, ибо их своенравные выходки нередко приходили в столкновение с его собственными причудами и нарушали спокойное течение жизни его процветающего заведения.

Несмотря на все это, оба юноши были преданы своему хозяину, а он, рассеянный и чудаковатый, но вместе с тем добродушный человек, испытывал едва ли меньшую привязанность к своим ученикам, и часто на какой-нибудь пирушке, слегка разгоряченный от вина, он любил немного прихвастнуть, рассказывая о своих «двух статных молодцах», о том, «какие взгляды бросают на них придворные дамы, когда заходят в его лавку во время прогулок по городу в своих роскошных каретах». Но в то же время Дэвид Рэмзи при этом никогда не упускал случая, чтобы, вытянув свою высокую, тощую, долговязую фигуру и загадочно ухмыльнувшись иссохшими губами, не подмигнуть присутствующим маленькими серыми глазками, одновременно кивнув куда-то в сторону своей длинной лошадиной головой, давая этим понять, что на Флит-стрит можно увидеть и другие лица, достойные не менее внимательного взгляда, чем лица Фрэнка и Дженкина. Его старая соседка, вдовушка Симмонс, швея, в свое время снабжавшая самых первых франтов Темпла брыжами, манжетами и лентами, тоньше разбиралась в различных знаках внимания, которые знатные дамы, постоянно посещавшие лавку Дэвида Рэмзи, оказывали ее обитателям. «Мальчик Фрэнк, — говаривала она, — с нежным взглядом потупленных глаз, обычно привлекает внимание молодых дам, но затем они теряют интерес к нему, ибо бедняжка не блещет красноречием, тогда как Джин Вин со своими вечными шутками да прибаутками, проворный и легкий как олень в Эппингском лесу, с искрящимися, черными как у цыгана глазами, всегда так любезен, так услужлив, так учтив, что всякая женщина с жизненным опытом, не колеблясь, отдаст ему предпочтение. Что же касается самого бедного соседа Рэмзи, — добавляла она, — он, несомненно, любезный сосед и ученый человек, и он мог бы разбогатеть, если бы у него хватило здравого смысла, чтобы воспользоваться плодами своей учености; несомненно также, что для шотландца сосед Рэмзи — неплохой человек, но он так пропитан дымом и постоянно вымазан в саже, в копоты от лампы и в ма-

шинном масле и его всегда покрывает такой толстый слой позолоты из медных опилок, что, — так, во всяком случае, утверждала миссис Симмонс, — потребовалась бы вся его лавка часов, чтобы заставить уважающую себя женщину прикоснуться к вышеупомянутому соседу Рэмзи чем-нибудь, кроме каминных щипцов».

Еще более высокий авторитет, миссис Урсула, жена цирюльника Бенджамина Садлчопы, придерживалась точно такого же мнения.

Таковы были дары и достоинства, которыми природа и мнение окружающих людей наделили обоих юношей.

В один прекрасный апрельский день, выполнив предварительно свои обязанности по прислуживанию хозяину и его дочери за столом во время обеда в час дня — такова, о юноши Лондона, была суровая дисциплина, которой должны были подчиняться ваши предшественники! — и совершив свою собственную трапезу, состоявшую из остатков с хозяйского стола, в обществе двух служанок — кухарки и горничной мистрис Маргарет, — оба ученика сменили своего мастера в лавке и по принятому обычаю старались привлечь внимание прохожих к изделиям хозяина, расхваливая их на все лады.

Нетрудно догадаться, что в этом искусстве Дженкин Винсент далеко опередил своего более сдержанного и застенчивого товарища. Лишь с большим трудом — ибо он стыдился этой обязанности — Танстол мог заставить себя произносить заученные фразы: «Что вам угодно? Карманные, стенные часы, очки? Что вам угодно, сэр? Что вам угодно, мадам? Очки, карманные, стенные часы?»

Но это унылое повторение одних и тех же сухих фраз, несмотря на перестановку слов, казалось бледным и бесцветным в сравнении с блестящим красноречием разбитного, горластого и находчивого Дженкина Винсента. «Что вам угодно, благородный сэр? Что вам угодно, прекрасная мадам?» — восклицал он дерзким и в то же время вкрадчивым голосом,

способным польстить тем, к кому были обращены эти слова, и вызвать улыбку у окружающих.

— Господь да благословит ваше преподобие, — говорил он, обращаясь к почтенному священнику, — греческие и древнееврейские тексты испортили глаза вашего преподобия — купите очки Дэвида Рэмзи! Сам король — да благословит господь бог священную особу его величества! — никогда не читает древнееврейских или греческих книг без очков.

— Тебе это доподлинно известно? — спросил тучный пастор из Ившэмской долины. — Что ж, если глава церкви носит очки — да благословит господь бог священную особу его величества! — попробую, не помогут ли они и мне, ибо, с тех пор как я перенес тяжелую лихорадку — не припомню, когда это было, — я не могу отличить одну еврейскую букву от другой. Подбери-ка мне, любезный, такие же очки, какие носит сама священная особа его величества.

— Вот не угодно ли, ваше преподобие, — сказал Дженкин, вынимая очки и прикасаясь к ним с величайшим почтением и уважением, — три недели тому назад благословенная особа его величества надевала эти очки на свой благословенный нос и, несомненно, оставила бы их у себя для своего собственного священного пользования, если бы они не были, как вы сами, ваше преподобие, можете убедиться, в оправе из чистейшего гагата, что, как изволили заметить его величество, больше подобает епископу, нежели мирскому владыке.

— Поистине, — воскликнул достопочтенный пастырь, — его величество король в своих суждениях всегда был подобен Даниилу! Дай-ка мне эти очки, любезный. Кто знает, чей нос они будут украшать через два года? Наш преподобный брат из Глостера уже в преклонных летах.

Затем он вынул кошелек, заплатил за очки и, приняв еще более важный вид, вышел из лавки.

— Как тебе не стыдно, — сказал Танстол своему товарищу. — Эти очки совершенно не для его возраста.

— Ты настоящий олух, Фрэнк, — ответил Винсент. — Если бы этому ученому мужу очки нужны были для чтения, он примерил бы их, прежде чем купить. Он не собирается сам смотреть через них, а для того, чтобы другие люди могли смотреть на него, эти очки нисколько не хуже самых лучших увеличительных стекол, какие только есть в нашей лавке.

— Что вам угодно? — продолжал он свои зазывания. — Зеркало для вашего туалета, прелестная мадам? Ваша шляпка немножко сбилась набок... Как жаль — она сделана с таким вкусом!

Дама остановилась и купила зеркало.

— Что вам угодно, господин адвокат? Часы, срок службы которых будет длиться так же долго, как судебный процесс, и которые будут служить вам так же верно, как ваше собственное красноречие?

— Да помолчи ты, любезный! — воскликнул рыцарь белого берета, занятый серьезным разговором со знаменитым юристом. — Помолчи! Ты самый горластый бездельник между «Таверной дьявола» и Гилдхоллом.

— Часы, — продолжал неугомонный Дженкин, — которые в течение тринадцатилетнего процесса не отстанут и на тринадцать минут. Да он уже так далеко, что ничего не слышит! Часы с четырьмя колесиками и пружинным рычагом... Эти часы поведают вам, мой дорогой поэт, на сколько времени хватит терпения у публики смотреть вашу новую пьесу в «Черном быке».

Бард рассмеялся и, пошарив в карманах широких панталон, вытащил забившуюся в самый угол мелкую монету.

— Вот тебе шесть пенсов, мой юный друг, в награду за твое остроумие, — сказал он.

— Мерси, — сказал Вин, — на следующее представление вашей пьесы я приведу целую ватагу шумных ребят, и они научат хорошим манерам всех критиков в партере и знатных кавалеров на сцене, а не то мы спалим весь театр.

— Какая низость, — сказал Танстол, — брать деньги у этого несчастного рифмоплета; у него ведь у самого нет ни гроша за душой.

— Дурень ты дурень, — промолвил Винсент. — Если ему не на что купить сыра и редиски, ему придется только днем раньше пообедать у какого-нибудь мецената или актера, ибо такова уж его участь в течение пяти дней из семи. Не пристало поэту самому платить за свою кружку пива. Я пропью вместо него эти шесть пенсов, чтобы избавить его от такого позора, и, поверь мне, после третьего спектакля он будет с лихвой вознагражден за свою монету. А вот еще один возможный покупатель. Взгляни на этого чудака. Посмотри, как он глазееет на каждую лавку, словно собирается проглотить все товары. О! Вот на глаза ему попался святой Дунстан. Не дай бог, он проглотит его статую. Смотри, как он уставился на древних Адама и Еву, усердно отбивающих часы! Послушай, Фрэнк, ведь ты ученый, объясни мне, что это за человек — в голубом берете с петушиным пером, чтобы все знали, что в его жилах течет благородная кровь, кто его там разберет, с серыми глазами, рыжеволосый, со шпагой, на рукоятку которой пошло не меньше тонны железа, в сером поношенном плаще, с походкой француза, с взглядом испанца, с книгой, висящей на поясе с одной стороны, и с широким кинжалом — с другой, чтобы показать, что он наполовину педант, наполовину забияка. Что это за маскарад, Фрэнк?

— Это неотесанный шотландец, — ответил Танстол. — Я думаю, он приехал в Лондон, чтобы помочь своим землякам глодать кости Старой Англии, — гусеница, готовая пожрать то, что пощадила саранча.

— Ты прав, Фрэнк, — ответил Винсент. — Как говорит поэт в своих сладкозвучных стихах:

Он был в Шотландии рожден,
Хоть нищий, должен есть и он.

— Тише! — сказал Танстол. — Ты забыл, кто наш хозяин.

— Подумаешь! — возразил его шустрый товарищ. — У него губа не дура. Он своего не упустит. Поверь мне, он слишком долго жил среди англичан и ел английский хлеб, чтобы сердиться на нас за то, что у нас английская душа. Но гляди-ка, наш шотландец вдоволь насмотрелся на святого Дунстана и идет сюда. Теперь, при свете, я вижу, что он ладный, крепкий парень, несмотря на веснушки и загар. Он подходит все ближе. Ну, сейчас я примусь за него.

— Смотри, как бы он не свернул тебе шею, — сказал его товарищ, — такой спуску не даст.

— Черта с два! Меня не испугаешь! — воскликнул Винсент и сразу же заговорил с незнакомцем: — Купите часы, благородный северный тан, купите часы, чтобы отмечать время, протекающее среди изобилия с того благословенного момента, когда вы покинули Берик. Купите очки, чтобы узреть английское золото, к которому протянуты ваши руки. Покупайте все, что хотите, вам будет предоставлен кредит на три дня, ибо, если даже ваши карманы так же пусты, как карманы отца Фергуса, шотландец, попавший в Лондон, сумеет за это время набить свою кошню.

Незнакомец бросил свирепый взгляд на озорного подмастерья и с угрожающим видом схватился за дубинку.

— Тогда купите себе лекарство, — продолжал неугомонный Винсент, — если вы не хотите купить ни времени, ни света, — лекарство от высокомерия, сэр; аптекарь вот там, напротив.

При этих словах ученик Галена, стоявший у входа в аптеку, в плоской шапочке и в холщовой блузе, с большим деревянным пестиком в руках, подхватил мяч, брошенный ему Дженкином, повторив его вопрос:

— Что вам угодно, сэр? Купите самую лучшую шотландскую мазь, *flos sulphur, cum butyro quant. suff.*¹

¹ Серный цвет и масла сколько потребуется (лат.).

— Употреблять после легкого растирания дубовым английским полотенцем, — добавил Винсент.

Дюжий шотландец оказался прекрасной мишенью для легкой артиллерии лондонских остряков. Он остановился с важным видом и бросил свирепый взгляд сначала на одного атакующего, затем на другого, как бы собираясь отразить нападение остроумным ответом или замышляя более грозную месть. Но флегма или благодушие взяли верх над негодованием, и, гордо вскинув голову с видом человека, презирающего насмешки, которыми его только что осыпали, он вновь зашагал по Флит-стрит, преследуемый диким хохотом своих мучителей.

— Шотландец не полезет в драку, пока не увидит свою собственную кровь, — сказал Танстол. Уроженец севера Англии, он знал немало поговорок, сложенных про обитателей еще более далекого севера.

— Признаться, я не уверен в этом, — сказал Дженкин. — Вид у этого молодца свирепый. Не успеешь оглянуться, как он проломит тебе башку. Но что это? Начинается драка!

Вслед за этим Флит-стрит огласилась хорошо знакомым боевым кличем: «За дубинки, подмастерья! За дубинки!» — и Дженкин, схватив свое оружие, лежавшее наготове под прилавком, и крикнув Танстолу, чтобы тот захватил свою дубинку и следовал за ним, перепрыгнул через прилавок, ограждавший наружную лавку, и сломя голову помчался к месту драки, эхом откликаясь на боевой призыв и отталкивая в сторону всех, кто попадался ему на пути. Товарищ Дженкина, предварительно крикнув хозяину, чтобы тот присмотрел за лавкой, последовал его примеру и стремглав пустился вдогонку, больше думая, однако, о безопасности и спокойствии прохожих. Тем временем старый Дэвид Рэмзи, в зеленом фартуке, с поднятыми руками и взором, обращенным к небу, сунув за пазуху стекло, которое он только что шлифовал, вышел, чтобы присмотреть за своими товарами, ибо знал по опыту многих лет, что когда раздавался клич: «За дубинки!», ему нечего было ждать помощи от своих подмастерьев.

Глава II

Вот это, сэр, один из нашей знати:
Тьма денег у него, но он во тьме
Не держит их — пускает в оборот!
Одна беда — мягкосердечен слишком,
Без толку благодетельствует тем,
Кого разумный обойдет за милую.

«Чета преклонных лет»

Старый джентльмен суетился в своей лавке, раздраженный тем, что этот поспешный вызов помешал его занятиям науками более отвлеченными, и, не желая прерывать цепь начатых вычислений, он причудливо переплетал обрывки различных арифметических действий с красноречивыми призывами к прохожим и сердитыми замечаниями по адресу своих нерадивых подмастерьев.

— Что вам угодно, сэр? Мадам, что вам угодно? Часы для гостиной, настольные часы, ночные часы, дневные часы?.. Храповое колесо сорок восемь, движущая сила восемь, ударные штифты сорок восемь... Что вам угодно, достопочтенный сэр?.. Частное... множимое... И надо же было этим бездельникам удрать как раз в такую минуту!.. Ускорение пять минут, пятьдесят пять секунд, пятьдесят три терции, пятьдесят девять четвертей... Высеку обоих, как только вернутся. Клянусь останками бессмертного Непира!

В этот момент сетования нашего раздраженного философа были прерваны появлением горожанина весьма почтенного вида. Он приветствовал хозяина дружеским возгласом: «Дэви, мой старый приятель!» и, сердечно пожав ему руку, осведомился о причинах, вызвавших его негодование.

Костюм незнакомца отличался скромностью, но был все же несколько богаче обычной одежды горожан того времени. На нем были клетчатые панталоны из черного бархата на пурпурной шелковой подкладке, видневшейся в разрезах. Его камзол был также пурпурного цвета, а короткий плащ из черного бархата гармонировал с панталонами. Плащ и камзол были украшены множеством маленьких серебряных

пуговиц с богатой филигранной отделкой. На шее у него висела тройная золотая цепочка. Вместо шпаги или кинжала он носил у пояса обыкновенный столовый нож и небольшой серебряный футляр, содержащий, по-видимому, письменные принадлежности. Его можно было бы принять за секретаря или клерка, служащего в каком-нибудь присутственном месте, если бы плоская шапочка, лишенная всяких украшений, и до блеска начищенные штиблеты не указывали на его принадлежность к торговому сословию. Он был среднего роста, хорошо сложен и, видимо, обладал крепким здоровьем, несмотря на свой преклонный возраст. Его лицо выражало проницательность и добродушие. Ясный взор, румяные щеки и седые волосы еще больше усиливали впечатление добропорядочности, о которой свидетельствовало его платье.

Свое приветствие он произнес на шотландском наречии, но таким тоном, что трудно было понять, насмеялся ли он добродушно над своим другом или это был его родной язык, ибо в его обычной речи почти не слышалось провинциального выговора.

В ответ на расспросы своего почтенного друга Рэмзи тяжело вздохнул, повторив, словно эхо, его вопрос:

— Чем я недоволен, мейстер Джордж? Да всем я недоволен! Признаться, порой мне кажется, что я живу в какой-то сказочной стране, а не в Фэррингдоне. Мои подмастерья превратились в настоящих бесенят; они появляются и исчезают, словно блуждающие огоньки, и на них так же нельзя положиться, как на часы без маятника. Уж если где гоняют мяч, или дразнят быка, или купают в холодной воде блудницу в назидание другим, или кому-нибудь проламывают череп, то, уж конечно, Дженкин тут как тут, а за ним и Фрэнсис Танстол. Мне кажется, дорогой мой друг, что боксеры, вожак медведей и скоморохи в заговоре против меня и что они проходят мимо моего дома в десять раз чаще, чем мимо всех других домов в городе. А тут еще появился этот итальянец, как его, Панчинелло, что ли? Да и вообще...

— Хорошо, — перебил его мейстер Джордж, — но при чем здесь все это?

— А как же, — ответил Рэмзи. — Тут такой крик подняли: «Караул! Убивают!» (Надеюсь по крайней мере, что это жирные английские свиньи передрались между собой!) И вот, мейстер Джордж, мне пришлось прервать самые сложные вычисления, в которые когда-либо погружался смертный.

— Ну что ж, мой друг! — ответил мейстер Джордж. — Ты должен вооружиться терпением. Ведь ты торгуешь временем и можешь ускорить и замедлить его по собственному желанию. Из всех людей, живущих на земле, у тебя меньше всего причин жаловаться, если иной раз какая-то крупица его пропадает даром. А вот и твои молодцы; кажется, они несут убитого человека. Боюсь, что стряслась большая беда.

— Чем больше беда, тем веселее забава, — пробормотал старый ворчливый часовщик. — Счастье, что мои-то балбесы целы и невредимы. Зачем вы тащите сюда этот труп, бездельники? — прибавил он, обращаясь к своим ученикам, несущим бездыханное тело. За ними следовала толпа подмастерьев, на многих из которых можно было видеть явные следы недавней потасовки.

— Он еще жив, сэр, — ответил Танстол.

— Тогда несите его к аптекарю, — сказал хозяин. — Уж не думаете ли вы, что я могу вернуть жизнь человеку и завести его, как часы или хронометр?

— Ради бога, старина, — сказал его приятель, — пусть он останется здесь, около нас. Это, по-видимому, только обморок.

— Обморок? — воскликнул Рэмзи. — И с чего это он вздумал падать в обморок на улице? Но чтобы угодить моему другу, мейстеру Джорджу, я готов оказать гостеприимство всем покойникам прихода святого Дунстана. Позовите Сэма Портера, пусть посмотрит за лавкой.

Оглушенного человека, оказавшегося тем самым шотландцем, который недавно проходил мимо лавки

под градом насмешек подмастерьев, отнесли в камеру, расположенную за лавкой, и посадили в кресло, пока на помощь не подоспел живший напротив аптекарь. Этот джентльмен, как нередко случается с представителями ученых профессий, придавал больше значения книжной премудрости, нежели практическим знаниям, и сразу же повел речь о синципите¹ и окципите,² cerebrume³ и cerebellume,⁴ пока не исчерпал скромный запас терпения Дэвида Рэмзи.

— Белл-ум! Белл-елл-ум! — передразнил он с негодованием. — Тут не помогут все колокола Лондона,⁵ если вы не приложите пластырь к темени этого молодца.

Мейстер Джордж проявил более горячее участие и спросил аптекаря, не следует ли пустить больному кровь; фармацевт пробормотал что-то невнятное и, не будучи в состоянии придумать ничего лучшего, заметил, что, во всяком случае, это принесет облегчение мозгу, или cerebrumu, если кровь, скопившаяся в результате кровоизлияния, давит на этот деликатный орган. К счастью, он оказался достаточно сведущим, чтобы произвести эту операцию; и с деятельной помощью Дженкина Винсента, обладавшего большим опытом в деле врачевания проломленных голов и не жалевшего холодной воды с добавлением небольшого количества уксуса, согласно научному методу, применяемому на современных рингах во время боксерских состязаний, раненый слегка приподнялся в кресле, плотнее запахнулся в плащ и обвел глазами окружающих как человек, который очнулся после обморока и старается вспомнить, что с ним произошло.

— Хорошо бы уложить его в постель в чуланчике, — сказал приятель мейстера Рэмзи, видимо прекрасно знакомый с расположением комнат в доме.

¹ Темени (лат.).

² Затылке (лат.).

³ Головном мозге (лат.).

⁴ Мозжечке (лат.).

⁵ Непереводимая игра слов: «белл» (bell) по-английски значит «колокол».

— Пусть он ляжет на мою половину кровати, — сказал Дженкин, ибо подмастерья спали вдвоем на низенькой кровати, стоявшей в вышеупомянутом чуланчике. — Я могу спать под прилавком.

— Я тоже, — сказал Танстол, — и бедняга может спать на нашей постели всю ночь.

— По мнению Галена, — сказал аптекарь, — сон — прекрасное укрепляющее и жаропонижающее средство, и низкая кровать — самое подходящее место для принятия этого лекарства.

— За неимением лучшего, — добавил мейстер Джордж. — А твои ребята молодцы, что так охотно уступают свою постель. Ну-ка, снимите с него плащ и отнесем его на кровать. Я пошлю за доктором Ирвингом, королевским хирургом, — он живет здесь неподалеку. Пусть это будет моей лептой самаритянина, дорогой сосед.

— Что ж, сэр, — сказал аптекарь, — ваша воля посылать за другим врачом; я не прочь посоветоваться с доктором Ирвингом или с каким-нибудь другим искусным медиком и готов прислать из своей аптеки необходимые лекарства. Однако что бы там ни говорил доктор Ирвинг, который, насколько мне известно, получил свой диплом в Эдинбурге, или любой другой врач, будь то шотландец или англичанин, своевременный сон — лучшее жаропонижающее, успокаивающее и укрепляющее средство.

Он пробормотал еще несколько ученых слов и закончил свою речь, уведомив приятеля Рэмзи на английском языке, несравненно более вразумительном, чем его латынь, что он будет считать его лицом, обязанным расплачиваться за лекарства, уход и помощь, которые уже предоставлены или будут предоставлены в дальнейшем незнакомому пациенту.

В ответ на эти слова мейстер Джордж выразил пожелание, чтобы аптекарь прислал ему счет за уже оказанные услуги и больше ни о чем не беспокоился до тех пор, пока его не позовут. Фармацевт, составивший невысокое мнение о способности своего случайного пациента возместить все его расходы, ибо он уже успел заметить, какая одежда скрывалась под

слегка распахнувшимся плащом, выказал явное нежелание расстаться с больным, как только увидел, что в нем принял участие такой именитый горожанин, и понадобилось несколько решительных и строгих слов со стороны мастера Джорджа, который, несмотря на все свое добродушие, был способен на резкость, когда того требовали обстоятельства, чтобы эскалап из Темпл-Бара отправился к себе домой.

Когда они наконец избавились от мастера Рэдренча, Дженкин и Фрэнсис, движимые состраданием, попытались освободить больного от длинного серого плаща, но встретили решительное сопротивление с его стороны.

— Скорее я расстанусь с жизнью, — невнятно пробормотал он.

Соппротивление шотландца, не желавшего расставаться с этим предметом одежды, слишком нежным, чтобы выдержать такое грубое обращение, привело в конце концов к тому, что плащ лопнул по всем швам с громким треском, отчего пациент снова чуть не упал в обморок.

Он сидел перед ними в убогой, заплатанной одежде, способной вызвать своим видом одновременно жалость и смех, в одежде, которая, несомненно, была причиной его нежелания расстаться с плащом, прикрывавшим, подобно показной благотворительности, так много изъянов. Шотландец окинул взором свое бедное одеяние, и ему стало так стыдно при этом зрелище, что, пробормотав сквозь зубы несколько невнятных слов о каком-то деловом свидании, на которое он может опоздать, он сделал попытку встать с кресла и покинуть лавку, что было, однако, без труда предотвращено Дженкином Винсентом и его товарищем, которые по знаку, данному мастером Джорджем, схватили его за руки и усадили обратно в кресло. Пациент обвел глазами окружающих и затем сказал слабым голосом, со своим резким северным выговором:

— Ну как, джентльмены, назвать такое обращение с чужеземцем, приехавшим погостить в ваш город? Голову мне проломили, плащ разорвали, а те-

перь хотят свободы меня лишить! Как правы были те, — сказал он после минутного молчания, — кто советовал мне надевать самое плохое платье для прогулок по лондонским улицам, и если бы я мог достать одежду еще худшую, чем это жалкое тряпье («Что было бы весьма нелегким делом», — шепнул Джин Вин своему товарищу), она все же была бы слишком хороша для объятий людей, столь плохо знакомых с правилами учтивости!

— По правде говоря, — сказал Дженкин, не в силах больше молчать, хотя воспитание того времени предписывало юношам в его положении скромность и почтительность в присутствии родителей, мастеров и вообще всех старших, о чем наше молодое поколение не имеет ни малейшего понятия, — по правде говоря, не мудрено, что платье этого почтенного джентльмена не выдержало столь грубого обращения.

— Помолчи, юноша, — сказал мейстер Джордж повелительным тоном. — Никогда не смейся над чужестранцами и бедняками. Ты еще не видел горя. Кто знает, в какие края забросит тебя судьба и какую одежду придется тебе еще носить, прежде чем ты сойдешь в могилу.

Винсент с виноватым видом опустил голову, однако чужестранец не очень-то был доволен таким заступничеством.

— Да, я чужестранец, сэр, — сказал он, — это верно; но мне кажется, что в вашем городе со мной обошлись слишком по-свойски. А что я беден, я думаю, нечего упрекать меня в этом, пока я ни у кого не прошу милостыни.

— Верный сын нашей дорогой родины, — шепнул мейстер Джордж Дэвиду Рэмзи, — бедность и гордость.

Но Дэвид, вынув записную книжку и серебряный карандаш, вновь погрузился в вычисления, бормоча при этом всевозможные математические формулы и числа, от простых единиц до миллионов, биллионов и триллионов; он не слышал замечаний своего друга и не отвечал на них, и тот, видя его рассеянность, снова обратился к шотландцу:

— Я полагаю, Джоки, если бы кто-нибудь дал тебе нобль, ты швырнул бы его в лицо этому человеку?

— Если бы я не мог отплатить ему за это доброй услугой, сэр, — ответил шотландец. — Я всегда готов услужить, хоть я и родом из благородной семьи и, можно сказать, неплохо обеспечен.

— Ого! — воскликнул Джордж. — И какой же род может претендовать на честь иметь такого потомка?

— Его украшает старинный герб, как говорится в одной пьесе, — шепнул Винсент своему товарищу.

— Ну что же, Джоки, отвечай, — продолжал мейстер Джордж, заметив, что шотландец, по обычаю своих соотечественников, не торопится отвечать, услышав этот прямой, откровенный вопрос.

— Я такой же Джоки, сэр, как вы Джон, — сказал незнакомец, видимо обидевшись на то, что его называли именем, которое в те времена, так же как теперь Соуни, было нарицательным для всей шотландской нации. — Меня зовут, если вам уж так хочется знать мое имя, Ричи Мониплайз, и я потомок старинного дворянского рода Касл Коллоп, хорошо известного у Западных ворот в Эдинбурге.

— А что это за Западные ворота? — продолжал допытываться мейстер Джордж.

— Если угодно вашей чести, — сказал Ричи, который к этому времени оправился от обморока и мог как следует разглядеть почтенную внешность мейстера Джорджа, что придавало его манерам больше учтивости, нежели в начале их разговора, — Западные ворота — это въезд в наш город, все равно как здесь кирпичные арки Уайтхолла у въезда во дворец короля, только что Западные ворота из камня сложены да всяких украшений на них побольше.

— Что за вздор ты мелешь, любезный! Ворота Уайтхолла строил великий Гольбейн, — ответил мейстер Джордж. — Боюсь, что в этой драке тебе отшибли мозги, мой дорогой друг. Пожалуй, скоро ты скажешь, что у вас в Эдинбурге протекает такая же красивая судоходная река, как Темза со всеми ее кораблями,

— Темза! — воскликнул Ричи с невыразимым презрением. — Господь с вами, ваша честь, у нас в Эдинбурге есть река Лейт и озеро Нор-Лох!

— И ручей По Бёрн, и Каменные Пруды, и Гусиная Лужа, врун ты этакий! — продолжал мейстер Джордж на чистейшем шотландском наречии. — Вот такие бродяги, как ты, своим враньем и хвастовством позорят всю нашу страну.

— Да простит меня бог, сэр, — промолвил Ричи, весьма удивленный неожиданным превращением мнимого южанина в прирожденного шотландца. — Я принял вашу честь за англичанина! Но мне кажется, нет ничего плохого в том, что я встал на защиту чести своей родины в чужой стране, где все поносят ее.

— И ты воображаешь, что защищаешь честь своей родины, показывая всем, что один из ее сынов — хвастливый лгун? — воскликнул мейстер Джордж. — Ну, ну, не обижайся. Раз ты нашел земляка, значит нашел и друга, если ты заслуживаешь этого и в особенности если ты будешь говорить мне только правду.

— А что мне за прибыль врать, — ответил достойный сын Северной Британии.

— Прекрасно! Тогда начнем, — сказал мейстер Джордж. — Я подозреваю, что ты сын старого Манго Мониплайза, мясника у Западных ворот.

— Да вы, я вижу, настоящий колдун, ваша честь, — сказал Ричи, ухмыляясь.

— Как же ты осмелился выдавать его за дворянина?

— Не знаю, сэр, — сказал Ричи, почесывая затылок. — Я много слышал о графе Уорике из здешних мест — Гай, что ли, зовут его, — говорят, он прославился здесь тем, что убил много рыжих коров, боровов и прочей живности, а уж мой-то отец, я думаю, побольше, чем все бароны Англии, убил на своем веку коров да боровов, не говоря уж о быках, телятах, овцах, баранах, ягнятах и поросятах.

— Ну и плут же ты, — сказал мейстер Джордж. — Попридержи свой язык и не дерзи. Твой отец был почтенным горожанином и старшиной гильдии. Мне

очень неприятно видеть его сына в таком бедном одеянии.

— Да, неважная одежонка, сэр, — сказал Ричи Мониплайз, оглядывая свое платье, — очень неважная. Но это обычный наряд сыновей бедных горожан в нашей стране — подарок тетушки Нужды. С тех пор как король покинул Шотландию, в Эдинбурге не осталось ни одного покупателя. У Кросса сено косят, а на Сенном рынке богатый урожай порея. Там, где стояла лавка отца, такая густая трава выросла — на всю скотину хватило бы, что мой отец зарезал.

— К сожалению, все это верно, — сказал мейстер Джордж. — В то время как мы здесь наживаем богатства, у нас на родине наши старые соседи и их семьи умирают с голоду. Не мешало бы нам почаще вспоминать об этом. А теперь, Ричи, расскажи-ка мне откровенно, как тебе проломили голову?

— Расскажу все как было, сэр, — ответил Мониплайз. — Иду это я по улице, и все-то меня задевают и смеются надо мной. Ну, думаю, вас много, а я один, мне с вами не совладать. Но попадись мне кто-нибудь из вас в Барфордском парке или у Веннела, тут бы он у меня по-другому запел. Идет мне навстречу какой-то старый черт, горшечник; купи, говорит, горшок для своей шотландской мази. Я, конечно, оттолкнул его, и этот дряхлый черт как грохнется прямо на свои горшки, ну и побил их порядком. Здесь такая кутерьма поднялась... Если бы эти два джентльмена не вступились за меня, тут бы мне и крышка. И только они взяли меня за руки, чтобы вытащить из драки, тут меня матрос какой-то, левша, так огрел, что у меня голова затрещала.

Мейстер Джордж посмотрел на подмастерьев, как бы спрашивая у них, правда ли это.

— Все было так, как он говорит, — ответил Дженкин, — только я ничего не слышал о горшках. Говорили, что он разбил какую-то посуду и что — прошу прощения, сэр, — если встретишь шотландца, то уж непременно случится какое-нибудь несчастье.

— Ну, что бы там ни говорили, вы поступили благородно, оказав помощь более слабому. А ты, любез-

ный, — продолжал мейстер Джордж, обращаясь к своему земляку, — завтра утром зайдешь ко мне домой, вот по этому адресу.

— Непременно приду к вашей чести, — сказал, низко кланяясь, шотландец, — если только разрешит мой достопочтенный господин.

— Твой господин? — спросил Джордж. — Разве у тебя есть еще другой господин, кроме Нужды, ливрею которой, по твоим собственным словам, ты носишь?

— По правде сказать, если угодно вашей чести, я в некотором роде слуга двух господ, — сказал Ричи, — так как мы оба, мой хозяин и я, рабы одной и той же ведьмы, от которой мы решили удрать, покинув Шотландию. Так что, как видите, сэр, я попал в черную кабалу, как говорят у нас на родине, будучи слугой слуги.

— А как зовут твоего господина? — спросил Джордж и, видя, что Ричи колеблется, добавил:

— Если это тайна, не называй его имени.

— Это тайна, которую бесполезно хранить, — сказал Ричи. — Но вы ведь знаете, что мы, северяне, слишком горды, чтобы признаваться в своей бедности. Мой хозяин сейчас временно находится в затруднительном положении, — добавил он, бросив взгляд на обоих английских подмастерьев. — У него большая сумма денег в королевском казначействе, то есть, — продолжал он шепотом, обращаясь к мейстеру Джорджу, — король должен ему уйму денег, да, видно, не так-то просто получить их. Мой господин — молодой лорд Гленварлох.

Услышав это имя, мейстер Джордж выразил удивление:

— Ты один из слуг молодого лорда Гленварлоха, и в таком виде?

— Совершенно верно, и я его единственный слуга, я хочу сказать — в настоящее время; и я был бы счастлив, если бы он был малость богаче меня, хотя бы я сам остался таким же бедняком, как сейчас.

— Я видел его отца, окруженного целой свитой из четырех пажей и десяти лакеев в шуриша-

щих атласных ливреях с галунами, — сказал мейстер Джордж. — Да, наш мир изменчив! Но есть другой, лучший мир. Славный древний род Гленварлохов, верно служивший своему королю и родине пятьсот лет!

— Скажите лучше — тысячу, ваша честь, — сказал слуга.

— Я говорю только то, в чем я уверен, мой друг, — сказал горожанин, — и ни слова больше. Я вижу, ты уже поправился. Ты сможешь дойти до дому?

— Да еще как, сэр! — ответил Ричи. — Я только вздремнул малость. Ведь я вырос у Западных ворот, и моя башка такой удар выдержит, какой быка свалил бы.

— Где живет твой господин?

— Мы остановились, как бы это сказать, ваша честь, — ответил шотландец, — в маленьком домике, в конце улицы, что выходит к реке, у честного человека, Джона Кристи, судового поставщика, как его называют. Его отец родом из Данди. Не знаю, как эта улица называется, помню только — рядом церковь большая. Не забудьте, ваша честь, что мы живем там просто под именем мейстера Найджела Олифанта, так как в настоящее время мы скрываемся, хотя в Шотландии мы зовемся лордом Найджелом.

— Твой господин поступил весьма благоразумно, — сказал горожанин. — Я постараюсь найти ваше жилище, хотя ты дал мне не очень-то понятный адрес.

С этими словами он сунул в руку Ричи Мониплайза золотой и посоветовал ему как можно скорее возвращаться домой, не ввязываясь ни в какие драки.

— Уж теперь-то я буду осторожнее, сэр, — сказал Ричи с важным видом, — ведь я теперь богат. Счастливо оставаться вам всем, и от души благодарю этих двух молодых джентльменов...

— Я не джентльмен, — сказал Дженкин, проворным движением надевая шапочку. — Я простой лондонский подмастерье и надеюсь когда-нибудь стать вольным горожанином. Пусть Фрэнк называет себя джентльменом, если хочет.

— Я был когда-то джентльменом, — сказал Танстол, — и, надеюсь, я не сделал ничего, чтобы потерять это звание.

— Ладно, ладно! Как вам угодно, — сказал Ричи Мониплайз, — но я очень признателен вам обоим и никогда не забуду вашей помощи, хоть сейчас мне не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность. Доброй ночи, дорогой земляк.

С этими словами он протянул ювелиру свою длинную костлявую руку с узловатыми мускулами, торчавшую из рукава поношенного камзола. Мейстер Джордж сердечно пожал ее, а Дженкин и Фрэнк обменялись плутовскими взглядами.

Ричи Мониплайз собирался было выразить благодарность также и хозяину лавки, но, увидев, как он потом рассказывал, что тот «все что-то пишет в своей книжице, словно полоумный», ограничился тем, что на прощание слегка коснулся рукой своей шотландской шапочки, и вышел на улицу.

— Вот вам шотландец Джоки со всеми его пороками и добродетелями, — сказал мейстер Джордж, обращаясь к мейстеру Дэвиду, который, хотя и неохотно, прервал свои вычисления и, держа карандаш на расстоянии дюйма от записной книжки, уставился на своего друга большими тусклыми глазами, не выражавшими никакой мысли и никакого интереса к тому, что он услышал.

— Этот малый, — продолжал мейстер Джордж, не обращая внимания на рассеянность своего приятеля, — яркий пример того, как наша шотландская бедность и гордость превращают нас в лгунов и хвастунов; и все же уверяю тебя, что этот плут, который хвастливо врет на каждом третьем слове в разговоре с англичанином, всегда будет верным и заботливым другом и слугой своего господина; и, быть может, он отдал ему свой плащ, чтобы защитить его от холодного ветра, хотя сам вынужден ходить *in suero*,¹ как говорят испанцы. Поразительно! Чтобы смелость и верность — ибо я ручаюсь, что на этого малого

¹ Без верхней одежды (*исп.*).

можно положиться — не могли найти себе лучшего товарища, чем чванливое бахвальство! Но ты не слушаешь меня, друг Дэви.

— Я слушаю, слушаю очень внимательно, — сказал Дэви. — Ибо так как солнце совершает свое вращение вокруг циферблата за двадцать четыре часа, для луны нужно прибавить пятьдесят с половиной минут...

— Ты витаешь в небесах, приятель, — сказал его друг.

— Прошу прощения, — ответил Дэви. — Предположим, что колесо А совершает оборот за двадцать четыре часа, так, а колесо Б — за двадцать четыре часа пятьдесят с половиной минут; пятьдесят семь относится к двадцати четырем, как пятьдесят девять к двадцати четырем часам пятидесяти с половиной минутам или около того... Прошу извинить меня, мейстер Джордж, и от всей души желаю тебе доброй ночи.

— Доброй ночи?! — воскликнул мейстер Джордж. — Но ты ведь не пожелал мне еще доброго дня. Знаешь что, старина, отложи-ка ты эти записки, не то ты сломаешь внутренний механизм своего черепа, как нашему другу повредили его наружный футляр. Доброй ночи, нечего сказать! Я не собираюсь так скоро покинуть тебя. Я пришел, чтобы позавтракать с тобой, друг мой, и послушать игру на лютне моей крестницы, мистрис Маргет.

— Клянусь честью! Я так рассеян, мейстер Джордж; но ты знаешь меня. Стоит мне только очутиться среди колес, — сказал мейстер Рэмзи, — как...

— К счастью, ты имеешь дело лишь с маленькими колесиками, — заметил его друг, когда, очнувшись от своих мыслей и вычислений, Рэмзи поднялся вместе с ним по маленькой лестнице во второй этаж, где жили его дочь и немногочисленные домашние.

Подмастерья снова вернулись в лавку и сменили Сэма Портера. Дженкин сказал, обращаясь к Танстолу:

— Ты видел, Фрэнк, как ласково обошелся старый ювелир со своим нищим земляком? Человек с его богатством никогда бы не обменялся таким вежливым рукопожатием с бедным англичанином. Надо отдать справедливость шотландцам — они из кожи будут лезть, чтобы помочь земляку, но даже ногти не замочат, чтобы спасти утопающего южанина, как они нас называют. Но все же мейстер Джордж и в этом отношении лишь наполовину шотландец, ибо я знаю, что он сделал много добра также и англичанам.

— Знаешь, Дженкин, — сказал Танстол, — помо-ему, ты и сам лишь наполовину англичанин. Почему ты вдруг стал на сторону шотландца?

— Но ведь ты сам поступил так же, — возразил Винсент.

— Да, потому что я видел, как ты начал; и кроме того, не в обычае камберлендцев нападать на одного толпой в пятьдесят человек, — ответил Танстол.

— Это также не в обычае приюта Христа Спасителя, — сказал Дженкин. — В Старой Англии всегда играют честно! К тому же, должен сказать тебе по секрету, в его голосе, вернее в его речи, звучали нотки, напоминавшие мне нежный голосок, звуки которого слаще для меня, чем последний удар колокола церкви святого Дунстана, который я услышу в тот день, когда окончится срок моего учения. Ну как, ты догадался, кого я имею в виду, Фрэнк?

— Нет! Честное слово, — сказал Танстол. — Вероятно, шотландку Дженет, прачку?

— К черту Дженет вместе с ее бельевой корзиной! Нет, нет, нет! Слепая сова, неужели ты не догадываешься, что я имею в виду прелестную мистрис Маргет?

— Ого! — сухо промолвил Танстол.

Живые черные глаза Дженкина вспыхнули гневом, и он бросил на своего товарища подозрительный взгляд.

— Ого?!. Что значит, собственно, это ого? Я думаю, что буду не первым подмастерьем, женившимся на дочери своего хозяина!

— Я полагаю, что они держали свои намерения в секрете, — сказал Танстол, — во всяком случае, до окончания срока учения.

— Вот что я тебе скажу, Фрэнк, — резко ответил Дженкин. — Может быть, так принято у вас, у благородных. Ведь вас с колыбели учат скрывать два разных лица под одним капюшоном, но я никогда не научусь этому.

— Ну что ж, на то есть лестница, — холодно заметил Танстол, — поднимись наверх и смело проси руки мистрис Маргет у нашего хозяина и посмотри, какое лицо ты увидишь под его капюшоном.

— И не подумай, — ответил Дженкин. — Я не такой дурак. Но я выжду свое время, и уже тогда никакая камберлендская пряжа не сломает моего гребня, в этом ты можешь быть уверен.

Фрэнсис ничего не ответил, и, вернувшись к своим обязанностям, они вновь принялись зазывать покупателей.

Глава III

Б о б а д и л. Прошу вас, не говорите никому из ваших знакомых кавалеров, где я живу.

Мейстер Мэттью. Кто, я, сэр? Храни бог, сэр!

Бен Джонсон

На следующее утро Найджел Олифант, молодой лорд Гленварлох, печальный и одинокий, сидел в своей маленькой комнатке в доме судового поставщика Джона Кристи, который этот честный торговец, быть может из благодарности к профессии, служившей главным источником его доходов, построил так, чтобы он как можно больше напоминал корабельную рубку.

Дом этот был расположен близ пристани, у собора святого Павла, в конце одного из тех узких извилистых переулков, которые до большого пожара, уничтожившего в 1666 году эту часть города, пред-

ставляли собой невообразимый лабиринт маленьких, темных, сырых и нездоровых улиц и тупиков, где в те времена так же часто гнездилась зараза, как в наши дни в темных трущобах Константинополя. Но дом Джона Кристи стоял у самой реки, благодаря чему его обитатели могли наслаждаться свежим воздухом, насыщенным благоуханием товаров, которыми торговал судовой поставщик, ароматом смолы и природным запахом ила и тины, остающихся на берегу после прилива.

В общем, хотя жилище молодого лорда не всплывало во время прилива и не садилось на мель во время отлива, он чувствовал себя в нем почти так же уютно, как на борту небольшого купеческого брига, на котором он прибыл в Лондон из далекого города Кирккалди в Файфе. Его почтенный хозяин, Джон Кристи, относился к нему, однако, с должным уважением, ибо Ричард Мониплайз не считал нужным полностью сохранять инкогнито своего господина и честный судовой поставщик догадывался, что его гость занимал более высокое положение, чем можно было подумать, судя по его внешности. Что касается миссис Нелли — его черноглазой жены, веселой полной хохотушки, туго затянутой в корсет, в зеленом переднике, в красной, обшитой легким серебряным позументом юбке, намеренно укороченной, с тем чтобы можно было видеть маленькую, изящную ножку в начищенной до блеска туфельке, — то она, несомненно, интересовалась молодым человеком, очень красивым, жизнерадостным, всегда довольным своим жилищем, принадлежавшим, по-видимому, к значительно более высокому классу и обладавшим несравненно более тонкими манерами, чем шкиперы (или капитаны, как они сами себя называли) торговых кораблей, ее обычные постояльцы, после отъезда которых она неизменно обнаруживала, что чисто вымытый пол был в пятнах от табака (начинавшего в то время входить в употребление, несмотря на запрещение короля Иакова), а лучшие занавески пропахли джином и другими крепкими напитками — к величайшему негодованию миссис Нелли, ибо, как она справедливо

замечала, запах лавки и склада достаточно неприятен и без этих добавлений.

Но мейстер Олифант всегда был спокоен и аккуратен, а в его обращении, хотя и непринужденном и простом, настолько чувствовался придворный и джентльмен, что оно составляло резкий контраст с громкими криками, грубыми шутками и бурным нетерпением ее постояльцев-моряков. Миссис Нелли видела также, что ее жилец был печален, несмотря на его старания казаться довольным и веселым. Словом, она, сама того не замечая, проявляла по отношению к нему такой интерес, что менее щепетильный кавалер мог бы поддаться искушению и злоупотребить ее вниманием в ущерб честному Джону, который был по крайней мере лет на двадцать старше своей подруги. Однако Олифант не только был занят совершенно другими мыслями, но даже если бы он когда-нибудь подумал о такой возможности, подобная любовная интрига показалась бы ему чудовищной неблагодарностью и нарушением законов гостеприимства, ибо он унаследовал от своего покойного отца религию, основанную на незыблемых принципах веры его народа, а в вопросах морали руководствовался правилами безукоризненной честности. Ему не чужды были слабости, свойственные его народу, — чрезмерная гордость за свой род и стремление оценивать достоинства и влияние других людей в зависимости от числа и славы их умерших предков, но его здравый смысл и любезные манеры значительно смягчали, а порой даже помогали совершенно скрыть эту фамильную гордость.

Таков был Найджел Олифант, или, вернее, молодой лорд Гленварлох, в тот момент, к которому относится повествование. Он с глубоким беспокойством размышлял о судьбе своего верного и единственного слуги Ричарда Мониплайза, которого он накануне рано утром послал в Уэстминстерский дворец и который все еще не вернулся.

Читатель уже знаком с его ночными приключениями, и ему известно о Ричи больше, нежели его

хозяину, который ничего не слышал о своем слуге вот уже целые сутки. Тем временем миссис Нелли Кристи поглядывала на своего постояльца с некоторой тревогой и с сильным желанием утешить его, если возможно. Она поставила перед ним сочный кусок солонины с неизменным гарниром из репы и моркови, похвалила горчицу, присланную ее двоюродным братом из Тьюксбери, собственноручно поджарила ему хлеб и нацедила кувшин крепкого пенящегося эля, — все это составляло необходимую принадлежность сытного завтрака в те времена.

Когда она увидела, что тревога ее постояльца мешает ему отдать должное этому великолепному угощению, она принялась утешать его с многословием, свойственным женщинам ее круга, которые, будучи преисполнены благих намерений и надеясь на свою красоту и здоровые легкие, не боятся устать сами или утомить своих слушателей.

— Неужели мы отпустим вас обратно в Шотландию таким же худеньким, каким вы к нам приехали? Куда же это годится! Вот отец моего мужа, старый Сэнди Кристи, говорят, худой был, как скелет, когда приехал с севера, а когда умер — на святого Варнаву десять лет будет, — восемь пудов весил. В ту пору я была простоволосой девчонкой и жила по соседству; тогда у меня и в мыслях не было за Джона выходить: ведь он на двадцать лет старше меня; но дела у него идут на славу и муж он хороший; а его отец, как я уж сказала, когда умер, толстый был, как церковный староста. Вы уж не обижайтесь на меня, сэр, за мою шутку. Надеюсь, эль по вкусу вашей чести?.. А говядина? А горчица?

— Все превосходно... Все бесподобно... — ответил Олифант. — У вас так чисто и уютно, миссис Нелли; не знаю, как я буду жить, когда вернусь на родину... если я вообще когда-нибудь вернусь туда.

Последние слова он произнес с глубоким вздохом, как бы произвольно.

— Я уверена, что ваша честь вернется, если захотите, — сказала хозяйка, — если вы только не наду-

маете взять себе в жены какую-нибудь красивую английскую леди с богатым приданым, как сделали многие из ваших земляков. Ведь немало богатых невест из нашего города вышло замуж за шотландцев. Вот хотя бы леди Трэблпламб, вдова сэра Томаса Трэблпламба, богатого купца, что с Турцией торговал, вышла замуж за сэра Оли Мэколи. Ваша честь, наверно, знает его. А красотка Даблфи, дочь старого адвоката Даблфи, выпрыгнула из окна и на майскую ярмарку обвенчалась с каким-то шотландцем с трудным именем. А дочери старого Питчпоста, лесопромышленника, едва ли поступили умнее — обе вышли замуж за ирландцев. А когда люди смеются надо мной, что я держу постояльца-шотландца — это они про вашу честь, — я говорю им, что они боятся за своих дочерей и жен. А уж кому как не мне заступаться за шотландцев: ведь Джон Кристи наполовину шотландец, и дела у него идут на славу, и муж он хороший, хоть на двадцать лет старше меня. Забудьте вы, ваша честь, все заботы да покушайте как следует и элем запейте.

— Право, не могу, любезная хозяйюшка, — сказал Олифант. — Я беспокоюсь о своем слуге, который так долго не возвращается из вашего опасного города.

Между прочим, следует заметить, что излюбленный способ утешения, применяемый миссис Нелли, заключался в попытках опровергнуть существование какой бы то ни было причины для горя, и говорят, однажды она так увлеклась, что, утешая соседку, потерявшую мужа, уверяла ее, что завтра дорогой покойник будет чувствовать себя лучше, что вряд ли можно было бы назвать подходящей манерой облегчать страдания, даже если бы это было возможно. В данном случае она упорно отрицала, что Ричи отсутствовал больше двадцати часов; а относительно того, что на улицах Лондона убивают людей, то, правда, на прошлой неделе во рву Тауэра нашли двух человек, но это произошло далеко, в восточной части города; а с другим беднягой, которому в поле перерезали горло, это несчастье случилось недалеко от Излингтона; а тот, которого один юноша из Тем-

пла заколол во время пьяной пирушки у церкви святого Климента на Стренде, был ирландец. Все эти объяснения она приводила для того, чтобы показать, что ни одно из этих убийств не произошло при точно таких же обстоятельствах, при которых Ричи, шотландец, должен был возвращаться из Уэстминстера.

— Меня утешает лишь то, дорогая хозяйushка, — ответил Олифант, — что этот малый не забияка и не скандалист и никогда первый не полезет в драку, и у него нет с собой ничего представляющего ценность для кого-либо, кроме меня.

— Что правда, то правда, ваша честь, — сказала неугомонная хозяйushка, умышленно медленно убирая со стола посуду, чтобы иметь возможность продолжить свою болтовню. — Я тоже думаю, что мейстер Мониплайз не кутила и не скандалист. Ведь если бы он был охотником до таких дел, то мог бы вместе с другими молодыми людьми посещать кабачки и здесь, у нас по соседству, но он и не помышляет об этом. А когда я как-то раз пригласила его к своей приятельнице миссис Дринкуотер на рюмочку анисовой с сыром — у миссис Дринкуотер родилась двойня, как я уже рассказывала вашей чести, сэр, — и я его так любезно приглашала, молодого-то человека, а он предпочел дома остаться вместе с Джоном Кристи, а у них разница в годах лет двадцать, ведь слуга-то вашей чести уж не старше меня выглядит. Интересно, о чем это они только беседовали друг с другом. Я спросила Джона Кристи, а он говорит мне: «Ложись спать».

— Если он скоро не вернется, — сказал Найджел, — я попрошу вас указать мне, в какой магистрат мне следует обратиться, ибо я беспокоюсь не только за жизнь этого бедного малого — я дал ему очень важные бумаги.

— О! Могу заверить вашу честь, что он вернется через четверть часа, — промолвила миссис Нелли. — Он не из таких, чтобы пропадать из дому целые сутки. А что до бумаг — я уверена, ваша честь простит его за то, что он дал мне подсмотреть уголок

глаза, когда я подносила ему рюмочку — не больше моего наперстка, для укрепления желудка и от сырости; так они были адресованы его величеству королю, а король, без сомнения, из учтивости оставил Ричи у себя, чтобы рассмотреть письмо вашей чести и послать обратно надлежащий ответ.

Здесь миссис Нелли случайно коснулась предмета, скорее способного принести утешение, чем все ее прежние доводы, ибо сам юный лорд лелеял смутные надежды на то, что его посланца могли задержать во дворце до тех пор, пока не будет составлен надлежащий и благоприятный ответ. Но хотя он, несомненно, был совершенно неопытен в подобных делах, после минутного раздумья он убедился в тщетности своих упований, столь не соответствовавших всему тому, что он слышал о придворном этикете, а также о медлительности при рассмотрении прошений на имя короля, и, тяжело вздохнув, ответил добродушной хозяйке, что он сомневается, взглянет ли король на адресованное ему послание, не говоря уже о том, чтобы немедленно рассмотреть его.

— Стыдитесь, малодушный джентльмен! — воскликнула добрая хозяйка. — Почему бы ему не заботиться о нас так же, как заботилась наша милостивая королева Елизавета? Что бы там ни говорили о королях и королевах, я думаю, что нам, англичанам, больше подходит король; а этот добрый джентльмен часто совершает прогулки вниз по реке до Гринвича, и нанимает много лодочников и гребцов, и оказывает всяческие милости Джону Тейлору, нашему речному поэту, одинаково искусно владеющему пером и веслом; он выстроил красивый дворец в Уайтхолле, у самой реки. А раз король такой большой друг Темзы, я не могу понять, с вашего разрешения, почему бы ему не удовлетворять прошений всех его подданных и особенно вашей чести.

— Вы правы, миссис, вы совершенно правы — будем надеяться на лучшее; но мне все же придется надеть плащ, взять шпагу и просить вашего супруга не отказать мне в любезности объяснить дорогу к ближайшему магистрату.

— Разумеется, сэр, — ответила расторопная хозяйка, — я сделаю это не хуже его: из него ведь слова не вытянешь; но надо отдать ему справедливость — он любящий муж, на всей улице такого не сыщешь. Так вот, в Гилдхолле, что возле собора святого Павла, всегда сидит олдермен; вы уж мне поверьте, он все дела в городе разбирает; а вообще, тут только терпение может помочь. Готова прозакладывать сорок фунтов, что наш молодой человек скоро вернется цел и невредим.

Олифант, объятый тревогой, не смея поверить тому, в чем его так упорно старалась убедить добрая хозяйка, накинул на плечи плащ и собирался уже прицепить к поясу шпагу, как вдруг сначала голос Ричи Мониплайза на лестнице, а затем появление этого верного посланца в комнате положили конец всяким сомнениям. Миссис Нелли, поздравив Мониплайза с возвращением и сделав несколько лестных замечаний по поводу своей собственной проницательности, предсказавшей это событие, наконец сообразовала оставить комнату. Сказать по правде, не только врожденное чувство приличия, боровшееся в ней с любопытством, заставило ее уйти; она понимала также, что Ричи не станет ничего рассказывать в ее присутствии, и вышла, надеясь с помощью собственной хитрости выведать тайну у одного из молодых людей, когда она останется с кем-нибудь из них наедине.

— Во имя неба, что случилось? — воскликнул Найджел Олифант. — Где ты пропадал? Ты бледен как смерть. У тебя рука в крови и плащ разорван. Уж не человека ли ты убил? Ты напился, Ричард, и подрался с кем-нибудь?

— Драться-то я дрался, — сказал Ричи, — самую малость; а чтобы напиться — так это дело нелегкое в этом городе: без денег выпить не дадут; а насчет того, чтобы человека убить, — я-то никого не убил, а мне вот, дьяволы, голову проломили. А голова-то ведь у меня не железная, да и плащ не из кольчуги; ну, дубинкой, значит, меня по башке треснули, а ножом плащ полоснули. Какие-то негодяи поносили мою

родину, но я сбил с них спесь. Тут вся ватага на меня навалилась, ну и стукнули меня по темени так, что в глазах потемнело. Уж не помню, как принесли меня в маленькую лавку у Темпл-Порта, где продают всякие вертушки да волчки, что отмеряют время, как у нас в лавках отмеряют аршинами шотландку; тут мне кровь пустили — хочешь не хочешь, терпи, — и все так обходительны были, в особенности один старик, наш земляк, я о нем еще после расскажу.

— В котором часу все это произошло? — спросил Найджел.

— Два чугунных человечка у церкви возле Темпла только что шесть часов пробили.

— А почему ты не вернулся домой сразу, как только почувствовал себя лучше? — спросил Найджел.

— Сказать по правде, милорд, на каждое «почему» есть свое «потому», а у меня оно было больно важное, — ответил слуга. — Чтоб вернуться домой, надо знать, где твой дом. А я совсем забыл название нашей улицы, и чем больше я спрашивал, тем больше народ смеялся надо мной и тем дальше от дома меня посылали; тут я бросил поиски и решил ждать, пока господь бог не пошлет мне в помощь рассвет; иду это я иду, дошел до церкви какой-то, дай, думаю, хоть на кладбище переночую, да и махнул через ограду.

— На кладбище? — удивился Найджел. — Впрочем, мне незачем спрашивать, что довело тебя до такой крайности.

— Не то чтобы у меня денег не было, милорд, — ответил Ричи с таинственной важностью, — у меня ведь были кое-какие деньжата; а дело-то вот в чем: очень-то, думаю, мне надо платить шесть пенсов какому-нибудь спесивому трактирщику, в такую ясную, сухую весеннюю ночь я и под открытым небом прекрасно выплюсь. Когда мне случилось поздно возвращаться домой и Западные ворота были уже заперты, а сторож ни за что не хотел отпирать их, я частенько располагался на ночлег в телятнике пономаря церкви святого Катберта. Но на кладбище церкви святого Катберта растет мягкая зеленая трав-

ка, на ней, словно на пуховой перине, спишь, пока тебя не разбудит жаворонок, что высоко в небе над замком заливается. А эти лондонские кладбища сплошь вымощены твердым камнем, и мой потертый плащ — слишком тонкий матрац; ну вот мне и пришлось пораньше подняться с постели, пока я совсем в калеку не превратился. Покойникам-то небось там крепко спится, а вот нашему брату — черта с два!

— Ну, а что потом с тобой было? — спросил его господин.

— Забрался я, значит, в укромный уголок под навесом у сарая какого-то и так крепко заснул, словно в замке ночевал. Вот только ночные гуляки меня малость потревожили, девки какие-то с кавалерами своими, но как увидели, что от меня им ничего не перепадет, кроме удара моим Андреа Феррара, обозвали меня нищим шотландцем и пожелали мне доброй ночи, а я и рад был, что так дешево отделался от них. Ну, а утром я потихоньку домой поплелся. Нелегко мне было найти дорогу — ведь я в восточную часть города забрел; площадь там есть, Конец Мили называется; только сдается мне, что там этих миль не меньше шести будет.

— Ну что ж, Ричи, — сказал Найджел, — я рад, что все кончилось благополучно. А теперь пойдешь чего-нибудь. Ты ведь, наверно, проголодался?

— Сказать по правде, да, сэра, — ответил Мони-плейз, — но, с разрешения вашей светлости...

— Забудь на время о моей светлости, Ричи. Сколько раз я тебе говорил!

— Истинный господе, — ответил Ричи, — я мог бы забыть, что ваша честь — лорд, но тогда мне пришлось бы забыть, что я слуга лорда, а это не так-то легко. Но все же, — при этих словах он вытянул вперед три пальца правой руки подобно птичьим когтям, прижав к ладони мизинец и безымянный палец, — во дворец я попал, и мой приятель, обещавший мне устроить всемиловитивейшую аудиенцию у его величества, сдержал свое слово и провел меня по черному ходу во дворец; и там меня угостили таким завтраком, какого я не пробовал с тех пор, как мы сюда

приехали, — я на весь день наелся. Ведь каждое блюдо, съеденное мною в этом проклятом городе, было приправлено беспокойной мыслью о том, что за него придется платить. Правда, угощали-то меня всегонавсего жирным бульоном с костями; но ваша честь знает, что королевская мякина вкуснее крестьянского хлеба, а главное дело — даром все... Но я вижу, — прибавил он, внезапно обрывая свою речь, — что уже надоел вашей чести.

— Ничуть, Ричи, — промолвил молодой лорд, и в его голосе звучала покорность судьбе, ибо он прекрасно знал, что никакие шпоры не заставят его слугу перейти с медленного шага на резвый галоп, — ты достаточно натерпелся, выполняя мое поручение, и заслужил право рассказывать эту историю так, как тебе вздумается. Я хотел бы только, чтобы ты назвал еще имя твоего друга, который провел тебя к королю. Ты был очень скрытен на этот счет, когда взялся с его помощью передать прошение в собственные руки его величества; у меня есть все основания предполагать, что мои предыдущие прошения застревали у его секретарей.

— Совершенно верно, милорд, — сказал Ричи, — сначала я не хотел называть вам его имени и звания: я думал, что вы будете оскорблены, если узнаете, что за человек занимается вашими делами. Но многие достигают высокого положения при дворе с помощью людей еще более ничтожных. Так вот, это был Лори Линклейтер, один из кухонных мужиков, бывший подмастерье моего отца.

— Кухонный мужик! — воскликнул лорд Найджел с досадой, шагая взад и вперед по комнате.

— Но подумайте о том, сэр, — спокойно возразил Ричи, — что все ваши знатные друзья покинули вас и не решились открыто проявлять свою дружбу или поддерживать ваше ходатайство; и хоть я от всего сердца желаю, чтобы Лори получил более высокую должность ради вашей светлости и ради меня, и особенно ради него самого — больно уж он славный малый, — вашей светлости не следовало бы забывать, что кухонный мужик, если можно назвать мужиком

того, кто работает на кухне его величества короля, нисколько не ниже главного повара в любом другом месте. Ведь, как я уже сказал, королевская мякина вкуснее...

— Ты прав, а я заблуждался, — сказал молодой лорд. — У меня нет выбора в средствах, чтобы заявить о своих правах. Я не мог сделать это честным путем.

— Лори самый честный малый, который когда-либо орудовал поварешкой, — сказал Ричи. — Не то чтобы он был очень искусный повар, как другие, или рассуждал умно... Ну, словом — я вижу, что уже надоел вашей чести, — привел он меня во дворец, там суматоха, король на охоту собирается, то ли с гончими, то ли с соколами, на Черную пустошь — так, кажется, это место называется. На дворе конь стоит в полной сбруе, красавец, серой масти, не налюбуйешься; седло на нем, стремяна, удила, уздечка — все из чистого золота или уж по крайней мере из позолоченного серебра. И вот, сэр, по лестнице король спускается со всей своей свитой, в зеленом охотничьем костюме, с двойными галунами, весь золотом расшит. Я его сразу по лицу узнал, хоть давно его не видел. Ну, думаю, а времена-то изменились с тех пор, как ты с перепугу летел вниз по черной лестнице старого Холирудского дворца, штаны даже не успел надеть, так в руках и держал, а за тобой по пятам, словно бешеный, Фрэнк Стюарт, граф Босуэл; и не накинь старый лорд Гленварлох свой плащ на его шпагу — не одну кровавую рану получил он при этом ради твоего спасения — не петь бы тебе сейчас петухом. Вспомнил я все это и думаю: не может быть, чтобы прошение вашей светлости не приняли благосклонно; и бросился сквозь толпу лордов. Лори подумал, что я рехнулся, и схватил меня за полу плаща так, что он по всем швам затрещал. Бросился я, значит, к королю, как раз когда он на коня садился, и сунул прошение прямо ему в руку, а он развернул его с удивлением и не успел прочесть первую строчку, как я хотел отвесить ему низкий поклон; и надо же было мне задеть шляпой морду его клячи, —

она как испугается да как шарахнется в сторону! А король, он ведь сидит в седле что мешок с мякиной, чуть с лошади не слетел — не миновать бы тогда моей шее веревки, — швырнул бумагу под ноги коня и крикнул: «Уберите этого мужлана!» Тут меня схватили. «Измена!» — кричат, а я про Рутвенгов вспомнил, которых из-за такого же пустяка в собственном доме закололи. Но меня только высечь хотели, потащили в домик привратника, чтобы испробовать плети на моей спине; я вопил что было мочи и просил пощады; а король выпрямился в седле, отдышался да как крикнет им: «Не трогайте его, это один из наших шотландских жеребцов, я его по ржанию узнал!»; все как захохочут да заорут, а король и говорит: «Дайте ему указ, и пусть отправляется подобру-поздорову обратно на север с первым же угольщиком». Тут меня отпустили, и все со двора выехали — смеются все, хихикают и чего-то на ухо друг другу шепчут. Ну и досталось же мне от Лори Линклейтера! «Ты, говорит, меня погубишь». А как я сказал ему, что вы меня послали, он мне и говорит: «Мне, говорит, и нагоняй не страшно было бы получить из-за его светлости»; он ведь еще доброго старого лорда помнит, вашего батюшку. А потом он показал мне, как мне следовало бы вести себя — мне бы руку ко лбу поднять, как будто великолепие короля и роскошная сбруя его коня ослепили меня, и еще множество всяких обезьяньих ужимок мне нужно было бы сделать, все равно как если бы я медведя потрохами угощал.¹ «Ибо, — сказал он, — по натуре своей король добрый и справедливый человек, Ричи,

¹ Я уверен, что этот благоразумный совет не был придуман самим мейстером Линклейтером, но в настоящее время я не могу доказать это. Я думаю, дело заключалось в том, что Иаков швырнул на землю ходатайство, поданное ему одним из просителей, не расточавшим похвалы его коню и не выражавшим восхищения блестящей сбруей, со следующими словами: «Неужели король должен утруждать себя рассмотрением прошения какого-то нищего, тогда как этот нищий не замечает величия короля?» По-моему, не кто другой, как сэр Джон Хэррингтон, рекомендует в качестве надежного способа снискать милость монарха восхваление достоинств королевского скакуна. (*Прим. автора*)

но у него есть свои причуды, и нужно знать, как им потрафить; и потом еще, Ричи, — тут он совсем тихо стал говорить, — я никому не сказал бы этого, но такому рассудительному человеку, как ты, я могу поведавать, что короля окружают люди, которые могли бы совратить с пути истинного даже ангела небесного, и я готов дать тебе совет, как угодить ему, но теперь это все равно что горчица после жаркого». — «Ладно, Лори, ладно, — говорю я, — может быть, ты и прав, но так как я избежал плетей и домика привратника, пусть кто хочет подает прошения, и черт поberi Ричи Мониплайза, если он когда-нибудь еще раз придет сюда с таким делом». И я ушел, и не успел я отойти далеко от Темпл-Порта, или Темпл-Бара, или как там он называется, как со мной приключилась беда, о которой я уже рассказывал вам.

— Ну что ж, мой славный Ричи, — сказал Найджел, — ты предпринял эту попытку с добрыми намерениями, и я думаю, ты не так уж плохо выполнил мое поручение, чтобы заслужить такую награду; а сейчас пойдешь и поешь жаркого, об остальном мы поговорим после.

— А больше не о чем и говорить-то, сэр, — сказал слуга, — разве что о том, как я встретил одного честного, обходительного, почтенного джентльмена, или, вернее, горожанина, как мне кажется, который был в лавке этого чудака; и когда он узнал, кто я — что вы думаете, он и сам оказался добрым шотландцем, да еще родом из нашего славного города, — он дал мне вот эту португальскую монету на выпивку, а я так думаю, нам лучше знать, пропить ее или проесть; и еще он сказал, что хочет нанести вашей светлости визит.

— Надеюсь, ты не сказал ему, где я живу, бездельник?! — сердито воскликнул лорд Найджел. — Проклятие! Теперь каждый неотесанный мужлан из Эдинбурга будет навещать меня, чтобы поглазеть на мое несчастье и заплатить шиллинг за удовольствие лицезреть кукольную комедию под названием «Нищий лорд».

— Чтоб я сказал ему, где вы живете?.. — возмущился Ричи, уклоняясь от ответа. — Да как же я мог сказать ему то, чего я сам не знал? Если бы я помнил название улицы, мне не пришлось бы вчера ночевать на кладбище.

— Смотри же не говори никому, где мы живем, — сказал молодой лорд. — С людьми, с которыми у меня есть дела, я могу встречаться в соборе святого Павла или в королевской канцелярии.

«Это все равно что вешать замок на дверь конюшни после того, как украли лошадь, — подумал про себя Ричи, — но я должен рассеять его подозрения».

С такими мыслями он спросил молодого лорда, что написано в указе, который тот все еще держал в руке.

— Ведь у меня не было времени, чтобы прочесть его, — сказал он, — и ваша светлость прекрасно знает, что я видел только большой герб в самом верху — льва, схватившего лапой наш старый шотландский щит; но он держался так же прочно, когда на каждой его стороне было по единому.

Лорд Найджел стал читать указ и густо покраснел от стыда и негодования, ибо для его оскорбленных чувств содержание этого документа было подобно крепкому спирту, которым обожгли свежую рану.

— Какой дьявол там в этой бумаге, милорд? — спросил Ричи, не в силах подавить любопытство при виде того, как его господин изменился в лице. — Я бы не стал спрашивать, да ведь указ не тайное дело, для всех людей написан.

— Ты прав, указ написан для всех, — ответил лорд Найджел, — и он возвещает позор нашей родины и неблагодарность нашего государя.

— Сохрани нас господь! Да еще обнаружить его в Лондоне! — воскликнул Мониплайз.

— Слушай, Ричард, — сказал Найджел Олифант, — в этой бумаге лорды Совета объявляют, что, «принимая во внимание частые посещения английского двора праздными лицами низкого звания, поки-

дающими королевство его величества Шотландию, осаждающими таковой своими тяжбами и прошениями, оскорбляющими королевскую особу убогим, бедным и нищенским видом и тем самым роняющими достоинство своей страны в глазах англичан, запрящаются шкиперам и капитанам кораблей и прочим лицам во всех частях Шотландии доставлять эти жалкие существа в королевскую резиденцию под страхом денежного штрафа или заключения в тюрьму».

— Удивляюсь, как шкипер взял нас на борт своего корабля, — сказал Ричи.

— Зато тебе вряд ли придется ломать голову над тем, как вернуться домой, — сказал лорд Найджел, — ибо здесь есть особый пункт, в котором говорится, что таких праздных просителей следует отправлять обратно в Шотландию за счет его величества и наказывать за дерзость плетью и палками или сажать в тюрьму в соответствии с их проступками, то есть, надо полагать, в соответствии с их бедностью, ибо здесь не говорится ни о каких других проступках.

— Не больно-то это вяжется с нашей старой поговоркой, — заметил Ричи, — «взгляд королевских глаз — что о милости указ». А что там дальше говорится, в этой бумаге, милорд?

— О, лишь коротенькая статья, особенно касающаяся нас и содержащая еще более тяжкие обвинения против тех просителей, которые осмелятся предстать перед королем с целью добиться от него уплаты старых долгов, так как, говорится в этой бумаге, из всех видов назойливости этот вид наиболее ненавистен его величеству.

— Ну, в этом деле у него найдутся соседи, — сказал Ричи, — только не всякий может так же легко отогнать подобную скотинку, как король.

Здесь их беседа была прервана стуком в дверь. Олифант выглянул в окно и увидел незнакомого пожилого человека почтенной наружности. Ричи тоже украдкой бросил взгляд на улицу и узнал, — но, узнав, предпочел не признавать — своего вчерашнего знакомого. Боясь, как бы его причастность к этому

визиту не была обнаружена, он улизнул из комнаты, предоставив хозяйке встретить мейстера Джорджа и проводить его в комнату лорда Найджела, что она и выполнила с величайшей учтивостью.

Глава IV

«Сапог не нов, а видно — сшит
умело», —
Гласит присловье; так и горожанин —
Хоть с виду неказист, да мозговит!
И варит котелок под плоской шапкой
Получше, чем под шляпою с пером
Или под колпаком ночным у лорда!
«Найди разгадку»

Молодой шотландский дворянин принял горожанина с холодной вежливостью, выказав при этом ту сдержанность, посредством которой аристократы любят иногда дать почувствовать плебею, что он непрощенный гость. Но мейстер Джордж не проявил никаких признаков неудовольствия или смущения. Он сел на стул, который лорд Найджел предложил ему из уважения к его почтенной внешности, и после минутного молчания, в течение которого он внимательно смотрел на молодого человека, произнес почтительным и вместе с тем взволнованным тоном:

— Прошу прощения за мою невоспитанность, милорд, но я пытался найти в вашем юношеском лице черты старого доброго лорда, вашего несравненного батюшки.

Прошло несколько секунд, прежде чем молодой Гленварлох ответил, все еще сохраняя свою сдержанность:

— Говорят, что я похож на отца, сэр, и я счастлив встретить человека, чтущего его память. Но дело, которое привело меня в этот город, весьма срочное и столь же секретное...

— Я понял ваш намек, милорд, — сказал мейстер Джордж, — и не хотел бы отрывать вас надолго от

вашего дела или более приятной беседы. Чтобы выполнить свою миссию, мне остается только сказать, что меня зовут Джордж Гериот и что больше двадцати лет тому назад ваш несравненный батюшка принял во мне самое теплое участие и содействовал моему поступлению на службу при шотландском королевском дворе. Узнав от одного из ваших слуг, что ваша светлость прибыли в наш город по весьма важному делу, я счел своим долгом и не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать почтение сыну моего глубокопочтимого покровителя и, так как я пользуюсь некоторой известностью при дворе и в Сити, предложить помощь, которую благодаря моему доброму имени и опытности я мог бы оказать ему в устройстве его дел.

— Я не сомневаюсь ни в вашем добром имени, ни в вашей опытности, мейстер Гериот, — сказал лорд Найджел, — и от всего сердца благодарю вас за ту готовность, с какой вы предоставили их в распоряжение незнакомца; но мое дело при королевском дворе уже закончено, и я собираюсь покинуть Лондон, а может быть, и наш остров, чтобы путешествовать по чужим краям и служить в чужеземных войсках. Должен сказать, что мой неожиданный отъезд оставляет в моем распоряжении лишь немного времени.

Мейстер Гериот не обратил внимания на этот намек и не двинулся с места, однако по смущенному выражению его лица можно было догадаться, что он хотел еще что-то сказать, но не знал, как приступить к делу. Наконец он промолвил с недоверчивой улыбкой:

— Вам повезло, милорд; вы очень быстро справились со своим делом во дворце. От вашей разговорчивой хозяйки я узнал, что вы только две недели как приехали в наш город. Обычно проходят месяцы и годы, прежде чем просителю удается распрощаться с дворцом.

— Мое дело, — сказал лорд Найджел решительным тоном, желая показать, что он не намерен продолжать беседу, — окончательно улажено,

Мейстер Гериот все еще не двигался с места; его искреннее добродушие и почтительные манеры лишали лорда Найджела возможности более ясно выразить свое желание остаться одному.

— Ваша светлость все еще не имели времени, — сказал горожанин, не оставляя попыток поддержать разговор, — для посещения увеселительных мест — театров и других развлечений, столь любезных сердцу молодежи. Но я вижу в руках вашей светлости одно из тех недавно выдуманных описаний пьес,¹ которыми в последнее время одевают всех прохожих. Позвольте спросить, что это за пьеса?

— О! Это хорошо известная пьеса, — сказал лорд Найджел, с раздражением бросая на пол указ, который он до сих пор нетерпеливо мял в руках, — отличная и всеми признанная пьеса — «Новый способ платить старые долги».

Мейстер Гериот нагнулся со словами: «Ах! Мой старый знакомый Филипп Мессинджер», — но развернув бумагу и пробежав глазами ее содержание, он с удивлением взглянул на лорда Найджела и сказал:

— Надеюсь, ваша светлость не думает, что этот запрет может распространяться на вас лично или на ваши притязания?

— Я и сам не хотел этому верить, — промолвил молодой лорд, — но это так. Его величество, чтобы уж раз навсегда покончить с моим делом, соблаговолил послать мне этот указ в ответ на почтительное прошение об уплате крупного займа, предоставленного моим отцом для государственных нужд в трудные для короля времена.

— Непостижимо! — воскликнул горожанин. — Совершенно непостижимо! Если король мог забыть, чем он обязан вашему покойному батюшке, он все же не пожелал бы, я бы даже сказал — не посмел бы, проявить столь вопиющую несправедливость к памяти такого человека, как ваш отец, который умер телес-

¹ Вероятно, имеется в виду театральная программа или афиша. (Прим. автора)

ной смертью, но еще долго будет жить в памяти шотландского народа.

— Я склонен был бы разделить ваше мнение, — ответил лорд Найджел тем же тоном, — но действительность сильнее нас.

— Каково было содержание этого прошения? — спросил Гериот. — И кто вручил его королю? Уж, наверно, там было что-нибудь необычайное или...

— Вот черновик, — сказал молодой лорд, вынимая его из небольшой дорожной шкатулки. — Юридическую часть составил мой адвокат в Шотландии, рассудительный человек, весьма искушенный в подобных делах; все остальное написал я сам, как мне кажется, с подобающей почтительностью и скромностью.

Мейстер Гериот бросил беглый взгляд на черновик.

— Трудно представить себе более умеренные и почтительные слова, — сказал он. — Неужели король мог с презрением отвергнуть это ходатайство?

— Он бросил его на землю, — сказал лорд Гленварлох, — и в ответ на него прислал мне указ, поставив меня на одну доску с бедняками и нищими из Шотландии, позорящими его двор в глазах гордых англичан, — вот и все. Если бы мой отец не помог ему сердцем, мечом и кошельком, быть может, он никогда бы не увидел английского престола.

— Но кто вручил королю это прошение, милорд? — спросил Гериот. — Неприязнь к посланцу иной раз переносится на послание.

— Мой слуга, — ответил лорд Найджел. — Вы видели его и, как я слышал, отнеслись к нему с большой добротой.

— Ваш слуга, милорд?! — воскликнул горожанин. — Он, видно, ловкий малый и, несомненно, предан вам, но поистине...

— Вы хотите сказать, — возразил лорд Найджел, — что он неподходящий посланец, чтобы предстать перед королем. Разумеется, вы правы. Но что же мне было делать? Все мои попытки довести это дело до сведения короля окончились неудачей, и мои

прошения не шли дальше сумок писцов и секретарей. Этот малый уверял, что у него есть друг среди королевской челяди, который сможет провести его к королю, и вот...

— Понимаю, — сказал Гериот. — Но, милорд, почему бы вам, по праву вашего звания и рода, не явиться во дворец и не попросить аудиенции, в которой вам вряд ли было бы отказано?

Юный лорд слегка покраснел и бросил взгляд на свою скромную одежду, весьма опрятную, но уже изрядно поношенную.

— К чему стыдиться и скрывать правду? — промолвил он после минутной нерешительности. — У меня нет приличной одежды, чтобы явиться во дворец. Я не собираюсь делать долги, которые не смогу уплатить, и вряд ли вы, сэр, посоветовали бы мне встать у входа во дворец и лично вручить королю мое прошение вместе с теми, кто жалуется на свою нужду и просит милостыню.

— Разумеется, вам не пристало заниматься такими делами, — сказал горожанин, — но все же, милорд, у меня такое чувство, что здесь произошла какая-то ошибка. Можно мне поговорить с вашим слугой?

— Не думаю, чтобы это могло принести какую-нибудь пользу, — ответил молодой лорд, — но ваше участие кажется мне искренним, и поэтому... — Он топнул ногой, и через несколько секунд явился Мониплайз, стряхивая с бороды и усов хлебные крошки и вытирая пивную пену, что ясно показывало, от какого занятия его оторвали.

— Я прошу вашу светлость, — сказал Гериот, — разрешить мне задать вашему слуге несколько вопросов.

— Пажу его светлости, мейстер Джордж, — вставил Мониплайз, кивнув головой в знак приветствия, — если вы хотите говорить подобающим образом.

— Попридержи свой дерзкий язык, — сказал его хозяин, — и внятно отвечай на вопросы, которые тебе будут задавать.

— И правдиво, если будет угодно вашей пажеской светлости, — сказал горожанин, — ибо ты, вероятно, помнишь, что я обладаю даром обнаруживать ложь.

— Да, да, да, — ответил слуга, несколько смущенный, несмотря на свою дерзость, — хотя мне сдается, что правда, которая хороша для моего господина, хороша для всех.

— Пажи врут своим господам по привычке, — сказал горожанин, — а ты ведь причисляешь себя к этой банде, и мне кажется, ты едва ли не самый старейший из этих повес. Но мне ты должен отвечать правдиво, если не хочешь отведать плети.

— По правде сказать, не очень-то это вкусное блюдо, — сказал великовозрастный паж. — Так задавайте уж лучше ваши вопросы, мейстер Джордж.

— Так вот, — начал горожанин, — я узнал, что вчера ты вручил его величеству прошение или ходатайство высокочтимого лорда, твоего господина.

— Чистая правда, сэр: что было, то было, — ответил Мониплайз, — весь народ видел.

— И ты утверждаешь, что его величество с презрением швырнул его на землю? — спросил горожанин. — Да смотри не вздумай врать; я найду способ узнать правду, и лучше бы тебе провалиться по самую шею в Нор-Лох, столь любезный твоему сердцу, чем говорить ложь, порочащую имя короля.

— В этом деле мне и врать-то нечего, — решительно ответил Мониплайз, — его величество как швырнет прошение на землю, словно пальцы о него замарал.

— Слышите, сэр? — сказал Олифант, обращаясь к Гериоту.

— Пойдите, — промолвил проницательный горожанин. — У этого малого подходящее имя — в его плаще немало складок.¹ Подожди, любезный! — воскликнул Гериот, ибо Мониплайз, бормоча что-то невнятное о своем неоконченном завтраке, начал медленно подвигаться к двери. — Ответь-ка мне еще на один

¹ Игра слов: «Мониплайз» означает по-английски «много складок».

вопрос: когда ты передавал его величеству прошение твоего господина, не передал ли ты вместе с ним еще что-нибудь?

— Помилюйте, мейстер Джордж, да что же я мог передать?

— Вот это я как раз и хочу узнать, и требую ответа, — возразил горожанин.

— Ну что ж, придется, видно, сказать... Может, я и впрямь сунул в руки королю свое собственное маленькое прошеньице вместе с ходатайством его светлости, чтоб его величество лишний раз не беспокоить и чтобы он их оба вместе рассмотрел.

— Твое собственное прошение, мошенник?! — воскликнул его господин.

— Точно так, милорд, — промолвил Ричи, — бедняки ведь тоже могут подавать прошения, как и их господа.

— Интересно знать, что же было в твоём почтительном прошении? — спросил мейстер Гериот. — Ради бога, милорд, потерпите еще немного, а то мы никогда не узнаем правды об этом странном деле. Отвечай же, и я буду твоим заступником перед его светлостью.

— Больно это длинная история; ну, в общем, все дело в клочке бумаги со старым счетом от моего батюшки к всемилостивейшей матушке его величества короля, когда она жила в замке и заказывала в нашей лавке всяческую снедь, что, без сомнения, было большой честью для моего батюшки; похвальным делом будет для короля уплатить по этому счету, и большим утешением для меня — получить эту сумму.

— Какая неслыханная наглость! — воскликнул его господин.

— Каждое слово — чистая правда, — сказал Ричи. — Вот копия прошения.

Мейстер Джордж взял из рук слуги измятый лист бумаги и стал читать, бормоча сквозь зубы:

— «Покорнейше просит... всемилостивейшей матушке его величества... Отпущено в кредит... и осталась неоплаченной сумма в пятнадцать мерков... счет на которую при сем прилагается... Дюжина бычьих ножек для студня... один барашек на рождество...

один жареный каплун в топленном сале для личных покоев, когда его светлость лорд Босуэл ужинал с ее величеством...» Мне кажется, милорд, вы вряд ли будете удивляться тому, что это прошение встретило столь бурный прием у короля. И я полагаю, мой достопочтенный паж, что ты постарался вручить королю свое прошение прежде ходатайства твоего господина.

— Истинная правда, не хотел я этого, — ответил Мониплайз. — Я-то хотел сперва прошение его светлости подать, как полагается; ну, а потом, думаю, он и мой маленький счетик прочтет. Но тут такая суматоха поднялась, лошадь испугалась и шарахнулась в сторону; ну, я тут, наверно, сунул ему в руку оба прошения разом; может, мое и сверху оказалось; да и то сказать, оно и справедливо, ведь сколько я страху-то натерпелся...

— И сколько ты палок получишь, мошенник! — воскликнул Найджел. — Неужели я должен терпеть оскорбления и бесчестие из-за твоей несносной наглости, из-за того, что ты припутываешь свои низкие дела к моим?

— Нет, нет, нет, ваша светлость — вмешался добродушный горожанин. — Я помог обнаружить оплошность вашего слуги; окажите же мне хоть немного доверия и позвольте взять его под свою защиту. Вам есть за что сердиться на него, но мне кажется, что он сделал это не с умыслом, а скорее из тщеславия, и я думаю, если вы сейчас отнесетесь к его поступку снисходительно, в следующий раз он окажет вам лучшую услугу. Ступай, негодник! Я помирю тебя с твоим господином.

— Ну уж нет, — сказал Мониплайз, твердо стоявший на своем, — если уж ему так хочется ударить бедного малого, который последовал за ним совершенно бескорыстно — по-моему, с тех пор, как мы покинули Шотландию, я видел не очень-то много от своего жалованья, — что ж, пусть его светлость поднимет на меня руку, и посмотрим, что скажут люди. Я лучше подставляю спину под удары его дубинки, лишь бы люди не говорили — хоть я и очень благода-

рен вам, мейстер Джордж, — что кто-то чужой вмешивается в наши дела.

— Ступай, ступай, — сказал его господин, — и не попадайся мне на глаза.

— Ну что ж, это недолго, — промолвил Мониплайз, медленно направляясь к двери. — Я ведь не сам пришел, меня позвали, и я уж полчаса тому назад сам бы ушел по доброй воле, да только вот мейстер Джордж задержал меня своими расспросами; истинная правда, оттого и вся суматоха.

И он удалился, ворча что-то себе под нос, скорее с видом оскорбленной невинности, нежели кающегося грешника.

— Ну и намучился же я с этим дерзким слугой! Он неглупый малый, и я не раз имел случай убедиться в его преданности. Я верю, что он любит меня — он не раз доказывал это, — но порой тщеславие так кружит ему голову и он становится таким своевольным и упрямым, что мне начинает казаться, будто он мой господин, а я его слуга; и если ему случится сделать какую-нибудь глупость, он готов известить меня своими громкими жалобами, словно я всему виновой, а уж никак не он.

— И все же не браните и не гоните его, — сказал горожанин, — ибо, поверьте моим сединам, в наши дни любовь и преданность слуги встречаются реже, чем в те времена, когда мир был моложе. Но не давайте ему поручений, мой дорогой лорд, не соответствующих его происхождению и воспитанию, ибо вы сами видите, к чему это может привести.

— Это совершенно очевидно, мейстер Гериот, — промолвил молодой лорд, — и мне очень жаль, что я был несправедлив к своему монарху и вашему господину. Но я, как истый шотландец, задним умом крепок. Ошибка совершена; мое прошение отвергнуто, и у меня нет иного выхода, как на оставшиеся деньги отправиться вместе с Мониплайзом на поле брани и умереть, как умирали мои предки.

— Лучше жить, милорд, и служить своей родине, как ваш благородный батюшка, — ответил мейстер Джордж. — Нет, нет, не падайте духом, не качайте

головой. Король не отверг ваше прошение, так как он не видел его. Вы требуете только справедливости, а монарх должен быть справедливым к своим подданным. И поверьте мне, милорд, в этом нрав короля не расходится с его долгом.

— Я очень хотел бы поверить этому, и все же... — сказал Найджел Олифант. — Я говорю не о своих собственных обидах, но о своей родине, где все еще царит несправедливость.

— Милорд, — сказал мейстер Гериот, — я говорю о своем царственном властелине не только с почтением, подобающим подданному, и с благодарностью осыпанного милостями слуги, но также с откровенностью свободного и преданного шотландца. Сам король всегда стремится к тому, чтобы чаши весов были в равновесии, но среди его приближенных есть люди, которые могут бросить на одну из чаш свои собственные эгоистические желания и низменные интересы. Вы уже пострадали от этого, сами того не зная.

— Я удивлен, мейстер Гериот, — сказал молодой лорд, — что после столь краткого знакомства вы говорите так, как будто вы прекрасно знакомы с моими делами.

— Милорд, — ответил золотых дел мастер, — по роду своих занятий я имею беспрепятственный доступ во внутренние покои дворца. Все знают, что я не люблю вмешиваться в интриги и в придворные распри, и ни один фаворит не пытался еще закрыть передо мною дверь королевского кабинета; напротив, я был на хорошем счету у каждого из них, когда он был у власти, но меня не затронуло падение ни одного из них. Однако при моих придворных связях мне приходится слышать, даже против моей воли, какие колесики в этом механизме вертятся быстрее и какие останавливаются. Разумеется, если я захочу получить такие сведения, я знаю, из каких источников можно добыть их. Я уже сказал вам, почему меня интересует судьба вашей светлости. Только вчера вечером я узнал, что вы прибыли в наш город, но отправляясь к вам сегодня утром, я имел возможность получить для вас некоторые сведения относительно

препятствий, стоящих на пути к удовлетворению вашего ходатайства.

— Сэр, я очень благодарен вам за ваше рвение, которого я едва ли достоин, — ответил Найджел все еще с некоторой сдержанностью, — однако я не могу понять, чем я заслужил такое внимание.

— Прежде всего позвольте мне уверить вас, что оно совершенно искренне, — сказал горожанин. — Я не порицаю вас за то, что вы не склонны верить откровенным признаниям незнакомца, принадлежащего к низкому сословию, встретив так мало сочувствия и помощи у ваших родственников и у людей вашего круга, связанных с вами столь прочными узами. Но вот что тому причиной. Обширные поместья вашего батюшки заложены за сумму в сорок тысяч мерков, и номинальный владелец ипотеки — Перегрин Питерсон, хранитель шотландских привилегий в Кэмпере.

— Мне ничего не известно об ипотеке, — сказал молодой лорд, — но существует закладная на такую сумму, и если она не будет выкуплена, я потеряю все отцовские поместья из-за суммы, не превышающей и четверти их стоимости; вот почему я настаиваю перед королевским правительством на уплате долга, не возвращенного моему отцу, — чтобы я мог выкупить свои земли у алчного кредитора.

— Закладная в Шотландии, — сказал Гериот, — то же самое, что ипотека по сю сторону Твида; но вы не знаете, кто ваш настоящий кредитор. Хранитель привилегий Питерсон — лишь подставное лицо, а за ним скрывается не кто иной, как сам лорд-канцлер Шотландии, который под предлогом этого долга надеется завладеть всеми поместьями или, быть может, оказать услугу третьему, еще более влиятельному человеку. Еероятно, сначала он даст возможность своему ставленнику Питерсону приобрести ваши земли, а когда все забудут об этой позорной сделке, владения и титул лорда Гленварлоха будут переданы могущественному вельможе его раболепным слугой под видом продажи или какой-нибудь другой операции.

— Неужели это возможно? — воскликнул лорд Найджел. — Канцлер плакал, когда я прощался с

ним, называл меня своим братом, даже сыном, дал мне рекомендательные письма, и хотя я не просил у него денежной помощи, он без всякой необходимости извинялся за то, что не может предложить мне ее, ссылаясь на расходы, связанные с его высоким положением, и на свою большую семью. Нет, я не могу поверить, что дворянин способен на такой низкий обман

— Правда, в моих жилах не течет благородная кровь, — сказал горожанин, — но я еще раз заклинаю вас: взгляните на мои седины и подумайте о том, для чего я стал бы бесчестить их ложными обвинениями в делах, в которых я совершенно не заинтересован, если не считать того, что они касаются сына моего благодетеля. Скажите откровенно, принесли вам письма лорда-канцлера какую-нибудь пользу?

— Никакой, — ответил Найджел Олифант. — Лишь любезность на словах и безучастность на деле. Одно время мне казалось, что единственным стремлением людей, к которым я обращался, было отделаться от меня; вчера, когда я упомянул о том, что собираюсь отправиться на чужбину, один из них предложил мне денег, чтобы у меня не было недостатка в средствах для отъезда в добровольное изгнание.

— Вы правы, — сказал Герiot, — они сами с радостью дали бы вам крылья для полета, лишь бы вы не отказались от своего намерения.

— Я сейчас же пойду к нему, — с негодованием воскликнул юноша, — и выскажу ему свое мнение о его низости!

— С вашего позволения, — сказал Герiot, удерживая его, — вы не сделаете этого. Начав ссору, вы погубили бы меня, сообщившего вам эту тайну; и хотя я пожертвовал бы половиной своей лавки, чтобы оказать услугу вашей светлости, я не думаю, что вы хотели бы причинить мне убытки, которые не принесли бы вам никакой пользы.

Слово «лавка» неприятно поразило слух молодого лорда, и он поспешно ответил:

— Убытки, сэръ? Я так далек от желания заставить вас терпеть убытки, что прошу вас во имя неба

отказаться от бесплодных попыток помочь тому, кому уже нельзя помочь.

— Предоставьте это мне, — сказал горожанин. — До сих пор вы шли по неправильному пути. Разрешите мне взять это прошение. Я дам переписать его крупным почерком и выберу подходящее время, как можно скорее, чтобы вручить его королю, разумеется проявив при этом большую предусмотрительность, нежели ваш слуга. Я готов ручаться, что король примет такое решение, какое вам желательно; но если он поступит иначе, даже тогда я не оставлю этого справедливого дела.

— Сэр, — сказал молодой лорд, — вы так добры ко мне, и я нахожусь в таком беспомощном состоянии, что, право, не могу отказаться от вашего любезного предложения, хотя мне стыдно принимать его от незнакомого человека.

— Я думаю, мы уже не чужие друг другу, — сказал золотых дел мастер, — и если мое посредничество окажется успешным и вы вернете себе свое состояние, в награду вы закажете свой первый серебряный сервиз у Джорджа Гериота.

— Вам придется иметь дело с неисправным пла-
тельщиком, мейстер Гериот, — сказал лорд Найджел.

— Этого я не боюсь, — ответил ювелир. — Мне очень приятно видеть улыбку на вашем лице, милорд; мне кажется, вы тогда еще больше похожи на доброго старого лорда, вашего батюшку; и это дает мне смелость обратиться к вам с маленькой просьбой — отобедать у меня завтра в домашнем кругу. Я живу здесь поблизости, на Ломбард-стрит. Я угощу вас куриным бульоном, жирным наштигованным каплуном, бифштексом во славу старой Шотландии да, пожалуй, добрым старым вином, разлитым в бочки еще до того, как Шотландия и Англия стали одним государством. Я приглашу двух-трех наших дорогих земляков, а моей хозяйке, быть может, посчастливится за-получить какую-нибудь шотландскую красотку.

— Я с удовольствием принял бы ваше любезное приглашение, мейстер Гериот, — сказал Найджел, —

но я слышал, что лондонские дамы любят нарядных кавалеров. Я не хотел бы уронить в их глазах честь шотландского дворянина, о котором вы, несомненно, рассказывали как о самом богатом человеке в нашей бедной стране, а в настоящее время у меня нет средств, чтобы блеснуть роскошью.

— Милорд, ваша откровенность заставляет меня сделать еще один шаг, — сказал мейстер Джордж. — Я... я задолжал вашему батюшке некоторую сумму денег, и... Нет, если ваша светлость будет так пристально смотреть на меня, я никогда не расскажу этой истории.. И, говоря откровенно — ибо мне никогда в жизни не удавалось довести ложь до конца, — чтобы добиться успеха в этом деле, ваша светлость должны явиться во дворец в одежде, соответствующей вашему высокому положению. Я золотых дел мастер и живу не только продажей золота и серебра, но также ссужаю деньги. Я буду счастлив ссудить вам под проценты сто фунтов до тех пор, пока ваши дела не будут улажены.

— А если они никогда не будут улажены должным образом? — спросил Найджел.

— Тогда, милорд, — ответил горожанин, — потеря такой суммы не будет иметь для меня большого значения по сравнению с другими неприятностями.

— Мейстер Гериот, — сказал лорд Найджел, — вы великодушно предлагаете мне свою помощь, и она будет принята с искренней благодарностью. Я должен предположить, что вы предвидите удачный исход моего дела, хотя я сомневаюсь в этом, ибо вы не захотели бы прибавить к моему бременю еще новое, убеждая меня наделать долгов, которые я едва ли смогу уплатить. Поэтому я возьму ваши деньги, надеясь и веря, что вы дадите мне возможность вернуть вам мой долг точно в срок.

— Я хочу убедить вас в том, милорд, — сказал ювелир, — что я собираюсь вести с вами дело как с должником, от которого я ожидаю уплаты долга, а потому соблаговолите дать расписку на эти деньги и обязательство уплатить их мне.

Затем ювелир вытащил из-за пояса письменные принадлежности; написав несколько строк соответствующего содержания, он вынул из бокового кармана под плащом небольшой мешочек с золотом и, сказав, что он должен содержать сто фунтов, принялся тщательно пересчитывать на столе его содержимое. Найджел Олифант невольно высказал предположение, что это совершенно лишняя церемония и что он готов взять мешочек с золотом, полагаясь на слово любезного кредитора, что было, однако, несовместимо с манерой старого ювелира вести дела.

— Вам придется быть терпеливым со мной, милорд, — сказал он. — Мы, горожане, осторожный и бережливый народ, и я навсегда потерял бы свое доброе имя везде, где слышен звон колоколов собора святого Павла, если бы я выдал расписку или взял вексель, не сосчитав деньги до последнего пенни. Ну, теперь, кажется, верно. А вот и мои мальчики с мулом! — воскликнул он, выглянув в окно. — Ибо мой путь лежит на запад. Спрячьте ваши деньги, милорд; не советую вам показываться в лондонских гостиницах со стаей этих звонко щебечущих златоперых щеголов. Надеюсь, у вашей шкатулки достаточно крепкий замок; если нет, я могу по дешевке продать вам такой, под которым хранились тысячи. Он принадлежал доброму старому сэру Фейсфулу Фругалу. Его расточительный сын продал скорлупу, после того как съел орех. Так кончилось богатство, нажитое в Сити.

— Надеюсь, ваше богатство не постигнет такая печальная участь, мейстер Гериот, — сказал лорд Найджел.

— Будем надеяться, милорд, — улыбаясь, ответил старый ювелир, но, говоря словами славного Джона Беньяна, «при этом глаза его наполнились слезами». — Богу было угодно взять у меня двух детей, а наш приемыш... Ах, с ним одно только горе! Но я терпелив и благодарен; а что до богатства, которое мне господь послал, так в наследниках недостатка не будет, пока есть еще сироты в Старом Рики. Желаю вам всего хорошего, милорд.

— Одному сироте уже есть за что благодарить вас, — сказал Найджел, провожая его до дверей комнаты, после чего старый горожанин удалился, отказавшись от дальнейшего эскорта.

Спускаясь по лестнице и проходя мимо лавки, он увидел в ней миссис Кристи, которая приветствовала его низким реверансом, и любезно осведомился о ее супруге. Разумеется, миссис Кристи выразила сожаление по поводу его отсутствия, сказав, что он уехал по своим делам в Дептфорд к капитану одного голландского корабля.

— Такое наше дело, сэр; мужу часто приходится уезжать из дома и быть рабом каждого матроса, которому вздумается купить фунт пакли.

— Всякое дело требует заботы, миссис, — заметил ювелир. — Передайте от меня привет вашему хозяину — от Джорджа Гериота с Ломбард-стрит. Мне не раз приходилось иметь с ним дело; он надежный и добросовестный человек и аккуратно выполняет все обязательства. Получше заботьтесь о вашем благородном госте, чтобы он ни в чем не терпел недостатка. Хотя сейчас ему угодно жить в уединении, есть люди, которые пекутся о нем, и мне поручено следить за тем, чтобы у него было все необходимое; вы можете сообщать мне через вашего супруга, дорогая моя, как чувствует себя его светлость и не нужно ли ему чего-нибудь.

— Так, значит, все-таки он настоящий лорд?! — воскликнула хозяйка. — Я с самого начала подумала, что он похож на лорда. Но почему же тогда он не ходит в парламент?

— Он будет заседать в парламенте Шотландии, миссис, — ответил Гериот, — это его родина.

— Ах! Значит, он всего лишь шотландский лорд, — промолвила добрая хозяйка. — Так вот почему люди говорят, что он стыдится носить свой титул.

— Смотрите, как бы он не услышал это от вас, миссис, — сказал горожанин.

— От кого? От меня?! — воскликнула она. — Да у меня и в мыслях этого не было, сэр. Шотландец или англичанин, во всяком случае, он красивый мужчина,

и такой учтивый; я сама готова прислуживать ему, лишь бы он не чувствовал ни в чем недостатка; ради него я и на Ломбард-стрит не поленюсь сходить.

— Пусть уж лучше ваш супруг зайдет ко мне, миссис, — сказал ювелир, которому, несмотря на его жизненный опыт и богатство, не чужды были пуританские взгляды и некоторая педантичность. — Как говорится в пословице: «хозяйка из дома — все в доме вверх дном»; и пусть лучше собственный слуга его светлости ухаживает за своим господином в его покоех — так будет приличнее. Всего доброго!

— Всего доброго вашей милости! — ответила хозяйка довольно холодно, и как только советчик отошел немного подальше и не мог уже слышать ее слов, она пробормотала не очень-то любезным тоном, с презрением отвергая его совет: — Черта с два! Очень-то мне нужен твой совет, старый шотландский жестяник! Мой муж не глупее и не моложе тебя; лишь бы я нравилась ему. И хоть сейчас он не так богат, как некоторые, я еще увижу его верхом на собственном муле с попоной и в сопровождении двух лакеев, не хуже других.

Глава V

Что же вы не при дворе?
Двор участвует в игре:
Шелк шуршит и жемчуг блещет,
Плут на честного клеветает,
Храбреца тиранит трус,
С ложью зло вошло в союз,
Фавориты — тихи, кротки —
Неугодным режут глотки...
Что же вы не при дворе?
Грех не быть в такой игре!

«Скелтон издевается»

Не одно лишь тщеславие заставило благожелательного горожанина сесть верхом на мула и ехать по улицам города в сопровождении вышеупомянутой свиты, что, как мы уже поведали читателю, вызвало некоторое раздражение у миссис Кристи, которое,

надо отдать ей справедливость, быстро улеглось после краткого монолога, только что нами подслушанного. Причиной тому было не только естественное желание золотых дел мастера придать себе более почтенный вид, но также и то обстоятельство, что он держал путь в Уайтхолл, чтобы показать королю Иакову драгоценное произведение искусства, которое, как он полагал, его величество соблаговолит осмотреть, а может быть, и приобрести. Поэтому сам он восседал на своем покрытом попоной муле, чтобы ему легче было прокладывать себе путь по узким, грязным и людным улицам; и в то время как один из провожатых нес под мышкой драгоценный предмет, завернутый в красную байку, двое других тщательно охраняли его, ибо столичная полиция была в таком состоянии, что на улицах часто среди бела дня совершались нападения из мести или с целью грабежа, и тот, кто имел основание опасаться за свою жизнь, всегда старался, если он мог позволить себе такие расходы, обеспечить собственную безопасность, нанимая вооруженных провожатых. Обычай этот, существовавший сначала лишь среди аристократии и мелкого дворянства, мало-помалу распространился также среди именитых горожан, о коих было известно, что они путешествуют обремененные товаром, как тогда говорили; в противном случае они могли бы стать легкой добычей уличных грабителей.

Продолжая путь к западной части города в сопровождении своей доблестной свиты, мейстер Гериот остановился у дверей лавки своего земляка и друга, старого часовщика, и, попросив стоявшего за прилавком Танстола выверить его часы, выразил желание поговорить с хозяином; повинуясь этому зову, старый измеритель времени вышел из своей каморки. Его лицо напоминало потемневший от пыли бронзовый бюст и блестело от медных опилок, а мысли были так одурманены сложными вычислениями, что он в течение минуты смотрел на своего приятеля-ювелира пристальным взглядом, пока наконец не понял, кого он перед собой видит. Выслушав приглашение Гериота, обращенное к Дэвиду Рэмзи и очарователь-

ной мистрис Маргарет, его дочери, отобедать у него завтра в полдень, чтобы встретиться с благородным молодым соотечественником, он ничего не ответил.

— Я заставлю тебя заговорить, чтоб тебе пусто было, — пробормотал Гериот себе под нос и, внезапно меняя тон, громко сказал: — Послушай, сосед Дэви, когда же ты наконец рассчитаешься со мной за слиток серебра, которым я снабдил тебя для установки часов в Теобалдском замке, а также для часов, которые ты сделал для герцога Бакингемского? Мне пришлось заплатить за него наличными, и я должен напомнить тебе, что ты опоздал с уплатой на восемь месяцев.

В требовании настойчивых кредиторов звучат такие резкие и пронзительные ноты, что ни одна человеческая барабанная перепонка, как бы она ни была нечувствительна к другим звукам, не может противостоять им. Дэвид Рэмзи моментально очнулся от своей задумчивости и ответил обиженным тоном:

— Ну что ты, Джордж! Стоит ли поднимать такой шум из-за какой-то сотни фунтов? Весь мир знает, что я в состоянии платить по своим обязательствам, и ты сам согласился подождать до тех пор, пока его величество и благородный герцог не уплатят мне по счетам; ты знаешь по собственному опыту, что я не могу, подобно неучтивому шотландскому мужлану, скандалить у их дверей, как ты скандалишь у моих.

Гериот засмеялся и ответил:

— Ну вот, Дэвид, я вижу, напоминание о долгах подействовало на тебя, словно ушат холодной воды, и сразу вернуло тебя к жизни. А теперь, приятель, ответь мне как добрый христианин: согласен ли ты отобедать у меня завтра в полдень и привести с собой очаровательную мистрис Маргарет, мою крестницу, чтобы встретиться с нашим благородным юным соотечественником лордом Гленварлохом?

— С молодым лордом Гленварлохом?! — воскликнул старый механик. — Я от всей души буду рад снова увидеться с ним. Мы не встречались вот уже сорок лет — он был на два класса старше меня в школе, где нас учили латыни... Славный юноша!

— Ты, видно, совсем из ума выжил! — ответил ювелир. — Это был его отец, понимаешь — отец! Нечего сказать, славный юноша получился бы из достойного лорда к этому времени, если бы он был еще жив. Это его сын, лорд Найджел.

— Его сын! — воскликнул Рэмзи. — Может быть, ему понадобится что-нибудь — хронометр или часы? Нынче ни один кавалер без них обойтись не может.

— Насколько мне известно, он сможет купить половину твоей лавки, если только когда-нибудь вернет себе свое состояние, — сказал его приятель. — Смотри же не забывай своего обещания, Дэви, и не заставляй себя ждать, как в прошлый раз, когда моей хозяйке пришлось до двух часов пополудни парить в печке баранью голову и суп из петуха с пореем.

— Тем большей похвалы заслуживает ее кулинарное искусство, — ответил Дэвид, окончательно пришедший в себя. — Ведь переваренная баранья голова — это яд, как говорится в нашей пословице.

— Ты прав, — сказал мейстер Джордж, — но завтра на обед бараньей головы не будет, и если ты испортишь нам трапезу, ее уж никакой пословицей не сдобришь. Может быть, ты встретишься у меня со своим другом сэром Манго Мэлегроутером, ибо я намерен пригласить его милость. Смотри же не опаздывай, Дэви.

— Нет, нет. Я буду точен, как хронометр, — ответил Рэмзи.

— Я все-таки не верю тебе, — возразил Гериот. — Послушай-ка, Дженкин, скажи шотландке Дженет, чтобы она сказала красавице Маргарет, моей крестнице, пусть она напомнит своему отцу, чтобы он надел завтра свой лучший камзол, и пусть она приведет его в полдень на Ломбард-стрит. Скажи ей, что они встретятся там с молодым красивым шотландским лордом.

Дженкин кашлянул сухим, отрывистым кашлем, как кашляют люди, получившие какое-нибудь неприятное поручение или услышавшие мнение, не допускающее возражений.

— Гм! — передразнил его мейстер Джордж, который, как мы уже заметили, придерживался довольно строгих правил в семейной жизни. — Это что еще за «гм»? Выполнишь ты мое поручение или нет?

— Разумеется, мейстер Джордж Гериот, — ответил подмастерье, слегка коснувшись рукой шапочки. — Я хотел только сказать, что мистрис Маргарет едва ли забудет о таком приглашении.

— Еще бы, — промолвил мейстер Джордж. — Она всегда слушается своего крестного, хотя подчас я и зову ее стрекозой. Да, вот еще что, Дженкин; приходи-ка ты вместе со своим товарищем, чтобы проводить домой хозяина с дочкой, и захватите свои дубинки, но сперва закройте лавку и спустите с цепи бульдога, да пусть привратник посидит в лавке до вашего возвращения. А я пошлю вместе с вами двух слуг — говорят, эти буйные молодчики из Темпла совсем распоясались.

— Наши дубинки не дадут спуска их шпагам, — сказал Дженкин, — и незачем вам беспокоить своих слуг.

— А если понадобится, — промолвил Танстол, — и у нас найдутся шпаги.

— Что ты, что ты, юнец! — воскликнул горожанин. — Подмастерье со шпагой! Господь с тобой! Ты бы еще шляпу с пером надел!

— Ну что ж, сэр, — сказал Дженкин, — мы найдем оружие под стать нашему званию и будем защищать нашего хозяина с дочкой, хотя бы нам пришлось для этого выворотить все камни из мостовой.

— Вот это ответ, достойный смелого лондонского подмастерья, — сказал горожанин, — а в награду вы выпьете по бокалу вина за здоровье отцов города. Я вот все смотрю на вас — молодцы вы, ребята, каждый по-своему. Счастливо оставаться, Дэви! Не забудь — завтра в полдень!

С этими словами он вновь повернул мула на запад и пересек Темпл-Бар медленной, размеренной иноходью, приличествующей его важной должности и званию, что позволяло его пешим провожатым легко поспевать за ним.

У ворот Темпла он снова остановился, спешил и направился к одной из маленьких будок, занимаемых местными стряпчими. Навстречу ему поднялся молодой человек с гладкими блестящими волосами, зачесанными за уши и коротко подстриженными; он с подобострастным поклоном снял шляпу со свисающими полями и ни за что не хотел снова надеть ее; на вопрос золотых дел мастера: «Как дела, Эндрю?», он с величайшей почтительностью ответил:

— Лучше не может быть, ваша милость, с вашей помощью и поддержкой.

— Возьми-ка большой лист бумаги да очини перо поострее, чтобы тонко писало, как волос. Да смотри не расщепляй его слишком высоко — это расточительность в вашем ремесле, Эндрю; собирай по зернышку, — наберешь четверик. Я знал ученого человека, который одним пером написал тысячу страниц.¹

— Ах, сэр, — воскликнул юноша, слушавший золотых дел мастера с выражением благоговения и покорности, хотя тот поучал его в его собственном ремесле, — как быстро такой бедняк, как я, может выйти в люди с таким наставником, как ваша милость!

— У меня наставления коротки, Эндрю, и выполнить их нетрудно. Будь честным, будь прилежным, будь бережливым — и скоро ты приобретешь богатство и уважение. Перепиши-ка мне вот это прошение самым красивым и четким почерком. Я подожду здесь, пока ты не кончишь его.

Юноша не поднимал глаз от бумаги и не выпускал пера из руки до тех пор, пока не справился

¹ В конце написанного Джиллом комментария к библии, который, если память не изменяет автору, занимает от пятисот до шестисот печатных страниц в четвертую долю листа и, следовательно, должен был заполнять больше страниц в рукописи, чем указано в тексте, имеется следующее четверостишие:

Все строчки этого труда
Одним пером я вывел;
Перо, как прежде, хоть куда,
Но труд мне опротивел!

(Прим. автора.)

с порученным ему делом к величайшему удовлетворению заказчика. Горожанин дал молодому писцу золотой и, взяв с него слово, что он будет хранить тайну во всех доверенных ему делах, снова сел верхом на мула и продолжал путь на запад вдоль Стрэнда.

Не мешает напомнить нашим читателям, что Темпл-Бар, через который проезжал Герiot, представлял собой не ворота с аркой, как в наши дни, а ограду или частокол с открытым проездом, который по ночам или в тревожные времена загораживали повешенными на столбах цепями. Также и Стрэнд, вдоль которого он ехал, не был, как теперь, непрерывной улицей, хотя уже в то время он начинал постепенно застраиваться. Он все еще больше походил на открытую дорогу, вдоль южной стороны которой стояли принадлежавшие знати особняки, а за ними до самого берега реки простирались сады со спускавшимися к воде лесенками, облегчавшими пользование лодками; многие улицы, ведущие от Стрэнда к Темзе, унаследовали от этих особняков имена их аристократических владельцев. Северная сторона Стрэнда тоже представляла собой длинный ряд домов, за которыми, как на улице святого Мартина, так и в других местах, быстро воздвигались здания; но Ковент-Гарден¹ все еще был садом в буквальном смысле этого слова — в нем только начинали появляться разбросанные там и сям строения. Тем не менее все кругом говорило о быстром росте столицы, уже в течение долгого времени жившей в мире и богатстве под властью устойчивого правительства. Дома воздвигались во всех концах, и пронизательный взор нашего горожанина уже видел, как в недалеком будущем почти открытая дорога, по которой он ехал, превратится в настоящую улицу, соединяющую дворец и внешнюю часть города с лондонским Сити.

Затем он миновал Черинг-кросс, уже утративший былое очарование глухой деревушки, где некогда судьи любили завтракать по дороге в Уэстминстер-холл, и походивший теперь на артерию, по которой,

¹ «Гарден» (garden) по английски означает «сад».

по выражению Джонсона, «подобно морскому приливу устремляется поток лондонского населения». Город быстро разрастался, но едва ли мог дать хотя бы отдаленное представление о его современном облике.

Наконец Уайтхолл принял в свое лоно нашего путешественника, который проехал под одной из великолепных арок работы Гольбейна, облицованной мозаичными плитками — под той самой аркой, с которой Мониплайз кощунственно сравнил Западные ворота Эдинбурга, — и выехал на обширный двор, где царил полнейший беспорядок, вызванный перестройкой дворца.

Это было как раз в то время, когда Иаков, не подозревая, что он строит дворец, который его единственный сын покинет через окно, чтобы умереть перед ним на эшафоте, приказал снести древние, полуразрушенные здания де Бёрга, Генриха VIII и королевы Елизаветы и освободить место для великолепных творений архитектуры, в которые Иниго Джонс вдохнул весь свой гений. Король, в неведении грядущего, торопился с работой и поэтому продолжал занимать свои королевские покои в Уайтхолле, среди развалин старых зданий и суматохи, сопутствовавшей постройке нового дворца, представлявшего собой в то время труднопроходимый лабиринт.

Ювелир королевского двора и, если верить молве, зачастую его банкир, ибо эти профессии тогда еще не разделились, был слишком важным лицом, чтобы кто-нибудь из часовых или привратников осмелился преградить ему путь; оставив мула и двух провожатых на внешнем дворе, он тихонько постучал в задние ворота дворца и немедленно был введен во внутренние покои в сопровождении самого верного из своих слуг, державшего под мышкой драгоценную ношу. Он оставил своего провожатого в приемной, где несколько пажей в полурасстегнутых королевских livreaх, одетые с большей небрежностью, чем допускало их положение и близость королевской особы, играли в кости и в шашки или лежали, растянувшись на скамейках, и дремали с полузакрытыми глазами. В галерее, ведущей из приемной внутрь дворца,

стояли два камердинера, которые приветливо улыбнулись при появлении богатого ювелира.

Никто не промолвил ни слова, но один из камердинеров взглянул сначала на Гериота, затем на маленькую дверь, наполовину прикрытую гобеленом, и его взгляд, казалось, вопрошал: «Вы хотите пройти сюда?» Горожанин кивнул головой, и придворный с величайшей осторожностью, словно пол был устлан яйцами, на цыпочках подошел к двери, слегка приоткрыл ее и тихо произнес несколько слов. В ответ послышался голос короля Иакова, говорившего с резким шотландским акцентом:

— Немедленнопусти его, Максуэл! Ты так долго служишь при дворе и все еще не знаешь, что золото и серебро всегда желанные гости.

Камердинер жестом пригласил Гериота подойти ближе, и почтенный горожанин немедленно был введен в кабинет монарха.

Окружавший короля беспорядок прекрасно гармонировал с характером и образом мыслей Иакова. Среди картин и других украшений в кабинете было немало великолепных произведений искусства, но они были небрежно развешаны и покрыты пылью и, казалось, теряли от этого половину своей ценности, не производя должного впечатления. Стол был завален огромными фолиантами, среди которых лежали небольшие книжки шуточного и легкомысленного содержания; вперемежку с записями безжалостно длинных речей и трактатами об искусстве правления валялись жалкие песенки и баллады «королевского подмастерья в искусстве поэзии», как Иаков сам себя именовал, проекты всеобщего умиротворения Европы и список кличек охотничьих собак королевского двора вместе с перечнем средств от бешенства.

На короле был камзол из зеленого бархата с зашитыми под подкладку монетами, чтобы предохранить его от удара кинжалом, что придавало ему неуклюжую, безобразную полноту, а от криво застегнутых пуговиц фигура его казалась перекошенной. Поверх зеленого камзола на нем был надет темный халат, из кармана которого торчал охотничий рог.

Его высокая серая шляпа с нитью крупных баласских рубинов вокруг тульи лежала на полу, покрытая пылью, на голове у него был ночной колпак из синего бархата, украшенный спереди пером цапли, сраженной на лету его любимым соколом, в память чего король и носил этот высокочтимый сувенир.

Но все эти несообразности в одежде и обстановке были лишь внешними проявлениями противоречий в характере короля, возбуждавшем недоверие у современников и представлявшем загадку для будущих историков. Он отличался глубокой ученостью, не обладая при этом полезными знаниями; временами он проявлял проницательность, хотя не был наделен истинной мудростью; он любил власть и стремился сохранить и укрепить ее, но готов был уступить управление государством и руководство своей собственной особой самым недостойным фаворитам; он смело отстаивал свои права на словах, но покорно смотрел, как их попирали на деле; он любил вести переговоры, в которых всегда оказывался одураченным, и боялся войны, в которой легко мог бы одержать победу. Он дорожил своим достоинством и в то же время постоянно унижал его неподобающей фамильярностью; он был готов к свершению великих дел на благо народа, но часто пренебрегал ими ради самых низменных развлечений; остряк и вместе с тем педант; ученый, он любил беседы с невеждами и необразованными людьми. Даже робость его характера не была постоянной, и в его жизни были моменты очень опасные, когда в нем пробуждался дух его предков. Он был трудолюбив в пустяках, но относился к серьезному труду как к пустякам; благочестивый в своих чувствах, он слишком часто богохульствовал; справедливый и благожелательный по природе, он тем не менее допускал беззаконие и притеснения со стороны других. Он был скуп, когда дело касалось денег, проходивших через его собственные руки, и в то же время неосмотрительно и беспредельно расточителен с деньгами, которых он не видел. Словом, хорошие качества, проявлявшиеся в некоторые моменты его жизни, не были достаточно постоянными и резко

выраженными, чтобы оказывать влияние на все его поведение, и их случайное проявление дало повод Сюлли назвать Иакова мудрейшим глупцом в христианском мире.

Судьба этого государя была так же изменчива, как его характер. Несомненно, наименее одаренный из всех Стюартов, он мирно унаследовал королевство, от посягательств которого его предшественники с таким трудом защищали трон его родины, и, наконец, хотя царствованию короля Иакова, казалось, суждено было даровать Великобритании длительное спокойствие и внутренний мир, столь любезные сердцу монарха, именно в его царствование были посеяны семена раздора, из которых, как из зубов мифического дракона, взошли всходы кровавой гражданской войны.

Таков был монарх, который, приветствуя Гериота, назвал его Звонким Джорди (ибо он любил давать прозвища всем своим приближенным) и осведомился, какие новые погремушки тот принес с собой, чтобы выманить деньги у своего законного, родного короля.

— Сохрани меня бог, милорд, — сказал горожанин, — от таких нечестных намерений. Я только принес серебряное блюдо, чтобы показать его вашему всемилостивейшему величеству, ибо мне не хотелось отдавать предмет столь искусной работы в руки кого-либо из ваших подданных, не узнав предварительно соизволения вашего величества.

— Бог ты мой! Ну что ж, давай посмотрим, Гериот, хотя, клянусь, серебряный сервиз Стини был такой дорогой покупкой, что я чуть не дал наше королевское слово оставить при себе свое золото и серебро и предоставить тебе, Джорди, владеть твоим.

— Что касается сервиза герцога Бакингема, — сказал золотых дел мастер, — ваше величество изволили дать распоряжение, чтобы не жалели никаких затрат, и...

— Что значат мои желания? Когда мудрец живет среди глупцов и детей, ему приходится даже играть в орлянку. Но у тебя должно было бы хватить ума, чтобы не потакать сумасбродным прихотям малютки Чарлза и Стини; они готовы устлать серебром полы

в своих покаях; прямо чудо, что они еще не сделали этого.

Джордж Гериот поклонился и не промолвил больше ни слова. Он слишком хорошо знал своего господина, чтобы приводить в свое оправдание что-либо, кроме осторожного напоминания о его приказе. Иаков, в ком бережливость была лишь мимолетным и преходящим приступом угрызений совести, сразу возгорелся желанием увидеть серебряное блюдо, которое ювелир собирался показать ему, и послал за ним Максуэла. Тем временем он спросил горожанина, где тот достал его.

— В Италии, если угодно вашему величеству, — ответил Гериот.

— В нем нет ничего напоминающего о папизме? — спросил король, и взгляд его стал более суровым, чем обычно.

— Разумеется, нет, с позволения вашего величества, — ответил Гериот. — Неужели я осмелился бы предстать перед вашим величеством с вещью, отмеченной печатью зверя?

— Если бы ты это сделал, ты сам уподобился бы зверю, — сказал король. — Хорошо известно, что в юности я сражался с драконом и поверг его на пороге его собственного капища; этого достаточно, чтобы со временем меня назвали защитником веры, хотя я и недостойн этого. А вот и Максуэл, согнувшийся под своим бременем, подобно Золотому ослу Апулея.

Гериот поспешил освободить камердинера от его ноши и поставить чеканное блюдо огромных размеров — ибо такова была эта драгоценность — так, чтобы изображенная на нем сцена предстала взору короля в выгодном освещении.

— Клянусь бессмертием моей души, — воскликнул король, — любопытная вещьца и, как мне кажется, достойная королевских покоев! И сюжет, как ты говоришь, мейстер Джордж, весьма подходящий и приличествующий случаю; как я вижу, это суд Соломона, царя, по стопам которого живущие монархи должны следовать, стремясь превзойти его.

— Но, идя по чьим стопам, — сказал Максвелл, — только один из них — если позволено подданному иметь свое суждение — превзошел его.

— Попридержи свой язык, негодный льстец! — сказал король, но улыбка на его лице показывала, что лесть достигла своей цели. — Полюбуйся на это прекрасное произведение искусства и попридержи свой длинный язык. Чья это работа, Джорди?

— Это блюдо, государь, — ответил золотых дел мастер, — сделано знаменитым флорентинцем Бенвенуто Челлини и предназначено для короля Франции Франциска Первого, но я надеюсь, что для него найдется более достойный хозяин.

— Франциск, король Франции! — воскликнул монарх. — Послать Соломона, царя иудейского, Франциску, королю Франции! Клянусь всем святым, если бы Челлини не совершил больше никакого безумства в своей жизни, этого было бы достаточно, чтобы назвать его сумасшедшим. Франциск! Этот горе-войка, потерпевший поражение под Павией, как некогда наш Давид под Даремом. Если бы ему послали Соломонову мудрость, его миролюбие и благочестие, поистине ему оказали бы большую услугу. Но Соломон достоин лучшей компании, нежели король Франциск.

— Я надеюсь, что такова будет его судьба, — сказал Гериот.

— Занятная и очень искусная скульптура, — продолжал король, — но мне кажется, *carpiſex*, сиречь палач, размахивает мечом перед самым лицом короля и легко может задеть его. Я думаю, не требуется Соломоновой мудрости, чтобы понять, какую опасность таит в себе острое оружие, и ему следовало бы приказать этому невеже вложить в ножны свой меч или отойти подальше.

Джордж Гериот пытался рассеять опасения короля, уверяя его, что расстояние между Соломоном и палачом не так мало, как ему кажется, и что нужно принимать во внимание перспективу.

— Иди к дьяволу со своей перспективой! — воскликнул король. — Для законного короля, который

хочет править окруженный любовью и умереть в мире и почете, не может быть худшей перспективы, чем обнаженный меч, сверкающий перед его глазами. Меня считают одним из самых храбрых, но должен признаться тебе — я никогда не мог смотреть на обнаженный клинок не моргая. Но, в общем, это прекрасная работа. И сколько же ты за нее хочешь?

Золотых дел мастер ответил, что хозяин блюда не он, а один его земляк, попавший в беду.

— Уж не хочешь ли ты под этим предлогом заломить за него двойную цену? — спросил король. — Я знаю ваши торгашеские уловки.

— Могу ли я надеяться обмануть прозорливости вашего величества? — сказал Гериот. — Вещь эта не поддельная, и цена ей сто пятьдесят фунтов стерлингов, если вашему величеству будет угодно расплатиться наличными.

— Сто пятьдесят фунтов! И столько же ведьм и колдунов, чтобы добыть их! — воскликнул раздраженный монарх. — Клянусь, Звонкий Джорди, ты хочешь, чтобы твой кошелек звенел, как струны лютни! Как я могу отсчитать тебе сто пятьдесят фунтов за вещь, которая не весит и ста пятидесяти мерков? И ты знаешь, что я уже шесть месяцев не платил жалованья даже своим слугам и поварам!

Золотых дел мастер спокойно выслушал все эти упреки, к которым он давно уже привык, и только заметил, что если блюдо понравилось его величеству и если его величество желает приобрести его, о цене нетрудно будет договориться. Правда, хозяину блюда нужны деньги, но он, Джордж Гериот, готов ссудить их его величеству, если ему угодно, и ждать уплаты этой суммы, а также других сумм до тех пор, пока его величество не сможет уплатить их, а тем временем будут насчитываться обычные проценты.

— Клянусь, — воскликнул Иаков, — это честные и разумные условия! Мы сможем получить еще одну субсидию от палаты общин и рассчитаться за все. Унеси отсюда блюдо, Максуэл, и пусть поставят его в таком месте, где Стини и Чарлз смогут увидеть его, когда вернутся из Ричмонда. А теперь, когда мы

остались одни, мой добрый старый друг Джорди. я могу сказать тебе по секрету, что, если уж говорить о Соломоне и о нас с тобой, вся мудрость страны покинула Шотландию, когда мы отправились сюда на юг.

Джордж Гериот, достаточно хорошо усвоивший придворные нравы, не преминул заметить, что мудрые так же охотно следуют за мудрейшими, как олени следуют за своим вожакom.

— Поистине, в твоих словах есть доля правды, — сказал Иаков, — ибо англичане, несмотря на свою самоуверенность, считают нас самих, наших придворных и слуг, хотя бы, например, тебя, неглупыми людьми, а мозги тех, кто остался на нашей родине, кружатся в дикой пляске, словно колдуны и ведьмы на шабаше.

— Мне очень прискорбно слышать это, мой государь, — сказал Гериот. — Не соизволит ли ваше величество сказать, что сделали наши соотечественники, чтобы заслужить столь дурную славу?

— Они с ума сошли, дорогой мой, совершенно рехнулись, — ответил король. — Я не могу отвадить их от дворца никакими указами, которые повсюду до хрипоты в горле выкрикивают мои герольды. Не дальше как вчера, как раз, когда мы уже сели на коня и собирались выехать со двора, вбегает этаким эдинбургский мужлан, настоящий оборванец — лохмотья на спине так и разлетаются в разные стороны, шляпа и плащ словно у пугала огородного, — и без всяких приветствий и поклонов, словно назойливый нищий, сует нам в руки какое-то прошение об уплате долгов нашей всемилостивейшей матушки и о тому подобной ерунде. Наша лошадь встала на дыбы, и если бы мы не были таким великолепным наездником, как говорят, превосходящим в этом искусстве большинство монархов и их подданных во всей Европе, клянусь тебе, мы растянулись бы на камнях во весь рост.

— Ваше величество, — сказал Гериот, — родной отец для них, и это придает им смелости добиваться вашего милостивого приема.

— Мне прекрасно известно, что я *pater patriae*,¹ — сказал Иаков, — но можно подумать, что они хотят распотрошить меня, чтобы разделить мое наследство. Клянусь, Джорди, эти деревенские увальни не могут даже подобающим образом подать прошение своему монарху.

— Хотел бы я знать самый подходящий и приличный способ подавать прошения, — сказал Гериот, — хотя бы для того, чтобы научить наших бедных земляков хорошим манерам.

— Клянусь спасением своей души, — воскликнул король, — ты понимаешь толк в воспитании, Джорди, и мне не жаль потратить время на то, чтобы поучить тебя! Итак, во-первых, сэр, к его величеству следует приближаться вот так — прикрывая глаза рукой, чтобы показать, что находишься перед лицом наместника господ бога. Очень хорошо, Джорди, очень благопристойно. Затем, сэр, ты должен преклонить колена, как будто собираешься поцеловать край нашей одежды, шнурок нашего башмака или нечто подобное. Прекрасно разыграно; а мы, желая быть любезным и милостивым к нашим подданным, предупреждаем твое намерение и делаем тебе знак, чтобы ты встал; но ты, желая снискать нашу милость, все еще не встаешь с колен и, опустив руку в свою сумку, достаешь прошение и почтительно кладешь его в нашу открытую ладонь.

Тут золотых дел мастер, с большой точностью выполнивший всю предписанную церемонию, к немалому удивлению Иакова завершил ее, положив в его руку прошение лорда Гленварлоха.

— Что это значит, негодный обманщик?! — воскликнул король, краснея и брызгая слюной. — Для того я учил тебя всем этим церемониям, чтобы ты подал свое прошение нашей королевской особе? Клянусь всем святым, это все равно, что ты направил бы на меня заряженный пистолет. И ты сделал это в моем собственном кабинете, куда никто не смеет входить без моего всемилостивейшего соизволения.

¹ Глава отечества (лат.).

— Я надеюсь, — сказал Гериот, все еще стоя на коленях, — ваше величество простит меня за то, что я, желая помочь своему другу, воспользовался уроком, который вы соблаговолили мне преподать.

— Другу! — воскликнул король. — Тем хуже... тем хуже для тебя, должен я тебе сказать. Если бы речь шла о том, чтобы сделать добро тебе самому, это бы еще куда ни шло, и можно было бы надеяться, что ты не скоро снова обратишься ко мне; но у тебя может быть сотня друзей, и от каждого из них по прошению, одно за другим.

— Надеюсь, — сказал Гериот, — что ваше величество будет судить обо мне по прежнему опыту и не заподозрит меня в такой самонадеянности.

— Не знаю, — сказал благодушный монарх. — Мне кажется, весь мир сошел с ума... *sed semel insanivimus omnes*.¹ Конечно, ты мой старый и верный слуга, и если бы ты просил что-нибудь для себя, поверь, тебе не пришлось бы просить дважды. Но Стини так любит меня, что ему неприятно, когда кто-нибудь, кроме него самого, домогается моей благосклонности. Максуэл, — камердинер уже вынес блюдо и снова вернулся в кабинет короля, — отправляйся-ка в приемную вместе со своими длинными ушами. Говоря по совести, Джорди, я думаю, так как ты был моим доверенным и ювелиром еще в те времена, когда я мог бы сказать про себя словами языческого поэта: «*Non tea genidet in domo lasuipag*»² — ибо, поистине, они так разграбили старый дом моей матушки, что буковые кубки, деревянные тарелки и медные блюда были в то время лучшим убранством нашего стола, и мы радовались, когда у нас было что положить на них, и не обращали внимания, из какого металла сделана наша посуда. Помнишь — ведь ты был посвящен в большинство наших заговоров — как нам пришлось послать полдюжины солдат, чтобы опустошить голубятню и птичий двор леди Логенхауз, и какой огромный иск предъявила бедная дама Джоку Милчу и во-

¹ Однажды мы все бываем безумны (лат.).

² Не в моем доме потолок блистает (лат.).

рам из Эннендейла, которые были так же неповинны в этих деяниях, как я в грехе смертоубийства?

— Джоку повезло, — сказал Гериот, — ибо, если память мне не изменяет, это спасло его от виселицы в Дамфризе, которую он вполне заслужил за другие злодеяния.

— Как, ты помнишь и это?! — воскликнул король. — Но он обладал другими достоинствами. Джок Милч был лихим охотником и кликал гончих таким зычным голосом, что эхо разносилось по всему лесу. Но в конце концов его постигла участь Эннендейла: лорд Торторуолд проткнул его своим копьем. Черт возьми, Джорди! Когда я вспоминаю все эти дикие проделки, признаться, мне кажется, нам веселее жилось в старом Холируде в те тревожные времена, нежели теперь, когда мы как сыр в масле катаемся. *Cantabit vacuus*¹ — у нас не было никаких забот.

— Быть может, ваше величество соизволит вспомнить, — сказал золотых дел мастер, — с каким трудом мы собрали серебряную посуду и золотые вещи, чтобы пустить пыль в глаза испанскому послу.

— Как же! — воскликнул король, увлеченный беседой. — Не помню только имени того преданного лорда, который отдал нам все до последней унции, что было в его доме, лишь бы его монарх не ударил лицом в грязь перед теми, в чьем владении находится вся Вест-Индия.

— Я полагаю, ваше величество, — сказал горожанин, — если вы взглянете на бумагу, которую вы держите в руке, вы вспомните его имя.

— Верно! — воскликнул король. — Как ты сказал? Да, его звали лорд Гленварлох... *Justus et tenax propositi*...². Справедливый человек, но упрям, как бык. Когда-то он был против нас, этот лорд Рэндел Олифант Гленварлох, но, в общем, он был любящим и верным подданным. А этот проситель, должно быть, его сын: Рэндел ведь давно уже ушел туда, куда

¹ Он будет петь свободный (лат.).

² Справедливый и твердый в испытании (лат.).

суждено уйти королю и лорду, Джорди, а также тебе подобным. Чего же хочет от нас его сын?

— Уплаты крупного долга, — ответил горожанин, — казначейством его величества — денег, которые его отец ссудил вашему величеству в трудную минуту, во время заговора Рутвена.

— Я хорошо помню это, — сказал король Иаков. — Черт возьми, Джорди! Тогда я только что вырвался из когтей мейстера Глэмиса и его сообщников, и никогда еще ни для одного наследного принца деньги не были столь желанными гостями; тем более позорно и достойно сожаления, что венценосный монарх нуждается в столь ничтожной сумме. Но почему же он пристаёт к нам с этим долгом, словно булочник в конце месяца? Мы должны ему деньги, и мы уплатим их, когда это будет нам удобно, или возместим их каким-нибудь другим образом, как подобает между монархом и его подданным. Мы не *in meditatione fucae*.¹ Джорди, и нет нужды арестовывать нас так поспешно.

— Увы! Если угодно знать вашему величеству, — сказал ювелир, качая головой, — не собственное желание, а крайняя нужда заставляет бедного молодого дворянина быть таким докучливым; ему нужны деньги, и как можно скорее, чтобы уплатить долг Перегрину Питерсону, хранителю привилегий в Кэмпвере, в противном случае он лишится унаследованного им титула барона, и родовое поместье Гленварлохов будет у него отобрано в уплату невыкупленной закладной.

— Что ты говоришь, Джорди, что ты говоришь?! — нетерпеливо воскликнул король. — Чтобы этот мужлан, хранитель привилегий, сын голландского шкипера, захватил поместья и титул старинного рода Олифантов? Клянусь святым причастием, Джорди, не бывать этому; мы можем приостановить взыскание нашим всемилостивейшим указом или иным путем.

— С позволения вашего величества, я сомневаюсь, чтобы это было возможно, — ответил горожанин. —

¹ Готовимся к бегству (лат.).

Ваш ученый советник, знаток шотландских законов, уверяет, что нет никакого другого средства, кроме уплаты долга.

— Вздор! — воскликнул король. — Пусть он не уступает этому мужлану до тех пор, пока мы не наведем порядок в его делах.

— Увы! — настойчиво повторил ювелир. — С позволения вашего величества, ваше собственное мирное правление и ваша справедливость ко всем людям сделали грубую силу ненадежной опорой всюду, за исключением пределов Шотландии.

— Да, да, да, Джорди, — сказал озадаченный монарх, чьи представления о справедливости, целесообразности и выгоде путались в таких случаях самым странным образом, — справедливо, чтобы мы уплатили наш долг, дабы этот юноша мог уплатить свой. Ему нужно заплатить, и, *in verbo regis*,¹ ему будет заплачено. Но как достать денег, мой друг? Это трудная задача. Попытай-ка счастья в Сити, Джорди.

— Сказать по правде, — ответил Гериот, — с позволения вашего величества, что касается займов, ссуд и субсидий — в настоящее время в Сити...

— Не говори мне ничего о Сити, — перебил его король Иаков. — Наша казна так же суха, как проповеди настоятеля собора святого Эгидия о покаянии — *ex nihilo nihil fit*,² — с дикого шотландского горца штанов не снимешь. Пусть тот, кто приходит ко мне за деньгами, научит меня, как достать их. Ты должен попытаться счастья в Сити, Гериот; ведь не зря тебя зовут Звонким Джорди. И, *in verbo regis*, я уплачу долг этому юноше, если ты устроишь для меня заем... Я не буду торговаться об условиях, и, скажу тебе по секрету, мы выкупим старинное родовое поместье Гленварлохов. Но почему же молодой лорд не является во дворец, Гериот? Он красив? У него достаточно приличный вид, чтобы показаться при дворе?

¹ Слово короля (лат.).

² Из ничего ничего и не получится (лат.).

— Никто не мог бы соперничать с ним в этом, — сказал Джордж Гериот, — но...

— Ага, я понимаю тебя! — воскликнул король. — Я понимаю тебя — *res angustæ domi*.¹ Бедный юноша, бедный юноша! А отец его — истый шогландец, с верным и преданным сердцем, хоть и упрям бывал иногда. Послушай, Гериот, дадим этому юноше двести фунтов на экипировку. Вот, возьми, — и он снял со своей старой шляпы нить рубинов. — Ты раньше уже ссужал мне под нее более крупную сумму, старый левит. Оставь ее у себя в залог, пока я не верну тебе деньги из следующей субсидии.

— Если вашему величеству будет угодно дать мне эти распоряжения в письменной форме, — сказал осторожный горожанин.

— Черт бы побрал твою щепетильность, Джордж, — сказал король. — Ты педантичен, как пуританин, в отношении всяких церемоний и настоящий маловер, когда речь идет о сути дела. Неужели тебе недостаточно королевского слова, чтобы ссудить мне твои жалкие двести фунтов?

— Но не для того, чтобы хранить у себя королевские драгоценности, — ответил Джордж Гериот.

И король, давно уже привыкший иметь дело с недоверчивыми кредиторами, написал распоряжение на имя Джорджа Гериота, своего любимого золотых дел мастера и ювелира, на сумму в двести фунтов, подлежащих немедленной уплате Найджелу Олифанту, лорду Гленварлоху, в счет королевского долга, разрешающее также хранение в качестве залога нити баласских рубинов с крупным бриллиантом, описанной в каталоге драгоценностей его величества, которая должна оставаться во владении вышеупомянутого Джорджа Гериота, ссудившего упомянутую сумму, и так далее, до тех пор, пока он не получит законного удовлетворения и ему не будет уплачена вышеупомянутая сумма. В другом указе его величество давал упомянутому Джорджу Гериоту полномочия вести переговоры с некоторыми денежными людьми о предо-

¹ Ограниченность средств ума (лат.).

ставлении на справедливых условиях ссуды для текущих нужд его величества в сумме не менее пятидесяти тысяч мерков, а если окажется возможным, то и больше.

— Учился ли он где-нибудь, наш лорд Найджел? — спросил король.

Джордж Гериот не мог точно ответить на этот вопрос, но высказал предположение, что молодой лорд учился в чужих краях.

— Мы сами дадим ему совет, как заниматься науками с наибольшей пользой; а может быть, мы пригласим его ко двору, чтобы он учился вместе со Стини и малюткой Чарлзом. Хорошо, что мы вспомнили о них. Уходи, Джордж, уходи, ибо дети сейчас вернутся домой и мы не хотели бы, чтобы они узнали про дело, о котором мы с тобой только что говорили. *Propera pedem*,¹ о Джорди! Забирайся на своего мула и — с богом!

Так закончилась беседа между добрым королем Джейми и его щедрым ювелиром и золотых дел мастером.

Глава VI

Его я знаю — он точь-в-точь лимон:
Им остроумцы смачивали губы,
Чтоб перебить лимонной кислотой
В зубах навязший мед придворной лести.
Сок был жесток и едок — но, увы,
Кончается: лимон почти что выжат,
А бедная сухая кожа
Пойдет в корыто для свиного поила —
Не любят люди горького.

«Камергер», комедия

Добрая компания, приглашенная гостеприимным горожанином, собралась в его доме на Ломбард-стрит в «тощий и голодный» полуденный час, чтобы принять участие в трапезе, разделяющей день на две части, — примерно в ту пору, когда современный светский

¹ Торопись (лат.).

человек, ворочаясь на своей перине, не без сомнений и нерешительности мало-помалу приходит к убеждению, что пора все-таки начинать его. Явился туда и молодой Найджел в костюме хотя и простом, но все же более приличествующем его возрасту и званию, чем прежнее одеяние, в сопровождении своего слуги Мониплайза, внешность которого также значительно изменилась к лучшему. Из-под синего бархатного берета, небрежно сдвинутого набекрень, смотрело его торжественное и суровое лицо. На нем был плотный, облегающий камзол из синего английского сукна, который, не в пример его прежней одежде, не могли бы разорвать все подмастерья с Флит-стрит. Щит и палаш — оружие, соответствующее его положению, — и изящная серебряная пряжка с гербом его господина свидетельствовали о том, что он был слугой аристократа. Он сидел в кухне почтенного горожанина, предвкушая тот момент, когда его услуги за господским столом будут вознаграждены и он получит свою долю угощения, какое ему не часто случалось отведывать. Мейстер Рэмзи, ученый и изобретательный механик, тщательно вымытый, причесанный и очищенный от копоти и сажи мастерской и кузницы, был, согласно обещанию, благополучно доставлен на Ломбард-стрит. Сопровождавшая Рэмзи девушка лет двадцати была очень красива, очень скромна и застенчива, но ее черные живые глаза то и дело вступали в спор со степенным выражением, на которое молчание, сдержанность, простой бархатный чепчик и батистовые брыжи обрекали мистрис Маргарет, дочь почтенного горожанина.

Среди гостей были также два лондонских торговца — в широких плащах с длинными золотыми цепочками, с добрым именем, весьма сведущие в своем торговом деле, но не заслуживающие более подробного описания. Был там еще пожилой священник в рясе — скромный, почтенный человек, такого же простого нрава, как и горожане его прихода.

Этих слов достаточно для описания вышеупомянутых гостей, но иное дело сэра Манго Мэлегроутер из Герниго-касла, который заслуживает большего вни-

мания, как одна из наиболее самобытных фигур того времени, в которое он процветал.

Этот славный кавалер постучал в дверь мейстера Гериота как раз в тот момент, когда часы начали отбивать двенадцать, и прежде чем прозвучал последний удар, он уже сидел в своем кресле. Это дало кавалеру отличный повод отпускать саркастические замечания в адрес всех, кто приходил после него, не говоря уже о шутках на счет тех, кто проявил излишнюю поспешность и явился раньше времени.

Не имея почти никакого достояния, кроме своего титула, сэр Манго с ранних лет был взят во дворец в качестве мальчика для порки, как в те времена называли эту должность, к королю Иакову VI и вместе с его величеством обучался всем классическим наукам у знаменитого наставника короля, Джорджа Бьюкэнана. Должность мальчика для порки обрекала ее несчастного обладателя на все телесные наказания, которые помазанник божий, чья особа, разумеется, была священна, мог заслужить при изучении грамматики и просодии. При строгих правилах, установленных Джорджем Бьюкэнаном, не одобрявшим кары для искупления чужой вины, Иаков сам подвергался наказанию за свои проступки, и Манго Мэлегроутер наслаждался синекурой; но другой наставник Иакова, мейстер Пэтрик Янг, соблюдал все положенные церемонии и приводил юного короля в ужас побоями, которые он щедро расточал мальчику для горки, когда уроки его царственного питомца не были приготовлены должным образом. Надо отдать справедливость сэру Манго — он обладал качествами, в высшей степени подходившими для его официального положения. Природа наделила его комически уродливыми чертами лица, которые, когда они искажались от страха, боли или гнева, даже в юности напоминали причудливые маски на карнизах готических храмов. К тому же и голос у него был пронзительный и жалобный, и когда он корчился от боли под беспощадными ударами мейстера Пэтрика Янга, выражение его уродливого лица и издаваемые им нечеловеческие вопли как нельзя лучше были способны произвести

надлежащее впечатление на заслужившего порку монарха, взиравшего на то, как другой, и притом невинный, человек страдал за совершенный им проступок.

Таким образом, сэр Манго Мэлегроутер (ибо таков был приобретенный им титул) уже с ранних лет занял при дворе прочное положение, которое другой на его месте старался бы сохранить и еще больше упрочить. Но когда он настолько вырос, что его нельзя уже было подвергать порке, у него не осталось никаких других средств, чтобы сделать свое присутствие желанным. Резкий, язвительный нрав, злословие, желчный юмор, зависть к своим соперникам, более счастливым, чем обладатель столь приятных качеств, далеко не всегда являлись препятствием для возвышения придворного; но тогда они должны были сочетаться с изрядной долей эгоизма, коварства и благоразумия, которыми сэр Манго не обладал ни в малейшей степени. Его насмешки вызывали возмущение, он не умел скрывать свою зависть, и прошло не много времени после достижения им совершеннолетия, как он уже умудрился затеять столько ссор, что потребовалось бы девять жизней, чтобы ответить на все вызовы. На одном из таких поединков он получил — быть может, нам следовало бы сказать, к счастью для себя — рану, которая впоследствии служила ему извинением при отказе принимать подобного рода приглашения. Сэр Ральон Рэтрей Рэнегалъон отсек ему на поединке три пальца на правой руке, так что сэр Манго никогда уже не мог больше держать шпагу. Спустя некоторое время, когда он написал сатирические стихи на лэди Кокпен, он был столь жестоко избит специально нанятыми для этой цели людьми, что его нашли полумертвым на месте безжалостной расправы; при этом у него оказалось сломанным одно бедро, которое затем неправильно срослось, и до самой могилы у него осталась прихрамывающая походка. Искалеченные рука и нога не только придали еще большую причудливость внешности этого оригинала, но также избавили его на будущее время от более опасных последствий его собственного нрава, и постепенно он соста-

рился на службе при дворе, где ничто больше не угрожало ни его жизни, ни целости его рук и ног, не приобретая друзей и не получая повышения. Иной раз его язвительные замечания забавляли короля, но у него никогда не хватало хитрости, чтобы использовать благоприятный момент, и враги сэра Манго (а таковыми были все придворные) всегда находили средства, чтобы снова лишить его благосклонности монарха. Прославленный Арчи Армстронг великодушно предложил сэру Манго полу своего собственного шутовского наряда, желая таким образом наделить его привилегиями и неприкосновенностью, свойственными должности придворного скомороха. «Ибо,— сказал знаменитый шут,— сэр Манго в своем теперешнем положении не получает за удачную шутку никакой другой награды, кроме прощения короля за то, что он осмелился произнести ее».

Даже в Лондоне падавший вокруг сэра Манго Мэлегроутера золотой дождь не оросил его увядшего счастья. Он постепенно превращался в глухого сварливого старика и даже утратил свое остроумие, оживлявшее в прежние времена его суровые обличения, и Иаков, несмотря на почти такой же преклонный возраст, сохранивший странное, почти необъяснимое стремление окружать себя молодыми людьми, едва терпел его присутствие.

Итак, сэр Манго на закате своих дней и счастья, с изможденным телом, в поблекших нарядах, являлся во дворец не чаще, чем того требовало его положение, стараясь найти пищу для своих насмешек на публичных гуляньях и под сводами собора святого Павла, бывшего в ту пору излюбленным местом встречи всех сплетников и людей всякого рода, общаясь преимущественно с теми из своих соотечественников, которых он считал ниже себя по рождению и по званию. Таким образом, ненавидя и презирая торговлю и тех, кто занимался ею, он тем не менее проводил немало времени среди шотландских ремесленников и купцов, следовавших за королевским двором в Лондон. С ними он мог быть циничным, не оскорбляя их, ибо некоторые сносили его насмешки и грубость из

уважения к его происхождению и званию кавалера, которое в те времена давало большие привилегии, а другие, более разумные, жалели и терпели старика с несчастной судьбой и столь же несчастным характером.

Среди последних был также и Джордж Гериот; несмотря на то, что привычка и воспитание побуждали его простираť свою почтительность перед аристократией до предела, который в наше время казался бы нелепым, он обладал достаточным здравым смыслом, чтобы не допускать ничем не оправданной навязчивости и неподобающих вольностей со стороны такого человека, как сэр Манго, по отношению к которому он проявлял, однако, не только уважение и вежливость, но подлинную доброту и даже щедрость.

Об этом можно было судить по тому, как вел себя сэр Манго Мэлегроутер при появлении в доме ювелира. Он засвидетельствовал свое почтение мейстеру Гериоту и скромной, пожилой, сурового вида женщине в чепчике, по имени тетушка Джудит, исполнявшей обязанности хозяйки дома, почти совсем без той высокомерной язвительности, какая появилась на его своеобразной физиономии, когда он по очереди поклонился Дэвиду Рэмзи и двум другим степенным горожанам. Он вмешался в беседу этих последних, заметив, что, как он слышал в соборе святого Павла, обанкротившаяся фирма Пиндивайда, крупного купца, который, как он выразился, «угостил ворон пудингом» и к которому, как он узнал из того же самого достоверного источника, у них есть неудовлетворенные претензии, по-видимому стоит перед полным крахом: корабль и груз, киль и снасти — все пойдет ко дну.

Оба горожанина с усмешкой переглянулись, но будучи слишком благоразумными, чтобы обсуждать на людях свои частные дела, они, придвинувшись друг к другу, стали говорить шепотом и уклонились от дальнейшей беседы с сэром Манго.

Затем старый шотландский кавалер с такой же непочтительной фамильярностью обрушился на часовщика.

— Дэви, — сказал он, — Дэви, идиот ты старый, ты еще не рехнулся, стараясь применить свою математическую науку, как ты ее называешь, к книге Апокалипсиса? Я надеялся услышать, что ты уже совершенно точно вычислил звериное число.

— Что ж, сэр Манго, — сказал механик, стараясь воскресить в своей памяти, что было ему сказано и кем, — возможно, что вы сами ближе к цели, чем вам это кажется, ибо, принимая во внимание, что у этого зверя десять рогов, вы легко можете сосчитать по пальцам...

— Мои пальцы! Ах ты проклятый старый, ржавый, ни на что не годный хронометр! — воскликнул сэр Манго и полушутя-полусерьезно схватился рукой, или, вернее, клешней (ибо палаш сэра Ральона придал ей эту укороченную форму), за рукоятку своей шпаги. — Ты еще издеваешься над моим увечьем!

Тут вмешался мейстер Гернот.

— Я никак не могу убедить нашего друга Дэвида, — сказал он, — что библейские пророчества должны оставаться во мраке неизвестности до тех пор, пока их неожиданное свершение, как в былые дни, не принесет с собой исполнения того, что сказано в писании. Но тем не менее не вздумайте испытывать на нем свою рыцарскую доблесть.

— Клянусь бессмертием своей души, я не собираюсь тратить ее понапрасну, — смеясь, сказал сэр Манго. — Скорее я под звуки охотничьего рога помчался бы со сворой гончих за очумелой овцой; он уже снова дремлет, с головой погрузившись в свои цифры, частные и делимые. Мистрис Маргарет, радость моя, — ибо красота юной горожанки немного смягчила даже свирепые черты лица сэра Манго Мэлегроутера, — ваш отец всегда такой занимательный собеседник?

Мистрис Маргарет жеманно улыбнулась, вскинула головку, посмотрела по сторонам, затем устремила неподвижный взгляд в одну точку и, изобразив на своем лице робкое замешательство и застенчивость, необходимые, как она полагала, чтобы скрыть свойственные ее характеру пронизательность и находчивость,

наконец ответила, что ее отец действительно очень часто бывает погружен в размышления, но она слышала, что он унаследовал эту привычку от ее дедушки.

— От вашего дедушки? — воскликнул сэр Манго, как бы не уверенный в том, что он не ослышался. — Вы сказали, от вашего дедушки? Девушка с ума сошла! Я не знаю ни одной девицы по сю сторону Темпл-Бара, у которой была бы такая древняя родословная.

— Но у нее есть также крестный отец, сэр Манго, — сказал Джордж Гериот, снова вмешиваясь в разговор, — и надеюсь, вы питаете к нему достаточное уважение, чтобы он мог обратиться к вам с просьбой не заставлять краснеть его прелестную крестницу.

— Тем лучше, тем лучше, — сказал сэр Манго. — Это делает ей честь, что, рожденная и воспитанная под звон колоколов церкви святой Марии, она еще не утратила способности краснеть, и клянусь спасением своей души, мейстер Джордж, — продолжал он, потрепав рассерженную девицу по подбородку, — она достаточно красива, чтобы искупить недостаток в предках, во всяком случае в таком квартале, как Чипсайд, где, поверьте мне, все они одним миром...

Девушка вспыхнула, но не рассердилась, как первый раз. Мейстер Джордж Гериот поспешил прервать окончание грубоватой пословицы, лично представив сэра Манго лорду Найджелу.

Сэр Манго сначала не мог понять, что сказал ему хозяин.

— Клянусь святым причастием, кто, говорите вы?

После того как имя Найджела Олифанта, лорда Гленварлоха, было еще раз громко повторено над самым его ухом, он весь подтянулся и, бросив на хозяина дома суровый взгляд, упрекнул его, что он не удосужился раньше познакомить друг с другом таких знатных особ, чтобы они могли обмениваться любезностями, прежде чем смешаются с остальными гостями. Затем он отвесил своему новому знакомому глубокий, изысканный поклон, на какой только способен человек с искалеченной рукой и ногой, и заметив, что

он знал прежде отца его светлости, поздравил его с приездом в Лондон и выразил надежду встретиться с ним во дворце.

По манерам сэра Манго, а также увидев, как хозяин дома плотно сжал губы, чтобы удержаться от смеха, Найджел сразу понял, что имеет дело с совершенно необыкновенным чудачком, и ответил на его поклон с подобающей церемонностью.

В течение некоторого времени сэр Манго не отрывал пристального взгляда от статной фигуры и красивого лица молодого лорда, и так как созерцание физического совершенства было ему столь же ненавистно, как вид чужого богатства или каких-либо других преимуществ, — подойдя к нему поближе, он, подобно одному из утешителей Иова, стал распространяться о былой славе лордов Гленварлох и выразил сожаление по поводу того, что, как он слышал, последний отпрыск этого рода едва ли вступит во владение поместьями своих предков. Затем он стал говорить о красоте старого замка Гленварлох, расположенного на высоком холме, о спокойной глади озера, богатого дичью для соколиной охоты, о густых лесах, уходящих вдаль к горному кряжу и изобилующих оленями, и о всех других богатствах этих старинных баронских владений, так что в конце концов Найджел, несмотря на все свои усилия, не мог удержаться от глубокого вздоха.

Сэр Манго, обладавший искусством находить большое место у своих собеседников, заметил, что его новый знакомый изменился в лице, и с удовольствием продолжал бы беседу, но повар, призывая слуг подать обед и одновременно приглашая гостей к столу, уже нетерпеливо постукивал рукояткой своего большого ножа о кухонный стол достаточно громко, чтобы этот стук можно было услышать во всем доме, от чердака до подвала.

Сэр Манго, большой любитель хорошего угощения — склонность, которая, между прочим, помогала ему примирять свое достоинство с такими визитами к горожанам, — при этих звуках оставил Найджела и других гостей в покое до тех пор, пока его страстное

желание занять подобающее ему почетное место за обильным столом не было должным образом удовлетворено. Усевшись по указанию хозяина слева от тетушки Джудит, он увидел, что Найджелу было отведено еще более почетное место по правую руку от почтенной дамы, между нею и очаровательной мистрис Маргарет, но он отнесся к этому с большим спокойствием, ибо между ним и молодым лордом стоял великолепный наштигованный каплун.

Обед проходил в соответствии с обычаями того времени. Все было самое лучшее, и, кроме обещанных шотландских яств, на столе красовались бифштекс и пудинг — традиционные лакомства Старой Англии. Небольшой серебряный сервиз с необычайно красивой отделкой удостоился похвалы гостей и вызвал кривую усмешку на устах сэра Манго, как бы говорившую, что его владелец всего лишь искусный ремесленник.

— Я не стыжусь своего ремесла, сэр Манго, — сказал прямотушный горожанин. — Говорят, плех тот повар, который не умеет сготовить и себе так, что пальчики оближешь, и мне, кажется, не пристало, чтобы я, сделавший добрую половину всех сервизов в Британии, покрыл свой собственный простым оловом.

Благословение священника позволило гостям приступить к поставленным перед ними яствам, и все шло чинно до тех пор, пока тетушка Джудит, потчует гостей каплуном, не стала уверять их, что он принадлежит к знаменитой породе, которую она сама вывезла из Шотландии.

— Значит, как и некоторые из его соотечественников, мадам, — вставил безжалостный сэр Манго, бросив взгляд в сторону хозяина дома, — он был хорошо наштигован в Англии.

— А есть и такие среди его соотечественников, — ответил мейстер Герriot, — которым все сало Англии не смогло оказать такую услугу.

Сэр Манго язвительно улыбнулся и покраснел, остальные гости засмеялись, и злой насмешник, у которого были свои собственные причины не ссорить-

ся окончательно с мейстером Джорджем, хранил молчание до конца обеда.

Затем было подано сладкое и вина превосходного вкуса и тончайшего аромата, и Найджел убедился, что гостеприимство лондонского горожанина совершенно затмило приемы самых богатых бургомистров, на которых ему случалось бывать на чужбине. Но в то же время здесь не было ничего показного, что было бы несовместимо с положением именитого горожанина.

Во время обеда Найджел, как требовали приличия того времени, вел разговор главным образом с мистрис Джудит, которая оказалась настоящей шотландкой, со строгими взглядами на жизнь, более склонной к пуританству, чем ее брат Джордж (ибо она приходилась ему сестрой, хотя он всегда называл ее тетушкой), весьма преданной ему и окружавшей его постоянной заботой. Так как разговор почтенной дамы не отличался ни живостью, ни обаянием, естественно, что молодой лорд обратился затем к прелестной дочери старого часовщика, сидевшей справа от него. Однако от нее нельзя было добиться ничего, кроме односложных ответов, и когда молодой кавалер расточал ей самые любезные и приятные комплименты, какие ему только подсказывала его галантность, по ее красивым губам скользила лишь мимолетная, едва заметная улыбка.

Найджелу уже начинало надоедать это общество, так как старые горожане говорили с хозяином дома о коммерческих делах на языке совершенно для него непонятном, как вдруг сэр Манго Мэлегроутер привлек всеобщее внимание.

Незадолго перед тем этот любезный персонаж уединился в нише, образованной выступающим окном, из которого можно было видеть подъезд дома и улицу. Вероятно, сэр Манго избрал это место, чтобы любоваться пестрой картиной уличной жизни столицы, способной рассеять мрачные мысли желчного человека.

То, что он видел до сих пор, должно быть, не представляло никакого интереса, но вот за окном послы-

шался конский топот, и кавалер внезапно воскликнул:

— Клянусь честью, мейстер Джордж, вам бы лучше наведаться в лавку; это Найтон, лакей герцога Бакингема, и с ним еще два молодца, словно он сам герцог собственной персоной.

— Мой кассир внизу, — сказал Гериот, не выказывая ни малейшего беспокойства, — и он уведомит меня, если заказы его светлости потребуют моего немедленного присутствия.

— Вот еще! Кассир? — пробормотал себе под нос сэр Манго. — Легкая у него, вероятно, была работа, когда я впервые познакомился с тобой. Но, — продолжал он вслух, — подойдите хоть по крайней мере к окну. Посмотрите, Найтон вкатил в дверь вашего дома какое-то серебряное блюдо — ха-ха-ха! — вкатил его на ребре, как мальчишки катают обручи. Не могу удержаться от смеха. Ха-ха-ха! Ну и наглый же молодчик!

— Я думаю, вы не могли бы удержаться от смеха, — сказал Джордж Гериот, вставая и направляясь к двери, — если бы ваш лучший друг лежал при смерти.

— Злой язык, не правда ли, милорд? — сказал сэр Манго, обращаясь к Найджелу. — Недаром наш друг — золотых дел мастер. Не скажешь, что у него свинцовое остроумие. Пойду-ка я вниз посмотреть, что там случилось.

Спускаясь в контору, Гериот встретил своего кассира, с озабоченным лицом поднимавшегося по лестнице.

— В чем дело, Робертс, — спросил ювелир, — что все это значит?

— Это Найтон, мейстер Гериот, из дворца... Найтон, лакей герцога. Он принес обратно блюдо, которое вы отвезли во дворец, швырнул его в дверь, словно старую оловянную тарелку, и велел передать вам, что королю не нужен ваш хлам.

— Ах вот как! — воскликнул Гериот. — Не нужен мой хлам! Пройдем в контору, Робертс. Сэр Манго, — прибавил он, поклонившись подошедшему кавалеру,

который собирался последовать за ним, — прошу извинить нас на одну секунду.

Повинуясь этому запрету, сэр Манго, так же как другие гости слышавший разговор Джорджа Гериота с его кассиром, был вынужден ждать в приемной конторы, где он надеялся удовлетворить свое жадное любопытство расспросами Найтона, но посланец его светлости, усугубив неучтивость своего господина собственной грубостью, вновь умчался в западном направлении, сопровождаемый своими спутниками.

Тем временем имя герцога Бакингема, всемогущего фаворита короля и принца Уэльского, внесло некоторую тревогу в общество, оставшееся в большой гостинной. Его скорее боялись, чем любили, и, не будучи деспотом в полном смысле этого слова, он все же слыл надменным, вспыльчивым и мстительным. Найджела угнетала мысль о том, что, видимо, сам того не подозревая, он навлек гнев герцога на своего благодетеля. Другие гости шепотом обменивались мнениями, пока наконец обрывки фраз не достигли ушей Рэмзи, который не слышал ни одного слова из того, что происходило перед этим, и, погруженный в свои вычисления, с которыми он связывал все происшествия и события, уловил только последнее слово и ответил:

— Герцог... герцог Бакингем... Джордж Вильерс... Да... я говорил о нем с Лэмби.

— Господи! Матерь божья! Как ты можешь говорить так, отец? — воскликнула дочь, обладавшая достаточной проницательностью, чтобы понять, что ее отец затронул опасную тему.

— А что ж тут такого, дочка, — ответил Рэмзи. — Звезды способны лишь влиять на людей, они не могут подчинять их себе. Да будет тебе известно, люди, умеющие составлять гороскопы, говорят о его светлости, что произошло значительное сближение Марса и Сатурна, истинное, или правильное, время которого, если привести вычисления Эйхстадиуса, сделанные для широты Ораниенбурга, к широте Лондона, составляет семь часов пятьдесят пять минут и сорок одну секунду...

— Помолчи немного, старый кудесник, — сказал Гериот, вошедший в комнату со спокойным и решительным выражением лица. — Твои вычисления верны и неоспоримы, когда они касаются меди и проволоки и механической силы, но грядущие события повинуются воле того, кто держит в своей деснице сердца королей.

— Все это так, Джордж, — ответил часовщик, — но при рождении этого джентльмена являлись знамения, указывающие на то, что жизнь его будет полна неожиданностей. Уже давно про него говорили, что он родился как раз в момент встречи ночи и дня, под влиянием враждебных друг другу сил, которые могут определить нашу и его судьбу.

Полнолуние с приливом —
Быть богатым и счастливым.
Тучи красные в закат
Смерть кровавую сулят.

— Нехорошо говорить такие вещи, — сказал Гериот, — особенно о великих мира сего; каменные стены имеют уши, и птицы небесные разнесут твои слова по всему свету.

Некоторые из гостей, видимо, разделяли мнение хозяина дома. Предчувствуя недоброе, оба купца поспешно распрощались. Мистрис Маргарет, убедившись, что ее телохранители подмастерья пребывают в полной готовности, дернула отца за рукав, вырвав его из власти глубоких размышлений (то ли относившихся к колесам времени, то ли к колесу фортуны), пожелала доброй ночи своей приятельнице мистрис Джудит и получила благословение крестного отца, одновременно надевшего на ее тонкий палец кольцо отменной работы и немалой ценности, ибо она редко покидала его дом без какого-нибудь знака его привязанности. После таких почетных проводов она отправилась в обратный путь на Флит-стрит в сопровождении своих телохранителей.

Сэр Манго еще раньше распрощался с мейстером Гериотом, когда тот вышел из задней комнаты кон-

торы, но так велик был интерес, который он испытывал к делам своего друга, что, дождавшись, когда мейстер Джордж поднялся во второй этаж, он не мог удержаться от того, чтобы не войти в это *sanctum sanctorum*¹ и не посмотреть, чем занят мейстер Робертс. Кавалер застал кассира за составлением выписок из огромных рукописных фолиантов в кожаных переплетах с медными застежками, наполняющих гордостью и надеждой сердца купцов и вселяющих ужас в души покупателей, срок платежа которых уже истек. Благородный кавалер облокотился на конторку и, обращаясь к кассиру, сказал соболезнующим тоном:

— Вы, кажется, потеряли выгодного заказчика, мейстер Робертс, и теперь выписываете ему счета?

Совершенно случайно Робертс, так же как и сам сэр Манго, был туговат на ухо, и, так же как сэр Манго, он прекрасно умел пользоваться этим преимуществом и потому ответил невпопад:

— Покорнейше прошу прощения, сэр Манго, за то, что я не прислал вам счета раньше, но хозяин просил не беспокоить вас. Сейчас я все подсчитаю.

С этими словами он начал перелистывать страницы своей книги судеб, бормоча при этом:

— Починка серебряной печати, новая пряжка для должностной цепи, позолоченная брошь для шляпы в виде креста святого Андрея с чертополохом, пара медных золоченых шпор... Ну, это Дэниелю Драйверу, это не по нашей части.

Он продолжал бы в том же духе, но сэр Манго, не собиравшийся терпеливо выслушивать перечисление своих собственных мелких долгов и еще меньше жаждавший уплатить их немедленно, с надменным видом пожелал кассиру доброй ночи и без дальнейших церемоний покинул дом. Мейстер Робертс посмотрел ему вслед с вежливой усмешкой обитателя Сити и сразу же принялся за более серьезные дела, прерванные вторжением сэра Манго.

¹ Святая святых (лат.).

Глава VII

Мы запасаем пищу, а о том,
Что нам нужнее пищи, что в писанье
Поставлено превыше благ земных,
О том *едином* благе — забываем.

«Камергер»

Когда остальные гости покинули дом мастера Герiota, молодой лорд Гленварлох тоже стал прощаться, но хозяин дома задержал его на несколько минут, пока не осталось никого, кроме священника.

— Милорд, — сказал почтенный горожанин, — мы приятно провели заслуженный час досуга среди наших добрых друзей, а сейчас мне хотелось бы задержать вас для другого, более серьезного дела; когда мы имеем счастье видеть у себя дорогого мастера Уиндзора, он обычно читает вечерние молитвы, перед тем как мы разойдемся. Ваш достопочтенный батюшка, милорд, не ушел бы, не приняв участия в семейной молитве; надеюсь, ваша светлость поступит так же.

— С удовольствием, сэр, — ответил Найджел. — Ваше приглашение еще больше усиливает мою признательность вам, которой я и без того преисполнен. Если молодые люди забывают о своем долге, они должны быть глубоко благодарны другу, который напомнил им об этом.

Пока они беседовали таким образом, слуги убрали раздвижные столы и поставили вместо них переносный аналой и кресла с подушечками для ног, предназначенные для хозяина, хозяйки и благородного гостя. Еще один низенький стул, или, вернее, нечто вроде табуретки, был поставлен рядом с креслом мастера Герiota, и хотя в этом обстоятельстве не было ничего необычайного, Найджел невольно обратил на него внимание, ибо, когда он собирался сесть на табурет, старый джентльмен знаком дал ему понять, чтобы он занял более высокое место. Священник встал у аналая. Домочадцы — многочисленная семья, состоящая из клерков и слуг, включая Мониплайза, — уселись на скамейках, храня глубокое молчание.

Все уже сидели на своих местах с выражением благоговейного внимания, когда раздался тихий стук в дверь. Мистрис Джудит с беспокойством взглянула на брата, как бы стремясь угадать его желание. Он с серьезным видом кивнул головой и посмотрел на дверь. Мистрис Джудит быстро подошла к двери, открыла ее и ввела в комнату женщину необычайной красоты, появившуюся столь внезапно, что ее можно было бы принять за призрак. Если бы не смертельная бледность и отсутствие румянца, который мог оживить ее точеные черты, лицо ее можно было бы назвать божественно красивым. Никакие драгоценности не украшали гладко причесанные длинные черные волосы, ниспадавшие ей на плечи и на спину, что казалось весьма необычным в те времена, когда головной наряд, как его тогда называли, был широко распространен среди людей всякого звания. Белоснежное платье самого простого покроя скрывало всю ее фигуру, за исключением шеи, лица и рук. Роста она была скорее низкого, чем высокого, что, однако, скрадывалось благодаря изяществу и стройности ее фигуры. Несмотря на чрезвычайную простоту ее наряда, она носила ожерелье, которому могла бы позавидовать герцогиня — так ярко сверкали в нем крупные бриллианты, а ее талию охватывал пояс из рубинов, едва ли меньшей ценности.

Когда странная красавица вошла в комнату, она бросила взгляд на Найджела и остановилась как бы в нерешительности, словно не зная, идти вперед или вернуться. Этот взгляд скорее выражал неуверенность и нерешительность, нежели застенчивость или робость. Тетушка Джудит взяла ее за руку и медленно повела вперед. Однако ее темные глаза были по-прежнему устремлены на Найджела с печальным выражением, пробудившим в его душе смутное волнение. Даже когда она села на свободный стул, видимо специально для нее предназначенный, она снова несколько раз взглянула на него с тем же задумчивым, томным и тревожным выражением, но без всякой робости и смущения, которые могли бы вызвать хотя бы слабый румянец на ее щеках.

Как только эта странная женщина взяла в руки молитвенник, лежавший на подушечке возле ее стула, казалось, она немедленно погрузилась в благочестивые размышления; ее появление настолько отвлекло внимание Найджела от религиозного обряда, что он то и дело бросал взгляды в ее сторону, но ни разу не мог заметить, чтобы ее глаза или мысли хотя бы на одно мгновение отварились от молитвы. Сам Найджел слушал молитву с меньшим вниманием, ибо появление этой леди казалось ему совершенно необыкновенным, и хотя отец воспитывал его в строгих правилах и требовал самого почтительного внимания во время богослужения, его мысли были смущены ее присутствием и он с нетерпением ждал конца службы, чтобы удовлетворить свое любопытство. Когда священник окончил чтение молитв и все остались на своих местах, как того требовал скромный и назидательный церковный обычай, в течение некоторого времени предаваясь благочестивым размышлениям, таинственная посетительница встала, прежде чем кто-либо двинулся с места, и Найджел заметил, что никто из слуг не поднялся со скамейки и даже не пошевелился, пока она не опустилась на одно колено перед Гериотом, который положил ей на голову руку, как бы благословляя ее, с печальной торжественностью во взгляде и жесте. Затем, не преклоняя колена, она поклонилась мистрис Джудит и, оказав эти знаки почтения, вышла из комнаты. Но, выходя, она снова устремила на Найджела пристальный взгляд, заставивший его отвернуться. Когда он опять посмотрел в ее сторону, он увидел только мелькнувший в дверях край ее белой одежды.

Затем слуги встали и разошлись. Найджелу и священнику были предложены вино, фрукты и различные сладости, после чего пастор удалился. Молодой лорд хотел сопровождать его в надежде получить объяснение относительно таинственного видения, но хозяин дома остановил его и выразил желание побеседовать с ним в конторе.

— Надеюсь, милорд, — сказал горожанин, — ваши приготовления к посещению дворца настолько про-

двинулись вперед, что вы сможете отправиться туда послезавтра. Быть может, это последний день перед перерывом, когда его величество будет принимать во дворце всех, кто по своему рождению, званию или должности может претендовать на его аудиенцию. На следующий день он отправляется в свой замок Теобальд, где он будет занят охотой и другими развлечениями, и не пожелает, чтобы ему докучали непрощенные гости.

— Что касается меня, то я буду готов к этой церемонии, — сказал молодой аристократ, — но у меня не хватит на это смелости. Друзья, у которых я должен был бы найти поддержку и покровительство, оказались бездушными и вероломными. Их-то я, уж конечно, не буду беспокоить по этому делу, и все же я должен признаться в своем ребяческом нежелании выйти на новую для меня сцену в полном одиночестве.

— Слишком смело для ремесленника, подобного мне, делать такое предложение аристократу, — сказал Гериот, — но послезавтра я должен быть во дворце. Я могу сопровождать вас до приемного зала, пользуясь своим положением придворного. Я могу облегчить вам допуск во дворец, если вы встретите затруднения, и указать, каким образом и когда вы сможете представиться королю. Но я не знаю, — прибавил он, улыбаясь, — перевесят ли эти маленькие преимущества неуместность того, что аристократ будет ими обязан старому кузнецу.

— Вернее, единственному другу, которого я обрел в Лондоне, — сказал Найджел, протягивая ему руку.

— Ну что ж, если вы так смотрите на это дело, — ответил почтенный горожанин, — мне не остается ничего больше добавить. Завтра я заеду за вами в лодке, подобающей такому случаю. Но помните, мой дорогой юный лорд, что я не желаю, подобно некоторым людям моего звания, переступить его пределы, общаясь с выше меня стоящими, и потому не бойтесь оскорбить мою гордость, допустив, чтобы в приемном зале я держался поодаль, после того как для нас обоих будет удобней расстаться; а в остальном я

поистине всегда буду счастлив оказать услугу сыну моего старого покровителя.

Беседа увлекла их так далеко от предмета, возбуждившего любопытство молодого аристократа, что в этот вечер к нему нельзя уже было вернуться. Поэтому, выразив Джорджу Гериоту благодарность, он распрощался с ним, пообещав, что будет ждать его в полной готовности послезавтра в десять часов утра, чтобы отправиться с ним на лодке во дворец.

Корпорация факельщиков, воспитанная графом Энтоном Гамильтоном, как характерная черта Лондона, в царствование Иакова I уже начала свою деятельность, и один из них, с коптящим факелом, был нанят, чтобы освещать молодому шотландскому лорду и его слуге путь к их жилищу: хотя теперь они знали город лучше, чем прежде, в темноте они все же могли заблудиться и не найти дорогу домой. Это позволило хитроумному мейстеру Мониплайзу держаться как можно ближе к своему хозяину, после того как он предусмотрительно продел левую руку сквозь рукоятку своего щита и ослабил в ножнах палаш, чтобы быть готовым ко всяким случайностям.

— Если бы не вино и не вкусный обед, которым нас угостили в доме этого старика, милорд, — промолвил рассудительный слуга, — и если бы я не знал по слухам, что он человек, видно, справедливый, коренной эдинбургский житель, я не прочь был бы посмотреть, какие у него ноги и не скрывается ли под его нарядными кордовскими башмаками с бантиками раздвоенное копыто.

— Ах ты мошенник! — воскликнул Найджел. — Тебя слишком хорошо угощали, а теперь, набив свое прожорливое брюхо, ты поносишь доброго джентльмена, выручившего тебя из беды.

— Вот уж нет, милорд, с вашего позволения, — ответил Мониплайз. — Мне только хотелось бы лучше рассмотреть его. Я ел у него мясо — что правда, то правда, — и разве это не позор, что ему подобные могут угощать других мясом, тогда как ваша светлость и я едва ли могли бы получить за свои

собственные деньги пустую похлебку с черствой овсяной лепешкой! Я и вино его пил.

— Оно и видно, — ответил его господин, — и даже больше чем следовало.

— Прошу прощения, милорд, — сказал Мониплайз, — это вы про то говорить изволите, как я раздавал кварту с этим славным малым Дженкином — так подмастерья этого зовут, — так ведь это я из благодарности за его доброту ко мне. Признаться, я им еще славную старую песню об Элси Марли спел, такого пения они никогда в жизни не слышали...

При этих словах (как говорит Джон Беньян), продолжая свой путь, он запел:

— Ты с Элси Марли не знаком,
С той, что торгует ячменем?
Она, брат, стала всех важней:
Уж нос воротит от свиней!
Ты с Элси Марли...

Тут хозяин прервал увлекшегося певца, крепко схватив его за руку и угрожая избить до смерти, если он своим неуместным пением привлечет внимание городской стражи.

— Прошу прощения, милорд, покорнейше прошу прощения, но стоит мне только вспомнить об этом Джен Уине — так, что ли, его зовут, — как я невольно начинаю напевать «Ты с Элси Марли не знаком». Еще раз прошу прощения у вашей светлости, и, если вы прикажете, я стану совершенно немым.

— Нет, мой любезный! — воскликнул Найджел, — уж лучше продолжай. Я ведь знаю, ты будешь говорить и жаловаться еще больше под предлогом того, что тебя заставляют молчать, так уж лучше отпустить поводья и дать тебе волю. Так в чем же дело? Что ты можешь сказать против мейстера Гериота?

Давая такое разрешение, молодой лорд, вероятно, надеялся, что его слуга случайно заговорит о молодой леди, которая появилась во время молитвы таким таинственным образом. То ли по этой причине, то ли потому, что он просто хотел, чтобы Мониплайз выра-

зил тихим, приглушенным голосом свои чувства, которые в противном случае могли найти себе выход в буйном пении, как бы то ни было — он разрешил своему слуге вести дальнейший рассказ в том же духе.

— И поэтому, — продолжал оратор, пользуясь данной ему свободой, — мне очень хотелось бы знать, что за человек этот мейстер Гериот. Он дал вашей светлости уйму денег, насколько я понимаю, и, уж наверно, неспроста, как водится на этом свете. А у вашей светлости есть хорошие земли, и, уж конечно, этот старик, да и все эти ювелиры, как они себя называют, а по-моему, так просто ростовщики, рады были бы обменять несколько фунтов африканской пыли — это я золото так называю — на несколько сот акров шотландской земли.

— Но ты же знаешь, что у меня нет земли, — сказал молодой лорд, — во всяком случае, у меня нет никакой земли, которая могла бы пойти в уплату долгов, если бы я вздумал сейчас взять на себя такое обязательство. Я думаю, тебе незачем было напоминать мне об этом.

— Истинная правда, милорд, истинная правда, и, как говорит ваша светлость, понятно самому бестолковому человеку без каких бы то ни было лишних объяснений. Так вот, милорд, если только у мейстера Джорджа Гериота нет никакой другой причины, побуждающей его к такой щедрости, кроме желания завладеть вашими поместьями, да и то сказать, не очень-то ему много прибыли от пленения вашего тела, почему бы ему не стремиться к обладанию вашей душой?

— Моей душой? Ах ты мошенник! — воскликнул молодой лорд. — На что ему моя душа?

— Почему я знаю? — промолвил Мониплайз. — Они с ревом рыскают повсюду и ищут, кого бы пожрать: видно, им по вкусу пища, вокруг которой они так беснуются; и люди говорят, милорд, — продолжал Мониплайз, придвигаясь еще ближе к своему господину, — люди говорят, что в доме мейстера Гериота уже есть один дух.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Найджел. — Я проломлю тебе череп, негодный пьяница, если ты не перестанешь водить меня за нос.

— Пьяница? — воскликнул верный спутник. — Вот тебе на! Да как же мне было не выпить за здоровье вашей светлости, стоя на коленях, когда мейстер Дженкин первый подал мне пример? Будь проклят тот, кто посмел бы отказаться от такой чести. Я бы на мелкие куски изрубил палашом ляжки этому дерзкому негодяю и заставил бы его стать на колени, да так, чтобы он больше не встал. А что касается этого духа, — продолжал он, видя, что его смелая тирада не нашла никакого отклика у его господина, — так ваша светлость видели своими собственными глазами.

— Я не видел никакого духа, — сказал Гленварлох, затаив дыхание, как человек, ожидающий услышать какую-то необычайную тайну. — О каком духе ты говоришь?

— Вы видели молодую леди, что вошла во время молитвы, никому слова не сказала, только поклонилась старому джентльмену и хозяйке дома... Знаете, кто она?

— Право, не знаю, — ответил Найджел, — вероятно, какая-нибудь родственница хозяев.

— Черта с два... Черта с два! — торопливо ответил Мониплайз. — Ни капли кровного родства, если в ее теле вообще найдется хоть капля крови. Я рассказываю вам только то, что известно всем, живущим на расстоянии человеческого голоса от Ломбард-стрит; эта леди, или девица, называйте ее как хотите, уже несколько лет как умерла, хотя она является им, как мы сами видели, даже во время молитвы.

— Во всяком случае, признайся, что она добрый дух, — сказал Найджел Олифант, — ибо она выбирает именно это время для посещения своих друзей.

— Ну уж этого я не знаю, милорд, — ответил суеверный слуга. — Ни один дух, полагаю я, не выдержал бы сокрушительного удара молота Джона Нокса, которому мой отец помог в самые тяжелые для

него времена, когда он впал в немилость при королевском дворе, которому мой отец поставлял мясо. Но этот пастор не чета дюжему мейстеру Роллоку или Дэвиду Блэку из Норт-Лейта и прочим. Увы! Кто знает, с позволения вашей светлости, не обладают ли молитвы, которые южане читают по своим дурацким старым почерневшим молитвенникам, такой же силой привлекать бесов, с какой горячая молитва, идущая от самого сердца, может отгонять их, как запах рыбной печенки выгнал злого духа из свадебных покоев Сары, дочери Рагуила? Что до этой истории, тут уж я не берусь утверждать, правда это или нет; поумнее меня люди, и те сомневались.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо сказал его господин, — мы уже подходим к дому, и я разрешил тебе говорить об этом только для того, чтобы раз навсегда избавиться от твоего дурацкого любопытства и от твоих идиотских суеверий. За кого же ты или твои глупые выдумщики и сплетники принимаете эту леди?

— Вот уж насчет этого доподлинно мне ничего не известно, — ответил Мониплайз. — Знаю только, что она умерла и через несколько дней ее похоронили, но, несмотря на это, она все еще блуждает по земле, все больше в доме мейстера Гериота, хотя ее видели также и в других местах те, кто хорошо знал ее. Но кто она и почему, подобно шотландскому домовому, она поселяется в какой-нибудь семье, я не берусь судить. Говорят, у нее есть собственные покои — прихожая, гостиная и спальня, но чтобы она спала в постели — черта с два! Она спит только в собственном гробу, а все щели в стенах, в дверях и в окнах плотно заделаны, чтобы к ней не проникал ни малейший луч дневного света: она живет при свете факела...

— А на что ей факел, если она дух? — спросил Найджел Олифант.

— Что я могу сказать вашей светлости? — ответил слуга. — Слава богу, мне ничего не известно о ее причудах и привычках, знаю только, что там гроб стоит. Пусть уж ваша светлость сами гадают, на что

живому человеку гроб. Что призраку фонарь — так я полагаю.

— Какая причина, — повторил Найджел, — могла заставить такое юное и прекрасное создание постоянно созерцать ложе своего вечного успокоения?

— По правде сказать, не знаю, милорд, — ответил Мониплайз, — но гроб там стоит, люди сами видели, из черного дерева, с серебряными гвоздями и весь парчой обит — только принцессе в нем покоемся.

— Непостижимо, — сказал Найджел, чье воображение, как у большинства энергичных молодых людей, легко воспламенялось при встрече со всем необычным и романтическим. — Разве она обедает не вместе с семьей?

— Кто? Это она-то? — воскликнул Мониплайз, словно удивленный таким вопросом. — Длинной ложкой пришлось бы запастись тому, кто вздумал бы с ней поужинать, я так полагаю. Ей всегда подают что-нибудь в башню, в Тауэр, как они называют ее; там такая карусель вертится, одна половина с одной стороны стены, другая — с другой.

— Я видел такое приспособление в заморских монастырях, — сказал лорд Гленварлох. — Значит, ее кормят таким образом?

— Говорят, ей каждый день ставят туда что-нибудь для порядка, — ответил слуга. — Но, уж конечно, никто не думает, что она съедает все это, все равно как статуи Ваала и Дракона не могли есть лакомства, которые им приносили. В доме хватает дюжих слуг и служанок, чтобы начисто вылизать все горшки и кастрюли, не хуже семидесяти жрецов Ваала, не считая их жен и детей.

— И она никогда не показывается в семейном кругу, как только для молитвы? — спросил господин.

— Говорят, никогда, — ответил слуга.

— Непостижимо, — задумчиво промолвил Найджел Олифант. — Если бы не ее украшения и особенно не ее присутствие на молитве протестантской церкви, я знал бы, что подумать, и мог бы предположить, что она или католическая монахиня, которой по каким-то важным причинам разрешили жить в келье здесь,

в Лондоне, или какая-нибудь несчастная фанатичная папистка, отбывающая ужасную епитимью. Но так я не знаю, что и подумать.

Его размышления были прерваны факельщиком, постучавшим в дверь почтенного Джона Кристи, жена которого вышла из дома «с шуточками, поклонами и любезными улыбками», чтобы приветствовать своего почетного гостя при его возвращении.

Глава VIII

Запомни эту женщину, мой друг;
Не смейся над нарядом старомодным;
Она напоминает мне тайник,
Который Дионисий Сиракузский
Себе построил — наподобье уха,
Чтоб слышать каждый шепот,

каждый стон
Своих вассалов. Точно так же Марта
Улавливает чутким ухом все,
Что делают вокруг и замышляют,
И, коли нужно, сведенья свои
Уступит вам — не вовсе бескорыстно,
Но к обоюдной пользе

«Заговор»

Теперь мы должны познакомить читателя еще с одним персонажем, чья кипучая деятельность далеко не соответствовала его положению в обществе, — мы имеем в виду миссис Урсулу Садлчоп, жену Бенджамина Садлчопа, самого знаменитого цирюльника на всей Флит-стрит. Эта почтенная дама обладала несомненными достоинствами, главным из которых (если верить ее собственным словам) было беспредельное желание помогать ближним. Предоставив своему тощему, полуголодному супругу похваться тем, что у него самые ловкие руки среди всех брадобреев Лондона, и поручив его заботам парикмахерскую, где голодные подмастерья сдирали кожу с лица тех, кто имел неосторожность довериться им, почтенная дама занималась своим собственным, более прибыльным ремеслом, — правда, столь изоби-

люющим всевозможными необычайными перипетиями, что нередко дело принимало опасный оборот.

Наиболее важные поручения носили весьма секретный характер, и миссис Урсула Садлчоп никогда не обманывала оказанного ей доверия, за исключением тех случаев, когда ее услуги плохо оплачивали или когда кто-нибудь находил нужным заплатить ей двойную мзду, чтобы заставить ее расстаться со своей тайной; но это случалось так редко, что ее надежность так же не вызвала никаких сомнений, как и ее честность и благожелательность.

Поистине эта матрона была достойна восхищения и могла быть полезной охваченным страстью слабым созданиям при зарождении, развитии и последствиях их любви. Она могла устроить свидание для влюбленных, если у них была веская причина для тайной встречи; она могла избавить легкомысленную красотку от бремени ее преступной страсти, а иногда и пристроить многообещающего отпрыска незаконной любви в качестве наследника в семью, где любовь была законной, но брачный союз не произвел на свет наследника. Она могла делать не только это, ее посвящали также в более глубокие и важные тайны. Она была ученицей мистрис Тёрнер и узнала от нее секрет приготовления желтого крахмала и, может быть, еще несколько других, более важных секретов; но, вероятно, ни один из них не относился к числу тех преступных тайн, за которые была осуждена ее наставница. Однако таящиеся в глубине темные черты ее истинного характера были скрыты под внешней веселостью и добродушием, под звонким смехом и задорной шуткой, которыми почтенная дама умела расположить к себе более пожилых из своих соседей, и под различными ухищрениями, при помощи которых ей удавалось снискать доверие более молодых, в особенности представительниц ее собственного пола.

На вид миссис Урсуле едва ли было больше сорока лет, и ее полная, но не утратившая своих форм фигура и все еще миловидные черты лица, правда, несколько покрасневшего от слишком обильной

пищи, дышали жизнерадостностью, весельем и добродушием, выгодно оттенявшими остатки ее увядающей красоты. Ни одна свадьба, ни одни родины и крестины в той округе, где она жила, не считались отпразднованными с должной торжественностью, если на них не присутствовала миссис Урсли, как ее называли. Она придумывала всевозможные развлечения, игры и шутки, способные развеселить многолюдное общество, которое наши гостеприимные предки собирали по случаю таких праздников под одной кровлей; так что в семьях всех простых горожан ее присутствие при таких радостных событиях считалось совершенно необходимым. Согласно общему мнению, миссис Урсли так хорошо знала жизнь и ее лабиринты, что половина любовных пар, живущих по соседству, охотно посвящала ее в свои сердечные тайны и следовала ее советам. Богатые вознаграждали ее за услуги кольцами, пряжками или золотыми монетами, которые она предпочитала, и она великодушно оказывала помощь бедным, движимая теми же противоречивыми чувствами, какие побуждают начинающих врачей лечить бедняков, — отчасти из сострадания, отчасти чтобы набить руку.

Популярности миссис Урсли в Сити способствовало еще и то обстоятельство, что ее деятельность простиралась за пределы Темпл-Бара и что у нее были знакомые и даже покровители и покровительницы среди знати, обладавшей, так как она была гораздо малочисленнее и приблизиться к придворному кругу было гораздо труднее, влиянием, неизвестным в наши дни, когда горожанин едва не наступает носком на каблук придворного. Миссис Урсли поддерживала связи со своими клиентами из высших кругов отчасти благодаря тому, что она время от времени продавала им духи, эссенции, помады и головные уборы из Франции, посуду и украшения из Китая, начинавшие уже тогда входить в моду, не говоря о всевозможных снадобьях, предназначенных главным образом для дам, отчасти благодаря другим услугам, более или менее связанным с ранее упомянутыми тайными отраслями ее профессии,

Обладая таким множеством различных способов для достижения процветания, миссис Урсли была тем не менее бедна и, вероятно, могла бы поправить свои дела, а также дела мужа, если бы отказалась от всех этих источников дохода и спокойно занялась своим собственным хозяйством, помогая Бенджамину в его ремесле. Но Урсула любила роскошь и веселье, и ей так же трудно было бы примириться со скудной пищей бережливого Бенджамина, как слушать его жалкую болтовню.

Урсула Садлчоп впервые появилась на нашей сцене вечером того дня, когда лорд Найджел Олифант обедал у богатого ювелира. В это утро она уже совершила далекое путешествие в Уэстминстер, устала и расположилась на отдых в широком, залоснившемся от частого употребления кресле, стоявшем возле камина, в котором горел небольшой, но яркий огонь. В полусне она наблюдала за тем, как в котелке медленно закипал сдобренный пряностями эль, на коричневой поверхности которого слегка подпрыгивало хорошо поджаренное дикое яблоко, в то время как маленькая девочка-мулатка с еще большим вниманием следила за приготовлением телятины, тушившейся в серебряной кастрюле, занимавшей другую половину камина. Несомненно, миссис Урсула собиралась завершить этими яствами с пользой проведенный день, ибо она считала, что ее труд окончен и настала пора отдохнуть. Однако она ошиблась, ибо как раз в тот момент, когда эль, или, говоря языком знатоков, «кудрявый барашек», был готов и маленькая смуглая девочка объявила, что телятина уже тушилась, внизу у лестницы послышался высокий, надтреснутый голос Бенджамина:

— Эй, миссис Урсли... Эй, жена, послушай... Эй, миссис, эй, любовь моя, ты здесь нужна больше, чем ремень для тупой бритвы... Эй, миссис...

«Хоть бы кто-нибудь полоснул тебя бритвой по горлу, осел ты горластый!» — подумала про себя почтенная матрона в первый момент раздражения на своего шумливого супруга, а затем громко крикнула:

— Что тебе надо, мейстер Садлчоп? Я только что собиралась лечь в постель. Я целый день по городу бегала.

— Да нет же, теленочек ты мой, ты не мне нужна, — сказал терпеливый Бенджамин. — Тут шотландка пришла, прачка соседа Рэмзи, ей нужно тотчас поговорить с тобой.

Услышав слово «теленочек», миссис Урсула бросила печальный взгляд на кастрюльку с на славу приготовленным жарким и со вздохом ответила:

— Скажи шотландке Дженни, мейстер Садлчоп, чтобы она поднялась ко мне. Я буду очень рада выслушать ее. — И, понизив голос, она прибавила: — Надеюсь, она скоро отправится к дьяволу в пламени смоляной бочки, подобно всем шотландским ведьмам!

Тут прачка Дженни вошла в комнату и, почтиительно поклонившись, ибо она не слышала последнего любезного пожелания миссис Садлчоп, сообщила, что ее молодая госпожа, вернувшись домой, почувствовала себя плохо и выразила желание немедленно увидаться со своей соседкой, миссис Урсли.

— А почему бы не подождать до завтра, Дженни, дорогая моя? — спросила миссис Урсли. — Ведь я сегодня была уже в Уайтхолле, все ноги отбила, дорогая моя.

— Ну что ж, — ответила Дженни с величайшим спокойствием, — если так, мне самой придется прогуляться вниз по реке к старой тетушке Редкэп, что живет у пристани Хангерфорд, она ведь тоже умеет утешать молодых девушек не хуже вас, моя милая; я знаю только, что перед сном ребенок должен увидеть одну из вас.

С этими словами старая служанка, не теряя времени на дальнейшие уговоры, повернулась на каблуках и уже собиралась выйти из комнаты, когда миссис Урсула воскликнула:

— Нет, нет! Если прелестное дитя нуждается в добром совете и ласковом слове, тебе незачем идти к тетушке Редкэп, Дженет. Может быть, она и хороша для шкиперских жен, для дочерей лавочников

и им подобных, но никто, кроме меня, не должен ухаживать за очаровательной мистрис Маргарет, дочерью часовщика священной особы его величества. Я вот только сейчас обуюсь, накину плащ да шарфом повяжусь и мигом буду у соседа Рэмзи. Но признайся, дорогая Дженни, неужели тебе самой не надоели вечные причуды и капризы твоей молодой госпожи?

— Вот уж нисколько не надоели, — ответила терпеливая служанка, — разве что иной раз она докучает мне стиркой своих кружев, но я ведь нянчу ее с малых лет, соседка Садлчоп, а это что-нибудь да значит.

— Разумеется, — сказала миссис Урсли, все еще продолжая вооружаться дополнительной броней для защиты от свежего ночного воздуха. — И тебе доподлинно известно, что в ее распоряжении двести фунтов годового дохода от ее имений?

— Которые оставила ей в наследство ее бабушка, царствие ей небесное! — сказала шотландка. — Более красивой девушке она не могла завещать их.

— Истинная правда, мистрис, истинная правда; я всегда говорила, что, несмотря на ее причуды, мистрис Маргарет Рэмзи — самая красивая девушка во всей округе. А ведь бедняжка-то, наверно, так и не ужинала, Дженни.

Дженни могла только подтвердить это предположение, ибо оба подмастерья закрыли лавку и ушли, так как должны были сопровождать домой хозяина с дочкой, которые были в гостях, а она сама вместе с другой служанкой отправились к Сэнди Мак-Гивен, чтобы повидаться с одной приятельницей из Шотландии.

— Что было вполне естественно, мистрис Джениет, — сказала миссис Урсли, любившая давать свое одобрение всевозможным поступкам всевозможных людей.

— Ну и огонь в очаге погас, — продолжала Дженни.

— Что было самым естественным из всего этого, — заметила миссис Садлчоп. — Итак, без лишних

слов, Дженни, я захвачу с собой этот скромный ужин, который я только что собиралась съесть. Я еще не обедала, и, может быть, моя юная очаровательная мистрис Маргет скушает кусочек вместе со мной. Ведь часто пустой желудок порождает в юных головах все эти воображаемые болезни.

С этими словами она вручила Дженни серебряную миску с элем и, накинув плащ с рвением человека, решившего пожертвовать во имя долга своим любимым удовольствием, спрятала кастрюлю с тушеной телятиной в его складках и приказала Уилсе, маленькой девочке-мулатке, пойти с ними и светить им по дороге.

— Куда так поздно? — спросил цирюльник, сидевший вместе со своими заморышами-подмастерьями внизу, в лавке, вокруг блюда с вяленой треской и пастернаком, когда они проходили мимо него.

— Не думаю, чтобы ты мог справиться с моим поручением, старый хрыч, если бы я сказала тебе, куда я иду, — промолвила почтенная матрона с холодным презрением, — так уж лучше я оставлю это при себе.

Бенджамин слишком привык к независимому поведению своей жены, чтобы продолжать дальнейшие расспросы, да и миссис Урсли, не дожидаясь его вопросов, вышла на улицу, предварительно наказав старшему из подмастерьев не ложиться спать до ее возвращения и присматривать в ее отсутствие за домом.

Ночь была темная и дождливая, и, хотя от одной лавки до другой было рукой подать, миссис Урсула, шагая по улице с высоко подоткнутыми юбками, успела отравить недолгий путь своим ворчанием:

— Не знаю, чем я согрешила, что мне приходится тащиться по грязи по зову всякой старой ведьмы из-за причуд какой-то взбалмошной девчонки. Я и так уж прогулялась от Темпл-Бара до Уайтчепела из-за жены булавочника, уколовшей себе палец. Черт возьми, я думаю, ее муж, сделавший это оружие, мог бы также залечить ее рану. А тут еще эта выдумщица, эта хорошенькая обезьянка, мистрис Маргет... Вот

уж поистине красавица, прямо кукла голландская, а сумасбродная, капризная и чванная, словно герцогиня какая. То она резвится как мартышка, то вдруг заупрямится как осел. Хотела бы я знать, где гнездится больше причуд — в ее маленькой надменной головке или в набитой цифрами старой, безумной башке ее отца. Но у нее двести фунтов годового дохода от какого-то жалкого клочка земли. А отец ее, говорят, страшный скряга, даром что чудака. К тому же он хозяин нашего дома, а она упростила его дать нам отсрочку для уплаты аренды. Итак, да поможет мне бог, я должна быть послушной. Кроме того, этот своенравный бесенок — мой единственный ключ к тайне мейстера Джорджа Гериота, и я буду не я, если не узнаю ее. Итак, *andiamos*,¹ как говорится на языке франков.

Размышляя таким образом, она шла вперед торопливыми шагами, пока не достигла жилища часовщика. Служанка впустила их, открыв дверь потайным ключом. Миссис Урсула, то освещенная мерцающим светом, то погруженная во мрак, не скользила бесшумной походкой среди готических статуй и старинных доспехов, подобно прелестной леди Кристабел, а с трудом продвигалась вперед, спотыкаясь об останки старых машин и модели новых изобретений в различных отраслях механики; эти плоды бесполезного искусства, уже истлевшие или еще не успевшие созреть, постоянно загромождали жилище чудаковатого, но искусного механика. Наконец они поднялись по очень узкой лестнице в комнату очаровательной мистрис Маргарет, где эта путеводная звезда всех смелых молодых холостяков с Флит-стрит сидела в позе, выражающей не то недовольство, не то отчаяние. Она сидела, облокотившись на стол, устремив неподвижный взор на угли, медленно угасавшие в маленьком камине. Ее красивая спина и плечи образовали слегка изогнутую линию, круглый подбородок с ямочкой покоился на ладони ее маленькой ручки.

¹ Пойдем.

При входе миссис Урсулы она едва повернула голову, а когда присутствие этой почтенной дамы было возведено громким голосом старой шотландки, мистрис Маргарет, не меняя позы, пробормотала в виде ответа нечто совершенно невразумительное.

— Спуститесь в кухню вместе с Уилсой, дорогая мистрис Дженни, — сказала миссис Урсула, привыкшая ко всяким причудам своих пациентов, или клиентов, как бы их ни называли, — поставьте кастрюлю и миску к камину и спуститесь вниз. Я должна поговорить с моей очаровательной мистрис Маргарет с глазу на глаз. Едва ли найдется хоть один холостяк между этим домом и Аркой, который не позавидовал бы мне в этот момент.

Служанки вышли, как им было приказано, и миссис Урсула поставила на тлеющие в камине угольки кастрюльку с тушеной телятиной, села как можно ближе к своей пациентке и тихим, успокаивающим и вкрадчивым голосом принялась расспрашивать, что беспокоит ее прелестную соседку.

— Ничего, миссис Урсула, — ответила Маргарет несколько раздраженным тоном, повернувшись спиной к добросердечной посетительнице.

— Ничего, стрекоза ты этакая! — воскликнула миссис Садлчоп. — Зачем же ты в такой поздний час посылаешь за своими друзьями и поднимаешь их с постели, если ничего?

— Я не посылала за вами, миссис Урсула, — сердито ответила девушка.

— А кто же тогда? — спросила Урсула. — Поверь мне, если бы за мной не послали, я не пришла бы сюда среди ночи!

— Наверно, старая шотландская дура Дженни сама придумала все это, — сказала Маргарет. — За последние два часа она мне все уши прожужжала про вас и тетушку Редкэп.

— Про меня и тетушку Редкэп! — воскликнула миссис Урсула. — Вот уж и впрямь старая дура. Нашла с кем меня равнять. Впрочем, знаешь, моя любезная соседочка, может быть Дженни не такая уж дура; она знает, что молодой девушке нужен лучший

совет, чем ее собственный, и знает, где можно найти его. Итак, соберись с духом, моя красавица, и расскажи мне, о чем ты грустишь, а затем предоставь миссис Урсуле найти подходящее лекарство.

— Но ведь вы такая мудрая, матушка Урсула, — ответила девушка, — и можете сами догадаться, что меня беспокоит, без моих рассказов.

— Верно, верно, дитя мое, — ответила польщенная дама, — никто не умеет лучше меня играть в добрую старую игру «Отгадай, о чем я думаю». Уж конечно, твоя маленькая головка только и думает, что о новой прическе, на целый фут выше, чем прически наших городских франтих, или ты мечтаешь о поездке в Излингтон или Уэйр, а твой отец сердится и не хочет согласиться... Или...

— Или вы старая дура, миссис Садлчоп, — с раздражением промолвила Маргарет, — и незачем вам вмешиваться в дела, в которых вы ничего не смыслите.

— Дура-то я дура, если вам угодно, мистрис, — сказала миссис Урсула, обидевшись, в свою очередь, — но не намного уж старше вас, мистрис.

— О! Мы, кажется, рассердились? — воскликнула красавица. — Но как же можете вы, мадам Урсула, вы, будучи не намного старше меня, говорить о таких глупостях со мной, которая намного моложе вас, но у которой достаточно здравого смысла, чтобы не думать о прическах и Излингтоне.

— Ладно, ладно, молодая мистрис, — сказала мудрая советчица, вставая со стула, — я вижу, мне здесь нечего делать, и мне кажется, раз уж вы лучше разбираетесь в своих собственных делах, чем другие, вы могли бы не беспокоить людей в полночь, чтобы спрашивать у них совета.

— Ну вот вы и рассердились, матушка, — сказала Маргарет, удерживая ее. — Это все потому, что вышли из дома в вечернюю пору, не поужинав. Я никогда не слышала от вас сердитого слова после еды. Дженет, тарелку и соль для миссис Урсулы. А что у вас в этой мисочке, миссис? Мерзкий, липкий эль! Гадость какая! Пусть Дженет выплеснет его в окно

или оставит на утро для моего отца, а взамен пусть принесет вам приготовленную для него кружку сухого вина: бедняга никогда не заметит разницы, ибо ему все равно, чем запить свои сухие расчеты — элем или вином.

— Верно, голубушка, вот и я так же думаю, — сказала миссис Урсула, чей мимолетный гнев мгновенно испарился при виде приготовлений к столь изысканному пиршеству, и, усевшись в широкое кресло, стоявшее перед круглым столом, она принялась уплетать лакомое блюдо, которое сама для себя приготовила. Однако не желая пренебрегать правилами вежливости, она настойчиво, но тщетно пыталась уговорить мистрис Маргарет разделить с ней трапезу. Девушка отклонила приглашение.

— Ну выпей хоть бокал вина за мое здоровье, — сказала миссис Урсула. — Бабушка рассказывала мне, когда у нас еще не было евангелистов, старые католические духовники перед исповедью всегда осушали кубок вина вместе со своими кающимися грешниками, а ты моя кающаяся грешница.

— Не буду я пить вина, — сказала Маргарет. — И я уже говорила вам, если вы не можете догадаться, что заставляет меня так страдать, у меня никогда не хватит духу самой признаться в этом.

С этими словами она снова отвернулась от миссис Урсулы и приняла прежнюю задумчивую позу, облокотившись рукой на стол и повернувшись спиной, или по крайней мере одним плечом, к своей наперснице.

— Ну что ж, — сказала миссис Урсула, — я вижу, мне придется всерьез заняться своим искусством. Дай мне твою прелестную ручку, и я не хуже любой цыганки скажу тебе по линиям рук, на какую ногу ты хромаешь.

— А я совсем не хромаю, — сказала Маргарет презрительным тоном, но тем не менее протянула Урсуле левую руку, не поворачиваясь к ней.

— Вот здесь я вижу счастливые линии, — сказала Урсула, — и их нетрудно прочесть — наслаждение и богатство, веселые ночи и позднее пробуждение, кра-

савица ты моя; а какая карета, весь Уайтхолл с ума сойдет! О, кажется, я задела тебя за живое? Ты улыбаешься, золотце мое? А почему бы ему не быть лорд-мэром и не ездить во дворец в позолоченной карете, не хуже других?

— Лорд-мэр? Фи! — воскликнула Маргарет.

— А что ты фыркаешь-то, лорд-мэр для тебя нехорош, золотце мое? Или, может, мое предсказание не по тебе? Но линия жизни каждого человека пересекается, так же как и твоя, голубушка. И хоть я вижу на твоей красивой ладони простую шапочку подмастерья, из-под нее сверкают такие блестящие черные глаза, каких не сыщешь больше во всем квартале Фэррингдон.

— О ком вы говорите, миссис Урсула? — спросила Маргарет холодным тоном.

— О ком же мне говорить, как не о принце подмастерьев и короле доброй компании, Дженкине Винсенте?

— Что вы, тетушка Урсула! Дженкин Винсент? Этот мужлан!.. Простолюдин! — с негодованием воскликнула девушка.

— Ага, вот откуда ветер дует, красавица! — сказала почтенная матрона. — Ну что же, он, видно, переменялся с тех пор, как мы последний раз беседовали с тобой; готова поклясться, что тогда он был более благоприятным для бедного Джина Вина; а ведь бедняга без ума от тебя, для него взгляд твоих очей дороже первых лучей солнца в веселый майский праздник.

— Ах, если бы мои глаза были такими же яркими, как солнце, чтобы ослепить его, — воскликнула Маргарет, — и поставить этого подмастерья на место!

— Ну что ж, — сказала миссис Урсула, — некоторые говорят, что Фрэнк Танстол не уступит Джину Вину, и он родом из благородной семьи; и, может быть, ты поедешь на север?

— Может быть, — ответила Маргарет, — но не с подмастерьем моего отца, миссис Урсула. Благодарю вас!

— Ну тогда пусть дьявол отгадывает за меня твои мысли, — сказала миссис Урсула. — Это все равно, что пытаться подковать молодую кобылку, которая то и дело вздрагивает и переступает с ноги на ногу!

— Тогда выслушайте меня, — сказала Маргарет, — и запомните, что я скажу. Сегодня я обедала в одном доме..

— Могу сказать тебе в каком, — ответила ее советчица. — У твоего крестного, богатого ювелира. Вот видишь, я тоже кое-что знаю. Больше того — я могла бы сказать тебе, и скажу, с кем.

— Не может быть! — воскликнула Маргарет в сильном удивлении, внезапно повернувшись и покраснев до ушей.

— Со старым сэром Манго Мэлегроутером, — сказала прорицательница. — Он помолодился у моего Бенджамина по пути в город.

— Фу! Этот страшный, старый, заплесневелый скелет! — воскликнула девица.

— Что правда, то правда, дорогая моя, — ответила ее наперсница. — Хоть бы он постыдился показываться на людях. Склеп святого Панкратия — вот самое подходящее место для этого бессовестного старого сплетника. Он сказал моему мужу...

— Нечто, не относящееся к нашему делу, я полагаю, — перебила Маргарет. — Тогда мне все же придется самой сказать. С нами обедал один дворянин...

— Дворянин! Девица с ума сошла! — воскликнула миссис Урсула.

— Так вот, с нами обедал, — продолжала Маргарет, не обращая внимания на слова Урсулы, — один дворянин... шотландский лорд.

— Смилуйся над ней, святая дева Мария! — промолвила наперсница. — Она совсем обезумела. Слыханное ли это дело, чтобы дочь часовщика влюбилась в лорда, да еще в довершение всего в шотландского: ведь все они горды как Люцифер и бедны как Иов! Так ты говоришь — шотландский лорд? Уж лучше бы ты сказала — еврейский торгаш. Подумала бы сначала, чем все это кончится, красавица моя, прежде чем прыгать в пропасть.

— Это уже не ваша забота, Урсула. Мне нужна ваша помощь, а не совет, и вы знаете, я в долгу не останусь.

— Да ведь я не из-за выгоды, мистрис Маргарет, — ответила услужливая дама. — Выслушай ты все-таки мой совет: подумай о своем собственном положении.

— Мой отец ремесленник, — сказала Маргарет, — но мы не простого звания. Я слышала от отца, что мы потомки, правда дальние, древнего рода графов Дэлвулзи.¹

— Да, да, — сказала миссис Урсула. — Именно так. Я еще никогда не встречала ни одного шотландца, который не был бы потомком знатного рода, и часто это был поистине жалкий род; а что касается дальности родства, она так велика, что вам друг друга не увидеть. Но не вскидывай так презрительно свою прелестную головку, а лучше назови мне имя этого знатного северного кавалера, и тогда посмотрим, как помочь делу.

— Это лорд Гленварлох, его зовут также лорд Найджел Олифант, — тихо промолвила Маргарет и отвернувшись, чтобы скрыть краску смущения.

— Сохрани боже! — воскликнула миссис Садлчоп. — Да ведь это сам дьявол, если не хуже!

— Что вы хотите этим сказать? — спросила девушка, удивленная ее горячностью.

— Разве ты не знаешь, — ответила Урсула, — какие у него сильные враги при дворе! Разве ты не знаешь... Но, типун мне на язык... все это слишком неожиданно для моей бедной головы; скажу только, уж лучше бы тебе устроить свое брачное ложе в доме, который вот-вот рухнет, чем думать о молодом Гленварлохе.

— Значит, он действительно несчастен? — сказала Маргарет. — Я так и знала... Я догадывалась. Его

¹ Глава древнего и славного рода Рэмзи, которого обладатели этого имени считают своим родоначальником, первым получившим дворянское звание. Аллен Рэмзи, пасторальный поэт, также говорит об этом роде. (Прим автора)

голос звучал печально даже тогда, когда он рассказывал веселые истории; его грустная улыбка говорила о страдании; он не мог бы так завладеть моими мыслями, если бы я увидела его во всем блеске богатства и славы.

— Рыцарские романы вскружили ей голову! — сказала миссис Урсула. — Пропала девушка... Совсем рассудка лишилась... Влюбилась в шотландского лорда и любит его еще больше за то, что он несчастен! Ну что ж, мистрис, мне очень жаль, что я не могу помочь вам в этом деле. Совесть мне не позволяет, да я и не берусь за такие дела: слишком высоко для моего звания; но я не выдам вашей тайны.

— Неужели вы совершите такую низость и покинете меня, после того как выведали мою тайну? — с негодованием воскликнула Маргарет. — Если вы это сделаете, я знаю, как отомстить вам, а если можете мне, я сумею наградить вас. Не забывайте, что дом, в котором живет ваш супруг, принадлежит моему отцу.

— Я слишком хорошо помню это, мистрис Маргарет, — сказала Урсула после минутного раздумья, — и готова помогать вам во всем, что совместимо с моим званием, но чтобы совать свой нос в такие важные дела... Я никогда не забуду бедную мистрис Тёрнер, мою высокочтимую покровительницу, мир праху ее! На свою беду она вмешалась в дело Сомерсета и Овербери, а сиятельный граф и его возлюбленная ушли от петли, предоставив ей и другим искупать своей смертью их вину. Я никогда не забуду, как она стояла на эшафоте с брыжами вокруг ее прелестной шеи, накрахмаленными желтым крахмалом, который я так часто помогала ей готовить, с брыжами, которые так скоро должны были уступить место грубой пеньковой веревке. Такие зрелища, золотце мое, у всякого отобьют охоту вмешиваться в слишком опасные дела, которые им не по плечу.

— Вон отсюда, безумная! — воскликнула мистрис Маргарет. — Неужели ты думаешь, я способна толкать тебя на такие преступления, за которые эта несчастная поплатилась жизнью? Я хочу только, чтобы

ты хорошенько разузнала, какие дела привели этого молодого лорда во дворец.

— А какая тебе будет польза, — сказала Урсула, — если ты узнаешь его тайну, золотце мое? И все же я исполню твое поручение, если ты также окажешь мне услугу.

— Чего же ты хочешь от меня? — спросила мистрис Маргарет.

— Того, за что ты рассердилась на меня, когда я попросила тебя об этом, — ответила миссис Урсула. — Я хотела бы узнать что-нибудь о привидении в доме твоего крестного, которое появляется только во время молитвы.

— Ни за что на свете, — сказала мистрис Маргарет, — не буду я шпионить за моим добрым крестным и выведывать его тайны. Нет, Урсула, никогда я не буду совать свой нос в дела, которые он желает скрыть. Но ты ведь знаешь, что у меня есть собственное состояние, и недалек тот день, когда я сама буду распоряжаться им... Подумай, не могу ли я иначе вознаградить тебя.

— Это мне хорошо известно, — сказала ее советчица. — Так, значит, эти двести фунтов в год, которые ты получишь по милости твоего отца, делают тебя такой своевольной, золотце мое.

— Возможно, — сказала Маргарет Рэмзи. — А тем временем ты должна верно служить мне. Возьми в залог это драгоценное кольцо, и когда мое состояние перейдет в мои собственные руки, ты получишь в виде выкупа пятьдесят звонких золотых.

— Пятьдесят звонких золотых, — повторила почтенная дама, — и это прекрасное кольцо в знак того, что ты не откажешься от своих слов! Уж если рисковать своей собственной шеей, голубушка моя, так по крайней мере ради такого великодушного друга, как ты, и нет для меня большего удовольствия, чем служить тебе; только вот Бенджамин с каждым днем все больше лениться стал, и наша семья...

— Ни слова больше об этом, — сказала Маргарет. — Мы понимаем друг друга. А теперь расскажи

мне 'все, что ты знаешь о делах этого юноши и почему ты так не хотела связываться с ними?

— Об этом я пока не много могу рассказать, — ответила миссис Урсула. — Знаю только, что самые могущественные из его соотечественников против него, а также самые могущественные вельможи при дворе. Но я постараюсь разузнать побольше. Ради тебя я прочту самые неразборчивые письма, красавица ты моя. Ты знаешь, где живет этот кавалер?

— Я случайно слышала, — сказала Маргарет, как бы стыдясь того, что запомнила такие подробности, касающиеся молодого лорда, — он живет... кажется... у какого-то Кристи... если не ошибаюсь... на набережной, возле собора святого Павла... у судебного поставщика.

— Нечего сказать, подходящее жилище для молодого барона! Но ничего, не унывай, мистрис Маргарет. Если он появился в Лондоне в виде гусеницы, подобно некоторым из своих земляков, он может, так же как они, сбросить свою оболочку и превратиться в бабочку. Итак, я пью прощальный кубок и желаю тебе доброй ночи и сладких сновидений. Завтра же ты получишь от меня весточку. Еще раз спокойной ночи, моя жемчужина из жемчужин, маргаритка из маргариток!

С этими словами она поцеловала свою юную приятельницу и покровительницу в неохотно подставленную щечку и удалилась легкой, крадущейся походкой человека, привыкшего соразмерять свои шаги с действиями, требующими быстроты и тайны.

В течение некоторого времени Маргарет Рэмзи смотрела ей вслед в тревожном молчании.

— Я совершила ошибку, — пробормотала она наконец, — позволив ей выведать от меня мою тайну. Но она хитра, смела и услужлива, и я думаю, достойна доверия... А если нет, она, во всяком случае, будет блюсти свои собственные интересы, а это в моей власти. И все же, я жалею, что рассказала ей. Я затеяла безнадежное дело. Что он сказал мне, чтобы оправдать мое вмешательство в его судьбу? Ничего, кроме самых обычных пустых слов... Простая застольная бе-

седа. Однако кто знает... — продолжала она и вдруг умолкла, взглянув в зеркало, отразившее ее красивое лицо и, быть может, подсказавшее ей более благоприятное окончание мысли, которую она не решилась бы доверить своему языку.

Глава IX

Судьба истца — жестокая судьба!
На поиски она ведет раба,
В которых, как свидетельствуют предки,
Потери часты, а находки редки
Влюбленный и истец не зря твердят
Что ожиданье — это сущий ад
Дни проводить без смысла и без цели,
И мучиться бессонницей в постели,
Одной надеждой жить, тощать, хиреть,
И, заблуждаясь, заблуждаться впредь,
Молиться, чтобы чудо совершилось
И повелитель гнев сменил на милость;
В конце концов смириться — и тогда
Годами ждать монаршего суда,
Выращивать в душе сомнений семя,
Нести на сердце подозрений бремя,
Ползти в пыли, бежать, скакать верхом,
Потратить все, остаться ни при чем

«Сказки матушки Хаббард»

Легко себе представить, что утром того дня, когда Джордж Гериот готовился сопровождать юного лорда Гленварлоха во дворец в Уайтхолле, молодой человек, судьба которого, быть может, зависела от этого шага, был охвачен необычайным волнением. Он встал спозаранку, оделся с особенной тщательностью, и так как щедрость его менее родовитого соотечественника дала ему возможность показать свою статную фигуру в наиболее выгодном свете, взглянув в зеркало, он сразу же получил одобрение от самого себя и услышал шумные и цветистые изъявления восторга своей хозяйки, решительно заявившей, что он перехватит ветер из-под паруса у любого придворного кавалера, — ибо она любила украшать свою речь поговорками моряков, с которыми торговал ее муж

В назначенный час прибыла лодка мастера Джорджа Гериота с бравыми гребцами, на славу снаряженная, с навесом, на котором были изображены его собственный вензель и герб его гостя.

Молодой лорд Гленварлох принял своего друга, проявившего такую бескорыстную преданность, с сердечной любезностью, свойственной его нраву.

Мейстер Гериот рассказал о щедром даре монарха и передал деньги своему юному другу, отказавшись взять сумму, которую он ранее ссудил ему. Найджел преисполнился благодарности к горожанину за его бескорыстную дружбу и не преминул выразить ее должным образом.

Тем не менее когда молодой высокородный дворянин сел в лодку, чтобы отправиться на прием к своему монарху под покровительством человека, высшее отличие которого состояло в том, что он был одним из выдающихся членов корпорации золотых дел мастеров, он почувствовал некоторое смущение или даже стыд при мысли о своем положении; и Ричи Мониплайз, спускаясь по сходням, чтобы занять свое место на носу лодки, не мог удержаться от того, чтобы не пробормотать:

— Да, времена-то изменились с тех пор, как почтенный батюшка мастера Гериота жил в Крэмесе; да и то сказать, одно дело золотом да серебром звенеть, а другое дело оловом греметь.

Подгоняемая веслами четырех дюжих гребцов, лодка плавно скользила по Темзе, служившей тогда главным путем сообщения между Лондоном и Уэстминстером, ибо лишь немногие отваживались пробираться по узким людным улицам города верхом на лошади, а кареты в те времена были роскошью, доступной лишь самой высшей знати, и ни один горожанин, каким бы богатством он ни обладал, не осмеливался и мечтать о них. Любезный провожатый Найджела пытался обратить его внимание на красоту берегов, в особенности с северной стороны, где сады аристократических особняков спускались иногда к самой воде; но тщетны были все его старания. Юного лорда Гленварлоха осаждали мысли, далеко не са-

мые приятные, о том, как он будет принят монархом, из-за которого его семья очутилась на грани разорения; и с тревогой, свойственной людям в его положении, он придумывал возможные вопросы короля и отчаянно напрягал ум, стараясь подыскать ответы на них.

Провожатый Найджела заметил его душевное волнение и решил не докучать ему своими разговорами; и после того как он вкратце описал ему церемонии, соблюдаемые при дворе во время таких приемов, остальная часть пути прошла в молчании.

Они причалили к пристани Уайтхолла и, назвав свои имена, вошли во дворец. Дворцовая стража оказала лорду Гленварлоху почести, соответствующие его высокому званию.

Сердце молодого человека сильно забилося, когда он вступил в королевские покои. Получив весьма скромное образование в чужих краях, он имел лишь самое смутное представление о великолепии придворной жизни; и философские размышления, учившие его с пренебрежением относиться к церемониям и внешнему блеску, подобно другим положениям чистой философии, оказались бессильными в тот момент, когда они столкнулись с непосредственным впечатлением, которое произвела на воображение неискушенного юноши представшая его взору роскошь. Пышные залы, через которые они проходили, торжественный церемониал, сопровождавший их, пока они шли по длинной анфиладе дворцовых покоев, богатая одежда лакеев, стражников и камердинеров — все это, казавшееся привычному придворному обыденным и не заслуживающим внимания, вызывало смущение и даже тревогу у тех, кто впервые знакомился с придворным этикетом и был полон сомнений относительно того, какой прием будет ему оказан при его первом посещении монарха.

Желая избавить своего юного друга от неожиданного замешательства, Гериот позаботился предупредить всех стражников, лакеев, камердинеров и прочих придворных, и никто не пытался остановить их. Они миновали несколько приемных, заполненных преиму-

шественно стражниками, слугами и их знакомыми мужского и женского пола, одетыми в свое лучшее платье. Они с подобающей скромностью стояли у стен, как бы говоря этим, что они лишь зрители, а не актеры в придворном спектакле, и в их широко открытых глазах светилось жадное любопытство и желание увидеть как можно больше, пользуясь таким редким случаем.

Через эти наружные покои лорд Гленварлох и его лондонский друг проследовали в обширную, роскошно обставленную гостиную; она сообщалась с аудиенц-залом, и в нее допускались только лица, которые благодаря своему знатному происхождению, высоким государственным или придворным постам или по особому соизволению короля пользовались правом присутствовать на приемах во дворце, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение монарху.

Среди этого избранного, привилегированного общества Найджел заметил сэра Манго Мэлегроутера; все те, кто знал, каким незначительным влиянием он пользовался при дворе, сторонились и избегали его, и он чрезвычайно обрадовался возможности завязать разговор с таким знатным лицом, как лорд Гленварлох, который был еще столь неопытен, что ему трудно было избавиться от назойливого придворного.

Мрачное лицо кавалера тотчас расплылось в жуткую улыбку; небрежно и покровительственно кивнув головой в сторону Джорджа Гериота и сделав аристократический жест, выражавший одновременно высокомерие и снисходительность, но затем совершенно забыл почтенного горожанина, у которого не раз обедал, и посвятил себя исключительно молодому лорду, хотя и подозревал, что тот находится в затруднительном положении и испытывает такую же потребность в собеседнике, как и он сам. Даже внимание этого чудака, несмотря на его странную и непривлекательную внешность, не было совершенно безразлично лорду Гленварлоху, ибо оно избавило его от абсолютного и несколько принужденного молчания его доброго друга Гериота, оставившего Найджела во власти мучительных и волнующих размышлений; с

другой стороны, он с неподдельным интересом слушал резкие, саркастические замечания озлобленного, но наблюдательного придворного, для которого терпеливый слушатель, тем более потомок столь знатного и древнего рода, был настоящей находкой, а проницательный и общительный нрав кавалера делал его занимательным собеседником для Найджела Олифанта. Тем временем Гериот, забытый сэром Манго, уклоняясь от всяких попыток втянуть его в разговор, предпринимаемых из вежливости и благодарности лордом Гленварлохом, стоял поблизости с легкой улыбкой на лице; но была ли эта улыбка вызвана остроумием сэра Манго, или она относилась к его персоне, трудно было сказать с достоверностью.

В то время как наше трио стояло возле самой двери, ведущей в аудиенц-зал, которая все еще оставалась закрытой, в приемную быстрыми шагами вошел Максуэл с жезлом церемониймейстера; при его появлении все присутствующие, за исключением лиц знатного происхождения, расступились, чтобы дать ему дорогу. Он остановился возле знакомой нам компании, бросил беглый взгляд на молодого шотландского лорда, слегка поклонился Гериоту и наконец, обращаясь к Манго Мэлегроутеру, стал торопливо жаловаться ему на нерадивость офицеров и стражников дворцового караула, которые позволяют всякого рода горожанам, просителям и ростовщикам, не соблюдающим никакого почтения и приличий, прокрадываться в наружные покои дворца.

— Англичане, — сказал он, — возмущены, ибо при королеве никто не посмел бы и думать о таких вещах. Все время двор был для черни, а дворцовые покои для дворян; эти беспорядки бросают тень также и на вас, сэр Манго, ибо вы ведь тоже служите при королевском дворе.

На что сэр Манго, охваченный, как это часто бывало с ним в таких случаях, одним из своих обычных приступов глухоты, ответил:

— Неудивительно, что чернь позволяет себе вольности, если происхождение и манеры тех, кого она

видит при королевском дворе, немногим лучше ее собственных.

— Вы правы, сэра, совершенно правы, — сказал Максуэл, коснувшись рукой потускневшей вышивки на рукаве старого кавалера. — Когда эти молодчики видят придворных, одетых в поношенное платье, словно жалкие комедианты, не приходится удивляться, что в королевском дворце нет отбоя от назойливых просителей.

— Вы, кажется, похвалили мою прелестную вышивку, мейстер Максуэл? — сказал кавалер, видимо судивший о смысле замечания церемониймейстера больше по его действиям, нежели по словам. — Это старинная вышивка с богатыми узорами, сделанная отцом вашей матушки, старым Джеймсом Ститчелом, прославленным портновским мастером из проулка Мерлин, которому я счел нужным дать работу, о чем я счастлив сейчас вспомнить, принимая во внимание, что ваш батюшка соизволил сочетаться браком с дочерью столь важной особы.

Максуэл бросил на него свирепый взгляд, но, зная, что от сэра Манго нельзя получить никакого удовлетворения и продолжение спора с таким противником может только сделать его смешным и разгласить тайну мезальянса, которым у него не было никаких оснований гордиться, он скрыл свое негодование под насмешливой улыбкой и, выразив сожаление по поводу глухоты сэра Манго, мешающей ему понимать то, что ему говорят, проследовал дальше и встал у двухстворчатой двери в аудиенц-зал, где он должен был исполнять обязанности церемониймейстера, как только дверь откроется.

— Дверь в аудиенц-зал сейчас откроется, — шепнул золотых дел мастер своему юному другу. — Мое положение не позволяет мне сопровождать вас дальше. Держитесь смело, как подобает потомку столь знатного рода, и подайте ваше прошение; надеюсь, король не отвергнет его и даст благосклонный ответ.

Тем временем дверь в аудиенц-зал отворилась и, как всегда в таких случаях, придворные направились

к ней и стали входить медленным, но неудержимым потоком.

Когда Найджел, в свою очередь, подошел к двери и назвал свое имя и титул, Максуэл, казалось, был в нерешительности.

— Вас никто не знает, милорд, — сказал он. — Мне приказано не пропускать в аудиенц-зал ни одного человека, которого я не знаю в лицо, если за него не поручится кто-нибудь из высокопоставленных придворных.

— Я пришел с мейстером Джорджем Гериотом, — сказал Найджел, несколько смущенный столь неожиданным препятствием.

— Имя мейстера Гериота — вполне достаточный залог для золота и серебра, милорд, — ответил Максуэл с учтивой улыбкой, — но оно не может заменить родословную и титул. Моя должность вынуждает меня быть неумолимым. Я не могу пропустить вас. Я очень сожалею, но вашей светлости придется отойти в сторону.

— В чем дело? — спросил, подойдя к двери, старый шотландский дворянин, беседовавший с Джорджем Гериотом, после того как тот расстался с Найджелом, и заметивший препирательства между последним и Максуэлом.

— А это церемониймейстер Максуэл, — сказал сэра Манго Мэлегроутер, — выражает свою радость по поводу неожиданной встречи с лордом Гленварлохом, отец которого помог ему получить эту должность; во всяком случае, мне кажется, он говорит что-то в этом роде — ведь ваша светлость знает о моем недуге.

Приглушенный смех, каковой допускался придворным этикетом, пронесся среди тех, кто слышал этот образец сарказма сэра Манго. Но старый дворянин подошел еще ближе и воскликнул:

— Как?! Сын моего доблестного старого противника Охтреда Олифанта? Я сам представляю его ко-ролю.

С этими словами он без дальнейших церемоний взял Найджела под руку и собирался провести его в зал, когда Максуэл, все еще преграждавший вход

своим жезлом, сказал, правда с некоторой нерешительностью и замешательством:

— Милорд, никто не знает этого джентльмена, и мне приказано быть непреклонным.

— Та-та-та, любезный, — сказал старый лорд, — я ручаюсь за то, что он сын своего отца. Я вижу это по изгибу его бровей. А ты, Максуэл, достаточно хорошо знал его отца и мог бы не проявлять свою непреклонность. Пропусти нас, любезный!

С этими словами он отстранил церемониймейстера и вошел в аудиенц-зал, все еще держа под руку молодого лорда.

— Я должен познакомиться с вами, молодой человек, — сказал он, — я должен познакомиться с вами. Я хорошо знал вашего отца, дорогой мой, и не раз нам случалось ломать копыя на турнирах и скрещивать наши шпаги. И я могу гордиться тем, что я еще жив, чтобы похвалиться этим. Он был на стороне короля, а я — на стороне королевы во время Дугласовых войн — мы оба были молоды тогда и не страшились ни огня, ни меча; и кроме того, между нами существовала старая родовая вражда, переходившая по наследству от отца к сыну вместе с нашими перстнями, тяжелыми мечами, доспехами и гребнями на наших шлемах.

— Слишком громко, лорд Хантинглен, — шепнул один из камердинеров. — Король! Король!

Старый граф — ибо таков был титул лорда Хантинглена — понял намек и замолчал.

Иаков, вошедший через боковую дверь, поочередно отвечал на поклоны стоявших рядами посетителей, время от времени обращаясь к окружающей его небольшой свите придворных фаворитов. Он был одет с несколько большей тщательностью, чем в тот раз, когда мы впервые представили монарха нашим читателям, но ему от природы была присуща некоторая неуклюжесть, отчего одежда никогда не сидела на нем красиво, а из предусмотрительности или по робости характера он, как мы уже говорили, имел обыкновение зашивать в свой камзол множество монет для защиты от удара кинжалом, что придавало

его фигуре еще большую мешковатость, являвшую странный контраст с его резкими и суетливыми движениями, которыми он сопровождал свою речь. И все же, хотя в манерах короля не было ничего величественного, в его поведении было столько мягкости, простоты и добродушия, он был настолько неспособен маскировать или скрывать свои собственные слабости и относился с такой терпимостью и сочувствием к слабостям других, что его обходительность в сочетании с ученостью и некоторой долей проникательности неизменно производила благоприятное впечатление на всех, кто имел с ним дело.

Когда граф Хантинглен представил Найджела монарху — ибо почтенный пэр взял на себя выполнение этой церемонии, — король принял юного лорда весьма милостиво и заметил, обращаясь к представившему его графу, что он «очень рад видеть их обоих вместе, стоящими бок о бок».

— Ибо я полагаю, лорд Хантинглен, — продолжал он, — ваши предки и даже ваша светлость и отец этого юноши встречались лицом к лицу со скрещенными шпагами, а это менее дружелюбная поза.

— До тех пор, пока ваше величество, — сказал лорд Хантинглен, — не заставили лорда Охтреда и меня скрестить пальмовые ветви в тот достопамятный день, когда ваше величество устроили пир для всех дворян, враждовавших между собой, и заставили их обмениваться рукопожатиями в вашем присутствии...

— Я прекрасно помню это, — сказал король, — я прекрасно помню! Это был благословенный день — девятнадцатое сентября, самый благословенный из всех дней в том году. Вот была потеха, когда эти молодцы, злобно ухмыляясь, пожимали друг другу руки! Клянусь спасением своей души, я думал, что некоторые из них, в особенности молодые горцы, затеют ссору в нашем присутствии, но мы заставили их подойти к кресту рука об руку — мы сами шли впереди — и выпить кубок доброго вина за примирение, за прекращение родовой вражды и за вечную дружбу. В тот год старый Джон Андерсон был лорд-мэром. Он плакал от радости, а судьи и члены Совета от

восторга прыгали в нашем присутствии с непокрытыми головами, словно жеребята.

— Поистине, это был счастливый день, — сказал лорд Хантинглен, — и он никогда не будет забыт в истории царствования вашего величества.

— Я не хотел бы, чтобы его забыли, милорд, — ответил монарх. — Я не хотел бы, чтобы о нем умолчали в наших анналах. Да, да, *beati pacifici*.¹ Мои английские вассалы должны высоко ценить меня, и мне хотелось бы напомнить им, что они обрели в моем лице единственного миролюбивого монарха, который когда-либо вышел из моего рода. Что было бы с вами, если бы к вам пришел Иаков с Огненным Лицом! — сказал он, окинув взглядом присутствовавших. — Или мой прадед, стяжавший вечную славу при Флоддене?!

— Мы отослали бы его обратно на север, — прошептал один из английских дворян.

— Во всяком случае, — сказал другой таким же еле слышным голосом, — нашим монархом был бы мужчина, хотя бы это был всего лишь шотландец.

— Итак, мой юный друг, — сказал король, обращаясь к лорду Гленварлоху, — где вы провели свои отроческие годы?

— Последнее время в Лейдене, с позволения вашего величества, — ответил лорд Найджел.

— Ага! Ученый! — воскликнул король. — И, клянусь честью, скромный и чистосердечный юноша, который, в отличие от большинства наших путешествующих вельмож, не разучился краснеть. Мы будем обращаться с ним должным образом.

Затем, выправившись и окинув взглядом всех присутствующих с сознанием превосходства своей учености, причем все придворные, как понимающие, так и не понимающие латынь, с нетерпением стали проталкиваться вперед, чтобы послушать его, просвещенный монарх слегка откашлялся и продолжал свои расспросы следующим образом:

— Хм! Хм! *Salve bis, quaterque salve, Glenvar-*

¹ Блаженны миротворцы (лат.).

lochides noster! Nuperumne ab Lugduno Batavorum Britanniam rediisti?¹

Молодой лорд ответил с низким поклоном:

— Imo, Rex augustissime — biennium fere apud Lugdunenses moratus sum.²

Иаков продолжал:

— Biennium dicis? Bene, bene, optime factum est... Non uno die, quod dicunt, — intelligisti, Domine Glenvarlochiensis?³ Ara!

В ответ на это Найджел почтительно поклонился, и король, повернувшись к стоявшим сзади него придворным, сказал:

— Adolescens quidem ingenui vultus ingenuique pudoris.⁴ — Затем он продолжал свою ученую беседу: — Et quid hodie Lugdunenses loquuntur? Vossius vester nihilne novi scripsit? — Nihil certe, quod doleo, typis recenter edidit.⁵

— Valet quidem Vossius, Rex benevole, — ответил Найджел, — ast senex veneratissimus annum agit, ni fallor, septuagesimum.⁶

— Virum mehercle, vix tam grandævum crediderim,⁷ — ответил монарх. — Et Vorstius iste? — Arminii improbi successor æque ac sectator — Herosne adhuc, ut cum Homero loquar, Ζῶς ἐστὶ καὶ ἐπὶ Χθονὶ δέρκων?⁸

¹ Дважды и даже четырежды желаю тебе здоровья, наш Гленварлохид! Ты, кажется, недавно вернулся из Лейдена в Британию? (лат.).

² Да, ваше величество, я почти два года жил в Лейдене (лат.).

³ Два года, говоришь? Хорошо, хорошо, это в высшей степени хорошо. Не в один день, как говорится, — понял меня, владыка Гленварлоха? (лат.).

⁴ Юноша благородной внешности и благородной скромности (лат.).

⁵ А что сейчас говорят лейденцы? Ваш Воссиус, разве он ничего не написал нового? Печально, что в последнее время он, безусловно, не издал ничего (лат.).

⁶ О милостивый король, Воссиус здравствует, но, если не ошибаюсь, почтенному старцу идет уже семидесятый год (лат.).

⁷ Я с трудом поверил бы, клянусь Гераклом, что этот человек столь стар (лат.).

⁸ А этот Ворстиус — преемник и последователь нечестивого Арминия? Все еще этот герой, как я сказал бы вслед за Гомером, «живет и видит свет»? (лат. и греч.).

По счастливой случайности Найджел помнил, что Ворстиус, богослов, только что упомянутый его величеством при расспросах о состоянии литературы в Голландии, вел с Иаковом полемику, которая сильно задела короля, и тот в своей публичной переписке с Соединенными провинциями дал наконец понять, что было бы хорошо, если бы гражданские власти вмешались и приостановили распространение ереси, приняв строгие меры по отношению к особе этого ученого проповедника; однако, несмотря на некоторые затруднения, принципы всеобщей терпимости побудили высокомошных господ уклониться от исполнения этой просьбы. Зная все это, лорд Гленварлох, хотя он стал придворным всего лишь пять минут назад, проявил достаточно находчивости, чтобы ответить:

— Vivum quidem, haud diu est, hominem videbam — vigere autem quis dicat qui sub fulminibus eloquentiae tuae, Rex magne, jamdudum pronus jacet, et prostratus? ¹

Услышав эту похвалу своему полемическому искусству, Иаков, весьма довольный уже тем впечатлением, какое произвела на присутствующих его ученость, почувствовал себя на вершине блаженства.

Он потирал руки, прищелкивал пальцами, суетился, радостно смеялся, восклицал: «Euge! Belle! Optime!» ² и, повернувшись к епископам Эксетерскому и Оксфордскому, стоявшим позади него, сказал:

— Вы видите, милорды, неплохой образчик нашей шотландской латыни. Мы хотели бы, чтобы все наши подданные в Англии были так же хорошо знакомы с этим языком, как этот молодой лорд и другие знат-

¹ Если у кого-нибудь из читательниц или читателей зародится подозрение, что латинские предложения содержат какую-то тайну, они будут рады узнать, что это всего лишь несколько обычных фраз, относящихся к состоянию литературы в Голландии, которые не представляют особого интереса и не поддаются дословному переводу. (Прим. автора.)

Жив. Недавно я видел этого человека. Но кто назвал бы живым того, кто уже давно лежит низвергнутый и распростертый молниями твоего красноречия, о великий король? (лат).

² Хорошо! Прекрасно! Великолепно! (лат).

ные юноши в нашем старом королевстве; мы также сохраняем подлинное римское произношение, подобно другим просвещенным народам на континенте, и мы можем поддерживать сношения с учеными мужами всего мира, говорящими на латинском языке, тогда как вы, наши просвещенные английские подданные, ввели у себя в университетах, весьма ученых в других отношениях, манеру произношения, напоминающую косноязычную невесту из сказки, которой «пристемили носку»; а такой разговор — не обижайтесь на меня за откровенность — не может понять ни один народ на земле, за исключением вас самих; и поэтому латынь *quoad Anglos*¹ перестает быть *communis lingua*² — всеобщим драгоманом, или толмачом, между всеми мудрецами на земле.

Епископ Эксетерский поклонился, как бы молчаливо соглашаясь с королевским порицанием, но епископ Оксфордский стоял прямо, не склонный уступать в том, на что распространялась власть его престола, готовый стать добычей пламени костра, защищая как университетскую латынь, так и любой догмат своей веры.

Король, не дожидаясь ответа от прелатов, продолжал расспрашивать Найджела, но теперь уже на родном языке:

— Итак, мой дорогой питомец муз, что делаете вы вдали от своей северной отчизны?

— Я приехал, чтобы засвидетельствовать свое почтение вашему величеству, — сказал юный лорд, став на одно колено, — и подать вам, — прибавил он, — мое смиренное прошение.

Направленный на короля Иакова пистолет несомненно испугал бы его больше, но едва ли (если не считать страха) привел бы беспечного монарха в большее смущение

— Так вот в чем дело, мой любезный! — сказал он. — Неужели ни один человек, хотя бы в виде исключения, не может приехать из Шотландии, как

¹ Что касается англичан (лат.).

² Общим языком (лат.).

только *ex proposito* — с определенной целью, чтобы посмотреть, нельзя ли чем-нибудь пожить от своего любимого монарха? Всего только три дня тому назад мы едва не заплатились жизнью и не повергли в траур три королевства из-за опрометчивости неуклюжего мужлана, сунувшего нам в руки какой-то пакет, а сейчас нас осаждают с такой же назойливостью в нашем собственном дворце. Отдайте эту бумагу нашему секретарю, милорд, к нашему секретарю с этой бумагой.

— Я уже подавал свое смиренное прошение секретарю вашего величества, — сказал лорд Гленварлох, — но, кажется...

— Он не пожелал принять его, не так ли? — перебил его король. — Клянусь спасением своей души, наш секретарь лучше нас выполняет эту часть королевских обязанностей, он лучше нас умеет отклонять прошения и читает только те из них, которые нравятся ему самому. Мне кажется, я был бы лучшим секретарем у него, чем он у меня. Да, милорд, вы желанный гость в Лондоне; я вижу, вы смысленный и ученый юноша, и я советую вам при первой возможности повернуть нос вашего корабля на север и пожить некоторое время в Сент-Эндрюсе, и мы будем очень рады услышать, что вы преуспеваете в науках. *Incumbite remis fortiter.*¹

Говоря это, король небрежно держал прошение молодого лорда, словно он только ждал того момента, когда посетитель повернется к нему спиной, чтобы бросить его челобитную на пол или просто отложить в сторону и никогда не читать ее. Найджел, который понял это по его холодному, равнодушному взгляду и по тому, как он крутил и мял в руках прошение, встал с горьким чувством обиды и разочарования, отвесил низкий поклон и собирался поспешно удалиться. Но лорд Хантинглен, стоявший рядом с ним, предотвратил его намерение, слегка коснувшись полы его плаща, и Найджел, поняв намек, отошел всего лишь на несколько шагов от короля и остановился.

¹ Сильно налягте на весла (лат.).

Тем временем лорд Хантинглен, в свою очередь, встал на одно колено перед Иаковом и сказал:

— Может быть, вашему величеству будет угодно вспомнить, что однажды вы обещали мне исполнять мою просьбу каждый год вашей священной жизни?

— Я прекрасно помню это, мой друг, — ответил Иаков. — Я прекрасно помню, и на то есть основательная причина. Это было тогда, когда вы разжали клыки вероломного Рутвена, сжимавшие наше королевское горло, и вонзили в грудь предателя свой кинжал, как подобало верному подданному. И тогда мы, как вы напомнили нам — что было лишним, — вне себя от радости по поводу нашего спасения, обещали каждый год исполнять одно ваше желание, каковое обещание, вступив в наши королевские права, мы вновь подтвердили *restrictive и conditionaliter*¹ — при том неременном условии, что просьбу вашей светлости мы сочтем приемлемой, согласно нашему королевскому усмотрению.

— Истинная правда, всемилостивейший государь, — сказал старый граф. — И я осмелюсь еще спросить, не перешел ли я когда-нибудь границ вашего королевского благоволения?

— Клянусь, нет! — воскликнул король. — Я не помню, чтобы вы когда-нибудь просили слишком много для себя, разве что гончую, сокола или оленя из нашего Теобальдского парка или что-нибудь в этом роде. Но к чему все это предисловие?

— Я хочу обратиться к вашему величеству с просьбой, — сказал лорд Хантинглен, — чтобы ваше величество соизволили безотлагательно взглянуть на прошение лорда Гленварлоха и, не передавая его вашему секретарю или кому-нибудь из ваших советников, поступили с ним так, как подскажет вам ваше справедливое королевское сердце.

— Клянусь честью, милорд, это непостижимо! — воскликнул король. — Вы просите за сына вашего врага!

¹ Ограничительно и условно (лат.).

— Того, кто *был* моим врагом до тех пор, пока ваше величество не сделали его моим другом, — ответил лорд Хантинглен.

— Золотые слова, милорд, — сказал король, — достойные истинного христианина. А что касается прошения этого молодого человека, я отчасти догадываюсь, о чем там речь, и по правде говоря, я обещал Джорджу Гериоту быть благосклонным к этому юноше. Но вот в чем беда: Стини и малютка Чарлз терпеть его не могут, так же как и ваш собственный сын, милорд; и мне кажется, лучше бы ему отправиться обратно в Шотландию, пока по их милости с ним не случилась какая-нибудь беда.

— Что до моего сына, с позволения вашего величества, так не ему указывать мне, как поступать, — сказал граф, — и не кому-нибудь из этих сорванцов.

— Мне они тоже не указ, — ответил монарх. — Клянусь душой своего отца, я никому из них не позволю помыкать мной как пешкой. Я буду делать то, что хочу и что должен делать, как подобает свободному королю.

— Значит, ваше величество исполнит мою просьбу? — спросил лорд Хантинглен.

— Да, черт возьми, исполнит... разумеется, исполнит, — сказал король. — Но пройдемте сюда, милорд, здесь нас никто не услышит.

Он поспешно провел лорда Хантинглена через толпу придворных, с любопытством взиравших на эту необычную сцену, как это бывает в подобных случаях во всех дворцах. Король прошел в маленький кабинет и сначала попросил лорда Хантинглена запереть дверь на ключ или на щеколду, но в следующее мгновение отменил свое приказание со словами:

— Нет, нет, нет; клянусь святым причастием, милорд, я свободный король и буду поступать так, как хочу и как должен поступать; я *justus et tenax propositi*,¹ милорд. Тем не менее стойте у двери, лорд Хантинглен, на тот случай, если войдет этот сумасшедший Стини.

¹ Справедливый и твердый в испытании (лат.).

— О мой бедный государь! — простонал граф Хантинглен. — Когда вы были у себя на холодной родине, у вас в жилах текла более горячая кровь.

Король бегло просмотрел прошение, или петицию, поминутно вскидывая глаза на дверь и снова поспешно опуская их на бумагу, стыдясь того, что лорд Хантинглен, которого он уважал, заподозрит его в робости.

-- Говоря по правде, — сказал он, торопливо закончив чтение, — это весьма серьезное дело, более серьезное, чем мне его рисовали, хотя я уже раньше догадывался об этом. Так значит, Хантинглен, этот юноша желает уплаты денег, которые мы ему должны, только для того, чтобы выкупить свою вотчину? Но ведь тогда у юноши появятся другие долги, и зачем ему обременять себя такими обширными бесплодными землями? Не говорите мне про эти земли, милорд, забудьте про них; наш шотландский канцлер обещал их Стини. Там самая лучшая охота во всей Шотландии, а малютка Чарлз и Стини хотят поохотиться там на оленей в будущем году. Они должны получить эти земли, они должны получить эти земли; а наш долг будет выплачен молодому человеку до последнего пенни, и он сможет истратить эти деньги у нас при дворе. А если уж у него такой аппетит на землю, ну что ж, милорд, мы набьем ему живот английской землей: она в два раза, да что там — в десять раз ценнее этих проклятых холмов и скал, болот и мхов, до которых он так падок.

Все это время король шагал взад и вперед по кабинету в жалком состоянии нерешительности, а манера волочить ноги, как бы загребая воздух, и дурная привычка вертеть в руках пучки лент, украшавших нижнюю часть его одежды, придавали ему еще более смешной вид.

Лорд Хантинглен выслушал его с величайшим спокойствием и затем ответил:

— С позволения вашего величества, когда Ахав домогался виноградаря Навуфея, тот дал ему такой ответ: «Сохрани бог, чтобы я отдал тебе наследие моих отцов».

— Эх, милорд, эх, милорд! — воскликнул Иаков, покраснев от досады. — Уж не собираетесь ли вы учить меня священной истории? Вам нечего бояться, милорд, что я буду несправедлив к кому-нибудь; и так как ваша светлость не желает помочь мне уладить это дело более мирным путем, что, как мне кажется, было бы лучше для молодого человека, как я уже говорил раньше, ну что ж, если уж так нужно, — черт возьми, я свободный король, дорогой мой, — так пусть же он получит свои деньги и выкупит свои владения, и пусть он строит там церковь или мельницу, если хочет.

С этими словами он поспешно написал распоряжение шотландскому казначейству о выплате требуемой суммы и затем прибавил:

— Не знаю только, как они смогут выплатить ее, но ручаюсь, что под этот приказ он достанет денег у ювелиров, которые могут найти их для кого угодно, но только не для меня. И теперь вы видите, лорд Хантинглен, что я не вероломный обманщик, отказывающийся выполнить вашу просьбу, как я обещал вам, и не Ахав, домогающийся виноградника Навуфея, и не пешка, которую фавориты и советники могут водить за нос, как им вздумается. Я думаю, теперь вы согласитесь, что я не принадлежу к их числу?

— Вы мой родной и благородный государь, — сказал Хантинглен, опустившись на одно колено, чтобы поцеловать королю руку, — справедливый и великодушный, когда вы прислушиваетесь к голосу своего собственного сердца.

— Да, да, — сказал король с добродушным смехом, помогая подняться своему верному слуге, — вы все так говорите, когда я делаю то, что вам нравится. Ну, забирайте этот приказ и уходите вместе с юношей. Прямо удивительно, что Стини и наш сынок Чарлз до сих пор еще не ворвались к нам.

Лорд Хантинглен поспешно вышел из кабинета, не желая присутствовать при одной из тех сцен, какие порой разыгрывались, когда Иаков набирался храбрости, чтобы проявить свою собственную волю, которой он так похвалялся, и поступить вопреки воле

своего властолюбивого фаворита Стини, как он называл герцога Бакингема из-за предполагаемого сходства между его очень красивым лицом и лицом великомученика Стефана в изображении итальянских живописцев. И действительно, надменный фаворит, который благодаря необыкновенной благосклонности судьбы пользовался столь же большим уважением со стороны наследного принца, как и со стороны правящего монарха, оказывал последнему все меньше и меньше почтения, и для наиболее проницательных придворных было совершенно очевидно, что Иаков терпел господство герцога скорее по привычке, из робости, из страха вызвать бурную вспышку его гнева, нежели из искреннего расположения к тому, чье величие было создано его собственными руками. Чтобы не видеть неприятной сцены, которая должна была произойти при возвращении герцога, и избавить короля от еще большего унижения, которое могло причинить ему присутствие такого свидетеля, граф как можно скорее покинул кабинет, предварительно тщательно спрятав в карман приказ с собственноручной подписью монарха.

Войдя в аудиенц-зал, он поспешно отыскал лорда Гленварлоха, удалившегося в нишу одного из окон от назойливых взглядов людей, которые, видимо, склонны были оказать ему внимание, движимые лишь удивлением и любопытством, и, взяв его под руку, не говоря ни слова, провел его из аудиенц-зала в первую приемную. Здесь их ждал достопочтенный ювелир, встретивший их любопытным взглядом, но старый лорд без всяких объяснений поспешно сказал:

— Все в порядке. Ваша лодка ждет вас?

Гериот ответил утвердительно.

— Тогда вам придется взять меня на борт, как говорят лодочники, а за это я угощу вас обоих обедом, ибо нам нужно побеседовать всем вместе.

Они оба молча последовали за графом и были уже во второй приемной, когда громкие возгласы камердинеров и торопливый шепот расступившейся толпы придворных: «Герцог! Герцог!» возвестили о приближении всемогущего фаворита,

Он вошел, этот злосчастный баловень королевской милости, в роскошном, живописном одеянии, которое вечно будет жить на полотне Ван-Дейка, характеризующая ту гордую эпоху, когда аристократия, уже клонившаяся к упадку, при помощи показной роскоши и расточительности все еще пыталась сохранить свое безграничное господство над низшими сословиями. Красивые, властные черты лица, статная фигура, изящные движения и манеры герцога Бакингема как нельзя более гармонировали с его живописным нарядом. Однако на этот раз лицо его выражало беспокойство и одет он был более небрежно, чем допускал придворный этикет. Он шел поспешными шагами, и голос его звучал властно.

Все заметили гневную складку у него на лбу и так стремительно отпрянули назад, чтобы дать ему дорогу, что граф Хантинглен, не проявивший при этом чрезмерной поспешности, вместе со своими спутниками, которым чувство приличия не позволяло покинуть его, очутился посредине приемной, как раз на пути разгневанного фаворита. Бросив суровый взгляд на Хантинглена, герцог слегка притронулся рукой к шляпе, но перед Герiotом он снял ее и поклонился с насмешливым почтением, едва не коснувшись пола пышным плюмажем. Отвечая на его приветствие просто и непринужденно, горожанин сказал только:

— Под чрезмерной учтивостью, милорд, нередко скрывается недоброжелательность.

— Я сожалею, что вы так думаете, мейстер Герiot, — ответил герцог. — Своим почтительным поклоном я хотел только снискать ваше расположение, сэр, ваше покровительство. Я слышал, что вы стали стряпчим, просителем, поручителем, ходатаем по делам знатных придворных истцов, не имеющих ни гроша за душой. Надеюсь, ваш кошелек поможет вам осуществить новые честолюбивые замыслы.

— Он поможет мне тем скорее, милорд, — ответил золотых дел мастер, — что честолюбие мое невелико.

— О, вы слишком несправедливы к себе, мой дорогой мейстер Герiot, — продолжал герцог тем же

ироническим тоном. — Вы занимаете блестящее положение при дворе — для сына эдинбургского медника. Не откажите в любезности представить меня высокородному вельможе, которому вы соблаговолили оказать честь своим покровительством.

— Это уж я возьму на себя, — решительно сказал лорд Хантинглен. — Ваша светлость, разрешите представить вам Найджела Олифанта, лорда Гленварлоха, потомка старинного и могущественного рода шотландских баронов. Лорд Гленварлох, разрешите представить вам его светлость герцога Бакингема, потомка сэра Джорджа Вильерса, кавалера Бруксби из графства Лестер.

Герцог покраснел еще больше и с презрительным видом поклонился лорду Гленварлоху, который, еле сдерживая негодование, ответил ему надменным поклоном.

— Итак, мы знакомы, — сказал герцог после минутного молчания, словно он заметил в молодом дворянине нечто, заслуживающее более серьезного внимания, а не только язвительных насмешек, с которых он начал. — Итак, мы знакомы, и знайте, что я ваш враг.

— Благодарю вас за откровенность, ваша светлость, — ответил Найджел. — Честный враг лучше вероломного друга.

— А что касается вас, лорд Хантинглен, — сказал герцог, — мне кажется, вы преступили границы снисходительности, оказываемой вам, как отцу друга принца и моего собственного.

— Поистине, мой дорогой герцог, — ответил граф, — нетрудно преступить границы, о существовании которых не подозреваешь. Мой сын находится в такой высокопоставленной компании не для того, чтобы снискать мне покровительство и благосклонность.

— О милорд, мы знаем вас и относимся к вам снисходительно, — сказал герцог. — Вы один из тех, кто всю жизнь гордится своими заслугами, совершив однажды смелый подвиг.

— Клянусь честью, милорд, если это так, — сказал старый граф, — то, во всяком случае, я все же

обладаю преимуществом перед теми, кто гордится еще больше меня, не совершив ни одного подвига. Но я не собираюсь ссориться с вами, милорд; мы не можем быть ни друзьями, ни врагами. У вас своя дорога, у меня своя.

В ответ на эти слова герцог Бакингом небрежным движением надел шляпу и презрительно вскинул голову, так что его пышный плюмаж закачался из стороны в сторону. И так они расстались — герцог продолжал свой путь через королевские покои, а наши друзья покинули дворец и направились к пристани Уайтхолла, где их ждала лодка горожанина.

Глава X

Не ставь на карту счастье берегись
Коварных пестрых кубиков из кости,
Не подражай египетской царице
И счастье-жемчуг не топи в вине.
Запомни эти грозные искусства
Земельные владенья сокращают
И фунты обращают в медяки,
А честь — в позор, и простака

с деньгами,
Который мог бы жить, не дуя в ус,
Приводят к преждевременной могиле.

«Перемены»

Когда они были уже на середине Темзы, граф вынул из кармана прошение и, показав Джорджу Герриоту написанное на оборотной стороне королевское распоряжение, спросил его, составлено ли оно надлежащим образом и по должной форме? Достопочтенный горожанин поспешно прочел его, протянул вперед руку, как бы собираясь поздравить лорда Гленварлоха, но передумал, вынул очки (подарок старого Дэвида Рэмзи) и еще раз внимательно перечитал повеление короля с самым деловым видом.

— Оно составлено совершенно правильно и по надлежащей форме, — сказал он, взглянув на графа Хантинглена, — и я искренне рад этому.

— Я несколько не сомневаюсь в его правильности, — сказал граф, — король прекрасно разбирается в делах, и если он не часто занимается ими, то лишь потому, что лень мешает проявиться его природным способностям к занятиям делами. Но что еще можно сделать для нашего юного друга, мейстер Гериот? Вы знаете мое положение. Шотландские лорды при дворе английского короля редко располагают деньгами; однако если по этому приказу нельзя немедленно получить некоторую сумму денег, то при настоящем положении вещей, как вы вскользь намекнули мне, закладная, или ипотека, называйте ее как хотите, будет просрочена и ее нельзя уже будет выкупить.

— Это верно, — сказал Гериот в некотором замешательстве, — для выкупа требуется большая сумма; и если она не будет получена, законный срок истечет, как говорят наши юристы, и права на поместья будут потеряны.

— Мои дорогие, мои благородные друзья, оказавшие мне такую незаслуженную, такую неожиданную помощь в моем деле, — сказал Найджел, — я не хотел бы злоупотреблять вашей добротой. Вы уже сделали слишком много для того, кто совершенно недостойн ваших забот.

— Успокойтесь, дорогой, успокойтесь, — сказал лорд Хантинглен, — и предоставьте старику Гериоту и мне распутать этот клубок. Он хочет что-то сказать. Так послушаем же его.

— Милорд, — сказал горожанин, — герцог Бакингом глумится над нашими толстосумами из Сити, но порой они могут открыть свою мощну, чтобы спасти от разорения старинный, благородный род.

— Мы знаем это, — сказал лорд Хантинглен. — Не обращайтесь на Бакингема, он чванливый индюк... Ну, а теперь за дело.

— Я уже дал понять лорду Гленварлоху, — сказал Гериот, — что деньги для выкупа можно получить под этот королевский приказ, и я сам готов дать поручительство. Но займодавец, чтобы обеспечить свои интересы, должен надеть башмаки того, кому он ссужает деньги.

— Надеть его башмаки! — воскликнул граф. — Но при чем же тут башмаки или сапоги, мой дорогой друг?

— Так принято говорить у стряпчих, милорд. За свою долгую практику я научился кое-каким из их выражений, — сказал Гериот.

— И вместе с ними еще кое-чему поважнее, мейстер Джордж, — заметил лорд Хантинглен. — Но что это означает?

— Только то, — продолжал горожанин, — что лицо, ссудившее эти деньги, вступает в соглашение с владельцем закладной, или ипотеки, на поместья лорда Гленварлоха и ему передаются его права на них; так что в том случае, если шотландское казначейство не сможет выплатить деньги по королевскому приказу, вышеупомянутые земли останутся в залог уплаты долга. Боюсь, что при теперешнем ненадежном состоянии общественного кредита без такой дополнительной гарантии будет очень трудно найти столь крупную сумму.

— Пойдите! — воскликнул граф Хантинглен. — Мне пришла в голову одна мысль. А что, если новый кредитор облюбует это поместье для своей охоты, так же как его светлость герцог Бакингом, и ему захочется пострелять там оленей в летний сезон? Мне кажется, мейстер Джордж, что по вашему плану наш новый друг будет обладать таким же правом лишить лорда Гленварлоха наследства, как и теперешний владелец закладной.

Горожанин рассмеялся.

— Готов ручаться, — сказал он, — что самый заядлый охотник, к которому я мог бы обратиться по этому делу, не смеет мечтать ни о чем большем, как о пасхальной охоте лорда-мэра в Эппингском лесу. Но осторожность вашей светлости весьма благоразумна. Кредитор должен взять на себя обязательство предоставить лорду Гленварлоху достаточный срок для выкупа поместья при помощи королевского приказа и отказаться от права немедленного запрета выкупа закладной вследствие просрочки; мне кажется, этого тем легче будет добиться, что выкуп су-

ществующей закладной должен быть произведен от имени самого лорда Гленварлоха.

— Но где мы найдем в Лондоне такого человека, который мог бы составить необходимые для этого бумаги? — спросил граф. — Если бы был жив мой старый друг Джон Скин из Хельярда, он мог бы дать нам совет; но время не терпит, и...

— Я знаю, — сказал Гериот, — одного сироту писца, который живет у Темпл-Бара; он умеет составлять бумаги в соответствии как с английскими, так и с шотландскими законами, и я часто доверял ему весьма важные дела. Я пошлю за ним слугу, и мы сможем составить обоюдные обязательства в присутствии вашей светлости, ибо при сложившихся обстоятельствах нельзя терять времени.

Лорд Хантинглен охотно согласился, и так как они уже причалили к лесенке, ведущей от реки в сад, среди которого был расположен красивый особняк графа, Гериот без малейших промедлений послал слугу за писцом.

Найджел, почти ошеломленный рвением своих друзей, так охотно предлагавших ему свою помощь для спасения его владений, еще раз прерывающимся голосом попытался выразить им свою глубокую признательность. Но лорд Хантинглен снова остановил его, заявив, что не хочет слышать об этом ни единого слова, и предложил прогуляться по тенистой аллее или посидеть на каменной скамейке, с которой открывался вид на Темзу, пока появление его сына не возвестит о начале обеда.

— Я хочу познакомить друг с другом Дэлгарно и лорда Гленварлоха, — сказал он, — ибо они будут близкими и, надеюсь, более добрыми соседями, чем когда-то были их отцы. Всего лишь три шотландских мили отделяют один замок от другого, и башни одного видны с зубчатых стен другого.

Старый граф умолк, видимо охваченный воспоминаниями, связанными с этими соседними замками.

— Лорд Дэлгарно будет сопровождать короля в Ньюмаркет на будущей неделе? — спросил Гериот, желая возобновить разговор.

— Кажется, таковы его намерения, — ответил лорд Хантинглен и вновь погрузился в свои размышления. Через минуту он внезапно обратился к Найджелу:

— Мой юный друг, когда вы вступите во владение своим наследством, что произойдет, как я надеюсь, весьма скоро, я думаю, что вы не увеличите число праздных придворных, а будете жить в своем родовом поместье, заботиться о старых арендаторах, помогать бедным родичам, защищать бедняков от притеснения управляющих и делать то, что делали наши отцы, не столь просвещенные и не обладавшие такими средствами, как мы.

— Однако совет жить в деревне, — сказал Герriot, — исходит от того, кто в течение столь долгого времени был неизменным украшением королевского двора.

— От старого придворного, совершенно верно, — сказал граф, — и от первого из нашего рода, который имеет основание так называться; моя седая борода ниспадает на батистовые брыжи и шелковый камзол, а под бородой моего отца сверкали латы. Я не хотел бы, чтобы времена поединков вернулись снова; но я был бы счастлив, если бы мои старые дубравы в Дэлгарно вновь огласились криками охотников, звуками рога и лаем гончих, а каменные своды замка эхом откликались бы на веселый смех моих вассалов и арендаторов, осушающих одну чарку за другой. Я хотел бы перед смертью еще раз увидеть широкий Тэй; для меня даже Темза не может с ним сравниться.

— Разумеется, милорд, — сказал горожанин, — все это легко было бы осуществить. Для этого нужно только мгновенное решение и путешествие в несколько дней, и вы очутитесь там, куда вы так стремитесь. Что может помешать вам?

— Привычки, мейстер Джордж, привычки, — ответил граф. — Для молодых людей они подобны шелковым нитям — так легко их носить и так скоро они рвутся, но они обременяют наши старые плечи. словно время выковало из них железные оковы. Отправиться в Шотландию на короткое время не стоит труда, а

когда я думаю о том, чтобы остаться там навсегда, я не могу решиться покинуть своего старого государя, которому, как мне кажется, я иногда могу быть полезен и с которым я так долго делил радость и горе. Но Дэлгарно должен стать шотландским пэром.

— Он был на севере? — спросил Гериот.

— Он был там в прошлом году и так много рассказывал об этой стране, что принц возгорелся желанием увидеть ее.

— Его высочество и герцог Бакингом весьма благоволят лорду Дэлгарно, как мне кажется? — заметил золотых дел мастер.

— Да, это так, — ответил граф. — Дай бог, чтобы это было на пользу всем троим. Принц справедлив и беспристрастен в своих чувствах, несмотря на холодные, надменные манеры, и очень упрям в достижении самых пустячных целей, а герцог, смелый и благородный, великодушный и откровенный, в то же время вспыльчив и честолюбив. Дэлгарно не обладает ни одним из этих пороков, а его собственные может исправить общество, в котором он возвращается. А вот и он.

Лорд Дэлгарно показался в глубине аллеи и медленно шел по направлению к скамейке, на которой сидел его отец со своими гостями, так что Найджел мог на досуге рассмотреть его лицо и фигуру. Он был одет с почти чрезмерной тщательностью; роскошный костюм по моде того времени выгодно оттенял его молодость — на вид ему было лет двадцать пять, — его благородную осанку и тонкие черты лица, в котором нетрудно было обнаружить сходство с мужественной внешностью его отца, смягченной, однако, более привычным для него выражением придворной учтивости, которой непреклонный граф редко уступал окружающим его людям. У него были любезные и непринужденные манеры, чуждые гордости или церемонности, и, уж конечно, его никак нельзя было обвинить в холодной надменности или в необузданной вспыльчивости; таким образом, отец Дэлгарно был прав, когда говорил об отсутствии у него тех пороков, которые он приписывал характерам принца и его фаворита, герцога Бакингема.

В то время как старый граф представлял сыну своего молодого знакомого, лорда Гленварлоха, выражая надежду, что он обретет его любовь и уважение, Найджел пристально наблюдал за лицом лорда Дэлгарно, стараясь обнаружить в нем признаки того скрытого нерасположения, на которое, видимо, намекал король в одном из брошенных вскользь замечаний, нерасположения, вызванного столкновением интересов могущественного герцога Бакингема с интересами его нового друга. Но он не смог обнаружить ничего подобного. Напротив, лорд Дэлгарно встретил своего нового знакомого с чистосердечной искренностью и любезностью, которая сразу завоевывает сердце бесхитростной юности.

Едва ли нужно говорить о том, что его искренние и дружественные слова с радостью были восприняты Найджелом Олифантом. В течение многих месяцев обстоятельства лишали двадцатидвухлетнего юношу возможности беседовать со своими сверстниками. Когда после внезапной смерти отца он вернулся из Нидерландов в Шотландию, он оказался, по-видимому, безнадежно запутанным во всяких судебных делах, которые грозили привести к утрате его родового поместья, служившего опорой для унаследованного им титула. Искреннее горе в дни траура, оскорбленная гордость, чувство горечи от неожиданного и незаслуженного несчастья, а также неуверенность в исходе тяжбы — все это заставило молодого лорда Гленварлоха вести во время пребывания в Шотландии весьма уединенный и скромный образ жизни. Читатель уже знает, как он проводил время в Лондоне. Но эта печальная и замкнутая жизнь не соответствовала ни его возрасту, ни его веселому, общительному нраву. Поэтому он с искренней радостью откликнулся на изъявления дружбы молодого человека его возраста и звания, и после того как он обменялся с лордом Дэлгарно несколькими словами и знаками, при помощи которых, так же как при помощи масонских знаков, юноши узнают взаимное желание понравиться друг другу, казалось, что оба молодых лорда давно уже знакомы.

Как раз в тот момент, когда между двумя юношами установилось это молчаливое взаимопонимание, в аллее показался один из слуг лорда Хантинглена, с торжественным видом сопровождавший какого-то человека в черном клеенчатом плаще, следовавшего за ним довольно быстрым шагом, если принять во внимание, что в соответствии со своими представлениями о почтительности и приличии он согнул тело параллельно горизонту с того момента, как увидел общество, перед которым должен был предстать.

— А это что еще за чучело гороховое, — воскликнул старый лорд, сохранивший отличный аппетит и нетерпеливость шотландского барона, несмотря на длительную разлуку со своей родиной, — и почему это повар Джон, чтоб ему провалиться, опаздывает с обедом?

— Мне кажется, мы сами виноваты в появлении этого непрошеного гостя, — сказал Джордж Гериот. — Это стряпчий, которого мы хотели видеть. Подними-ка голову, любезный, и взгляни нам прямо в глаза, как подобает честному человеку, а не лезь на нас с опущенной башкой, словно таран.

Стряпчий поднял голову, подобно автомату, повиновющемуся внезапному толчку спущенной пружины. Но как это ни странно, ни поспешность, с которой он выполнил приказание своего покровителя, явившись по делу, как было указано в послании мейстера Гериота, весьма важному и не терпящему отлагательства, ни даже опущенная чуть ли не до земли голова и согбенная поза, которую он, несомненно из смирения, принял с той минуты, как ступил на землю графа Хантинглена, не могли вызвать краску на его лице. От быстрой ходьбы и неудобной позы на лбу у него выступили капли пота, но его щеки по-прежнему были бледны как воск, и, что было еще удивительнее, даже его волосы, когда он поднял голову, свисали по обеим сторонам лица такие же прямые, гладкие и аккуратно причесанные, как в тот момент, когда он, сидя за своей скромной конторкой, впервые предстал перед взором наших читателей

При виде этой нелепой пуританской фигуры, напоминавшей обтянутый кожей скелет, лорд Дэлгарно не мог удержаться от приглушенного смеха и шепнул на ухо лорду Гленварлоху:

— Пусть дьявол закоптит тебя, бездельник!
Гусиная душа, с чего ты стал
Белей сметаны? ¹

Найджел слишком мало был знаком с английским театром, чтобы понять цитату, ставшую в Лондоне уже ходячей поговоркой.

Лорд Дэлгарно увидел, что его не поняли, и продолжал:

— Судя по физиономии, этот молодец либо святой, либо лицемерный плут, а я такого мнения о человеческой натуре, что всегда подозреваю худшее. Но, кажется, они заняты серьезным делом. Не хотите ли прогуляться со мной по саду, милорд, или вы предпочитаете участвовать в этом важном совещании?

— Я охотно пройду с вами, милорд, — ответил Найджел, и они уже повернулись, чтобы идти, когда Джордж Гериот, со свойственной его профессии педантичностью, заметил, что «так как это дело касается лорда Гленварлоха, ему лучше было бы остаться, чтобы основательно ознакомиться с ним и участвовать в его обсуждении».

— В моем присутствии нет никакой необходимости, мой дорогой лорд... и мой лучший друг, мейстер Гериот, — сказал молодой аристократ. — Я все равно ничего не пойму и буду лишь мешать вам своим невежеством в подобных делах; я только смогу сказать в конце, как я говорю сейчас, вначале, что я не дерзну взять кормило из рук бывалых кормчих; они привели мой корабль ко входу в тихую гавань, которую я уже не надеялся увидеть. Я скреплю своей подписью и печатью все, что вы найдете нужным предложить мне, а краткое объяснение мейстера Гериота, если он ради меня возьмет на себя этот труд, гораздо лучше позна-

¹ Перевод Ю. Корнеева.

комит меня с содержанием этих бумаг, нежели тысяча ученых слов и судейских выражений столь искусной особы.

— Он прав, — сказал лорд Хантинглен, — наш юный друг прав, доверив это дело вам и мне, мейстер Джордж Гериот. Он не обманется в своем доверии.

Мейстер Джордж Гериот долго смотрел вслед двум молодым людям, идущим по аллее рука об руку, и наконец сказал:

— Он действительно не обманется в своем доверии, как совершенно справедливо изволили заметить ваша светлость, но тем не менее он идет по неправильному пути, ибо каждый человек должен быть знаком со своими собственными делами, если у него есть дела, которыми стоит заниматься.

После этого замечания они вместе со стряпчим занялись просмотром различных бумаг и составлением документов, которые должны были дать достаточную гарантию тому, кто ссудит деньги, и в то же время сохранить за молодым лордом право выкупа своего родового поместья при том условии, что он достанет для этого необходимые средства, получив ожидаемое возмещение долга из шотландского казначейства или каким-нибудь другим путем. Но незачем вдаваться в такие подробности. Нелишне, однако, для характеристики упомянуть о том, что Гериот вникал в мельчайшие подробности дела с тщательностью, указывающей на то, что опыт научил его разбираться даже в лабиринте шотландских законов о передаче имущества, и что граф Хантинглен, хотя и не столь хорошо знакомый с юридическими формальностями, не пропускал ни одного пункта в составляемых документах до тех пор, пока не получал хотя бы общего, но вполне ясного представления о его значении и уместности.

В своих благожелательных намерениях по отношению к молодому лорду Гленварлоху они нашли отличного помощника в лице искусного и весьма ревностного стряпчего, которому Гериот поручил это дело, самое значительное, каким Эндрю приходилось заниматься когда-либо в своей жизни и подробности

которого к тому же обсуждались в его присутствии между настоящим графом и человеком, чье богатство и чья репутация давали ему право стать олдерменом в своем квартале, а со временем, быть может, и лорд-мэром.

Пока они были заняты оживленной деловой беседой, за которой добрый граф забыл даже о призывах своего желудка и о задержке с обедом, озабоченный тем, чтобы стряпчий получил надлежащие инструкции и чтобы все было тщательно взвешено и обсуждено, прежде чем отпустить его для переписки набело необходимых документов, оба юноши прогуливались вместе по террасе, возвышавшейся над рекой, и разговаривали о вещах, которыми лорд Дэлгарно, старший и более опытный из них, стремился заинтересовать своего нового друга.

Разумеется, разговор зашел о развлечениях придворной жизни, и лорд Дэлгарно выразил немалое удивление, узнав, что Найджел предполагает немедленно вернуться в Шотландию.

— Вы шутите, — сказал он. — Незачем скрывать, что при дворе все только и говорят о необычайном успехе вашего дела, вопреки, как утверждают, желаниям самого влиятельного человека на горизонте Уайтхолла. Все думают о вас, говорят о вас, не сводят с вас глаз, спрашивают друг друга, кто этот молодой шотландский лорд, достигший столь многого в один день. Они перешептываются, гадая о том, как долго счастье будет сопутствовать вам и на какую высоту оно вознесет вас. И, несмотря на все это, вы хотите вернуться в Шотландию, есть грубые овсяные лепешки, испеченные на торфе; всякий мужлан будет жать вам руку и называть своим братом, хотя ваше родство идет от Ноя. Вы будете пить шотландский эль за два пенса, есть мясо отощавших от голода оленей, когда вам посчастливится подстрелить их, ездить верхом на низкорослых шотландских лошадках, и вас будут титуловать «мой благородный, достопочтенный лорд».

— Должен признаться, я не жду для себя большого веселья в будущем, — сказал лорд Гленвар-

дох, — даже если вашему отцу и доброму мейстеру Гериоту удастся привести мои дела в более или менее надежное состояние. Но все же я рассчитываю сделать что-нибудь для моих вассалов, как это делали до меня мои предки, и научить своих детей, как учили меня самого, приносить личные жертвы, если это необходимо, чтобы с достоинством поддерживать то положение, в которое их поставило провидение.

Во время этой речи лорд Дэлгарно несколько раз пытался подавить смех, но наконец не выдержал и разразился таким веселым и искренним хохотом, что Найджел, несмотря на свое раздражение, был подхвачен этой волной и невольно присоединился к его бурному веселью, которое казалось ему не только беспричинным, но почти дерзким.

Однако он скоро опомнился и произнес тоном, способным умерить необузданное веселье лорда Дэлгарно:

— Все это прекрасно, милорд, но что означает ваш смех?

Ответом на эти слова был еще более мощный взрыв смеха, и наконец лорд Дэлгарно вынужден был схватиться за плащ лорда Гленварлоха, чтобы не упасть на землю от сотрясавших его конвульсий.

Найджел был одновременно смущен и разгневан при мысли о том, что он стал предметом насмешек своего нового знакомого, и лишь чувство признательности к отцу удержало его от того, чтобы не выразить свое негодование сыну. Тем временем лорд Дэлгарно пришел в себя и произнес прерывающимся голосом, с глазами, все еще полными слез:

— Прошу прощения, мой дорогой лорд Гленварлох, десять тысяч раз прошу прощения. Но эта картина полной достоинства безмятежной сельской жизни и ваше неподдельное и гневное удивление, когда вы услышали, как я смеялся над тем, что вызвало бы смех у всякой вскормленной при дворе собаки, привыкшей только лаять на луну со двора в Уайтхолле, окончательно доконали меня. Подумайте только, мой милый, дорогой лорд, вы, статный, красивый юноша

знатного рода, обладатель титула и родового поместья, вы, которого король так милостиво принял с первого же раза, что едва ли можно сомневаться в вашей дальнейшей карьере, если вы только сумеете воспользоваться этим, — ибо король уже сказал, что вы «отличный юноша, весьма искушенный в изящных науках», — вы, которого жаждут видеть все женщины, все самые замечательные красавицы королевского двора, — ибо вы приехали из Лейдена, родились в Шотландии и выиграли такое спорное дело в Англии, — вы, говорю я, с внешностью принца, с огненным взором, с острым умом, вы хотите бросить карты на стол, когда выигрыш почти уже у вас в руках, бежать обратно на морозный север и жениться — как вы думаете, на ком? — на высокой, надменной, голубоглазой, бледной, костлявой девице, с восемнадцатью частями на геральдическом щите, нечто вроде жены Лота, вновь сошедшей со своего столпа, и запереться с ней в увешанных гобеленами покоях. О боже! Кровь стынет в жилах при этой мысли!

Редко удается юности, как бы возвышенна и благородна она ни была, устоять против натиска насмешек, опираясь только на силу своего характера и убеждений. Разгневанный и в то же время оскорбленный и, если говорить правду, стыдясь своих более мужественных и благородных намерений, Найджел был не в состоянии, да и считал излишним, разыгрывать из себя сурового, добродетельного патриота перед молодым человеком, блестящее красноречие которого и привычка вращаться в высших кругах общества давали ему, несмотря на более серьезный и положительный образ мыслей Найджела, временное преимущество. Поэтому он решил пойти на примирение и избежать дальнейших споров, откровенно признав, что возвращение на родину не зависит от его желания, а вызвано необходимостью.

— Мои дела, — сказал он, — еще не улажены, и мой доход ненадежен.

— А где вы найдете такого человека при королевском дворе, чьи дела были бы улажены и кто обладал бы надежным доходом? — воскликнул лорд Дэлгарно. —

Все либо проигрывают, либо выигрывают. Тот, кто обладает богатством, приходит сюда, чтобы избавиться от него, а такие счастливицы, как мы с вами, дорогой Гленварлох, у которых нет ничего или почти ничего, легко могут стать обладателями их сокровищ.

— У меня нет таких честолюбивых намерений, — сказал Найджел, — а если бы и были, должен сказать вам откровенно, лорд Дэлгарно, у меня нет средств для их осуществления. Сейчас я едва ли могу назвать своей одежду, которую ношу; я не имел бы ее, и я говорю это не краснея, если бы не дружба этого доброго человека.

— Я постараюсь не смеяться больше, если смогу, — сказал лорд Дэлгарно. — Но боже мой! Зачем вам было обращаться за одеждой к богатому ювелиру — я свел бы вас к честному, доверчивому портному, который сшил бы вам полдюжины костюмов за одно только маленькое словечко «лорд», стоящее перед вашим именем; а ваш золотых дел мастер, если бы он действительно был вашим другом, должен был бы снабдить вас кошельком, полным сверкающих ноблей, на которые вы могли бы купить в три раза больше костюмов и приобрести еще что-нибудь лучше.

— Я не понимаю таких порядков, милорд, — сказал Найджел, досада которого пересилила его стыд. — Если я должен был бы явиться ко двору моего государя, то только тогда, когда я смог бы, не изворачиваясь и не делая долгов, обзавестись одеждой и свитой, приличествующими моему титулу.

— Приличествующими моему титулу! — воскликнул лорд Дэлгарно, повторив его последние слова. — Можно было бы подумать, что это сказал мой отец. Вы, наверно, хотели бы явиться ко двору, так же как он, в сопровождении двадцати дряхлых телохранителей в синих мундирах, с седыми головами и красными носами, со щитами и мечами, которые их руки, трясущиеся от старости и от крепких напитков, уж не в состоянии поднять, с множеством огромных серебряных пряжек на оружии, чтобы все знали, чьи они шуты, — этих пряжек хватило бы на целый королев-

ский сервис... двадцати бездельников, годных только на то, чтобы наполнять наши приемные запахом лука и джина, фу!

— Бедняги! — воскликнул лорд Гленварлох. — Быть может, они служили вашему отцу на поле брани. Что стало бы с ними, если бы он прогнал их?

— Ну что ж, пусть идут в богадельню, — сказал Дэлгарно, — или продают метелки на мосту. Король побогаче моего отца, а между тем каждый день можно видеть, как бывшие солдаты, сражавшиеся под его знаменами, занимаются этим делом; из них получатся отменные огородные пугала, когда их голубые мундиры окончательно износятся. Вот по аллее идет молодец — самый смелый ворон не отважится приблизиться к его медно-красному носу на расстояние ярда. Уверяю вас, гораздо больше пользы от моего камердинера или от такого ловкого малого, как мой паж Лутин, чем от дюжины этих древних памятников Дугласовых войн,¹ в которых они перерезали друг другу горло в надежде найти на теле убитого дюжину шотландских пенсов. Зато они неприхотливы, милорд; они будут есть заплесневелую пищу и пить выдохшийся эль, словно у них бочки вместо желудков. Но сейчас зазвонит обеденный колокол — слышите, он прочищает свое заржавевшее горло и пробует голос. Вот еще одна кричащая реликвия древности; будь я хозяином, она давно бы уже лежала на дне Темзы. Какое, к черту, дело крестьянам и ремесленникам Стрэнда, что граф Хантинглен садится обедать? Но я вижу, отец смотрит в нашу сторону. Мы не должны опаздывать на молитву, вызывающую к милости отца небесного, если не хотим навлечь на себя немилость отца земного, — прошу прощения за каламбур, который привел бы в восторг его величество. Наша семья покажется вам слишком патриархальной, и так как в заморских странах вы

¹ Жестокие гражданские войны, которые вели шотландские бароны во время несовершеннолетия Иакова VI, получили свое название по имени знаменитого Джеймса Дугласа, графа Мортона, игравшего в них выдающуюся роль. Обе стороны беспощадно убивали своих пленников (*Прим автора*)

привыкли есть из тарелок, мне стыдно за наших жирных каплунов, за горы мяса и океаны супа, необъятные как холмы и озера Шотландии; но завтра вас ждет лучшее угощение. Где вы живете? Я зайду за вами. Я проведу вас через многолюдную пустыню в зачарованную страну, которую вы едва ли сможете найти без карты и кормчего. Где вы живете?

— Я встречаюсь с вами в соборе святого Павла, — сказал Найджел в замешательстве, — в любое время, которое вам будет угодно назначить

— О, вы не хотите раскрывать вашу тайну, — сказал молодой лорд. — Но право же, вам нечего бояться меня; я не буду навязчивым. Вот мы и пришли в эту огромную кладовую мяса, птицы и рыбы. Прямо чудо, что дубовые столы не стонут под тяжестью этих яств.

Тем временем они вошли в столовую, где их ждало обильное угощение, а многочисленные слуги до некоторой степени оправдывали насмешки молодого лорда. Среди приглашенных были капеллан и сэр Манго Мэлегроутер. Последний поздравил лорда Гленварлоха с успехом, который тот имел при дворе.

— Можно подумать, что вы принесли в своем кармане яблоко раздора, милорд, или что вы головня, рожденная Алфеей, которую она положила в бочку с порохом, ибо вы перессорили между собой короля, принца и герцога, а также многих придворных, до этого благословенного дня даже не подозревавших о вашем существовании.

— Не забывайте про ваше жаркое, сэр Манго, — сказал граф. — Оно остынет, пока вы говорите

— Вы правы, милорд, это было бы совсем некстати, — сказал кавалер — За обедом у вашей светлости нелегко обжечь рот: слуги ваши стареют, так же как и мы с вами, милорд, а от кухни до столовой далекий путь.

После этой небольшой вспышки желчи сэр Манго немного успокоился до тех пор, пока не убрали со стола. Тогда он, устремив взор на новый нарядный камзол лорда Дэлгарно, похвалил его за бережливость, уверяя, что видел тот же самый камзол на его отце в Эдинбурге во время приезда исландского посла.

Лорд Дэлгарно, слишком светский человек, чтобы обращать внимание на слова подобной особы, продолжая невозмутимо щелкать орехи, ответил, что камзол действительно некоторым образом принадлежит его отцу, так как ему, вероятно, скоро придется заплатить за него пятьдесят фунтов. Сэр Манго, по своему обыкновению, тотчас же поторопился передать эту приятную новость графу, заметив, что его сын лучше умеет заключать выгодные сделки, нежели его светлость, так как он купил такой же нарядный камзол, какой был на его светлости во время посещения Холируда испанским послом, и заплатил за него всего лишь пятьдесят шотландских фунтов.

— Вашего сына не так-то легко оставить в дураках, милорд.

— Пятьдесят фунтов стерлингов, с вашего позволения, сэр Манго, — спокойно ответил граф. — Но без дураков здесь все же не обошлось, и во всех трех временах. Дэлгарно *был* дураком при покупке, я *буду* дураком при платеже, а вы, сэр Манго, прошу прощения, дурак *in præsenti*,¹ ибо суете свой нос в чужие дела.

С этими словами граф вернулся к своим важным обязанностям гостеприимного хозяина, и вскоре вино лилось рекой, зажигая всеобщее веселье и угрожая в то же время трезвости гостей. Веселый пир был прерван известием о том, что стряпчий переписал бумаги, которые нужно немедленно подписать.

Джордж Гериот встал из-за стола, заметив, что винные бокалы и судейские бумаги — плохие соседи. Граф спросил стряпчего, угостили ли его на кухне, и услышал почтительный ответ: сохрани бог, чтобы он оказался таким неблагодарным животным и стал бы есть и пить, не выполнив прежде приказаний его светлости.

— Ты должен поесть перед уходом, — сказал лорд Хантинглен, — и посмотрим, не заиграет ли на твоих щеках румянец после бокала испанского вина. Какой позор для гостеприимного хозяина, если ты появишься

¹ В настоящее время (лат.).

на Стрэнде в таком виде, как сейчас, словно призрак. Позаботься об этом, Дэлгарно, дело идет о чести нашего дома.

Лорд Дэлгарно отдал распоряжение, чтобы стряпчему было оказано должное внимание.

Тем временем лорд Гленварлох и горожанин подписали бумаги и обменялись документами, завершив сделку, в которой главное заинтересованное лицо понимало лишь то, что его дело находится в руках верного ревностного друга, обязавшегося достать денег и спасти его поместье от перехода в чужие руки, уплатив обусловленную сумму, за которую оно было заложено, и что церемония выкупа должна произойти в день праздника урожая, первого августа, в полдень, возле гробницы регента графа Мерри, в соборе святого Эгидия в Эдинбурге.¹

Когда с делом было покончено, граф хотел продолжать веселый пир, но горожанин, сославшись на важность документов, которые он должен был взять с собой, и на предстоящие ему завтра утром дела, не только отказался вернуться к столу, но и увлек за собой также и лорда Гленварлоха, который при иных обстоятельствах, может быть, оказался бы более сговорчивым.

Когда они снова уселись в лодку и отчалили от берега, Джордж Гериот бросил задумчивый взгляд на дом, который они только что покинули.

— Они живут, — сказал он, — по старой и по новой моде. Отец похож на старый благородный меч, заржавевший от нерадения и бездеятельности; сын подобен модной шпаге с красивой отделкой, с блестящей позолотой, согласно вкусу нашего времени, — и будущее покажет, достоин ли клинок всех этих украшений. Дай бог, чтобы это было так. Я говорю как старый друг семьи.

В пути они не вели никаких серьезных разговоров, и лорд Гленварлох, сойдя на пристани у собора

¹ В те времена педантичной точности в каждом договоре указывалось особое место для его выполнения, и часто для этой цели избиралась гробница регента Мерри в церкви святого Эгидия. (Прим. автора.)

святого Павла, распрощался со своим другом-горожанином и вернулся к себе домой, где его слуга Ричи, немало возбужденный событиями дня и гостеприимством экономки лорда Хантинглена, в самых ярких красках описывал свои впечатления очаровательной миссис Нелли, которая рада была слышать, что наконец-то, как выразился Ричи, солнце заглянуло и за их плетень

Глава XI

Пора привыкнуть к нашим временам
Порок теперь похож на добродетель —
Уж друг от друга их не отличишь
Они одно и то же носят платье,
Одно едят, в таких же спят постелях
И разъезжают в тех же экипажах,
Что честные дворяне

Бен Джонсон

На следующее утро, когда Найджел, окончив свой завтрак, размышлял о том, как бы ему провести день, его внимание привлек какой-то шум на лестнице, и вскоре в комнату вбежала миссис Нелли, красная как рак, едва способная произнести.

— Какой-то молодой дворянин, сэр. Не иначе как лорд, — прибавила она, слегка проведя рукой по губам, — такой дерзкий. молодой лорд, сэр, хочет видеть вас

И вслед за ней в тесную каморку легкой походкой вошел лорд Дэлгарно, веселый, непринужденный, видимо, не менее обрадованный встрече со своим новым другом, как если бы он встретился с ним в роскошных покоях дворца. Найджел, напротив (ибо юность — раба таких условностей), был смущен и унижен тем, что такой блестящий щеголь застал его в комнате, которая при появлении в ней элегантного и нарядно одетого кавалера показалась ее обитателю еще более низкой, тесной, темной и убогой, чем прежде. Он собирался было извиниться за скромность обстановки, но лорд Дэлгарно перебил его.

— Ни слова об этом, — сказал он, — ни единого слова. Я знаю, почему вы бросили здесь якорь; но я умею хранить тайну. С такой прелестной хозяйкой даже трущоба покажется дворцом.

— Клянусь честью! — воскликнул лорд Гленварлох

— Нет, нет, не тратьте лишних слов, — сказал лорд Дэлгарно — Я не сплетник и не собираюсь становиться вам поперек дороги; в лесу, слава богу, довольно дичи, и я сам смогу подстрелить для себя лань.

Он произнес эти слова таким многозначительным тоном и его объяснение выставляло мнимые любовные похождения лорда Гленварлоха в таком выгодном свете, что Найджел прекратил всякие попытки разубедить его; и (такова слабость человеческой натуры), стыдясь вымышленного порока, быть может, меньше, чем действительной бедности, он переменил тему разговора, не опровергнув досужих вымыслов молодого придворного, бросавших тень на репутацию бедной миссис Нелли и его собственную.

Он нерешительно предложил гостю закуску. Лорд Дэлгарно сказал, что давно уже позавтракал, но только что сыграл партию в теннис и с удовольствием выпьет кружку слабого пива из рук прелестной хозяйки. Миссис Нелли не преминула сама поднести ему живительный напиток; лорд Дэлгарно отведал его, похвалил и, бросив внимательный взгляд на хозяйку, с торжественным видом провозгласил тост за здоровье ее супруга, едва заметно подмигнув лорду Гленварлоху. Миссис Нелли была очень польщена, пригладила рукой передник и сказала, что «их светлости поистине оказали большую честь ее Джону. Он добрый, заботливый семьянин, на всей улице такого не сыщешь, а то и до северной заставы, что у собора святого Павла»

Вероятно, она стала бы распространяться о разности в летах, как о единственном облаке, омрачающем их супружеское счастье, но ее постоялец, не желая больше выслушивать насмешки своего веселого

друга, вопреки обыкновению, сделал ей знак удалиться.

Лорд Дэлгарно посмотрел ей вслед, затем взглянул на Гленварлоха, покачал головой и продекламировал хорошо известные стихи:

...Берегитесь ревности, начальник.

Чудовище с зелеными глазами

Над жертвой издевается.¹

— Но довольно, — сказал он, меняя тон, — почему я должен мучить вас, я, у которого на счету немало собственных подобных проказ, вместо того чтобы попросить прощения за свой непрошенный визит и сообщить, для чего я пришел.

С этими словами он сел на стул и, поставив другой перед лордом Гленварлохом, несмотря на его стремительную попытку опередить гостя в оказании этого акта вежливости, продолжал тем же тоном непринужденной фамильярности:

— Милорд, мы соседи, и мы только что познакомились. Я уже достаточно много слышал о нашей дорогой северной отчизне и прекрасно понимаю, что в Шотландии соседи должны быть закадычными друзьями или смертельными врагами — они должны или идти рука об руку, или стоять друг против друга со скрещенными шпагами; я предпочитаю идти рука об руку, если вы не отвергнете мое предложение.

— Как мог бы я, милорд, — воскликнул лорд Гленварлох, — отвергнуть ваше искреннее предложение, даже если бы ваш отец не стал для меня вторым отцом?

И, взяв лорда Дэлгарно за руку, он прибавил:

— Мне кажется, я не потерял напрасно времени, ибо за один день пребывания при дворе я приобрел доброго друга и могущественного врага.

— Друг благодарит вас, — ответил лорд Дэлгарно, — за ваше справедливое мнение; но, мой дорогой Гленварлох, — впрочем, мне кажется, титулы и фамилии звучат слишком церемонно в обращении ме-

¹ Перевод А. Радловой.

жду двумя потомками столь знатного рода. — как ваше имя?

— Найджел, — ответил лорд Гленварлох.

— Так будем же Найджелом и Малколмом друг для друга, — сказал его гость, — и милордами для окружающего нас плебейского мира. Но я хотел спросить вас, кого вы считаете своим врагом?

— Не кого иного, как самого всесильного фаворита, великого герцога Бакингема.

— Вам это приснилось! Что могло внушить вам такую мысль? — воскликнул Дэлгарно.

— Он сам сказал мне это, — ответил Гленварлох, — и он поступил со мной честно и благородно.

— О, вы еще не знаете его, — сказал его собеседник. — Герцог отлит из сотни благородных огненных металлов, и, подобно ретивому коню, он делает нетерпеливый скачок в сторону при появлении малейшего препятствия на своем пути. Но при таких мимолетных вспышках он не думает что говорит. Слава богу, меня он слушает больше, чем кого-либо из окружающих. Вы должны посетить его вместе со мной, и вы увидите, какой прием вам будет оказан.

— Я уже сказал вам, милорд, — промолвил Гленварлох твердым и несколько надменным тоном, — что герцог Бакингом без всякого повода объявил себя моим врагом перед лицом всех придворных; он должен взять обратно свой вызов так же публично, как он был брошен, прежде чем я сделаю хоть один шаг на пути к примирению с ним.

— Такое поведение было бы уместно со всяким другим человеком, — сказал лорд Дэлгарно, — но здесь вы заблуждаетесь. На горизонте королевского двора Бакингом — восходящая звезда, и от его враждебности или благосклонности зависит счастье или несчастье просителя. Король мог бы напомнить вам вашего Федра:

*Arripiens geminas, ripis cedentibus, ollas...*¹

¹ Раз поток разлился, подхватил два горшка и понес их (лат.).

и так далее. Вы сосуд из глины; остерегайтесь столкновения с сосудом из бронзы.

— Глиняный сосуд, — сказал Гленварлох, — сможет избежать столкновения, выбросившись из реки на берег. Я не собираюсь больше ездить во дворец.

— О, вам непременно нужно поехать во дворец; без этого вашему шотландскому делу не дадут хода, ибо, чтобы добиться получения денег по имеющемуся у вас королевскому приказу, необходимы покровительство и благосклонность. Об этом мы еще поговорим после; а теперь скажите мне, дорогой Найджел, вы не ожидали увидеть меня у себя в столь ранний час?

— Меня удивляет, как вы могли найти меня в таком укроном уголке, — сказал лорд Гленварлох.

— Мой паж Лутин — настоящий дьявол по части таких открытий, — ответил лорд Дэлгарно. — Стоит мне только сказать: «Домовой, я хочу знать, где обитает он или она», и он приводит меня туда словно по волшебству.

— Надеюсь, он не дожидается сейчас на улице, милорд, — сказал Найджел. — Я пошлю за ним своего слугу.

Не беспокойтесь, — сказал лорд Дэлгарно, — сейчас он играет в орлянку с самыми беспутными шалопаями на пристани, если только он не изменил своим старым привычкам.

— А вы не боитесь, — спросил лорд Гленварлох, — что он может испортиться в такой компании?

— Пусть лучше его компания заботится о своей нравственности, — холодно ответил лорд Дэлгарно, — ибо только в компании настоящих дьяволов Лутин мог бы научиться злу, а не преподать его другим. Благодарение богам, для своих лет он достаточно сведущ в пороках. Я избавлен от необходимости заботиться о его нравственности, ибо ничто не может ни улучшить, ни ухудшить ее.

— Интересно, что сказали бы на это его родители, милорд, — заметил Найджел.

— Интересно, где я мог бы найти его родителей, — ответил его собеседник, — чтобы дать им отчет.

— Может быть, он и сирота, — сказал Найджел, — но если он служит пажом в семье вашей светлости, его родители, несомненно, должны быть высокого звания.

— Такого высокого звания, до какого только могла возвысить их виселица, — ответил лорд Дэлгарно с прежней невозмутимостью. — Во всяком случае, из рассказов цыган, у которых я купил его пять лет тому назад, можно было понять, что оба они были повешены. Вы удивлены? Но не лучше ли вместо ленивого, тщеславного, белолицего аристократического отпрыска, при котором я, по вашим старомодным понятиям, должен был бы состоять наставником и следить за тем, чтобы он мыл руки и лицо, молился, учил свои *accidens*,¹ не сквернословил, чистил щеткой свою шляпу и надевал свой парадный камзол только по воскресеньям, — не лучше ли вместо такого пай-мальчика иметь этакого молодца?

Он громко и пронзительно свистнул, и паж, о котором он говорил, подобно духу, мгновенно очутился в комнате. По росту ему можно было дать лет пятнадцать, но по выражению лица он казался года на два, а то и на три старше. Он был строен и богато одет, тонкое, бронзового цвета лицо выдавало его цыганское происхождение, а блестящие черные глаза, казалось, насквозь пронизывали того, на кого падал их взгляд.

— Вон он! — воскликнул лорд Дэлгарно. — Он не боится ни огня, ни воды и готов выполнить любое приказание, доброе или злое, — плут, вор и враль, не имеющий равного в своем племени.

— Каковы качества, — сказал — неустрашимый паж, — все по очереди сослужили вашей светлости немалую службу.

— Прочь, дьяволенок! — воскликнул его господин. — Исчезни, испарись! А не то моя волшебная палочка прогуляется по твоей спине.

Паж повернулся и исчез так же внезапно, как появился.

¹ «Припадая...» (лат.). Начало молитвы.

— Вы видите, — сказал лорд Дэлгарно, — что при выборе слуг я лучше всего могу выразить свое почтение перед благородной кровью, не принимая ее обладателей к себе на службу. Один такой висельник был бы способен совратить с пути истинного целую свиту пажей, хотя бы они были потомками королей и императоров.

— Я не представляю себе, чтобы дворянин мог нуждаться в услугах такого пажа, как этот бесенок, — сказал Найджел. — Вы просто хотите подшутить над моей неопытностью.

— Время покажет, шучу я или нет, мой дорогой Найджел, — ответил Дэлгарно. — А пока я хочу предложить вам воспользоваться приливом и совершить прогулку вверх по реке, а в полдень, я надеюсь, вы отобедаете со мной.

Найджел принял это приглашение, обещавшее так много развлечений, и вместе со своим новым другом, в сопровождении Лутина и Мониплайза, напоминавших в сочетании друг с другом медведя и обезьяну, сел в лодку лорда Дэлгарно, стоявшую наготове с гребцами, на рукавах которых был изображен герб его светлости. Воздух на реке был восхитителен, а оживленная беседа лорда Дэлгарно служила острой приправой к этой приятной маленькой прогулке. Он не только рассказывал много интересного об общественных зданиях и особняках знати, мимо которых они проплывали, поднимаясь вверх по Темзе, но и сдобрил эти сведения множеством забавных анекдотов, политических слухов и светских сплетен. Если он и не блистал умом, то, во всяком случае, в совершенстве владел искусством светской болтовни, что в те времена, так же как и в наши дни, с лихвой возмещало указанный недостаток.

Это был стиль разговора, совершенно новый для его собеседника, так же как и мир, который лорд Дэлгарно открыл перед его взором, и неудивительно, что Найджел, несмотря на свой природный здравый смысл и благородный дух, с готовностью, казалось бы несовместимой с этими качествами, выслушивал покровительственные наставления своего нового друга.

Да и нелегко было бы ему оказать сопротивление. Попытаться противопоставить высокопарный тон непрелюбимой нравственности непринужденному стилю беседы лорда Дэлгарно, державшегося на грани между шуткой и серьезностью, показалось бы педантичным и смешным, и каждое возражение Найджела, которому он старался придавать такой же шутливый тон, как и его собеседник, только обнаруживало его неумение вести легкий разговор подобного рода. Кроме того, следует признаться, что хотя в глубине души лорд Гленварлох не одобрял многого из того, что он слышал, все же, несмотря на свою неискушенность в светской жизни, он не так уж был встревожен речами и манерами своего нового приятеля, как того требовало благоразумие.

Лорд Дэлгарно не хотел пугать своего новообращенного ученика и поэтому не пытался убеждать его в том, что, по-видимому, было особенно чуждо его привычкам и взглядам, и он так ловко переплетал шутки с серьезностью, что Найджел не мог понять, где кончалась серьезность и где начинался безудержный поток насмешек. Время от времени речь лорда Дэлгарно пронизывали вспышки благородного воодушевления, которые указывали на то, что если соответствующий повод побудил бы его к действию, он оказался бы чем-то совершенно отличным от праздного придворного сластолюбца, каким любил изображать себя.

Когда они возвращались вниз по реке, лорд Гленварлох заметил, что лодка проплыла мимо дома лорда Хантинглена, и обратил внимание лорда Дэлгарно на это обстоятельство, прибавив, что, как он полагал, они должны были пообедать там.

— Ни в коем случае, — сказал молодой аристократ. — Я не собираюсь быть таким безжалостным и еще раз пичкать вас сырой говядиной и канарским вином. Я хочу предложить вам нечто лучшее, поверьте мне, нежели повторение скифского пиршества. А что касается моего отца, то он собирается сегодня обедать у старого важного графа Нортхэмптона,

некогда прославленного лорда Генри Ховарда, ярого противника всех лжепророков и предсказателей.

— И вы не идете вместе с ним? — спросил его собеседник.

— Для чего? — воскликнул лорд Дэлгарно. — Слушать, как его мудрая светлость перебирает заплесневелые политические сплетни на своем ломаном латинском языке, которым эта старая лиса всегда пользуется для того, чтобы дать ученому монарху Англии возможность исправлять его грамматические ошибки? Нечего сказать, веселое занятие!

— О нет, — возразил лорд Найджел. — Но вам следовало бы сопровождать его светлость вашего батюшку, чтобы выразить свое почтение.

— У его светлости моего батюшки, — ответил лорд Дэлгарно, — достаточно телохранителей, чтобы сопровождать его, и он прекрасно может обойтись без такого вертопраха, как я. Он и без моей помощи сможет поднести ко рту кубок с вином, а если родительская голова слегка закружится, найдется достаточно людей, чтобы отвести его достопочтенную светлость к достопочтенному ложу его светлости. Не смотрите на меня так, Найджел, словно мои слова могут потопить лодку и нас вместе с ней. Я люблю своего отца, я нежно люблю и уважаю его, хотя немногие люди пользуются моим уважением; никогда еще более верный троянец не опоясывался мечом. Но что ж из этого? Он принадлежит старому миру, я — новому. У него свои причуды, у меня свои. И чем меньше каждый из нас будет обращать внимания на грешки другого, тем больше будет почтение и уважение — мне кажется, это самые подходящие слова, — я хотел сказать, уважение, которое мы должны испытывать друг к другу. Порознь каждый из нас остается самим собой, таким, каким создали его природа и жизнь. Но привяжите нас к поводку слишком близко друг от друга, и можете не сомневаться, что на своре у вас окажется или старый лицемер, или молодой, а может быть, и тот и другой.

Тем временем лодка причалила к пристани в квартале Блэкфрайерс. Лорд Дэлгарно прыгнул на бе-

рег и, бросив плащ и шпагу пажу, предложил своему спутнику последовать его примеру.

— Сейчас мы попадем в толпу нарядных кавалеров, — сказал он, — и если мы будем так кутаться, мы уподобимся смуглолицему испанцу, плотно запахи-вающему плащ, чтобы скрыть изъяны своего камзола.

— С позволения вашей светлости, я знавал немало честных людей, которым приходилось делать то же самое, — сказал Ричи Мониплайз, выжидавший подходящего момента, чтобы вмешаться в разговор. Он, вероятно, еще не забыл, какой плащ и какой камзол украшали его особу в столь недавнем прошлом.

Лорд Дэлгарно с удивлением уставился на него, пораженный такой дерзостью, но тотчас же сказал:

— Возможно, ты знавал немало полезных вещей, мой друг, но тем не менее ты не знаешь самого важного, а именно — как носить на руке плащ своего господина, чтобы показать в выгодном свете золотые галуны и соболью подкладку. Посмотри, как Лутин держит шпагу, слегка прикрыв ее плащом, но так, чтобы оттенить чеканную рукоятку и серебряную отделку ножен. Дайте свою шпагу вашему слуге, Найджел, — продолжал он, обращаясь к лорду Гленварлоху, — чтобы он мог поучиться столь необходимому искусству.

— Благоразумно ли, — сказал Найджел, отстегивая шпагу и передавая ее Ричи, — идти по улице совершенно безоружным?

— Ну, конечно, — сказал его спутник. — Вы не в Старом Рики, как мой отец ласкательно называет вашу славную шотландскую столицу, где царит такой разгул родовой мести и дух раздора, что ни один человек знатного происхождения не может дважды пересечь вашу Хай-стрит, чтобы трижды не подвергнуть свою жизнь опасности. Но здесь, сэр, на улицах не разрешаются никакие поединки. Стоит только обнажить шпагу, как сбегаются эти тупоголовые горожане и раздается клич: «За дубинки!»

— Ну и крепкое же это словечко, — заметил Ричи. — Мой котелок уже имел счастье познакомиться с ним.

— Будь я твоим хозяином, негодник, — сказал лорд Дэлгарно, — я выпарил бы все мозги из твоего котелка, как ты его называешь, если бы ты осмелился произнести хоть одно слово в моем присутствии, не дожидаясь вопроса.

В ответ Ричи пробормотал что-то невнятное, но все же последовал совету и занял подобающее ему место позади хозяина, рядом с Лутином, который не преминул воспользоваться этим случаем, чтобы сделать своего спутника предметом насмешек прохожих, подражая, когда Ричи смотрел в сторону, его прямой, чопорной и надменной походке и хмурой физиономии.

— А теперь скажите мне, мой дорогой Малколм, — спросил Найджел, — куда мы направляем свои стопы и будем ли мы обедать в вашем доме?

— В моем доме? О да, разумеется, — ответил лорд Дэлгарно. — Вы будете обедать в моем доме, и в вашем собственном доме, и в доме еще двадцати других кавалеров, где стол будет уставлен лучшими яствами и лучшими винами и где будет больше слуг, чем в вашем и моем доме вместе взятых. Мы идем в самую знаменитую ресторацию в Лондоне.

— То есть, говоря обычным языком, в таверну или харчевню, — сказал Найджел.

— В таверну или харчевню, мой наивный, простодушный друг! — воскликнул лорд Дэлгарно. — Нет, нет; в этих местах грязные горожане курят трубки и пьют пиво, плутоватые сутяги обирают свои несчастные жертвы, студенты из Темпла отпускают шутки, такие же пустые, как и их головы, и мелкие дворяне пьют такие слабые напитки, от которых получают водянку вместо опьянения. Ресторация — это недавно основанное заведение, посвященное Вакху и Комусу, где самые изысканные благородные кавалеры нашего времени встречаются с самыми возвышенными умами нашей эпохи, где вино — это душа самых отборных лоз, утонченное, как гений поэта, старое и благородное, как кровь пэров. И кушанья там не похожи на обычную грубую земную пищу. Море и суша опустошаются для того, чтобы украсить стол, и шесть изобретательных поваров неустанно напрягают свое

воображение, чтобы их искусство было достойно этих великолепных даров природы, а если возможно, то и превосходило их.

— Из всей этой восторженной тирады, — сказал лорд Гленварлох, — я понимаю только то, как я уже понимал раньше, что мы идем в первоклассную таверну, где нас ждет щедрое угощение и не менее щедрая расплата по счету.

— По счету! — воскликнул лорд Дэлгарно все в том же тоне. — Забудьте это мужицкое слово! Какое кощунство! Monsieur le chevalier de Beaujeu,¹ украшение Парижа и цвет Гаскони, который может определить возраст вина по запаху, который дистиллирует соусы в перегонном кубе при помощи философии Луллия, который за обедом нарезает мясо с такой поразительной точностью, что каждый благородный кавалер и сквайр получает порцию фазана, как раз соответствующую его званию, тот, кто разделяет винноградника на двенадцать частей с таким поразительным искусством, что ни один из двенадцати гостей не получит ни на волос, ни на двенадцатую часть драхмы больше другого, — и, говоря о нем, вы произносите слово счет! Мой друг, он прославленный и общепризнанный знаток во всем, что касается фехтования, азартных игр и многих других вещей... Божё — король карт и герцог игральных костей — чтобы он подавал счет, как красноносый плебей-трактирщик в зеленом фартуке! О, дорогой мой Найджел, какое слово вы произнесли и о каком человеке! Ваше кощунство можно извинить только тем, что вы еще не знаете его, и все же едва ли можно считать это извинение достаточным, ибо пробыть в Лондоне целый день и не познакомиться с Божё — тоже своего рода преступление. Но вы должны познакомиться с ним немедленно, и вы сами придете в ужас от тех чудовищных слов, которые вы произнесли.

— Да, но вы не будете утверждать, — сказал Найджел, — что достопочтенный шевалье угощает всеми этими яствами за свой счет, не правда ли?

¹ Мосье шевалье де Божё (франц.).

— Нет, нет, — ответил лорд Дэлгарно, — существует особая церемония, в которую посвящены друзья и постоянные гости шевалье, но сегодня это не должно интересовать вас. Расплачиваются символически, как сказал бы его величество, иными словами — происходит обмен любезностями между Божё и его гостями. Он предоставляет им бесплатно обед и вино, как только им заблагорассудится попытать счастья в его доме в полуденный час, а они в благодарность за это делают шевалье подарок в виде золотой монеты. Да будет вам известно, что, кроме Комоса и Вакха, в доме Божё нередко поклоняются богине подлучных дел, диве Фортуне, и он в качестве верховного жреца получает, как и следует, значительную долю жертвоприношений.

— Иными словами, — сказал лорд Гленварлох, — этот человек содержит игорный дом.

— Дом, в котором вы, несомненно, можете играть, — сказал лорд Дэлгарно, — точно так же, как в своей собственной комнате, если у вас появится желание; я помню даже, как старый Том Тэлли сыграл на пари партию в карты с французом Кэнз ле Ва во время ранней обедни в соборе святого Павла. Утро было туманное, кроме полусонного священника и слепой старушки, в церкви никого не было, и, таким образом, их проделка осталась незамеченной.

— Тем не менее, Малколм, — сказал молодой лорд серьезным тоном, — я не смогу сегодня обедать с вами в этой ресторации.

— Но почему же, во имя неба, вы отказываетесь от своего слова? — спросил лорд Дэлгарно.

— Я не отказываюсь от своего слова, Малколм, но я давно уже дал обещание своему отцу никогда не переступать порога игорного дома.

— Уверяю вас, что это не игорный дом, — сказал лорд Дэлгарно, — это попросту таверна, в которой царят более учтивые нравы и где можно встретить более изысканное общество, чем в других тавернах нашего города. И если кто-нибудь из гостей увлекается азартными играми, то все они люди чести и

играют они честно, проигрывая не больше того, что в состоянии заплатить. Ваш отец не мог желать, чтобы вы избегали посещения таких домов. Он с таким же успехом мог бы взять с вас клятву никогда не переступать порога ни одной гостиницы, таверны или харчевни, ибо не существует ни одного заведения подобного рода, где бы ваш взор не оскорбляли куски раскрашенного картона, а ваш слух не осквернял стук маленьких, покрытых точками кубиков из слоновой кости. Разница заключается лишь в том, что там, куда мы идем, мы можем встретить знатных людей, играющих для развлечения, а в обычных игорных домах вы встретите забияк и шулеров, которые будут стремиться выманить у вас деньги обманом или угрозами.

— Я уверен, что вы не заставите меня совершить дурной поступок, — сказал Найджел, — но мой отец испытывал отвращение к азартным играм, я думаю, по религиозным убеждениям, а также из благоразумия. Он считал, не знаю на основании каких соображений, надеюсь ложных, что у меня есть склонность к этому пороку, и я уже рассказал вам про обещание, которое он взял с меня.

— Клянусь честью, — сказал Дэлгарно, — ваши слова дают мне еще большее основание настаивать на том, чтобы вы пошли вместе со мной. Человек, который хочет избежать какой-либо опасности, должен сначала ближе познакомиться с ней и сделать это в обществе надежного проводника и телохранителя. Вы думаете, я сам играю? Клянусь честью, дубы моего отца растут слишком далеко от Лондона и они слишком крепко выросли своими корнями в скалы Пертшира, чтобы я мог повалить их игровой костью, хотя я видел, как целые дубовые рощи валились, словно кегли. Нет, нет; такие развлечения для богатых южан, а не для бедных шотландских дворян. Это ресторация, и мы используем ее по назначению. Если другие используют ее для карточной игры, это их вина, а не наша и не этого заведения.

Не удовлетворенный этими рассуждениями, Найджел продолжал ссылаться на обещание, данное им

отцу, пока наконец его спутник не стал проявлять признаки недовольства и не высказал несколько оскорбительных и несправедливых предположений. Лорд Гленварлох не мог выдержать такой перемены тона. Он вспомнил, что должен быть благодарен лорду Дэлгарно за дружескую помощь его отца, а также за ту искренность, с какой юноша предложил ему свою дружбу. У Найджела не было причин подвергать сомнению его уверение в том, что ресторация, где они собирались пообедать, не принадлежала к числу тех заведений, к которым относился запрет его отца, и, наконец, он твердо решил не поддаваться искушению и не принимать участия в азартных играх. Поэтому он успокоил лорда Дэлгарно, выразив готовность следовать за ним, что немедленно вернуло молодому придворному веселое расположение духа, и тот смелыми штрихами продолжал набрасывать карикатурный портрет хозяина, мосье Божё, закончив его лишь тогда, когда они вступили в храм гостеприимства, где священнодействовал этот великий жрец.

Глава XII

...вот птичий двор,
Где наши боевые петухи
Ерошат перья, прочищают глотки
И точат шпоры. Бойкие птенцы,
Еще не оперившееся племя,
Здесь учатся держать высоко гребень
И подражают, не жалея сил,
Победным гордым кликам шантеклера.

«Медвежий садок»

Ресторация, в наше время заведение не очень благородное, в дни царствования короля Иакова была новшеством, столь же модным среди светской молодежи той эпохи, как современные первоклассные клубы среди молодежи наших дней. Она отличалась от них главным образом тем, что ее двери были открыты для всех и от ее посетителей не требовали никаких других рекомендаций, кроме хорошего платья

и изрядной доли самоуверенности. Гости обычно обедали вместе в установленный час, и хозяин этого заведения восседал за столом в качестве церомониймейстера.

Monsieur le chevalier (как он сам себя именовал) Saint Priest de Beaujeu был подвижный художавый гасконец лет шестидесяти, вынужденный покинуть родину, как он говорил, из-за дуэли, на которой он имел несчастье убить своего противника, лучшего фехтовальщика на юге Франции. Его притязания на знатность поддерживались шляпой с пером, длинной шпагой и костюмом из узорчатой тафты, сшитым по последней моде парижского двора и не очень пострадавшим от долголетней службы; на нем, словно на майском дереве, развевалось множество лент и бантиков, общая длина которых, как было подсчитано, составляла не менее пятисот ярдов. Но несмотря на такое обилие украшений, многие считали, что monsieur le chevalier словно создан для своего теперешнего положения и что судьба вряд ли могла вознести его хотя бы на дюйм выше. Тем не менее одно из развлечений лорда Дэлгарно и других знатных юношей, посещавших это заведение, заключалось в том, что они обращались с monsieur de Beaujeu с насмешливой церемонностью, видя которую, более заурядные и наивные простаки делали неуклюжие попытки подражать им, оказывая хозяину неподдельное почтение. Все это еще больше увеличивало врожденную развязность гасконца, и он нередко позволял себе вольности, несовместимые с его званием, и ему не раз приходилось испытывать унижение, когда его без церемоний ставили на место.

Когда Найджел вошел в дом этой выдающейся личности, который еще совсем недавно служил резиденцией одному знатному барону при дворе королевы Елизаветы, уединившемуся после ее смерти в своем родовом поместье, его поразила царившая там роскошь, а также многолюдное общество. Повсюду развевались плюмажи, звенели шпоры, сверкали расшитые золотом камзолы, и, во всяком случае на первый взгляд, все это оправдывало панегирик лорда

Дэлгарно, уверявшего, что в этом доме можно встретить только молодежь, принадлежащую к самому высшему обществу. При более внимательном взгляде впечатление было не столь благоприятное. Среди присутствующих можно было заметить нескольких человек, чувствовавших себя не вполне свободно в роскошных одеждах, из чего следовало заключить, что они не очень-то привыкли к столь пышным нарядам. Были среди них и такие, чье платье с виду, казалось, не уступало одежде других гостей, но при более внимательном рассмотрении обнаруживало различные мелкие ухищрения, при помощи которых тщеславие пытается скрыть бедность.

У Найджела не было времени для таких наблюдений, ибо появление лорда Дэлгарно немедленно привлекло всеобщее внимание и вызвало суматоху среди гостей, передававших из уст в уста его имя. Некоторые протискивались вперед, чтобы взглянуть на него, другие отходили в сторону, чтобы дать ему дорогу. Равные ему спешили приветствовать его, а люди более низкого звания старались подметить все особенности его жестов и костюма, чтобы при случае блеснуть ими, как образцами самой последней, подлинной моды.

Сам шевалье, *genius loci*,¹ одним из первых приветствовал главную опору и украшение своего заведения. Он подошел к нему шаркающей походкой, с сотней обезьяньих *congès*² и *chers milors*,³ чтобы выразить свое счастье по поводу того, что он снова видит в себя лорда Дэлгарно.

— Надеюсь, вы принесли обратно солнце, милор. Вы унесли солнце и луну от вашего бедного шевалье, когда вы покинули его так надолго. *Pardieu!*⁴ Я полагаю, вы уносите их в своих карманах.

— Вероятно, это случилось потому, что вы не оставили мне в них ничего другого, шевалье, — отве-

¹ Гений места (лат.).

² Поклонов (франц.)

³ Дорогих милордов (франц.).

⁴ Черт возьми! (франц.).

тил лорд Дэлгарно. — А теперь, *monsieur le chevalier*, разрешите мне представить вам моего соотечественника и друга, лорда Гленварлоха.

— Ах, ах! *Très honoré... Je m'en souviens, oui. J'ai connu autrefois un milor Kenfarloque en Ecosse.*¹ Да, я помню его. *Le père de milor apparemment.*² Мы были душевными друзьями, когда я гостил в Оли-Рут с *monsieur de la Motte*. Я часто играл в теннис с милордом Кенфарлоком в *L'Abbaie d'Oly-Root*... *Il étoit même plus fort que moi... Ah le beaucoup de revers qu'il avoit!*³ Я помню также, что с красивыми девушками он был, был... ах, *un vrai diable déchainé.*⁴ Ага! Я помню...

— Лучше не вспоминать больше покойного лорда Гленварлоха, — сказал лорд Дэлгарно, бесцеремонно перебивая шевалье, так как он понимал, что панегирик, который тот собирался произнести для прославления умершего, будет столь же неприятен для сына, сколь он был совершенно не заслужен отцом, ибо тот не был ни картежником, ни распутником, каким он ошибочно представлялся шевалье в его воспоминаниях, а, напротив, вел строгий и суровый, почти аскетический образ жизни.

— Это разумно, милор, — ответил шевалье, — вы правы. *Qu'est ce que nous avons à faire avec le temps passé?*⁵ Прошлое принадлежит нашим отцам, нашим *ancêtres*⁶ — прекрасно. Настоящее принадлежит нам. Для них — роскошные гробницы с гербами и памятниками из бронзы и мрамора; для нас — *petits plats exquis*⁷ и *soupe-à-chevalier*,⁸ который я сейчас же велю подать.

¹ Какая честь. Да, да, я вспоминаю, когда-то в Шотландии я был знаком с неким милордом Кенфарлоком (*франц*).

² Вероятно, отец милорда (*франц*).

³ Он играл даже лучше, чем я. Ах, его удары слева! (*франц*).

⁴ Сущий дьявол (*франц*).

⁵ Что нам за дело до минувшего? (*франц*).

⁶ Предкам (*франц*).

⁷ Изысканные блюда (*франц*).

⁸ Суп а-ля шевалье (*франц*).

С этими словами он сделал пируэт на каблуках и приказал слугам подать обед. Дэлгарно рассмеялся и, заметив мрачный взгляд своего молодого друга, сказал ему с упреком:

— Как?! Неужели вы так простодушны, что способны гневаться на такого осла?

— Я хочу сохранить свой гнев для более подходящего случая, — сказал лорд Гленварлох. — Но должен признаться, мне было очень неприятно услышать имя моего отца из уст этого человека. Да и вы тоже уверяли меня, что это не игорный дом, а сами сказали, что покинули его с пустыми карманами.

— Бог ты мой! — воскликнул лорд Дэлгарно. — Я сказал это лишь для красного словца; кроме того, нужно иногда поставить одну-две монеты, если вы не хотите прослыть жалким скрягой. А вот и обед! Быть может, изысканные яства шевалье придутся вам больше по вкусу, нежели его беседа.

Гостей пригласили к столу, где обоим друзьям были отведены самые почетные места. Шевалье, исполнявший во время обеда обязанности хозяина, прислуживал им с особой церемонностью, приправляя каждое блюдо своей приятной беседой. Обед был действительно превосходный, в том пикантном стиле кулинарного искусства, который французы уже ввели в то время и которым неискушенные английские юноши должны были восторгаться, если они претендовали на звание знатоков и людей со вкусом. Вино также было высшего сорта, отличалось большим разнообразием и лилось в изобилии. Разумеется, беседа среди такого множества молодых людей была легкой, оживленной и веселой, и Найджел, которого так долго угнетали заботы и несчастья, воспрянул духом и чувствовал себя легко и свободно.

Некоторые из гостей обладали неподдельным остроумием и умели пользоваться им с большим искусством и тактом, другие, самодовольные фаты, вызывали насмешки, сами того не замечая; были среди них и оригиналы, предпочитавшие развлекать общество не своим умом, а своими чудачествами. И почти все они вели беседу с подлинной великосветской изы-

сканностью того времени или пользовались жаргоном, который нередко выдается за нее.

Словом, общество и беседа были так приятны, что смягчили суровость Найджела даже по отношению к церемониймейстеру, и он терпеливо выслушивал различные замечания, касающиеся кулинарного искусства, с которыми *chevalier de Beaujeu*, видя, что, как он выразился, милор предпочитает «*sûgîeux* и *l'utile*»,¹ считал нужным обращаться к нему. Предположив по неизвестным причинам, что его новый гость любит старину, он принялся восхвалять великих мастеров былых времен, в особенности одного из них, которого он знал в дни своей юности, «*maître de cuisine* у *maréchal Strozzi* — *très bon gentilhomme pourtant*»² и который во время долгой и жестокой осады *le petit Leyth*³ каждый день накрывал стол своего хозяина на двенадцать персон, хотя не мог предложить ничего лучшего, кроме четверти оковевшей лошади и сорных трав, растущих на крепостных валах.

— *Despardieux, c'étoit un homme superbe!*⁴ Из головки чертополоха и нескольких листиков крапивы он мог сварить суп на двадцать человек. Из ляжки маленького щенка он готовил *rôti des plus excellens*;⁵ но это был настоящий *soup de maître*,⁶ когда произошла капитуляция, или, как вы говорите, сдача крепости, и, *dieu me damne*,⁷ он приготовил из задней части соленой лошадиной туши блюдо на сорок пять персон, так что английские и шотландские офицеры и знатные гости, имевшие честь быть приглашенными на обед к монсеньеру после капитуляции, не могли разобрать, что за чертовщину им подали.

¹ Забавное и полезное (*франц.*).

² Главного повара у маршала Строцци — человека, несомненно, весьма благородного (*франц.*).

³ Маленького Лейта (*франц.*).

⁴ Черт возьми, он был неподражаем! (*франц.*).

⁵ Самое отменное жаркое (*франц.*).

⁶ Шедевр (*франц.*).

⁷ Будь я проклят (*франц.*).

Тем временем бокалы не раз наполнялись добрым вином, зажигавшим веселье в сердцах гостей, и посетители, сидевшие за нижним концом стола, которые до сих пор играли роль слушателей, начали, не к чести их самих и не к чести ресторации, вставлять свои реплики.

— Вы говорите об осаде Лейта, — сказал высокий костлявый человек с густыми, по-солдатски закрученными усами, с широким поясом из буйволовой кожи, с длинной шпагой и другими внешними атрибутами почтенной профессии, состоящей в убийстве людей, — вы говорите об осаде Лейта! Я был там — прелестная деревушка, окруженная отвесной стеной, или крепостным валом, с башнями в виде голубятен на каждом углу. Клянусь своим кинжалом, если бы в наши дни подобная осада продолжалась двадцать четыре часа, не говоря уже о таком же количестве месяцев, и крепость вместе со всеми ее голубятнями не была бы взята приступом, то осаждающие заслуживали бы не большей милости, чем та, которую оказывает палач, после того как он закрепит петлю на виселице.

— Прошу прощения, *monsieur le capitaine*, — сказал шевалье, — я не был при осаде *petit Leyth*, и я ничего не знаю о голубятнях; но я должен сказать, что *monseigneur Strozzi* понимал толк в *grande guerre*¹ и был *grand capitaine, plus grand*² — я хотел сказать, быть может, более великий, чем некоторые полководцы в *Angleterre*,³ у которых слишком громкий голос. *Tenez, monsieur, car c'est à vous!*⁴

— О мосье, — ответил лихой рубака, — мы знаем, что француз прекрасно умеет сражаться из-за каменной стены, заковав в броню спину, грудь и котелок.

— Котелок! — воскликнул шевалье. — Что это значит — котелок? Вы хотите оскорбить меня при моих благородных гостях? Прошу прощения, я ис-

¹ Большой войне (*франц.*).

² Великий полководец, более великий (*франц.*).

³ Англии (*франц.*).

⁴ Слушайте, мосье, это я про вас! (*франц.*).

полнял свой долг как бедный дворянин под командой Grand Henri Quatre,¹ при Куртрэ и Иври, *ventrêe saint gris!*² У нас не было ни котелков, ни горшков, и мы всегда шли на приступ в одних рубашках.

— Что опровергает еще одну низкую клевету, — смеясь сказал лорд Дэлгарно, — согласно которой у благородных французских ратников не хватало белья.

— Вы хотите сказать, милорд, что эти воины шли на приступ с обнаженными мечами и продранными локтями, — сказал капитан, сидевший у дальнего конца стола. — Прошу прощения у вашей светлости, я знаю еще кое-что об этих дворянских ратниках.

— Пока мы как-нибудь обойдемся без ваших знаний, капитан, и избавим вашу скромность от необходимости рассказать нам, как вы приобрели эти сведения, — ответил лорд Дэлгарно презрительным тоном.

— Мне незачем говорить об этом, милорд, — сказал лихой вояка, — весь мир знает это — все, кроме жалких, трусливых горожан Лондона, которые могут спокойно смотреть, как доблестный воин грызет от голода рукоятку своей шпаги, но ни за что не вынут из своего толстого кошелька ни одного фартинга, чтобы помочь ему. Вот бы наши молодцы нагрязнули в их кукушкино гнездо!

— Кукушкино гнездо! Сказать такое про наш город Лондон! — воскликнул один кавалер, сидевший на противоположном конце стола; видно было, что он еще не привык к своему роскошному, модному костюму. — Пусть только попробует повторить это еще раз!

— Что! — воскликнул воин, гневно сверкнув глазами из-под густых черных бровей, хватаясь одной рукой за рукоятку шпаги и крутя другой свои огромные усы. — Уж не хочешь ли ты драться из-за своего города?

¹ Великого Генриха Четвертого (франц.).

² Черт возьми! (франц.).

— Да, черт возьми! — воскликнул кавалер. — Я горожанин, пусть все знают; и всякий, кто посмеет поносить наш город, — осел и безнадёжный дурак, и я проломлю ему башку, чтобы научить его уму-разуму и хорошим манерам.

Гости, вероятно не без основания оценивавшие храбрость капитана не так высоко, как он сам, с любопытством наблюдали за принявшим вызов негодующим горожанином, и со всех сторон слышались возгласы:

— Вот так отзвонил, что колокол святой Марии!

— Ладно пропел петух святого Павла! Дай ему сигнал к атаке, чтобы этот вояка по ошибке не стал отступать, вместо того чтобы идти на приступ.

— Вы ошибаетесь, джентльмены, — сказал капитан, окинув присутствующих величественным взором. — Я должен выяснить, достаточно ли знатного рода этот кабальеро горожанин, чтобы скрестить шпаги с благородным воином — ибо, поймите меня, джентльмены, не со всяким могу я мериться силами без ущерба для своей репутации, — и тогда я дам знать о себе самым благородным образом посредством письменного вызова на дуэль.

— А я дам знать о себе самым неблагородным образом — посредством дубинки, — сказал горожанин, вскакивая и хватая свою шпагу, которую он, перед тем как сесть за стол, поставил в угол. — Следуйте за мной.

— По всем правилам дуэли я имею право выбрать место для поединка, — сказал капитан. — И я выбираю Мэйз в Тотхилл-Филдсе; в качестве свидетелей я приглашу двух человек, которые смогут быть беспристрастными судьями, а что касается времени — ну, скажем, через две недели на рассвете.

— А я, — сказал горожанин, — в качестве места поединка выбираю кегельбан за домом, в качестве свидетелей — всех присутствующих, а время — настоящий момент.

С этими словами он надел свою касторовую шляпу, ударил бравого вояку по плечу вложенной в ножны шпагой и сбежал вниз по лестнице. Капитан не

торопился следовать за ним; но в конце концов, подстрекаемый насмешками гостей, он заверил их, что не раскаивается в своих словах и готов повторить их еще раз, и, надев шляпу с видом старого Пистоля, спустился по лестнице к месту поединка, где его более проворный противник уже поджидал его с обнаженной шпагой. Все гости с радостью предвкушали предстоящий поединок. Некоторые бросились к окнам, выходящим на кегельбан, а другие последовали за дуэлянтами вниз. Найджел не мог удержаться от того, чтобы не спросить лорда Дэлгарно, не собирается ли он вмешаться, чтобы предотвратить несчастье.

— Это было бы преступлением против интересов всех присутствующих, — ответил его друг. — Поединок между двумя такими чудаками может только принести пользу обществу, и в особенности заведению шевалье, как он его называет. За последний месяц мне страшно надоели кожаный пояс этого капитана и его красный камзол, и я надеюсь, что сей бравый торговец полотном выбьет ослиную дурь из этой мерзкой львиной шкуры. Смотрите, Найджел, смотрите, как этот храбрый горожанин занял позицию на расстоянии броска шара в середине дорожки — великолепный образец борова в доспехах. Полюбуйтесь, как он молодецкато выставил ногу, как он размахивает шпагой, словно собирается мерить ею батист. Смотрите, вот ведут упирающегося воина, вот он становится против своего пылкого противника на расстоянии двенадцати шагов. Вот капитан обнажает свое оружие, но, подобно хорошему полководцу, смотрит назад через плечо, чтобы обеспечить отступление на тот случай, если произойдет самое худшее. Посмотрите, как этот доблестный лавочник наклоняет голову, несомненно уверенный в крепости почетной эмблемы, которой супруга украсила его чело. Поистине это редкое зрелище. Клянусь всем святым, он проткнет его словно тараном!

Все произошло так, как предсказывал лорд Дэлгарно: горожанин, охваченный жаждой битвы, видя, что воин не идет ему навстречу, бросился на него,

полный отваги и сопутствуемый счастьем, выбил оружие из рук капитана и, казалось, насквозь пронзил шпагой тело своего противника, который с громким стоном растянулся на земле во весь рост. Десятки голосов закричали победителю, который стоял как вкопанный, пораженный своим собственным подвигом:

— Спасайся бегством!.. Через заднюю калитку!.. Беги в Уайтфрайерс или переправляйся через реку на Бенксайд, а мы пока задержим здесь толпу и констеблей.

И победитель, оставив своего поверженного врага, последовал советам и, не теряя ни минуты, обратился в бегство.

— Клянусь всем святым, — сказал лорд Дэлгарно, — никогда бы не подумал, что этот молодец будет стоять, ожидая удара. Несомненно, он оцепенел от ужаса и у него отнялись руки и ноги. Смотрите, его поднимают с земли.

Окоченевшим и неподвижным казалось тело воина, когда двое гостей подняли его. Но едва они начали расстегивать ему жилет, чтобы найти рану, которой нигде не было, храбрый воин собрался с духом и, сознавая, что ресторация перестала быть сценой, на которой можно было блеснуть своей храбростью, принялся улепетывать во все лопатки, провожаемый насмешками и криками всей компании.

— Клянусь честью, — сказал лорд Дэлгарно, — он избрал тот же путь, что и победитель. Я уверен, он догонит его и доблестный горожанин подумает, что его преследует дух убитого им воина.

— Despardieux, milor,¹ — сказал шевалье, — если бы он остался здесь на один момент, к нему вместо савана прикололи бы torchon, или, по-вашему, кухонное полотенце, чтобы показать, что это дух grand fanfaron.²

— Тем не менее, — сказал лорд Дэлгарно, — вы очень обяжете нас, monsieur le chevalier, а также со-

¹ Черт возьми! (франц.).

² Великого хвастуна (франц.).

храните свое доброе имя, если прикажете своим слугам встретить этого вояку дубинками, как только он осмелится снова показаться здесь.

— *Ventre saint gris, milor!*¹ — сказал шевалье. — Предоставьте это мне. Черт возьми, я прикажу судомойке вылить помои на этого *grand poltron!*²

Вдоволь посмеявшись над этим комичным происшествием, гости разбились на маленькие группы. Некоторые завладели недавним местом поединка и стали готовить кегельбан для его настоящего назначения; и вскоре слышались возгласы играющих: «Катись, катись!.. Задень, задень!.. Мимо!.. Будь ты проклят, шар несчастный!», оправдывая поговорку, согласно которой при игре в кегли бросают на ветер три вещи, а именно — время, деньги и ругань.

В доме некоторые джентльмены занялись игрой в карты или в кости, составив партии в ломбер, фараон, брелан, примеро и другие модные в то время игры. Кости тоже применялись для различных игр, с досками и без досок, как-то: азарт, пассаж и так далее. Однако игра велась, видимо, не очень крупная, несомненно с соблюдением всех правил приличия и добропорядочности, и в ней нельзя было заметить ничего, что могло бы заставить юного шотландца хоть сколько-нибудь усомниться в правдивости слов своего спутника, уверявшего, что это заведение посещали лишь люди высокого звания и знатного рода, не отступавшие в своих развлечениях от правил чести.

Лорд Дэлгарно не предложил своему другу принять участие в игре и сам не присоединился к играющим, а лишь переходил от стола к столу, наблюдая за счастьем игроков, а также за их умением ловить его и беседуя с самыми знатными и уважаемыми гостями. Наконец, устав от того, что на современном языке мы назвали бы фланированием, он внезапно вспомнил, что в тот день после обеда в «Фортуне» Бёрбедж должен был играть шекспировского короля

¹ Проклятие, милорд! (франц.).

² Великого труса (франц.).

Ричарда и что он не мог бы доставить большего развлечения лорду Гленварлоху, впервые приехавшему в Лондон, как пригласить его на это представление.

— Если только, — добавил он шепотом, — отеческий запрет не относится к театру, так же как и к игорным домам.

— Я никогда не слышал, чтобы мой отец говорил о театральных представлениях, — сказал лорд Гленварлох, — ибо в Шотландии такие новшества неизвестны. Однако если верно то дурное, что я слышал об этих зрелищах, я очень сомневаюсь, чтобы он одобрил их.

— Одобрил их! — воскликнул лорд Дэлгарно. — Но ведь Джордж Бьюкэнан писал трагедии, и его ученик, такой же просвещенный и мудрый, как он сам, ходит смотреть их, так что пренебрежение театром почти равносильно государственной измене; самые умные люди Англии пишут для сцены, и самые красивые женщины Лондона посещают театры. У крыльца нас ждет пара коней, которые молнией промчат нас по улицам, и верховая езда поможет нам переварить оленину и ортолана и развеет винные пары. Итак, на коней! Прощайте, джентльмены! Прощайте, *chevalier de la Fortune*! ¹

Группы лорда Дэлгарно ждали их с двумя лошадьми; их владелец вскочил на великолепного берберийского скакуна, а Найджел сел на едва ли менее красивого низкорослого испанского коня с роскошной сбруей. По дороге в театр лорд Дэлгарно пытался узнать мнение своего друга о компании, в которую он ввел его, и рассеять его сомнения.

— Отчего ты так печален, мой задумчивый неопит? Мудрый питомец *Alma mater* ² нидерландской учености, что с тобой? Быть может, страница жизни, которую мы вместе с тобой прочли, написана не так красиво, как ты мог ожидать, начитавшись своих ученых книг? Утешься и постарайся не замечать пя-

¹ Рыцарь удачи (*франц.*).

² Матери-кормилицы (*лат.*).

тен; тебе суждено прочесть немало страниц таких черных, какие только может написать бесчестие своим грязным пером. Не забывай, мой непорочный Найджел, что мы в Лондоне, а не в Лейдене, что мы изучаем жизнь, а не науки. Не поддавайся угрызениям своей слишком нежной совести, мой друг. И когда ты, лежа на подушке, подытожишь, подобно хорошему арифметику, все свои поступки за сегодняшний день — прежде чем сверить счеты, скажи обвиняющему духу с бородой из серы, что если твои уши и слышали стук дьявольских костей — твоя рука не касалась их и если твои глаза видели ссору двух разгневанных молодчиков — ты не обнажил своей шпаги в их схватке.

— Что ж, может быть, все это звучит мудро и остроумно, — возразил Найджел, — все же, признаться, мне кажется, что ваша светлость и другие знатные молодые люди, с которыми мы обедали, могли бы выбрать для своих встреч место, где вам не грозило бы вторжение таких забияк, и лучшего церемониймейстера, чем этот чужеземный авантюрист.

— Все будет исправлено, святая Нижель, когда ты, подобно новоявленному Петру Пустыннику, придешь к нам, чтобы проповедовать крестовый поход против игры в кости, распутства и веселых сборищ. Мы встретимся за трапезой в храме гроба господня. Мы пообедаем в алтаре и разопьем вино в ризнице. Пастор будет откупоривать бутылки, а причетник будет говорить «аминь» после каждого тоста. Подбодрись, мой друг, и стряхни с себя эту кислую и хмурую хандру! Поверь мне, пуритане, порицающие нас за безрассудство и слабости, свойственные человеческой натуре, сами обладают пороками настоящих дьяволов — затаенной злобой, лицемерием, злословящим за спиной, и непомерной гордыней. К тому же в жизни много такого, что мы должны видеть, хотя бы только для того, чтобы научиться избегать его. Уил Шекспир, который продолжает жить после смерти и который сейчас доставит тебе такое наслаж-

дение, какое может доставить только он, устами славного Фоконбриджа называет этого человека так:

А век твой оттолкнет тебя с презреньем,
Когда не сможешь в ногу с ним идти...
Не для обмана это изучу я —
Чтоб самого меня не обманули.¹

Но вот мы уже у входа в «Фортуну», где несравненный Уил будет говорить сам за себя. Эй, бесенок, и ты, молодец, передайте лошадей гrooms и проложите нам дорогу сквозь толпу.

Они спешили, и усилия неутомимого Лутина, действовавшего локтями и угрозами и выкрикивавшего имя и титул своего господина, проложили им путь сквозь толпу глухо ворчавших горожан и крикливых подмастерьев ко входу, где лорд Дэлгарно сразу же приобрел два кресла на сцене для себя и для своего спутника. Сидя среди других знатных кавалеров, они имели возможность блеснуть своими нарядами и светскими манерами и в то же время высказывать свои суждения о пьесе во время действия, составляя, таким образом, одновременно важную часть спектакля и значительную долю зрителей.

Найджел Олифант был слишком поглощен тем, что происходило на сцене, чтобы играть ту роль, которую ему предписывало занимаемое им место. Он был совершенно зачарован волшебником, воскресившим на подмостках жалкого деревянного балагана длительные войны Йорка и Ланкастера и заставившим героев обоих лагерей гордо выступать по сцене, говорить и двигаться так, как они говорили и двигались при жизни, словно могила отдала своих мертвецов для развлечения живых и им в назидание. Бёрбедж, считавшийся лучшим Ричардом до тех пор, пока не появился Гаррик, играл этого тирана и узурпатора так правдиво и жизненно, что, когда битва при Босуорте закончилась его смертью, реальные и вымышленные образы боролись в воображении лорда Гленварлоха и он с трудом пробудился от грез, услы-

¹ Перевод Н. Рыковой.

шав столь странно прозвучавшее предложение своего спутника, заявившего, что король Ричард должен поужинать с ними в «Русалке».

Тем временем к ним присоединилась небольшая группа джентльменов, с которыми они вместе обедали в ресторации, и нескольких из них, самых изысканных остряков и поэтов, редко пропускавших представления в театре «Фортуна» и горевших желанием закончить день развлечений ночью наслаждений, они пригласили с собой. Туда и отправилось все общество; и среди полных бокалов испанского вина, среди возбужденных умов и веселых собутыльников, соперничающих друг с другом в остроумии, они, казалось, олицетворяли радость хвалебной песни одного из современников Бена Джонсона, напоминающего барду

...о дружеских пирах,
Где каждый вволю пил,
Но где людей не только хмель роднил,
А твой звенящий стих
Сильней вина пьянил и тешил их.

Глава XIII

Дай гордой рыбе заглотать крючок —
И подсекай; она забьется в страхе —
Тогда ты лесу можешь отпустить,
Не торопясь, примерно ярдов на семь;
Добыча не уйдет! Но берегись
Камней подводных с острыми краями,
Про омут помни — там коварный ил...
Того гляди, в последнюю минуту
Сорвется — осторожнее, дружок!

«Альбион, или Короли двух королевств»

Когда мы мысленно вновь переживаем день, полный развлечений, редко представляется он нашему воображению таким же прекрасным, каким казался он нам в тот момент, когда мы участвовали в веселье. По крайней мере так казалось Найджелу Олифанту, и понадобился визит его нового знакомого, лорда

Дэлгарно, чтобы окончательно примирить его с самим собой. Этот визит состоялся вскоре после завтрака, и его друг начал беседу с вопроса, как ему понравилось вчерашнее общество.

— Замечательно! — воскликнул лорд Гленварлох. — Но я предпочел бы, чтобы их остроумие изливалось более свободно. Все их шутки казались вымученными, и каждая блестящая метафора повергала в глубокое раздумье добрую половину ваших остряков, старавшихся превзойти своих предшественников.

— А почему бы и нет? — спросил лорд Дэлгарно. — Эти молодцы не годятся ни на что другое, как только разыгрывать перед нами роль гладиаторов мысли. Тот из них, кто признается в своем малодушии, будь он проклят, должен будет довольствоваться мутным элем и обществом лодочников. Могу заверить тебя, что немало блестящих кавалеров было смертельно ранено в «Русалке» каламбуром или злой шуткой, и их отправляли оттуда в жалком состоянии в сумасшедший дом в Вэнтри, где они по сей день томятся среди безумцев и олдерменов.

— Может быть, все это так, — сказал лорд Найджел, — но я готов поклясться, что вчера в нашей компании было немало людей, чей ум и ученость давали им право либо занять более высокое место в нашем обществе, либо совсем исчезнуть со сцены, на которой, говоря откровенно, они играли не соответствующую их достоинствам, второстепенную роль.

— У тебя слишком нежная совесть, — сказал лорд Дэлгарно, — какое нам дело до этих изгнанников Парнаса! Ведь это последние остатки от того благородного пира с маринованными сельдями и рейнским вином, который отнял у Лондона его лучших остряков и певцов смуты. Что бы вы сказали, увидев Нэша или Грина, если вы проявляете такой интерес к жалким мимам, с которыми вчера ужинали? Довольно с них того, что они могли промочить горло и вздремнуть, и они пили и спали так усердно, что вряд ли им захочется есть до вечера, когда, если они проявят достаточное усердие, они смогут найти покро-

вителей или актеров, которые накормят их.¹ А что касается их других потребностей, то вряд ли они будут испытывать недостаток в холодной воде, пока держится плотина на Нью-Ривер; а парнасским камзолам нет сноса.

— У Вергилия и Горация были более могущественные покровители, — сказал Найджел.

— Ты прав, — ответил его соотечественник, — но этим молодцам далеко до Вергилия или Горация. К тому же у нас есть гении другого рода, с которыми я познакомлю тебя, как только представится случай. Наш эйвонский лебедь спел свою последнюю песню, но у нас остался наш старина Бен, обладающий такой же глубокой ученостью и гениальностью, какие когда-либо вдохновляли того, кто выступал на сцене в туфлях шута и в котурнах трагического героя. Однако не о нем сейчас идет речь; я пришел просить тебя оказать мне любезность и отправиться со мной на лодке вверх по Темзе до Ричмонда, где несколько кавалеров из тех, что ты видел вчера, собираются угостить музыкой и сбитыми сливками с вином букет красавиц, среди которых найдутся такие, чьи прелестные сверкающие глаза способны, могу тебя уверить, отвлечь любого астролога от созерцания звездного неба. Моя сестра, с которой я хочу познакомить тебя, — вожак этой стаи. У нее есть почитатели при дворе, и, хоть мне и не пристало восхвалять ее, она слывет одной из первых красавиц нашего времени.

Лорд Гленварлох не мог отказаться от приглашения, так как присутствие в этом обществе людей,

¹ Ум и талант никогда не были в таком печальном положении, как в те времена. Жизнь их обладателей была столь беспорядочна, их заработок был столь ненадежен, что они то предавались необузданному разгулу, то впадали в крайнюю бедность. Двое или трое из них погибли от пресыщения во время рокового пира с рейнским вином и маринованными сельдями, о котором знает тот, кто изучает легкую литературу того времени. Вся эта история представляет собой весьма печальную картину унижения, которому подвергался гений из-за собственной беспутной жизни и покровительства бездушных повес и развратников. (*Прим. автора*)

о которых он был столь низкого мнения, было желанным для знатной дамы, одной из самых блестящих красавиц того времени. Он согласился, что было неизбежно, и очень приятно провел день в кругу прелестных веселых дам. Весь этот день он был кавалером сестры своего друга, очаровательной графини Блэкчестер, стремившейся к превосходству в царстве моды, власти и ума.

Она была значительно старше своего брата и, вероятно, отпраздновала уже шесть пятилетий. Но утраченная молодость с лихвой искупалась тщательностью и изысканностью ее нарядов, сшитых всегда по последней заморской моде, и особым даром использовать все известные ей ухищрения, чтобы выгодно оттенить свои черты и цвет лица. При приемах во дворце она, как и все леди ее круга, прекрасно знала, каким тоном в зависимости от настроения монарха следует отвечать на его вопросы, касавшиеся нравственности, политики, науки или носившие просто шуточный характер; говорили, что она употребила немало усилий и личного влияния, чтобы добиться для своего супруга высокого положения, которого старый подагрический виконт никогда не мог бы приобрести при помощи своего заурядного ума и поведения.

Этой леди было гораздо легче, чем ее брату, примирить такого молодого придворного, как лорд Гленварлох, с привычками и обычаями столь новой для него сферы. Во всяком цивилизованном обществе женщины высокого звания и выдающейся красоты задают тон в манерах, тем самым оказывая влияние также и на нравы. К тому же леди Блэкчестер пользовалась влиянием при дворе или над двором (ибо трудно было обнаружить его источник), что создавало ей друзей и заставляло трепетать тех, у кого могло бы зародиться желание примкнуть к стану ее врагов.

Одно время поговаривали, что она тесно связана с семьей герцога Бакингема, с которым ее брат и сейчас очень дружил; и хотя в отношениях между графиней и герцогиней Бакингом наступило некоторое

охлаждение, так что их редко можно было видеть вместе, и первая из них, по-видимому, стала вести довольно уединенный образ жизни, — ходила молва, что влияние леди Блэкчестер на всесильного фаворита не уменьшилось вследствие ее разрыва с его женой.

Наши сведения о тайных придворных интригах той эпохи и о посвященных в них лицах не настолько обширны, чтобы мы могли высказать свое мнение по поводу различных слухов, порожденных вышеописанными обстоятельствами. Достаточно сказать, что леди Блэкчестер оказывала большое влияние на окружающих как благодаря своей красоте и уму, так и благодаря общепризнанному таланту в плетении придворных интриг, и Найджелу Олифанту недолго пришлось испытывать на себе ее власть, чтобы стать рабом привычки, повинаясь которой столь многие мужчины в определенный час устремляются в определенное общество, не ожидая и не получая от него никакого удовлетворения, а тем более развлечения.

В течение нескольких недель он вел такой образ жизни. Ресторация была неплохим вступлением ко дню, полному забот, и молодой лорд скоро понял, что, хотя там не всегда собиралось безукоризненное общество, все же она представляла собой самое удобное и приятное место для встречи со светскими знакомыми, с которыми он совершал прогулки в Хайд-парк, посещал театры и другие увеселительные места или присоединялся к веселому, блестящему обществу, собиравшемуся у леди Блэкчестер. И он не испытывал больше отвращения и угрызений совести, которые прежде заставляли его останавливаться в нерешительности на пороге заведения, где разрешались азартные игры, — напротив, он начал свыкаться с той мыслью, что нет никакого вреда в созерцании этих забав, если только соблюдать умеренность, а потому, рассуждая логически, не могло быть никаких возражений и против участия в них, разумеется при тех же ограничениях. Но молодой лорд был шотландец, с ранних лет привыкший к размышлению и совершенно неспособный к поступкам, связанным с легкомысленным риском

или расточительной тратой денег. Расточительность не была его врожденным пороком, и вряд ли он мог приобрести его в результате воспитания. Его отца охватывал благородный ужас при мысли о том, что сын когда-нибудь приблизится к игорному столу, но, по-видимому, он больше боялся того, что Найджел станет удачливым игроком, нежели неудачливым. Согласно его взглядам, во втором случае игра имела бы конец — правда, печальный — потерю земного богатства, тогда как в первом зло, которого он страшился, все увеличивалось бы и подвергло бы опасности как тело, так и душу.

На чем бы ни были основаны опасения старого лорда, они подтверждались поведением его сына, который, начав с наблюдения за различными азартными играми, постепенно пристрастился к ним, играя на небольшие ставки и заключая пари. Нельзя также было отрицать, что его звание и ожидавшее его богатство давали ему право рисковать несколькими золотыми (ибо он никогда не зарывался) в игре с людьми, которые с такой готовностью ставили свои деньги на карту, что можно было подумать, будто они легко могут позволить себе их утрату.

Случилось так — или, быть может, согласно распространенному поверью, злой гений Найджела устроил так, — что его игре неизменно сопутствовала удача. Он был умерен, осторожен, хладнокровен, обладал хорошей памятью и умел быстро производить вычисления; к тому же он обладал смелым, бесстрашным характером, и всякий, кто бросил бы на него хотя бы беглый взгляд или обменялся с ним несколькими словами, едва ли осмелился прибегнуть в игре с ним к обману или запугиванию. Когда лорд Гленварлох выражал желание играть, с ним играли по всем правилам, или, как принято было говорить, начистоту; и когда он видел, что счастье изменяет ему, или когда он не хотел больше рисковать своим состоянием, самые заядлые почитатели Фортуны, посещавшие дом *monsieur le chevalier de Saint Priest Beaujeu*, не решались открыто упрекать его в том, что он вставал из-за стола с выигрышем. Но после того как это по-

вторилось несколько раз, игроки стали выражать друг другу недовольство по поводу осторожности, равно как и удачи молодого шотландца, и он далеко не пользовался популярностью в их обществе.

Укреплению этой весьма дурной привычки немало способствовало то обстоятельство, что она избавила гордого по природе лорда Гленварлоха от необходимости обременять себя долгами, которые при его длительном пребывании в Лондоне в противном случае стали бы неизбежными. Ему приходилось просить министров о выполнении некоторых формальностей для придания законной силы королевскому приказу, и хотя ему в этом не могли отказать, дело затягивалось, и Найджел начинал думать, что ему противодействуют какие-то тайные враги. Повинуясь собственному побуждению, он уже хотел во второй раз явиться во дворец с королевским предписанием в кармане и обратиться к его величеству с просьбой объяснить ему, допустимо ли, чтобы медлительность чиновников делала осуществление королевского великодушия невозможным. Но лорд Хантинглен, добрый старый пэр, который уже раньше оказал ему такую бескорыстную помощь и которого он время от времени посещал, убедил его отказаться от подобного рискованного шага и спокойно ожидать решения министров, что должно было избавить его от обивания лондонских порогов.

Лорд Дэлгарно присоединился к отцу в попытках отговорить своего юного друга от вторичного посещения дворца, во всяком случае до тех пор, пока он не помиритсЯ с герцогом Бакингом.

— Я предложил свою скромную помощь в этом деле, — сказал он, обращаясь к отцу, — но мне не удалось уговорить лорда Найджела сделать хотя бы один шаг на пути к примирению.

— Клянусь честью, я считаю, что юноша прав, Малколм! — решительно сказал старый шотландский лорд. — Какое право имеет Бакингем, или попросту сын сэра Джорджа Вильерса, требовать почтения и покорности от человека, чей славный род на восемь поколений древнее его рода? Я сам слышал, как он

без всякой видимой причины назвал лорда Найджела своим врагом, и я никогда не посоветую юноше сказать ему хоть одно дружеское слово, пока тот не возьмет обратно свои враждебные слова.

— Я дал лорду Гленварлоху точно такой же совет, — ответил лорд Дэлгарно. — Но я думаю, ты согласишься со мной, дорогой отец, что наш друг подвергнется очень большой опасности, если еще раз явится во дворец, имея такого врага, как герцог. Не лучше ли предоставить мне попытаться смягчить неприязнь, которую некоторые льстецы внушили герцогу по отношению к нашему другу?

— Если тебе удастся убедить Бакингема в том, что он заблуждается, я впервые смогу сказать, что среди придворных существуют доброта и честность. Я уже не раз говорил тебе и твоей сестре, что о жизни при дворе я очень невысокого мнения.

— Можешь не сомневаться, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь Найджелу, — промолвил лорд Дэлгарно. — Но не следует забывать, мой дорогой отец, что мне приходится пользоваться более медленными и осторожными средствами, чем те, благодаря которым ты снискал благосклонность короля двадцать лет тому назад.

— Клянусь честью, боюсь, что ты прав, — ответил отец. — Уверяю тебя, Малколм, скорее я лег бы в могилу, чем стал сомневаться в твоей честности и благородстве; но почему-то честная, бескорыстная служба не встречается теперь при дворе такого же признания, как в дни моей молодости, и все же ты идешь в гору.

— О, в наше время уже нельзя служить так, как в старину, — сказал лорд Дэлгарно. — Миновала пора ежедневных восстаний и ночных покушений, столь модных при шотландском дворе. Ваша быстрая и решительная помощь монарху со шпагой в руке больше не нужна, и она показалась бы такой же неуместной, как ваши старомодные слуги на придворном маскараде с их гербами, мечами и щитами. К тому же, отец, слишком поспешное изъяснение верности имеет свои неудобства. Я слышал из уст самого короля,

что когда вы пронзили кинжалом предателя Рут-вена, вы действовали так неосторожно, что кончик кинжала на четверть дюйма вонзился в королевскую ягодицу. Рассказывая об этом, король всегда потирает раненое место и цитирует свое «*infandum... repovare dologem*». ¹ Но виной тому старая мода, которая заставляла вас носить длинный лиддсдэйлский кинжал вместо короткого пармского. Однако, мой дорогой отец, вы называете это беззаветной и доблестной службой. Я слышал, что король целых две недели не мог сидеть прямо, хотя в его парадное кресло были положены все подушки Фолкланда, не считая подушек, присланных мэром Данфермлайна.

— Это ложь! — воскликнул старый граф. — Чистейшая ложь, кто бы ее ни выдумал! Правда, со мной был мой боевой кинжал, а не шило, подобное вашему, которым можно только ковырять в зубах. А что касается поспешности — черт возьми! — как тут не спешить, когда короли вопят, словно недорезанная курица: «Измена! Убивают!» Но вы, молодые придворные, ничего не смыслите в этих делах; вы немногим лучше зеленых гусей, которых привозят из Индии: вся служба их заключается в том, чтобы повторять все, что говорят их хозяева. Вы стая хвастунов, льстецов и шептунов. Ну что ж, я стар и не могу изменить своим привычкам, не то я бросил бы все, чтобы снова услышать, как шумит Тэй, низвергаясь водопадом на скалы в Кэмпси-Линн.

— Но вот уже звонит обеденный колокол, отец, — сказал лорд Дэлгарно, — и если повар не пережарил оленину, которую я прислал вам, эти звуки не уступят ей в нежности.

— Тогда следуйте за мной, юнцы, если хотите, — сказал старый граф. Он вышел из беседки, в которой происходил этот разговор, и зашагал к дому в сопровождении двух молодых людей.

Беседуя с Найджелом с глазу на глаз, лорд Дэлгарно без труда отговорил его от немедленного посещения дворца, однако на сделанное им предложение

¹ Ужасно вновь воскрешать боль (лат.).

сначала представить его герцогу Бакингему лорд Гленварлох ответил решительным и презрительным отказом. Его друг пожал плечами с видом человека, считающего, что он дал своему упрямому другу самый лучший совет и снимает с себя всякую ответственность за последствия его упорства.

Что касается отца, то его стол и самое лучшее вино, которое лилось более щедро, чем следовало бы, были к услугам его молодого друга, так же как советы и помощь в ведении дела. Однако влияние лорда Хантинглена было скорее кажущимся, нежели реальным; он сам относился так беспечно к использованию доверия, приобретенного им в результате доблестного спасения жизни короля, а фаворитам и министрам монарха так легко было противодействовать его влиянию, что за исключением двух-трех случаев, когда король был захвачен врасплох, как в деле лорда Гленварлоха, королевская щедрость никогда не распространялась ни на него самого, ни на его друзей.

— Никогда еще не было человека, — уверял лорд Дэлгарно, лучше знавший жизнь английского двора и видевший, в чем заключается недостаток его отца, — который с такой легкостью мог бы подняться до самых вершин счастья, как мой бедный отец. Он приобрел право построить лестницу, ступеньку за ступенькой, медленно, но верно, так чтобы каждая милость, которую он испрашивал для себя из года в год, в свою очередь становилась опорой для снискания королевской благосклонности в следующем году. Но твоё счастье не должно разбиться о те же скалы, Найджел, — говорил он обычно в заключение. — Хотя я не обладаю такими средствами, чтобы оказывать влияние, какими обладает, или, вернее, обладал, мой отец, пока он не разменял их на бочки с испанским вином, соколов, гончих и прочую дрянь, я гораздо лучше, чем он, умею извлекать выгоду из того, чем я обладаю. И все это, мой дорогой Найджел, должно служить твоим интересам. Не удивляйся и не обижайся на меня за то, что ты видишь меня теперь реже, чем прежде: началась охота на оленей, и принц

хочет, чтобы я чаще сопровождал его. Я не должен также забывать и герцога, чтобы иметь возможность замолвить за тебя словечко, как только представится случай.

— Я не нуждаюсь ни в каких ходатайствах перед герцогом, — мрачно произнес Найджел. — Я уже не раз говорил это.

— Но я ведь употребил это выражение в таком же смысле, неблагодарный и подозрительный спорщик, — возразил Дэлгарно, — в каком я сейчас стараюсь замолвить перед тобой словечко за герцога. Разумеется, я имею в виду только то, что я согласен с любимым изречением нашего королевского властелина: «*Beati pacifici*».¹

Уже не раз беседы лорда Гленварлоха со старым графом и с его сыном принимали подобный оборот и приводили к таким же результатам. Иногда ему казалось, что благодаря отцу и сыну, не говоря уже о менее заметном и менее показном, но едва ли менее могущественном влиянии леди Блэкчестер, его дело, значительно упростившееся, могло бы быть несколько ускорено. Но было одинаково невозможно сомневаться в грубоватой честности отца и в пылкой, всегда готовой к услугам дружбе лорда Дэлгарно; нелегко было также предположить, что леди, оказавшая ему такой милостивый прием, откажет в своей поддержке, если она сможет принести пользу для его дела. К тому же Найджел был убежден в правдивости слов лорда Дэлгарно, часто указывавшего на то, что каждый мелкий чиновник, через руки которого должно пройти его дело, считая фаворита его врагом, будет стараться заслужить похвалу и чинить всевозможные препятствия, и лорд Гленварлох сможет преодолеть их, только проявив стойкость и терпение, если он не предпочтет помириться, или, как выразился лорд Дэлгарно, заключить мир с герцогом Бакингом.

Найджел мог бы обратиться за советом к своему другу Джорджу Герiotу, и он, несомненно, воспользовался бы этой возможностью, так как уже неодно-

¹ Блаженны миротворцы (лат.).

кратно имел случай убедиться в его благоразумии, но, зайдя к нему после их совместного визита во дворец, он застал достопочтенного горожанина за поспешными приготовлениями к путешествию в Париж по очень важному делу, связанному с его ремеслом; это был специальный заказ королевского двора и герцога Бакингема, суливший большую прибыль. Упомянув имя герцога Бакингема, честный ремесленник улыбнулся.

— Я был уверен, — сказал он, — что его немилость будет недолговечной.

Лорд Гленварлох выразил радость по поводу их примирения, заметив, что ему было очень мучительно сознание того, что мейстер Гериот из-за него навлек на себя немилость всесильного фаворита и мог даже подвергнуться преследованиям с его стороны.

— Милорд, — сказал Гериот, — для сына вашего отца я сделал бы многое. Но поистине, насколько я знаю самого себя, во имя справедливости я поступил бы так же и пошел бы на такой же риск, на какой я пошел ради вас, в деле, касающемся гораздо менее важного лица. Но так как мы должны расстаться на некоторое время, я предоставляю дальнейшее ведение этого дела вашему собственному благоразумию.

И они сердечно распрощались друг с другом.

В положении лорда Гленварлоха произошли также и другие заслуживающие внимания перемены. При его теперешнем образе жизни и приобретенной им привычке к развлечениям жилище его, расположенное так далеко в Сити, представляло значительные неудобства. Быть может, он стал немного стыдиться своей каморки у пристани возле собора святого Павла, и ему захотелось поселиться в доме, более приличествующем его положению. Для этой цели он нанял небольшую квартиру возле Темпла. Впрочем, он даже немного пожалел о своем поступке, когда заметил, что его отъезд огорчил Джона Кристи и опечалил его радушную и услужливую хозяйку. Первый из них, делавший все с серьезным и мрачным видом, выразил только надежду, что все у них пришлось по вкусу лорду Гленварлоху и что он уез-

жает не из-за их недостойного невнимания к нему. Но в глазах миссис Нелли блеснула слеза, когда она перечисляла всевозможные улучшения, которые она произвела в квартире специально для того, чтобы сделать ее более уютной для его светлости.

— Большой корабельный сундук, — сказала она, — перенесли наверх в мансарду лавочника, хотя бедняга едва мог пролезть через узкий проход в восемнадцать дюймов, оставшийся между сундуком и кроватью, и одному богу известно, но только не ей, как спустить его обратно по узкой лестнице. А чтобы превратить чуланчик в альков, пришлось заплатить кругленькую сумму в двадцать шиллингов, а ведь, уж конечно, для всякого другого постояльца, кроме его светлости, чуланчик гораздо удобнее. А все белье, которое она специально для него купила... Но, да будет воля господня, она безропотно покоряется судьбе.

Каждому приятно видеть проявления привязанности к себе, и Найджел, испытывавший неподдельные угрызения совести при мысли о том, что удача заставила его пренебречь неприхотливым жилищем и услугами своих скромных друзей, которые еще совсем недавно выказывали ему подлинное расположение, самыми искренними уверениями и самой щедрой платой, какую он только мог заставить их принять, старался смягчить чувство обиды, вызванное его отъездом, а прощальный поцелуй прелестных уст хозяйки скрепил его прощение.

Ричи Мониплайз отстал от своего господина, чтобы спросить, не сможет ли Джон Кристи в случае необходимости помочь скромному шотландцу вернуться к себе на родину; и получив от Джона заверение в том, что он сделает все возможное для достижения этой цели, прощаясь, сказал, что скоро напомним ему о его обещании.

— Ибо, — сказал он, — если его светлости еще не надоела лондонская жизнь, я знаю людей, которым она вот как надоела — например, хотя бы мне; и я буду не я, если не увижу Артурово Седло, прежде чем состарюсь на несколько недель.

Глава XIV

Эй, Бинго, Бинго, стой! Сюда!

Ко мне!
Проклятый пес! Его и след простыл!
Такой упрямой, своевольной твари
Еще не видел свет! Меня он любит
Сильней, чем нищий любит подаянье.
Но если только на него найдет,
То сладить с ним, клянусь, ничуть
не легче,
Чем вымолить улыбку у самой
Мадам Причуды, вашей дамы сердца.

«Учитель и его пес»

Ричи Мониплейз сдержал слово. На второе или на третье утро после того, как молодой лорд водворился в своем новом жилище, он явился к Найджелу, когда тот собирался одеваться, расставшись с подушкой значительно позже, чем было его обыкновение прежде.

Взглянув на своего слугу, Найджел заметил, что на его торжественном лице собираются тучи, указывавшие на особую важность предстоящего разговора, или на глубокое недовольство, или на то и другое по-немногу.

— В чем дело, — спросил он, — что случилось, Ричи? Твое лицо напоминает одну из этих причудливых масок на водосточных трубах, — продолжал он, указывая на готическое здание церкви Темпла, видневшееся в окне.

Ричи повернул голову вправо с такой медлительностью, словно у него была вывихнута шея, и, быстро приняв прежнее положение, ответил:

— Маски здесь, маски там — не об этом я хотел бы поговорить.

— А о чем же ты хотел бы тогда поговорить? — спросил его господин, которого обстоятельства приучили относиться снисходительно к вольностям своего слуги.

— Милорд, — начал Ричи и внезапно закашлялся, как будто слова, которые он хотел произнести, застряли у него в горле.

— Я угадал твою тайну, — сказал Найджел. — Тебе нужны деньги, Ричи. Хватит тебе пока пяти золотых?

— Милорд, — сказал Ричи, — может быть, мне и пригодилась бы малость деньжат; мне и радостно и горько, что у вашей светлости их водится больше, чем прежде.

— Радостно и горько! — воскликнул лорд Найджел. — Ты задаешь мне загадки, Ричи.

— Мою загадку нетрудно отгадать, — сказал Ричи. — Я пришел, чтобы попросить у вашей светлости разрешения вернуться в Шотландию.

— В Шотландию! Да ты с ума сошел! — воскликнул Найджел. — Неужели ты не можешь подождать и вернуться на родину вместе со мной?

— Мои услуги не больно-то нужны вам, — сказал Ричи, — ведь вы собираетесь нанять еще одного пажу и грума.

— Ах ты ревнивый осел! — воскликнул молодой лорд. — Разве это не облегчит бремя твоих забот? Пойди позавтракай и выпей двойную порцию эля, чтобы выкинуть из головы все эти бредни. Я мог бы рассердиться на тебя за твое безрассудство, мой любезный, но я не забыл, как верно ты служил мне в несчастье.

— Несчастье, милорд, никогда не смогло бы разлучить нас, — сказал Ричи. — Я думаю, если бы дошло до крайности, я сумел бы умереть с голоду не хуже вашей светлости, а то и получше — ведь я, можно сказать, с малолетства к этому делу приучен; хоть я и вырос в лавке мясника, никогда в жизни не водил я близкого знакомства с бифштексом.

— Что значит весь этот вздор? — спросил Найджел. — Может быть, ты просто хочешь испытать мое терпение? Ты прекрасно знаешь, что если бы даже у меня было двадцать слуг, больше всех я ценил бы самого верного слугу, не покинувшего меня в беде. И совершенно незачем докучать мне твоими дурацкими причудами.

— Милорд, — сказал Ричи, — говоря о своем доверии ко мне, вы поступили как подобает благород-

ному человеку, и, осмелюсь смиренно заметить, я думаю, что заслужил такое отношение. Тем не менее мы должны расстаться.

— Но почему же? — воскликнул лорд Найджел. — Какая может быть для этого причина, если мы оба довольны друг другом?

— Милорд, — сказал Ричи Мониплайз, — ваша светлость ведет такой образ жизни, который я не могу ни одобрить, ни поощрять своим присутствием.

— Что за вздор ты городишь? — гневно воскликнул его господин.

— С вашего позволения, милорд, — ответил слуга, — несправедливо одинаково обижаться на мои слова и на мое молчание. Если у вас хватит терпения выслушать, какие причины заставляют меня покинуть вас, мне думается, это принесет вам только пользу, как в настоящем, так и в будущем. А если нет, я молча выслушаю ваше разрешение на отъезд и не скажу больше ни слова.

— Будь по-твоему! — сказал Найджел. — Выскажи все, что у тебя на душе. Только не забывай, с кем ты говоришь.

— Слушаюсь, милорд, я буду говорить со смирением, — никогда еще лицо Ричи не выражало такой чопорной важности, как в тот момент, когда он произносил эти слова. — Уж не думаете ли вы, что игра в кости да в карты и беготня по тавернам да по театрам к лицу вашей светлости? Уж мне-то все это совсем не по вкусу.

— Уж не стал ли ты педантом или пуританином, болван? — смеясь, воскликнул лорд Гленварлох, с трудом подавляя негодование и стыд.

— Милорд, — ответил слуга, — мне понятен ваш вопрос. Может быть, я и правда немножко педант, и дай бог, чтобы я был более достоин этого названия; но не будем останавливаться на этом. Я служил вам верой и правдой, пока мне позволяла моя совесть северянина. Я никогда худого слова не скажу про своего господина или про свою родную страну, когда я живу на чужбине, хотя бы мне и пришлось малость покривить душой. И я готов помериться си-

лами со всяким, кто осмелится поносить их. Но такая беспутная жизнь, игра в кости да шатание по театрам — это не по мне, я задыхаюсь здесь; и когда я слышу о том, что ваша светлость выигрывает деньги у какого-нибудь бедняка, который не может без них обойтись, клянусь честью, если бы это могло послужить вам на пользу, то уж чем выигрывать деньги у него, я бы скорее согласился выскочить вместе с вашей светлостью из-за изгороди и крикнуть «стой!» первому попавшемуся гуртовщику, возвращающемуся из Смитфилда с выручкой в кожаной сумке за своих эссекских телят.

— Ну и простак же ты, — сказал Найджел, почувствовавший, однако, угрызения совести. — Я никогда не играю на крупные суммы.

— То-то и оно, милорд, — продолжал неугомонный слуга, — и, с вашего позволения, это еще хуже. Если бы вы играли с людьми, которые равня вам, греха было бы меньше, но чести было бы больше в такой игре. Ваша светлость знаете, или могли бы знать по собственному опыту — пока еще недолгому, всего несколько недель, что с маленькими суммами тоже нелегко расстаться тому, у кого нет более крупных; и должен сказать вам откровенно, люди замечают, что ваша светлость играет только со всяким отребьем, которое может проигрывать лишь маленькие ставки.

— Никто не посмеет утверждать это! — гневно воскликнул Найджел. — Я играю с кем хочу и буду играть так, как мне нравится.

— Вот это как раз все и говорят, милорд, — продолжал безжалостный Ричи, чья врожденная любовь читать наставления и прямота характера мешали ему видеть страдания, которые он причинял своему господину, — прямо слово в слово. Не дальше как вчера в той же самой ресторации вашей светлости было угодно выиграть у этого юнца в бархатном малиновом камзоле, с петушиным пером на шляпе — у того самого, хочу я сказать, который дрался на поединке с хвастливым капитаном, — пять фунтов или что-то в этом роде. Я видел, как он проходил по

залу, и если вы не ободрали его как липку, значит я еще никогда в жизни не видел разорившегося человека.

— Не может быть! — воскликнул лорд Гленварлох. — Но кто же он? У него был вид состоятельного человека.

— Не все золото, что блестит, милорд, — ответил Ричи. — Вышивки да серебряные пуговицы опустошают кошелек. И если вы спросите, кто он, — может быть, я и знаю, да не хочу сказать.

— Во всяком случае, если я действительно разорил этого человека, — сказал лорд Найджел, — посоветуй, как исправить зло.

— С вашего позволения, не извольте беспокоиться, милорд, — сказал Ричи. — О нем хорошо позаботятся. Знайте только, что этот человек бежал в объятия дьявола и вы подтолкнули его. Но я остановлю его, если только он способен еще внять голосу рассудка, и вашей светлости нечего больше спрашивать о нем, так как вам совершенно бесполезно знать это, и скорее даже вредно.

— Послушай ты, болван, — сказал его господин, — до сих пор я терпеливо слушал тебя, на то были свои причины. Но не злоупотребляй больше моим добродушием — и раз уж ты непременно должен уехать, что ж, отправляйся с богом, и вот тебе деньги на дорогу.

С этими словами он высыпал ему в руку золото, которое Ричи пересчитал с величайшей тщательностью, монету за монетой.

— Ну что, все в порядке? Или, может быть, в них не хватает веса? Какого черта ты еще медлишь, когда всего пять минут назад так торопился уехать? — воскликнул молодой лорд, окончательно выведенный из себя самонадеянной педантичностью, с которой Ричи читал ему свои нравоучения.

— Счет правильный, — сказал Ричи с невозмутимой серьезностью, — а что касается веса, то хотя лондонцы очень щепетильны в этом отношении и строят гримасы при виде монеты, если она чуть легче обычной или у нее есть трещина на ободке, кля-

нужь честью, в Эдинбурге на них набросятся, как петух на крыжовник. Жаль только, что там золотых монет днем с огнем не сыщешь.

— Тем больше твое безумие, — сказал Найджел, гнев которого мгновенно прошел, — покинуть страну, где их достаточно.

— Милорд, — сказал Ричи, — если говорить откровенно, милость господня дороже золотых монет. Если Бесенок, как вы называете этого мосье Лутина — вы с таким же успехом могли бы назвать его Висельником, ибо таков будет, несомненно, его конец, — порекомендует вам нового пажу, вам не придется выслушивать от него таких проповедей, какие вы выслушивали от меня. И если бы это были мои последние слова, — сказал он, возвысив голос, — я сказал бы вам, что вас опутали, что вы сошли с пути, проторенного вашим достопочтенным батюшкой, и, что еще хуже, вы, не в обиду будь сказано, погибнете с позором, ибо вы стали посмешищем для тех, кто совращает вас с пути истинного.

— Посмешищем! — воскликнул Найджел, подобно всем юношам более чувствительный к насмешкам, нежели к доводам разума. — Кто дерзнул смеяться надо мной?

— Милорд, это так же верно, как то, что я не могу жить без хлеба... Нет, еще больше — как то, что я правдивый человек: я думаю, ваша светлость никогда не слышали, чтобы с языка Ричи сходило что-нибудь, кроме чистой правды, разве только честь вашей светлости, благо моей родины или, быть может, иногда мои собственные мелкие делишки делали излишним обнародование всей правды... Так вот я и говорю, так же верно, как то, что я правдивый человек; когда я увидел этого беднягу в зале ресторации, будь она проклята богом и людьми — да простит мне небо мои проклятия! — со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками, с беретом, надвинутым на лоб от отчаяния, Бесенок и говорит мне: «Начисто ошипал несчастного цыпленка твой господин; его светлость с петухами в драку не ползет». И сказать по правде, ваша светлость, все лакеи и кавалеры, а в осо-

бенности ваш названный брат, лорд Дэлгарно, все вас ястребом-перепелятником зовут. Я уж хотел было Лутину башку проломить за эти слова, да не стоило руки марать из-за такого пустяка.

— Они смеют так называть меня? — воскликнул лорд Найджел. — Проклятие! Дьявол!

— И дьяволица, милорд, — добавил Ричи, — они здесь все трое хозяйничают в Лондоне. А еще Лутин и его хозяин смеялись над вами, милорд, что будто бы вы — даже стыдно сказать, — что вы были слишком внимательны к жене почтенного человека, из дома которого вы только что выехали — нехорош он стал для вас при теперешней роскошной жизни, — и что вы, похваляясь ее благосклонностью, говорят эти беспутные насмешники, не имели достаточно смелости, чтобы вступить из-за нее в ссору, и что ястреб-перепелятник слишком труслив, чтобы наброситься на жену сыровара.

Он на мгновение умолк и устремил неподвижный взгляд на лицо своего господина, пылавшее от стыда и гнева, затем продолжал:

— Милорд, я справедливо судил о вас и о самом себе; если бы не Ричи, подумал я, он глубоко погряз бы в распутстве и в других пороках.

— Что еще за новый вздор ты выдумал, чтобы досадить мне? — воскликнул лорд Найджел. — Но продолжай, ибо тебе больше уже не придется изводить меня своими дерзостями, продолжай и не теряй напрасно времени.

— Клянусь честью, так я и сделаю. И раз уж бог дал мне язык, чтобы говорить и давать советы...

— И тебя никак нельзя упрекнуть в том, что ты зарыл свой талант в землю, — прервал его лорд Гленварлох.

— Совершенно справедливо, милорд, — сказал Ричи, снова сделав знак рукой, как бы призывая своего господина к молчанию и вниманию, — надеюсь, вы будете так думать через некоторое время. И раз уж я собираюсь оставить свою службу у вас, надо вам знать правду, чтобы вы могли заметить ловушки, в которые может завлечь вас ваша юность и

неопытность, когда рядом с вами не будет уже рас­судительных людей, умудренных житейским опытом. Тут кумушка какая-то все о вас расспрашивала, милорд, здоровая такая, красивая, лет под сорок, а то и больше.

— Что ей надо было от меня? — спросил лорд Найджел.

— Перво-наперво, милорд, — ответил мудрый слуга, — вижу я, женщина она воспитанная, любит умное общество, и я охотно вступил с ней в разговор.

— В этом я не сомневаюсь, — заметил лорд Найджел, — и ты так же охотно рассказал ей про все мои дела.

— Вот уж это нет, милорд, — сказал слуга. — Хотя она и расспрашивала меня о вашей жизни, о вашем богатстве, о ваших здешних делах, а я думаю, не годится мне говорить ей всю правду касательно этого.

— Никто не давал тебе права, — сказал лорд Найджел, — рассказывать этой женщине правду или ложь о вещах, которые ее совершенно не касаются.

— Я тоже так думал, милорд, — ответил Ричи, — и я не сказал ей ни того, ни другого.

— А что же ты тогда все-таки рассказал ей, не­сносный болтун? — воскликнул его господин, выведенный из терпения его болтовней, но с любопытством ожидавший, чем все это кончится.

— Я рассказал ей, — продолжал Ричи, — о вашем богатстве и о других вещах то, что не соответствует правде в настоящее время, но что было правдой раньше, должно было бы быть правдой сейчас и снова будет правдой, а именно — что вы владелец большого поместья, хотя пока у вас только права на него. Мы очень приятно беседовали об этом и о других вещах, пока она не сбросила маску и не стала рассказывать мне про какую-то девушку, которая, мол, очень благосклонно относится к вашей светлости, и ей очень хотелось бы поговорить с вами об этом наедине. Но когда я услышал такие намеки, я понял, что она не многим лучше... н-да-а! — И он

закончил свой рассказ тихим, но весьма выразительным свистом.

— И что же подсказала тебе твоя мудрость в таких обстоятельствах? — спросил лорд Найджел, несмотря на недавний гнев, едва удерживаясь от смеха.

— Я так взглянул на нее, милорд, — ответил Ричи, грозно нахмурившись, — что у нее пропадет всякая охота бегать по таким поручениям. Я ей напрямик сказал, что я думаю о всех этих гнусностях, и пригрозил ей позорным стулом; а она, в свою очередь, обозвала меня упрямым шотландским мужланом — и мы расстались, чтобы никогда больше не встречаться, как я надеюсь. И таким образом я спас вашу светлость от искушения, которое могло оказаться хуже всякой ресторации или театра, ибо вы прекрасно знаете, что говорит Соломон, царь иудейский, о чужой жене. Ну, думаю, мы уже пристрастились к игре в кости, и если мы теперь еще пристрастимся к шлюхам, одному богу известно, до чего мы дойдем.

— Твоя дерзость заслуживает наказания, но это последняя дерзость, которую мне придется прощать, во всяком случае в ближайшее время, и я прощаю ее, — сказал лорд Гленварлох. — И так как нам предстоит расстаться, Ричи, мне хотелось бы только сказать относительно твоих предостережений по моему адресу, что ты мог бы предоставить мне действовать по моему собственному усмотрению.

— Ну уж нет, — ответил Ричи, — ну уж нет. Мы слабые создания и лучше умеем судить о поступках других, нежели о наших собственных. А что до меня самого, если не считать этого дела с прощением, ведь с каждым могло случиться такое; я всегда замечал за собой, что я благоразумнее поступаю, когда делаю что-нибудь для вашей светлости, чем в делах, которые мне приходится вести в собственных интересах, — их я всегда откладывал, как и следует в моем положении.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал лорд Найджел, — ибо ты всегда был верным и преданным слугой. И так как Лондон тебе не по душе, то мы вско-

ре распрощаемся; ты можешь отправляться в Эдинбург и ждать там моего возвращения, так как надеюсь, что ты вновь поступишь ко мне на службу.

— Да благословит вас господь, милорд, — сказал Ричи Мониплайз, подняв глаза к небу, — ибо за эти две недели я еще не слышал от вас такого милостивого слова. Прощайте, милорд.

С этими словами он протянул свою огромную костлявую руку, схватил руку лорда Гленварлоха, поднес ее к губам, затем резко повернулся на каблуках и поспешно вышел из комнаты, словно боясь проявить слишком большую чувствительность, не соответствующую его представлениям о приличии. Лорд Найджел, несколько удивленный его внезапным уходом, спросил вдогонку, хватит ли ему денег. Но Ричи вместо ответа лишь мотнул головой, поспешно сбежал вниз по лестнице, с силой захлопнул за собой дверь и зашагал по Стрэнду.

В течение некоторого времени его господин, стоя у окна, невольно провожал взглядом высокую, сухопарую фигуру своего бывшего слуги, пока она не скрылась в толпе прохожих. Найджел не совсем был доволен собой. Не очень-то хорошей рекомендацией его образу жизни (он не мог не признаться в этом себе самому) было то обстоятельство, что столь преданный слуга, видимо, уже не испытывал той гордости за свою службу и не чувствовал такой привязанности к своему господину, как прежде. Он не мог также отделаться от угрызений совести при мысли об упреках, брошенных ему Ричи, и испытывал чувство стыда и унижения, вспоминая о том, в каком видеставляли окружающие его поведение, которое он сам называл бы осторожностью и умеренностью в игре. Он мог извинить себя лишь тем, что ему самому это не представлялось в таком свете.

Затем гордость и самолюбие подсказали ему, что, с другой стороны, Ричи, несмотря на все свои добрые намерения, был всего лишь тщеславным, назойливым слугой, склонным играть скорее роль наставника, нежели лакея, который из любви к своему господину, как он уверял, присвоил себе право вмешиваться

в его поступки и контролировать их, одновременно делая его посмешищем веселой компании своей старомодной церемонностью и навязчивой самонадеянностью манер.

Едва только Найджел отвернулся от окна, как его новый хозяин, войдя в комнату, подал ему записку, тщательно перевязанную шелковой ленточкой и запечатанную. Ее оставила женщина, сказал он, которая не хотела ждать ни секунды. В послании повторялась та же песня, которой Ричи уже терзал уши Найджела. Оно начиналось следующими словами:

«Для передачи в руки высокочтимому

лорду Гленварлоху

от неизвестного друга.

Милорд,

вы доверяете бесчестному другу и позорите доброе имя честного человека. Неизвестный, но истинный друг вашей светлости в нескольких словах расскажет вам то, что вы не узнаете от ваших льстецов за много дней и чего было бы достаточно, чтобы погубить вашу жизнь. Тот, в чьей преданности вы совершенно уверены — я имею в виду вашего друга лорда Дэлгарно, — обманывает вас и под предлогом дружбы стремится только к тому, чтобы лишить вас вашего состояния и унижить ваше доброе имя, при помощи которого вы могли бы приумножить его. Сердечное сочувствие, которое он проявляет по отношению к вам, опаснее хмурых взглядов принца, так же как выигрывать в ресторации Божё позорнее, чем проигрывать. Остерегайтесь того и другого.

На этом заканчивает свое письмо ваш верный, но безымянный друг.

Неизвестный».

Лорд Гленварлох смял письмо, потом расправил его и вновь внимательно перечитал, нахмурился, на минуту задумался и затем разорвал его на мелкие клочки, воскликнув при этом:

— Подлая клевета! Но я буду начеку... Я буду наблюдать...

Всевозможные мысли проносились в его голове, но в конце концов, недовольный результатами своих размышлений, он решил рассеяться и, надев плащ и шляпу, отправился погулять в парк.

Глава XV

Однажды, помню, старый пес Фингал Злосчастного зайчонка повстречал.
Назад лет пять среди самых быстроногих
Ему под стать нашли бы вы немногих.
Породою — сошлюсь на знатоков —
Он славился меж сотен гончих псов.
Напрасно удирал зверек дрожащий,
Скрываясь в ямке, под кустом и в чаще;
Он прыток был, но был Фингал умен —
В конце концов настиг зайчонка он.
Вот так за мной охотилась столица:
Враждебные глаза, чужие лица,
И сквозь парадный звон и суету
Мне слышалось: «Ату его, ату!»
Я был затравлен яростью слепую,
Раздавлен, смят бездушною толпою.

Сент-Джеймский парк, расширенный, обсаженный зеленеющими деревьями и всячески украшенный в царствование Карла II, уже в дни его дедушки служил местом увеселительных прогулок, и представители высшего общества нередко посещали его для развлечений и верховой езды.

Лорд Гленварлох направился туда, чтобы разогнать неприятные мысли, навеянные разлукой с верным оруженосцем Ричи Мониплайзом, обстоятельства которой не тешили его гордости и оскорбляли его лучшие чувства, а также упомянутым в конце предыдущей главы анонимным письмом, подтверждавшим намеки его бывшего слуги.

Когда он вошел в парк, там было много гуляющих, но так как его теперешнее состояние духа заставляло его избегать общества, он старался дер-

жаться в стороне от самых людных аллей, ведущих к Уэстминстеру и Уайтхоллу, и направился к северному концу ограды, или, как мы сказали бы сегодня, к Пикадилли, полагая, что там он сможет беспрепятственно предаться своим мыслям или, вернее, бороться с ними.

Однако ожидания лорда Гленварлоха не оправдались, ибо, когда он медленно прогуливался по аллеям, запахнувшись в плащ и надвинув шляпу низко на лоб, на него внезапно налетел сэр Манго Мэлегроутер, который, то ли потому, что он избегал людей, то ли потому, что люди избегали его, уединился или вынужден был искать уединения в том же самом укромном уголке парка.

Найджел вздрогнул, услышав резкий, раздраженный голос благородного кавалера, и его охватила тревога, когда он увидел ковыляющую навстречу ему высокую тощую фигуру, завернутую в потертый плащ, некогда алый, но утративший свою первоначальную окраску от множества покрывавших его разноцветных пятен. Голова кавалера была увенчана выдавшей виды касторовой шляпой, а черной бархатной лентой вместо цепочки и с петушиным пером вместо страусового плюмажа.

Лорд Гленварлох предпочел бы уклониться от этой встречи, но, как говорится в нашем эпитафье, нелегко зайчонку уйти от бывалой борзой. Сэр Манго, чтобы продолжить то же сравнение, давно уже научился подкрадываться к кроликам и хватать свою добычу мертвой хваткой.

Найджел вынужден был остановиться и ответить на избитый вопрос:

— Что нового сегодня?

— Кажется, ничего особенного, — ответил молодой лорд, пытаясь пройти дальше.

— О, вы, наверно, направляетесь во французскую ресторацию, — сказал благородный кавалер, — но еще слишком рано. А пока мы прогуляемся по парку; это возбудит ваш аппетит.

С этими словами он спокойно взял лорда Гленварлоха под руку, несмотря на сдержанное сопротив-

ление, которое его жертва пыталась оказать ему, плотно прижав локоть к боку, и, вцепившись в свою добычу, потащил ее за собой.

Найджел был мрачен и молчалив, надеясь избавиться от неприятного спутника, но сэр Манго твердо решил заставить его по крайней мере слушать, если уж нельзя было заставить его говорить.

— Итак, вы направляетесь в ресторацию, милорд? — продолжал циник. — Что ж, лучше ничего не придумаешь. Там собирается избранное общество, как я слышал — специально подобранное, чтобы с ним было приятно встречаться молодым аристократам, и ваш высокородный отец был бы очень рад видеть вас в такой почтенной компании.

— Я думаю, — сказал лорд Гленварлох, считая, что он должен сказать хоть что-нибудь, — компания там не лучше, чем в других местах подобного рода, где дверь не закрывают перед носом тех, кто приходит туда, чтобы промотать свои деньги.

— Вы правы, милорд, совершенно правы, — сказал его мучитель и разразился довольным, но весьма неприятным смехом. — Эти неотесанные горожане и мужланы так и лезут к нам, стоит только приоткрыть дверь хотя бы на один дюйм. А какое существует против этого средство? А вот какое: раз их деньги придают им такую самоуверенность, надо облегчить их карманы. Нужно драть с них шкуру, милорд, травить их, как травят крыс на кухне, чтобы отбить у них охоту совать к нам свой нос. Да, да, нужно ощипать их, подрезать им крылья, чтобы неповадно было этим жирным каплунам залетать так высоко, милорд, наравне с соколами да ястребами.

При этих словах сэр Манго устремил на Найджела быстрый пронизывающий взгляд. Его серые глаза испытующе смотрели на юношу, наблюдая за действием сарказма, подобно тому как хирург во время сложной операции следит за движением своего скальпеля.

И хотя Найджел старался скрыть свои чувства, он все же вздрогнул во время этой операции, тем

самым невольно доставив удовольствие своему мучителю. Он покраснел от досады и гнева, но, чувствуя, что ссора с сэром Манго Мэлегроутером сделала бы его невыразимо смешным, только пробормотал про себя:

— Наглый хлыщ!

На этот раз несовершенство слухового органа сэра Манго не помешало ему услышать эти слова и откликнуться на них.

— Да, да! Совершенно справедливо, — воскликнул язвительный старый придворный, — наглые хлыщи, которые вторгаются в высшее общество! Но ваша светлость умеете с ними расправляться — у вас есть к этому сноровка. Любо было смотреть, как вы в прошлую пятницу наголову разбили этого молодого лавочника, как вы сняли с него его *spolia opima*¹ вместе со всей звонкой монетой, которая была при нем, и серебряными пуговицами на его плаще и отравили его пастись вместе с Навуходоносором, царем вавилонским. Честь и слава вашей светлости за это! Говорят, молодчик в припадке отчаяния бросился в Темзу. Этого добра еще хватит, хоть немало их полегло на Флодденском поле.

— Вам наврали про меня с три короба, сэр Манго, — сказал Найджел громким суровым голосом.

— Весьма возможно, весьма возможно, — продолжал невозмутимый и неустрашимый сэр Манго, — в этом обществе ничего, кроме лжи, не услышишь. Так, значит, этот молодец не утопился? Очень жаль. Да я никогда и не верил этой части рассказа — лондонские лавочники не так-то легко теряют голову в гневе. Готов поклясться, что этот малый взял хорошую метлу и метет сточные канавы в поисках ржавых гвоздей, чтобы снова открыть свою лавочку. Говорят, у него трое детей; они помогут ему рыться в помойных ямах. Если их поиски увенчаются успехом, ваша светлость сможете разорить его еще раз.

— Ну и здорово же он мне надоел! — вслух подумал Найджел, не зная, на что решиться — встать ли в гневе на защиту своей репутации или просто от-

¹ Доспехи (лат.).

толкнуть старого мучителя. Но минутное размышление убедило его в том, что то и другое придало бы характер правдоподобия слухам, которые, как он начинал замечать, вредили его репутации как в высшем, так и в низшем обществе. Поэтому он быстро принял более мудрое решение и предпочел терпеливо выслушивать нарочитые дерзости сэра Манго, надеясь, если возможно, узнать, из каких источников исходили слухи, столь пагубные для его доброго имени.

Тем временем сэр Манго, как обычно, подхватил последние слова Найджела, или, вернее, отзвук этих слов, по-своему истолковав и разукрасив их.

— Здорово везет?! — повторил он. — Да, поистине, милорд, я слышал, что вам здорово везет и что вы умеете обходиться с этой бездушной кокеткой, госпожой Фортунной. Как хитрый тихоня, вы хотите только греться в лучах ее улыбок, избегая ее хмурых взглядов. Это называется брать быка за рога.

— Сэр Манго Мэлегроутер, — сказал лорд Гленварлох серьезным тоном, поворачиваясь к своему спутнику, — сообразовалите выслушать меня.

— Если только смогу, милорд, если только смогу, — сказал сэр Манго, качая головой и показывая пальцем левой руки на свое ухо.

— Я постараюсь говорить как можно громче, — сказал Найджел, вооружаясь терпением. — Вы считаете меня завзятым игроком. Даю вам слово, что это не так; вас ввели в заблуждение. Вы должны дать мне некоторые объяснения, по крайней мере относительно источника, из которого вы получили такие ложные сведения.

— Я ни от кого не слышал, что вы *великий* игрок, и я никогда не думал и не говорил ничего подобного, милорд, — сказал сэр Манго, не считавший возможным уклониться от ответа на столь громко и ясно произнесенные слова Найджела. — Я повторяю, что никогда не слышал, не говорил и не думал, что вы завзятый игрок, как называют самых крупных из них. Видите ли, милорд, я называю игроком того, кто играет с людьми, обладающими равными денежными средствами и равным умением, и не спорит с судьбой,

везет ему или не везет, и я называю завзятым, или первоклассным, игроком того, кто, не задумываясь, смело идет на риск. Но того, милорд, у кого хватает терпения и благоразумия играть только на мелкие ставки, не превышающие рождественских чаевых мальчика из бакалейной лавки, кто тягается с теми, которые не могут рисковать многим, и кто поэтому может, имея в кармане больше денег, всегда ободрать их, дождавшись того момента, когда удача вновь вернется к нему, и кто бросает игру, как только счастье отворачивается от него, — такого человека, милорд, я не могу назвать великим игроком, какой бы титул он ни носил.

— И вы хотите сказать, что я именно такой низкий, подлый негодяй, — ответил лорд Гленварлох, — который боится искусного игрока и обдирает неопытного, который избегает играть с равными себе, чтобы тем вернее грабить людей, стоящих ниже его? Так, насколько я понимаю, говорят обо мне?

— Нет, милорд, вы ничего не добьетесь от меня, если будете говорить со мной таким тоном, — сказал сэр Манго, чья язвительность находила поддержку в чисто животной смелости (к тому же он был совершенно уверен в своей безнаказанности, дарованной ему шпагой сэра Ральона Рэтрея и дубинками приспешников леди Кокпен). — А что касается правдивости этих сведений, — продолжал он, — ваша светлость прекрасно знаете, что вы никогда еще не проигрывали больше пяти золотых за один вечер, с тех пор как начали посещать заведение Божё, что вы почти всегда вставали из-за стола с выигрышем и что порядочные молодые кавалеры, посещающие ресторацию — я имею в виду юношей благородного происхождения и со средствами, — не имеют обыкновения играть таким образом.

— Мой отец был прав, — сказал лорд Гленварлох с горечью, — и его проклятие справедливо преследовало меня с того момента, как я впервые переступил порог этого дома. Сам воздух там насыщен заразой, и тот, кому удастся избежать разорения, потеряет свою честь и доброе имя.

Сэр Манго, наблюдавший за своей жертвой восхищенным и в то же время осторожным взглядом опытного рыболова, понял, что если он натянет лесу слишком туго, добыча легко может сорваться. Поэтому, чтобы не спугнуть свою жертву, он выразил надежду, что лорд Гленварлох не примет его откровенную речь *in malam partem*.¹

— Если вы иногда и были чересчур осторожны в ваших развлечениях, милорд, — продолжал он, — нельзя отрицать, что это самый надежный способ предотвратить дальнейшее уменьшение вашего и без того расстроенного состояния! И если вы играете с людьми, стоящими ниже вас, вы избавлены от неприятности прикармливать деньги ваших друзей и людей вашего круга, не говоря уже о том, что эти плебейские мошенники пользовались преимуществом *tecum certâsse*,² как говорит Аякс Теламон — *arud Metamorphoses*;³ для таких людей честь играть с шотландским лордом — достаточное вознаграждение за потери их ставок, и должен сказать, что большинство из этих скряг может позволить себе такую роскошь.

— Как бы там ни было, сэр Манго, — сказал Найджел, — я хотел бы знать...

— Да, да, — перебил его сэр Манго, — и, как вы говорите, кому какое дело, могут ли эти жирные васанские быки расстаться со своими деньгами или нет? Джентльмены не должны ограничивать свои забавы из-за подобных людей.

— Я хочу знать, сэр Манго, — сказал лорд Гленварлох, — в каком обществе вы слышали эти оскорбительные подробности относительно меня.

— Несомненно, несомненно, милорд, — сказал сэр Манго, — я всегда слышал и всегда сам говорил, что ваша светлость в частной жизни обращаетесь в самом лучшем обществе. Так, например, прекрасная графиня Блэкчестер, — но мне кажется, она не очень-то

¹ В дурном смысле (лат.).

² С тобой сразиться (лат.).

³ В «Метаморфозах» (лат.).

часто показывается в свете после истории с его светлостью герцогом Бакингом. И еще добрый старомодный шотландский дворянин лорд Хантинглен, несомненно весьма достойный человек, — жаль только, что он слишком часто подносит к губам свой кубок, иной раз это вредит его репутации. А веселый молодой лорд Дэлгарно, скрывающий под длинными выющимися локонами влюбленного юноши житейскую мудрость убеленного сединами старца... Превосходной породы все трое — отец, дочь и сын, все потомки одного и того же древнего рода. Я думаю, не стоит упоминать о Джордже Гериоте, человеке, несомненно, честном, когда мы говорим о дворянстве. Вот общество, в котором вы вращаетесь, милорд, как я слышал, если не считать ресторации.

— В самом деле, мое общество почти ограничено теми лицами, которых вы упомянули, — сказал лорд Гленварлох, — и наконец.

— Во дворец? — переспросил сэр Манго. — Я как раз хотел поговорить с вами об этом. Лорд Дэлгарно рассказывал мне, что не может уговорить вас поехать во дворец, а это не в ваших интересах, милорд, — король слышит о вас от других, вместо того чтобы видеть вас лично. Я говорю это, движимый самыми дружескими чувствами, милорд. Говорят, недавно при упоминании вашего имени его величество воскликнул: «*Jacta est alea!*¹ Гленварлохид стал игроком и пьяницей!» Лорд Дэлгарно вступился за вас, но его голос потонул в общем хоре придворных, утверждавших, что вы ведете рассеянный образ жизни и вашей баронской короне грозит опасность затеряться среди берегов горожан.

— И так говорили обо мне открыто, — спросил Найджел, — и в присутствии короля?

— Говорили открыто? — переспросил сэр Мэлегроутер. — Ну, разумеется, то есть все тайком шептали друг другу на ухо, а это самое открытое разглашение слухов, какое только можно себе представить. Ведь надо думать, что королевский двор не

¹ Жребий брошен! (лат.).

такое место, где все друг с другом запанибрата и орут во все горло, как в ресторации.

— Будь проклят королевский двор вместе с ресторацией! — нетерпеливо воскликнул Найджел.

— От всей души присоединяюсь к вам, — сказал благородный кавалер. — Моя служба при дворе не много мне дала, а в ресторации я проиграл в прошлый раз четыре золотых.

— Могу я попросить вас, сэр Манго, — сказал Найджел, — назвать мне имена тех, кто позволяет себе порочить доброе имя человека, которого они едва ли могут знать и который никогда не оскорбил никого из них?

— Разве я уже не говорил вам, — ответил сэр Манго, — что сам король высказался в таком духе, а также и принц? И можно поклясться перед алтарем, что при таких обстоятельствах все присутствующие, если только они не молчали, пели ту же самую песню.

— Вы только что сказали, — возразил Гленварлох, — что лорд Дэлгарно вступился за меня.

— Сущая правда, — ответил сэр Манго, насмешливо улыбаясь, — но его голос быстро заглушили — он, вероятно, был простужен и хрипел, как старый ворон. Бедняга! Если бы он мог говорить полным голосом, несомненно, его выслушали бы так же внимательно, как если бы он отстаивал свои собственные интересы, в чем никто не может сравниться с ним. Кстати, разрешите спросить вас, — продолжал сэр Манго, — лорд Дэлгарно представил вашу светлость принцу или герцогу Бакингему? Они могли бы быстро уладить ваше дело.

— Я не претендую на благосклонность принца или герцога Бакингема, — сказал лорд Гленварлох. — Так как вы, видимо, посвятили себя изучению моих дел, сэр Манго, хотя, быть может, без особой на то нужды, вы, вероятно, слышали, что я подал своему монарху прошение об уплате долга, причитающегося моей семье. Я не могу сомневаться в стремлении короля соблюдать справедливость; не подобает мне также прибегать к помощи его высочества

принца или его светлости герцога Бакингема, чтобы получить от его величества то, что он должен даровать мне по праву, но в чем он может отказать мне наотрез.

Причудливые черты лица сэра Манго исказились одной из его самых уродливых усмешек, когда он ответил:

— Ваше дело совершенно ясно и бесспорно, милорд; и то, что вы полагаетесь на это, показывает, что вы прекрасно знаете характер короля, придворных и всего рода человеческого вообще. Но кто это? Отойдите в сторону, милорд, и дайте дорогу. Клянусь честью, это как раз те люди, о которых мы только что говорили. Легки на помине!

Здесь необходимо заметить, что во время беседы лорд Гленварлох, быть может в надежде избавиться от сэра Манго, направил шаги в более людную часть парка, и благородный кавалер не отставал от него, совершенно не обращая внимания на то, в каком направлении они шли, лишь бы не выпустить из когтей своего собеседника. Однако они были еще довольно далеко от более оживленной части парка, когда опытный глаз сэра Манго заметил признаки, послужившие поводом для его последних слов, обращенных к лорду Гленварлоху.

Среди многочисленных групп людей, гулявших в нижней части парка, послышались приглушенные почтительные возгласы. Сначала гуляющие собирались кучками и лица их были обращены к Уайтхоллу, затем они расступились, чтобы дать дорогу блестящей компании кавалеров, шествовавших по аллее парка со стороны дворца среди толпы, стоявшей с обнаженными головами.

Большинство из этих придворных кавалеров было одето в костюмы, с которыми кисть Ван-Дейка познакомила нас еще около двух столетий тому назад и которые как раз в эту эпоху начали вытеснять более легкомысленные и пышные наряды, заимствованные от французского двора Генриха IV.

Все кавалеры были с обнаженными головами, за исключением принца Уэльского, впоследствии самого

несчастливого из британских монархов, шедшего впереди в испанской шляпе с одиноким поникшим страховым пером, бросавшей тень на его длинные выходящие каштановые локоны и лицо, уже в ранней юности омраченное предчувствием скорби грядущих лет. Справа от него шел Бакингом, чьи властные и в то же время изящные манеры почти затмевали величественную осанку принца, которого он сопровождал. Взгляд, походка и жесты этого блестящего придворного были так спокойны и так строго следовали этикету, подобающему его положению, что составляли резкий контраст с развязным весельем и легкомыслием, которыми он снискал благосклонность своего «дорогого папы и куманька», короля Иакова. Странный жребий выпал на долю этого изысканного придворного, ставшего всемогущим фаворитом отца и сына, столь различных по характеру; чтобы снискать расположение юного принца, ему приходилось втискивать в тесные рамки почтительного ритуала свой веселый, игривый нрав, пленивший пожилого отца.

Правда, Бакингом прекрасно знал столь различные характеры Иакова и Карла, и ему нетрудно было так менять свое поведение, чтобы сохранить самую неограниченную благосклонность обоих.

Предполагали, как мы уже указывали ранее, что герцог, после того как ему удалось окончательно завоевать расположение Карла, не лишился благосклонности отца только благодаря деспотизму привычки и что если бы Иаков смог проявить больше решительности, в особенности в последние годы своей жизни, он, вероятно, лишил бы Бакингема своей милости и роли главного советчика. Но если даже король и думал когда-нибудь о такой перемене, он был слишком робок и слишком привык к влиянию, которое герцог оказывал на него в течение столь долгого времени, чтобы набраться решимости, необходимой для осуществления этих намерений; во всяком случае, Бакингему, пережившему своего властелина, который вознес его на такую высоту, несомненно, выпало на долю редкое счастье не переживать сумерек своей блестящей придворной карьеры на протяжении

царствования двух монархов, пока наконец она не померкла, обгаренная его собственной кровью, брызнувшей из-под кинжала его убийцы Фелтона.

Но мы отвлеклись от нашего повествования: принц приближался вместе со своей свитой к тому месту, где стояли лорд Гленварлох и сэр Манго, отошедшие в сторону, как того требовал этикет, чтобы дать принцу дорогу и оказать ему подобающие почести. Найджел увидел лорда Дэлгарно, который следовал по пятам за герцогом Бакингом и, как ему показалось, шептал что-то ему на ухо. Во всяком случае, внимание принца и герцога Бакингема по какой-то причине было приковано к Найджелу, ибо они пристально смотрели в его сторону: принц — с выражением мрачной печали и суровости, тогда как во взгляде Бакингема светилось презрительное торжество. Лорд Дэлгарно, видимо, не замечал своего друга; быть может, потому, что лучи солнца падали с той стороны аллеи, на которой стоял Найджел, и Малколм вынужден был защитить глаза от света своей шляпой.

Когда принц поравнялся с ними, лорд Гленварлох и сэр Манго почтительно поклонились, и принц, ответивший на их поклон с торжественной церемонностью, отдающей должное каждому в соответствии с его званием, но ни капли больше, сделал сэру Манго знак приблизиться. Начав извиняться за свою хромоту с первого шага и закончив извинения лишь тогда, когда он, прихрамывая, дошел до принца, сэр Манго стал внимательно слушать его и, видимо, давал вразумительные ответы на вопросы, произносимые столь тихим голосом, что благородный кавалер остался бы глух к ним, если бы их задавал любой человек, стоящий ниже принца Уэльского. После минутной беседы принц снова бросил на Найджела пристальный взгляд, приведя его тем самым в некоторое замешательство, простился с сэром Манго, слегка коснувшись рукой шляпы, и продолжал свой путь.

— Все так, как я подозревал, милорд, — сказал сэр Манго, придав своему лицу выражение, которое должно было означать печаль и сочувствие, а в дей-

ствительности напоминало гримасу обезьяны, сунувшей себе в рот горячий каштан. — У вас есть друзья наизнанку, милорд, то есть ложные друзья... или, попросту говоря, враги... среди приближенных принца.

— Мне очень неприятно это слышать, — сказал Найджел, — но я хотел бы знать, в чем они меня обвиняют.

— Вы услышите, милорд, — продолжал сэр Манго, — слова самого принца. «Сэр Манго, — сказал он, — мне очень приятно вас видеть, и я рад, что ваш ревматизм не мешает вам совершать такие прогулки». Я поклонился, как подобает, — вы, вероятно, сами видели, милорд; на этом закончилась первая часть нашей беседы. Затем его высочество спросил меня, не с молодым ли лордом Гленварлохом я стоял. Я ответил, что вы действительно то самое лицо, к услугам его высочества; на этом закончилась вторая часть. В-третьих, продолжая разговор, его высочество сказал, что он действительно слышал, что это так — имея в виду, что он слышал о том, что вы именно то самое лицо, — но что он не может поверить тому, что наследник благородного, но разорившегося рода ведет праздный, скандальный и сомнительный образ жизни, посещая лондонские кабачки и таверны, в то время как в Германии гремят барабаны и развеваются королевские знамена в защиту дела пфальцграфа, зятя его величества. Ваша светлость понимает, что мне не оставалось ничего другого, как отвесить низкий поклон, и милостивое «желаю вам всего хорошего, сэр Манго Мэлегроутер» позволило мне вернуться к вашей светлости. А теперь, милорд, если ваши дела или развлечения призывают вас в ресторацию или куда-нибудь в направлении города, что ж, идите, ибо, несомненно, вы сами понимаете, что и так слишком долго задержались в парке. Они, вероятно, повернут обратно, дойдя до конца аллеи, и вернутся этой же дорогой, а вам, я думаю, достаточно ясно дали понять, чтобы вы не торопились попадаться принцу на глаза.

— Вы можете оставаться здесь или идти куда вам угодно, сэр Манго, — сказал Найджел спокойным

тоном, в котором, однако, звучала глубокая обида, — что же касается меня — решение принято. Я не уйду с этой аллеи в угодую кому бы то ни было, тем более я не уйду отсюда, когда мне говорят, что я недостойн показываться в королевском парке. Надеюсь, что принц и его свита вернутся той же дорогой, как вы предполагаете, я не двинусь с места и не побоюсь бросить им вызов.

— Бросить им вызов! — воскликнул сэр Манго в крайнем удивлении. — Бросить вызов принцу Уэльскому, законному наследнику двух королевств! Клянусь честью, в таком случае вам придется бросить ему вызов без меня.

Он уже собирался поспешно покинуть Найджела, но внезапно необычный порыв добродушного сочувствия к его юности и неопытности, видимо, несколько смягчил сердце закоренелого циника.

«Черт меня дернул, старого дурака! — подумал сэр Манго. — Очень-то мне надо, мне, столь немногим обязанному судьбе и людям, очень-то мне надо, говорю я, беспокоиться об этом вертопрахе, упрямом как поросенок, одержимый дьяволом, — это их семейная черта; и все же я могу дать ему полезный совет».

— Мой дорогой юный лорд Гленварлох, поймите меня как следует, ведь это не шутка. Когда принц сказал мне то, что я повторил вам, это было равносильно приказанию не попадаться больше ему на глаза; поэтому послушайтесь совета старика, который желает вам добра, быть может, даже чуточку больше, чем кому бы то ни было на свете. Пригнитесь, и пусть грозный вал прокатится над вашей головой. Идите к себе домой, как подобает пай-мальчику, не переступайте порога таверн, не прикасайтесь к картам, улаживайте спокойно свои дела, поручите их кому-нибудь, кто пользуется при дворе большей благосклонностью, чем вы сами, и вы получите кругленькую сумму, с которой сможете попытаться счастья в Германии или в какой-нибудь другой стране. Четыре или пять веков назад один удачливый смелый воин основал ваш род, и если вы проявите доблесть и вам улыбнется счастье, быть может вам удастся

восстановить его бывшее величие. Но, поверьте мне, здесь, при дворе, вы никогда не добьетесь успеха.

Когда сэр Манго закончил свои увещания, в которых было больше искреннего сочувствия к судьбе ближнего, чем он до сих пор проявлял по отношению к кому-либо, лорд Гленварлох ответил:

— Я весьма обязан вам, сэр Манго. Мне кажется, вы говорили искренне, и я признателен вам. Но в благодарность за ваш добрый совет я от всего сердца умоляю вас оставить меня. Я вижу, принц со своей свитой возвращается по аллее, и, оставаясь со мной, вы можете повредить себе, но не сможете помочь мне.

— Вы правы, — сказал сэр Манго. — Будь я лет на десять моложе, я не устоял бы против искушения встретиться с ними еще раз. Но когда стукнет шестьдесят, храбрость начинает остывать, и если не можешь заработать себе на жизнь, нельзя рисковать скромным пособием на старости лет. Желаю вам удачи, милорд, но это неравный бой.

С этими словами он повернулся и удалился своей прихрамывающей походкой, то и дело оглядываясь назад, словно его пылкий нрав, хотя и несколько смирившийся за последние годы, и любовь к спорам мешали ему поступить так, как того требовала его собственная безопасность.

Найджел, покинутый своим спутником, о котором он при прощании думал лучше, нежели при появлении, стоял, скрестив руки на груди, прислонившись к одинокому дереву, раскинувшему свои ветви над самой аллеей, полный решимости выдержать эту встречу, от которой, как он думал, зависела его судьба. Но он ошибся, полагая, что принц Уэльский заговорит с ним и станет выслушивать его объяснения в таком людном месте, как парк. Однако он не остался незамеченным, ибо, когда он отвесил почтительный, но надменный поклон, давая понять взглядом и всем своим видом, что ему известно неблагоприятное мнение, столь недавно высказанное о нем принцем, и что это не страшит его, в ответ на его приветствие Чарлз так грозно нахмурил брови, как способны делать только те, чей грозный взгляд решает

судьбы людей. Свита прошла мимо, и герцог Бакин-
гем, видимо, даже не заметил лорда Гленварлоха,
тогда как лорд Дэлгарно, хотя солнечные лучи уже
не мешали ему, быть может все еще ослепленный их
недавним блеском, устремил взор в землю.

Лорд Гленварлох с трудом сдерживал негодова-
ние, но при таких обстоятельствах было бы безумием
дать ему волю. Он отошел от дерева и последовал
за свитой принца, не теряя ее из виду, что не пред-
ставляло большой трудности, так как она двигалась
очень медленно. Найджел видел, как она направи-
лась по дороге к дворцу, у ворот которого принц
обернулся и поклонился сопровождавшим его вель-
можам, давая им тем самым понять, что они свобод-
ны, и вошел во дворец, сопровождаемый только гер-
цогом Бакингом и двумя конюшими. Остальные
придворные, ответив с должным почтением на про-
щальный поклон принца, разошлись по аллеям парка.

Все это не ускользнуло от внимательного взгляда
лорда Гленварлоха, откинув полу плаща и повернув
портупею так, чтобы рукоятка шпаги была у него
под рукой, он пробормотал:

— Дэлгарно должен мне все объяснить, ибо, не-
сомненно, он посвящен в эту тайну!

Глава XVI

Посторонитесь! Дайте мне пройти!
Ни слова о придворном ритуале!
Я оскорблен был при дворе — и должен
Добиться справедливого суда
Не стойте на дороге! У меня
Есть сердце — и оно таит обиду,
Есть руки — и клянусь я вырву силой
То, в чем откажет мне седой закон!

«Камергер»

Вскоре Найджел увидел лорда Дэлгарно, иду-
щего ему навстречу в сопровождении другого знат-
ного юноши из свиты принца, и так как они направ-
лялись к юго-восточной части парка, он решил, что

они идут к дому лорда Хантинглена. Однако они остановились и свернули в другую аллею, ведущую на север, и лорд Гленварлох понял, что они изменили направление, заметив его и желая избежать встречи.

Найджел не задумываясь последовал за ними по аллее, которая, извиваясь вокруг чащи кустов и деревьев, вновь привела его в менее людную часть парка. Он видел, с какой стороны лорд Дэлгарно и его спутник обогнули чашу, и, быстро пройдя по аллее с другой стороны, встретился с ними лицом к лицу.

— Доброе утро, милорд Дэлгарно, — сухо сказал лорд Гленварлох.

— А! Мой друг Найджел, — воскликнул лорд Дэлгарно своим обычным беззаботным и равнодушным тоном, — мой друг Найджел с челом, омраченным заботами! Но тебе придется подождать до полудня, когда мы встретимся у Божё: сначала мы с сэром Юзом Хелдимандом должны выполнить поручение принца.

— Если бы даже у вас было поручение от короля, милорд, — сказал лорд Гленварлох, — вы должны остановиться и дать мне объяснение.

— Вот тебе и на! — воскликнул лорд Дэлгарно с выражением величайшего удивления. — Что значит эта вспышка гнева? Знаешь, Найджел, это совсем в духе «Царя Камбиза». В последнее время ты слишком часто посещаешь театр. Брось ты эти глупости, мой друг! Питайся супом и салатом, пей настойку из цикория, чтобы охладить свою кровь, ложись спать с заходом солнца и не поддавайся этим злым демонам — гневу и клевете.

— С меня довольно клеветы ваших друзей, — сказал Гленварлох тем же тоном решительного негодования, — в особенности вашей, милорд, прикрываемой личиной дружбы.

— Вот так история! — воскликнул лорд Дэлгарно, повернувшись к Юзу Хелдиманду, как бы ища у него поддержки. — Видали вы такого задорного петуха, сэр Юз? Всего лишь месяц тому назад он не смел

взглянуть в глаза ни одному из этих глупцов; а теперь он король гуляк, обирающий всех простаков, покровитель актеров и поэтов; и в благодарность за то, что я указал ему путь к высокому положению, которое он сейчас занимает в городе, он пришел сюда, чтобы затеять ссору со своим лучшим, если не единственным, другом из приличного общества.

— Я отказываюсь от такой вероломной дружбы, милорд, — сказал лорд Гленварлох. — Я отвергаю клевету, которую вы осмеливаетесь повторять мне в лицо, и прежде чем мы расстанемся, я потребую от вас объяснения.

— Милорды, — вмешался сэр Юз Хелдиманд, — позвольте мне напомнить вам, что королевский парк — неподходящее место для ссор.

— Я буду сводить свои счета там, — воскликнул Найджел, который не знал или в припадке гнева забыл о привилегиях этого места, — где встречу своего врага.

— У вас не будет недостатка в противниках, — спокойно ответил лорд Дэлгарно, — как только вы назовете достаточную причину для ссоры. Сэр Юз Хелдиманд знаком с жизнью при дворе и может заверить вас, что я не отступаю в таких случаях. Но что могло вызвать ваш гнев, после того как вы не видели ни от меня, ни от моей семьи ничего, кроме добра?

— Мне не в чем упрекнуть вашу семью, — ответил лорд Гленварлох. — Она сделала для меня все, что могла, даже больше, гораздо больше, чем я мог бы ожидать; но вы, милорд, называющий меня своим другом, позволяли клеветать на меня, хотя достаточно было бы одного вашего слова, чтобы восстановить мою репутацию; и вот результат — оскорбительный приказ, который я только что получил от принца Уэльского. Молча слушать измышления про своего друга — все равно что самому клеветать на него.

— Вас ввели в заблуждение, милорд, — сказал сэр Юз Хелдиманд. — Я сам часто слышал, как лорд Дэлгарно вставал на защиту вашего доброго имени и выражал сожаление по поводу того, что ваше

страстное увлечение веселой лондонской жизнью мешает вам выполнять свой долг перед королем и принцем, как того требует этикет.

— После того как он сам, — сказал лорд Гленварлох, — посоветовал мне не появляться при дворе.

— Покончим с этим делом, — сказал лорд Дэлгарно с надменной холодностью. — Вы, по-видимому, вообразили, милорд, что мы с вами Пилад и Орест, второе издание Дамона и Финтия или по меньшей мере Тезея и Пирифоя. Вы ошиблись и приняли за дружбу то, что с моей стороны было лишь проявлением добродушия и жалости к неопытному, неискушенному соотечественнику; кроме того, я выполнял обременительное поручение, которое дал мне отец в отношении вас. Ваша репутация, милорд, не плод чьей-либо фантазии, а дело ваших собственных рук. Я ввел вас в такой дом, где, как и во всех подобных домах, можно встретить порядочную и сомнительную компанию; ваши привычки и вкусы заставили вас выбрать худшее. Священный ужас, который вы испытали при виде игральные костей и карт, превратился в осторожную решимость играть только с теми людьми, которых вы наверняка могли обыграть, и только тогда, когда счастье было на вашей стороне; ни один человек не может долго продолжать такую игру и претендовать на то, чтобы его считали джентльменом. Такова репутация, которую вы сами себе создали. И кто дал вам право выражать негодование по поводу того, что я не опровергал в обществе слухов, которые, как вы сами знаете, соответствуют истине? Позвольте нам продолжать наш путь, милорд; и если вам потребуются дальнейшие объяснения, постарайтесь выбрать более подходящее время и более удобное место.

— Никакое другое время не может быть более подходящим, чем настоящий момент, — сказал лорд Гленварлох, чье негодование было возбуждено до крайнего предела хладнокровным и оскорбительным тоном, каким Дэлгарно пытался оправдаться, — и никакое место не может быть более удобным, чем место, на котором мы сейчас стоим. Мои предки всегда

мстили за оскорбление в тот момент и в том самом месте, где оно было нанесено, хотя бы у подножия трона. Лорд Дэлгарно, вы негодяй! Защищайтесь!

С этими словами он обнажил шпагу.

— Вы с ума сошли! — воскликнул лорд Дэлгарно, отступая. — Мы в королевском парке!

— Тем лучше, — ответил лорд Гленварлох, — я очищу его от клеветника и труса!

Затем он стал наступать на лорда Дэлгарно и ударил его плашмя шпагой.

Их ссора уже привлекла всеобщее внимание; слышались крики:

— Шпаги в ножны! В королевском парке обнажены шпаги! Эй, стража! Егеря! Лесничие! — И со всех сторон к месту поединка стали сбегаться люди.

Лорд Дэлгарно, наполовину обнаживший шпагу после полученного удара, вновь вложил ее в ножны, когда заметил, что вокруг них собирается толпа, и, взяв сэра Юза Хелдиманда под руку, поспешно удался, на прощание сказав лорду Гленварлоху:

— Вы дорого заплатите за это оскорбление; мы еще встретимся.

Какой-то пожилой человек почтенного вида, заметив, что лорд Гленварлох не двигается с места, проникся жалостью к его юности и сказал ему:

— Разве вы не знаете, мой юный друг, что это дело подсудно Звездной палате и может стоить вам кисти вашей правой руки? Уходите, пока не явились стражники или констебли. Скройтесь в Уайтфрайерсе или в каком-нибудь другом убежище, пока вы не сможете помириться или покинуть город.

Этим советом нельзя было пренебречь. Лорд Гленварлох поспешно направился к выходу из парка, расположенному у Сент-Джеймского дворца, в котором тогда помещалась богадельня, носившая имя того же святого. Гул голосов за его спиной все усиливался, и несколько офицеров дворцовой стражи уже приближались, чтобы схватить преступника. К счастью для Найджела, повсюду уже распространилась другая версия слуха о причинах ссоры. Говорили, будто один

из приближенных герцога Бакингема оскорбил какого-то приезжего джентльмена и что чужеземец здорово отдубасил его. Фавориты или приближенные фаворитов всегда ненавистны Джону Булю, который к тому же неизменно становится на сторону того из противников, кто действует, как говорят юристы, *par voie du fait*;¹ и оба этих предрассудка были на пользу Найджелу. Поэтому стражники, прибежавшие, чтобы схватить его, не могли узнать от гуляющих никаких подробностей ни о его внешности, ни о пути, по которому он бежал, и пока ему удалось избежать ареста.

Пробираясь сквозь толпу, лорд Гленварлох услышал достаточно, чтобы убедиться в том, что из-за своей вспышки гнева он попал в весьма опасное положение. Ему были известны наводившие на всех ужас жестокие и произвольные действия суда Звездной палаты, в особенности в делах, касающихся нарушения королевских привилегий. Еще совсем недавно, в царствование Елизаветы, за такой же поступок, какой он только что совершил, один человек был приговорен к отсечению кисти руки, и приговор был приведен в исполнение. Он мог также утешать себя мыслью о том, что из-за своей бурной ссоры с лордом Дэлгарно он лишился дружбы и услуг отца и сестры этого аристократа, едва ли не единственных людей знатного рода, на участие которых он мог рассчитывать, в то время как злая молва, порочающая его репутацию, несомненно будет сильно отягощать его положение при разбирательстве дела, в котором очень многое зависело от доброго имени обвиняемого. Для юношеского воображения мысль о наказании, влекущем за собой увечье, страшнее самой смерти; а все, кого он встречал на пути, с кем он сталкивался в толпе и кого он обгонял, говоря о его поступке, упоминали эту кару. Он боялся ускорить шаг, чтобы не вызвать подозрения, и не раз он видел королевских лесничих так близко, что испытывал острую

¹ Самоуправно, собственными силами отстаивая свои права (франц.).

боль в запястье, словно от удара ножа, отсекающего ему кисть. Наконец он выбрался из парка и мог более спокойно обдумать, что ему предпринять.

Уайтфрайерс, расположенный по соседству с Темплом, хорошо известный тогда в воровском мире под названием Эльзас, в то время и в течение почти всего последующего столетия обладал привилегией убежища, если только приказ об аресте не был издан верховным судьей или членами Тайного совета. В самом деле, так как это место кишело всевозможными головорезами, обанкротившимися горожанами, разорившимися игроками, отпетыми кутилами, дуэлянтами, бандитами, наемными убийцами, распутниками и развратниками всех видов и оттенков, связанными общим стремлением сохранить неприкосновенность своего убежища, то предписания об аресте, исходящие даже от этих самых высших властей, блюстителям закона было трудно и небезопасно приводить в исполнение среди людей, которые могли пользоваться безопасностью лишь вопреки всяким предписаниям или властям. Лорд Гленварлох прекрасно знал это, и хотя подобное убежище внушало ему отвращение, Эльзас был, по-видимому, единственным местом, где, во всяком случае на некоторое время, он мог бы надежно укрыться от карающей длани правосудия, пока ему удастся найти более подходящее пристанище или каким-нибудь образом уладить это неприятное дело.

Тем временем Найджел, торопливо шагая по направлению к своему будущему убежищу, горько упрекал себя в том, что поддался лорду Дэлгарно, вовлекшему его в беспутную жизнь, и не менее беспощадно обвинял свою вспыльчивость, из-за которой ему приходилось теперь искать спасения в притонах нечестивого и безудержного порока и разврата.

«К сожалению, в этом Дэлгарно был совершенно прав, — предавался он своим горьким размышлениям. — Я создал себе плохую репутацию, следуя его коварным советам и пренебрегая дружественными увещаниями, которым я должен был бы беспрекословно следовать и которые заклинали меня не при-

ближаться к злу. Но если я выберусь из этого опасного лабиринта, куда ввергли меня мое безумство и неопытность, а также моя вспыльчивость, я найду благородный путь, чтобы вернуть былую славу имени, которое никогда не было запятнано, пока я не стал носить его».

Приняв это благоразумное решение, лорд Гленварлох вошел в аллеи Темпла, откуда в те времена вели ворота в Уайтфрайерс, через которые он собирался незамеченным пробраться в убежище. Когда он приблизился ко входу в это логовище падших, перед которым он испытывал отвращение даже в тот момент, когда искал там приюта, он замедлил шаг, так как крутая ветхая лестница напомнила ему слова *facilis descensus Avernī*,¹ и в душу ему закралось сомнение, не лучше ли открыто встретить опасность, подстерегающую его среди честных людей, нежели прятаться от наказания, ища приюта в притонах безудержного порока и разврата.

Когда Найджел в нерешительности остановился, к нему подошел молодой джентльмен из Темпла, которого он нередко видел и с которым иногда беседовал в ресторации, где тот был частым и желанным гостем; беспутный юноша не знал недостатка в деньгах и проводил время в театрах и других увеселительных местах, между тем как его отец был уверен, что он занимается изучением права. Но Реджиналд Лоустоф — так звали молодого студента — придерживался того мнения, что ему не потребуются особенно глубокого знания законов, чтобы тратить доходы от родового поместья, которое он должен был унаследовать после смерти отца, и поэтому он не стремился приобрести больше познаний в этой науке, чем можно было впитать в себя вместе с ученым воздухом того квартала, где находилось его жилище. Среди своих друзей он слыл остряком, читал Овидия и Марциала, пытался сочинять каламбуры (часто очень натянутые), любил танцевать, фехтовать, играть в теннис и исполнял различные мелодии на скрипке и фран-

¹ Легок спуск в преисподнюю (лат.).

цузском рожке, к величайшему неудовольствию старого советника Бэрретера, жившего как раз под ним. Таков был Реджиналд Лоустоф, живой, проницательный, хорошо знакомый со всеми закоулками города, имеющими сомнительную репутацию. Подойдя к лорду Гленварлоху, этот кавалер приветствовал его, назвав его имя и титул, и спросил, не собирается ли его светлость навестить сегодня шевалье, заметив, что скоро полдень и что вальдшнеп будет подан на стол раньше, чем они доберутся до ресторации.

— Сегодня я не пойду туда, — ответил лорд Гленварлох.

— А куда же вы идете, милорд? — спросил юный студент, который, вероятно, не прочь был пройтись по улице в обществе лорда, хотя бы и шотландского.

— Я... я... — пробормотал Найджел, желая воспользоваться знакомством юноши с этими местами и в то же время стыдясь признаться ему в своем намерении искать приюта в убежище с такой сомнительной репутацией или рассказать ему о своем положении. — Я хотел бы посмотреть Уайтфрайерс.

— Как? Ваша светлость ищет развлечений в Эльзасе? — удивился Лоустоф. — Ну что ж, милорд, вам не найти лучшего провожатого по этому аду, чем я. Обещаю вам, что вы встретите там прелестных девушек, а также отличное вино и славных собутыльников, правда не пользующихся благосклонностью фортуны. Но ваша светлость должны извинить меня — вы последний из наших знакомых, кому я осмелился бы предложить такое путешествие в неведомую страну.

— Благодарю вас, мейстер Лоустоф, за доброе мнение, которое вы выразили этими словами, — сказал лорд Гленварлох, — но мои теперешние обстоятельства могут заставить меня искать приюта в этом убежище хотя бы на один-два дня.

— Ах вот оно что! — воскликнул Лоустоф в большом удивлении. — Мне казалось, что ваша светлость всегда избегали играть на крупные суммы. Прошу прощения, но если игральные кости оказались вероломными, то, насколько я знаю законы, особа пэра

неприкосновенна и не подлежит аресту. А от простого безденежья, милорд, можно найти более подходящее убежище, нежели Уайтфрайерс, где все пожирают друг друга как раз из-за бедности.

— Мое несчастье не имеет ничего общего с безденежьем, — сказал Найджел.

— Тогда, вероятно, — сказал Лоустоф, — вы дрались на шпагах, милорд, и проткнули своего противника; в таком случае, с полным кошельком, вы можете скрываться в Уайтфрайерсе в течение двенадцати месяцев. Но, черт возьми, для этого вас должны принять в члены этого почтенного общества, милорд, и вы станете вольным гражданином Эльзаса, — вам придется снизойти до этого; в противном случае вы не обретете ни покоя, ни безопасности.

— Мой поступок не так ужасен, мейстер Лоустоф, — ответил лорд Гленварлох, — как вы, по-видимому, предполагаете. Я ударил шпагой одного джентльмена в королевском парке — вот и все.

— Поистине, милорд, уж лучше бы вы насквозь проткнули его шпагой в Барнс-Элмсе, — сказал студент. — Обнажить шпагу в королевском парке! За это вас ожидает суровая кара, в особенности если ваш противник знатен и пользуется благосклонностью при дворе.

— Я буду откровенен с вами, мейстер Лоустоф, — сказал Найджел, — раз уж я зашел так далеко. Человек, которого я ударил шпагой, — лорд Дэлгарно; вы его встречали у Божё.

— Неизменный спутник и фаворит герцога Бакингема! Это весьма неприятный случай, милорд; но у меня сердце англичанина, и я не могу спокойно смотреть, как гибнет молодой дворянин, а ведь вам грозит эта участь. Мы беседуем здесь слишком открыто о таком деле. Студенты из Темпла не позволяют ни одному бэйли привести в исполнение предписание суда и не дадут арестовать на своей территории ни одного джентльмена из-за дуэли. Но в этой ссоре между лордом Дэлгарно и вашей светлостью у каждого из вас найдутся сторонники. Вы сейчас же

должны отправиться со мной в мое бедное жилище, расположенное здесь поблизости, и несколько изменить свой костюм, прежде чем отправиться в убежище; в противном случае вся эта банда мошенников Фрайерса набросится на вас, словно стая ворон на сокола, залетевшего в их гнездо. Мы должны нарядить вас так, чтобы вы больше походили на уроженца Эльзаса, или вам не будет там житья.

С этими словами Лоустоф увлек лорда Гленварлоха в свое жилище, где у него была отменная библиотека, полная модных в ту пору поэм и пьес. Затем студент послал прислуживавшего ему мальчика в ближайшую харчевню за обедом.

— Вашей светлости, — сказал он, — придется удовольствоваться этой трапезой с бокалом старого испанского вина; моя бабушка — да вознаградит ее небо! — прислала мне целую дюжину бутылок и наказала пить его только с процеженной сывороткой, когда у меня заболит грудь от чрезмерных занятий науками. Черт возьми, мы разопьем его за здоровье этой доброй леди, если угодно вашей светлости; и вы увидите, как мы, бедные студенты, вознаграждаем себя за опостылевшую баранину в нашей харчевне.

Как только мальчик вернулся с обедом, наружную дверь заперли на засов и ему было приказано стоять на страже и никого не впускать, а Лоустоф увещаниями и собственным примером побуждал благородного гостя разделить с ним трапезу. Он старался произвести благоприятное впечатление своей откровенностью и развязными манерами, столь непохожими на светскую непринужденность лорда Дэлгарно; и лорд Гленварлох, хотя вероломство Дэлгарно научило его быть осторожным и не доверять изъявлениям дружбы, не мог удержаться от того, чтобы не выразить свою благодарность молодому обитателю Темпла, проявившему такую заботливость о его безопасности и пристанище.

— Не утруждайте себя изъявлениями благодарности по отношению ко мне, милорд, — сказал студент. — Разумеется, я готов оказать услугу джентль-

мену, у которого есть причина петь песенку «Фортуна — мой враг», и я особенно горжусь тем, что могу быть полезным вашей светлости; но, говоря откровенно, у меня еще старые счета с вашим противником, лордом Дэлгарно.

— Разрешите спросить, из-за чего, мейстер Лоу-стоф? — осведомился лорд Гленварлох.

— О, милорд, — ответил студент, — это произошло около трех недель тому назад, вечером, после того как вы покинули ресторацию, — во всяком случае, насколько я помню, вас не было там, так как ваша светлость всегда оставляли нас перед тем, как началась крупная игра. Не в обиду будь сказано, но такая уж была у вашей светлости привычка... Между мной и лордом Дэлгарно во время игры в брелан возник спор. У его светлости было четыре туза, что составляло восемь очков, один козырный туз, равный пятнадцати очкам, — всего двадцать три. У меня были король и дама, что составляет три очка, козырная пятерка — пятнадцать, и козырная четверка — девятнадцать. Мы все увеличивали ставку, как ваша светлость легко может себе представить, пока она не достигла половины моего годового содержания — пятидесяти самых звонких золотых канареек, которые когда-либо щебетали на дне зеленого шелкового кошелька. И вот, милорд, мои карты выигрывают. И что же! Его светлости угодно было заявить, что мы играли без козырной четверки; и так как все присутствующие поддерживали его, в особенности этот мошенник француз, мне пришлось проиграть больше, чем я смогу выиграть за весь год. Как видите, достаточный повод для ссоры с его светлостью. Слышанное ли это дело, чтобы когда-нибудь в ресторации играли в брелан, не считая козырной четверки? Что из того, что он лорд? Я думаю, всякий, кто приходит туда с кошельком в руках, имеет не меньшее право издавать новые законы, чем он, ибо перед деньгами все равны.

Слушая этот жаргон игорных притонов, лорд Гленварлох испытывал стыд и унижение, и его аристократическая гордость была уязвлена, когда в за-

ключение своей тирады мейстер Лоустоф сказал, что игральные кости, так же как могила, стирают все сословные различия, которым Найджел с детства привык придавать, быть может, слишком большое значение. Невозможно было, однако, что-нибудь возразить против ученых рассуждений молодого юриста, и поэтому Найджел предпочел переменить тему разговора и стал расспрашивать его о жизни в Уайтфрайерсе. Там его хозяин также был своим человеком.

— Вы знаете, милорд, — сказал мейстер Лоустоф, — мы, обитатели Темпла, представляем собой власть в пределах наших владений; и я с гордостью могу сказать, что занимаю не последнее место в нашей республике — в прошлом году я был казначеем при церемониймейстере рождественских пирушек, а в настоящее время я сам избран кандидатом на эту почетную должность. При таких обстоятельствах нам приходится поддерживать дружеские отношения с нашими соседями из Эльзаса, подобно тому как христианские государства часто вынуждены из политических соображений заключать союзы с турецким султаном или с варварскими государствами.

— Я думал, что вы, джентльмены из Темпла, более независимы от ваших соседей, — сказал лорд Гленварлох.

— Вы оказываете нам слишком большую честь, милорд, — сказал студент. — У эльзасцев и у нас есть общие враги и, скажу вам по секрету, несколько общих друзей. Мы не допускаем в наши владения ни одного судейского чиновника, и в этом нам хорошо помогают наши соседи, которые не терпят у себя никого из этой братии. К тому же — прошу вас правильно понять меня — во власти эльзасцев оказывать покровительство или причинять неприятности нашим друзьям мужского и женского пола, которые вынуждены искать убежища в их владениях. Одним словом, обе общины оказывают друг другу взаимные услуги, хотя этот союз заключен между неравными государствами, и могу сказать, что мне самому приходилось

вести с ними переговоры по весьма важным делам и я получал полное одобрение обеих сторон. Но слушайте, слушайте! Что это?

Мейстер Лоустоф замолчал, услышав отдаленный звук рога, громкий и пронзительный, и далекие, заглушенные крики.

— Что-то случилось в Уайтфрайерсе, — сказал Лоустоф. — Этот сигнал дается тогда, когда кто-нибудь из судейских чиновников вторгается во владения наших соседей, и при трубных звуках все они высыпают на улицу, чтобы прийти на помощь, словно рой пчел, когда разоряют их улей. А ну-ка, Джим, — сказал он, обращаясь к своему слуге, — сбегай посмотри, что творится в Эльзасе. Этот пострел, — продолжал он, когда мальчик, привыкший к стремительной поспешности своего хозяина, не выбежал, а сломя голову вылетел из комнаты и скатился вниз по лестнице, — прямо золото в здешних местах. Он служит шести господам — четверым из них каждому в отдельности — и появляется, словно фея, по желанию того, кто в настоящий момент больше всех нуждается в его помощи. Ни один оксфордский слуга, никакой цыганенок из Кембриджа не может соперничать с ним в быстроте и смысленности. Он может отличить шаги назойливого кредитора от шагов клиента, как только они ступят на первую ступеньку лестницы, он распознает легкую походку прелестной девушки от тяжелой поступи адвоката, стоит им только войти во двор, словом — он... Но я вижу, ваша светлость чем-то встревожены. Позвольте мне предложить вам еще один бокал сердечных капель моей доброй бабушки или разрешите показать вам мой гардероб и быть вашим камердинером.

Лорд Гленварлох без колебаний признался в том, что его мучает мысль о его теперешнем положении и он готов сделать все, что необходимо, лишь бы выпутаться из него.

Добродушный и беспечный юноша охотно вызвался помочь ему, провел его в свою маленькую спальню, открыл стоявшие там картонки, ларцы и дорожные сундуки, не забыв при этом также старый платя-

ной шкаф орехового дерева, и начал выбирать одежду, которая могла бы сделать совершенно неузнаваемым его гостя, готового броситься в бурный водоворот бесшабашной жизни Эльзаса.

Глава XVII

Поди сюда, приятель! Примечай!
Ты среди тех, кто променял доходы
Поместий отчих на доход от шпаги.
Их свита не густа, но за спиной
У каждого — соратников десятки.
И эти люди, что на первый взгляд
Рискуют всем — и платьем,
и богатством,
И бранным телом, и душой
бессмертной, —

На деле не теряют ничего
Круговорот свершает все на свете:
К старьевщику наряды возвратятся,
А деньги приплывут к ростовщику,
Недуг захватит тело, дьявол — душу,
Да вволю посмеется что б он делал
Без всех своих помощников земных?

«Гуляки»

— Вашей светлости, — сказал Реджиналд Лоустоф, — придется сменить благородную шпагу, достойную королевского двора, которую я возьму на хранение, на этот палаш с сотней фунтов ржавого железа на рукоятке и надеть широкие клетчатые штаны вместо ваших изящных узких панталон. У нас не полагается носить плащ, ибо наши головорезы всегда ходят *in sцegro*,¹ и выцветший камзол из потертого бархата с потускневшими позументами и, прошу прощения, с пятнами крови из виноградной лозы будет самым подходящим нарядом для буяна. Я выйду на минутку, пока вы будете переодеваться, а потом помогу вам зашнуровать костюм.

Лоустоф вышел, и Найджел медленно и нерешительно последовал его совету. Он испытывал досаду

¹ Без верхней одежды (*исп.*).

и отвращение при мысли о необходимости такого недостойного переодевания; но когда он подумал о кровавой каре, которой грозил ему закон за его опрометчивую выходку, об апатичном и безвольном характере Иакова, предрассудках его сына, о всесильном влиянии герцога Бакингема, которое, несомненно, будет брошено на чашу весов против него, и в особенности когда он вспомнил о том, что теперь он должен смотреть на живого, неутомимого и вкрадчивого лорда Дэлгарно как на своего заклятого врага, он понял, что навлек на себя такую опасность, которая оправдывала применение всех честных средств, даже самых неприглядных с внешней стороны, чтобы выпутаться из этого затруднительного положения.

Предаваясь таким размышлениям, он стал переодеваться, когда его любезный хозяин снова вошел в спальню.

— Черт возьми, милорд! — воскликнул он. — Хорошо, что вы не отправились в наш Эльзас сразу, как вы того хотели, ибо ястребы уже налетели туда. Джим вернулся и принес весть о том, что он видел герольда с предписанием Тайного совета в сопровождении дюжины вооруженных до зубов дворцовых стражников, и звуки рога, которые мы с вами слышали, созывали жителей Уайтфрайерса. И когда старый герцог Хилдеброд увидел, что они ищут совершенно ему неизвестного человека, он из учтивости разрешил этим охотникам за людьми обыскать все его владения, будучи вполне уверен, что им едва ли удастся чем-нибудь поживиться, ибо герцог Хилдеброд — весьма здравомыслящий властитель. Отправляйся обратно, пострел, и скажи нам, когда все успокоится.

— А кто этот герцог Хилдеброд? — спросил лорд Гленварлох.

— Как, милорд? — воскликнул студент. — Вы уже так долго живете в нашем городе и еще никогда не слышали о доблестном и не менее мудром и хитром герцоге Хилдеброде, великом защитнике вольностей Эльзаса? Я полагал, что нет ни одного игрока в кости, ушей которого не коснулся бы слух о его славе.

— Однако я никогда не слышал о нем, мейстер Лоустоф, — сказал лорд Гленварлох, — или, что то же самое, я, видимо, не обращал внимания, когда кто-нибудь упоминал его имя в моем присутствии.

— Возможно, — сказал Лоустоф. — А теперь окажите мне честь и позвольте помочь вам зашнуровать ваш костюм. Вот, смотрите. Я нарочно не завязал несколько шнурков; если между камзолом и поясом будет проглядывать полоска рубашки, это придаст вам еще более бесшабашный вид и вызовет уважение к вам в Эльзасе, где мало кто носит белье. А некоторые шнурки я нарочно завяжу наискось, ибо наши беспутные кавалеры редко шнуруются с особенной тщательностью. Так!

— Шнуруйте как хотите, сэр, — сказал Найджел, — но расскажите мне хоть что-нибудь о жизни в этом злосчастном квартале, где я вынужден искать убежища вместе с другими неудачниками.

— Так вот, милорд, — ответил студент, — наше соседнее государство Эльзас, которое закон называет убежищем Уайтфрайерс, подобно великим королевствам, пережило немало бунтов и революций, и так как в нем царят беззаконие и произвол, само собой разумеется, что эти бунты и революции совершались в нем чаще, чем мы имеем счастье наблюдать в нашей собственной республике Темпл, в Грей-Инне и в других подобных корпорациях. В наших преданиях и летописях упоминается двадцать революций на протяжении последних двенадцати лет, в течение которых вышеупомянутое государство несколько раз меняло образ правления — от абсолютной деспотии до республики, не считая таких промежуточных стадий, как олигархия, ограниченная монархия и даже гинократия, ибо я сам помню, как Эльзасом в течение почти девяти месяцев правила старая торговка рыбой. Затем бразды правления перешли в руки разорившегося адвоката, впоследствии свергнутого с престола отставным капитаном, который оказался тираном и был смещен тайным пастором, отрекшимся от престола в пользу герцога Джейкоба Хилдеброда, первого с таким титулом, да хранит его господь!

— Отличается ли правление этого властителя, — спросил лорд Гленварлох, стараясь проникнуться интересом к предмету их разговора, — деспотическим характером?

— Прошу прощения, милорд, — ответил обитатель Темпла, — этот монарх слишком мудр, чтобы, подобно некоторым из своих предшественников, навлечь на себя ненависть, управляя государством по собственному произволу. Он учредил государственный совет, который каждый день в семь часов собирается для утреннего возлияния; в одиннадцать часов они встречаются во второй раз за полдником для возбуждения аппетита; а собираясь в два часа пополудни на торжественное тайное совещание для обсуждения дел, служащих к благу республики, они проявляют такое усердие в своих трудах на пользу государства, что редко расходятся раньше полуночи. Этому достойному сенату, частично состоящему из предшественников герцога Хилдеброда на его высоком посту, которыми он окружил себя, чтобы предотвратить зарождение зависти, сопутствующей неограниченному единовластию, я вскоре должен буду представить вашу светлость, чтобы он мог пожаловать вам право неприкосновенности Уайтфрайерса и предоставить вам жилище.

— Неужели его власть простирается на такие дела? — спросил лорд Гленварлох.

— Тайный совет считает это своей главной привилегией, милорд, — ответил Лоустоф, — и действительно, это одно из самых мощных средств, при помощи которых он поддерживает свою власть. Ибо когда герцог Хилдеброд и его сенат узнают, что какой-нибудь крупный домовладелец начинает проявлять недовольство и сеять семена раздора, стоит им только назначить ему в качестве постыльца обанкротившегося богача или приезжего, вынужденного искать убежища и способного хорошо заплатить за него, и недовольный становится кротким, как ягненок. Что же касается беглецов не столь состоятельных — они должны изворачиваться как умеют; но дело никогда не обходится без занесения их имен в книгу герцога и уплаты дани сообразно с их положением; и Уайт-

фрайерс превратился бы в весьма ненадежное убежище для всякого, кто вздумал бы оспаривать эти правила юрисдикции.

— Ну что ж, мейстер Лоустоф, — сказал лорд Гленварлох, — обстоятельства заставляют меня искать там приюта. Разумеется, я не хочу выдавать свое имя и титул.

— Это в высшей степени благоразумно, милорд, — сказал Лоустоф, — и такой случай предусмотрен в законодательных актах республики или монархии — называйте ее как хотите. Тот, кто не желает, чтобы ему задавали вопросы, касающиеся его имени, причины бегства и тому подобного, может избежать обычного допроса, уплатив причитающуюся с него дань в двойном размере. Выполнив это существенное условие, ваша светлость можете зарегистрироваться как бантамский король, если вам угодно, ибо вам не зададут ни одного вопроса. А вот и наш лазутчик с вестями о мире и покое. Теперь я сам пойду с вашей светлостью и представлю вас Совету Эльзаса, употребив все свое влияние, которым я пользуюсь у них, как лицо, занимающее в Темпле не последнюю должность, ибо им плохо приходилось всякий раз, когда мы шли против них, и они прекрасно знают это. Сейчас самое подходящее время, так как в Эльзасе идет заседание Совета и на улицах Темпла царит спокойствие. Итак, милорд, накиньте плащ, чтобы скрыть ваш новый наряд. Вы отдадите его мальчику у подножия лестницы, ведущей в Уайтфрайерс; и как в балладе поется о том, что королева Элеонора исчезла в Черинг-Кроссе и вновь восстала в Куинхайте, так и вы исчезнете в Темпл-Гардене лордом и восстанете эльзасцем в Уайтфрайерсе.

Они вышли из дому в сопровождении маленького лазутчика, пересекли сады, спустились по лестнице, и у ее подножия юный обитатель Темпла воскликнул:

— А теперь продекламируем с Овидием:

In nova fert animus mutatas dicere formas .¹

¹ Дух мой стремится воспеть тела, облеченные в формы новые (лат.).

Долой маскарад! — продолжал он в том же духе. — Прочь занавес, скрывавший Борджа! Но что с вами, милорд? — спросил он, заметив, что лорд Гленварлох очень страдает от унижительной перемены в своем положении. — Надеюсь, я не оскорбил вас своей глупой болтовней? Я хотел только примирить вас с вашими теперешними обстоятельствами и настроить вас на тон этого странного места. Не унывайте! Я уверен, что вы пробудете здесь всего несколько дней.

Найджел мог только пожать ему руку и ответить шепотом:

— Я ценю вашу доброту. Я знаю, что должен испить до дна чашу, которую наполнило для меня мое собственное безрассудство. Простите меня, если при первом глотке я почувствовал ее горечь.

Реджиналд Лоустоф был суетливо услужлив и добродушен; но сам привыкший к бесшабашной, разгульной жизни, он не имел ни малейшего представления о глубине душевных страданий лорда Гленварлоха, чье временное пребывание в убежище представлялось ему безобидной проделкой своенравного мальчика, играющего в прятки со своим наставником. Он привык также к виду этого места, но на его спутника оно произвело глубокое впечатление.

Старинное убежище Уайтфрайерс было расположено значительно ниже террас и садов Темпла, и поэтому его почти всегда окутывал влажный туман, поднимающийся с Темзы. Его кирпичные дома вплотную теснились друг к другу, ибо в месте, обладавшем такими редкими привилегиями, ценился каждый фут земли; но воздвигнутые людьми, средства которых зачастую не соответствовали их планам, дома эти были построены кое-как и являли взору признаки разрушения, хотя и были еще совершенно новыми. Детский плач, брань матерей, жалкое зрелище рваного белья, развешенного в окнах для просушки, — все это свидетельствовало о нужде и лишениях несчастных обитателей Эльзаса; жалобные звуки заглушались буйными криками, руганью, непристойными песнями и громким хохотом, доносившимся из пивных и таверн,

число которых, как указывали вывески, равнялось числу всех остальных домов; и чтобы дать полную картину этого места — увядшие, увешанные мишурными украшениями и накрашенные женщины бросали бесстыдные взгляды на прохожих из своих открытых решетчатых окон или с более скромным видом склонялись над растрескавшимися цветочными горшками с резедой и розмарином, выставленными на подоконниках и представлявшими большую опасность для жизни прохожих.

— *Semi-reducta Venus*,¹ — сказал студент, указывая на одну из этих нимф, которая, видимо боясь посторонних взглядов, наполовину спряталась за оконными ставнями и щебечущим голосом разговаривала с жалким черным дроздом, узником плетеной тюрьмы, висевшей за окном на почерневшей кирпичной стене. — Мне знакомо лицо этой потаскушки, — продолжал проводник, — я готов прозакладывать нобль, что, судя по ее позе, у нее чистые волосы и грязный пеньюар. Но вот идут два эльзасца мужского пола; они дымят, словно странствующие вулканы. Отпетые молодчики! Клянусь, что тринидадский табак заменяет им говядину и пудинг, ибо, да будет вам известно, милорд, королевский запрет против индейского зелья имеет в Эльзасе не больше силы, чем его предписание об аресте.

Тем временем оба курильщика подошли ближе — косматые нечесанные головорезы, с огромными усами, закрученными за уши; их буйные шевелюры выбивались из-под старых, надетых набекрень кастровых шляп, из дыр которых торчали беспорядочные пряди волос. Выцветшие бархатные куртки, просторные короткие штаны, широкие засаленные портупей, полинявшие шарфы, а главное — вызывающая манера, с какой один из них носил свой палаш, а другой непомерно длинную шпагу и кинжал, дополняли портрет настоящего эльзасского забияки, так хорошо известный в то время и в последующее столетие.

¹ Слегка склоненная Венера (лат.).

— Смотри в оба, — сказал один головорез другому, — видишь, как эта девица кокетничает с чужим кавалером!

— Пахнет шпионом, — ответил другой, взглянув на Найджела. — Полосни-ка его кинжалом по глазам!

— Постой, постой! — воскликнул его спутник. — Да ведь это краснобай Реджиналд Лоустоф из Темпла. Я знаю его; он славный малый и свой человек в нашей провинции.

С этими словами, окутавшись еще более густым облаком дыма, они без дальнейших замечаний продолжали свой путь.

— *Grasso in aere!*¹ — воскликнул студент. — Вы слышали, как эти наглые мошенники называли меня? Но если это принесло пользу вашей светлости, мне все равно. А теперь, ваша светлость, позвольте спросить, какое имя вы присвоите себе, ибо мы подходим к дворцу герцога Хилдеброда.

— Я назовусь Грэм, — сказал Найджел, — так звали мою мать.

— Грайм,² — повторил студент, — прекрасно подойдет к Эльзасу, к этому мрачному и грязному убежищу.

— Я сказал Грэм, сэр, а не Грайм, — промолвил Найджел сухо, делая ударение на гласном, ибо немногие шотландцы понимают шутки, относящиеся к их имени.

— Прошу прощения, милорд, — продолжал любитель каламбуров, нисколько не смущаясь, — но Граам тоже неплохо. На верхненемецком наречии это означает «горе», «несчастье», а ваша светлость, можно сказать, и впрямь попали в беду.

Видя настойчивость студента, Найджел рассмеялся. Показывая на вывеску, которая изображала или должна была изображать собаку, нападающую на быка и бросающуюся ему на голову по всем правилам искусства, обитатель Темпла сказал:

¹ В густом тумане (лат.).

² «Грайм» (grime), по-английски означает «грязь».

— Вот здесь верный герцог Хилдеброд издает законы, а также продает эль и другие крепкие напитки своим верным эльзасцам. Будучи завсегдатаем Парижского сада, он выбрал вывеску, соответствующую своим привычкам; и он дает пить жаждущим, чтобы сам он мог пить, не платя денег, и получать деньги за то, что выпито другими. Так войдем же в вечно открытые ворота этого второго Аксила!

С этими словами они вошли в ветхую таверну, более просторную, однако, и меньше напоминавшую развалины, чем другие дома этого убогого квартала. Там суетилось несколько изможденных, оборванных слуг, глаза которых, подобно глазам совы, казалось, были созданы для полуночного мрака, когда спит все живое, а при дневном свете, словно в полусне, смотрели затуманенным, оцепеневшим взором. В сопровождении одного из этих шурящихся ганимедов они вошли в комнату, где слабые лучи солнца почти совершенно померкли в облаках табачного дыма, валившего из трубок собутыльников, в то время как из этого облачного святилища гремела старинная песня:

Старый Саймон — нету лучше короля!

Эх, старый Саймон — нету лучше короля!

Нос — что твой маков цвет,

Вином залит жилет.

Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля!

Герцог Хилдеброд, сам снизошедший до того, чтобы петь эту песенку своим любящим подданным, был чудовищно толстый старик с одним глазом, а нос его свидетельствовал о частоте, крепости и обилии возлияний. На нем была короткая плисовая куртка темно-красного цвета, с пятнами от пивной пены, изрядно поношенная и расстегнутая внизу, чтобы не стеснять его огромный живот. Позади герцога лежал его любимый бульдог, круглая голова и единственный черный блестящий глаз которого, а также тучность придавали ему карикатурное сходство с его хозяином.

Любимые советники, которые окружали герцогский трон, окуривая его табачным фимиамом, пили за здоровье своего властелина густой липкий эль и

хором подпевали ему, были достойными сатрапами такого султана. Короткая куртка из буйволово́й кожи, широкий пояс и длинная шпага одного из них указывали на то, что их обладатель был шотландский солдат, чей грозный взгляд и пьяная наглость оправдывали данное ему прозвище Пират. Найджелу показалось, что он где-то уже видел этого молодца. Слева от герцога сидел бродячий пастор, как непочтительно именовали священнослужителей, без лишних формальностей венчавших нищих; его можно было узнать по рваной ленте, шляпе со свисающими полями и остаткам порывшейся рясы. Рядом с пастором сидел жалкий, изможденный старик в потертом капюшоне из грубого кашемира, застегнутом вокруг шеи. Его иссохшее лицо, напоминавшее лицо старца Даниила, озарял

...угасающий взор,

Хоть бессильный, но хитрый и злой до сих пор.

Слева от него сидел разжалованный адвокат, лишенный права заниматься юридической практикой за какие-то неблагоприятные поступки и не сохранивший от своей профессии ничего, кроме привычки к мошенничеству. Еще два или три человека с менее выдающейся внешностью, один из которых, так же как и шотландский солдат, показался Найджелу знакомым, хотя он не мог вспомнить, где он видел его, завершали круг советников Джейкоба, герцога Хилдебродского.

Вошедшие могли на досуге наблюдать всю эту сцену, ибо его светлость герцог, то ли подхваченный непреодолимым потоком гармонических звуков, то ли желая внушить пришельцам мысль о важности своей персоны, пропел свою песенку до конца, прежде чем обратиться к ним, хотя в течение всего этого времени он пристально рассматривал их своим единственным оком.

Окончив песню, герцог Хилдеброд сообщил окружающим его пэрам, что один из уважаемых обитателей Темпла удостоил их своим посещением, и приказал капитану и пастору уступить свои кресла вновь

прибывшим, которых он усадил справа и слева от себя. Достойные представители воинства и церкви Эльзаса усьелись на шаткую скамью в конце стола, которая, не будучи рассчитана на людей такого веса, рухнула под ними, и человек меча и человек рясы грохнулись на пол среди ликующих криков всей компании. Они поднялись объятые яростью, соперничая друг с другом в том, кто сможет излить свой гнев наиболее громкой и крепкой руганью, — соревнование, в котором более глубокие познания священника в теологии позволили ему одержать легкую победу над капитаном; в конце концов подоспевшие испуганные слуги с трудом успокоили их, предложив более прочные стулья и высокие кружки с охлаждающим напитком. Когда волнение улеглось и перед гостями были поставлены такие же большие кубки, какие стояли перед остальными, герцог с самым милостивым видом выпил за процветание Темпла и поднял бокал за здоровье Реджиналда Лоустофа; поблагодарив за оказанную честь, студент попросил позволения заказать галлон рейнского вина, за которым он собирался сообщить о своем деле.

Упоминание о напитке, столь превосходящем их обычное питье, произвело мгновенное и самое благоприятное действие на маленький сенат, а его немедленное появление обеспечило благоприятный прием ходатайству мейстера Лоустофа, заявившего, после того как кубок несколько раз обошел вокруг стола, что он просит предоставить его другу, мейстеру Найджелу Грэму, право убежища и все связанные с этим привилегии, как знатному гостю, ибо так называли того, кто платил двойную дань при занесении в книгу герцога, чтобы избежать необходимости объяснять сенату все обстоятельства, заставившие его искать убежища в Эльзасе.

Достопочтенный герцог выслушал это ходатайство с радостью, которая светилась в его единственном глазу, и неудивительно, ибо это был редкий случай, особенно для него выгодный. Он приказал принести свою герцогскую книгу для записей — огромный фолиант с медными застежками, напоминавший торго-

вую книгу, страницы которого, покрытые пятнами от вина и табачного сока, хранили имена всех мошенников, какие только можно найти в святцах Ньюгета.

Затем Найджелу было приказано положить на стол два нобля в качестве выкупа и просить о предоставлении ему привилегий, повторяя вслед за герцогом следующие вирши:

Проситель ваш, Найджел Грэм,
Пришел к вам, от страха нем:
На свете ничто ему
Не поможет,
Когда на плечо ему
Пристав положит
Лапу, имя которой Закон.
И вот для того,
Чтоб спасли вы его
От судейских крючков,
Полицейских жезлов,
От штрафа, повесток,
От страха ареста,
В Белое братство вступает он.¹

Когда герцог Хилдеброд начал дрожащей рукой делать запись в книге и от избытка щедрости уже успел написать «Найджелл» с двумя «л» вместо одного, пастор прервал его занятие.² В течение нескольких минут его преподобие перешептывался — не с капитаном, а с другим человеком, который, как мы уже упоминали, вызвал у Найджела смутное воспоминание, — и, быть может все еще рассерженный

¹ Перевод В. Бетаки.

² Эта любопытная книга записей сохранилась до настоящего времени и находится во владении знаменитого антиквара, доктора Драйездаста, любезно разрешившего автору сделать клише собственноручной записи герцога Хилдеброда для иллюстрации этого места. К сожалению, будучи педантичным, как сам Ритсон, по части соблюдения абсолютной точности при копировании документов, distinguished доктор связал свою великодушную любезность с тем условием, чтобы мы приняли правописание герцога и назвали наше произведение «Приключения Найджелла», на каковое условие мы не сочли нужным согласиться. (*Прим. автора.*)

недавним происшествием, попросил, чтобы его выслушали, перед тем как состоится церемония записи.

— Этот человек, — сказал он, — который только что имел наглость просить о предоставлении ему привилегий и права убежища в нашем высокочтимом обществе, — попросту говоря, нищий шотландец, а у нас в Лондоне и так уж достаточно этой саранчи. Если мы будем давать приют таким червякам и гусеницам, скоро в нашем убежище поселится вся Шотландия.

— Мы не имеем права спрашивать, — сказал герцог Хилдеброд, — шотландец он, француз или англичанин; он честно заплатил свою дань и имеет право на нашу защиту.

— Я не согласен с этим, могущественнейший герцог, — возразил пастор. — Я не задаю ему вопросов. Его речь выдает его — он галилеянин, и пусть внесенная им дань будет платой за его дерзкое вторжение в наше королевство. Я призываю тебя, сэр герцог, применить против него наши законы!

Здесь студент встал и собрался прервать совещание суда, но герцог торжественно заверил его, что Совет предоставит ему возможность выступить в защиту своего друга, как только закончит свое заседание.

Затем поднялся адвокат и, объявив, что будет говорить с точки зрения закона, сказал:

— Нетрудно видеть, что этого джентльмена привело сюда не какое-нибудь гражданское дело, и я думаю, что это та самая история, которую мы уже слышали, а именно удар шпагой, нанесенный в пределах королевского парка, и наше убежище не может приютить человека, совершившего такое преступление; старый чудак, наш начальник, пришлет к нам такую метлу, которая выметет все улицы Эльзаса от Стрэнда до пристани; простое благоразумие заставляет нас подумать о том, какое несчастье мы можем навлечь на нашу республику, дав приют чужестранцу при таких обстоятельствах.

Капитан, с трудом сдерживавший нетерпение во время этих высказываний, вскочил с места со стре-

мительностью пробки, вылетающей из бутылки игристого пива, крутя усы с воинственным видом, бросил презрительный взгляд на юриста и священника и выразил свое мнение следующим образом:

— Благороднейший герцог Хилдеброд! Когда я слышу такие низкие, мошеннические и трусливые предложения от советников вашей светлости и когда я вспоминаю забияк, буянов и головорезов, которые в подобных случаях давали советы предкам и предшественникам вашей светлости, мне начинает казаться, что боевой дух Эльзаса так же мертв, как моя старая бабушка; и тем не менее тот, кто так думает, заблуждается, ибо в Уайтфрайерсе найдется достаточно молодых, чтобы защитить наши вольности от всех метельщиков Уэстминстера. И если даже мы потерпим поражение, черт побери, неужели мы не успеем отправить этого джентльмена по реке в Парижский сад или в Бэнксайд? И если он благородный кавалер, неужели он не вознаградит нас за все наши хлопоты? Пусть другие живут по закону; а я скажу, что мы, веселые ребята с Флита, живем вопреки закону и процветаем, когда не признаем никаких подписей и печатей, никаких приказов и предписаний, никаких адвокатов и шерифов, судебных исполнителей и приставов.

Его речь была встречена одобрительным гулом, и Лоустоф, вмешавшись в разговор, пока еще не замерли благожелательные возгласы, напомнил герцогу и его советникам, что безопасность их государства в немалой степени зависит от дружбы обитателей Темпла, которые, закрыв свои ворота, могли бы по желанию отрезать для эльзасцев сообщение между Уайтфрайерсом и Темплом, и что, смотря по тому, как они будут вести себя в этом деле, они могут сохранить или потерять те преимущества, которыми пользуются благодаря его влиянию в своей собственной корпорации, как им известно — весьма значительному.

— Что же касается того, что мой друг — шотландец и чужеземец, как заметили его преподобие и ученый

юрист, вы должны принять во внимание, — сказал Лоустоф, — из-за чего его ищут здесь: из-за того, что он нанес удар шпагой, но не англичанину, а одному из своих соотечественников. А по моему простому разумению, — продолжал он, одновременно коснувшись руки лорда Гленварлоха, чтобы дать ему понять, что он шутит, — если бы все шотландцы в Лондоне подрались между собой, как уэльские боевые петухи, и перебили бы друг друга, то оставшийся в живых, по моему скромному мнению, мог бы рассчитывать на нашу благодарность за неоценимую услугу, которую он оказал бы бедной старой Англии.

Взрыв хохота и одобрительные возгласы были ответом на эту искусную защиту чужеземца; и студент подкрепил свое ходатайство следующим существенным предложением:

— Мне хорошо известно, — сказал он, — что у отцов этой старой и почтенной республики существует обычай основательно и зрело обсуждать все свои действия, запивая эти рассуждения соответствующим количеством вина; и я далек от того, чтобы предлагать нарушение столь похвального обычая или утверждать, что такое важное дело можно справедливо решить за жалким галлоном рейнского вина. Но так как для этого почтенного Совета все равно, сначала выпить, а потом решить это дело или сначала решить это дело, а потом выпить, я предлагаю, чтобы ваша светлость, посоветовавшись со своими мудрыми и могущественными сенаторами, издали указ, предоставляющий моему благородному другу привилегии, присущие этому месту, и определяющий ему жилище в соответствии с вашими мудрыми порядками, в которое он мог бы сейчас же удалиться, ибо он утомлен всем пережитым за сегодняшний день; после чего я поставлю вам бочонок рейнского вина с соответствующим количеством бычьих языков и маринованных сельдей, чтобы вы веселились, как на празднике святого Георгия.

Эта речь была встречена громкими возгласами одобрения, в которых совершенно утонули бы голоса инакомыслящих, если бы среди членов эльзасского се-

ната нашлись люди, способные устоять против столь заманчивого предложения. Возгласы «доброе сердце!», «благородный джентльмен!», «щедрый кавалер!» летали из уст в уста; церемония занесения имени просителя в большую книгу была поспешно завершена, и почтенный дож привел его к присяге. Подобно двенадцати заповедям на скрижалях древних кимвро-бриттов и других первобытных народов, она была составлена в стихах и звучала так:

Затычкой и бочкой,
Ножом и ребром
Клянись нам, что хочешь
Быть с нами во всем.
За все наше Братство,
За девичьи глазки,
Обязан ты драться,
Как рыцарь Подвязки.¹

Найджел не мог скрыть своего отвращения, участвуя в этом ритуале; но когда студент напомнил ему, что он зашел слишком далеко, чтобы отступать, он повторил, или, вернее, молча выслушал, слова присяги, произнесенные герцогом Хилдебродом, который закончил церемонию тем, что предоставил ему право убежища, прочитав следующие установленные обычаем вирши:

Не бойся гвардейских
Плюмажей и даже
Шерифов, судейских,
Констеблей и стражи.
Пусть пристав грозитя —
Ты властью моей
Огражден от полиции
И от судей.
Пример бери
С Задорных Парней:
Врут тебе — сам ври,
Бьют тебя — сам бей!

¹ Перевод В. Бетаки.

Ты волен ругаться,
Щеголять, напиваться,
Под забором валяться
И как можно смелей
С ножом обращаться
Ради бабы своей.
Разрешаю зимой
Теплый плащ вспоминать,
Бренди пить и курить,
Летом — голым гулять.
Не давайся в обиду,
С толком дни проводи,
Нож носи не для виду,
С полной флягой ходи!
Божись и живи
На любые доходы —
Вот сущность
Дарованной мною свободы! ¹

После чтения присяги разгорелся спор из-за того, кто должен предоставить жилище новому собрату по убежищу, ибо, так как эльзасцы придерживались в своей республике изречения, согласно которому от ослиного молока жиреют, обитатели Уайтфрайерса наперебой старались заполучить нового члена их общества в качестве постояльца, чтобы, как было принято говорить, вести его хозяйство.

Гектор, который только что произнес такую про-никновенную и вместе с тем обличительную речь в пользу Найджела, по-рыцарски выступил на защиту интересов некоей Блоуселинды, или Бонстропс, которая, как он слышал, сдает комнату, служившую некогда временной резиденцией Дику Острому Ножу из Пэддингтона, недавно казненному на Тайберне, чью безвременную кончину эта девица до сих пор оплакивает в одиноком вдовстве, словно горлица.

Однако предложение капитана было отвергнуто, и предпочтение было отдано старому джентльмену в кашемировом капюшоне, о котором было известно,

¹ Перевод В. Бетаки.

что, несмотря на свой преклонный возраст, он умел обирать простаков не хуже, если не лучше, любого обитателя Эльзаса.

Этот почтенный персонаж был пользующийся сомнительной славой ростовщик по имени Трамбуа; недавно он оказал государству большую услугу, ссудив некоторую сумму, необходимую для пополнения винного погреба герцога, ибо виноторговец из Вэнтри соглашался вести дела с таким великим человеком только при условии уплаты наличными.

Поэтому, когда старый джентльмен встал и, прерывая свою речь частыми приступами кашля, напомнил герцогу, что он может сдать свое бедное жилище, притязания всех остальных были отвергнуты и Найджел был назначен постояльцем к Трамбуа.

Едва это дело было улажено, лорд Гленварлох выразил Лоустофу свое желание как можно скорее покинуть это сомнительное сборище и распрощался с небрежной поспешностью, что могло бы произвести на присутствующих неблагоприятное впечатление, если бы не рейнское вино, появившееся как раз при его уходе. Студент проводил своего друга до дома старого ростовщика, путь к которому был слишком хорошо знаком ему, так же как и многим другим юношам из Темпла. По дороге он заверил лорда Гленварлоха, что тот будет жить в единственном чистом доме Уайтфрайерса — качество, которым он был обязан исключительно стараниям единственной дочери старика, старой девы, достаточно безобразной, чтобы отпугнуть грех, которая, однако, станет, вероятно, достаточно богатой, чтобы ввести в искушение какого-нибудь пуританина, как только дьявол воздаст должное ее старому отцу. С этими словами Лоустоф постучал в дверь дома, и угрюмое, суровое лицо открывшей им женщины полностью подтвердило все то, что обитатель Темпла рассказал о хозяйке. Она выслушала с нелюбезным и недовольным видом сообщение студента о том, что сопровождающий его джентльмен будет постояльцем ее отца, пробормотала что-то о беспокойстве, которое это причинит ей, но в конце

концов показала им предназначенную для сдачи комнату, которая оказалась лучше, чем можно было бы предположить по внешнему виду этого жилища, и гораздо просторнее каморки на набережной у собора святого Павла, хотя и уступала ей в чистоте.

Убедившись в том, что лорд Гленварлох окончательно устроился на новой квартире, и снабдив его списком цен, по которым он мог получить пищу из соседней харчевни, Лоустоф распрощался со своим другом, предложив в то же время прислать ему все или хотя бы часть имущества, оставшегося в его прежнем жилище. Найджел назвал очень небольшое количество предметов, и студент невольно выразил предположение, что его светлость, вероятно, не собирается долго наслаждаться своими новыми привилегиями.

— Они слишком не подходят к моим привычкам и вкусам, чтобы я мог стремиться к этому, — ответил лорд Гленварлох.

— Может быть, завтра вы измените свое мнение, — сказал Лоустоф. — Итак, желаю вам доброй ночи. Завтра я навещу вас пораньше.

Наступило утро, но вместо студента оно принесло лишь письмо от него. В этом послании говорилось о том, что посещение Лоустофом Эльзаса навлекло на него порицание со стороны некоторых старых ворчунов из числа старшин юридической корпорации и что он счел благоразумным не появляться там в настоящее время из боязни привлечь слишком большое внимание к резиденции лорда Гленварлоха. Он сообщил, что принял меры для сохранения его имущества и пришлет ему с надежным человеком денежную шкатулку и нужные ему вещи. Затем следовало несколько мудрых советов, продиктованных знакомством Лоустофа с Эльзасом и его нравами. Он советовал Найджелу держать ростовщика в полном неведении относительно состояния своих финансов, никогда не играть в кости с капитаном — он такой плут и скряга и расплачивается за свои проигрыши тремя сло-

вами¹ — и, наконец, остерегаться герцога Хилдеброда, острого как иголка, хотя, как он выразился, у него не больше глаз, чем у этой необходимой принадлежности женского рукоделия.²

Глава XVIII

М а т ь

Ослеплена ты зеркальцем Амура —
Он зайчиками дразнит проходящих,
Как уличный мальчишка: стоит им
Споткнуться — то-то радости!

Д о ч ь

Ах, нет!
Не солнца луч — мне молния сверкнула
И зренье затуманила навек.

*«Жаркое и пудинг»,
старинная английская комедия*

Здесь нам придется на некоторое время покинуть нашего героя, оставив его в положении, которое никак нельзя назвать безопасным, удобным или делающим ему честь, и изложить обстоятельства, имеющие прямую связь с его приключениями.

На третий день после того, как Найджел был вынужден укрыться в доме старого Трапбуа, знаменитого уайтфрайерского ростовщика, прозванного Золотым Трапбуа, хорошенькая дочка часовщика Рэмзи вышла из дому в восемь часов утра. Благоприятно дождавшись, когда отец ее кончит завтракать (она всегда за ним присматривала, опасаясь, как бы в приступе глубокой задумчивости он не проглотил солонку вместо куска хлеба), и увидев, что он снова с головой ушел в вычисления, она в сопровождении старой преданной служанки Дженет, привыкшей подчиняться всем капризам хозяйки, отправилась на Ломбард-стрит, где и нарушила в этот неурочный час

¹ Я ваш должник.

² По-английски ушко иголки называется глазом (eye).

покой тетушки Джудит, сестры своего достойного крестного.

Почтенная старая дева приняла посетительницу не слишком любезно, ибо, само собой разумеется, она не разделяла ни того восхищения, в какое приводило мастера Джорджа Гериота прехорошенькое личико Маргарет, ни его снисходительности к ее безрассудной ребяческой нетерпеливости. Но как бы то ни было, юная Маргарет была любимицей брата, а воля его — верховным законом для тетушки Джудит, и потому она удовольствовалась тем, что обратилась к неожиданной гостье с вопросом, зачем это ей понадобилось в такую рань высовывать на улицу свою бледную рожицу.

— Мне надо поговорить с леди Гермией, — ответила еле слышно девушка, и кровь, прилившая к ее щекам, опровергла замечание тетушки Джудит относительно ее бледности.

— С леди Гермией? — переспросила тетушка Джудит. — С самой леди Гермией? Да еще в такое время? Ведь она и днем-то почти никого не желает видеть. Ты либо рехнулась, глупая девчонка, либо злоупотребляешь снисходительностью моего брата и леди Гермией.

— Нет, нет, уверяю вас, — проговорила Маргарет, стараясь удержать непрошеные слезы, которые, казалось, вот-вот брызнут у нее из глаз. — Вы только передайте леди, что крестница вашего брата очень хочет поговорить с ней. Я знаю, она не откажется меня принять.

Тетушка Джудит устремила пристальный, недоверчивый и пытливый взор на юную посетительницу.

— А почему бы тебе, милочка, не сделать поверенной меня, а не леди Гермией? — спросила она. — Я старше и опытнее, чем она. Уж я-то лучше знаю жизнь, чем та, что заперлась в четырех стенах, и к тому же у меня больше средств помочь тебе.

— Ах, нет, нет! — воскликнула Маргарет более пылко и искренне, нежели допускала учтивость. — Есть вещи, в которых вы не можете дать мне совет,

тетя Джудит. Простите, дорогая тетушка, но это дело не вашего разумения.

— Очень рада это слышать, моя милая, — с досадой отозвалась тетушка Джудит. — Безрассудства нынешних молодых людей и впрямь могут лишить ума такого старого человека, как я. Полюбуйтесь: бежала ни свет ни заря на другой конец Лондона, чтобы рассказать какой-то вздор женщине, которая солнышко-то божье видит только тогда, когда оно освещает кирпичную стену напротив окна. Ну что ж, пойду скажу ей, что ты здесь.

Она ушла и в скором времени возвратилась с сухим ответом:

— Мистрис Маргарет, леди будет рада видеть вас. И скажу вам, сударыня, это гораздо больше того, на что вы могли рассчитывать.

Маргарет молча опустила голову, будучи слишком занята собственными невеселыми мыслями, чтобы пытаться задобрить тетушку Джудит или, что при иных обстоятельствах больше соответствовало бы ее характеру, отплатить тетушке за ее колкости и сварливость той же монетой. Поэтому она в унылом молчании последовала за тетушкой Джудит к прочной дубовой двери, отделявшей покои леди Гермiony от остальных комнат просторного дома Джорджа Гериота.

У входа в это святилище необходимо немного помедлить, чтобы внести некоторые поправки в рассказы, доведенные Ричи Мониплайзом до сведения своего хозяина и касавшиеся таинственного присутствия на семейных молитвах женщины, которую мы представляем теперь под именем леди Гермiony. Часть фантастических измышлений была почерпнута достойным шотландцем из разговора с Дженкином Винсентом, который отлично наловчился в том сорте остроумия, какой долго пользовался успехом в Сити и пускался в ход для того, чтобы надуть, провести, обставить, втереть очки, разыграть, облапошить и околпачить! Для этой цели нельзя было найти лучшего объекта, нежели Ричи Мониплайз с его степенностью, важностью, полным непониманием шуток и врожденной склонностью ко всему необыкновенному. Затем

рассказ был дополнительно разукрашен самим Ричи, который всегда, а в особенности подогретый хорошей выпивкой, был расположен к некоторым преувеличениям и, пересказывая хозяину все удивительные подробности, выложенные Винсентом, не преминул добавить к ним собственные изобретательные догадки, опрометчиво превращенные его воображением в факты. Впрочем, жизнь, которую леди Гермиона вела вот уже два года в доме Джорджа Гериота, была столь странной, что почти оправдывала ходившие о ней нелепые слухи.

Дом, где жил почтенный золотых дел мастер, некогда принадлежал богатому и могущественному баронскому роду, последней представительницей которого была в царствование Генриха VIII вдовствующая леди, очень богатая, очень благочестивая и беззаветно преданная католической вере. Ближайшим другом достопочтенной леди Фолджамб была настоятельница женского монастыря святого Роха, такая же непреклонная и ревностная папистка. Когда монастырь святого Роха был закрыт деспотическим указом вспыльчивого монарха, леди Фолджамб приютила в своем поместительном доме старую приятельницу и двух монахинь, пожелавших, по примеру настоятельницы, остаться верными своим обетам, вместо того чтобы воспользоваться мирской свободой, предоставленной им волею монарха. Соблюдая всяческую тайну, ибо Генриху могло прийти не по вкусу такое вмешательство в его распоряжения, леди Фолджамб отвела монахиням четыре комнаты и небольшой кабинет, приспособленный под молельню или домашнюю церковь; прочная дубовая дверь преграждала доступ посторонним, но при помощи поворотного круга, принятого во всех женских монастырях, к отшельницам могли пройти те, кто был им нужен. В этом убежище настоятельница монастыря святого Роха и ее приспешницы провели многие годы, общаясь с одной только леди Фолджамб, когорая считала, что молитвы монахинь, благодарных ей за оказываемую поддержку, делают ее чуть ли не святой. Настоятельница, к счастью для себя, умерла прежде своей

щедрой покровительницы, а та долго еще жила при королеве Елизавете, пока наконец ее не призвала смерть.

Дом леди Фолджамб унаследовал угрюмый фанатик — ее дальний родственник по боковой линии, который видел в изгнании жриц Ваала такую же заслугу, какую его предшественница усматривала в предоставлении приюта Христовым невестам. Из двух несчастных монахинь, выгнанных из их пристанища, одна уехала за море, а другая, не способная по причине преклонного возраста пуститься в такое путешествие, умерла под кровом одной бедной вдовы-католички. Сэр Поль Крэмбидж, избавившись от монахинь, выкинул из молельни церковную утварь и собирался было вовсе уничтожить их комнаты, но был остановлен соображением, что это повлечет за собой лишние издержки, так как он занимает лишь три комнаты во всем обширном доме и нет ни малейшей нужды перестраивать жилище. Сын его, оказавшийся мотом и расточителем, продал дом нашему знакомому Джорджу Гериоту, а тот, подобно сэру Полю найдя помещение более чем достаточным, оставил апартаменты Фолджамб, или, как их называли, комнаты святого Роха, в том виде, в каком получил. Приблизительно за два с половиной года до того, как начинается наша история, Гериот отправился по своим делам на континент, откуда прислал сестре, а также своему кассиру специальное распоряжение обставить комнаты святого Роха красиво, но просто, для дамы, которая остановится в них на некоторое время и будет поддерживать общение с их семьей в той мере, в какой ей будет угодно. Он велел также держать все необходимые приготовления в тайне и как можно меньше рассказывать о содержании письма.

Когда подошло время возвращения Гериота домой, тетушка Джудиг и все домочадцы были как на иголках от нетерпения. Мейстер Джордж вернулся, как и следовало из его письма, в сопровождении дамы такой замечательной красоты, что если бы не поразительная бледность ее лица, она могла бы считаться

одной из прекраснейших женщин на земле. С ней была служанка (или смиренная компаньонка), неотлучно при ней находившаяся. Эту особу, женщину лет пятидесяти, очень замкнутую и, судя по выговору, иностранку, госпожа называла монна Паула, а мейстер Гериот и его домашние — мадемуазель Полина. Она спала в комнате своей госпожи, ела тут же, в занимаемых ими покоях, и, можно сказать, весь день не разлучалась с ней.

Эти две женщины поселились в обители благочестивой настоятельницы и, хотя не столь строго соблюдали затворничество, все же почти полностью вернули апартаментам их первоначальное назначение. Новоприбывшие проводили там все время и трапезничали отдельно от семьи. Леди Гермiona, ибо таково было ее имя, не поддерживала никаких отношений с прислугой, а мадемуазель Полина — лишь самые необходимые, да и то спешила покончить с любым делом как можно скорее. Частые и щедрые подачки примирили слуг с таким поведением, и они говорили, что оказать услугу мадемуазель Полине — все равно, что найти клад. С тетушкой Джудит леди Гермiona была любезна и ласкова, но встречались они редко, что причиняло старшей из женщин муки любопытства и оскорбленного самолюбия. Но она так хорошо знала брата и так нежно его любила, что стоило ему выразить свое желание, как оно становилось и ее желанием. Достойному горожанину была свойственна некоторая доля деспотизма, который развивается у самых лучших людей, когда их слово — закон для окружающих. Мейстер Джордж не выносил расспросов; не вдаваясь в объяснения, он пожелал, чтобы леди Гермiona жила так, как ей нравится, и чтоб никто не пытался выяснять, кто она и что побуждает ее к такому строгому затворничеству, и сестра мейстера Джорджа прекрасно сознавала, что он был бы крайне недоволен, если бы кто-нибудь попытался проникнуть в тайну.

Хотя слуги Гериота молчали, задобренные деньгами, а его сестра тоже молча повиновалась, боясь навлечь на себя гнев, однако такого рода события не

могли ускользнуть от бдительного ока соседей. Одни высказывали мнение, что богатый мейстер решил сделаться папистом и снова восстанавливает кельи леди Фолджамб, другие — что он сошел с ума, третьи — что он собирается жениться или сотворить что-нибудь и того хуже. Однако регулярное посещение мейстером Джорджем церкви и то обстоятельство, что предполагаемая папистка присутствует на всех семейных молитвах, совершаемых по обряду англиканской церкви, сняли с Гериота первое из подозрений. Те, с кем он вел дела на бирже, не сомневались в здравости его ума. А в опровержение прочих слухов лица, питавшие особый интерес к этому предмету, сообщили со всей достоверностью, что мейстер Джордж Гериот видится со своей гостьей не иначе, как в присутствии мадемуазель Полины, которая во время их бесед сидит с рукоделием в дальнем углу той же комнаты. Было установлено также, что свидания их никогда не продолжались более часа и происходили не чаще одного раза в неделю, то есть были слишком коротки и разделялись слишком долгими перерывами, чтобы можно было заподозрить тут любовную связь.

Итак, любопытные остались ни с чем, и им пришлось отказаться от попыток проникнуть в тайну мейстера Гериота. Но зато среди невежд и суеверных ходили тысячи невероятных басен, и одним из образчиков их может служить та, которой угостил нашего знакомого Ричи Мониплайза коварный ученик почтенного Дэвида Рэмзи. Одна только особа, как полагали, могла (если б захотела) рассказать о леди Гермione больше, чем кто-либо в Лондоне, за исключением самого Джорджа Гериота, и особой этой была единственная дочь упомянутого Дэвида Рэмзи — Маргарет.

Девушке едва минуло пятнадцать лет, когда леди Гермione приехала в Англию. Маргарет очень часто бывала у своего крестного, которому доставляли большое удовольствие ее детские выходки и безыскусственная прелесть, с какой она пела песни своей родины. Избалована она была донельзя — и снисходи-

тельностью крестного, и рассеянностью и безразличием отца, и потаканием всех окружающих капризам красавицы и богатой наследницы. Но хотя городская красотка от этого стала своенравной, капризной и жеманной, какими почти неизбежно делаются те, кому безмерно потакают, и хотя в одних случаях она проявляла ту смесь крайней застенчивости, молчаливости и сдержанности, которую барышни-подростки принимают за образец девической скромности, а в других случаях отличалась изрядной дерзостью, какую молодость иногда смешивает с остроумием, — несмотря на все это мистрис Маргарет обладала большой долей проницательности и здравым смыслом, нуждавшимся для своего развития лишь в житейском опыте; природа наделила ее также живым, веселым, добродушным характером и прекрасным сердцем. Блажь, какую Маргарет на себя напускала, в значительной степени усиливалась от чтения пьес и романов; она уделяла им очень много времени и почерпнула из них понятия, совершенно отличные от тех, какие могла бы усвоить благодаря неоценимым и доброжелательным советам любящей матери, а всякие ее причуды и капризы подали повод к небезосновательным упрекам в жеманстве и кокетстве. Однако девушка была достаточно умна и хитра, чтобы скрывать свои недостатки в присутствии крестного, к которому была искренне привязана. Она настолько завоевала его расположение, что по его просьбе была даже допущена к таинственной затворнице.

Станный образ жизни, какой вела леди Гермиона, ее необыкновенная красота, еще более подчеркнутая крайней бледностью, тщеславное чувство удовлетворения, испытываемое Маргарет оттого, что она удостоилась чести ближе чем кто бы то ни было познакомиться с особой, окутанной непроницаемой тайной, — все это произвело глубокое впечатление на юную дочь часовщика. И хотя беседы с леди Гермионой не бывали ни долгими, ни душевными, Маргарет, гордая оказанным доверием, хранила такое глубокое молчание о предмете их разговоров, как будто каждое обретенное ею слово могло стоять ей жизни.

Никакие расспросы, искусно подкрепленные лестью и заискиванием, будь то со стороны миссис Урсулы или любого другого лица, в равной мере любопытного, не могли вырвать у девушки ни слова о том, что она слышала или видела в таинственном жилище, отрезанном от всего мира. Малейшей попытки выведать что-либо о привидении в доме мейстера Гериота было достаточно, чтобы заставить Маргарет умолкнуть в самый разгар беззаботной болтовни.

Мы упоминаем об этом главным образом для того, чтобы показать твердость характера, проявившуюся у Маргарет уже в раннем возрасте, — твердость, скрытую под сотней разных шалостей и сумасбродств, как старинная массивная арка скрывается под причудливым покровом из плюща и выюнков.

Впрочем, если бы девушка и рассказывала обо всем, что слышала и видела в покоях святого Роха, она вряд ли удовлетворила бы любопытных своими слишком скудными сведениями.

В начале их знакомства леди Гермiona имела обыкновение отдаривать свою маленькую приятельницу за незначительные услуги недорогими, но изысканными вещицами и занимала ее, показывая заграничные диковинки и безделушки, нередко весьма ценные. Иной раз время проходило для Маргарет куда менее приятно; это бывало тогда, когда Полина обучала ее вышиванию. Несмотря на то, что наставница владела этим искусством в совершенстве, достигнутом в то время лишь монахинями чужеземных монастырей, ученица оказалась такой неисправимо ленивой и неловкой, что вышивание в конце концов оставили и заменили уроками музыки. Здесь Полина также показала себя на редкость способной учительницей, и Маргарет, одаренная от природы, преуспела как в пении, так и в игре на инструментах. Уроки эти происходили при леди Гермione, ибо, как видно, доставляли ей большое удовольствие. Порой она и сама принималась подпевать чистым, мелодичным голосом, но это случалось только тогда, когда музыка была духовного характера. По мере того как Маргарет становилась старше, общение ее с затворницей

приобретало иной характер. Ей позволяли рассказывать обо всем, что она видела в городе, и даже поощряли к этому. Леди Гермиона, отмечая про себя сообразительность, цепкую память и острую наблюдательность молодой девушки, часто находила нужным предостеречь ее от опрометчивости в суждениях и от резкости в их выражении. Привыкнув уважать эту необыкновенную женщину, мистрис Маргарет, отнюдь не испытывавшая удовольствия от чьих-либо возражений и порицаний, терпеливо выслушивала наставления своей покровительницы, сознавая, что они даются с добрыми намерениями. Но в глубине души она отказывалась понять, как мадам Гермиона, никогда не покидающая четырех стен, может учить жизни ту, которая по два раза в неделю совершает путь от Темпл-Бара до Ломбард-стрит да, кроме того, каждое воскресенье в хорошую погоду прогуливается в парке. Красавица Маргарет настолько не выносила ничьих увещаний, что связь ее с обитательницами покоев святого Роха, по всей вероятности, слабела бы по мере расширения круга ее знакомств, если бы, с одной стороны, у нее уже не выработалась непреодолимая привычка почитать свою наставницу, а с другой — если бы ей не было лестно доверие, оказываемое ей предпочтительно перед другими, напрасно его жаждавшими. Вдобавок обычно серьезные речи леди Гермионы не были ни строгими, ни чопорными, и когда подчас Маргарет осмеливалась пускаться при ней в легкомысленные разговоры, леди Гермиону это не раздражало, хотя монна Паула подымала глаза к небу и испускала вздох сострадания, какое испытывает благочестивая душа к поклонникам суетной и безбожной жизни. Короче говоря, девушка, хотя и не без гримасы неудовольствия, прислушивалась к серьезным увещаниям леди Гермионы, тем более что тайна, связанная с личностью ее наставницы, с самого начала соединялась в ее представлении с неясной идеей о богатстве и знатности, что скорее подтвердилось, чем было опровергнуто, многими обстоятельствами, которые она подметила позднее, когда уже была способна наблюдать.

Случается часто, что советы, кажущиеся нам докучливыми, когда мы их не просим, становятся в наших глазах драгоценными, когда под гнетом невзгод мы начинаем меньше доверять собственному суждению, чем в беззаботные дни, особенно если мы предполагаем, что советчик в силах и склонен подкрепить свой совет существенной помощью. Мистрис Маргарет очутилась теперь именно в таком положении, когда ей требовались, или она полагала, что требовались, совет и помощь. Проведя тревожную, бессонную ночь, она наутро решила обратиться к леди Гермione, ибо была уверена, что та охотно даст совет и, как Маргарет надеялась, сможет оказать помощь. Состоявшийся между ними разговор лучше всего объяснит цель ее посещения.

Глава XIX

Клянусь, вот это девушка! Она
За воином последовала в лагерь,
Чтоб раны перевязывать ему;
И лоб его кровавый целовала,
И песню пела, провожая в бой, —
И отзывались вражьи барабаны
Припевом грозным.

Старинная пьеса

В покоях Фолджамб мистрис Маргарет застала их обитательниц за обычными занятиями: госпожа читала, а служанка вышивала большой гобелен, над которым она трудилась с тех пор, как Маргарет была впервые допущена в уединенную обитель.

Гермиона ласково кивнула госте, но не сказала ни слова, и Маргарет, привыкшая к такому приему, а на этот раз даже обрадованная им, так как он давал ей время собраться с мыслями, подошла к пядьцам и, наклонившись к монне Пауле, негромко сказала:

— Когда я в первый раз увидела вас, монна, вы вышивали вот эту розу. Здесь даже остался след от

моей неумелой руки, когда я испортила цветок, пытаясь поймать спустившуюся петлю. Мне было тогда немногим больше пятнадцати лет. Эти цветы делают меня старой, монна Паула.

— Я хотела бы, чтоб они сделали тебя умной, дитя мое, — ответила монна Паула, в чьем мнении хорошенькая мистрис Маргарет стояла не так высоко, как во мнении ее госпожи, что объяснялось отчасти врожденной суровостью монны Паулы, делавшей ее нетерпимой к молодости и живости, а отчасти ревностью, какую любимая служанка испытывает ко всякому, на кого может распространиться привязанность ее госпожи.

— Что ты сказала монне, дитя мое? — спросила леди.

— Ничего особенного, мадам, — ответила Маргарет, — только то, что настоящие цветы цвели трижды с тех пор, как я впервые увидела монну Паулу за работой в ее искусственном саду, а ее фиалки все еще не распустились.

— Справедливое замечание, мой резвый мотылек, — сказала Гермiona, — но зато чем дольше они остаются бутонами, тем дольше будут цвести. Цветы в садах цвели трижды, говоришь ты, но они трижды и отцветали. Цветы же монны Паулы будут цвести вечно, не страшась ни мороза, ни бури.

— Вы правы, мадам, — ответила мистрис Маргарет, — но в них нет ни жизни, ни аромата.

— А это, дитя мое, все равно, что сравнивать жизнь, исполненную опасений и надежд, переменных удач и разочарований, волнуемую то любовью, то ненавистью, жизнь со страстями и страданиями, омраченную и укороченную изнуряющими сердце превратностями, с безмятежным и спокойным существованием, когда человек руководствуется только сознанием долга, существованием, плавное и ровное течение которого заполнено лишь неукоснительным исполнением своих обязанностей. Это ты хотела сказать своим ответом?

— Сама не знаю, мадам, — сказала Маргарет, — но только из всех птиц я предпочла бы быть жаво-

ронком, который поет, камнем падая с высоты, не-
жели петухом, который сидит себе наверху, на же-
лезном шпиле, и поворачивается только по обязанно-
сти, указывая, куда дует ветер.

— Метафора не есть довод, моя дорогая, — заме-
тила, улыбаясь, леди Гермiona.

— И очень жаль, мадам, — возразила Маргарет, — потому что это такой удобный способ обвиня-
ком высказать свое мнение, когда оно расходится с
мнением старших. К тому же сравнений на эту тему
можно придумать бесконечное множество, и все они
будут вежливы и уместны.

— В самом деле? — отозвалась леди. — А ну-ка,
послушаем хотя бы несколько из них.

— Вот, например, — продолжала Маргарет, — бы-
ло бы дерзко с моей стороны сказать вашей милости,
что спокойной жизни я предпочитаю смену надежды
и страха, или приязни и неприязни, или... ну и про-
чих чувств, о которых изволила говорить ваша ми-
лость. Но зато я могу сказать свободно, не боясь осу-
ждения, что мне больше по душе бабочка, чем жук,
трепещущая осина — чем мрачная шотландская сос-
на, которая никогда не шевельнет ни единой веткой,
и что из всех вещей, созданных из дерева, меди и
провода руками моего отца, мне более всего нена-
вистны отвратительные громадные старинные часы
немецкого образца, — они так методически отбивают
часы, получасы, четверти и восьмые, как будто это
страшно важно и весь мир должен знать, что они за-
ведены и идут. Право, дорогая леди, вы только срав-
ните этого неуклюжего лязгающего уroda с изящ-
ными часами, которые мейстер Гериот заказал мо-
ему отцу для вашей милости: они играют множество
веселых мелодий, а каждый час, когда они начинают
бить, из них выскакивает целая труппа мавританских
танцоров и кружится под музыку в хороводе.

— А какие часы точнее, Маргарет? — спросила
леди.

— Должна сознаться, что старые, немецкие, — от-
ветила Маргарет. — Видно, вы правы, мадам: сравне-
ние не довод, по крайней мере мне оно не помогло.

— Честное слово, милая Маргарет, — промолвила леди, улыбаясь, — ты, я вижу, много передумала за последнее время.

— Пожалуй, слишком много, мадам, — сказала Маргарет как можно тише, чтобы ее услышала только леди Гермiona, позади которой она стояла. Слова эти были произнесены очень серьезно и сопровождались легким вздохом, что не ускользнуло от внимания той, к кому они были обращены. Леди Гермiona быстро обернулась и пристально посмотрела на Маргарет, затем, помолчав несколько секунд, приказала монне Пауле перенести пяльцы и вышивание в соседнюю комнату. Когда они остались наедине, Гермiona велела своей молоденькой приятельнице выйти из-за стула, на спинку которого та опиралась, и сесть около нее на скамеечку.

— Я останусь здесь, с вашего позволения, мадам, — ответила Маргарет, не двигаясь с места, — я предпочла бы, чтобы вы слышали меня, но не видели.

— Ради бога, моя милая, — сказала ее покровительница. — Да что же это такое, что ты не можешь сказать в лицо такому верному другу, как я?

Маргарет уклонилась от прямого ответа и заметила:

— Вы были правы, дорогая леди, когда сказали, что в последнее время я позволила моим чувствам слишком сильно завладеть мною. Я поступила очень дурно, и вы будете недовольны мною, и крестный тоже, но делать нечего — он должен быть спасен.

— Он? — повторила выразительно леди. — Одно это коротенькое слово уже объясняет твой секрет. Выходи же из-за стула, глупенькая! Держу пари — ты подпустила одного веселого юного подмастерья слишком близко к свдему сердечку. Я уж давно ничего не слышу от тебя о молодом Винсенте. Но, быть может, молчат уста, но не молчит сердце? Неужели ты была так легкомысленна, что позволила ему говорить с тобой откровенно? Я слышала, что он смелый юноша.

— Однако недостаточно смелый, чтобы сказать мне что-либо неприятное для меня, мадам, — отзывалась Маргарет.

— А может быть, он говорил то, что тебе не было неприятно, или, может быть, ничего не говорил, а это гораздо лучше и благоразумнее. Ну же, открой мне свое сердце, дорогая. Скоро вернется твой крестный, и тогда мы посоветуемся с ним. Если юноша трудолюбив и из хорошей семьи, то его бедность не послужит таким уж непреодолимым препятствием. Но вы оба еще так молоды, Маргарет. Я знаю, твой крестный пожелает, чтобы молодой человек сперва окончил срок своего ученичества.

До сих пор Маргарет слушала молча и не выводила леди из заблуждения просто потому, что не знала, как прервать ее. Но при последних словах вся досада ее прорвалась, и у нее достало смелости сказать наконец:

— Прошу простить меня, мадам, но ни упомянутый вами молодой человек, ни любой другой подмастерье или мастер во всем лондонском Сити...

— Маргарет, — прервала ее леди, — презрительный тон, каким ты говоришь о людях твоего круга — сотни, если не тысячи, их во всех отношениях лучше тебя и оказали бы тебе честь, обратив на тебя внимание, — не служит, как мне думается, признаком разумности сделанного тобой выбора, а выбор, судя по всему, сделан. Кто он, девочка, кому ты столь опрометчиво отдала свое сердце? Боюсь, что именно опрометчиво.

— Это молодой шотландец, лорд Гленварлох, мадам, — произнесла Маргарет тихо и сдержанно, но достаточно твердо.

— Молодой лорд Гленварлох! — повторила с великим изумлением леди. — Милая моя, да ты не в своем уме!

— Я так и знала, что вы это скажете, мадам, — ответила Маргарет. — То же самое я уже слышала от одной особы; вероятно, так скажут все окружающие; я и сама порой говорю это себе. Но посмотрите на меня, мадам: вот я стою теперь прямо перед вами;

скажите, есть ли безумие в моем взгляде, путаница в моих словах, когда я повторяю снова, что полюбила этого молодого дворянина?

— Если в твоём взгляде и нет безумия, моя милая, то слова твои исполнены безрассудства, — резко возразила леди Гермиона. — Слышала ли ты когда-либо, чтобы любовь простой девушки к знатному человеку принесла что-нибудь, кроме несчастья? Ищи среди равных себе, Маргарет, избегай неисчислимых опасностей и страданий, сопутствующих страсти к человеку, стоящему выше тебя. Чему ты улыбаешься, моя милая? Что смешного в моих словах?

— Ничего, мадам, — ответила Маргарет, — я просто подумала, как странно устроен мир: хотя происхождение и звание пролагают пропасть между людьми, созданными из той же плоти и крови, мысли простонародья текут по одному направлению с мыслями образованных и благородных. Те и другие только по-разному выражают свои мысли. Миссис Урсли сказала мне совершенно то же самое, что и ваша милость, только вы говорите о безмерных страданиях, а миссис Урсли вспомнила о виселице и о повешенной миссис Тёрнер.

— В самом деле? — сказала леди Гермиона. — А кто эта миссис Урсли, которую ты наравне со мной весьма мудро выбрала для столь трудного дела, как давать советы глупцу?

— Это жена цирюльника, которая живет по соседству с нами, мадам, — с притворным простодушием ответила Маргарет, в глубине души радуясь тому, что нашла способ косвенным образом уязвить свою наставницу. — Она самая умная женщина после вашей милости.

— Достоянная наперсница, — ответила леди, — и выбрана с тонким пониманием того, что подобает тебе и другим! Но что с тобой, моя милая? Куда ты?

— Просить совета у миссис Урсли, — ответила Маргарет, делая вид, что собирается уходить. — Я вижу, ваша милость, что вы сердитесь и не хотите помочь мне, а мое дело не терпит промедления.

— Какое дело, глупенькая? — спросила леди, смягчившись. — Садись и рассказывай. Правда, ты дурочка и вдобавок обидчивая, но ты еще ребенок, милый ребенок, хотя и своевольный и взбалмошный, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь тебе. Садись же, я тебе говорю, ты увидишь, что я более надежный и благоразумный советчик, чем какая-то жена цирюльника. Прежде всего скажи мне, с чего ты вообразила, будто навсегда полюбила человека, которого видела, если не ошибаюсь, всего однажды?

— Я видела его больше, — ответила, потупившись, девушка, — но разговаривала только один раз. Этот один раз я могла бы выкинуть из головы, хоть впечатление было столь глубоким, что даже сейчас я могу повторить каждое незначущее слово, сказанное им, но особые обстоятельства запечатлели с тех пор его образ в моем сердце навеки.

— Милая моя, — возразила леди, — слово «навек» первым срывается с языка в подобных случаях, но именно его следовало бы произносить последним. Все в этом мире — его страсти, его радости и горести — уносится, словно легкий ветерок. Вечно лишь то, что ожидает нас за могилой.

— Совершенно справедливо, мадам, — спокойно сказала Маргарет. — Мне следовало говорить лишь о моем нынешнем душевном состоянии, которое останется неизменным в течение всей моей жизни, а она, бесспорно, будет короткой.

— Что же в нем такого, в этом шотландском лорде, что ты принимаешь так близко к сердцу все, касающееся его судьбы? — спросила леди. — Я признаю, что он привлекательный юноша, я видела его. И я допускаю, что он учтив и любезен. Но какими другими достоинствами, конечно совершенно исключительными, он еще обладает?

— Он несчастлив, мадам, бесконечно несчастлив, его окружили искусно расставленными ловушками, чтобы погубить его репутацию, лишить имущества, а может быть, даже жизни. Козни эти были первоначально задуманы из корысти, но теперь их строят из

мстительных побуждений, и вдохновитель их, как мне кажется, само олицетворение беспредельного коварства, ибо лорд Дэлгарно...

— Монна Паула, монна Паула! — вскричала леди Гермiona, прервав свою приятельницу. — Она не слышит меня, — добавила она, вставая и направляясь к двери. — Мне надо видеть ее. Я сейчас же вернусь.

Она действительно очень скоро возвратилась.

— Ты упомянула имя, показавшееся мне знакомым, — сказала она, — но монна Паула исправила мою ошибку. Я не знаю этого лорда. Как ты назвала его?

— Лорд Дэлгарно, — ответила Маргарет. — Он самый гадкий человек на земле. Прикинувшись другом, он завлек лорда Гленварлоха в игорный дом, надеясь втянуть его в большую игру. Но тот, с кем имел дело вероломный предатель, оказался слишком добродетельным, воздержанным и осторожным, чтобы попасться в подстроенную ему западню. И что же тогда делает лорд Дэлгарно? Он обращает умеренность лорда Гленварлоха против него же и внушает окружающим, что этот молодой человек, не желая сделаться жертвой хищников, сам примкнул к их стае, чтобы урвать свою долю добычи! И пока этот бесчестный лорд Дэлгарно рыл яму своему доверчивому соотечественнику, он всеми мерами старался удержать того в обществе таких же гнусных личностей, как он сам, чтобы помешать ему явиться ко двору и встречаться с теми, с кем пристало. Со времени Порохового заговора не существовало тайного сговора, более тонко рассчитанного, более подло и осторожно выполняющегося.

Леди грустно улыбнулась горячности Маргарет, но тут же вздохнула и заметила, что та слишком молода и мало знает свет, в котором ей суждено жить, если ее так сильно поражает царящая в нем подлость.

— Но какими способами, милая, — добавила она, — тебе удалось проникнуть в тайные замыслы

лорда Дэлгарно, человека весьма осмотрительного, как и все негодяи?

— Позвольте мне умолчать об этом, — ответила девушка. — Я не могу ничего сообщить вам, не выдав других лиц. Достаточно сказать, что сведения мои так же достоверны, как надежны те тайные средства, при помощи которых они добыты. Но о них не должны знать даже вы.

— Ты чересчур дерзко для твоего возраста вмешиваешься в такие дела, Маргарет, — сказала леди. — Это не только опасно, но и неприлично для молодой девушки.

— Я знала, что вы так скажете, — промолвила Маргарет, выслушав упрек с необычными для нее кротостью и терпением. — Но видит бог, мое сердце свободно от всех чувств и мыслей, кроме желания помочь ни в чем не повинному, обманутому человеку. Мне удалось послать ему письмо, в котором я предостерегала его от вероломного друга. Увы! Моя забота лишь погубила лорда Гленварлоха, и спасти его может только немедленная помощь. Он обвинил коварного друга в предательстве, обнажил против него шпагу в парке и теперь неизбежно подвергнется ужасному наказанию за нарушение привилегий королевских владений.

— Поистине невероятная история, — сказала Гермiona. — Так лорд Гленварлох в тюрьме?

— Нет, мадам; слава богу, он успел укрыться в Уайтфрайерсе. Но пока неизвестно, смогут ли там оказать ему в данном случае покровительство. Говорят, есть предписание верховного судьи об его аресте. Одного джентльмена из Темпла арестовали, и ему грозят неприятности за пособничество при побеге. Уже одно то, что лорд Гленварлох, пусть даже временно и по крайней необходимости, нашел прибежище в таком мерзком месте, будет использовано, чтобы еще сильнее опорочить его. Все это мне известно, и все-таки я не могу спасти его... не могу спасти без вашей помощи.

— Без моей помощи, милая? — переспросила леди. — Да ты совсем потеряла голову! Чем я могу

помочь этому несчастному юноше, живя так замкнуто?

— И все же вы можете, — горячо возразила Маргарет. — У вас есть возможность — или я глубоко заблуждаюсь — возможность сделать все, что угодно, в этом городе, да и в целом мире тоже. У вас есть деньги. Небольшая часть их поможет мне вызволить лорда Гленварлоха из беды. Ему пособят скрыться, а я... — Тут она умолкла.

— А ты, конечно, последуешь за ним и пожнешь плоды своих трудов и своей дальновидности? — насмешливо промолвила леди Гермиона.

— Да простит вам бог ваши несправедливые подозрения, миледи! — ответила Маргарет. — Я больше никогда не увижу его. Но я буду счастлива одной мыслью, что я его спасла.

— Какое холодное завершение столь пламенной и смелой страсти! — с недоверчивой усмешкой произнесла леди.

— И тем не менее единственное, какого я могу ожидать, мадам; скажу даже больше — какого я сама хочу. Вы можете быть уверены, что я не приложу никаких усилий, чтобы привести события к другой развязке. Если я и смела ради него, то когда надо постоять за себя, я даже чересчур робка. Во время нашей единственной встречи я не вымолвила ни слова. Он не слышал моего голоса. Все, на что я решилась и еще решусь, я делаю для человека, который, если его спросят, ответит, что давным-давно позабыл о том случае, когда он виделся, говорил и сидел рядом с такой незначительной особой, как я.

— Но с твоей стороны это непостижимое и безрассудное потворство безысходной и даже опасной страсти, — сказала леди Гермиона.

— Значит, вы не хотите мне помочь? — спросила Маргарет. — В таком случае до свидания, мадам. Надеюсь, в столь достойных руках моя тайна будет в безопасности.

— Погоди немного, — сказала леди, — объясни мне, к каким способам ты прибегнешь, чтобы спасти юношу, если получишь в свое распоряжение деньги?

— Бесполезно спрашивать меня об этом, мадам, — ответила Маргарет, — если вы не собираетесь мне помочь. А если и собираетесь, то и тогда бесполезно: вы не можете понять, почему я вынуждена прибегнуть к этим средствам, а для объяснений слишком мало времени.

— Но уверена ли ты в успешности своего плана? — спросила леди.

— Да, — ответила Маргарет Рэмзи, — с помощью небольшой суммы я смогу одолеть всех врагов лорда Гленварлоха, помочь ему избежать гнева раздраженного короля, а также более сдержанного, но и более упорного недовольства принца, мстительности Бакингема, обращенной против любого, кто встанет на его честлюбивом пути, холодной, обдуманной злобы лорда Дэлгарно — словом, я одолею всех врагов!

— Но ты не станешь рисковать сама, Маргарет? — спросила леди. — Каковы бы ни были твои намерения, ты не должна губить свое доброе имя и самое себя из романтического стремления спасти ближнего. Ведь я отвечаю за тебя перед твоим крестным, твоим и моим благодетелем, и не могу поддерживать тебя в какой-либо опасной или недостойной затее.

— Даю вам мое слово, клянусь, дорогая леди, — ответила Маргарет, — я буду действовать при посредстве других и ни в коем случае не приму личного участия ни в каком рискованном и неподобающем для женщины деле.

— Не знаю просто, что и делать, — промолвила леди Гермiona. — Быть может, неосторожно и неблагоприятно с моей стороны способствовать осуществлению такого безумного замысла, но цель мне кажется достойной, и если средства надежны... А каково будет наказание, если он попадет в руки правосудия?

— Увы, он потеряет правую руку, — ответила Маргарет, едва сдерживая слезы.

— Неужели законы Англии так жестоки? Так, значит, милосердие существует только на небесах, если даже в этой свободной стране человек человеку волк. Успокойся, Маргарет, и скажи мне, сколько

требуется денег, чтобы устроить побег лорда Гленварлоха?

— Двести золотых, — ответила Маргарет. — Я бы, конечно, могла говорить о возвращении их... когда-нибудь, когда я смогу распоряжаться... если бы я не знала, то есть не предполагала, что для вашей милости это не имеет значения.

— Ни слова больше, — сказала леди, — позови монну Паулу,

Глава XX

Поверь мне, друг, так было, есть
и будет, —
Со дней далеких Ноева ковчега
Мужчина лжет, а женщина все верит —
И плачет, и клянет, и верит вновь

«Новый мир»

Когда Маргарет вернулась с монной Паулой, леди Гермiona, встав из-за стола, за которым писала что-то на клочке бумаги, протянула записку своей служанке.

— Монна Паула, — сказала она, — отнесите это кассиру Робертсу. Возьмите у него деньги, о которых здесь говорится, и принесите их немедленно сюда.

Монна Паула удалилась, а госпожа продолжала:

— Не знаю, хорошо ли я поступаю, Маргарет. Моя жизнь протекала в полном уединении, и я совершенно незнакома с ее практической стороной. И я знаю, что неведение это нельзя восполнить одним чтением. Боюсь, что, потворствуя тебе, я поступаю во вред тебе же, а может быть, и законам страны, давшей мне приют. И все-таки сердце мое не может не внять твоим мольбам.

— Слушайтесь его, только его, дорогая, великодушная леди! — воскликнула Маргарет, бросаясь на колени и обнимая ноги своей благодетельницы; в этой позе она напоминала прекрасную деву, вызывающую к своему ангелу-хранителю. — Ведь людские законы всего только измышления самих людей, но голос

сердца есть эхо голоса небес, звучащее в нашей душе.

— Встань, встань, моя милая, — сказала леди Гермiona, — ты растрогала меня, а я уже думала, ничто не способно меня тронуть. Встань и скажи мне, как могло случиться, что в столь короткий срок твои мысли, твоя наружность, слова и даже самые незначительные поступки изменились до такой степени, что ты больше непохожа на прежнюю капризную, взбалмошную девочку, — твои слова и поступки полны энергии и страстного воодушевления.

— Поверьте, я и сама не знаю, дорогая леди, — ответила Маргарет, опустив глаза. — Верно, раньше, когда я попусту проводила время, меня занимали одни пустяки. Теперь же я думаю о вещах глубоких и серьезных, и я очень рада, если слова мои и поведение ясно отражают мои мысли.

— Должно быть, это так, — промолвила леди, — и все же перемена кажется небывало быстрой и разительной. Как будто ребячливая девочка в мгновение ока превратилась в глубоко чувствующую, страстную женщину, готовую на решительные действия и на любые жертвы из слепой привязанности к любимому человеку, привязанности, в благодарность за которую с нами часто поступают самым подлым образом.

Леди Гермiona горько вздохнула, и разговор на этом прервался, ибо вошла монна Паула. Она что-то сказала своей госпоже на чужеземном языке, которым они часто пользовались, но который был неизвестен Маргарет.

— Придется набраться терпения, — сказала леди своей гостье. — Кассир отлучился по делам, но его ждут домой не позднее чем через полчаса.

Маргарет в досаде и нетерпении сжала руки.

— Я прекрасно понимаю, — продолжала леди, — что дорога каждая минута. Постараемся не потерять ни одной из них. Монна Паула останется внизу, чтобы выполнить мое поручение, как только Робертс вернется.

Она сказала несколько слов монне Пауле, и та снова покинула комнату.

— Вы так добры, мадам, так великодушны, — повторяла бедная Маргарет, между тем как ее дрожавшие от волнения губы и руки выдавали ту тревогу, от которой сжимается сердце, когда отдаляется срок осуществления наших надежд.

— Имей терпение, Маргарет, возьми себя в руки, — сказала леди. — Тебе предстоит многое сделать, чтобы привести в исполнение твой смелый план. Сохраняй бодрость духа, она еще очень понадобится тебе. Имей терпение, оно единственное средство против жизненных невзгод.

— Да, мадам, — сказала Маргарет, вытирая глаза и делая тщетные попытки сдержать природную нетерпеливость, — я слыхала это, и даже очень часто. Я и сама, да простит мне бог, говорила то же самое людям, находившимся в смятении и скорби. Но тогда я не знала, что такое заботы и огорчения. Зато я никогда не стану проповедовать терпение теперь, когда убедилась, что лекарство это не идет впрок.

— Ты еще переменишь свое мнение, милая, — сказала леди Гермиона. — Я тоже, впервые испытав горе, досадовала на тех, кто призывал меня к терпению. Но мои несчастья повторялись снова и снова, пока я наконец не научилась смотреть на терпение как на лучшее и — если не считать религии, которая прежде всего учит терпению, — единственное средство облегчить страдания, даруемое нам жизнью.

Маргарет, которая не была ни бестолковой, ни бесчувственной, поспешно вытерла слезы и попросила прощения за дерзость.

— Я могла бы сообразить, — сказала она, — я должна была догадаться, что ваш образ жизни достаточно говорит о перенесенных вами страданиях. Бог свидетель, что ваше неизменное терпение дает вам поистине полное право ссылаться на собственный пример.

Леди помолчала мгновение, а затем проговорила:

— Маргарет, я намерена оказать тебе величайшее доверие. Ты уже не ребенок, а думающая и чувствующая женщина. Ты раскрыла мне свою тайну настолько, насколько сочла возможным; я открою тебе

свою, насколько отважусь. Ты спросишь, быть может, почему именно в то время, когда ты так взволнована, я требую от тебя внимания к моим горестям. А я отвечаю, что не могу противостоять внезапному побуждению потому, должно быть, что впервые за три года мне пришлось столкнуться со свободным проявлением человеческой страсти, при виде которой пробудились мои собственные горести и, переполняя мою грудь, ищут выхода. А может быть, видя, как неудержимо тебя мчит на ту скалу, о которую когда-то разбилась я сама, я возымела надежду, что тебя остановит повесть, которую я сейчас расскажу. Итак, если ты готова выслушать меня, я поведаю тебе, кто такая в действительности унылая обитательница покоев Фолджамб и почему она здесь скрывается. По крайней мере это поможет нам скоротать время в ожидании монны Паулы с ответом от Роберта.

При других обстоятельствах Маргарет Рэмзи почувствовала бы себя польщенной и была бы целиком захвачена рассказом о том, что возбуждало такое сильное любопытство в окружающих. Даже и в эти волнующие минуты, не переставая с бьющимся сердцем нетерпеливо прислушиваться, не донесутся ли шаги монны Паулы, Маргарет из благодарности и вежливости, а также некоторой доли любопытства, принудила себя с глубочайшим, хотя бы с виду, вниманием слушать леди Гермиону и смиренно поблагодарила ее за оказанное ей высокое доверие.

Леди Гермиона с обычным спокойствием, отличавшим ее манеры и речь, начала свой рассказ:

— Отец мой был купцом, но родом происходил из того города, где купцы считаются князьями. Я родилась в благородной генуэзской семье, которая по славе своей и древности не уступает любому роду, внесенному в Золотую Книгу именитой итальянской аристократии. Моя матушка принадлежала к знатной шотландской фамилии. Она была в родстве — не удивляйся, — и притом не слишком отдаленном, с домом Гленварлохов. Не мудрено поэтому, что судьба молодого лорда внушила мне такое участие. Он мой близкий родственник, а моя мать, неумеренно гордив-

шаяся своим происхождением, с детства приучила меня интересоваться всем, что касается нашего рода. Мой дед по материнской линии, младший сын в семье Гленварлохов, решил разделить судьбу несчастного Фрэнсиса, графа Босуэла, и последовал за ним в изгнание. После того как граф перебивал почти при всех иностранных дворах, пытаясь вызвать сочувствие к своей жалкой участи, он в конце концов обосновался в Испании и жил там на скудную пенсию, которую заслужил своим переходом в католичество. Мой дед, Ралф Олифант, с негодованием отрекся от него и перебрался в Барселону, где на его еретическое, как там говорили, вероисповедание смотрели сквозь пальцы благодаря его дружбе с губернатором. Торговые дела моего отца вынуждали его жить больше в Барселоне, чем в своем родном городе, хотя по временам он и наезжал в Геную. Там же, в Барселоне, он познакомился с моей матушкой, полюбил ее и женился на ней. Они исповедовали разные веры, но одинаково крепко любили друг друга. Я была их единственным ребенком. Официально я соблюдала догматы и обряды римской церкви, но моя мать, относившаяся к ним с отвращением, потихоньку воспитала меня в духе реформизма. Отец мой, то ли равнодушный к вопросам религии, то ли не желавший огорчать нежно любимую жену, снисходительно относился к тому, что я тайно присоединилась к ее вере. Но когда, находясь еще в расцвете лет, мой отец, к несчастью, заболел какой-то медленно подтачивавшей его силы и, как он догадывался, неизлечимой болезнью, он задумался над тем, каким опасностям подвергнутся в столь фанатично приверженной к католицизму стране, как Испания, его вдова и дочь, когда его не станет. Поэтому в последние два года своей жизни он поставил себе задачей обратить в деньги и переправить в Англию большую часть своего состояния, что и было с успехом выполнено благодаря честности и верности его английского корреспондента — того превосходного человека, чьим гостеприимством я ныне пользуюсь. Проживи мой отец немного дольше, он успел бы довести до конца начатое,

изъять из торговли все деньги, отвезти нас в Англию и перед смертью убедиться, что мы окружены почетом и ничто не угрожает нашему покою. Но бог решил иначе. Отец умер, оставив не одну крупную сумму денег в руках испанских должников; в частности, он поручил продать большую партию дорогих товаров богатой компании в Мадриде, а та после его смерти не выказала никакого желания рассчитаться с нами. Видит бог, мы с радостью оставили бы этим мерзким, алчным людям их добычу, — а именно как добычу рассматривали они собственность своего покойного корреспондента и друга. Денег, ожидавших нас в Англии, вполне достало бы на то, чтобы жить с комфортом и даже роскошно, но друзья убеждали нас, что было бы безумием позволить этим бессовестным людям украсть нашу законную собственность. Сумма была действительно велика, и, возбудив иск, моя матушка считала себя уже обязанной перед памятью отца настаивать на нем, тем более что для оправдания своих действий торговая фирма пыталась подвергнуть сомнению честность отца в этой сделке.

Итак, мы отправились в Мадрид. Я была тогда в твоём возрасте, Маргарет, юная и беспечная, какой до сих пор была ты. Мы поехали, повторяю, в Мадрид, чтобы искать покровительства двора и короля, без чего, как нам говорили, напрасно было бы ожидать справедливого решения, имея противником столь богатую и могущественную компанию.

Наше пребывание в столице Испании затягивалось, недели превращались в месяцы. Что касается меня, то моя вполне понятная скорбь о добром, хотя и не слишком ласковом, отце утихла и я ничего не имела против того, чтобы тяжба задержала нас в Мадриде навсегда. Мы с матушкой разрешали себе теперь куда больше удовольствий, нежели было принято раньше в нашей семье. У нас нашлись родственники среди шотландских и ирландских офицеров, служивших в испанской армии и нередко состоявших в высоких чинах. Их жены и дочери стали нашими друзьями и соучастницами развлечений, и мне постоянно представлялась возможность говорить на род-

ном языке моей матушки, знакомом мне с детства. В дальнейшем матушка, которая находилась в подавленном состоянии и видела, что ее здоровье не улучшается, побуждаемая нежной любовью ко мне, стала иногда отпускать меня в гости одну, когда ей самой не хотелось выезжать. При этом она всегда поручала меня попечению тех дам, на кого, по ее мнению, она могла положиться, и, в частности, заботам жены одного генерала, слабохарактерность или вероломство которой и послужили первоначальной причиной моих несчастий. Повторяю, Маргарет, я была тогда такой же веселой и беззаботной, какой еще недавно была ты, и внимание мое, как и твое, внезапно сосредоточилось на одном предмете, и я оказалась под властью одного чувства.

Человек, возбудивший это чувство, был молод, знатен, красив, воспитан, служил в армии и был к тому же шотландцем; на этом наши с тобой истории сходятся, но не дай бог, чтобы они оказались сходными до конца. Этот человек, такой доблестный, такой прекрасный с виду, одаренный и мужественный, этот негодяй — ибо именно такого наименования он заслуживает, Маргарет, — признался мне в любви, и я поверила ему. Могла ли я сомневаться в его искренности? Он был богат, знатен и родовит, но и я была знатной и богатой наследницей. Правда, ему были неизвестны размеры состояния моего отца, а я не сообщила ему — не помню уж, знала ли я тогда это сама, — то важное обстоятельство, что большей части состояния не угрожали посягательства деспотической королевской власти и на нее не распространялось произвольное решение судей. Может статься, что мой возлюбленный полагал — ибо матушка делала все возможное, чтобы убедить в этом окружавшее нас общество, — что почти все наше состояние зависит от исхода тяжбы, ради которой мы приехали в Мадрид. Моя матушка всячески поддерживала такое мнение, прекрасно сознавая, что слухи о переводе моим отцом значительной части имущества в Англию никоим образом не будут способствовать получению остальной суммы через испанский суд. Зная

не больше других о размерах моего наследства, тот, о ком я говорю, сперва, как мне кажется, был искренен в своих намерениях. Он пользовался достаточным весом, чтобы добиться от суда решения в нашу пользу, и тогда мое состояние, считая только ту часть, которая находилась в Испании, представило бы немалую сумму. Короче говоря, каковы бы ни были причины или соблазны, побудившие его зайти так далеко, но он с моего согласия и одобрения просил моей руки у матушки. Рассудок матери ослабел, а за время долгой и все усиливавшейся болезни вспыльчивость ее возросла.

Ты, конечно, слышала об ожесточенности шотландской родовой вражды, о которой можно сказать языком писания: «Отцы ели кислый виноград, а у детей оскомина». К несчастью — а если принять во внимание, кем оказался этот человек впоследствии, то к счастью, — нечто вроде такой распри существовало и между домами моего возлюбленного и моей матушки, которая унаследовала родовую ненависть. Когда он попросил моей руки, моя мать не могла долее сдерживаться. Она припомнила все обиды, причиненные друг другу враждующими семьями за время двухвековой кровной вражды, осыпала его язвительными словами и с таким негодованием отвергла его сватовство, словно оно исходило от презреннейшего из людей.

Мой возлюбленный в ярости удалился, а я осталась плакать и роптать на судьбу и, должна признать свое заблуждение, на любящую родительницу. Меня воспитали в других взглядах, и в то время как традиции розни и вражды, соблюдавшиеся в семье моей матери в Шотландии, были для нее незыблемыми, освященными всем прошлым, мне они казались нелепыми и бессмысленными, словно поступки и фантазии Дон-Кихота. Я горько упрекала мать за то, что мое счастье она приносит в жертву призрачной идее фамильной чести.

Между тем мой любимый добивался и добился возобновления наших свиданий. Мы постоянно встречались в доме той леди, о которой я уже говорила

и которая не то по легкомыслию, не то по склонности к интригам покровительствовала нашей тайной связи. Наконец мы тайно поженились — так далеко завела меня слепая страсть. Мой возлюбленный заручился содействием англиканского священника. Монна Паула, ходившая за мной с самого моего детства, была одной из свидетельниц нашего брака. Надо отдать справедливость верному созданию: она заклинала меня подождать, пока смерть моей матери не позволит нам открыто отпраздновать свадьбу, но мольбы возлюбленного и моя собственная своевольная страсть одержали верх над ее увещаниями. Другой свидетельницей была все та же леди. Я так никогда и не узнала, в какой степени ей была известна тайна моего нареченного. Во всяком случае, под прикрытием ее имени и крова мы имели возможность часто встречаться, и любовь моего мужа, казалось, была так же искренна и безгранична, как моя.

Ему не терпелось, как он говорил, удовлетворить свое тщеславие, представив меня некоторым из своих знатных английских друзей. В доме леди Д*** этого сделать было нельзя, и по приказанию моего мужа, которое я считала теперь законом, я дважды отважилась побывать у него дома в сопровождении одной лишь монны Паулы. Общество состояло из двух дам и двух кавалеров. Там нас ждали музыка, веселье и танцы. Я и раньше слыхала о свободе английских нравов, но пока мы развлекались, а затем ужинали, я не могла не подумать, что она граничит с распущенностью. Я, однако, приписывала свое недоумение неопытности, не решаясь усомниться в пристойности того, что одобрял мой муж.

Вскоре меня отвлекли другие события. Болезнь моей бедной матери близилась к развязке. На мое счастье, она умерла в неведении того, что ранило бы ее в самое сердце.

Ты, может быть, слышала, как католические священники в Испании, и в особенности монахи, осаждают ложе умирающего, чтобы добиться посмертного дара в пользу церкви. Я говорила уже, что с болезнью раздражительность моей матери усилилась,

а рассудок в той же мере ослабел. Негодование, какое возбуждала в ней назойливость толпившихся у ее постели священников, придало ей бодрости и сил, а смелый дух непреклонной реформистской секты, которой она втайне оставалась верна, развязал коснеющий язык. Она открыто признала религию, которую так долго исповедовала тайно, отказалась от всякой надежды, какую сулят другие религии, и от духовной поддержки, ими оказываемой, отвергла с презрением обряды католической церкви, осыпала изумленных монахов упреками в жадности и лицемерии и велела им покинуть ее дом. Они ушли вне себя от ярости и злобы, но вскоре вернулись с офицерами инквизиции и ордером на арест. Они застали лишь холодный труп той, кому мечтали отомстить. Так как сразу же выяснилось, что я разделяю еретическое вероисповедание моей матери, меня оторвали от ее тела и заточили в уединенный монастырь, где обращались со мной с той жестокостью, какой я, по заверению настоятельницы, заслуживала за свою распутную жизнь и духовные заблуждения. Чтобы оправдать то состояние, в каком я находилась, я объявила о своем замужестве и обратилась к настоятельнице с мольбой сообщить о моем состоянии мужу. Она холодно улыбнулась в ответ, сказала, что церковь готовила мне лучшего супруга, и дала мне совет снискать грядущую милость божью и снисходительное обращение в настоящем, немедленно приняв монашество. Дабы убедить меня в том, что иного выхода для меня нет, она показала мне королевский указ, по которому все мое имущество закреплялось за монастырем святой Магдалины и переходило в его полную собственность после моей смерти или пострижения. Так как по религиозным побуждениям, а также из страстной любви к мужу я упорно отказывалась дать обет, то настоятельница — да простит меня бог, если я неправа, — стремилась всеми средствами ускорить мою смерть, чтобы не упустить до-бычи.

Монастырь, небольшой и бедный, был расположен в горах Гвадаррамы. Одни монахини, дочери местных

идальго, были столь же бедны, сколь горды и нежественны; другие были заточены туда за беспутную жизнь. Сама аббатиса происходила из знатной семьи, чему и была обязана высоким саном. Говорили, что в молодости она запятнала свое имя распущенным поведением. Теперь, в преклонные годы, алчность и властолюбие, жестокость и бессердечие пришли на смену жажде запретных наслаждений. Я много вытерпела от этой женщины, и ее мрачные, неподвижные глаза, суровые черты лица и высокая закутанная фигура все еще преследуют меня во сне.

Мне не суждено было стать матерью. Я была тяжело больна, и в выздоровлении моем долго сомневались. Мне давали самые сильные лекарства — если только они были лекарствами. Наконец, вопреки моим собственным чаяниям и ожиданиям всех окружающих, здоровье мое восстановилось. Но когда впервые после болезни я увидела свое отражение в зеркале, мне почудилось, что на меня глядит привидение. Я привыкла получать от всех, и в особенности от мужа, комплименты прекрасному цвету моего лица — теперь же румянец исчез и, как ни странно, больше никогда не возвратился. Я замечаю, что те немногие, с кем я теперь вижусь, смотрят на меня как на бескровный призрак — так неизгладимы были результаты примененного лечения. Да простит бог тех, кто повинен в этом! Благодарю небо за то, что я могу сказать эти слова с таким же искренним упованием, с каким молю о прощении собственных своих грехов.

В монастыре стали относиться ко мне несколько мягче, быть может тронутые моей необычайной наружностью, которая ясно свидетельствовала о моих страданиях, а может быть, опасаясь, что она привлечет внимание епископа, чей приезд вскоре ожидался. Однажды, когда я прогуливалась по монастырскому саду, на что недавно получила разрешение, и проходила мимо жалкого старого мавра-раба, на ком лежала обязанность ухаживать за садом, он пробормотал, не разгибая дряхлого тела и не подымая сморщенного лица от земли:

«У задней калитки растут анютины глазки».

Я была немного знакома с символическим языком цветов, доведенным некогда до совершенства испанскими маврами. Но даже если б я и не знала его, все равно пленник быстро научается улавливать всякий намек, сулящий свободу. Со всей поспешностью, какая совместима с крайней осторожностью, ибо меня могла увидеть из окна аббатиса или кто-нибудь из монахинь, я бросилась к задней калитке. Как всегда, она была заперта на засов, но на мое тихое покашливание мне ответил голос по ту сторону ограды — о небо, это был голос моего мужа.

«Не мешкайте здесь сейчас ни минуты, но когда колокол ударит к вечерне, будьте на этом месте».

Я удалилась, не помня себя от радости. Я не имела ни права, ни позволения присутствовать на вечерней молитве, и пока монахини пели в хоре, я должна была оставаться в келье. После моего выздоровления келью перестали запирают, однако под угрозой строжайшего наказания мне запрещалось выходить за ее пределы. Но будь что будет, я собиралась пренебречь любым наказанием. Едва отзвучал последний удар колокола, я выскользнула из кельи, незамеченная пробралась в сад, поспешила к задней калитке, с восторгом увидела, как она отворилась, и в следующий миг была в объятиях моего мужа. Подле него стоял еще один джентльмен с благородной осанкой; оба они были в масках и вооружены. Лошади, из которых одна была под дамским седлом, стояли наготове в ближней роще, и при них находились двое других замаскированных всадников, по-видимому слуги. Меньше чем через две минуты мы уже скакали со всей быстротой, какую позволяла каменистая, извилистая дорога. Один из слуг выполнял, по всей видимости, роль проводника.

Поспешность, с какой мы ехали, волнение, почти потрясение, испытанное мною, лишили меня дара речи, и я смогла выразить свое удивление и радость только в несвязных словах. Той же причине я приписывала и молчание моего мужа. Наконец мы остано-

вились перед уединенной хижинкой, всадники спешили, и один из них помог мне соскочить с лошади, но должна сказать, это был не М***, супруг мой, в то время возившийся около лошади, а незнакомец, его приятель.

«Идите в хижину, — сказал мне мой муж, — переодените как можно быстрее платье — вам помогут. Как только вы переоденетесь, мы немедленно тронемся дальше».

Я вошла в хижину и очутилась в объятиях верной монны Паулы, которая ожидала здесь моего прибытия уже много часов, охваченная страхом и тревогой. С ее помощью я быстро сорвала с себя ненавистные монастырские одежды и сменила их на дорожное платье английского покроя. Я обратила внимание, что на монне Пауле было такое же платье. Едва я успела наспех переодеться, как нас позвали, чтобы ехать дальше. Монне Пауле также была приготовлена лошадь, и мы продолжали путь. Дорогою мое монастырское платье, обмотанное вокруг камня, бросили в озеро, по берегу которого мы проезжали. Впереди ехал мой муж с незнакомцем, за ними следовали я и моя служанка, слуги же составляли арьергард.

Монна Паула неоднократно заклинала меня молчать дорогой, говоря, что от этого зависит наша жизнь. Мне нетрудно было последовать ее совету, ибо когда прошло первое возбуждение от нахлынувшего на меня чувства свободы, благодарности и любви, мне стало дурно от быстрой езды и я с величайшим усилием удерживалась в седле. Вдруг, когда уже совсем стемнело, мы увидели перед собой яркий свет. Мой муж придержал лошадь и подал сигнал дважды повторенным тихим свистом, на который издали послышался ответный свист. Тогда и весь отряд остановился под ветвями большого пробкового дерева и мой супруг, подъехав близко ко мне, сказал с каким-то странным замешательством, которое в то время я объяснила беспокойством за мою участь:

«Теперь мы должны расстаться. Те, кому я поручаю вас, контрабандисты, им известно лишь, что вы англичанка, и они согласились за большие деньги провести вас через Пиренеи до Сен-Жан де Люс».

«Как, разве вы не едете с нами?» — взволнованным шепотом спросила я.

«Это невозможно, — ответил он, — и погубило бы всё. Помните, что при этих людях вы должны говорить по-английски, и ни в коем случае не подавайте виду, что понимаете испанский язык: от этого зависит ваша жизнь. Ибо, хотя они не в ладах с законами Испании, они ни за что не согласятся преступить законы церкви. Но вот они идут. Прощайте, прощайте!»

Последние слова он произнес очень быстро. Я пыталась удержать его на мгновение, слабой рукой ухватившись за его плащ.

«Значит, вы будете ждать меня в Сен-Жан де Люс?»

«Да, да, — ответил он торопливо, — ваш покровитель будет ждать вас в Сен-Жан де Люс».

С этими словами он высвободил край своего плаща, за который я его удерживала, и скрылся во мраке. Его спутник подошел ко мне, поцеловал мне руку, что я едва заметила в ту минуту отчаяния, и последовал в сопровождении одного из слуг за моим мужем.

Здесь слезы хлынули из глаз Гермiony, грозя прервать повествование. Наконец она снова заговорила, как бы желая оправдаться перед Маргарет:

— Все, что случилось в те минуты, когда я еще тешила себя обманчивой мечтой о счастье, глубоко запечатлено в моей памяти, но последующие события не сохранились в ней, как не сохраняется вода в песках Аравийской пустыни. Впрочем, теперь, когда тебя волнуют собственные заботы, милая Маргарет, я не имею права обременять тебя ненужными подробностями бесплодных воспоминаний.

У Маргарет навернулись слезы на глаза. В этом не было ничего удивительного, если принять во вни-

мание, что печальная история была поведена ей ее многострадальной благодетельницей и в некоторых отношениях напоминала ее собственную. И все же не следует порицать Маргарет слишком сурово, если, настойчиво побуждая свою покровительницу продолжать повествование, она в то же время невольно поглядывала на дверь, как бы сердясь на промедление со стороны монны Паулы.

Леди Гермiona видела и прощала эти противоречивые переживания. Ее самое надо простить за то, что, изливая чувства, так давно затаенные в груди, она вдавалась в самые ничтожные подробности, в свою очередь позабыв о том, что волновало Маргарет и преимущественно, если не полностью, занимало ее мысли.

— Кажется, я сказала тебе, что один из слуг последовал за джентльменами, — продолжала Гермiona, — другой же остался с нами, очевидно для того, чтобы познакомить нас с двумя людьми, которые появились на свист М***, то есть моего мужа. Они перекинулись со слугой несколькими словами на непонятном наречии, после чего один из незнакомцев взял под уздцы мою лошадь, а другой — лошадь монны Паулы; они повели нас к свету, при виде которого, как я уже упоминала, мы остановились. Я тронула за руку монну Паулу и почувствовала, что ее рука дрожит; это привело меня в изумление, так как монна Паула всегда отличалась решительным, смелым характером, почти не уступающим мужскому. Наконец мы приблизились к костру. Цыганский облик людей, окружавших костер, их смуглые лица, широкополые шляпы, пистолеты и кинжалы, торчавшие за их поясами, и прочие приметы бродяжнической и полной опасностей жизни во всякое другое время ужаснули бы меня. Но тогда я чувствовала только боль разлуки с мужем, разлуки в самую минуту моего избавления. Женщины, принадлежавшие к шайке, а их было четверо или пятеро среди контрабандистов, приняли нас с грубоватой учтивостью. По одежде и манерам они мало чем отличались от мужчин, в чьем обществе они находились: были так же

бесстрашны и выносливы, тоже имели при себе оружие и, как выяснилось впоследствии, не менее искусно пользовались им. Невозможно было не бояться этих диких людей, однако ж они не подали нам никакого повода жаловаться на них; напротив, они во всех случаях обращались с нами с неуклюжей вежливостью и на протяжении всего пути принаравливались к нашим потребностям и слабостям, хотя и роптали на нашу изнеженность, совсем как какой-нибудь грубый носильщик, нагруженный ценным хрупким товаром, проклинает его за доставляемые им лишние хлопоты и в то же время принимает все предосторожности, чтобы донести его в целости. Лишь несколько раз, когда они потерпели неудачу в контрабандной торговле, потеряв часть товаров в стычке с испанскими таможенниками, и в конце концов подверглись преследованию военного отряда, ропот их принимал более угрожающий характер; и мы с моей служанкой с ужасом слушали, не смея подать вида, что понимаем по-испански, как они проклинали островитянок-еретичек, по чьей милости господь, святой Иаков и Пиларская божья мать погубили их надежды на барыш. Какие страшные воспоминания, Маргарет!

— Так зачем же, дорогая леди, — спросила Маргарет, — вы останавливаетесь на них?

— Это происходит оттого только, — ответила леди Гермиона, — что я, подобно преступнику, идущему на эшафот, стараюсь оттянуть тот миг, когда наступит неизбежная роковая развязка. Да, дорогая Маргарет, я так долго задерживаюсь на событиях этого путешествия, так много распространяюсь о нем, хотя оно было утомительным и опасным, хотя дорога пролегла через самые дикие, безлюдные пустыни и горы и спутники наши, как мужчины, так и женщины, были свирепы и необузданны, а те, с кем они постоянно имели дело, оплачивали им той же монетой самым безжалостным образом, — несмотря на все это мне легче вспоминать о тех опасностях, нежели перейти к рассказу о том, что ожидало меня в Сен-Жан де Люс.

— Но вы добрались туда благополучно? — спросила Маргарет.

— Да, девочка, — отвечала леди Гермиона. — Главарь преступной шайки сам отвел нас в указанный ему дом, выполнив возложенное на него поручение с не меньшей аккуратностью, чем если бы он сдавал тюки с контрабандным товаром. Мне сообщили, что какой-то джентльмен уже два дня ожидает меня. Я вбежала в комнату, полагая обнять моего мужа, и очутилась в объятиях его друга!

— Негодяй! — воскликнула Маргарет, под впечатлением рассказа забыв на минуту о собственной тревоге.

— Да, — сказала Гермиона спокойно, хотя голос ее слегка дрогнул, — он вполне достоин того, чтобы его так называли. Тот, ради кого я пожертвовала всем, Маргарет, чья любовь, память о ком во время моего заключения в монастыре были мне дороже свободы, а во время опасного путешествия дороже жизни, — этот человек приложил все усилия, чтобы освободиться от меня и передать, словно тайную распутницу, своему развратному другу. Сначала незнакомец насмехался над моими слезами и отчаянием, принимая их за истерическую вспышку обманутой и брошенной наложницы, а может быть, за ловкое притворство куртизанки. Он смеялся над моими заверениями, что я замужем, и уверял меня, будто наш брак не более как комедия, на которой настаивала я и которой друг его покорился, чтобы сохранить видимость приличий. Он выразил удивление по поводу того, что я могла как-то иначе расценивать эту церемонию, не имевшую силы ни в Испании, ни в Англии, и, наконец, нанес мне новое оскорбление, предложив заключить подобный же союз с ним, если это рассеет мои сомнения. Мои крики услышала монна Паула и поспешила на помощь; она, по счастью, находилась неподалеку, так как предвидела возможность такого оборота дела.

— Господи помилуй! — воскликнула Маргарет. — Неужели она была сообщницей вашего вероломного мужа?

— Нет, -- ответила Гермiona, -- не оскорбляй ее таким несправедливым подозрением. Благодаря ее настойчивым поискам было раскрыто место моего заточения, она уведомила об этом моего мужа; тогда уже она заметила, что известие это обрадовало моего мужа гораздо меньше, чем его приятеля, так что с самого начала она заподозрила, что негодяй хочет от меня отделаться. По пути подозрения ее укрепились. Она слышала, как муж мой с холодной насмешливостью сказал приятелю, что цвет моего лица резко переменялся после заточения и болезни, и как приятель ответил, что испанские румяна могут поправить этот недостаток. Подготовленная этими и другими обстоятельствами к предательству, монна Паула с решительным видом вошла на мой зов в комнату, готовая защитить меня. Ее спокойные увещания возымели на незнакомца более сильное действие, нежели мое отчаяние. Если он и не до конца поверил нашему рассказу, то, во всяком случае, повел себя как человек порядочный, не собирающийся преследовать беззащитных женщин, кем бы они ни были; он согласился оставить нас в покое и не только дал указания монне Пауле, как добраться до Парижа, но и снабдил ее для этой цели деньгами. Из столицы Франции я написала мейстеру Гериоту, самому доверенному из корреспондентов моего отца. Получив письмо, он немедленно приехал в Париж и... Но вот и монна Паула, которая несет больше денег, чем ты просила. Бери их, моя дорогая, помоги тому юноше, если тебе так хочется. Но не ожидай благодарности, Маргарет!

Леди Гермiona взяла от служанки мешочек с золотом и отдала своей юной приятельнице; Маргарет бросилась к ней в объятия, расцеловала ее бледные щеки, которые скорбь, пробужденная воспоминаниями, покрыла слезами, затем вскочила на ноги, утерла свои заплаканные глаза и торопливыми, но твердыми шагами вышла из покоев Фолджамб.

Глава XXI

Не проходи, о путник, торопливо!
Живет здесь тот, чьи бритвы крепче пива.
Путь от цирюльника до бочки недалек —
Тут сбреют бороду и срежут кошелек.

*Вывеска на трактире,
который держал цирюльник*

Мы принуждены перенести наших читателей к жилищу Бенджамина Садлчоба, мужа деятельной и расторопной миссис Урсулы, который и сам исполнял разнообразнейшие обязанности. Помимо того, что он подстригал кудри и бороды и закручивал усы вверх на залихватский военный манер или опускал их книзу по моде горожан; помимо того, что по временам он пускал кровь ланцетом или оттягивал ее банками, удалял корни зубов и занимался прочим мелким врачеванием, почти не уступая в этом своему соседу, аптекарю Рэдренчу, — он мог также при случае выдернуть затычку из пивного бочонка с такой же легкостью, как больной зуб, нацедить пива так же ловко, как пустить кровь, и ополоснуть добрым элем только что подстриженные им усы. Однако все эти занятия были у него строго разграничены.

Над его цирюльней на Флит-стрит выступала длинная загадочная вывеска, размалеванная цветными полосами, которые должны были изображать ленты, украшавшие эту эмблему в прежние времена. В окне красовались зубы, нанизанные рядами на нити словно четки, а также чаши с красным лоскутом на дне, напоминавшим кровь, в знак того, что клиентам здесь «вкупе с ценными наставлениями» отворяют кровь, ставят банки и прикладывают шпанские мушки. Между тем о более доходных, но менее благородных манипуляциях над головой и бородой упоминалось коротко и деловито. В цирюльне стоял протертый кожаный стул для посетителей и висела гитара, по-тогдашнему кифара, или цитра, которой мог развлекаться клиент, покуда Бенджамин трудился над его предшественником, и которая поэтому зачастую в переносном смысле терзала уши клиентов, в

то время как бритва терзала их подбородки в буквальном. Словом, все в этом заведении говорило о том, что его двуликий хозяин с одинаковым успехом исполняет обязанности и хирурга и брадобрея.

Однако в доме была еще задняя комнатка, негласно используемая как распивочная, которая имела отдельный вход с глухой изогнутой улочки, посредством множества проулков и проходных дворов сообщавшейся обходным путем с Флит-стрит. С заведением Бенджамина, открытым для всех желающих, сей тайный храм Бахуса соединялся длинным узким коридором; в этой комнатке несколько старых пьяниц имели обыкновение пропускать утреннюю чарочку, а другие потягивали свою четверть пинты спиртного, стыдливо войдя в цирюльню якобы для того, чтобы побриться. Кроме того, из этого укромного уголка отдельный ход вел в покои миссис Урсулы, которая, как предполагали, пользовалась им для своих многообразных дел, когда ей самой требовалось выйти из дому незамеченной или приходилось впускать клиентов и заказчиков, не желавших навещать ее открыто.

Итак, после полудня, когда застенчивые и скромные забулдыги, лучшие клиенты Бенджамина, выпив свою рюмку или кружку, уходили восвояси, работа распивочной, по существу, на этом кончалась, и обязанность открывать заднюю дверь переходила от одного из подмастерьев цирюльника к маленькой мулатке, смуглой Ириде миссис Садлчоп. И вот тогда-то одна тайна громоздилась на другую. Закутанные кавалеры и дамы в масках, переодетые на всякие лады, прокрадывались к дому по лабиринту переулков, и даже тихий стук, то и дело подзывавший к дверям маленькую служанку, наводил на мысль о чем-то таинственном, боящемся огласки.

Вечером того самого дня, когда состоялась продолжительная беседа Маргарет с леди Гермией, миссис Садлчоп дала наказ юной привратнице «держатъ дверь на запоре так же крепко, как скряга — сундук, и если она дорожит своей желтой шкурой, то не пускать никого, кроме...» Имя было произнесено

шепотом, и распоряжение сопровождалось многозначительным кивком. Служаночка ответила понимающим взглядом, отправилась на свой пост и через короткое время открыла дверь для знакомого уже нам городского щеголя, на ком так неуклюже сидело платье и кто так доблестно проявил себя в драке, случившейся при первом посещении Найджелом ресторации Божё. Мулатка ввела его к хозяйке со словами:

— Миссис, вас хочет видеть красивый молодой джентльмен, с ног до головы в бархате и золоте.

И, закрыв дверь, пробормотала себе под нос:

— Красивый молодой джентльмен, как же! Подмастерье у того старика, который делает тик-так, вот он кто!

И в самом деле, мы с сожалением в этом признаемся и надеемся, что читатели разделят наши чувства по этому поводу, это был честный Джин Вин. Покинутый добрым ангелом, он дошел в своем безрассудстве до того, что иногда переряжался и посещал в модном платье безнравственные увеселительные места, где для него было бы несмываемым бесчестьем появиться в своем истинном виде и качестве — в том случае, разумеется, если бы ему удалось проникнуть туда в собственном обличье. Сейчас лицо его было мрачно, богатое платье надето наспех и застегнуто кое-как, перевязь перекошена, так что шпага торчала вбок, вместо того чтобы с небрежным изяществом прилегать к ноге, а кинжал с прекрасной насечкой и позолотой был заткнут за пояс, точно нож мясника за синий фартук.

Кстати сказать, в прежние времена было легче отличить знатного от простолюдина, ибо чем для придворных дам были старинные фижмы и более современный кринолин, тем для дворянина была шпага — статья туалета, делавшая смешными тех, кто носил ее, не имея на то права и привычки. Шпага запуталась у Винсента в ногах, он едва не упал и в сердцах воскликнул:

— Пропади она пропадом! Вот уже второй раз она меня подводит! Точно знает проклятая палка, что

я не настоящий джентльмен, и вытворяет свои штуки нарочно!

— Успокойся, успокойся, мой добрый Джин Вин, успокойся, мой славный мальчик, — ласково проговорила миссис Урсула. — Не обращай внимания на такие пустяки; честный, простосердечный лондонский подмастерье не хуже любого расфуфыренного студента.

— Я был честным и простосердечным лондонским подмастерьем, пока не познакомился с вами, миссис Садлчоп, — отрезал Винсент. — А чем сделали меня ваши советы, для этого уж вы подбирайте название сами, а мне и думать об этом стыдно, черт побери.

— Вон оно что, — протянула хозяйка, — ишь как тебя забрало. Что ж, я знаю только одно средство против твоей болезни.

С этими словами она подошла к небольшому угловому шкафчику, обшитому резной панелью, отперла его ключом, висевшим вместе с полдюжиной других ключей на серебряной цепочке у пояса, и достала длинную оплетенную бутылку тонкого стекла, а вместе с ней два пузатых фламандских кубка на высоких ножках. Один из них, предназначавшийся для гостя, она наполнила до краев, другой, для себя, налила более скромно, на две трети, приговаривая, в то время как драгоценный укрепляющий напиток струился ровным густым потоком:

— Настоящая Роза Солис без подделок, уносит хандру, промывает мозги.

Хотя Джин Вин и осушил кубок одним духом, между тем как хозяйка чинно пила маленькими глотками, против ожидания лекарство не улучшило его настроения. Напротив, бросившись в кожаное кресло, в котором миссис Урсли имела обыкновение нежиться по вечерам, Джин Вин объявил, что он «самый несчастный малый во всем Лондоне».

— С чего это ты, дурень, забиваешь себе голову таким вздором? — спросила миссис Садлчоп. — Вот уж верно: дураки да дети никогда не знают, чего хотят. Ну скажи, разве кому-нибудь из тех, кто гуляет вокруг собора святого Павла в беретах и в шляпах

с перьями, перепадает столько ласковых взглядов от красоток, сколько получаешь ты, пройдясь таким молодчиком по Флит-стрит с дубинкой под мышкой и в шапке набекрень? Тебе очень хорошо известно, что от жены сборщика податей до последней жилетницы на твоей улице все женщины до единой готовы шею вывернуть, лишь бы взглянуть на тебя, когда ты проходишь мимо. И ты еще называешь себя разнесчастливым малым! Да неужто мне каждый раз надо твердить одно и то же, словно я тешу песенками обиженного пай-мальчика?

Льстивые речи миссис Урсулы постигла одинаковая участь с ее напитком: они, правда, были проглочены тем, кому предназначались, и, надо сказать, не без удовольствия, однако не возымели успокоительного действия на взбудораженную душу юноши. Он было засмеялся, полупрезрительно-полуудовлетворенно, но тут же бросил недовольный взор на миссис Урсли и ответил:

— Вы и вправду обращаетесь со мной как с ребенком. И как вам не надоест без конца повторять одну и ту же дурацкую песню, которая занимает меня как прошлогодний снег?

— Ах вот что, — подхватила миссис Урсли, — другими словами, тебе нет дела, что ты нравишься всем, если ты не нравишься одной. Я вижу, ты настоящий влюбленный и тебе нет дела до всего Лондона, от моего дома до Уайтчэпела, лишь бы тебе добиться благосклонности твоей смазливой Пегги Рэмзи. Ну, ну, потерпи еще немного и положишься во всем на меня — уж быть мне той веревочкой, которая вас наконец свяжет.

— Давно пора, — ответил Дженкин. — Покуда вы были клином, вбитым между нами.

К этому времени миссис Садлчоп покончила со своей порцией горячительного — не первой за этот день; и хотя почтенная жена цирюльника не так-то легко теряла голову и была если не воздержанной, то, во всяком случае, осторожной в своих возлияниях, все же терпеливость ее, как можно себе представить, не возросла от той диетги, которую она соблюдала.

— Ах ты злобный, неблагодарный бездельник! — воскликнула миссис Урсли. — Я ли не делала все, чтобы снискать для тебя благоволение твоей хозяйки? Эта спесивая, жеманная шотландка обожает дворян, как уэльсец — сыр, и происхождение ее отца от герцога Дьяволси, или как там она его называет, мило ей, как золото скряге, хотя она так же тщательно скрывает это в своем сердце, как тот — золото в сундуке. Подавай ей джентльмена, и только. Ну, так я и сделала из тебя джентльмена, Джин Вин, этого сам черт отрицать не может.

— Дурака вы из меня сделали, — отвечал бедняга, созерцая рукав камзола.

— Одно другому не мешает, — со смехом возразила миссис Урсли.

— А что того хуже, — продолжал Дженкин, внезапно повернувшись к ней спиной и ерзая в кресле, — вы из меня сделали мошенника.

— Однако ж и это не мешает быть джентльменом, — в том же тоне заметила миссис Урсли. — Ежели кто переносит свою глупость весело, а плутовство смело, то я еще посмотрю, сможет ли в нынешнее время скромный и честный человек равняться с ним. Да что там, дружок, это только во времена короля Артура или короля Лудда считалось, будто дворянин запятнал свой герб, если переступил границы благоразумия или честности. А в наши дни дворянином делают смелый взор, быстрая на расправу рука, красивое платье, крепкая брань да горячая голова.

— Мне лучше знать, — сказал Джин Вин, — кем я стал с той поры, как променял кегли и мяч на теннис и шары, добрый английский эль — на жидкое бордо и кислый рейнвейн, жаркое и пудинг — на вальдшнепов и рагу, дубинку — на шпагу, мою шапочку — на кастановую шляпу с высокой тульей, простую божбу — на модную клятву, ящик с рождественскими подарками — на ящик с игральными костями, заутреню — на бесовский шабаш, а мое честное имя... Да я способен тебе голову расшибить. злодейка, как подумая о том, чьи советы довели меня до этого!

— Чьи же советы, чьи? А ну, договаривай, ничтожный, жалкий подмастерышка! Отвечай, кто тебе советовал? — накинулась на него миссис Урсли, вспыхнув от негодования. — А ну-ка, мелкая душонка, говори, по чьему совету ты стал картежником, а послушать тебя — еще и воров? Избави нас господи от лукавого! — С этими словами миссис Урсли набожно перекрестилась.

— Потихе, потихе, миссис Урсула Садлчоп! — прервал ее Дженкин, вскочив с кресла и гневно сверкнув на нее черными глазами. — Не забывайте, что я вам не муж, а если б я им был, то вы бы у меня помнили, чей порог в последний раз обметала скиммингтонская процессия, когда ее устраивали в честь такой же крикливой карги, как вы.¹

— В другой раз, надеюсь, увижу процессию в твою честь, — огрызнулась миссис Урсли, позабыв с досады все свои медовые, приторные слова, — когда тебя повезут в Холборн с букетом на груди и со священником под рукой.

— Что ж, возможно, так и случится, — с горечью отозвался Джин Вин, — если я буду и дальше слушаться ваших советов. Но прежде чем настанет этот день, вы еще узнаете, что Джину Вину стоит свистнуть, и к его услугам будут дюжие молодцы с Флит-стрит. Да, да, старая шельма, тебя еще посадят на телегу, как сводню и колдунью, вымажут красной краской и повезут в исправительный дом, колотя во

¹ Род торжественной процессии в честь замужней женщины, чей деспотизм достигал такой степени, что обращал на себя внимание соседей. Такая процессия обстоятельно описывается в «Гудибрасе» (часть II, песнь II). По мере продвижения процессии некоторые из ее участников, специально на то уполномоченные, обычно обметали пороги тех домов, где хозяйки, по слухам, осуществляли тираническую власть над мужьями. Это было намеком на то, что их обитательницы, в свою очередь, могут подвергнуться в следующий раз подобной же участи. Скиммингтонские процессии, имеющие некоторое сходство с обычаем мумбо-джумбо в африканской деревне, давно уже прекратились в Англии потому, видимо, что власть женщин то ли стала более мягкой, то ли реже встречается, чем во времена наших предков. (Прим. автора)

все медные тазы, какие найдутся между Темпл-Баром и собором святого Павла, да так, будто сам черт бьет в них своими вилами!

Миссис Урсли побагровела как свекла и, схватив полупустую бутылку с вином, очевидно приготовилась, судя по первому движению, запустить ее в голову обидчику, как вдруг, с огромным усилием обуздав свою неистовую ярость, она нашла бутылке более законное применение, с удивительным хладнокровием наполнила бокалы и, подняв один из них, сказала с улыбкой, которая больше подходила к ее приятному, веселому лицу, нежели бешенство, искажавшее его несколько мгновений назад:

— За тебя, Джин Вин, за тебя, мой мальчик, от всей души, хоть ты и питаешь ко мне злобу — это ко мне-то, которая всегда была тебе матерью.

Английское добродушие Дженкина не могло устоять перед столь убедительным призывом. Он взял другой бокал, выпил за здоровье хозяйки ответную чашу примирения и принялся ворчливым тоном извиняться за свою запальчивость.

— Ведь вы сами, — сказал он, — уговорили меня приобрести все эти красивые вещи, ходить в ту нечестивую ресторацию да тереться там вокруг знати и докладывать вам обо всем, что там случится. Вы еще сказали, что если сейчас я важная персона в своем квартале, то скоро стану важной персоной в той ресторации и в десять раз больше выиграю в брелан и в примеро, чем, бывало, в дурака и в «пусти по миру соседа», и что выкидывать дублеты в кости не труднее, чем сшибать девятки в кегельбане. Потом вы мне велели приносить вам из ресторации такие новости, которые всем нам помогут разбогатеть, стоит только умело воспользоваться ими. А теперь видите, что из этого вышло!

— Все это ты верно говоришь, мой милый, — сказала хозяйка, — но наберись терпения. Рим не один день строился. К придворному платью за один месяц не привыкнешь. Вспомни, каково тебе было, когда ты сменил долгополую куртку на камзол и штаны? Да и в карты тоже: если садишься играть, приготовься не

все лишь выигрывать, но и проигрывать. Только усидчивый игрок уносит домой чужие денежки.

— Покамест чужие уносят мои денежки, — возразил Джин Вин, — чистят мои карманы кому не лень. Это бы еще куда ни шло, но ведь я задолжал за весь этот шик, а между тем день проверки счетов приближается, и скоро хозяин откроет, что у меня в выручке недостает двадцати золотых. Моего старика отца потребуют к хозяину, чтобы возместить недостачу, и тут мне останется избавить палача от работы и повеситься самому или сбежать в Виргинию.

— Не говори так громко, любезный, — прервала его миссис Урсли. — Скажи мне, отчего ты не займешь денег у твоего дружка? А когда придет день проверки его счетов, ты можешь вернуть ему эти деньги.

— Нет, нет, хватит с меня таких дел, — сказал Винсент. — Бедняга Танстол одолжил бы мне денег, когда б они у него были. Да, к несчастью, благородные нищие родственнички обобрали его до нитки, и теперь он гол, как береза на рождество. Нет, все кончено, участь мою составляют пять букв, и складываются они в слово «позор».

— Замолчи ты, простофиля, — прервала его собеседница. — Разве тебе не приходилось слышать, что когда нужда за плечами, подмога не за горами? Помощь тебе найдется, и скорее, чем ты думаешь. Уж поверь мне, я б ни за что не посоветовала тебе пускаться на такие дела, но ты до того влюбился в мистрис Маргарет, что меньшее тебе не подошло бы. Что мне оставалось, как не посоветовать тебе сбросить кожу горожанина и попытать счастья там, где люди находят богатство?

— Как же, как же, прекрасно помню ваш совет, — отвечал Дженкин. — Вы должны были представить меня ей после того, как я стану образцовым кавалером и разбогатею как король. А она должна была ахнуть, узнав во мне того самого беднягу Джина Вина, который, бывало, простаивал от утрени до все-нощной, только бы она взглянула разок в его сто-

рону. А вместо этого она теперь влюбилась в шотландского лорда-стервятника, будь он проклят, что выиграл у меня последний тестон. И вот я потерял любовь, богатство и доброе имя, не успев закончить учение, и все из-за вас, матушка Ведьма.

— Лучше не выдумывай для меня всяких прозвищ, сынок Джин Вин, — возразила Урсула тоном одновременно злобным и льстивым, — лучше не выдумывай, потому что я не святая, а всего-навсего грешная женщина и терпения моего только и достанет, чтобы вынести все несчастья, уготованные мне в жизни. Если я тебе причинила какое зло недобрым советом, то должна и поправить дело полезным наставлением. А что до денег, которые нужно положить на место ко дню проверки, то вот в этом толстом зеленом кошельке их ровно столько, сколько тебе надо. Я же берусь уговорить старого упрямого портного поправить пока и не требовать с тебя денег за платье. И мы...

— Матушка, да вы серьезно это говорите? — вскричал Джин Вин, не веря своим ушам и глазам.

— Вот тебе мое честное слово, — ответила хозяйка. — Будешь ли теперь называть меня матушкой Ведьмой, Джин Вин?

— Матушкой Ведьмой! — завопил Дженкин, в восторге заключая хозяйку в крепкие объятия и напечатлев на ее все еще свежей щеке сочный поцелуй, прозвучавший как пистолетный выстрел и принятый весьма милостиво. — Да вы матушка Святая, явившаяся вызволить меня из беды, матушка, что дороже мне родной матери. Та, бедняжка, произведя меня на свет, ввергла в мир греха и печали, а ваша благовременная помощь спасла меня от того и от другого.

Тут мягкосердечный малый откинулся на спинку кресла и, не таясь, провел рукой по глазам.

— Так ты не устроишь скиммингтонской процессии в мою честь, — продолжала хозяйка, — и не отправишь меня на телеге в исправительный дом под грохот медных тазов со всего квартала?

— Скорее меня самого повезут в Тайберн, — отвечал кающийся грешник.

— Ну, тогда сядь прямо, как подобает мужчине, вытри глаза, и коли ты доволен тем, что я для тебя сделала, то я скажу, как ты можешь отплатить мне сторицей.

— Что? — воскликнул Дженкин Винсент, выпрямляясь в кресле. — Так, выходит, вы опять потребуете от меня службы за вашу дружескую услугу?

— Вот то-то и есть, что потребую, — отозвалась миссис Урсли, — потому что, пусть будет тебе известно, золото это не мое, хоть я очень рада пособить тебе с его помощью; его вручили мне с просьбой отыскать надежное лицо для некоей цели, вот я и... Но что с тобой? Неужто ты такой глупец, что сердишься из-за того, что не можешь получить даром кошелек с золотом? Хотелось бы мне знать такое место, где дают золото даром. Уверяю тебя, мне никогда не случалось находить деньги на дороге.

— Нет, нет, миссис, — проговорил несчастный Дженкин, — я вовсе не то хотел сказать; видите ли, я бы с радостью стер до кости вот эти руки, лишь бы жить своим трудом, но... — И тут он умолк.

— За чем же дело стало, мой милый? — спросила миссис Урсли. — Ты согласен работать, чтобы приобрести то, чего тебе недостает; а когда я предлагаю золото, которое поможет тебе достичь цели, ты глядишь на меня, словно черт на Линкольнский собор.

— Не к добру поминать черта, матушка, — сказал Дженкин. — Я и сам только что о нем подумал, потому что, видите ли, я как раз дошел до того состояния, когда, как говорят, черт является к несчастным созданиям и предлагает им золото в обмен на душу. Но вот уже два дня, как я стараюсь убедить себя, что лучше вытерпеть горе и позор и искупить свои грехи, что меня все равно не минует, чем продолжать беспутную жизнь, хотя бы это и помогло мне выйти сухим из всех затруднений. А потому, миссис Урсула, не сбивайте меня с толку и не отвращайте от благого намерения.

— Ни от чего я тебя не отвращаю, милейший, — огрызнулась Урсула, — и раз уж ты, я вижу, начинен благоразумием, то я положу кошелек себе в карман

и поищу кого-нибудь поблагодарнее, кто послужит мне с большей охотой. Можешь отправляться своей дорогой, бросай свое ремесло, разоряй отца, лишайся своего доброго имени и скажи «навек прости» распрелкрасной мистрис Маргарет.

— Да постоите вы! — воскликнул Дженкин. — Чего вы торопитесь, точно пекарь, когда у него печь перекалилась? Прежде скажите, что вы хотите от меня.

— Да всего-навсего тайно переправить одного знатного, состоятельного джентльмена, попавшего в беду, вниз по реке на Собачий остров или куда-нибудь поблизости от него, чтобы тот мог скрыться, пока ему не удастся улизнуть за границу. Ты, я знаю, изучил каждое местечко вдоль Темзы, как дьявол — ростовщика или нищий — свою суму.

— Провалитесь вы со своими сравнениями, — сказал подмастерье. — Верно, что дьявол меня с рекой познакомил и не иначе как доведет до сумы. А что такого сотворил джентльмен, из-за чего он должен прятаться? Надеюсь, он не папист и не замешан, как Пирси или Кэтсби, в Пороховом заговоре?

— Фу, фу, за кого ты меня принимаешь? — ответила миссис Урсула. — Я такая же добрая протестантка, как пасторская жена, вот жаль только, важные дела не позволяют мне посещать церковь чаще чем один раз в год, на рождество, да простит меня бог. Нет, нет, папизм тут ни при чем. Просто тот джентльмен ударил другого джентльмена в королевском парке...

— Как! — перебил ее Винсент, подпрыгнув в кресле.

— А-а, ты, видно, догадался, о ком речь. Да, это именно он, о ком мы так часто говорим, — сам лорд Гленварлох и никто другой.

Винсент вскочил с места и взволнованно забежал по комнате.

— Ну вот, опять тебя забирает. Ты или лед, или уж прямо порох. Сидишь себе преспокойно в кресле, точно ракета на станке в праздничную ночь, но стоит поднести спичку — фр-р! — ты взрываешься в небеса,

и ничего уже не слышишь, не видишь, и забываешь о всяческом благоразумии. Когда тебе надоест шататься по комнате, ты, может быть, скажешь, каково твое решение — время не ждет. Станешь ты помогать мне в этом деле или нет?

— Нет, нет, тысячу раз нет! — отрезал Дженкин. — Разве не сами вы мне говорили, что Маргарет его любит?

— Она только воображает, что любит. — ответила хозяйка, — но это ненадолго.

— И разве я не сказал минуту назад, — продолжал Дженкин, — что этот самый Гленварлох вытянул из меня в ресторации все денежки до последнего гроша и сделал меня вдобавок вором, выиграв у меня то, что мне не принадлежало? Будь проклято золото, которое этот плут торговец шелками заплатил мне тогда утром за починку часов на колокольне святого Стефана! Не случись тогда при мне, на мою беду, этих денег, я остался бы с пустым кошельком, но зато не покрыл себя бесчестьем. И после того как меня обчистили все, кто там был, мне пришлось поставить последние пять червонцев против этой акулы среди пескарей.

— Святая правда, — заметила миссис Урсула. — Все это мне известно, и я допускаю даже, что, поскольку лорд Гленварлох был последним, с кем ты играл, ты вправе винить его за свою неудачу. Более того — я признаю, как уже было сказано, что Маргарет сделала его твоим соперником. Но, посуди сам, время ли вспоминать обо всем теперь, когда ему грозит опасность лишиться руки?

— Подумаешь, прах его возьми, лишиться руки! — промолвил юный горожанин. — По мне, так пусть его лишат заодно и головы. Его голова и его рука сделали из меня жалкого горемыку!

— А не лучше ли, король всех сорванцов, — сказала миссис Урсула, — свести теперь с ним счеты? И с помощью этого шотландского лорда, который отнял у тебя, по твоим словам, деньги и возлюбленную, вернуть то и другое в самом непродолжительном времени?

— Как же это ваша мудрость дошла до такого заключения?— спросил подмастерье. — Вернуть деньги — я еще могу понять, стоит только принять ваше предложение; но что касается моей прекрасной Маргарет, то как эта услуга лорду, которым только и занята ее глупенькая головка, может пойти мне на пользу, я не могу уразуметь.

— А это потому, что, говоря попросту, — сказала миссис Урсула, — ты разбираешься в женском сердце не лучше, чем норфолкский гусь. Послушай, любезный. Если я расскажу мистрис Маргарет, что молодому лорду не удалось спастись из-за твоего неучтливового отказа помочь ему, вот тогда ты опротивеешь ей навеки. Она возненавидит тебя так же, как того палача, что отрубил руку Гленварлоху, и она еще крепче влюбится в своего лорда. Лондон по меньшей мере недели три будет только о нем говорить, только о нем думать, и после всей этой кутерьмы его никакими силами не вышибешь у Маргарет из головы, ибо ничто не доставляет молодой девушке столько удовольствия, как быть причастной к делам того, о ком говорят все окружающие. Если и в самом деле он подвергнется такому наказанию, едва ли она его когда-нибудь забудет. В царствование королевы Елизаветы я видела, как вешали одного красивого молодого джентльмена по имени Бэбингтон, так на что я была тогда совсем девчонкой, и то потом целый год он не шел у меня из головы. Короче говоря, помилуют Гленварлоха или покарают, он останется в Лондоне, и присутствие его будет поддерживать безрассудную страсть глупой девушки. А вот если он скроется...

— А ну-ка, объясните, какая мне будет от этого польза? — подхватил Дженкин.

— Коли он скроется, — продолжала свое рассуждение хозяйка, — ему придется оставить королевский двор на долгие годы, если не на всю жизнь; а кто не знает старой поговорки: «с глаз долой — из сердца вон»?

— Правда, истинная правда, — сказал Дженкин, — вы говорите как оракул, мудрейшая Урсула.

— Ну вот, наконец-то образумился, — промолвила лукавая миссис Садлчоп. — Когда же мы избавимся от лорда раз и навсегда, то кто, я спрашиваю тебя, станет задушевым другом балованной красотики, кто заполнит пустоту в ее сердечке? Да кто, как не ты, краса подмастерьев?! Она увидит, что ты поборол собственные желания и подчинился ее желаниям, а это ценит любая женщина; ты подверг себя риску, выполняя ее приказания; а что больше всего нравится женщине, как не храбрость и беспрекословная преданность? К тому же в твоих руках ее тайна, ей поневоле придется относиться к тебе благосклонно и с уважением, оказывать тебе доверие и встречаться с тобой наедине, пока она не станет плакать уже только одним глазком по отсутствующему возлюбленному, которого никогда больше не увидит, и не подмигнет весело другим глазком тому, кто подле нее. И коли тут ты не сумеешь воспользоваться обстоятельствами, то ты совсем не тот проворный и ловкий малый, за какого все тебя считают. Ну как, хорошо ли я говорила?

— Вы говорили как королева, о могущественная Урсула! — воскликнул Дженкин Винсент. — Я повинуюсь вашей волс.

— Тебе, кажется, хорошо знаком Эльзас? — продолжала наставница.

— Недурно, недурно, — ответил он, кивая головой. — Я слыхивал там стук костей до того, как превратился в джентльмена и повадился ходить со светскими щеголями в ресторацию шевальера Божё, как его называют, — притон не хуже эльзасских, хотя перышки у этого понаряднее.

— И надо думать, к тебе отнесутся в Эльзасе с уважением?

— Ого, — ответил Вин, — как надену я опять свою бомбазиновую куртку да возьму под мышку шкворень, так смогу гулять по Эльзасу ночью, как по Флит-стрит среди бела дня. Никто не посмеет тронуть принца подмастерьев и короля дубинок. Все знают, что я могу нагрянуть к ним с самыми рослыми молодцами нашего квартала.

— А знаешь ли ты речную братию?

— Могу поговорить с каждым лодочником от Ричмонда до Грейвсенда на его наречии. Сверх того, знаком со всеми гребцами, от Джона Тейлора, поэта, до малыша Сверчка Зубоскала, который, когда гребет, всегда скалит зубы, словно остряк-самоучка.

— И ты можешь носить любое платье и выдавать себя за кого угодно, будь то лодочник, мясник или пехотинец? — продолжала Урсула.

— Лучшего комедианта не найдется во всем Лондоне, вы отлично это знаете, сударыня, — ответил подмастерье. — Я могу потягаться с настоящими актерами из «Глобуса» или из «Фортуны», если начну представлять любые роли, кроме джентльменов. Только снимите с меня эти проклятые тряпки, в которые меня засунул сам черт, и тогда одевайте во что хотите, всякое платье пристанет ко мне так, словно я в нем родился.

— Хорошо, мы еще как-нибудь поговорим о твоём превращении, — сказала миссис Урсула, — и платье тебе подберем и денег достанем — их немало понадобится, чтобы довести дело до благополучного конца.

— Но откуда вы возьмете столько денег? — спросил Дженкин. — Я хотел бы получить ответ на свой вопрос, прежде чем дотронусь до них.

— Какой же ты дурак, что спрашиваешь. Допустим, я сама охотно ссужу свои деньги, чтобы угостить молодой даме. Что тут худого?

— Ничего подобного и допускать не стану, — живо откликнулся Дженкин. — Я знаю, что у вас свободных денег не водится, да если б и водились, вы с ними не расстанетесь. Нет, вы меня не проведете. Должно быть, это деньги самой Маргарет.

— Ах ты недоверчивый щенок! А если и так, то что с того?

— А то, что я сию же минуту отправлюсь к ней и узнаю, честным ли путем попала к ней такая куча денег; я скорее повешусь, чем допущу, чтобы она доставала их с помощью обмана. Хватит того, что я сам натворил, незачем впутывать бедную Маргарет

во всякие подлости. Я пойду к ней и предостерегу ее; клянусь богом, я так и сделаю.

— Ты с ума сошел, — не на шутку встревожилась миссис Садлчоп. — Послушай меня. Не знаю, от кого именно она получила деньги, но твердо уверена в том, что ей дали их в доме ее крестного отца.

— Но мейстер Джордж Гериот не вернулся еще из Франции, — возразил Дженкин.

— Нет еще, — ответила Урсула, — но мистрис Джудит дома, а та странная леди, которую называют привидением мейстера Гериота, никуда не выходит.

— Это верно, миссис Садлчоп, — согласился Дженкин. — Я думаю, вы угадали. Говорят, у этой леди водятся-таки деньжата. Что ж, коли Маргарет может достать горсть волшебного золота, пусть себе тратит на здоровье.

— Ах, Джин Вин, — проговорила Урсула, понижая голос почти до шепота, — и у нас бы не было недостатка в деньгах, если б мы разгадали загадку этой леди!

— Пускай себе разгадывает кто хочет, — ответил Дженкин. — Я никогда не стану совать нос в чужие дела. Мейстер Джордж Гериот — достойный, именитый горожанин, который делает честь всему Лондону. Он может располагать собственным домом, как ему заблагорассудится. В позапрошлом году поговаривали, что какой-то сброд собирался вломиться к нему пятого ноября из-за того будто, что он завел монастырь у себя в доме, как старая леди Фолджамб. Но за мейстера Джорджа стоят горой все подмастерья, и если б у той сволочи хватило духу напасть, наши удалые молодцы разогнали бы их ко всем чертям.

— Ну, хорошо, хорошо, оставим это, — сказала Урсула. — А теперь скажи мне, как ты устроишься, чтобы исчезнуть из лавки на денек-другой? Сам понимаешь, что эти дела не так скоро делаются.

— Вот про это не знаю что и сказать, — ответил Дженкин. — Я всегда служил верой и правдой. У меня духу неостанет отлынивать от работы и воровать у хозяина не только деньги, но и время.

— Так ведь речь идет о том, чтобы вернуть ему деньги, — возразила Урсула, — а иначе вряд ли он их увидит. Не мог бы ты на несколько деньков отпроситься в Эссекс проведать своего дядюшку? Ведь может же он заболеть?

— Видно, так тому и быть, ничего не поделаешь, — с тяжелым вздохом ответил Дженкин. — Но в другой раз меня так легко не заманят на темные, кривые дорожки.

— Тогда хватит разговоров, — сказала хозяйка, — иди проси позволения уехать сегодня же вечером, а потом возвращайся сюда и я познакомлю тебя еще с одним участником нашего дела. Постой постой! Малый совсем спятил. Не в этом же наряде ты пойдешь к хозяину? Вон в той каморке, выстланной цыновками стоит сундучок с твоим платьем подмастерья. Пойди и переоденься как можно скорее!

— Право мне кажется, будто я околдован, — проворчал Дженкин, оглядывая свой костюм, — или же эта дурацкая сбруя сделала из меня такого же осла, как и из многих других, носящих ее. Дайте мне только сбросить с себя этот наряд, и если вам еще раз удастся напаялить его на меня, можете продать меня цыганам, и пусть я до конца моих дней буду таскать на себе горшки, кастрюли и ребятишек этих нищих бродяг.

С этими словами он отправился переодеваться.

Глава XXII

Не уповай на случай! Он пошлет
Попутный бриз; но если дремлет лоцман —
Тот ветер, что привел бы судно в гавань,
Швырнет его на скалы. Пусть же кормчий
Глаз не смыкает равно в шторм и в штиль.

Старинная пьеса

Найджел, которого мы обязались сопровождать в его приключениях согласно договору, заключенному на титульном листе романа, оставлен нами в

грустном одиночестве в доме ростовщика Трапбуа, когда вместо ожидаемого друга-студента появилось лишь письмо от него. В письме излагались причины, объяснявшие, почему тот не мог сам навестить Найджела в Эльзасе, а из этого следовало, что сношения нашего героя с лучшей и более почтенной частью общества были на время прерваны. Мысль об этом была для гордого ума несносна и даже унижительна.

Найджел подошел к окну и увидел, что улица окутана тем плотным желтовато-грязным туманом, какой часто заполняет низкую часть Лондона и Уэст-минстер. Во мгле, густой и осязаемой, брели словно призрак одинокие кутилы, которых утро застигло там, где оставил вечер; спотыкаясь, неверными шагами, но руководимые инстинктом, который не смогло заглушить опьянение, они отыскивали дорогу домой, чтобы, обратив день в ночь, отоспаться после попойки, превратившей для них ночь в день. Несмотря на то, что в других кварталах давно уже наступило утро, в Эльзасе едва рассвело и звуков, свидетельствующих о начале работ, еще не было слышно, хотя они давно уже разбудили спящих во всем остальном городе. Картина, представившаяся лорду Гленварлоху, была столь скучна и непривлекательна, что, отвернувшись от окна, он перенес свое внимание на вид и убранство нанятого им жилья. Большая часть обстановки в свое время, видимо, отличалась богатством и оригинальностью. Тут стояла огромная кровать с четырьмя столбиками и таким обилием резного дуба, что из него получился бы нос военного корабля, в то время как широких, длинных занавесей могло с успехом хватить на паруса. На одной из стен висело огромное зеркало в массивной раме из позолоченной бронзы; это произведение венецианских мастеров, должно быть, стоило значительных денег, пока не получило страшной трещины, пересекавшей зеркало от одного угла до другого и разделявшей его так, как разделяет на карте Нил территорию Египта. Стулья в комнате были различных фасонов и стилей. Одни были резные, другие позолоченные, иные обиты тисненой кожей или вышитыми тканями, но все они

были поломаны и источены червями. Картину, висевшую над камином и изображавшую Сусанну со старцами, можно было бы признать шедевром, если бы крысы не обошлись бесцеремонно с носом целомудренной красавицы и с бородой одного из ее почтенных поклонников.

Словом, все, что предстало взору лорда Гленварлоха, имело вид вещей, попавших сюда в результате распродажи описанного за долги имущества или же купленных по дешевке у какого-нибудь сомнительного старьевщика и сваленных потом в кучу в этой комнате, как в аукционном зале, не сообразуясь с требованиями вкуса и гармонии.

Дом этот, заставленный бывшей собственностью разорившихся расточителей, напомнил Найджелу лачуги на морском берегу, которые зачастую обставлены предметами, растащенными с разбитых судов. «И моя ладья среди бурунов, — подумал лорд Гленварлох, — но на ее крушении грабитель не разбогатеет».

Более всего его заинтересовала каминная решетка, громоздкое сооружение из ржавых железных прутьев, криво стоявшее на трех медных ножках, отлитых в виде львиных лап; четвертая лапа в результате какого-то несчастного случая гордо задралась в воздух, создавая впечатление, будто вся решетка возымела честолюбивое желание выступить на середину комнаты и приподняла уже одну ногу, чтобы пуститься в путь. Улыбка показалась на лице Найджела, когда в воображении его мелькнула такая фантастическая мысль. «Придется остановить ее, — подумал он, — утро такое холодное и сырое, что не мешает развести огонь».

Намереваясь позвать кого-нибудь, он вышел на площадку широкой лестницы с тяжелыми дубовыми перилами, откуда можно было попасть в его комнату и в другие помещения этого старинного просторного дома. Не получив, однако, ответа на повторенный несколько раз зов, он был вынужден отправиться на поиски кого-нибудь, кто сослужил бы ему желаемую службу.

Хотя, по старому шотландскому обычаю, Найджел получил воспитание, которое во многих отношениях может быть названо простым, скромным и даже суровым, он все же привык к постоянному вниманию и к заботам одного или нескольких слуг. Таков был повсеместный обычай в Шотландии, где жалованье было так ничтожно, что знатный или влиятельный человек мог иметь столько слуг, сколько хотел, — требовалось только кормить, одевать их и оказывать покровительство. Найджел поэтому был недоволен и огорчен, когда очутился без всякой помощи и ухода; досада его усиливалась, так как он злился на самого себя, что беспокоится из-за подобных пустяков среди истинно важных и серьезных забот.

«Должна же быть какая-то прислуга в таком большом доме», — говорил он себе, бредя по коридору, уводившему его от лестничной площадки. По пути он толкал двери, мимо которых проходил. Но одни комнаты были заперты, а другие пусты, и все, очевидно, необитаемы. В конце концов он вернулся к лестнице и решил сойти вниз и отыскать там хозяина или его безобразную дочь. Спустившись, он вошел сперва в тесную, низкую и темную гостиную, где стояло ветхое кожаное кресло, пара комнатных туфель перед ним, а слева от него была прислонена крючковатая трость; посредине комнаты стоял дубовый стол с громоздкой кованой конторкой и массивной оловянной чернильницей. Вдоль стен были расставлены разные полки, комоды и прочие хранилища для бумаг. Над камином красовались сабля, мушкетон и пара пистолетов, как бы самоуверенно заявляя о том, что владелец стоит на страже своего имущества.

«Должно быть, это логово ростовщика», — подумал Найджел и собирался уже подать голос, как вдруг услышал из задней комнаты раздраженный, дребезжащий и прерываемый кашлем голос старика, который просыпался обычно от малейшего шума, ибо скупость никогда не спит крепким сном.

— Кхе-кхе, кто там? Эй, кхе-кхе, да кто же там? Марта, кхе-кхе, Марта Трапбуа, в доме воры, мне никто не отвечает! Эй, Марта, воры, воры, кхе-кхе!

Найджел тщетно пытался объяснить в чем дело — **мысль** о ворах так крепко засела в мозгу старика, **что** он продолжал кашлять и вопить, вопить и кашлять, пока не появилась милейшая Марта; прикрикнув несколько раз на отца, дабы убедить его, что **опасности** никакой нет и что незваный гость — их **новый** постоялец, и услышав столько же раз от своего родителя: «Держи его, кхе-кхе, держи крепче, я иду!», она наконец уняла его страхи и вопли, а затем холодно и сухо спросила лорда Гленварлоха, что ему понадобилось в комнате отца. Постоялец между тем имел время рассмотреть ее наружность, и впечатление, какое создалось у него накануне вечером, при свете свечи, ни в коей мере не улучшилось. На ней были так называемые фижмы и брыжи королевы Марии, но не те откиннутые брыжи, в каких принято рисовать несчастную шотландскую королеву, а те, что с более чем испанской чопорностью окружали шею и оттеняли мрачное лицо ее жестокой тетки, увековечившей память о себе сожжениями в Смитфилде. Старомодное платье как нельзя лучше гармонировало с поблекшим лицом, серыми глазами, тонкими губами и всем суровым обликом старомодной девицы, еще более подчеркнутым черным капюшоном вместо наколки, которым она тщательно прикрывала голову, не давая выбиться ни одному волоску, потому, вероятно, что в ту наивную эпоху женщины еще не додумались до иного способа скрывать тот цвет, каким время подкрашивает волосы. Она была высокого роста, худая и плоская, с костлявыми руками и крупными ногами, обутыми в громадные башмаки на высоких каблуках, делавших выше ее и без того неуклюжую фигуру. Портной, видимо, пустил в ход некоторые ухищрения, желая скрыть ее небольшой телесный недостаток, заключавшийся в том, что одно плечо у нее было выше другого, однако похвальные уловки изобретательного мастера лишь выдавали благие намерения, не свидетельствуя об успешности их выполнения.

Такова была мистрис Марта Трамбуа, вопрос которой: «Что вам здесь надобно, сэр?», произнесенный

сухим тоном, снова прозвучал с той же резкостью в ушах Найджела, пока он созерцал ее наружность и про себя сравнивал ее с одной из выцветших зловещих фигур на старинных занавесах, украшавших его постель. Вопрос ее решительно требовал ответа, а потому Найджел объяснил, что сошел вниз поискать слугу, который затопил бы камин в его комнате, так как утро холодное и сырое.

— Поденщица приходит в восемь часов, — ответила мистрис Марта. — Если хотите согреться скорее, то наверху около лестницы вы найдете в чулане хворост и ведро с углем. Кремень и огниво на верхней полке. Коли желаете, можете растопить сами.

— Нет, нет, Марта! — воскликнул ее отец, который, облачившись в порыжевший халат, в расстегнутых панталонах и в туфлях на босу ногу поспешно вышел из задней комнаты; очевидно, ему все еще мерещились грабители, ибо он сжимал в руке обнаженную шпагу, имевшую грозный вид, хотя ржавчина местами изъела блестящую сталь. Однако слова «камин» и «хворост», услышанные им в дверях, изменили течение его мыслей.

— Нет, нет, ни за что! — вскричал он, вкладывая в каждое последующее отрицание все большую энергию. — Молодой джентльмен не должен утруждать себя, кхе-кхе. Я сам растоплю камин за известное воз-на-гра-ждение.

Последнее слово было излюбленным у старика, и он произносил его особенным образом, выговаривая слог за слогом и делая сильное ударение на конце. Оно было как бы магической формулой, которая предохраняла его от всяких неудобств, сопутствующих привычке опрометчиво предлагать свои услуги и обещать всякого рода любезности; и впрямь, люди, поспешно ухватываясь за такие предложения, нередко дают основания раскаиваться в своей неосмотрительности тому, от кого они исходят.

— Стыдитесь, отец, — возразила Марта, — не вздумайте этого делать. Мейстер Грэм сам разведет огонь или дождется служанки — как ему будет угодно.

— Нет, дитя мое, нет. Нет, дочь моя Марта, — стоял на своем старый скряга, — ни одна служанка не дотронется до камина в моем доме. Все они кладут, кхе-кхе, хворост сверху, и тогда уголь не разгорается и пламя вылетает в трубу, а дрова и жар пропадают понапрасну. А вот я за известное вознаграждение сложу дрова как следует, так что тепла хватит, кхе-кхе, на целый день.

Тут разволнованный старик раскашлялся так сильно, что дальше Найджелу из отрывисто произнесенных слов удалось понять только, что дочери рекомендовалось убрать кочергу и щипцы из комнаты жильца, с тем чтобы в случае надобности хозяин «за известное вознаграждение» сделал все сам.

Марта обратила столь же мало внимания на распоряжения старика, как властная жена — на приказания своего мужа, который у нее под башмаком. Она повторила только еще более выразительно и осуждающе:

— Стыдитесь, отец, стыдитесь!

Затем, обратясь к гостю, она сказала с присущей ей нелюбезностью:

— Мейстер Грэм, лучше объясниться начистоту с самого начала. Мой отец стар, очень стар, и рассудок его, как видите, ослабел, однако я не советовала бы вам вступать с ним в сделки, ибо тогда его слабый рассудок одержит над вашим верх. Про себя скажу, что привыкла к одиночеству и, по правде говоря, не имею особого желания встречаться и разговаривать с кем бы то ни было. Если вы можете довольствоваться тем, что у вас есть крыша над головой и вы здесь в полной безопасности, — очень хорошо, но вините себя, если вы это потеряете; найти безопасное убежище в нашем злополучном квартале не так-то просто. Если же вам нужны раболепное почтение и уход, то сразу предупреждаю вас — здесь вы их не найдете.

— Мадам, я не имею привычки навязывать свое общество, а также причинять другим хлопоты, — ответил Найджел, — но все же мне понадобится слуга,

который помогал бы мне одеваться. Не можете ли вы подыскать мне такого человека?

— Могу хоть двадцать, — ответила мистрис Марта. — Шнуруя вам камзол, они вытащат у вас кошелек, а поправляя подушку, перережут горло.

— Я сам буду его слугой, — вмешался старик, чьи мысли отвлеклись было на время в сторону, но теперь вновь обратились к предмету разговора. — Я буду чистить его одежду и башмаки, кхе-кхе, шнуровать костюм, кхе-кхе, и исполнять точно и быстро его поручения, кхе, кхе, кхе, — за известное вознаграждение.

— Желаю вам доброго утра, сэр, — сказала Марта Найджелу тоном, в котором прямо и недвусмысленно слышалось намерение окончить разговор. — Поймите, как тягостно дочери выслушивать от отца такие речи при чужом человеке. Если вы настоящий джентльмен, то сейчас же уйдете в свою комнату.

— Я не задержусь более ни на минуту, — ответил Найджел почтительно, понимая, что обстоятельства оправдывают ее грубое обращение. — Я хотел бы только узнать, в самом ли деле здесь так рискованно нанимать слугу?

— Молодой человек, — сказала Марта, — вы, должно быть, плохо знаете Уайтфрайерс, что задаете такой вопрос. Мы живем одни в этом доме, и редко кто сюда заходит, да и вы, говоря откровенно, не были бы здесь, если б спросили моего согласия. Поглядите на двери: могут ли ворота замка быть прочнее? Окна первого этажа снаружи ограждены решетками, а внутри... посмотрите на ставни.

Она отодвинула один ставень и указала на громоздкую систему цепей и задвижек; между тем отец, дергая ее трясущейся рукой за платье, шептал ей на ухо:

— Не показывай ему, как запирать и отпирать их. Только не показывай ему секрета, Марта, кхе-кхе, ни за какое вознаграждение.

Марта, однако, продолжала, не обращая на отца ровно никакого внимания:

— И тем не менее, молодой человек, несмотря на все эти меры предосторожности, мы не один уже раз едва не простились с жизнью — такое пагубное влияние имел на здешних нечестивцев злополучный слух о богатстве моего отца.

— Не смей болтать, сплетница, — прервал ее скряга, чье волнение возросло от одного намека на его предполагаемое богатство. — Не смей болтать, или я тебя поколочу тростью за то, что ты распространяешь небылицы, из-за которых нам в конце концов перережут глотки, кхе-кхе. Я ведь беден, — продолжал он, обратившись к Найджелу, — очень беден и рад оказать любую честную услугу за скромное вознаграждение.

— Итак, я предупредила вас, молодой человек, о том, какой образ жизни вы должны вести, — проговорила Марта. — Наша поденщица поможет вам, насколько это будет в ее силах, но умный человек — сам себе лучший слуга и помощник.

— Очень вам благодарен за урок, мистрис. Я постараюсь затвердить его на досуге.

— И хорошо сделаете, — ответила Марта. — А так как вы, кажется, и впрямь благодарны за совет, то, хоть раздавать их и не в моем обычае, я даю вам еще один: не заводите дружбы ни с кем в Уайтфрайерсе и ни под каким видом не занимайте денег, а пуще всего у моего отца, ибо, хоть с виду он выжил из ума, он во всякое время оставит вас в дураках. Последнее и самое главное: не оставайтесь здесь ни секунды дольше, чем будет необходимо. Прощайте, сэр.

«Кривое дерево может принести вкусные плоды, а суровая душа — дать хороший совет», — подумал лорд Гленварлох, направляясь в свою комнату. Соображение это еще не раз приходило ему в голову, пока он, не в состоянии примириться с мыслью о необходимости стать истопником, ходил взад и вперед по спальне, чтобы согреться.

Наконец размышления его вылились в следующий монолог; под этим, позвольте мне заметить раз и навсегда, я разумею вовсе не то, что Найджел, расхаживая в одиночестве по комнате, в буквальном смысле

произносил вслух слова, приведенные дальше в кавычках, а то, что я сам возымел желание представить дражайшему читателю состояние духа моего героя, его размышления и намерения в виде прямой речи, а не авторского повествования. Иначе говоря, я облек его мысли в слова, и таково же, я считаю, назначение монолога на сцене, ибо монолог есть самый естественный и, пожалуй, в то же время единственный способ передать зрителю то, что, по нашим предположениям, совершается в душе театрального персонажа. В жизни таких монологов не бывает, согласен, но если не принимать их как условное средство общения между автором и публикой, то драматургам придется творить по рецепту мейстера Пуфа, у которого лорд Барли передает целую цепь политических рассуждений одним выразительным кивком своей тупой головы. Несомненно, в повествовании писатель имеет возможность сказать, что его персонажи думают так-то и так-то, подразумевают то-то и то-то и приходят к такому-то и такому-то выводу; зато монолог — более краткий и живой вид передачи тех же сведений, а потому вот что говорил или мог бы говорить сам себе лорд Гленварлох:

«Она права, я могу извлечь пользу из ее урока. Вся мою жизнь я прибегал к услугам других, вместо того чтобы более достойным образом обходиться собственными силами. Я чувствую себя жалким, когда долгая привычка заставляет меня испытывать неудобства из-за отсутствия слуги, я стыжусь этого. Но куда больше я стыжусь того, что та же привычка перекладывать свою ношу на чужие плечи сделала из меня с той поры, как я приехал в Лондон, жертву обстоятельств, на которые я даже и не пытался влиять, лицо бездействующее и лишь испытывающее всевозможные чужие воздействия, опекаемое одним другом, обманутое другим, но, извлекающее ли выгоду из знакомства с одним, претерпевающее ли зло от другого, всегда пассивное и беспомощное, как корабль без руля и ветрил, отданный на волю волн и ветра. Я стал царедворцем по совету Гериота, картежником — по наущению Дэлгарно, эльзасцем — по

желанию Лоустофа. Что бы ни случилось со мной хорошего или плохого, всем я обязан деятельности других, но не своей. Сын моего отца более не будет следовать по этому легкому, ребяческому пути. Выживет он или умрет, утонет или выплывет, но с этой минуты безопасность, успех и честь Найджела Олифанта будут зависеть от его собственных усилий; и если он погибнет, то по крайней мере с сознанием, что он действовал по своей воле. Я запишу себе в записную книжку ее доподлинные слова: «Умный человек — сам себе лучший слуга и помощник».

Только опустил он книжку обратно в карман, как в комнату, прихрамывая, вошла старая поденщица, самым безжалостным образом искалеченная ревматизмом, что вряд ли способствовало ее расторопности; она пришла выяснить, не перепадет ли ей что-нибудь от незнакомца за услуги. Она охотно взялась доставить лорду Гленварлоху завтрак, а так как харчевня находилась в соседнем доме, то старуха справилась с этим много быстрее, чем предполагал Найджел.

Едва он закончил в одиночестве завтрак, как ему сообщили о приходе привратника, или сторожа, искавшего мейстера Грэма по поручению его приятеля, мейстера Лоустофа; старуха ввела посланца в комнату, и он вручил Найджелу небольшой чемодан с платьем, которое тот просил доставить ему, а затем с таинственным видом извлек из-под плаща шкатулку, или ларчик.

— Очень рад, что избавляюсь от нее, — сказал он, ставя шкатулку на стол.

— Отчего же? Ведь она не так уж и тяжела, — заметил Найджел, — а на вид вы человек крепкий.

— Э-э, сэр, — ответил привратник. — Самсон, и тот не решился бы нести ее открыто через Эльзас, если б здешним головорезам было известно, что это такое. Сделайте милость, сэр, загляните туда и проверьте, все ли цело. Я человек честный и отдаю вам все в полной сохранности, а вот долго ли оно в таком виде останется, будет зависеть от вас самих. Я не хочу, чтобы мое доброе имя пострадало, если потом получится какое-нибудь недоразумение.

Дабы успокоить совестливого посланца, лорд Гленварлох открыл при нем шкатулку и убедился, что весь его небольшой капитал и несколько ценных документов, в частности указ с королевской подписью, лежат в том же порядке, в каком были им оставлены. Уступив дальнейшим настояниям, Найджел воспользовался письменными принадлежностями, которые находились в шкатулке, и написал записку мейстеру Лоустофу, подтверждая в ней, что имущество его доставлено в целости и сохранности. Он добавил несколько слов признательности за дружескую услугу, запечатал письмо и как раз передавал посланному, когда в комнату вошел старик хозяин. Поношенное черное платье на нем было теперь в большем порядке, нежели при первом его появлении, когда он выскочил полуодетый, а нервы и разум как будто поуспокоились, ибо, почти не кашляя и не запинаясь, он предложил Найджелу отведать легкого эля, присенного им в большой кожаной кружке; он держал кружку в одной руке, а другой помешивал эль веточкой розмарина, чтобы, как он сказал, придать ему аромат. Найджел отклонил учтивое предложение, дав при этом понять своим видом, что он недоволен таким вторжением в комнату; кстати сказать, он имел полное право быть недовольным, если вспомнить холодный прием, оказанный ему утром, когда он, переступив границу своих владений, очутился в хозяйских покоях. Но раскрытая шкатулка содержала вещество, точнее металл, настолько притягательный для старого Трамбуа, что тот застыл на месте, словно легавая, делающая стойку; он вытянул нос и выставил одну руку наподобие упомянутого четвероногого, поднимающего лапу в знак того, что оно почуяло зайца. Найджел собирался было, захлопнув крышку, разрушить чары, сковавшие старика, но внимание его отвлек посланец, который спросил, оставить ли письмо в комнате мейстера Лоустофа в Темпле или же отнести его в Маршалси.

— В Маршалси? — переспросил лорд Гленварлох. — При чем тут Маршалси?

— Да как же, сэр, — ответил привратник, — ведь бедного джентльмена упрятали за решетку за то, что по доброте сердечной он помог человеку в несчастье. Вот уж верно говорят: «в чужом пиру похмелье».

Найджел поспешно взял назад свое письмо, взломал печать и сделал приписку, где настоятельно просил немедленно ознакомить его с причиной заключения Лоустофа, присовокупив в конце, что если заключение это находится в связи с его, Найджела, злополучным делом, то долго оно не продлится, ибо еще до получения этой важной новости, столь настоятельно требующей от него, чтобы он предал себя в руки правосудия, он и сам принял такое решение, считая, что это наиболее достойный и правильный выход, какой оставили ему злая судьба и его собственное безрассудство. А посему он заклинает мейстера Лоустофа не проявлять излишней щепетильности и, поскольку Найджел все равно решил отдаться в руки правосудия, пожертвовав свободой ради сохранения своего доброго имени, Лоустоф должен откровенно сказать, каким образом можно скорее всего вызволить его из тех тягостных обстоятельств, в которые, как опасается автор письма, вовлекло того великодушное участие в его судьбе. В заключение Найджел сообщал, что будет ждать ответа двадцать четыре часа, а по прошествии этого срока приведет свой план в исполнение. Найджел отдал записку посланному и, подкрепив свою просьбу монетой, попросил того, не мешкая ни минуты, доставить письмо в руки мейстеру Лоустофу.

— Я... я отнесу письмо сам, — вмешался старый ростовщик, — за половинное вознаграждение.

Привратник, усмотрев в его словах посягательство на свои чаевые, живо припрятал деньги в карман и со всех ног бросился исполнять поручение.

— Мейстер Трамбуа, — несколько раздраженно сказал Найджел, — у вас было ко мне какое-нибудь дело?

— Я... я зашел узнать, хорошо ли вы спали, — ответил старик, — и... и не могу ли я чем-нибудь услужить вам... за определенное вознаграждение.

— Очень благодарен вам, сэр, — сказал лорд Гленварлох, — очень благодарен, но ..

Но прежде чем он успел что-нибудь добавить, на лестнице послышались тяжелые шаги.

— Боже мой! — воскликнул старик, затрясшись от страха. — Эй, Дебора! Марта! Опустите щеколду, слышите, чертовки! Дверь не заперта!

Тут дверь комнаты Найджела широко распахнулась, и важной поступью вошел тот самый гучный воин, лицо которого накануне показалось Найджелу знакомым.

Глава XXIII

З а д и р а

Пусть меч решит!

П ь е р о

Затасканное слово —

Оно лишилось силы колдовской
Любой щенок бродяга огрызнется,
Когда ему ты палкой пригрозешь

З а д и р а

Ну что же, я согласен на уступки —
Готов я в ход пустить простецкий нож
Взамен клинка булатного.

Старинная пьеса

Доблестный капитан Колпеппер, или Пепперкол, ибо он был известен под обоими этими именами и еще под целым рядом других, имел наружность воина и рубаки, в это утро еще более выразительную благодаря тому, что его левый глаз и часть щеки закрывал черный пластырь. Рукава его толстого бархатного камзола лоснились от грязи, огромные перчатки из буйволовой кожи доходили почти до локтей, к широкому поясу из такой же кожи, простиравшемуся от бедра до верхних ребер, с одного боку был привешен длинный широкий палаш с черным эфесом, а с другого — кинжал, тоже огромных размеров. Капитан приветствовал Найджела с той нарочитой наглостью,

какая предупреждает заранее, что она не испугается самого холодного приема, справился у Трапбуа, фамильярно назвав его Питер Пиллори, как тот поживает, и наконец, завладев пивной кружкой, одним глотком осушил ее в честь нового и самого молодого гражданина Эльзаса, благородного и любезного мастера Найджела Грэма. Поставив на стол пустую кружку и переведя дух, он принялся хулить выпитый напиток:

— Жидковатое пиво, дружище Пиллори; по-моему, тот, кто варил его, всыпал наперсток солода в бочку воды из Темзы; оно безжизненно как труп, но, клянусь богом, у меня в горле оно шипело и пузырилось, словно вода на раскаленной плите. Вы изволили рано нас оставить, благородный мейстер Грэм, но, ей-ей, мы устроили славную попойку в вашу честь и пили до тех пор, пока бочка не опустела. Мы любили друг друга как родные братья, и, чтобы завершить торжество, мы подрались. Вот видите, на мне пасторская отметина: пастор промахнулся, и его проповедь, вместо того чтобы попасть мне в уши, угодила в мой левый глаз. Но и на святом муже осталась моя подпись. Под конец герцог помирил нас, и это обошлось мне в такое количество хереса, что мне не под силу было б унести его, да еще пришлось выставить рейнвейну в знак любви и примирения с пророком. Карамба! Все равно он подлый святоша, я еще доберусь до него и разукрашу во все цвета радуги его сатанинскую личину. Однако ж баста! Правильно я говорю, дружище Трапбуа? А где твоя дочь, старик? Что она думает о моем предложении? Это честное предложение. Хочешь заполучить в зятя воина, Пиллори? Славную кровь героя мы смешаем с твоей вороватой, трусливой, дрянной кровью, как вливают дерзкое бренди в мутный эль.

— Моя дочь не принимает гостей так рано, любезный капитан, — ответил ростовщик, заключив фразу сухим, но выразительным «кхе-кхе».

— Неужто? Ни за какое воз-на-гра-ждение? — спросил капитан. — А по какой такой причине, честный

старец? Мне кажется, не так у нее много времени впереди, чтобы тянуть со сделкой.

— Капитан, — сказал Трамбуа, — я пришел к нашему благородному другу, мейстеру Найджелу Грину, по одному дельцу, кхе-кхе...

— И небось хотите, чтобы я поскорее убрался? Терпение, старина Пиллори, твой час еще не настал, дружище! Ты видишь, — тут он указал на шкатулку, — что благородный мейстер Грэм, которого ты величаешь Грин, имеет порядочно ассов и полугиней.

— От которых вы бы с готовностью его избавили, ха-ха, кхе-кхе, — отпарировал ростовщик, — если б знали, как это сделать. Но увы! Вы принадлежите к тем, кто приходит за шерстью, а уходит стриженным. Если б я не зарекся биться об заклад, я бы рискнул поставить небольшую сумму за то, что мой почтенный жилец отошлет вас домой без единого пенни, если вы отважитесь, кхе-кхе, играть с ним в какую-нибудь джентльменскую игру.

— Фу-ты, пропасть, ты уложил меня на обе лопатки, старый пройдоха! — ответил капитан, вынимая из за обшлага игральные кости. — Я вечно нарываюсь на таких ловкачей, что они облапошивают меня на каждом шагу и выдоили мой кошелек до того, что он совсем иссох. Но это пустяки, зато за игрой весело летит время. Как вы на это смотрите, мейстер Грэм?

Он наконец сделал передышку, и тут даже его крайнее нахальство едва устояло перед тем ледяным, исполненным презрения взглядом, каким Найджел встретил его предложение, ответив коротко:

— Я играю только в тех случаях, когда знаю, с кем имею дело и никогда не играю по утрам.

— Может, вы отдаете предпочтение картам? — спросил капитан Колпеппер. — А если хотите знать, с кем имеете дело, то правдивый Пиллори подтвердит, что Джек Колпеппер играет честнее всякого, кто когда-либо держал в руках кости. Конечно, можно играть тяжелыми и легкими костями, наливать их свинцом и подклеивать щетинки, подрезать, наращивать, метить, накалывать и плутовать еще на сотни ладов; но зажарьте меня на рашпере, как кусок сви-

ного сала, если я могу проделать хоть один из этих фокусов.

— По крайней мере плутовским языком, сэр, вы овладели в совершенстве, — заметил Найджел тем же холодным тоном.

— Что верно, то верно, клянусь честью, — отвечал сей Гектор. — Чего не хватает джентльмен, бывающий в обществе! Не желаете ли сыграть партию в теннис или в мяч? Тут поблизости имеется недурная площадка и компания самых благовоспитанных малых, какие только кидали когда-нибудь мяч.

— Прошу извинить меня, — промолвил лорд Гленварлох, — говоря откровенно, к числу тех неоценимых преимуществ, какие доставило мне ваше общество, надеюсь я могу отнести и преимущество оставаться одному у себя в комнате, когда мне этого хочется.

— Ваш покорный слуга, сэр, благодарю за вашу учтивость. У Джека Колпеппера нет недостатка в приятелях, и он никому своей дружбы не навязывает. Но, может быть, вы все-таки хотите сыграть партию в кегли?

— Не имею ни малейшей охоты.

— А что вы думаете о блошиных скачках, бегах улиток или о состязании на яликах?

— Нет, ничего этого я делать не стану, — отвечал Найджел.

Тут старик, наблюдавший за ними пытливыми глазками, дернул грузного Гектора за полу камзола и прошептал:

— Не выводите его из себя, капитан, так у вас ничего не выйдет; дайте форели порезвиться, она тотчас попадется на крючок.

Однако хвастливый буян, уповая на свою силу и, вероятно, принимая за робость презрительное терпение, с которым Найджел выслушивал его предложения, а также подстрекаемый видом раскрытой шкапулки, повысил голос и даже прибегнул к угрозам. Он выпрямился во весь рост, нахмурился, напустил на себя сугубо свирепый вид и продолжал:

— Имейте в виду, сэр, в Эльзасе все должны быть общительны и поддерживать компанию. Черт побери,

сэр, мы привыкли обрубать носы тем, кто задирает их перед нами и брезгует нашим честным обществом. Да, сэр, мы обрубаем их под корень, и мы не поглядим на то, что они нюхали всю жизнь только мускус, амбру да придворные духи. Я солдат, прах меня возьми, и для меня все одно — что лорд, что фонарщик.

— Вы, кажется, ищете ссоры? — спокойно спросил Найджел, не имевший никакого желания вступать в унизительное столкновение в таком месте и с такой личностью.

— Ссоры, сэр? — переспросил капитан. — Я не ищу ссор, хотя и не боюсь их. Я просто посоветовал вам быть полюбезнее, только и всего. А что, если, к примеру, мы переправимся на тот берег в парк и посмотрим, как травят быка? Погода прекрасная. Гром меня разрази, неужели вам так-таки ничего не хочется?

— Нет, я как раз испытываю сильное желание, — ответил Найджел.

— А именно? — спросил Колпеппер с важным видом. — Послушаем, что за желание.

— Желание вышвырнуть вас из окошка, если только вы сами сию минуту не спуститесь вниз по лестнице.

— Меня? Из окошка? Ад и его фурии! — вскричал капитан. — Я один своей шпагой отразил натиск двадцати кривых сабель в Буде, а какой-то веснушчатый нищий шотландский лордишка собирается вышвырнуть меня из окна?! Пусты, дружище Пиллори, я сделаю из него шотландскую отбивную, его смертный час пробил!

— Ради бога, джентльмены! — завопил старый скряга, бросаясь между ними. — Не нарушайте мира ни под каким видом! Благородный постоялец, остерегайтесь капитана, он настоящий троянский Гектор. Честный Гектор, остерегайтесь моего гостя, он может оказаться вторым Ахиллесом, кхе-кхе...

Здесь его прервал приступ удушья, но он продолжал стоять между Колпеппером (который обнажил палаш и стал размахивать им, делая вид, что хочет

нанести удар противнику) и Найджелом, который отошел, чтобы взять оружие, и теперь держал его в левой руке, не вынимая из ножен.

— Перестань кривляться, негодяй! — воскликнул Найджел. — Ты явился сюда, чтобы осыпать меня гнусной бранью и кичиться почерпнутой из бутылки храбростью? Ты, кажется, знаешь, кто я, но, к стыду моему, я только сейчас тебя узнал. Вспомни двор позади ресторации, наглый грубиян, вспомни, с какой быстротой ты удирали от обнаженной шпаги на глазах у полусотни людей. Убирайтесь, сэр, не заставляйте меня пачкать руки, спуская с лестницы такого труса и мерзавца!

Лицо хвастливого капитана потемнело как ночь; он никак не ожидал, что переодетым, с черным пластырем на лице, его узнает человек, который видел его всего один раз. Он стиснул зубы, сжал кулаки и, казалось, собирал на краткий миг все свое мужество, чтобы броситься на противника. Но у него не хватило духу, он вложил палаш в ножны, повернулся, сохраняя мрачное молчание, и заговорил не прежде, чем достиг двери; тут он обернулся и произнес, сопровождая свои слова грубой бранью:

— Если через несколько дней я не отомщу тебе за твою дерзость, пусть мое тело болтается на виселице, а душой завладеет дьявол.

Сказав это и бросив на Найджела угрожающий взор, полный отчаянной злобы и придавший его лицу выражение лютой ярости, которая, однако, не скрыла его страха, он повернулся и вышел. Найджел последовал за ним до верхней площадки лестницы, желая удостовериться, что капитан действительно ушел, и там столкнулся с мистрис Мартой Трамбуа, привлеченной шумом. Раздосадованный Найджел не мог удержаться, чтобы не выразить ей вполне понятного недовольства.

— Было бы кстати, мадам, если б вы дали моему отцу и его друзьям тот же совет, каким вы имели любезность удостоить сегодня утром меня, и убедили бы их оставить меня в покое в моей собственной комнате.

— Если вы хотели тишины и уединения, молодой человек, — ответила Марта, — то вас послали не по тому адресу. С большим успехом вы могли бы искать милосердия в Звездной палате или святости в преисподней, чем покоя в Эльзасе. Но отец мой больше не будет вам надоедать.

С этими словами она вошла в комнату и, заметив раскрытую шкатулку, многозначительно сказала:

— Если вы будете выставлять напоказ подобный магнит, он притянет не один стальной клинок к вашему горлу.

Пока Найджел поспешно запер шкатулку, Марта обратилась с упреками к отцу, безо всякого почтения выговаривая ему за то, что он водится с таким трусливым хвастуном и жестоким негодяем, как Джек Колпеппер.

— Да, да, дитя мое, — произнес старик, лукаво подмигнув ей и выражая всем своим видом полное удовлетворение собственной хитростью, — я это знаю, знаю, кхе-кхе, но я его обведу вокруг пальца, я их всех знаю и со всеми справлюсь, да, да, я их всех проведу, кхе-кхе.

— Уж ты справишься, отец! — возразила суровая девица. — Только как бы тебя раньше не зарезали — ждать этого уже недолго. Вряд ли тебе удастся прятать от них свое золото, как прежде.

— Мое золото, сплетница, мое золото? — повторил ростовщик. — Увы, не много его, и приобретено оно тяжким трудом — не много и тяжким трудом приобретено.

— Хитрости больше тебе не помогут, отец, — сказала Марта, — да они и раньше не спасли бы тебя, если б хвастун Колпеппер не избрал более простой путь, чтобы ограбить тебя, и не посватался к твоей злосчастной дочери. Но к чему я все это говорю? — прибавила она, спохватившись и пожимая плечами с жалостью, весьма недалекой от презрения. — Он не слушает меня, он думает не обо мне. Не странно ли, что страсть к золоту у него пересиливает стремление сохранить вместе с богатством и свою жизнь?

— Ваш отец, — сказал лорд Гленварлох, который, невзирая на всю неучтивость и резкость Марты, невольно проникся уважением к силе ума и чувств, проявленной бедной девушкой, — ваш отец, как мне кажется, достаточно хорошо владеет своими способностями, когда занимается привычными делами и обязанностями. Удивляюсь, как он не сознает справедливости ваших доводов.

— Природа сотворила его человеком, не ведающим страха, и это бесстрашие — лучшее, что я могла от него унаследовать. С годами у него осталось довольно сообразительности, чтобы ходить по знакомым, протоптанным дорогам, но искать новых путей он уже не способен. Старая слепая лошадь долго еще ходит по кругу на мельнице, хотя и спотыкается на открытом лугу.

— Эй, дочь, эй, пустомеля! — закричал старик, очнувшись от задумчивости; все это время он посмеивался и похихикивал себе под нос, вспоминая, очевидно, какое-то удачное мошенничество. — Ступай к себе в комнату, девица, ступай к себе, задвинь засовы и накинь цепь, не своди глаз с двери, не впускай и не выпускай никого, кроме почтенного мастера Грэма. Я накину плащ и схожу к герцогу Хилдеброду. Ох, ох, было время, когда мне все повиновались, но с годами мы становимся всё беспомощнее.

И под привычный аккомпанемент собственной воркотни и кашля старик покинул комнату. Дочь посмотрела ему вслед с характерным для нее выражением досады и печали.

— Если вы действительно опасаетесь за жизнь вашего отца, вы должны уговорить его переехать отсюда, — сказал Найджел.

— Все равно он не будет в безопасности ни в одной части города. Я бы скорее желала видеть его мертвым, чем публично опозоренным. В других кварталах его стали бы преследовать и забрасывать камнями, как сову, которая отважилась вылететь среди бела дня. Здесь он был в безопасности, пока его товарищи извлекали выгоду из его умения вести дела, теперь же его всячески притесняют и вымогают деньги

под любым предлогом. На него смотрят как на выброшенный бурей на берег корабль, с которого каждый старается урвать себе добычу; от дерзких нападений отдельных грабителей отца спасает только ревнивая подозрительность, с какой они относятся друг к другу, считая его достояние общей собственностью.

— И все же, мне думается, вам следует покинуть это место, — повторил Найджел, — и найти спокойное убежище в какой-нибудь далекой стране.

— Надо полагать, в Шотландии, — спросила Марта, бросив на него испытующий и недоверчивый взор, — где мы обогатим чужеземцев нашим спасенным состоянием? Не так ли, молодой человек?

— Сударыня, если б вы знали меня лучше, вы избавили бы меня от подозрения, скрытого в ваших словах.

— А кто меня разуверит? — резко возразила Марта. — Вы, говорят, игрок и драчун, а уж я-то знаю, как можно полагаться в несчастье на таких людей.

— Клянусь вам, меня оклеветали! — воскликнул лорд Гленварлох.

— Возможно, и так, — сказала Марта, — впрочем, меня мало интересуют ваши пороки или безрассудства. Во всяком случае, либо те, либо другие привели вас сюда; если вы желаете покоя, безопасности и счастья, самое лучшее как можно скорее бежать отсюда, из здешнего свиного хлева, который нередко превращается в бойню.

С этими словами она вышла. Неприветливость, с какой говорила эта особа, почти равнялась презрению и вызвала у Гленварлоха, никогда, несмотря на свою бедность, не подвергавшегося такому оскорбительному обращению, мимолетное чувство горестного удивления. К тому же зловещие намеки Марты на ненадежность его пристанища ни в коей мере не прозвучали утешением для его слуха. Любой храбрец, будучи окружен подозрительными личностями и не имея других советчиков и помощников, кроме собственного отважного сердца и сильной руки, испытывает малодушие и чувство одиночества, которые на

какое-то время отнимают у него бодрость и подавляют свойственный ему от природы дух отваги. Но если мрачные размышления и рождались в голове Найджела, ему некогда было им предаваться, и если он не питал особой надежды приобрести друзей в Эльзасе, то недостатка в посетителях он не испытывал.

Не прошло и десяти минут, в течение которых Найджел ходил взад и вперед по комнате, пытаясь привести в порядок мысли и найти способ выбраться из Эльзаса, как его уединение было нарушено приходом властителя этого квартала, великого герцога Хилдеброда, пред чьей персоной засовы и цепи жилища ростовщика упали как бы сами собой; обе половины наружной двери распахнулись, и герцог вкатился в дом, как сорокаведерная бочка — сосуд, с которым он и в самом деле имел много сходства по величине, форме, цвету и содержимому.

— Доброго утра вашей светлости, — произнес этот жирный бочонок, подмигивая Найджелу своим единственным глазом с выражением необычайного нахальства и фамильярности; в то же время его безобразный бульдог, следовавший за ним по пятам, издал какое-то хриплое рычание, словно приветствуя на такой же манер тощую кошку — еще одно живое существо в доме Трапбуа, о котором мы не успели упомянуть; кошка в один миг вскочила на балдахин над кроватью и, выгнув спину, стала шипеть на чудовище, приняв, очевидно, приветствие пса с такой же благосклонностью, с какой Найджел отнесся к приветствию его хозяина.

— Молчать, Вельзевул! Молчать, чтоб ты сдох! — закричал герцог Хилдеброд. — Скоты и дураки вечно во все вмешиваются, милорд.

— Мне казалось, сэр, — ответил Найджел высокомерным тоном, дабы соблюсти должную дистанцию, — мне казалось, я сообщил вам, что мое имя в настоящее время Найджел Грэм.

При этих словах его уайтфрайерское высочество разразилось громким, отрывистым и наглым смехом, повторяя едва разборчиво хриплым голосом:

— Найджелл Грин, Найджелл Грин, Найджелл Грин! Помилуйте, милорд, да вас все собутыльники засмеют, коли вы будете кричать караул, пока вас еще не трогали. Вот вы и проговорились: хорошо, что я сам еще раньше догадался, кто вы такой! Если хотите знать, мейстер Найджел, так я называл вас милордом оттого только, что мы произвели вас в пэры Эльзаса прошлой ночью, когда херес одержал над нами победу. Что вы теперь скажете? Ха-ха-ха!

Найджел, поняв, что без нужды выдал свою тайну, поспешил ответить, что благодарит за оказанную честь, но вряд ли будет иметь удовольствие носить это почетное звание, так как не намерен надолго задерживаться в Уайтфрайерсе.

— Что ж, поступайте как вздумаете, мудрее советчика, чем себя, не найдете, — отвечал титулованный боров, и хотя Найджел продолжал стоять, надеясь скорее спровадить гостя, тот опустил в одно из старинных кресел с обитой тканью спинкой, которое затрещало под его тяжестью, и принялся звать Трамбуа.

Когда вместо хозяина появилась старая поденщица, герцог обругал ее нерадивой каргой за то, что она оставила приезжего джентльмена и доблестного постояльца без утренней выпивки.

— Я не пью по утрам, сэр, — сказал Гленварлох.

— Пора, пора привыкать, — отозвался герцог. — Эй ты, нечистая сила, живо ступай в наш дворец, тащи сюда выпивку для лорда Грина! Как вы думаете, милорд, чего бы нам заказать? Скажем, двойную порцию пенистого эля, и чтоб печеное яблоко плясало в пене, точно ялик у плотины? Или же, хм... молодые люди — все сладкоежки... не хотите ли кварту горячего хереса с сахаром и пряностями? Неплохо во время тумана. А что вы скажете о чарке чего-нибудь позабористей? Давайте закажем всего понемножку, а вы потом выберете сами. Слушай, Иезавель, пускай Тим пришлет элю, хересу и полпинты дважды очищенного джина, а к этому порцию сладкого пирога или еще чего-нибудь в этом роде, и пусть запишет на счет приезжего.

Гленварлох, рассудив, что благоразумнее какое-то время переносить наглость этого человека, чем вступать в постыдную перебранку, не стал ему прекословить и только заметил:

— Вы распоряжаетесь в моем доме, как в своем, сэр; впрочем, до поры делайте, что вам угодно. Однако ж я не прочь бы узнать, чему я обязан честью принимать столь неожиданного гостя.

— Вы узнаете это, когда старая Дебора принесет питье; мое правило — никогда не говорить о делах, не промочив горла. И неповоротлива же она, однако! Держу пари, она остановилась, чтобы отхлебнуть несколько глотков, а после вы подумаете, что вас обмарили. Пока суд да дело, посмотрите-ка на этого пса, рассмотрите Вельзи хорошенько и скажите, видали ли вы другое такое славное животное? Так и норовит схватить за горло.

Вслед за этим лестным панегириком он пустился рассказывать историю о собаке и быке, грозившую затянуться надолго. К счастью, герцога прервало появление старой карги и двух его собственных виночерпиев, принесших заказанные им разнообразные напитки, которые одни только, вероятно, могли помешать ему окончить свое повествование, не вызвав у него вспышки гнева.

Наконец кубки и кружки были должным образом расставлены и Дебора, которую герцогская щедрость в знак благодарности наградила жалкой монеткой, удалилась вместе с провожатыми. Небрежно пригласив лорда Гленварлоха принять участие в выпивке, за которую тот должен был расплатиться, достойный властитель Уайтфрайерса сообщил, что, не считая трех яиц-пашот, пинты ликера и чашки шалфейной настойки, у него за все утро маковой росинки во рту не было, и принялся усердно подкрепляться живительной влагой. Гленварлоху приходилось видеть, как угощаются шотландские помещики и голландские бургомистры, но подвиги тех и других (а обе эти нации по праву могут быть названы пьющими) меркли перед деяниями герцога Хилдеброда: он был настоящей бездонной бочкой, способной поглотить любое

количество жидкости и при этом не переполниться. Он осушил кружку эля, чтобы утолить жажду, которая, по его словам, мучила его с утра до вечера и с вечера до утра; чтобы смягчить горечь эля, запил его хересом; отправил джин вслед за хересом, дабы навести в желудке порядок, и затем объявил, что, пожалуй, до *post meridiem*¹ не возьмет в рот хмельного, разве что в знак уважения к самому закадычному другу. Наконец он дал понять, что в состоянии приступить к делу, которое заставило его так рано выйти из дому, и Найджел приготовился слушать, хотя и подозревал, что главнейшая цель визита герцога Хилдеброда уже достигнута.

Как оказалось, лорд Гленварлох ошибался. Прежде чем начать говорить, Хилдеброд осмотрел всю комнату; прикладывая время от времени палец к носу и подмигивая Найджелу своим единственным оком, он открывал и закрывал двери, поднимал драпировки, скрывавшие то разрушающее действие, какое время оказало кое-где на панельную обшивку стен, заглядывал в шкафы и в заключение даже пошарил под кроватью, желая убедиться, что никто не подслушивает и не подглядывает. После этого он снова занял свое место и с таинственным видом поманил Найджела, приглашая его придвинуться поближе.

— Мне и здесь хорошо, мейстер Хилдеброд, — ответил молодой лорд, вовсе не склонный поощрять фамильярность собеседника.

Но герцог, ничуть не обескураженный, продолжал:

— Вы извините меня, милорд, — на этот раз я величаю вас этим титулом совершенно серьезно, — извините, если я напому вам, что за нами могут следить; хотя старый Трамбуа глух, как собор святого Павла, зато у его дочери острый слух и зоркие глаза; о нихто, об отце и дочери, я и поведу сейчас речь.

— Говорите, сэр, — сказал Найджел, слегка подвигая стул к этой пропитавшейся спиртом гигантской губке, — хотя, по правде сказать, какое мне может быть дело до моего хозяина и его дочери?

¹ После полудня (лат.).

— А вот это мы увидим, и скорее, чем я опрокину кварту пива. Прежде всего, милорд, не советую вам скрывать что-либо от старого Джека Хилдеброда, у которого за плечами втрое больше лет, чем у вас, и который, подобно королю Ричарду, родился с глазными зубами.

— Я слушаю вас, сэр, говорите.

— Что ж, и скажу, милорд. Сдается мне, что вы тот самый лорд Гленварлох, о котором гудит весь город, тот шотландский повеса, что спустил все свое состояние и остался при потертом плаще и тощем кошельке... Не гневайтесь, милорд, такая уж о вас молва; вас называют ястребом, который нападает на всех подряд... даже в королевском парке... Не гневайтесь, милорд.

— Мне стыдно, что вам удалось разозлить меня своей наглостью, но берегитесь: если я и вправду тот, за кого вы меня принимаете, то поразмыслите, долго ли я смогу сносить ваш наглый тон и вашу развязность.

— Прошу прощенья, милорд, — сказал угрюмо Хилдеброд, оправдываясь, — я говорил прямо, но не хотел вас обидеть. Не знаю, много ли чести быть на короткой ноге с вашей светлостью, но, насколько я могу судить, это небезопасно, так как Лоустофа засадили за решетку единственно за то, что он показал вам дорогу в Эльзас; что же станет с теми, кто прячет вас здесь от закона? Чего больше извлекут они из этого — чести или неприятностей? Предоставляю это решать вашей светлости.

— Я не желаю никому причинять неприятностей, — ответил лорд Гленварлох. — Завтра я покину Уайтфрайерс — нет, клянусь честью, сегодня же!

— Горячитесь сколько хотите, но не теряйте головы, — продолжал герцог Хилдеброд. — Послушайте сперва, что я скажу, и если честный Джек Хилдеброд не научит вас, как всех провести, то пусть он никогда больше не выкинет дуплета и не одурачит молокососа! Итак, милорд, говоря попросту, кройте и загребайте.

— Вашим словам не мешает быть еще проще, если вы хотите, чтобы я вас понял, — сказал Найджел.

— Какого черта! Игрок, имеет дело с игральными костями и доками по этой части и вдруг не понимает воровского наречия! Придется, видно, перейти на обычный английский язык — язык простофиль.

— Говорите, сэр, только, пожалуйста, излагайте дело покороче, у меня нет времени.

— Хорошо, милорд, излагаю дело вкратце, как выражаетесь вы и судейское сословие. Я слышал, что у вас на севере есть поместье и оно должно перейти в посторонние руки, ибо вы не имеете возможности выкупить его из заклада... Ага, вы вздрогнули, я же сказал вам, что от меня вы ничего не скроете. И вот король на вас косится, придворные воротят нос, принц смотрит на вас исподлобья, фаворит хмурит брови и держится холодно, а фаворит фаворита...

— Не стоит продолжать, сэр, — прервал его Найджел. — Допустим, все это верно, что же из этого следует?

— Что следует? Следует, что тот совершит доброе дело и заслужит вашу благодарность, кто научит вас, как себя дальше вести. С моей помощью вы явитесь к королю, заломив берет, словно вы сам граф Килдарский, вы сможете отомстить придворным, смело встретить испепеляющий взор принца, потягаться с фаворитом, стереть в порошок его пособника и...

— Все это прекрасно, — снова остановил его Найджел, — но как это осуществить?

— Сделайтесь королем Перу, милорд из северных широт, наполните свой старый замок слитками золота, спрыснув золотым дождем ваши захиревшие уголья. Стоит вам на один-два дня возложить свою баронскую корону на голову старой уродины, дочери здешнего хозяина, и вы станете обладателем несметных сокровищ, которые сделают все, о чем я говорил, и...

— Как, вы предлагаете мне жениться на старой девице, дочери моего хозяина? — с раздражением, но в то же время с трудом удерживаясь от смеха, переспросил изумленный Найджел.

— Нет, милорд, я предлагаю вам жениться на пятидесяти тысячах добрых фунтов стерлингов, ибо именно столько и даже больше скопил старый Трабуа.

Вы окажете этим поступком благодеяние старику, который все равно лишится своего золота, притом с большими неприятностями для себя, ибо теперь, когда закончены его трудовые дни, близится день расплаты.

— Поистине великодушное предложение, — сказал лорд Гленварлох, — но прошу вас, скажите откровенно, благороднейший герцог, почему вы отдаете такую богатую невесту чужому человеку, который может завтра же покинуть вас?

— По чести, милорд, этот вопрос пристал завсегдаю ресторации Божё куда больше, чем все, что вы изволили говорить раньше, и справедливость требует, чтобы на него был дан ответ. Что касается моих пэров, то мистрис Марта Трапбуа отвергает всех подряд, духовных и мирян. И капитан просил ее руки и пастор, но она обоим отказала. Она хочет выйти за кого-нибудь получше, да и то, сказать правду, она обладает слишком тонким умом и слишком возвышенной душой, чтобы довольствоваться засаленным камзолом или порыжевшей рясой. Если говорить о нашей особе, то у нас есть подозрения, что супруга наша еще обитает в стране живых и, что важнее, мистрис Марте это известно. Итак, поскольку она согласна обшить свой шерстяной чепец только семейными кружевами, то вы, милорд, и есть тот счастливец, кто унесет пятьдесят тысяч динариев, собранных с пяти тысяч забияк, мотов и расточителей, и уступит пять тыщенок нам за наш монарший совет и покровительство, без которых, принимая во внимание эльзасские порядки, вам не удастся завоевать приз.

— Но подумали ли вы, мудрый герцог, о том, какую пользу принесет мне этот брак в моем теперешнем затруднительном положении?

— Ну, если, имея сорок — пятьдесят тысяч фунтов в кармане, вы не сумеете спастись, то вы заслуживаете, чтобы вам отрубили голову за глупость и руку за скудость.

— Коли уж ваша милость так всесторонне обдумала мои дела, — продолжал Найджел, рассудивший, что не к чему ссориться с человеком, который

по-своему желает ему добра, — быть может, вы также скажете мне, как отнесется моя родня к невесте, которую вы мне подыскали?

— Что касается этого, милорд, то ваши соотечественники, как я слыхал, не хуже других умеют соблюдать свои интересы. Говорят даже, что ни в одной другой стране женщина с пятьюдесятью тысячами фунтов — повторяю, с пятьюдесятью тысячами — не встретит такого любезного приема, как в вашем древнем королевстве. К тому же, если не считать легкой кривобокости, мистрис Марта Трапбуа обладает наружностью внушительной и даже величественной, и может статься, что в жилах ее течет более благородная кровь, чем полагают: старый Трапбуа не слишком-то смахивает на ее отца, а ее мать, мне известно, была женщиной щедрой и свободомыслящей.

— Боюсь, что вряд ли ей все-таки уготован благосклонный прием в знатной семье.

— В таком случае, милорд, — сказал Хилдеброд, — она не останется в долгу перед вашей родней, потому что, осмелюсь утверждать, в злонравии она потягается со всем вашим кланом.

— Мне это может доставить некоторые неудобства, — сказал Найджел.

— Никаких неудобств, — возразил неистощимый на доводы герцог. — Если она окажется совершенно несносной, что вполне вероятно, то на такой случай в замках существуют башни и подземелья; в одно из этих мест вы заточите вашу красавицу, и тогда вы не услышите ее брани, а она очутится или выше, или ниже презрения ваших родичей, смотря по тому, куда вы ее упрячете.

— Премудрый совет, бескорыстнейший герцог, — сказал Найджел, — подобное наказание было бы ей достойной наградой, если бы она сделала такую глупость, что дала мне власть над собой.

— Следовательно, вам нравится мой план, милорд? — спросил герцог Хилдеброд.

— Я должен взвесить его; дайте мне двадцать четыре часа на размышление. И прошу вас, распорядитесь, чтобы мне никто не мешал.

— Я издам указ, чтобы никто не смел нарушать вашего уединения. Как вы думаете, — добавил герцог, таинственно понижая голос, — ведь уплатить десять тысяч государю за отказ от права опеки не так уж много?

— Десять тысяч? — воскликнул лорд Гленварлох. — Помилуйте, вы только что говорили о пяти.

— Ага, вы запомнили? — сказал герцог, прикладывая палец к носу. — Ну, если вы так ловко поймали меня на слове — значит, вы приняли мое предложение ближе к сердцу, чем мне показалось. Ну-ну, не будем спорить о вознаграждении, как сказал бы старый Трапбуа. Завоюйте любовь девицы — с вашим лицом и фигурой это будет нетрудно, — а я позабочусь, чтобы никто вас не беспокоил. Как только сенат соберется на дневное заседание, я издам указ от его имени.

И с этими словами герцог Хилдерброд удалился.

Глава XXIV

Пора настала — стражница небес
Покинула свой пост, бледнеют блески
На платье ночи. Лестницу, живей!
Подай отмычку; Энтони скажи,
Чтоб стал он с карабином у калитки;
А сам — кинжал из ножен и за мной!
Смелей! Для нас в крошечной темноте
Взойдет заря удачи!

Старинная пьеса

Первое, что испытал Найджел после ухода герцога, было непреодолимое желание расхохотаться; его насмешил мудрый советчик, возымевший намерение соединить его со Старостью, Уродством и Сварливостью. Но следующим его чувством была жалость к несчастным Трапбуа, отцу и дочери; единственные состоятельные люди в этом злополучном квартале, они были подобны судну, выброшенному на варварский берег и уцелевшему, и то ненадолго, единственно благодаря тому, что местные племена ревниво оберегают его

друг от друга. Найджел сознавал также, что его пребывание в Эльзасе тоже небезопасно и что эльзасцы смотрят на него как на счастливую находку на Корнуэллском побережье или как на богатый, но изуренный караван, странствующий по пустыням Африки и выразительно окрещенный разбойничьими народами, населяющими те области, думмалафонгом, что означает предмет, брошенный на съедение, всеобщую добычу.

У Найджела уже созрел собственный план, каким образом, пренебрегая любым риском, он выпутается из опасного и унижительного положения, и он не приводил его в исполнение только потому, что ожидал возвращения посланца от Лоустофа. Прождав некоторое время напрасно, он от нечего делать начал перебирать те свои пожитки, какие были пересланы ему из прежнего его жилища; он хотел приготовить небольшой узелок с самыми необходимыми вещами на случай неожиданного и тайного бегства, ибо, как он предвидел, быстрота и тайна будут особенно необходимы, если он намерен добиться свидания с королем, а соображения чести и пользы побуждали его преследовать именно эту цель.

Разбирая вещи, он, к своему величайшему удовольствию, обнаружил, что мейстер Лоустоф прислал не только его шпагу и кинжал, но еще и два пистолета: Найджел обычно брал их с собой в дорогу, потому что небольшие размеры делали их удобнее общераспространенных в то время громоздких седельных или верховых пистолетов и позволяли носить их за поясом или в карманах. Человеку, находящемуся в крайности, наряду с сознанием, что его окружают сильные верные товарищи, придает смелости главным образом мысль о том, что он хорошо вооружен; Найджел, с некоторым беспокойством думавший о том риске, какому он подвергнется в случае нападения, если ему придется доверить свою судьбу неуклюжему оружию, которым в довершение маскарада снабдил его Лоустоф, испытал чувство уверенности и даже торжества, когда обнажил свою испытанную превосходную шпагу; он вытер ее бережно платком, осмотрел острие,

согнул несколько раз, уперев в пол, чтобы ощутить знакомую упругость стали, и наконец поторопился вложить ее назад в ножны, так как услышал стук в дверь и не желал, чтобы его застали размахивающим обнаженной шпагой.

Это был старый хозяин, который, поминутно кланяясь, сообщил, что занимаемая Найджелом комната стоит крону *per diem*¹ и что, согласно уайтфрайерскому обычаю, плата всегда взимается вперед, хотя сам он ничего не имеет против, если денежки полежат с недельку или две и даже целый месяц у таких почтенных постояльцев, как мейстер Грэм, — само собой, за сходное вознаграждение. Чтобы отвязаться от слабоумного старика, Найджел бросил ему два золотых и попросил оставить за ним комнату еще на неделю, добавив, что едва ли проживет здесь так долго.

Скупец с горящими глазами подхватил трясущейся рукой брошенные ему монеты и взвесил их с видимым наслаждением на кончике сморщенного пальца; дальнейшие его действия показали, однако, что даже обладание золотом не может дольше чем на миг усладить душу того, кто так рьяно его добивается. Прежде всего у старика мелькнула мысль, что монеты слишком легки. Торопливо вытащив из-за пазухи миниатюрные весы, он взвесил монетки, сперва вместе, потом порознь, и радостно улыбнулся, увидав, что стрелка заняла должное место против зарубки; обстоятельство это могло принести ему выгоду, ибо упорные слухи утверждали, что обращавшиеся в Эльзасе золотые монеты редко бывали полновесными и что ни одна из них не покидала этого квартала целой.

Затем опасение вновь омрачило радость старого скряги. Он уразумел, что Найджел намеревается оставить Уайтфрайерс раньше, чем кончится срок найма, и в этом случае Трапбуа придется выложить деньги, уплаченные Найджелом вперед, а такое *капиталовыложение*, как выразился один шотландский остряк, отнюдь не вязалось с характером старого джентльмена. Он заявил, что заранее отвергает всякие пре-

¹ В день (лат.).

тензии, и стал приводить один за другим доводы, по которым однажды переданные в качестве платы за снятое помещение деньги не подлежат возврату ни под каким предлогом, ибо это нанесло бы серьезный урон хозяину; Найджел, потеряв терпение, заявил, что деньги принадлежат Трамбуа бесповоротно и он, Найджел, не собирается отнимать их хотя бы частично и взамен только просит, чтобы его оставили одного в помещении, за которое им уплачено. У старого Трамбуа на языке вертелось еще много лъстивых слов, с помощью которых он в свое время ускорил разорение не одного молодого расточителя; он начал было распространяться о благородстве и великодушии своего нового постояльца, однако Найджел, вконец выведенный из себя, взял старика за руку, подвел его учтиво, но настойчиво к двери и выставил из комнаты, проделав эту операцию чрезвычайно деликатно, без применения грубой силы, дабы поступок его не показался обидным; захлопнув дверь, он принялся осматривать курки и замки пистолетов с той же тщательностью, с какой раньше осматривал свою любимую шпагу, а затем стал приводить в порядок небольшой запас пороха и пуль.

От этого занятия его оторвал вторичный стук в дверь. Не сомневаясь, что появился наконец посланец Лоустофа, Найджел откликнулся на стук. Однако это была неприветливая дочь старого Трамбуа, которая, пробормотав, что отец ее ошибся, положила на стол одну из только что врученных старику золотых монет и добавила, что оставшейся у нее монеты вполне достаточно. Найджел воспротивился, сказав, что деньги уплачены и обратно он их не возьмет.

— Делайте с ними что хотите, — ответила хозяйская дочь, — вот они лежат, и я до них не дотронусь. Если вы такой простофиля, что платите больше, чем надо, то мой отец не такой уж мошенник, чтобы взять лишнее.

— Но сам отец ваш, мистрис, сам отец ваш и просил меня...

— Мой отец, мой отец, — прервала она Найдже-ла, — мой отец занимался этими делами, пока был в

состоянии; теперь их веду я, что в конце концов окажется, вероятно, лучше для нас обоих.

Она взглянула на стол и увидела лежавшее на нем оружие.

— Я вижу, у вас есть оружие, — сказала она. — Умеете ли вы с ним обращаться?

— Я должен уметь, мистрис, — ответил Найджел, — ведь это моя профессия.

— Так вы военный?

— В той мере, в какой у меня на родине каждый джентльмен военный.

— А, понимаю, вы считаете делом чести перерезать глотки беднякам; ничего не скажешь — истинно джентльменское занятие для тех, кто должен бы их защищать.

— Резать глотки не мое занятие, мистрис, — возразил Найджел. — Я ношу при себе оружие, чтобы иметь возможность защищать себя и свое отечество, если понадобится.

— Красивые слова, — сказала Марта, — говорят, однако, что вы, как все прочие, охочи до ссор по пустякам, когда нет и речи об опасности для вас самого или для вашей родины; не будь это так, вы не очутились бы в убежище.

— Я напрасно стал бы вам доказывать, мистрис, что честь человека, которая для него дороже, или должна быть дороже, жизни, нередко заставляет рисковать своей или чужой жизнью ради того, что при иных обстоятельствах показалось бы безделицей.

— В писании об этом ничего не говорится. Но зато там есть заповедь «не убий». Впрочем, у меня нет ни времени, ни желания поучать вас. Драк у вас здесь будет вволю, была бы охота; но берегитесь, чтобы вас не застали врасплох. Прощайте. Когда захотите обедать, служанка исполнит ваши приказания.

Она вышла из комнаты в ту самую минуту, когда Найджел, возмущенный тоном превосходства, с каким она высказала свои мысли и осудила его поведение, забывая до того, что собрался вступить в спор на тему о чести с дочерью ростовщика. Оставшись один,

Найджел улыбнулся при мысли о глупости, в какую чуть не вовлекло его желание оправдаться.

Затем лорд Гленварлох обратился к старой поденщице Деборе, благодаря посредничеству которой ему был доставлен более или менее вкусный обед. Тут покой его опять нарушило насильственное вторжение слабоумного хозяина, настаивавшего, чтобы ему было дозволено накрыть на стол. Найджелу немало труда стоило уговорить старика не трогать оружия и бумаг, лежавших на столике, у которого он сидел, и только грозный и решительный окрик смог заставить его накрыть на другом столе (в комнате их было два). Вынудив наконец хозяина отказаться от первоначального замысла, Найджел тотчас заметил, что выживший из ума старик по-прежнему не спускает взгляда с маленького стола, где лежали пистолеты и шпага; оказывая с преувеличенной услужливостью разные мелкие услуги своему постояльцу, старик пользовался любым предложением, чтобы взглянуть на приковавшие его внимание предметы или подобраться к ним поближе. В конце концов, когда Трамбуа думал, что постоялец не обращает на него никакого внимания, Найджел, наблюдая за ним в одно из треснувших зеркал, увидел, как хозяин не шутя протянул руку к привлекавшему его столу, не приняв в расчет, что зеркало может выдать его. Тут Найджел счел излишним дальше церемониться и, заметив строгим тоном, что никому не позволяет дотрагиваться до своего оружия, приказал старику выйти из комнаты. Старый ростовщик принялся невнятно оправдываться, но его бормотание, из которого Найджел отчетливо разобрал только беспрерывно повторявшееся слово «вознаграждение», показалось ему не заслуживающим иного ответа, кроме повторного приказа оставить комнату под страхом неприятных последствий. Престарелая Геба, выполнявшая обязанности кравчего при лорде Гленварлохе, приняла его сторону против еще более дряхлого Ганимеда и, страшая Трамбуа гневом своей хозяйки, настояла, чтобы тот немедленно ушел. Старик, очевидно, находился в полном подчинении у женского пола, и угроза служанки подействовала на него сильнее, чем,

казалось бы, более страшный гнев Найджела. Старик удалился, ворча под нос, и лорд Гленварлох услышал, как он запер на засов двери на ближнем конце галереи, отделявшей комнату постояльца от остальной части обширного дома (как уже известно читателю, в комнату Найджела можно было попасть с верхней площадки главной лестницы). Услыхав скрип засовов, по очереди задвигаемых дрожащей рукой старого Трапбуа, Найджел считал это предзнаменованием того, что сеньор хозяин не собирается больше навещать его в этот вечер, и искренне порадовался, что наконец-то его оставили в полном покое.

Старуха осведомилась, не нужно ли ему еще чего-нибудь, — удовольствие прислуживать ему, вернее — ожидание награды, словно вернуло ей молодость и бодрость. Найджел велел принести свечи, разжечь камин и положить рядом немного хворосту, чтобы поддерживать огонь, когда старуха уйдет; так как дом стоял в низком, сыром месте, близко от Темзы, Найджел начинал зябнуть. Пока старуха ходила по его поручению, он задумался над тем, как провести долгий скучный вечер в одиночестве. Размышлять о своих печальных обстоятельствах? Это доставило бы ему мало веселья и еще меньше удовлетворения. Он уже со всех сторон обдумал свое положение, и возвращаться к этому было бы столь же бесполезно, сколь неутешительно. Отвлечься от мрачных мыслей лучше всего помогли бы ему, конечно, книги, и хотя в свое время Найджел, подобно большинству из нас, слонялся по обширным библиотекам и даже проводил там довольно много времени, не слишком тревожа заключенную в них премудрость, сейчас любая книга, даже не обладающая сколько-нибудь значительными достоинствами, была бы настоящим кладом. Вскоре вернулась старуха с хворостом и огарками восковых свечей — побочным (честным, а может быть, незаконным) доходом какого-нибудь бывалого лакея; две свечи она вставила в большие медные шандалы разной формы и узора, а остальные положила на стол, откуда Найджел мог время от времени брать их и заменять старые, сгоревшие до розетки. Старуха с удивлением

выслушала просьбу лорда Гленварлоха принести книгу — все равно какую, лишь бы скоротать вечер, и ответила, что в доме, как ей известно, нет других книг, кроме библии, принадлежащей молодой хозяйке (как она неизменно именovala мистрис Марту Трамбуа), а ее владелица никому не дает, да еще «Оселка для оттачивания ума», представляющего собой вторую часть «Арифметики» Роберта Рекорда, куда входили алгебраические упражнения и решения уравнений. После того как Найджел отверг этот увлекательный труд, старуха взялась принести ему какие-нибудь книги от герцога Хилдеброда, который, по ее словам, иногда заглядывал в книжки, когда государственные дела Эльзаса давали ему досуг. Найджел ухватился за предложение, и его неутомимая Ирида, ковыляя, удалилась со вторым поручением. Она скоро вернулась, неся изодранный фолиант ин-кварто под мышкой и бутылку хереса в руке; полагая, что читать сухомятку трудно, герцог приобщи́л к книге вино, чтобы ее легче было проглотить. При этом он не забыл приписать стоимость вина к утреннему счету, заведенному им на новичка.

Найджел с радостью взял книгу и не отверг также и вина, решив, что стакан-другой хереса, оказавшегося действительно недурным, послужит неплохой интермедией во время чтения. Он отпустил с благодарностью и обещаниями награды старуху, проявившую так много усердия, поправил дрова в камине, снял нагар со свечей и поставил самое покойное из старых кресел в удобное местечко между камином и столом, за которым он обедал и на котором теперь находился запас хереса и свечей; обставив свои занятия со всей доступной для него роскошью, он приступил к изучению той единственной книги, какую могла предложить ему герцогская библиотека.

Содержание ее, само по себе довольно занимательное, не вполне подходило для того, чтобы рассеять мрачное настроение Найджела. Книга называлась «Кара божья за убийство»; как легко догадается осведомленный читатель, это было не то сочинение, которое Рейнолдс выпустил под столь заманчивым назва-

нием, а более раннее, напечатанное и распроданное старым Вулфом; экземпляр этой книги, если бы его удалось сейчас найти, ценился бы на вес золота.¹ Найджелу очень скоро наскучили горестные истории, описанные в книге, и он попытался убить время другими способами. Он выглянул в окно: ночь была дождливая, и дул резкий ветер. Он попытался оживить огонь в камине, но хворост был сырой и дымил, не разгораясь. Будучи от природы человеком воздержанным и почувствовав, что от выпитого хереса кровь его разгорячилась, он решил больше не пить. Он сел было сочинять прошение королю, в котором излагал свое дело и свои жалобы, но тут же, уязвленный мыслью, что прошение будет принято пренебрежительно, швырнул бумагу в камин и с отчаяния снова взялся за отложенную книгу. При второй попытке она показалась Найджелу более интересной. Повествование производило жуткое, отталкивающее впечатление и вместе с тем завладевало воображением, раскрывая тайны колдовства и чар, приковывая внимание читателя все новыми и новыми ужасами. Много там рассказывалось о невиданных, чудовищных кровавых злодеяниях, о том, как люди, бросая вызов вселенной и человеческому роду, руководимые жаждой мщения, страстью к золоту или непомерным честолюбием, попирали все святое. Но еще более загадочными и невероятными были рассказы о том, каким образом преступления эти в конце концов были раскрыты и наказаны. Животные, неразумные безгласные твари, выдавали тайну, а птицы разносили ее по всему свету. Стихии обличали убийцу, осквернившего их: земля отказывалась нести его, огонь — согреть его замерзшее тело, вода — освежать пересохшие губы, воздух — поддерживать готовое прерваться дыхание. Короче говоря, все свидетельствовало о вине преступника. Иной раз пробудившаяся совесть преследовала убийцу и преда-

¹ Известно о существовании всего трех экземпляров: один находится в библиотеке Кеннаквейра, два другие — первый в пятнах и с обрезанными полями, второй в хорошем состоянии, полного размера — принадлежат одному выдающемуся члену Роксбургского клуба. (*Прим. автора.*)

вала в руки правосудия, а порой разверзалась могила и дух убиенного зывал о мщении

Наступила ночь, а Найджел все еще сидел за книгой, как вдруг драпировка, висевшая позади него, захлопала о стену, и от движения воздуха, вызванного ее колыханием, заколебалось пламя свечей. Найджел вздрогнул и обернулся; от прочитанных историй он пришел в возбужденное состояние, и беспокойство, овладевшее им, усугублялось тем, что в ту эпоху к религиозным верованиям примешивалась доля суеверия. Поэтому не без волнения увидел Найджел бледное лицо и костлявую фигуру старого Трапбуа, который, как некое привидение, протягивал иссохшую руку к столу с оружием. Найджел, уверенный, что в этом позднем посещении кроется какой-то недобрый умысел, вскочил с места, схватил шпагу, выдернул ее из ножен и, приставив конец к груди старика, спросил, что делает он здесь в столь неурочный час. Трапбуа не выразил ни удивления, ни страха и ответил не совсем вразумительно, что скорее расстанется с жизнью, нежели со своей собственностью. Лорд Гленварлох в замешательстве не знал, что и думать о намерениях незваного гостя и как от него избавиться. Он хотел было снова припугнуть старика, когда, к его удивлению, из-за драпировки возник второй призрак, дочь Трапбуа, с лампой в руке. Она, видимо, обладала отцовской неустрашимостью, ибо, подойдя вплотную к Найджелу, с силой оттолкнула шпагу в сторону и даже попыталась отнять ее.

— Стыдитесь, — сказала она, — обнажать шпагу против восьмидесятилетнего старика! Вот как понимает честь шотландский джентльмен! Отдайте мне шпагу, я сделаю из нее веретено.

— Отойдите, — сказал Найджел, — я не причину вреда вашему отцу, но я должен знать, зачем он подбирается весь день и даже в этот поздний ночной час к моему оружию.

— К вашему оружию! — повторила Марта. — Ах, молодой человек! Весь арсенал Тауэра для него ничто по сравнению с этим несчастным золотым, который я

оставила нынче утром на столе у молодого повесы, не удосужившегося спрятать свои деньги в кошелек.

И Марта указала на монету, по-прежнему лежавшую на столике и служившую той приманкой, что непрестанно влекла старого Трамбуа к этому месту и, занимая его воображение даже среди глубокой ночи, побудила пробраться через потайной ход, которым давно никто не пользовался, в покои постояльца, чтобы завладеть сокровищем. Услышав слова дочери, он визгливо закричал своим надтреснутым, слабым голосом:

— Это мои, мои деньги! Он сам дал их мне как вознаграждение. Я лучше умру, чем расстанусь со своей собственностью!

— Они в самом деле его, — промолвил Найджел, — прошу вас, мистрис, отдайте ему монету и оставьте меня в покое.

— Я сочтусь с вами потом, — сказала девица, неохотно протягивая отцу кусочек презренного металла, на который старик набросился так, словно его костлявые пальцы были когтями ястреба, хватающего добычу; затем, удовлетворенно ворча, точно старый пес, когда, насытившись, он крутится на месте, перед тем как улечься, старик последовал за дочерью через небольшую потайную дверь, ставшую заметной, когда раздвинули занавеси.

— Завтра ее заделают, — сказала Марта Найджелу так тихо, что ее отец, глуховатый и к тому же поглощенный своим обретенным сокровищем, не слышал. — Сегодня ночью я буду за ним присматривать. Спите спокойно.

Последние слова, произнесенные более любезным тоном, чем был до того принят ею по отношению к постояльцу, выражали пожелание, которому не суждено было исполниться, хотя Найджел тотчас по уходе незваных посетителей лег в постель.

Волнение в крови, вызванное разнообразными событиями этого вечера, лишило его сна. Мучительные, тревожные мысли беспокойным потоком проносились в его голове, и чем настойчивее он старался заснуть, тем больше отдалялся от цели. Найджел перепробовал

все подходящие к случаю способы: считал до тысячи, пока не закружилась голова, смотрел на раскаленные угли, пока не заболели глаза. Он прислушивался к унылому завыванию ветра, скрипу и хлопанию вывесок на соседних домах, к лаю бездомных собак, пока его слух не притупился. Внезапно среди этого монотонного шума раздался звук, от которого Найджел сразу насторожился. Кричала женщина. Найджел сел в постели и прислушался; потом он вспомнил, что находится в Эльзасе, где драки между буйными обитателями не редкость. Однако крики возобновились, быстро следуя один за другим, и Найджел уже не сомневался, что они раздаются в том самом доме, где он находится, хотя звучат как-то приглушенно...

Найджел поспешно вскочил, наскоро оделся, схватил шпагу и пистолеты и бросился к дверям. Теперь крики звучали с удвоенной силой и неслись, как ему показалось, из комнаты ростовщика. Доступ на галерею преграждала запертая дверь, и отважный юноша тщетно тряс ее в пылом нетерпении. Внезапно он вспомнил о потайном ходе. Он побежал обратно в свою комнату, с трудом нашарил и зажег свечу; непрекращавшиеся вопли терзали его, но еще больше он страшился, как бы они не смолкли.

Он бросился вперед по узкому извилистому коридору на шум, который хлынул теперь ему в уши; спускаясь по узкой лестнице в конце коридора, он различил приглушенные голоса мужчин, подбадривавших друг друга:

— Проклятая ведьма, стукни ее как следует... Заткни ей рот... Вышиби ты ей мозги!

Между тем голос его хозяйки теперь уже еле слышно повторял: «Убийство! На помощь!»

Внизу лестницы была небольшая дверь; она подавалась под ударом Найджела, и он одним прыжком очутился на месте действия, держа заряженный пистолет в одной руке, свечу — в другой и обнаженную шпагу — под мышкой. Два грабителя, хотя и с большим трудом, уже почти одолели дочь Трамбуа, которая, судя по тому, что на полу валялись обрывки ее

лежал еще один труп; в порыве отчаяния несчастная женщина упала на него, ибо это было тело ее злополучного отца. В следующий миг она вскочила на ноги и, воскликнув: «Он, может быть, жив еще!», попыталась поднять его. Найджел поспешил помочь ей, при этом он невольно взглянул на раскрытое окно, и Марта, чьей проницательности не притупили ни злоба, ни страх, не преминула правильно истолковать его движение.

— Не бойтесь! — воскликнула она. — Не бойтесь этих подлых трусов — мужество так же неизвестно им, как сострадание. Будь у меня оружие, я справилась бы с ними сама, безо всякой помощи. Бедный отец, помощь явилась слишком поздно, она не нужна этому хладному, бездыханному трупу. Он умер, умер!

Они старались приподнять старика, но его неестественная тяжесть и негнувшиеся конечности ясно показывали, что жизнь покинула брентную оболочку. Найджел осмотрел труп, ища рану, но не нашел ее. Дочь покойного, сохраняя присутствие духа, какое не многие дочери способны проявить в такую минуту, обнаружила орудие убийства: нечто вроде шарфа, которым грабители туго стянули горло старика, сначала для того, чтобы заглушить крики о помощи, а затем — чтобы пресечь жизнь. Марта развязала роковой узел и, оставив тело на руках у лорда Гленварлоха, побежала за водой, за спиртом, за нюхательной солью, в надежде, что жизнь не совсем угасла. Однако надежда оказалась тщетной. Марта потеряла отцу виски, приподняла голову, ослабила ворот ночной рубашки (он, видимо, встал с кровати, заслышав шаги воров) и наконец с трудом разжала его окостеневшие пальцы; из одной руки при этом выпал ключ, из другой — та самая золотая монета, которой незадолго до того так жадно добивался бедняга и которую в помрачении своих умственных способностей он собирался защищать с такой отчаянной энергией, словно от этих денег зависела его жизнь.

— Напрасно, все напрасно, — проговорила дочь, отступаясь наконец от бесплодных попыток вернуть к жизни того, кого жизнь безвозвратно покинула в тот

миг, когда жестокие руки убийц сдавили его горло. — Все напрасно, он убит. Я всегда ожидала этого, и теперь судьба сделала меня свидетельницей его гибели.

Она подняла ключ и золотой, но тут же швырнула их обратно на пол и воскликнула:

— Будьте прокляты! Вы послужили причиной его смерти!

Найджел хотел заговорить, хотел напомнить Марте, что нужно немедленно принять меры, чтобы задержать скрывшегося убийцу, а также, чтобы обезопасить себя на случай его возвращения, но она резко перебила.

— Молчите, — сказала она, — молчите. Неужели того, что у меня на сердце, недостаточно, чтобы свести меня с ума? Могу ли я о чем-нибудь думать, когда передо мной мертвый отец? Говорю вам, молчите, — повторила она еще более непреклонным тоном. — Разве может что-либо дойти до слуха дочери, когда тело убитого отца лежит у нее на коленях?

Однако лорд Гленварлох, как ни был он потрясен силой ее горя, не мог не сознавать затруднительности собственного положения. Оба пистолета его были разряжены. Грабитель мог вернуться. Возможно, помимо убитого товарища, у него были и другие сообщники. Найджелу даже показалось, будто он слышит за окном шепот. Он торопливо объяснил Марте, что необходимо пойти за пулями и порохом.

— Вы правы, — сказала она несколько презрительно, — вы и так проявили храбрость, какой я не ожидала от мужчины. Что же, спасайте свою жизнь, ибо таково ваше намерение, а меня предоставьте моей участи.

Не желая тратить время на пустые объяснения, Найджел через потайной ход поспешил в свою комнату, захватил порох и пули и так же быстро вернулся назад; он сам был удивлен тем, что в темноте безошибочно преодолел все повороты на пути, по которому прошел всего один раз, да еще в минуту сильного волнения. Когда он возвратился, бедная девушка стояла неподвижно, как статуя, возле трупa отца, который она положила на пол, прикрыв его лицо

полой халата. При виде Найджела она не выразила ни удивления, ни радости и спокойно сказала ему:

— Сетования мои кончились. Мое горе — по крайней мере то, которое могут видеть люди, — позади. Но я добьюсь возмездия, и подлый негодяй, убивший несчастного, беззащитного старика, которому и так не много оставалось жить, недолго будет обременять собой землю. Чужеземец, само небо назначило вас способствовать мщению, уготованному за это злодейство; идите к Хилдеброду — там пьянствуют ночи напролет. Пусть он придет сюда. Это его долг, он не посмеет отказать в помощи и не откажет в ней, зная отлично, что я могу щедро вознаградить. Что же вы медлите? Идите сейчас же.

— Я пошел бы, — ответил Найджел, — но боюсь оставить вас одну; злодей может вернуться и...

— Правда, сущая правда, — ответила Марта, — он может воротиться. Мне все равно, если он убьет меня, но он может завладеть тем, что его здесь более всего прельщает. Держите ключ и монету — и то и другое еще пригодится. Защищайте свою жизнь, если на вас нападут, а если вы убьете злодея, я озолочу вас. Я сама пойду за герцогом.

Найджел собрался было возразить, но она уже исчезла, и через минуту он услышал стук наружной двери. Он хотел последовать за ней, но, припомнив, что от трактира Хилдеброда до дома Трапбуа недалеко, решил, что Марте дорога знакома лучше, чем ему, и не представляет для нее опасности, а потому он поступит благоразумнее, оставшись по ее совету на страже.

Для человека, непривычного к подобному зрелищу, не очень приятно было остаться одному в комнате с двумя трупами, которые еще недавно были живыми людьми, за каких-нибудь полчаса погибшими насильственной смертью: один пал жертвой убийцы, другой, чья кровь продолжала струиться из раны на шее, заливая все вокруг, пал от руки того, кто сейчас смотрел на него и кто сам свершил этот насильственный и вместе с тем справедливый акт. С отвращением и суеверным страхом Найджел отвел глаза, чтобы не ви-

деть эти жалкие человеческие останки; но от сознания того, что рядом с ним, хоть и невидимые ему, находятся эти ужасные соседи, ему стало еще больше не по себе, нежели тогда, когда взгляд его отражался в холодных, неподвижных и безжизненных глазах покойников. К тому же и воображение принялось за свои обычные проделки. То Найджелу казалось, что зашуршала полотняная ночная рубашка ростовщика, то будто убитый им разбойник, скрипнув по полу сапогом, согнул ногу, как бы собираясь встать. Ему опять почудились шаги и шепот возвратившегося грабителя под окном, через которое тот скрылся. Чтобы встретить лицом к лицу последнюю и наиболее серьезную опасность и разогнать страхи, порожденные фантазией, Найджел подошел к окну; как велика была его радость, когда он увидел, что улица освещена множеством факелов, когда он услышал шум голосов и разглядел толпу людей, вооруженных кремневыми ружьями и алебардами и окружающих Хилдеброда, который уже не под вымышленным герцогским титулом, а в своем настоящем звании бэйли вольного убежища Уайтфрайерс спешил расследовать обстоятельства убийства.

Дикий и прискорбный контраст являли в этом ужасном месте пьянчуги, потревоженные в разгаре ночного кутежа. Мутными глазами с испугом глядели они друг на друга и на кровавое зрелище, шатаясь, неверными шагами ступали по полу, скользкому от крови. Громкие, крикливые речи уступили место невнятного бормотанию. Подавленные представшей их взору картиной, все еще отуманенные винными парами, они имели вид лунатиков. Старый Хилдеброд был исключением. Этот пропитанный вином бочонок, полный до краев, способен был в любое время к действиям, когда возникал достаточно веский повод, чтобы сдвинуть его с места. Он, казалось, был сильно потрясен увиденным, и распоряжения его поэтому носили характер более толковый и подобающий случаю, чем можно было ожидать. Прежде всего он допросил дочь покойного, которая поразительно точно и ясно рассказала, как она услышала шум борьбы в комнате

отца, услышала совершенно явственно, ибо не спала, тревожась о его здоровье. Войдя в его спальню, она увидела, что два человека душат ее отца; она бросилась на них со всей яростью, на какую была способна. Они были в масках и плащах, а потому в суматохе и волнении она не смогла разглядеть, был ли это кто-нибудь из ранее виденных ею людей. Дальше она почти ничего не помнит, кроме выстрелов, а потом она осталась вдвоем с постояльцем и увидела, что один из убийц сбежал. Лорд Гленварлох рассказал все то, что мы уже сообщили читателю. Получив, таким образом, показания непосредственных свидетелей, Хилдеброд осмотрел помещение. Он заключил, что убийцы проникли в дом через окно, в которое удрал потом оставшийся в живых разбойник. Обстоятельство это показалось всем странным, так как обычно окно было защищено прочной железной решеткой, которую старый Трамбуа каждый вечер собственноручно запирает. Хилдеброд аккуратно отметил положение каждого предмета в комнате и тщательно осмотрел убитого грабителя. Тот был одет как простой матрос, лицо его не было знакомо никому из присутствующих. Хилдеброд послал затем за эльзасским доктором, чьи пороки свели на нет все, что дали ему знания, и обрекли его на убогую практику в этом квартале. По приказанию Хилдеброда он освидетельствовал трупы и точно установил причины смерти каждого из убитых. Шарф не укрылся от внимания ученого судьи; выслушав все соображения и догадки по поводу преступления и собрав все улики, имевшие связь с кровавым деянием, Хилдеброд велел запечатать двери комнаты до следующего утра; затем, отозвав несчастную дочь убитого старика в кухню, он с серьезным видом спросил ее в присутствии одного лорда Гленварлоха, нет ли у нее против кого-нибудь подозрений.

— А вы разве никого не подозреваете? — спросила в ответ Марта, пристально глядя на него.

— Может быть, и подозреваю, мистрис, но сейчас мое дело задавать вопросы, а ваше — отвечать. Таковы правила этой игры.

— Тогда я скажу, что подозреваю того, кто носил этот шарф. Знаете ли вы, кого я имею в виду?

— Ну, если говорить по чести, то должен сознаться, я видал такой шарф у капитана Пепперкола, а он не любит часто менять одежду.

— В таком случае пошлите людей и арестуйте его.

— Если это был он, то сейчас он уже далеко; однако я поставлю в известность высшие власти, — ответил судья.

— Вы хотите дать ему скрыться! — воскликнула Марта, устремив на него испытующий взгляд.

— Могу побожиться, что если б от меня зависело, этого душегуба вздернули бы выше Амана, но дайте мне срок. У него здесь немало друзей, и вам это известно, а те, от кого я могу ждать помощи, пьяны как стельки.

— Я отомщу, я все равно отомщу, — сказала Марта. — Смотрите не вздумайте шутить со мной!

— Шутить! Да я скорее стану шутить с медведицей, которую только что раздражили. Говорю вам, мистрис, имейте терпение, мы его поймаем. Я знаю все его норы, он не сможет долго избегать их, а я расставляю ему везде ловушки. Вам нечего просить правосудия, мистрис, ведь у вас есть средства, чтобы добиться его.

— Тот, кто поможет мне отомстить, — сказала Марта, — получит часть этих средств.

— Отлично, — сказал Хилдеброд. — А теперь пойдемте ко мне, вам надо подкрепить чем-нибудь свои силы; здесь вам, пожалуй, будет страшно одной.

— Я пошлю за поденщицей, — возразила Марта, — а кроме того, здесь останется приезжий джентльмен.

— Хм, хм, приезжий джентльмен... — проговорил Хилдеброд, отведя Найджела в сторонку. — Мне сдается, что капитан устроил счастье этого джентльмена, когда столь дерзко попытался устроить собственное счастье. Должен признаться вашей чести — не смею сказать, вашей светлости, — что, возможно, я сам подбил этого мерзавца в буйволовой коже на такую грубую игру, обмолвившись о том, что я вам советовал

вчера утром. Но тем лучше для вас: получите кучу денег без теста в придачу. Надеюсь, вы помните наши условия?

— Лучше бы вы никому не говорили о столь нелепой затее, — сказал Найджел.

— Нелепой? Думаете, Марта не пойдет за вас? Женитесь на ней, пока у нее не высохли слезы, куйте железо, пока горячо. Дайте мне завтра знать, как обстоят дела. Доброй ночи, желаю успеха — надеюсь, вам понятен намек? Ну, я возвращаюсь к своим обязанностям, иду запирать и опечатывать... Ах, черт возьми, эта страшная история вышибла у меня все из головы — тут вас хочет видеть малый от мейстера Лоустофа. Так как дело у него к вам экстренное, сенат заставил его выпить только парочку бутылок, и он как раз собирался двинуться к вам, когда разразился шторм. Эй, приятель, вот мейстер Найджел Грэм!

Молодой человек в зеленой плисовой куртке со значком на рукаве, говорившим о том, что он лодочник, подошел к Найджелу и отвел его в сторону, между тем как герцог Хилдеброд, исполняя свои обязанности, приступил к обходу всего дома, проверяя, заперты ли окна и двери. Известия, принесенные посланцем Лоустофа, были не особенно отрадны. Они были переданы Найджелу учтивым шепотом, и сущность их сводилась к следующему: мейстер Лоустоф просит мейстера Грэма ради его собственной безопасности немедленно покинуть Уайтфрайерс, ибо лорд главный судья издал указ о его аресте и указ будет приведен в исполнение завтра при содействии отряда мушкетеров, то есть силы, которой эльзасцы не захотят и не посмеют сопротивляться.

— И посему, ваша честь, — добавил прибывший по воде посол, — мой ялик будет ждать вас сегодня в пять утра у Темплской пристани; если хотите оставить ищеек с носом, я к вашим услугам.

— Почему мейстер Лоустоф ничего не написал мне? — спросил лорд Гленварлох.

— Увы! Славного джентльмена держат в тюрьме строго, с чернилами и пером он имеет так же мало дела, как какой-нибудь пастор.

— Не прислал ли он с тобой что-нибудь в знак того, что я могу тебе довериться?

— Знак? Ах, черт, конечно прислал, если только я не забыл его, — ответил малый и, подтянув штаны, продолжал: — Ага, вспомнил: вы мне должны поверить, потому что ваше второе имя начинается на «о». Кажется, не переверал. Значит, мы с вами встретимся через два часа, когда начнется отлив, и помчимся вниз по реке, как двенадцативесельная шлюпка.

— Не знаешь ли, где сейчас король? — спросил Найджел вместо ответа.

— Король? Знаю, как же, он вчера поехал в Гринвич водой, как и полагается доблестному монарху, который никогда не упустит случая воспользоваться лодкой. Он собирался охотиться на этой неделе, да, говорят, охота расстроилась, и теперь принц, герцог и приближенные веселятся в Гринвиче вовсю.

— Хорошо, — сказал Найджел, — я буду готов к пяти. Зайди сюда за моими вещами.

— Ладно, мейстер, — ответил лодочник и вышел из дому, смешавшись с буйной свитой герцога Хилдброда. Сей государь попросил Найджела запереть за ним дверь и, указав на Марту, которая сидела у затухающего огня, бессильно опустив руки и вытянув ноги, словно ее уже коснулась рука смерти, шепнул:

— Позаботьтесь о своих интересах, да не забывайте про наш уговор, а не то я обрежу тетиву, прежде чем вы успеете спустить ее.

Лорд Гленварлох был до глубины души возмущен невыразимым бессердечием, с каким этот человек давал подобные советы в отношении несчастной, только что потерявшей отца, но он сдержал свой гнев, выслушал совет молча и тщательно запер дверь за герцогом и его свитой, втайне надеясь никогда более не видеть весь этот сброд. Затем он вернулся в кухню, где бедная женщина продолжала сидеть в той же позе, сжав руки, устремив взор в одну точку, словно оцепенев. Тронутый ее печальным положением и ожидавшей ее участью, он употребил все средства, какие были в его власти, чтобы пробудить ее к жизни,

и наконец ему, видимо, удалось привлечь ее внимание и вывести из оцепенения. Он объяснил, что через несколько часов собирается оставить Уайтфрайерс; куда он направляется, пока неясно, но он всей душой желает быть ей полезным и, если нужно, уведомит ее друзей о постигшем ее горе или поможет иным каким-нибудь способом. Она как будто с трудом поняла смысл его слов и поблагодарила со своей обычной резкостью и нелюбезностью, сказав, что, может, он и хочет ей добра, но ему пора бы уж знать, что у несчастных не бывает друзей. Найджел начал было говорить, что боится показаться назойливым, но так как он собирается оставить Уайтфрайерс...

Вдруг она прервала его:

— Вы собираетесь покинуть Фрайерс? Я поеду с вами

— Поедете со мной? — воскликнул лорд Гленварлох.

— Да, — ответила она. — Я уговорю отца покинуть это разбойничье гнездо.

Но тут она спохватилась, воспоминания о случившемся нахлынули на нее, она спрятала лицо в ладонях и разразилась бурными рыданиями, стонами и причитаниями, которые закончились жестоким, соответственно незаурядной силе ее духа и тела, истерическим припадком.

Лорду Гленварлоху никогда не доводилось присутствовать при подобных сценах; он испугался и растерялся и хотел уже бежать за врачом или хотя бы позвать на помощь какую-нибудь женщину, однако Марта, немного оправившись, схватила его за рукав одной рукой, другой закрыла лицо и дала волю слезам, которые несли ей облегчение от обуревавшего ее мучительного горя.

— Не оставляйте меня, — произнесла она, — не оставляйте и никого не зовите. Со мной раньше никогда этого не случилось и не случилось бы сейчас, — добавила она, выпрямляясь и вытирая глаза передником, — если бы... если бы он не любил меня так сильно, одну меня на всем свете. Умереть такой смертью, и от чьих рук!

И снова бедная девушка предалась скорби, рыдая и причитая с тем самозабвением, какое свойственно только женщинам, когда их горе достигает наивысшей степени. Постепенно она обрела свое природное суровое хладнокровие и уже сохраняла его в дальнейшем, собрав всю силу и сопротивляясь возврату истерического припадка с тем нечеловеческим напряжением, с каким страдающие эпилепсией предотвращают приступы своей болезни. Но как ни был тверд ее дух, он не мог полностью совладать с расхолодившимися нервами, и время от времени у нее начиналась сильная дрожь, которая подчас по две минуты сотрясала все ее тело так, что страшно было на нее смотреть. Найджел забыл о своих бедах и вообще обо всем, проникнувшись сочувствием к несчастной; сочувствие тем сильнее завладело его гордым сердцем, что ее не менее гордая душа решилась как можно меньше быть обязанной человеколюбию или жалости окружающих.

— За мной такого не водилось, — сказала она, — но . природа все же берет власть над созданными ею слабыми существами. На вас, сэр, я имею некоторые права, ибо без вас я не осталась бы сегодня ночью в живых. Правда, лучше бы ваша помощь подоспела или раньше, или позже, но если уж вы спасли мне жизнь, вы обязаны помочь тому, чтобы она была для меня сносной

— Скажите, как я могу это сделать, — спросил Найджел.

— Вы говорите, что немедленно уезжаете отсюда, — возьмите меня с собой. Одной мне никогда не выбраться из этого вертепа преступлений и нищеты.

— Увы, чем же я могу помочь? — возразил Найджел. — Мой путь, с которого я не уклонюсь, по всей вероятности приведет меня в тюрьму. Впрочем, я готов увезти вас отсюда, если вы потом найдете приют у кого-нибудь из своих друзей.

— Друзей! — воскликнула она — У меня нет друзей, они уже давно отреклись от нас. Призрак, восставший из могилы, будет принят с большей радостью, чем я, предстань я перед теми, кто отвернулся от нас; если б они и пожелали возобновить теперь со мной

дружбу, я отвергла бы ее, потому что они некогда лишили своей дружбы его... — Она подавила прорвавшееся волнение и твердо продолжала: — Того, кто лежит там. У меня нет друзей.

Она замолчала, но вдруг, как бы спохватясь, добавила:

— У меня нет друзей, но у меня есть то, с помощью чего я смогу обрести их; я приобрету много друзей и мстителей. Хорошо, что я вовремя вспомнила о золоте: оно не должно стать добычей воров и убийц. Чужеземец, вам придется вернуться в ту комнату, смело пройдите через нее в спальню, отодвиньте кровать; под каждой ножкой в полу прибита медная досочка будто бы для надежной опоры; вам нужна только левая, ближняя к стене; нажмите на ее угол, она отскочит, и под ней вы увидите замочную скважину, к которой подойдет вот этот ключ. Потом вы поднимете крышку и вынете из тайника под полом ларец. Принесите его сюда — мы возьмем его с собой: его содержимое, уж конечно, добудет мне приют.

— Но ведь дверь, ведущую из кухни в те комнаты, заперли, — возразил Найджел.

— Правда, я совсем забыла; они, без сомнения, знали что делали. Но потайной ход из вашей комнаты открыт, вы можете пройти через него.

Лорд Гленварлох взял ключ, и когда он зажег лампу, чтобы освещать себе путь, Марта прочла на его лице некоторое неудовольствие.

— Вы боитесь? — спросила она. — Бояться нечего, убийца и его жертва оба спят вечным сном. Смелее, я пойду с вами, а то вы не сумеете открыть секретный замок, да и принести сундук вам одному будет не под силу.

— Нет, нет, я не боюсь, — ответил смущенный Найджел, стыдясь того, что она сочла малодушием минутное колебание, проистекавшее из отвращения к жестокому зрелищу — отвращения, так часто испытываемого теми утонченными натурами, которым менее всего свойствен страх перед настоящей опасностью. — Я исполню ваше поручение. Но вам не следует туда ходить, вы не сможете...

— Я могу и пойду, — ответила она. — Я уже успоконилась. Смотрите сами. — С этими словами она взяла со стола неоконченное шитье и уверенно продела шелковую нитку в ушко тонкой иголки. — Могла ли б я это сделать, — сказала она с улыбкой, еще более страшной, нежели ее прежний, застывший в отчаянии взор, — не будь тверды мое сердце и рука?

Она быстро стала подниматься по лестнице впереди Найджела в его комнату и продолжала с той же поспешностью идти по потайному ходу, как будто боялась, что решимость ей изменит, прежде чем она доведет до конца задуманное. Перед входом в роковую комнату она помедлила несколько мгновений, а затем быстро прошла через нее в спальню; лорд Гленварлох не отставал ни на шаг; чувство сострадания к той, что пережила ужасную трагедию, заставило его позабыть о своем нежелании вновь увидеть место кровавой расправы.

Прежде всего Марта откинула полог над кроватью. Простыни и одеяло были сбиты и отброшены в сторону, вероятно тогда, когда старик вскочил с постели, чтобы помешать грабителям влезть в соседнюю комнату. На твердом матрасе едва была заметна впадина, в которой раньше покоилось хилое тело старого скряги. Дочь его опустилась на колени возле кровати, сложила руки и вознесла к небу краткую, но трогательную молитву, прося, чтобы небеса дали ей поддержку в ее скорби и помогли отомстить убийцам, лишившим ее отца. Еще более краткой была произнесенная шепотом молитва, где она вручала душу убитого богу и просила о прощении его грехов во имя страстей Христовых.

Отдав долг благочестия, Марта сделала знак Найджелу, чтобы тот помог ей; они сдвинули с места тяжелую кровать и увидели медную дощечку, о которой говорила Марта. Марта нажала пружину, дощечка отскочила, и под ней обнаружили замочная скважина и большое железное кольцо, за которое они подняли крышку; под ней скрывался ларец, такой

тяжелый, что и в самом деле Найджел, человек на редкость сильный, едва ли вытащил бы его один. Снова приведя все в порядок, Найджел и его спутница, помогавшая ему по мере своих сил, подняли ларец и с трудом перенесли его в соседнюю комнату, где лежал его несчастный владелец, нечувствительный к тем звукам и событиям, которые, несомненно, нарушили бы его покой, если бы хоть что-нибудь на свете могло пробудить его от последнего, вечного сна. Несчастливая дочь приблизилась к телу и даже имела мужество откинуть простыню, которой оно было прикрыто. Она положила свою руку отцу на сердце, но оно не билось, она поднесла к его губам перо, но оно не шевельнулось; после этого с глубоким почтением она поцеловала вздувшиеся жилы на бледном лбу и высохшую руку.

— Хотела б я, чтоб ты услышал меня, отец, — сказала она, — чтоб ты услышал мою клятву: если я и спасаю сейчас то, что было для тебя дороже всего на свете, то делаю это лишь затем, чтобы отомстить с его помощью за твою смерть.

Она прикрыла мертвого и, не уронив ни одной слезы, не испустив даже вдоха, молча подошла к Найджелу, и общими усилиями они дотащили сундук до спальни молодого лорда.

— Он должен сойти за часть вашего имущества, — сказала Марта. — Я буду готова к приходу лодочника.

Она ушла. Лорд Гленварлох, видя, что час отъезда приближается, оторвал кусок старой драпировки, обмотал ею сундук и завязал веревкой, дабы своеобразие его формы и железные полосы, которыми он был окован вдоль и поперек, не навели на мысль о содержащихся в нем ценностях. Приняв эту меру предосторожности, Найджел сменил презренный маскарадный костюм, надетый им перед тем, как войти в Уайт-фрайерс, на одежду, приличествующую его званию, после чего бросился на кровать, но, как ни был он утомлен происшествиями ночи, заснуть не смог и стал ждать сигнала лодочника.

Глава XXVI

Будь благосклонна, милая река,
Прими нас! Мы твой слух не оскорбим
Разгульным хохотом; не потревожим
Ни визгом флейт, ни барабанным боем
Твоих объятых дремой берегов;
Мы проскользнем по глади вод твоих
Бесшумно, словно ветер.

«Двойная свадьба»

Сквозь густой туман, окутывавший Уайтфрайерс, начал пробиваться сероватый, или, скорее, серовато-желтый, свет, когда тихий стук в дверь дома несчастного ростовщика дал знать лорду Гленварлоху о приходе лодочника. Он поспешил к дверям и увидел там того человека, с которым сговаривался ночью, явившегося со своим товарищем.

— Скорей, скорей, мейстер, пора сниматься с якоря, — нетерпеливо сказал один из лодочников хриплым шепотом, — время и отлив никого не ждут.

— Меня им не придется ждать, — ответил лорд Гленварлох, — мне только надо захватить с собой кое-какие вещи.

— Поверишь ли, Джек, ежели кто нынче нанимает двухвесельную лодку, то так и знай, что он нагрузит ее, как фургон, запряженный шестеркой лошадей. Когда им не надо перевозить целого дома, они заказывают ялик, чтоб им пусто было. Пошли, пошли, где там ваши пожитки?

Когда одного из лодочников навьючили чемоданом с вещами лорда Гленварлоха, что, по его мнению, было более чем достаточно, он лениво потащился со своей ношей к Темплской пристани. Товарищ его, который был, по-видимому, главным, попробовал поднять сундук, где находилось богатство скряги, но тут же уронил его на землю и, грубо выругавшись, заявил, что не подряжался нести на себе собор святого Павла. Подошедшая к ним дочь Трапбуа, закутанная в длинный черный плащ с капюшоном, воскликнула, обращаясь к лорду Гленварлоху:

— Пусть оставят, коли хотят, пусть все оставят — лишь бы нам бежать из этого ужасного места!

Мы уже упоминали, что Найджел был чрезвычайно силен; теперь, движимый чувством сострадания и негодования, он проявил свою необычайную физическую силу: подняв тяжелый сундук за веревку, которой он его ночью обвязал, и взвалив его себе на спину, он решительно двинулся вперед, неся тяжесть, какая пригнула бы к земле по крайней мере трех изнеженных молодых людей нашего вырождающегося века. Изумленный лодочник последовал за ним, твердя: «Эй, мейстер, дайте я подхвачу другой конец», и изъявляя желание поддержать сундук сзади, на что Найджел через несколько минут охотно согласился. Силы его почти иссякли к тому времени, когда он добрался до лодки, которая ждала, согласно уговору, у Темплской пристани; Найджел свалил сундук в лодку, и под его тяжестью нос ее осел так низко, что она едва не перевернулась.

— Ну и балласт, — сказал один лодочник другому, — подумают, что мы везем честного банкрота со всем его припрятанным добром. Постой, постой, тетушка, а ты куда лезешь? Мы и без лишнего живого груза того и гляди зачерпнем.

— Эта особа поедет со мной, — сказал лорд Гленварлох, — она находится под моей защитой.

— Как бы не так, мейстер, — возразил лодочник, — это не входило в условия. Не удваивайте груза, женщина может пройти пешком. А что до защиты, то ее наружность послужит ей лучшей защитой и доведет от Берика до Лендс-Энда.

— А если, удвоив груз, я удвою плату, ты, надеюсь, не станешь возражать? — спросил Найджел, решив ни в коем случае не оставлять несчастную женщину одну, тем более что у него возник план, который мог теперь расстроиться по милости грубиянов лодочников.

— Нет же, черт побери, я буду возражать, — сказал малый в зеленой плисовой куртке. — Я ни за какие деньги не соглашусь перегружать лодку, я люб-

лю ее, как свою жену, и, может, даже чуть-чуть побольше.

— Нет, это не годится, — прервал его товарищ. — Разве так лодочники поступают? За двойную плату мы повезем ведьму в ступе, коли она прикажет. Отваливай, Джек, хватит зря болтать языком.

Они выбрались на середину реки и, несмотря на тяжелый груз, довольно быстро поплыли вниз по течению. С более легких суденышек, которые обгоняли их или попадались навстречу, их всякий раз осыпали градом задорных насмешек, слывших в те времена образцом остроумия среди лодочников; основной пищей для них служило редкое безобразие мистрис Марты и резкий контраст, какой ее наружность составляла с красивой внешностью молодого и стройного Найджела; от наблюдательности насмешников не ускользнуло и то обстоятельство, что лодка была несколько перегружена. Их то и дело окликали, высказывая при этом предположения, что жена мелочного торговца выехала на прогулку со старшим приказчиком, что бабушка провожает внука в школу, что рослый молодой ирландец везет престарелую деву в Редрифф к доктору Ригмаролу, который всегда согласен окрутить нищих за один тестон и чарку джина. На все эти оскорбительные намеки Зеленая Куртка и его товарищ отвечали в том же духе, и беглый огонь остроумия поддерживался с обеих сторон с неослабевающей силой.

Лорд Гленварлох тем временем расспрашивал свою безутешную спутницу, где она думает остановиться и будут ли там она и ее богатство в безопасности. Марта с большей откровенностью, чем прежде, призналась, что из-за нрава ее отца осталась без друзей и что той поры, как он переселился в Уайтфрайерс, дабы ускользнуть от юридической ответственности за свое непомерное ксрыстолюбие, она вела уединенную жизнь; с тем обществом, какое можно было найти в Эльзасе, она не поддерживала никаких отношений, а их местожительство и скарденность отца исключали возможность всяких других связей. Сейчас ей больше всего хотелось найти приют в порядочном доме,

у честных людей, хотя бы самого низкого сословия, пока она не повидает адвоката и не посоветуется с ним о том, каким образом добиться, чтобы убийца ее отца был наказан. Она без колебаний возлагала вину на Колпеппера (более известного под именем Пепперкола), которого знала как человека, способного совершить исподтишка любое злодеяние, но отчаянного труса в тех случаях, когда требовалось истинное мужество. Его и раньше сильно подозревали в двух грабежах, из которых один сопровождался зверским убийством. Он притязал, сказала она, на ее руку, видя в том наиболее легкий и безопасный способ завладеть богатством ее отца; после того как она самым решительным образом отвергла его ухаживание, если можно так назвать его поведение, он иногда ронял такие зловещие намеки о мщении, что она жила в постоянной тревоге за отца и за самое себя, тем более что тогда же было совершено несколько неудачных попыток проникнуть к ним в дом.

Из чувства деликатности и из уважения к несчастной женщине Найджел ничего не сообщил ей о случае, подтверждавшем ее подозрения, которые еще раньше приходили в голову и ему самому. Он вспомнил, как старый Хилдеброд намекнул прошедшей ночью на то, что некий разговор между ним и Колпеппером ускорил трагическую развязку. Так как речь шла о браке, который Хилдеброд брался устроить между Найджелом и богатой наследницей, то, очевидно, боязнь безвозвратно упустить заманчивую возможность, а также низкая злоба грубияна и мерзавца, обманутого в своих заветных ожиданиях, и толкнули убийцу на кровавое преступление. Сознание, что он сам до какой-то степени ответствен за страшное событие, усилило беспокойство, испытываемое Найджелом по поводу спасенной им девушки, едва не ставшей жертвой злодеев, и заставило принять решение употребить все силы на расследование этого кровавого дела, как только его собственные дела хотя бы отчасти прояснятся. Убедившись, что у его спутницы нет определенных планов, он предложил ей на время поселиться у пристани, близ собора

святого Павла, в доме его прежнего хозяина, торговца корабельными товарами Кристи, расхвалил порядочность и честность достойной четы и выразил надежду, что они либо приютят ее сами, либо в крайнем случае дадут ей адрес людей, за которых могут ручаться, а осмотревшись немного, она уже сама устроится где и как захочет. Бедная женщина приняла этот совет, который в ее безвыходном положении пришелся так кстати, с благодарностью, правда не многословной, но более прочувствованной, чем можно было ожидать от особы столь сурового нрава. Лорд Гленварлох объявил затем Марте, что некоторые соображения, связанные с его собственной безопасностью, немедленно призывают его в Гринвич и вследствие этого он не сможет проводить ее до дома Кристи, что при иных обстоятельствах он с удовольствием сделал бы. Вырвав листок из карманной книжки, он написал несколько строк своему бывшему хозяину, где, взывая к его честности и отзывчивости, обрисовал подательницу письма как особу, исключительно нуждающуюся в покровительстве и добром совете, за которые она в состоянии отблагодарить полной мерою. Он просил далее Джона Кристи, своего старого, доброго друга, предоставить ей на непродолжительное время кров, а если это причинит ему какие-либо неудобства, подыскать ей приличное жилище. В заключение Найджел давал Кристи еще одно, несколько более затруднительное поручение — рекомендовать ей честного или, во всяком случае, искусного и почтенного адвоката, который взялся бы вести для нее одно важное судебное дело. Найджел подписался своим настоящим именем и отдал записку своей протеже, которая опять с чувством его поблагодарила, и ее короткое «спасибо» свидетельствовало об искренней признательности лучше, нежели тысячи искусно составленных фраз. Покончив с этим делом, Найджел приказал лодочникам причалить к пристани у собора святого Павла, к которой они теперь приближались.

— У нас нет времени, — ответил Зеленая Куртка, — мы не можем останавливаться каждую минуту.

Однако после того как Найджел настоятельно потребовал повиновения и добавил, что остановка нужна для того, чтобы высадить даму на берег, старший из лодочников объявил, что он предпочитает не видеть этой дамы, и в подтверждение своих слов причалил к пристани. Здесь без труда удалось уговорить двоих носильщиков, из тех, что всегда стоят в таких местах в ожидании работы, взять на себя попечение о тяжелом сундуке и проводить его владелицу к дому Джона Кристи, которого прекрасно знала вся округа.

Лодка, освобожденная от большей части груза, продолжала путь вниз по Темзе, соответственно ускорив ход. Однако мы на короткое время перестанем ей сопутствовать и расскажем о том, какое действие возымело рекомендательное письмо лорда Гленварлоха.

Мистрис Марта Трапбуа без приключений добралась до лавки и уже собиралась войти в нее, но в последнюю минуту ее охватило болезненное чувство неуверенности, ей показалась мучительной предстоящая необходимость рассказать свою историю, и она остановилась на пороге своего предполагаемого убежища, чтобы обдумать, как бы поудачнее подкрепить просьбу друга, которого послало ей провидение. Вследствие замкнутого существования, какое она вела, она совершенно не знала жизни, не знала, что большие деньги, которыми она располагала, при умении взяться за дело могли открыть ей двери в особняки аристократов и во дворцы принцев крови. Отдавая себе, в общем, отчет в могуществе денег, принимающем самые разные формы и самый различный характер, Марта в то же время была так неопытна, что совершенно напрасно боялась, как бы средства, которыми было приобретено богатство ее отца, не лишили наследницу этого богатства права на приют даже в доме скромного лавочника. Пока она стояла в нерешительности, ей представилась более веская причина для колебаний: внутри дома слышался сильный шум, голоса спорящих, они ста-

новились все громче и громче, по мере того как ссорящиеся приближались к наружным дверям, выходящим в переулок.

Первым в дверях показался долговязый, сухопарый человек с некрасивым, грубым лицом; он вышел из лавки поспешно, но сохраняя величавость, подобно разгневанному испанцу, который, считая ниже своего достоинства перейти на бег, снисходит даже в величайшей спешке и гневѣ только до того, чтобы удлинить шаг. Очутившись на улице, он оглянулся на преследователя — благообразного пожилого лавочника с простодушным лицом; это был не кто иной, как сам Джон Кристи, владелец лавки и дома. Он, казалось, гнался за первым и находился в состоянии крайнего возбуждения, несвойственного такого рода людям.

— И слышать ничего не хочу! — кричал первый. — Так и знайте, сэр, я ничего не хочу об этом слышать, это наглая, бесстыдная выдумка, которую я могу опровергнуть, отъявленная клевета, сэр, *scandalum magnaatum, scandalum magnaatum*,¹ — повторил он, делая сильное ударение на втором слоге, как это водится в школах Эдинбурга и Глазго и что мы можем выразить на бумаге только удваиванием второй гласной. Если бы это услышал царствующий монарх, он пришел бы в неописуемый восторг, ибо он гораздо более ревностно отстаивал то, что он мнил подлинным латинским произношением, чем свои королевские прерогативы, о которых он временами с таким жаром вспоминал в речах, обращенных к парламенту.

— Мне наплевать, как вы это называете, — отвечал Джон Кристи, — я уверен, что это сущая правда, а как свободный англичанин я имею право говорить правду относительно того, что меня касается. Твой хозяин не кто иной, как подлец, а ты дерзкий нахал, и я сию минуту раскрою тебе башку, которую, я это доподлинно знаю, уже как-то разбили за меньшую наглость.

¹ Большой скандал (*испорченная латынь*).

И с этими словами, воинственно размахивая лопатой, которой он обыкновенно чистил ступени перед лавкой и которую схватил как первое попавшееся орудие для нанесения урона, он двинулся на противника. Осторожный шотландец (читатели, должно быть, признали в противнике Джона Кристи шотландца по его школьной латыни) отступил перед разъяренным торговцем, но отступил, держась за эфес палаша, с угрюмым видом человека, который выведен из обычного равновесия и еле сдерживает себя, но несколько не напуган натиском врага старше его и уступающего ему в силе и оружии.

— Не приставайте ко мне, мейстер Кристи, — сказал он, — говорю вам, не приставайте, не лезьте на рожон. Я удержался и не стукнул вас в доме, хотя вы сами меня на это вызывали, потому что мне неизвестно, как смотрят здешние законы на членовредительство и нанесение побоев хозяину дома. Я бы и на улице не стал связываться с вами по доброй воле — места здесь довольно нам обоим, да я и не забыл вашей прежней доброты и считаю, что вас просто ввели в заблуждение. Но, ей-богу, сэр, я не привык клясться зря, если вы дотронетесь вашей грязной лопатой до моего шотландского плеча, я всажу шесть дюймов Эндрю Феррары в ваше толстое брюхо, сосед.

При этом, продолжая пятиться от угрожающе занесенной лопаты, он вытащил на треть палаш из ножен. Гнев Джона Кристи к тому времени немного остыл, то ли вследствие природного миролюбия, то ли от вида стали, блеснувшей при последнем жесте неприятеля.

— Стоило бы кликнуть молодцов с дубинками и сбросить тебя с пристани в воду, — сказал он, опуская, однако ж, лопату. — Жалкий хвостун, как ты смеешь страшить своей шпажкой честного горожанина на пороге его дома?! Так и быть, убирайся прочь, но знай, если ты еще раз близко подойдешь сюда, получишь хорошую взбучку. Жаль, что Темза не поглотила мой дом до того, как он приютил под своим кровом льстивых, двуличных шотландских воров, таких кротких с виду.

— Где живешь, там пачкать негоже, — ответил его противник, который теперь осмелел, возможно потому, что дело принимало мирный оборот. — Какая жалость, что добрый шотландец женился в чужих краях и породил на свет такого чванного, тупого, безмозглого, толстобрюхого англичанина, как вы, мейстер Кристи. Прощайте, навеки прощайте. Коли придется вам еще раз браниться с шотландцем, можете ругать его самого напрапалую, но не трогайте его господина и соотечественников, не то шотландский кинжал укоротит ваши длинные уши.

— А если ты еще хоть две минуты будешь поносить меня у моих дверей, — отрезал Джон Кристи, — то я кликну констебля и тогда твои шотландские лоджки познакомятся с английскими колодками.

Сказав это, он с победоносным видом повернулся и направился в лавку; его противник, как ни был он храбр от природы, не обнаружил никакого желания доводить ссору до крайности. Быть может, шотландец сознавал, что за то удовольствие, какое он получит от единоборства с Джоном Кристи, ему с лихвой придется заплатить неприятностями, ибо законные власти Старой Англии не слишком благоволили тогда к своим новым подданным и не были расположены брать их сторону в непрерывных стычках между представителями этих двух гордых народов, у которых чувство национальной вражды, длившейся столетиями, все еще пересиливало сознание общности их интересов, зародившееся всего несколько лет назад, когда они были объединены под властью одного государя.

Мистрис Марта Трапбуа слишком долго прожила в Эльзасе, чтобы испугаться перепалки, свидетельницей которой ей довелось стать. По правде сказать, она даже удивилась, что ссора не окончилась потасовкой, как это обычно случалось в Убежище. Когда противники разошлись, она, не подозревая, что причина ссоры коренится гораздо глубже, чем это бывало при ежедневных стычках в Эльзасе, без колебаний остановила мейстера Кристи, возвращавшегося

в лавку, и подала ему письмо лорда Гленварлоха. Будь Марта лучше знакома с деловой стороной жизни, конечно, она дождалась бы более спокойной минуты. Ей и впрямь пришлось раскаяться в своей торопливости, когда раздраженный лавочник, молча и не дав себе даже труда ознакомиться с содержанием письма, только взглянул на подпись, бросил записку на землю, с величайшим презрением растоптал ее и, не сказав подательнице ни единого слова, если не считать брани, которая никак не вязалась с его степенной наружностью, вошел в дом и запер за собой дверь.

С невыразимой горестью смотрела одинокая, беззащитная женщина, как рушится ее единственная надежда на помощь, поддержку и защиту, и не могла понять причины этого. Надо отдать справедливость Марте — ей и в голову не пришло, что человек, который принял в ней участие и которого она знала под именем Найджела Грэма, мог ее обмануть, хотя у многих на ее месте такая мысль не замедлила бы возникнуть. Не в ее характере было просить и унижаться, но она невольно воскликнула вслед взбешенному лавочнику:

— Добрый мейстер, выслушайте меня — из сострадания, из великодушия выслушайте!

— Вы ждете от него великодушия и сострадания, мистрис? — заметил шотландец, который, не пытаясь, впрочем, отрезать противнику путь к отступлению, по-прежнему гордо сохранял за собой поле сражения. — С таким же успехом вы можете надеяться выжать бренди из бобов или молоко из гранитной глыбы. Он спятил, спятил от ревности!

— Должно быть, я ошиблась и отдала письмо не тому, — сказала Марта Трамбуа, нагибаясь, чтобы поднять записку, принятую столь невежливо. Ее собеседник, по свойственной ему учтивости, предупредил ее намерение; но, передавая письмо, он, несколько нарушив границы приличий, украдкой заглянул в него и, увидев подпись, удивленно воскликнул:

— Гленварлох, Найджел Олифант Гленварлох! Так вы знаете лорда Гленварлоха, мистрис?

— Я не знаю, о ком вы говорите, — с досадой ответила Марта. — Мне дал письмо некто мейстер Найджел Грэм.

— Найджел Грэм, да, хм, верно, я и забыл. Такой высокий, статный молодой человек, с меня ростом, глаза у него голубые, взгляд острый как у ястреба, приятный голос и мягкий северный выговор, правда почти незаметный, потому что он жил за границей.

— Все это так, но что из того? — спросила дочь ростовщика.

— Волосы такого же цвета, как у меня?

— Нет, у вас они рыжие, — возразила она.

— Прошу вас, не перебивайте меня. Я хотел сказать, как у меня, но с каштановым отливом. Ну, мистрис, если я правильно догадался, то с этим человеком я знаком очень хорошо, даже коротко. Говоря откровенно, я оказал ему в свое время много важных услуг, а может быть, и еще окажу. Я к нему искренне расположен и думаю, что с тех пор, как мы расстались, он не раз попадал в затруднительное положение. Но расстались мы не по моей вине. Хоть письмо не попало в руки того, кому оно адресовано, зато провидением послано мне, тому, кто с особенным уважением относится к писавшему. Во мне вы найдете столько сострадания и великодушия, сколько требуется порядочному человеку, чтобы прожить в этом мире; я всей душой готов помочь советом и иными способами другу моего друга, когда он в беде, лишь бы это не ввело меня в большие расходы — ведь я здесь на чужбине, брожу как овечка, отбившаяся от родного стада, и везде оставляю клочья шерсти на проклятом английском терновнике.

Во время этого монолога он, не дожидаясь разрешения, успел пробежать глазами записку и продолжал:

— Так это все, что вам нужно, голубушка? Надежное и приличное жилье и стол за свой счет, только и всего?

— Только и всего, — ответила Марта. — Если вы человек и христианин, вы поможете мне.

— Что я человек, — отвечал обстоятельный каледонец, — сразу видно, и я не совру, если назову себя христианином, хоть и недостойным и хотя с той поры, как я здесь, я почти не слышал святого учения и погряз в грехах — хм! Если вы честная женщина, — тут он заглянул ей под капюшон, — а на вид вы честная женщина, хотя, скажу я вам, честные люди не так-то часто попадают на улицах этого города: не далее как вчера вечером меня едва не удушили моим собственным воротником какие-то прощелыги, пытаюсь затащить меня в кабака. Так вот, если вы порядочная, честная женщина, — тут он опять взглянул ей в лицо, в котором не было и намека на красоту, могущую возбудить недоверие, — а вы действительно похожи на порядочную и честную, то я отведу вас в порядочный дом, где вы найдете за умеренную цену скромный, заботливый уход, а также будете иногда пользоваться моими советами и наставлениями; я повторяю, иногда, то есть когда позволят мои основные занятия.

— Но могу ли я довериться незнакомцу? — неуверенно спросила Марта.

— Не вижу, почему бы и нет, мистрис, — ответил добродушный шотландец. — Только посмотрите жилище, а там поступайте, как найдете нужным. А кроме того, мы ведь с вами не совсем чужие: я знаком с вашим другом, а вы как будто знаете моего — стало быть, общее знакомство сближает нас, все равно как середина веревки сближает ее два конца. Подробнее мы поговорим об этом по дороге, а сейчас не угодно ли вам приказать вашим ленивым носильщикам поднять вдвоем этот маленький сундучок, который любой шотландец унес бы под мышкой. Знаете, мистрис, ваш карман живо опустеет, если вы будете нанимать двух бездельников там, где требуется один.

С этими словами он пошел вперед, а за ним последовала мистрис Марта Трамбуа, для коей исключительная судьба, обременившая ее несметным богатством, не нашла советчика мудрее и защитника достойнее, нежели честный Ричи Мониплайз, бывший слуга лорда Гленварлоха.

Глава XXVII

Здесь ждут меня защита и покой,
А впереди — беда, позор и кары...
Так пусть с бедой я встречусь!

Я согласен —
Хоть сердце разрывается от мук —
Изведать тяжесть кары и позора.
Что ж, коли я виновен — понесу
Заслуженное мною наказание;
А коли нет — то кара обернется
Позором для карающей руки!

«Суд»

Мы расстались с лордом Гленварлохом, приключениям которого посвящена в основном наша повесть, в то время, когда он быстро плыл в лодке вниз по Темзе. Как мог заметить читатель, Найджел не отличался общительностью и неохотно вступал в разговоры с теми, с кем сводил его случай. Это, признаться, было ошибкой, проистекавшей не столько из гордости, хотя мы не собираемся утверждать, что это чувство было ему несвойственно, сколько по какой-то стеснительности и нежеланию навязываться незнакомым людям. Недостаток этот могут исправить только жизненный опыт и знание света, благодаря которым каждый умный и наблюдательный человек узнает важную истину, а именно, что развлечение, а главное, сведения и познания можно извлечь из беседы со всяким, с кем его столкнет судьба. Что касается нас самих, то смеем заверить читателя — и если нам удалось хоть немного развлечь его, то в значительной степени в силу этого свойства нашего характера, — смеем заверить его, что ни разу не бывало, чтобы, очутившись в обществе глупейшего из всех возможных спутников по дилижансу или самого толстого из всех толстяков, когда-либо загромождавших почтовую карету, — не бывало ни разу, чтобы из разговора с ними мы не обогатились за время поездки какой-нибудь серьезной или забавной мыслью или же сведениями, не узнать которые было бы прискорбно, а сразу забыть — жалко. Но Найджел был, так сказать, заточен в Бастилию своего сословия, как

весьма удачно определил один философ (если не ошибаюсь, Томас Пейн) тот род застенчивости, какой часто отличаются лица высокого звания, скорее оттого, что не знают, с кем и до какого предела они могут допускать короткие отношения, чем и впрямь из аристократической спеси. К тому же личные обстоятельства так угнетали нашего героя, что совершенно завладели его умом. Он молча сидел на корме, завернувшись в плащ и углубившись в мысли о вероятном исходе своего свидания с государем, бывшего той целью, к которой он стремился. Рассеянность его, таким образом, была вполне простительна, но если бы он разговорился с лодочниками, то, пожалуй, узнал бы нечто весьма для себя важное. Как бы то ни было, Найджел сохранял молчание до тех пор, пока в виду не показался Гринвич; тогда он приказал гребцам причалить к ближайшей пристани, так как имел намерение сойти там на берег, а их отпустить.

— Это невозможно, — ответил малый в зеленой куртке, который, как мы уже говорили, принял на себя роль руководителя. — Мы обязались отвезти вас в Грейвсенд, где стоит шотландское судно, которое бросило там якорь в прошлый прилив; оно только и дожидается вашего прибытия, чтобы отплыть в вашу драгоценную северную страну. Койка для вас подвешена и все приготовлено, а вы толкуете о высадке в Гринвиче, будто это возможно.

— Я не вижу ничего невозможного, — возразил Найджел, — в том, чтобы вы меня высадили там, где я хочу; но отвезти меня туда, куда я не хочу ехать, — вот это в самом деле невозможно.

— Кто же управляет лодкой, мейстер, вы или мы? — спросил Зеленая Куртка не то в шутку, не то всерьез. — Я так думаю, что она поплывет туда, куда мы ее направим.

— А я думаю, что вы направите ее туда, куда я прикажу, в противном случае не надейтесь на плату.

— А коли мы и на это готовы пойти? — сказал неустрашимый лодочник. — Что-то вы больно самонадеянны, мейстер, не в обиду будь вам сказано; по-

смотрел бы я, как вы себя поведете, если мы ослушаемся.

— Очень просто, — ответил лорд Гленварлох. — Вы видели час назад, как я отнес в лодку сундук, который ни один из вас не мог поднять. Если мы не сговоримся относительно конечного пункта нашего плавания, то силы, которая сбросила сундук в лодку, хватит на то, чтобы вышвырнуть из нее вас обоих. А потому, прежде чем приступить к драке, прошу вас запомнить: я заставлю вас отвезти меня туда, куда я захочу.

— Премного благодарны за вашу доброту, — ответил Зеленая Куртка. — А теперь послушайте меня. Нас с моим товарищем двое, и будь вы здоровее самого Зеленого Джорджа, вам больше, чем за одного, не сойти. А согласитесь, что одному против двоих не устоять. Вы ошиблись в своих расчетах, приятель.

— Нет, это вы ошиблись, — возразил Найджел, начинавший горячиться. — Я стою троих, мошенники. У меня за поясом двое помощников.

С этими словами он распахнул плащ и показал два пистолета, заткнутых за пояс. Зеленую Куртку это, однако, нисколько не смутило.

— И у меня есть парочка таких игрушек, что не уступят вашим, — сказал он, тоже показав пистолеты. — Так что можете начинать, когда вам будет угодно.

— В таком случае, — сказал лорд Гленварлох, вытаскивая пистолет и взводя курок, — чем скорее, тем лучше. Имей в виду, я считаю тебя разбойником, угрожающим применить насилие. Если вы сию же минуту не высадите меня в Гринвиче, я прострелю тебе голову.

Второй лодочник, испугавшись решительного поведения Найджела, налег на весла, но Зеленая Куртка хладнокровно ответил:

— Послушайте, мейстер, я не прочь поставить свою жизнь против вашей в этой игре, но дело в том, что меня наняли для того, чтобы принести вам пользу, а не вред.

— Кто тебя нанял? — спросил лорд Гленварлох. — Кто смеет заботиться обо мне и вмешиваться в мои дела без моего согласия?

— Ан нет, — ответил лодочник тем же невозмутимым тоном, — я не назову вам нанявшего меня человека. Мне-то самому, как я уже говорил, безразлично, высадитесь ли вы в Гринвиче и угодите в петлю или же спуститесь по реке и на «Королевском чертополохе» доберетесь до своего отечества, — так или иначе, я от вас избавлюсь. Но по справедливости выбор должен быть предоставлен вам.

— Мой выбор сделан, — сказал Найджел. — Я трижды выразил свое желание быть высаженным в Гринвиче.

— Напишите на листке бумаги, что такова ваша окончательная воля. Должен же я доказать моим нанимателям, что в нарушении их приказаний виноваты вы, а не я.

— Я предпочитаю не выпускать пока из рук эту игрушку, — сказал Найджел, показывая на пистолет, — и потому напишу расписку на берегу.

— Я и за сто золотых не сойду с вами на берег, — возразил лодочник. — Вас всегда преследует несчастье, и везет вам только в мелкой игре. Сделайте такое одолжение, дайте мне письменное свидетельство, о котором я прошу. Если вы нам не доверяете, вот вам мои пистолеты, пусть они будут у вас, пока вы пишете.

Тут он протянул пистолеты Найджелу, и тот, уверившись, что всякая возможность напасть на него врасплох исключена, без дальнейших колебаний составил расписку в следующих выражениях: «Молодец в зеленом и его подручный с лодки «Веселый ворон» добросовестно исполнили свой долг, высадив меня в Гринвиче по моему решительному настоянию и против их желания; сами же они хотели доставить меня на борт «Королевского чертополоха», стоящего сейчас на якоре у Грейвсенда». Подписав расписку своими инициалами Н. О. Г., Найджел вручил ее лодочнику и снова попросил сказать ему имя того, кто его нанял.

— Сэр, — ответил молодец в зеленом, — я у вас ничего не выспрашивал, уважьте же и вы мою тайну. Никакого проку вам не будет, даже если вы узнаете, для кого я стараюсь. Не тратя лишних слов, скажу, что все равно вам этого не узнать. А если вы еще не расхотели драться, так чем скорей мы начнем, тем лучше. В одном вы можете наверняка не сомневаться — мы вам зла не желаем, а если что с вами случится, то пеняйте на себя.

Пока он говорил, лодка достигла пристани, и Найджел в тот же миг проворно выскочил на берег. Один из лодочников поставил его небольшой чемодан на ступени, заметив при этом, что поблизости найдется довольно желающих подзаработать, которые отнесут чемодан, куда мейстер прикажет.

— Надеюсь, любезные, мы расстаемся друзьями, — сказал молодой лорд, протягивая гребцам двойную против обычной плату.

— Мы расстаемся, как повстречались, — ответил Зеленая Куртка — Ваши деньги можете оставить при себе, для меня достаточная плата — вот этот клочок бумаги. Если же вы хотите отблагодарить меня за оказанную услугу, то прошу вас, не запуская чресчур глубоко руку в карман следующего встретившегося вам на пути подмастерья, который по дурости вздумает разыгрывать из себя кавалера. Эй ты, жадная свинья, — обратился он к товарищу, который не мог отвести глаз от золотой монеты в руке Найдже-ла, — отваливай скорее, пока я не размозжил веслом твою поганую башку.

Второй лодочник оттолкнул лодку, как ему было приказано, однако не удержался и проворчал:

— Так лодочники не поступают.

Не испытывая перед памятью великой государыни того преклонения, каким наделил баснописец «уязвленного Фалеса», ступил Гленварлох

в тот край

Священный — колыбель Елизаветы,

в чьих чертогах теперь обитал не менее прославленный преемник. Как справедливо говорит один

современный автор, Иаков не был лишен способностей, или, во всяком случае, добрых намерений; его предшественница была столь же деспотична на деле, как он в теории. Но в то время как Елизавета обладала непреклонным мужским умом и решительностью, которые в известной мере делали достойными уважения даже ее слабости, сами по себе достаточно нелепые, Иакову, напротив, была настолько чужда «твердая решимость» — та, которая, по словам шотландского барда, живет в человеке,

Как твердый стебель конопли, —

что даже его достоинства и благие намерения казались смехотворными из-за его капризов и непостоянства; самые мудрые его речи и лучшие поступки нередко носили отпечаток его вздорного и беспокойного нрава. А потому, хоть в тот или иной период своего царствования ему удавалось в какой-то степени снизить у народа временную популярность, она ненадолго переживала повод, который ее порождал. Как верно подмечено, что человечество более чтит монарха, повинного в серьезных преступлениях, нежели государя, которого слабости делают смешным!

Однако вернемся к нашему повествованию. Как и предсказал Зеленая Куртка, один из свободных лодочников сразу же предложил лорду Гленварлоху отнести вещи, куда тот пожелает. Но именно это «куда» и вызвало заминку. Наконец Найджелу пришлось в голову, что необходимо привести в порядок прическу и бороду, прежде чем предстать пред королем; желая заодно получить кое-какие сведения о том, чем заняты сейчас государь и придворные, он приказал проводить себя в ближайшую цирюльню, которая, как уже упоминалось, была местом, куда стекались все последние новости. Через несколько минут он очутился на сей бирже новостей и тотчас понял, что, по всей вероятности, услышит все, что хочет знать, и даже гораздо больше, пока голова его будет находиться во власти искусного брадобрея, проворство языка которого не уступало проворству пальцев. Не переставая прилежно трудиться, тот бол-

тал без умолку, перескакивая с одного предмета на другой.

— Здесь ли придворные, мейстер? Да, сэр, и это преогромная выгода для моего ремесла, необычайное оживление клиентуры. Его величеству нравится Гринвич, он каждое утро охотится в парке. Туда пускают только порядочных людей, имеющих доступ во дворец, но сброд — ни-ни. На днях эти лохматые невежи напугали своими криками лошадь короля. Бородку поострее? Да, сэр, так принято по последней моде. Уж я-то знаю, я остриг многих придворных: одного камердинера, двух пажей, смотрителя кухни, трех скороходов, двух егерей и почтенного шотландского кавалера, сэра Манко Мельгроулера.

— Вероятно, Мэлегроутера, — проговорил Найджел, ухитрившись с бесконечным трудом втиснуться со своей поправкой между двумя фразами цирюльника.

— Да, сэр, точно так, как вы изволили сказать — Мелькроудера: трудные имена у этих шотландцев, англичанину никак их не произнести. Красивый мужчина сэр Манко; может быть, вы знаете его? Если бы только не отсутствие пальцев, хромота и длинный подбородок... Представьте себе, сэр, на его бритье у меня уходит ровно на одну минуту двенадцать секунд больше, чем на любой другой подбородок в Гринвиче. И все-таки он очень видный мужчина; приятный, в высшей степени приятный джентльмен, сэр, и доброжелательный; правда, он так глух, что не слышит, когда о других говорят хорошее, и так умен, что не верит этому, если и слышит. И все же он всегда в прекрасном настроении, кроме тех случаев, когда говорят слишком тихо или когда дернешь его нечаянно за волосок. Я оцарапал вас, сэр? Мы это сию минуту исправим капелькой вяжущего раствора моего приготовления — вернее, моей жены, сэр. Она сама его готовит. Одна капелька раствора, сэр, и кусочек черной тафты, ровно такой величины, чтобы на нем уместилась блоха. Могу сказать, сэр, ваша наружность от этого только выиграет. На днях я посадил такую мушку принцу и герцогу. И если поверите мне, на

мушки для придворных уже изрезано семнадцать и три четверти ярда черной тафты.

— Но вы хотели что-то сказать о сэре Манго Мелгроутере? — снова с трудом вставил Найджел.

— Ах, да, сэр... Сэр Манко, вы говорите, на редкость приятный и веселый джентльмен... Вы желали бы с ним побеседовать, сэр? Ну, конечно, это очень просто сделать, то есть насколько позволит его глухота. Если никто не пригласил его к завтраку, то сейчас он примется за жареную говядину в доме моего соседа Неда Килдеркина, что живет чуть подальше через дорогу. Нед держит харчевню, сэр, она славится жареными свинными хрящиками. Но сэр Манко не выносит свинины, так же как и священная особа его величества, и милорд герцог Леннокский, и лорд Дэлгарно...¹ Я опять порезал вас, сэр, но на этот раз вы сами виноваты. Что же, еще капелька раствора и еще кусочек тафты, как раз на куртку для блохи, под самым левым усом. Мушка очень пойдет вам, сэр, когда вы будете улыбаться: точно ямочка на щеке. Когда вы встретитесь с вашей дамой сердца... Прошу простить меня, сэр, но вы слишком серьезны для вашего возраста. Надеюсь, я не оскорбил вас? Развлекать клиентов — моя обязанность, сэр, это для меня обязанность и удовольствие. Сэр Манко Мелькроутер? Да, сэр, я уверен, что он сейчас в харчевне Неда, ведь ему некуда пойти теперь, когда лорд Хантинглен уехал в Лондон. Смотрите, сэр, я опять вас порежу. Да, сэр, вы найдете его там за кружкой легкого пива, которое он помешивает веточкой розмарина; он никогда не пьет крепких напитков, сэр, разве что в угоду лорду Хантинглену — осторожнее, сэр, — или кому-нибудь другому, кто пригласит его позавтракать. Но у Неда он всегда запивает легким пивом свою порцию жареной говядины или баранины,

¹ Вплоть до прошлого поколения шотландцы не употребляли в пищу свинины, брезгуя ею, так же как ныне брезгуют ею горцы. Когда пограничные грабители снизошли до кражи этих проклятых животных, в которых вселились бесы, то это сочли неумеренной жадностью Бен Джонсон, давая портрет Иакова, пишет, что «любая часть свиньи» была королю не по вкусу. (Прим. автора)

а иногда молодого барашка — смотря по времени года, но никак не свинины, хотя Нед славится умением готовить свиные хрящики. Шотландцы вообще не едят свинины, разве это не странно? Некоторые думают, что шотландцы что-то вроде евреев. Сходство действительно есть, вы не находите, сэр? К чему бы им, например, называть нашего всемилостивейшего государя вторым Соломоном? Ведь Соломон, как вам известно, был иудейским царем. Тут что-то неладно. Думаю, что вы останетесь довольны тем, как я вас подстриг, сэр. Мою работу оценит прекрасная владычица вашего сердца. Умоляю простить меня, я не хотел вас обидеть. Поглядите, пожалуйста, в зеркало. Прикоснемся разок щипцами, чтобы убрать этот непокорный завиток... Благодарю за щедрость, сэр. Надеюсь, вы будете моим клиентом, пока живете в Гринвиче. Не хотите ли сыграть на гитаре, чтобы настроиться в лад прекрасному дню? Тра-ла-ла! Она слегка расстроена, сэр, слишком много народу на ней играет; мы не можем содержать инструмент в таком порядке, как у настоящих музыкантов. Позвольте подать вам плащ, сэр. Так, сэр. Значит, вы не хотите сыграть на ней, сэр? Как пройти в харчевню сэра Манко? Пожалуйста, сэр, но только это харчевня Неда, а не сэра Манко. Хотя кавалер и вправду всегда гам закусывает, так что в некотором смысле это его харчевня, ха-ха! Она вон там, на той стороне — свежепобеленные косяки и красные решетчатые ставни. Толстяк в куртке, что стоит в дверях, — сам Нед, сэр. Говорят, у него тысяча фунтов состояния. Что ж, палить свиные морды, конечно, выгоднее, чем брить придворных, но зато наша профессия требует больше вдохновения. Прощайте, сэр, надеюсь, вы еще не раз побываете у меня.

С этими словами он наконец отпустил Найджела, и у того еще долго звенело в ушах от назойливой болтовни цирюльника, словно все это время у самого его уха ударили в колокол.

Лорд Гленварлох вошел в харчевню, где надеялся встретить сэра Манго Мэлегроутера, от которого за неимением лучшего советчика думал получить кое-

какие указания относительно того, как легче всего добиться приема у короля, и первым делом увидел хозяина — важного и неразговорчивого англичанина, преуспевающего в жизни. Нед Килдеркин говорил так, как пишет банкир, — лишь самое необходимое. На вопрос, здесь ли сэр Манго Мелегроутер, он ответил «нет», на вопрос, ожидают ли его, ответил «да», а будучи спрошен, когда тот ожидается, ответил «скоро». Когда же лорд Гленварлох осведомился, не может ли он здесь позавтракать, трактирщик, не проронив ни слова, провел его в опрятную комнату, где было накрыто несколько столов, придвинул к одному из них кресло, сделал лорду Гленварлоху знак садиться и через минуту поставил перед ним основательную порцию жаркого и кружку пенящегося пива, которым Найджел, несмотря на свои душевные переживания, отдал должное, ибо свежий речной воздух пробудил у него аппетит.

В то время как Найджел расправлялся с завтраком, поднимая голову каждый раз, как отворялась входная дверь, и с нетерпением ожидая появления сэра Манго Мэлегроутера (события, которого вряд ли кому-нибудь доводилось ждать так жадно), в харчевню вошла личность, видимо не менее почтенная, чем кавалер, и вступила в серьезный разговор с хозяином, который счел своим долгом обнажить голову, прежде чем начать беседу. О роде деятельности сей важной персоны можно было догадаться по платью. Белоснежная куртка и панталоны из белой каразеи, белый передник, опоясывавший тело наподобие шарфа, за которым вместо воинственного кинжала торчал нож с длинным лезвием и роговой рукояткой, белый колпак на голове, аккуратно прикрывавший волосы, — все это достаточно ясно выдавало в нем одного из жрецов Комуса, кого чернь зовет поварами. Величественный вид, с каким он выговаривал трактирщику за то, что тот не послал во дворец какую-то провизию, доказывал, что он обслуживает самого короля.

— Это никуда не годится, мейстер Килдеркин, — сказал он. — Король дважды просил сладкого мяса и фрикасе из петушиных гребешков, которые являют-

ся любимым кушаньем его королевского величества, а их не оказалось, потому что, видите ли, мейстер Килдеркин не удосужился исполнить свое обязательство и доставить их смотрителю кухни.

Здесь Килдеркин смущенно, как все провинившиеся, пробормотал, не изменяя своей природе, несколько скупых слов в оправдание.

— Какое мне дело до возчика и фургона и до клеток, отправленных из Норфолка с домашней птицей, — громко возразило его начальство. — Старательный поставщик послал бы нарочного, да что говорить — он отправился бы сам, пешком, как Уидрингтон. Что, если бы король потерял аппетит, мейстер Килдеркин? Что, если бы его королевское величество не стал бы обедать? О мейстер Килдеркин, если б вы имели настоящее понятие о всей важности нашей профессии, о которой остроумный африканский раб — как назвал его прославленный король — Публий Теренций говорит: «*Tanquam in speculum — in patinas inspicere jubeo*»...¹

— Вы человек ученый, мейстер Линклейтер, — проговорил трактирщик, с видимым усилием заставив свой язык произнести подряд несколько слов.

— Всего лишь жалкий недоучка, — возразил мейстер Линклейтер, — но нам, соотечественникам его прославленного величества, было бы стыдно не питать хотя бы небольшого пристрастия к тем наукам, в коих король так глубоко сведущ. *Regis ad exemplar*, мейстер Килдеркин, *totus componitur orbis*,² а это значит примерно, что король произносит ученые слова, а повар их запоминает. Короче говоря, мейстер Килдеркин, я имел счастье быть вскормленным там, где словесным наукам можно приобщиться за пять английских гротов и где, подобно прочим, я приобрел, хм, хм...

Здесь взгляд оратора упал на лорда Гленварлоха, и он так внезапно оборвал свои ученые разглагольствования и обнаружил такие явные признаки

¹ Я прошу смотреть в сковороды, как в зеркало (лат.).

² Весь мир подражает королю (лат.).

замешательства, что Нед Килдеркин преодолел свою неразговорчивость и не только осведомился о том, что у него болит, но даже предложил выпить чего-нибудь.

— Ничего не болит, — ответил ученый соперник философического Сира, — ничего, у меня немножко закружилась голова. Я, пожалуй, выпил бы стаканчик *aqua mirabilis*,¹ приготовленной вашей женой.

— Сейчас принесу, — сказал Нед, кивнув.

Не успел он повернуться спиной, как повар подошел к столу, за которым сидел лорд Гленварлох, и, глядя на молодого человека многозначительным взором, в котором читалось больше, чем было произнесено вслух, заметил:

— Вы, очевидно, приезжий, сэр. Советую вам воспользоваться случаем и зайти в парк. Когда я шел сюда, западная калитка была отперта. Думаю, что ее скоро запрут, так что вам лучше поторопиться, если, конечно, вам охота попасть туда. Сейчас как раз подспела пора для дичи, сэр, и откормленные олени радуют глаз. Когда они так резво проносятся мимо, я всегда думаю о том, как приятно было бы насадить на вертел их жирные окорока и возвести на груди славное укрепление из слоеного теста, добавить туда черного перца...

При виде Килдеркина, возвращавшегося с укрепляющим напитком, он умолк и, не дожидаясь ответа, отошел от Найджела, снова бросив на него многозначительный взор.

Ничто так не обостряет сообразительности людей, как грозящая им опасность. Найджел воспользовался первой возможностью отвлечь внимание хозяина от служителя королевской кухни, чтобы расплатиться по счету, и затем легко нашел дорогу к упомянутой калитке. Как его и предупреждали, она была на одной щеколде, подняв которую, Найджел очутился на узкой тропинке, углублявшейся в густые заросли, где прятались лани с молодыми оленятами. Здесь Найджел счел за лучшее остановиться и подождать; дей-

¹ Чудодейственной воды (лат.).

ствительно, не простоял он и пяти минут, как прибежал запыхавшийся повар, разгоряченный быстрой ходьбой, как никогда не бывал разгорячен у раскаленной плиты, и поспешно запер за собой калитку собственным ключом. Прежде чем лорд Гленварлох имел время поразмыслить над этим поступком, повар приблизился к нему и произнес с встревоженным видом:

— Великий боже, лорд Гленварлох, зачем вы подвергаете себя такой опасности?

— Так ты знаешь меня, друг мой? — спросил Найджел.

— Не совсем так, милорд, но мне хорошо знаком благородный род вашей чести. Меня зовут Лори Линклейтер, милорд.

— Линклейтер, — повторил Найджел. — Кажется, я припоминаю...

— С позволения вашей милости, — перебил его повар, — я был учеником у старого Манго Мониплайза, мясника около веселых Западных ворот в Эдинбурге, где я хотел бы побывать еще разок перед смертью. Так как благородный отец вашей чести взял к себе в дом Ричи Мониплайза, чтобы он прислуживал вашей милости, то, как видите, между нами была некоторая связь.

— А-а, да, я чуть не забыл твое имя, но я отлично помню твои добрые намерения. Ты пытался помочь Ричи подать прошение его величеству?

— Совершенно верно, милорд, — ответил королевский повар. — Я чуть было не потерял места в гот раз, потому что Ричи, который всегда был упрямым, «и слушать меня не хотел», как поется в песне. Но, на мое счастье, никто из славных английских поваров не умеет щекотать благословенное небо его величества нашими острыми шотландскими кушаньями. И вот я взял да и прибегнул к моему искусству и на первое приготовил куриный бульон с яйцом, а на второе — ароматную овечью требуху с пряностями, так что мои недоброжелатели были разбиты наголову, а я вместо немилости заслужил повышение. Теперь я, благодарение богу, помощник смотрителя

кухни, имею некоторое касательство к поставке провизии, а со временем надеюсь полностью прибрать это дельце к рукам.

— Я искренне рад, — сказал Найджел, — что ты не пострадал из-за меня, и еще больше рад твоей удаче.

— У вас доброе сердце, милорд, — отозвался Линклейтер, — вы не забываете о маленьких людях, да, к слову сказать, о них забывать и не следует, ибо король и разносчика может попросить об услуге. Я шел следом за вашей милостью по улице, желая полюбоваться таким прекрасным отпрыском старого дуба, и сердце мое замерло, когда я увидел, как вы сидите у всех на виду в этой харчевне, в то время как вас подстерегает опасность.

— Как, значит, есть предписание о моем аресте?

— К несчастью, да, милорд, и, сверх того, есть люди, которые делают все возможное, чтобы вас очертить. Да простит господь тех, кто готов обесславить древний род в своих низких целях.

— Аминь! — произнес Найджел.

— Осмелюсь заметить, ваша милость чуточку ветрены, как все молодые джентльмены...

— Сейчас не время обсуждать мое поведение, друг мой, — прервал его Найджел. — Речь идет о том, каким образом добиться свидания с королем.

— С королем, милорд! — воскликнул изумленный Линклейтер. — Да ведь это значит самому напроситься на беду, милорд, самому, так сказать, опрокинуть на себя кастрюлю кипящего супа.

— Любезный друг, — ответил Найджел, — мой опыт при дворе и понимание собственного положения подсказывают мне, что наиболее верным и надежным путем в моем случае будет наиболее прямой и мужественный. У короля своя голова на плечах, чтобы знать, что справедливо, и сердце, чтобы делать добро.

— Это верно, милорд, и нам, его старым слугам, это известно, — сказал Линклейтер. — Но, увы, милорд, если бы вы знали, как много людей денно и нощно изо всех сил стараются поссорить его голову с сердцем, как они толкают короля на жестокие по-

ступки, называя их справедливыми, и на несправедливые поступки, представляя их добрыми. Увы, как раз к его священному величеству и к окружающим его фаворитам подходит народная пословица, которую люди вспоминают, когда хотят посмеяться над моим ремеслом: «бог посылает нам славную снедь, но дьявол посылает поваров».

— Бесполезно отговаривать меня, мой добрый друг, — возразил Найджел. — Я отважусь на этот шаг — моя честь властно этого требует. Меня могут сделать калекой или нищим, но про меня не скажут, что я испугался и бежал от обвинителей. Равные мне услышат мои оправдания.

— Равные вам? — воскликнул повар. — К несчастью, мы не в Шотландии, милорд, где дворянин может смело отстаивать свои права даже перед самим королем. Здесь похлебку варят в Звездной палате, а в этой печи, милорд, поддают жару. И все же, коль скоро вы решили непременно повидать короля, я не буду утверждать, что вас неминуемо постигнет неудача: король любит, когда взывают к его собственной мудрости. Я слыхал, он в таких случаях порой крепко держится своего мнения, а оно всегда справедливо. Но осмелюсь напомнить, милорд, не забывайте вдоволь приправлять свою речь латынью; одна-две крупинки греческого тоже не помешают, а если вы вставите на древнееврейском что-нибудь о мудрости Соломона и сдобрите все это остроумной шуткой, то блюдо будет еще вкуснее. Честное слово, я думаю, что, помимо сноровки в поварском деле, в моей жизни я многим обязан розгам ректора школы, который запечатлел в моей памяти сцену стряпни из «Самоистязателя».

— Оставим это, мой друг, — сказал лорд Гленварлох. — Можешь ли ты сообщить мне, каким путем я верней всего попаду туда, где смогу увидеть короля и поговорить с ним?

— Увидеть его довольно просто, — ответил Линклейтер. — Он сейчас скачет верхом по аллеям этого парка, надеясь полюбоваться травлей оленя и нагулять себе аппетит к раннему обеду (что напоминает

мне, кстати, о моих обязанностях в кухне). Поговорить же с королем не так-то легко, если только вы не повстречаете его одного, что случается крайне редко, или не дожидаетесь его у ворот вместе с толпой жаждущих видеть, как он сойдет с коня. А теперь прощайте, милорд, и да поможет вам бог! Если б я мог сделать для вас больше, то охотно бы сделал.

— Ты и так уже достаточно рисковал ради меня, — сказал лорд Гленварлох. — Прошу тебя, уходи и предоставь меня моей судьбе.

Честный повар все еще медлил, но приближавшиеся звуки охотничьих рогов предупредили его о необходимости поторапливаться; сказав Найджелу, что он оставит заднюю калитку на щеколде, чтобы подготовить ему путь к отступлению, повар пожелал ему счастья и простился с ним.

Доброта этого смиренного соотечественника, притекавшая отчасти из чувства национальной солидарности, а отчасти из признательности за давнишние незначительные благодеяния, о которых оказавшие их едва ли сохранили память, — доброта эта показала лорду Гленварлоху последним проблеском сочувствия в этом холодном мире придворных, и он понял, что отныне должен полагаться на одного себя или же безвозвратно погибнуть.

Прислушиваясь к шуму охоты, Найджел прошел по многим аллеям и повстречал королевских егерей, которые не обратили на него никакого внимания, приняв его за одного из зрителей, допускавшихся иногда в парк с разрешения офицеров дворцовой стражи. Однако ни Иакова, ни кого-либо из высших придворных по-прежнему не было видно, и Найджел начал подумывать, не вернуться ли к главным воротам и не обратиться ли там к королю при его возвращении, рискуя навлечь на себя немилость, подобную той, какую вызвала опрометчивая выходка Ричи Мониплайза, как вдруг судьба сама сочла нужным предоставить ему удобный случай.

Найджел находился на одной из длинных аллей, пересекавших парк, когда он услышал сперва отдаленный шум, затем быстро приближающийся стук

копыт, от которого задрожала земля, а потом далекое улюлюканье; услышав крики, Найджел сошел с дороги, чтобы не помешать охоте. Олень, спотыкаясь от усталости, покрытый пеной, потемневший от пота, задыхаясь и раздувая ноздри, последним рывком достиг того места, где стоял Найджел. Но прежде чем он успел повернуться к врагу, его повалили две огромные гончие той породы, какая до последнего времени высоко ценится бесстрашными охотниками за красным зверем в горах Шотландии, но была долго неизвестна в Англии. Одна собака вцепилась оленю в горло, другая клыками и острой мордой буквально вгрызлась ему в брюхо. Было бы естественно, если бы лорд Гленварлох, будучи сам преследуемой дичью, предался размышлениям Жака-меланхолика; но привычка — вещь необъяснимая, и боюсь, что в Найдзеле пробудились чувства скорее завзятого охотника, чем философа. Впрочем, он не успел дать им волю, ибо произошло следующее.

Зверя преследовал одинокий всадник, под которым конь был столь покорен поводам, что повиновался малейшему их прикосновению, как будто был великолепнейшей машиной, приводимой в движение механическим импульсом; всадник так глубоко сидел в кавалерийском седле и так прочно был укреплен в нем, что упасть было почти невозможно и он мог без всяких опасений и колебаний увеличивать или уменьшать скорость, которая в самые азартные моменты погони редко доходила до полного галопа, так как конь шел собранным, размеренным аллюром. Предосторожности, какие всадник соблюдал, предаваясь излюбленной в те времена и обычно несколько опасной забаве, равно как и вся экипировка, показывали, что это сам король Иаков. Поблизости не было видно никого из провожатых: по правде сказать, государю часто льстили таким тонким способом, позволяя ему думать, что он оставил далеко позади всех участников травли.

— Славно, Беш, славно, Бетти! — воскликнул он, подъезжая. — Клянусь своей королевской честью, вы служите украшением холмов Бэлуитера. Подержи

лошадь, любезный, — обратился он к Найджелу, даже не взглянув в его сторону. — Подержи лошадку и помоги мне вылезти из седла. Черт поberi твою душу, неужели ты не можешь поторопиться, пока не подоспели эти жалкие лентяи? Держи поводья свободно, не дергай, теперь держи стремя, вот так, любезный. Ну, теперь мы на *terra firma*.¹

Так и не взглянув на своего помощника, робкий король Джейми вытащил короткий острый охотничий нож (*couteau de chasse*) — единственный род холодного оружия, на который он мог спокойно смотреть, — и, с видимым удовлетворением перерезав горло оленю, положил конец его попыткам к сопротивлению и его мучениям. Лорд Гленварлох, знавший, чего требовал от него этикет дворцовой охоты, привязал королевского скакуна за повод к ближайшему дереву и, почтительно преклонив колена, перевернул заколотого оленя на спину и держал его в этом положении, пока король, поглощенный любимым развлечением и не замечая ничего вокруг, *secundum artem*² погружал нож в грудь животного; сделав крестообразный надрез, чтобы определить толщину жира на груди, он воскликнул в восхищении:

— Три дюйма белого жира на груди! Великолепный олень, это так же верно, как то, что я коронованный грешник! Хоть бы один лентяй был поблизости! Семь... восемь... Восемь отростков на рогах! Черт поberi, олень с восемью отростками, да еще первый в этом сезоне! Беш, Бетти, благослови бог ваши собачьи души! Поцелуйте меня, мои детки, поцелуйте меня!

В ответ на это приглашение собаки принялись прыгать на короля, лизать его окровавленными языками и вскоре привели его в такой вид, будто кровавое насилие было совершено над помазанником божьим.

— Пошли прочь, проклятые, отвяжитесь, вот я вас! — кричал король, едва не сбитый с ног бурными

¹ Твердой земле (*лат.*).

² Согласно правилам искусства (*лат.*).

ласками громадных псов. — Вы похожи на всех прочих: предложи им дюйм, они отхватят целый фут. А ты кто такой, приятель? — спросил он, удосужившись наконец увидеть то, чего он не заметил в охотничьем азарте. — Ты не из нашей свиты, любезный. Во имя неба, кто ты такой, черт тебя возьми?

— Я несчастный человек, государь, — ответил Найджел.

— Так я и знал, — сварливо проговорил король, — иначе не видать бы мне тебя здесь. Когда мои подданные счастливы, они держат это про себя, но стоит страстись беде — они тут как тут.

— А к кому же еще нам нести свои жалобы, как не к вашему величеству, наместнику бога на земле! — сказал Найджел.

— Справедливо, любезный, превосходно сказано, — ответил король, — но и наместнику бога надо иногда хоть ненадолго предоставить на земле покой.

— Если ваше величество посмотрите на меня внимательнее (до сих пор король был так занят — сперва собаками, а затем священнодейственной процедурой «вскрытия», или, попросту говоря, взрезыванием оленя, — что уделил своему помощнику лишь мимолетный взгляд), если вы посмотрите на меня, то увидите сами, кто тот дерзкий, кого необходимость заставила воспользоваться случаем, какой, может быть, никогда больше не представится.

Король Иаков поднял глаза: вся кровь, кроме оленьей, которой замарали его собаки, отхлынула у него от лица, он выронил нож, нерешительно оглянулся назад, как будто помышлял о бегстве или искал помощи, и наконец воскликнул:

— Гленварлохид, так же верно, как то, что меня зовут Иаковом Стюартом! Вот так славная встреча! Я один и даже не верхом, — добавил он, суетясь вокруг лошади.

— Простите, что я осмелился помешать вам, государь, — сказал Найджел, становясь между королем и лошадью, — уделите мне несколько мгновений и выслушайте меня.

— Я лучше выслушаю тебя, сидя на лошади, — ответил король. — Пеший я не слышу ни слова, любезный, ни одного слова. К тому же не годится загораживать мне дорогу, да еще стоя со мной с глазу на глаз. Прочь с дороги, сэр, мы повелеваем вам, как нашему подданному. Провались они все в преисподнюю, куда они запропастились?

— Заклинаю вас вашей короной, мой государь, за которую мои предки доблестно сражались, заклиная вас, успокойтесь и выслушайте меня.

Но исполнить эту просьбу монарх был не в силах. Его боязливость не была простой трусостью, которая, действуя как некий инстинкт, вынуждает человека обращаться в бегство и внушает окружающим только жалость или презрение, — его боязливость была проявлением гораздо более комического и более сложного чувства. Бедный король одновременно испугался и рассердился, хотел обезопасить себя и в то же время стыдился уронить свое достоинство; не слушая объяснений лорда Гленварлоха, он продолжал делать попытки влезть на лошадь и не переставал твердить:

— Мы — свободный король, любезный, мы — свободный король и не позволим подданному нам указывать. Ради всего святого, где же Стини? А, хвала господу, они едут. Эй, эгей! Сюда, сюда, Стини, Стини!

Герцог Бакингом, сопровождаемый несколькими придворными и егерями, подскочил к королю и обратился к нему со своей обычной фамильярностью:

— Я вижу, счастье, как всегда, благоприятствует нашему дорогому папочке. Но что здесь происходит?

— Что происходит? Измена, вот что, — отвечал король, — и все по твоей вине, Стини. Если хочешь знать, твоего дорогого папочку и куманька чуть не убили.

— Чуть не убили? Схватить злодея! — вскричал герцог — Клянусь небом, это сам Олифант!

Человек десять охотников проворно спешили, отпустив своих лошадей, которые бешено поскакали через парк. Несколько человек грубо схватили лорда Гленварлоха, понимавшего, что сопротивление безрасудно. Остальные сгрудились вокруг короля.

— Не ранены ли вы, государь? Не ранены ли вы?

— Как будто нет, — ответил король, еще не придя в себя от страха (кстати, вполне извинительного для столь боязливового человека, на которого к тому же было совершено в свое время так много покушений). — Как будто бы нет, но все равно, обыщите его. Я уверен, что под плащом у него огнестрельное оружие. Я даже слышал запах пороха, я твердо в этом убежден.

С лорда Гленварлоха сорвали плащ, и в толпе, с каждой секундой все более сгущавшейся, при виде пистолетов раздались негодующие крики и проклятья по адресу предполагаемого преступника. Знаменитый пистолет, спрятанный на столь же доблестной и верной груди и породивший беспричинное смятение среди кавалеров и дам во время недавней торжественной церемонии, вызвал не такую длительную панику, как та, что столь ж неосновательно возникла при виде оружия, отнятого у лорда Гленварлоха; сам Мик-Алластер-Мор не мог бы с большим презрением и негодованием, чем Найджел, отвергнуть обвинение в том, что он носит оружие в злоумышленных целях.

— Увести негодяя, увести убийцу, кровожадного злодея! — кричали со всех сторон, и король, довольно естественно дороживший своей жизнью не меньше, чем ею дорожили, или делали вид, что дорожат, другие, вопил громче всех:

— Да, да, увести его! Он уже и так причинил достаточно неприятностей мне, да и всей стране. Но только не наносите ему увечий и, ради бога, джентльмены, если вы уверены, что он обезоружен, вложите шпаги в ножны, уберите кинжалы и ножи, а то вы наверняка пораните друг друга.

По приказанию короля все поспешили спрятать оружие, которым до сих пор размахивали, желая блеснуть своей преданностью, ибо вспомнили про то непреодолимое отвращение, какое его величество питал к обнаженной стали, — слабость эта была такой же прирожденной, как и его трусость, и ее принято было приписывать зверскому убийству Риччо, свер-

шенному в присутствии несчастной матери Иакова, когда последний еще находился в ее чреве.

В эту минуту подъехал принц, который охотился в другой части обширного парка и до которого дошел неясный и искаженный слух о происходящем; его сопровождали несколько дворян и в их числе — лорд Дэлгарно. Принц соскочил с лошади и с беспокойством осведомился, не ранен ли отец.

— Кажется, нет, сынок, по крайней мере я не чувствую, но я немного устал от борьбы один на один с убийцей. Стины, налей-ка нам кубок вина из кожаной фляги, что висит на луке седла. Поцелуй меня, сынок, — продолжал монарх, выпив утешительную чашу. — Ах, сын мой, государство и ты счастливо избегли тяжелой утраты — вам грозило лишиться вашего дорогого отца: ведь я столько же *pater patriæ*, сколько *pater familias*.¹ *Quis desiderio sit pudor aut modus tam cari capitis!*² Горе мне, Англия надела бы траур, и не стало бы сухих глаз!

При мысли о всеобщем горе, какое постигло бы страну, чувствительный монарх сам горько заплакал.

— Возможно ли это? — сурово спросил Чарлз. Гордость его была уязвлена поведением отца, но как сын и подданный он не мог не разделять общего негодования против мнимого убийцы. — Кто видел, что произошло? Лорд Бакингом, что вы скажете?

— Не могу сказать, милорд, чтобы я видел, как над королем учиняли насилие, — ответил герцог, — в таком случае я тут же предал бы этого человека смерти.

— Вы поступили бы неправильно, Джордж, зайдя так далеко в своем рвении, — заметил принц. — Подобных преступников следует предавать суду. Но разве злодей не сражался с его величеством?

— Я не сказал бы этого, милорд, — ответил герцог, который, несмотря на все свои недостатки, ненавидел ложь. — Он, по-моему, хотел остановить его

¹ Глава отечества, глава семьи (лат.).

² Можно ль меру иль стыд в чувстве зная горестном при утрате такой (лат.; Гораций. «Оды», кн. I, стих. 24, перевод А. Семенова-Тян-Шанского).

величество, а король желал сесть на коня. Но при нем обнаружили пистолеты, что противно указу, а так как он оказался Найджелом Олифантом, примеры необузданного поведения которого известны вашему королевскому высочеству, то мы вправе опасаться худшего.

— Найджел Олифант? — с удивлением переспросил принц. — Неужели этот несчастный так скоро решился на новый проступок? Покажите мне его пистолеты.

— Ты ведь не будешь настолько неблагоразумен, сынок, чтобы самому возиться с этим смертоносным оружием? — вмешался Иаков. — Не давай ему пистолетов, Стини, приказываю тебе именем твоей присяги! Они, чего доброго, выстрелят ни с того ни с сего сами, это часто бывает. Слышишь ты меня или нет? Ну, видел ли кто таких упрямых детей? Разве нет у нас стражи и солдат, что тебе понадобилось самому разряжать пистолеты? Зачем это делать тебе, наследнику нашей особы и нашей короны, когда вокруг столько людей, которым платят за то, чтобы они рисковали за нас жизнью?

Но принц Чарлз, не слушая криков отца, с упорством, отличавшим его как в мелочах, так и в важных делах, собственноручно разрядил пистолеты, в которых оказалось по две пули. Все присутствующие воздели руки, ужаснувшись задуманному покушению на короля, который, по их предположению, был на волосок от гибели. Найджел, до сего времени не произнесший ни слова, теперь спокойно попросил выслушать его.

— Зачем? — холодно спросил принц. — Вам известно, что вы обвиняетесь в тяжком преступлении, и тем не менее, вместо того чтобы отдать себя в руки правосудия согласно указу, вы вторгаетесь сюда, чтобы предстать перед королем, имея при себе запрещенное законом оружие.

— Если вам будет угодно, сэр, — возразил Найджел, — я ношу при себе эти злосчастные пистолеты для самозащиты. Всего несколько часов назад я с их помощью спас человеку жизнь.

— Я не сомневаюсь, милорд, — с той же невозмутимостью и бесстрашием сказал принц, — что ваш образ жизни и общество, в котором вы вращались в последнее время, приучили вас к кровавым сценам и орудиям убийства. Но не передо мной вы должны оправдываться.

— Выслушайте, выслушайте меня, благородный принц! — пылко воскликнул Найджел. — Выслушайте меня! Придет, возможно, день, когда вы тоже будете умолять об этом, но напрасно.

— Как это, сэр, — высокомерно произнес принц, — как это я должен понять, милорд?

— Если не земного царя, то небесного должны мы все молить о терпеливом и благосклонном внимании, — промолвил арестованный.

— Это верно, милорд, — сказал принц, надменно наклонив голову в знак согласия, — и я не отказал бы вам сейчас во внимании, если б это могло принести вам пользу. Но вы не пострадаете безвинно, мы сами займемся вашим делом.

— Да, да, — подхватил король, — теперь, когда он сделал *appellatio ad Cæsarem*,¹ мы сами допросим Гленварлохида в должное время и в должном месте. А покамест уберите его вместе с его пистолетами, я не могу больше видеть их.

После торопливо отданных приказаний Найджела увели прочь, но слова его не пропали втуне.

— Очень странная вещь, Джордж, — сказал принц фавориту, — у него открытое лицо, приятная наружность и спокойная уверенность во взгляде и словах. Не могу себе представить, чтобы он замышлял столь безрассудное и бесполезное преступление.

— Я не питаю к этому юноше особого расположения и не собираюсь за него заступаться, — сказал Бакингом, отличавшийся пылким, честолюбивым характером, но действовавший всегда открыто, — однако ж не могу не согласиться с вашим высочеством, что наш дорогой куманек испугался раньше времени, когда ему не грозило никакой опасности.

¹ Апелляцию к кесарю (лат.).

— Клянусь честью, Стини, тебе стыдно так говорить! — вмешался король. — Думаешь, я не знаю, как пахнет порох? А кто, как не наша королевская особа, разнюхал про пятое ноября? Сесил и Саффолк и многие другие, подобно простым дворнягам, потеряли след, а я его обнаружил. И ты можешь думать, что я не распознаю запаха пороха? Черт побери, еще Иоганнес Барклайус считал, что моя догадливость сродни божественному внушению, и назвал свою историю заговора «Series patefacti divinitus parricidii»,¹ а Спонданий тоже говорит о нас: «Divinitus evasit».²

— Страна была восхищена тем, что ваше величество счастливо избежали опасности, — заметил герцог Бакингам, — а еще более — вашей проницательностью, с какой вы распутали клубок измены, ухватившись за тонкую, почти неприметную нить.

— По чести, дорогой Стини, ты прав. Мало найдется таких рассудительных молодых людей, как ты, которые почтительно относились бы к опытности старших. Что же касается вероломного и подлого предателя, то я уверен, что эта птица из того же гнезда. Вы не заметили в нем ничего папистского? Пусть его обыщут — не носит ли он распятия или еще каких-нибудь католических побрякушек.

— Не мне пытаться оправдывать этого безумца, — вмешался лорд Дэлгарно, — особенно после его сегодняшнего тяжкого проступка, при одной мысли о котором у всех честных людей кровь стынет в жилах. Но все же при всем моем преклонении перед непогрешимостью суждений вашего величества я не могу не отдать справедливости этому человеку, хоть он и показал себя моим врагом, а теперь выставил себя в еще более черном свете: Олифант всегда казался мне скорее пуританином, чем папистом.

— Ах, Дэлгарно, ты здесь, любезный? И тебя тоже не было возле меня, когда я боролся со злодеем, ты тоже предоставил меня моим собственным силам и провидению.

¹ События гнусного покушения, раскрытого по божьему соизволению (лат.).

² Спасся милостью божьей (лат.).

— С позволения вашего всемилостивейшего величества, провидение не могло в таком крайнем случае отказать в помощи трем королевствам, которым грозило осиротеть, — сказал лорд Дэлгарно.

— Верно, верно, любезный, — ответил король, — но все-таки мне давеча было бы приятно присутствие твоего отца с его длинной шпагой. Поэтому, дабы подкрепить расположение к нам небес, мы будем впредь держать около себя двух дюжих гвардейцев. Так этот Олифант пуританин? Что ж, это не мешает быть папистом, ведь, как утверждают толкователи древних авторов, крайности сходятся. Я доказал в своей книге, что бывают пуритане с папистскими убеждениями. Это просто старая песня на новый лад.

Тут принц, опасаясь, вероятно, что король перескажет весь «Базиликон Дорон» своего сочинения, напомнил ему, что пора вернуться во дворец и подумать, как успокоить людские умы, взбудораженные недавним событием. Когда они въезжали в ворота дворца, какая-то женщина, поклонившись, подала королю прошение, которое тот с тяжелым вздохом сунул в боковой карман. Принц выразил желание ознакомиться с содержанием бумаги.

— Мой камердинер расскажет тебе, когда я скину платье, — ответил король. — Неужто, сынок, я в состоянии читать все, что мне суют в руки? Посмотри, голубчик, — тут он показал на карманы своих коротких штанов, набитые бумагами, — мы подобны ослу, если можно так выразиться, с обеих сторон отягощенному поклажей. Да, да, *asinus fortis accumbens inter terminos*,¹ как говорится в «Вульгате». Да, да, *vidi terram, quod esset optima, et supposui humerum ad portandum, et factus sum tributis serviens*;² так и я: увидел землю Англии и взвалил на себя непосильное бремя.

— Вы и вправду сильно навьючены, дорогой наш папочка и куманек, — сказал герцог Бакингам, при-

¹ Сильному ослу, возлежащему между межами (лат.).

² Видел землю, что она превосходна, и взвалил на плечо бремя, и стал рабом, приносящим подать (лат.).

нимая бумаги, которые король Иаков вытащил из карманов.

— Да, да, — продолжал государь, — берите их себе *per aversionem*,¹ детки, берите оптом; один карман набит прошениями, другой — пасквилями. Славно я провожу время, читая эту дребедень. Сказать по совести, я подозреваю, что предание о Кадме имеет индоевропейский смысл: зубы дракона, что он посеял, были изобретенными им буквами. Ты смеешься, сынок? Запомни мои слова. Когда я впервые приехал сюда с моей родины, где люди суровы под стать природе, Англия, ей-ей, показалась мне обетованной землей. Можно было подумать, что у короля только и дела, что кататься по тихой воде, *per aquam refectiois*.² Не знаю уж, как и почему, только страна страшно изменилась; прочти вот этот пасквиль на меня и на мое правление. Зубы дракона посеяны, сынок Чарлз; молю бога, чтобы в твоё время, когда меня не станет, из них не выросли вооруженные воины. Не дай мне бог дожить до той поры, ибо страшная борьба разгорится в день сбора урожая.

— Ничего, я сумею задушить тот посев на корню. Не правда ли, Джордж? — обратился принц к фавориту с видом, выражавшим презрение к страхам отца и твердую уверенность в себе и в превосходстве собственного решительного характера.

Пока происходил этот разговор, Найджела под стражей и в сопровождении герольда провели через весь городок, жители которого, всполошенные известием о покушении на жизнь короля, толпились теперь на улицах, чтобы поглядеть на предполагаемого изменника. Несмотря на сумятицу, Найджел успел разглядеть помощника смотрителя королевской кухни, на чьем лице застыло тупое, изумленное выражение, и цирюльника, на физиономии которого читался испуг и в то же время жадное любопытство. Найджелу показалось, что в толпе мелькнул лодочник в зеленой куртке. Но у него не было времени для дальнейших

¹ Ради отвлечения (лат.).

² По воде отдохновения (лат.).

наблюдений: его втолкнули в лодку, куда сели герольд и два гвардейца, и лодка понеслась вверх по реке с такой скоростью, с какой способны были вести ее против течения шесть здоровенных гребцов. Они проплыли мимо леса мачт, уже в тогдашние времена возбуждавшего удивление чужестранцев, как свидетельство обширной торговли Лондона, и приблизились к низким, почерневшим крепостным стенам, на которых там и сям виднелись пушки да кое-где — одинокие вооруженные часовые; в остальном, впрочем, эти куртины и бастионы мало чем напоминали грозную военную цитадель. Нависшая над водой низколобая угрюмая арка, под которой в ту же сторону проплыло уже много безвинных и много виновных людей, насупила теперь свои брови над Найджелом. Лодка причалила к широким ступеням, о которые лениво плескались волны. Часовой взглянул через решетчатую калитку и пошептался с герольдом, доставившим пленника. Через несколько минут явился комендант Тауэра и выдал расписку в том, что принял арестованного Найджела, лорда Гленварлоха.

Глава XXVIII

О Тауэр! Твои глухие стены —
Свидетели полуночных убийств...

Грей

Так восклицает Грей. Задолго до него Банделло сказал примерно то же, и, вероятно, подобная мысль в той или иной форме не раз приходила в голову тем, кто, памятуя о судьбе других узников знаменитой государственной тюрьмы, имел все основания предугадывать собственную участь. Низкая мрачная арка, подобно входу в Дантов ад возвещавшая, что пути обратно нет, приглушенные голоса тюремщиков, строгие формальности, соблюдаемые при отпирании и запираании решетчатой калитки, сухое и сдержанное приветствие коменданта крепости, который ока-

зывал заключенным то безразлично холодное почтение, каким власти отдают дань внешним приличиям, — все это неприятно поразило Найджела, заставив его с болью осознать, что он узник.

— Я — узник, — произнес он почти бессознательно, — я заключен в Тауэр!

Комендант поклонился.

— Я обязан, — сказал он, — проводить вашу светлость в камеру и, как повелевает мне приказ, содержать вас под замком. Однако я постараюсь, насколько позволит мне долг, облегчить ваше положение.

Найджел молча поклонился в ответ на это любезное обещание и последовал за комендантом к старинному строению, находившемуся на западной стороне площади для парадов, рядом с часовней, и служившему в ту эпоху тюрьмой для государственных преступников, а ныне превращенному в столовую для дежурных караульных офицеров. Двойные двери были тут же отперты, и заключенный спустился по ступеням в сопровождении коменданта и тюремщика высшего ранга. Они вошли в большое, но темное и низкое помещение неправильной формы, убого обставленное. Приказав тюремщику затопить камин и исполнять все желания лорда Гленварлоха, если они будут совместимы с обязанностями стража, комендант простился, выразив обычное пожелание, чтобы милорд недолго оставался на его попечении. Найджел хотел было спросить о чем-то тюремщика, который приводил в порядок камеру, но тот был проникнут духом, свойственным людям в его должности: одни вопросы, притом самого безобидного свойства, он словно не слышал, на другие просто не отвечал, а если и говорил что-нибудь, то так отрывисто и угрюмо, хотя и не грубо, что это никоим образом не поощряло к дальнейшему разговору.

Поэтому Найджел предоставил ему молча продолжать свое дело и попытался развлечься унылым занятием — рассматриванием имен, изречений, стихов и иероглифов, которыми его предшественники по заключению испещрили стены своей темницы. Найджел увидел там многие забытые имена вперемежку

с другими именами, память о которых не угаснет, пока не канет в вечность история Англии. Рядом с благочестивыми излияниями ревностного католика, открывавшего свою душу накануне того дня, когда на Тайберне он должен был ценою собственной жизни утвердить истинность своего вероучения, можно было увидеть исповедь непоколебимого протестанта, готовившегося сгореть за свою веру на костре в Смит-филде. Робкий почерк несчастной Джен Грей, чья судьба исторгала слезы у последующих поколений, приютился подле Медведя и Кривого Посоха — гордой эмблемы гордых герцогов Дадли, высеченной твердой рукой. Перед Найджелом развернулся как бы свиток обличений пророка, летопись плача и сетований, перемежавшихся, однако, с изъявлениями непоколебимой решимости и упованиями на бога.¹

Печальное занятие лорда Гленварлоха, погрузившегося в изучение плачевных судеб своих предшественников, внезапно было прервано лязгом открываемой двери. То был тюремщик, объявивший, что по приказу коменданта Тауэра в камеру сейчас приведут еще одного заключенного, который составит компанию его светлости. Найджел поспешил ответить, что не нуждается в обществе и предпочел бы остаться один, но тюремщик ворчливо дал понять, что коменданту лучше судить, как размещать арестантов, и что мальчик не доставит никакого беспокойства — «он такой младенец, что его и запирать-то на ключ не стоит».

— Эй, Джайлс, — сказал он, — давай сюда мальчика.

Другой тюремщик ввел отрока за шиворот в камеру, затем оба сторожа удалились, засов и цепь — эти веские препятствия к свободе — с грохотом заняли свои места

¹ Эти следы пребывания знаменитых преступников или ни в чем не повинных людей, разделивших их судьбу, дошли до наших дней, хотя одно время была опасность, что их закрасят при ремонте. Сейчас их охраняют с должным уважением, и большая часть их была воспроизведена на гравюрах (см «Историю и памятники лондонского Тауэра» Бейли). (Прим. автора)

На мальчике был серый камзол тончайшего сукна, расшитый серебряным галуном, и светло-желтый плащ с таким же шитьем. Черная бархатная шапочка с полями была надвинута на самый лоб, так что вместе с длинными, пышными локонами почти закрывала лицо мальчика. Потупив глаза и дрожа всем телом от страха и смущения, он продолжал стоять на том же месте, где тюремщик выпустил из рук его ворот, то есть в двух шагах от двери. Найджел охотно избавился бы от общества юного узника, но не в его характере было видеть страдания души или тела и не попытаться облегчить их.

— Не унывай, мой милый, — сказал Найджел, — мы недолго будем товарищами по несчастью; я надеюсь, что по крайней мере твое заключение будет непродолжительным, ибо ты так молод, что не мог совершить преступления, за которое бы тебя стоило надолго лишить свободы. Ну же, не падай духом! Твоя рука холодна и дрожит, но ведь здесь тепло. Должно быть, ты озяб от сырости в этой темной комнате. Садись к огню. Что я вижу? Ты собрался плакать, мой маленький товарищ? Прошу тебя, не будь ребенком. Ты, правда, не опозоришь своей бороды, потому что ее у тебя нет, но все-таки не стоит плакать точно девчонка. Представь себе, что ты удрал из школы и в наказание тебя заперли, и ты сразу перестанешь плакать, уверяю тебя.

Мальчик дал подвести себя к камину и усадить, но, просидев некоторое время неподвижно, он вдруг судорожно сжал руки с видом жесточайшего отчаяния, а затем, закрыв ими лицо, зарыдал с такой силой, что слезы заструились между его тонкими пальцами. Найджел почти забыл собственное горе при виде тяжелой муки, переполнявшей столь юное и красивое существо. Сев рядом с мальчиком, он обратился к нему с самыми нежными словами, надеясь облегчить его страдания, и ласково провел рукой по длинным волосам безутешного ребенка, что было вполне естественно, если принять во внимание разницу в их возрасте. Тот был так пуглив, что вздрогнул даже от этого легкого проявления дружеской

фамиллярности. Однако когда лорд Гленварлох заметил его робость и, не желая усиливать ее, отодвинулся подальше, мальчик мало-помалу успокоился и с видимым интересом стал прислушиваться к доводам Найджела, пытавшегося убедить его не предаваться отчаянию с такой силой. Постепенно слезы, продолжавшие катиться по лицу мальчика, стали менее обильны, рыдания стали менее судорожны, перешли в тихие всхлипывания, и всё более длинные промежутки между ними показывали, что если горе осталось прежним, то смятение по сравнению с первым его порывом уменьшилось.

— Скажи мне, кто ты и откуда, дитя мое, — сказал Найджел. — Смотри на меня как на товарища, который хочет тебе помочь, если ты научишь, как это сделать.

— Ах, сэр, я хочу сказать, милорд, — ответил мальчик так тихо, что его едва можно было расслышать, хотя он сидел почти рядом, — вы очень добры, а я... я так несчастлив...

Тут его прервал новый поток слез, и лорду Гленварлоху пришлось не раз повторить все свои упреки и увещания, прежде чем мальчик успокоился настолько, чтобы связно выговорить:

— Я очень тронут вашей добротой, милорд, и очень признателен за нее... Я бедное, несчастное создание и, что хуже всего, обязан своими злоключениями только самому себе.

— Мы всегда так или иначе виноваты в своих несчастьях, мой юный дружок. Я могу сказать это по опыту, иначе я не был бы теперь здесь. Но ты так молод, что за тобой, конечно, нет серьезной вины.

— Ах, сэр, я хотел бы иметь право сказать так. Я был своеволен, упрям, легкомыслен и сумасброден, и вот теперь... Как дорого я теперь расплачиваюсь за это!

— Полно, мой мальчик, — сказал Найджел. — Должно быть, ты выкинул какую-нибудь детскую шалость, напроказил, убежал из дому. Но как это могло привести тебя в Тауэр? Тебя окружает какая-то тайна, молодой человек, и я должен в нее проникнуть.

— Ах, нет, нет, милорд, ничего худого я не сделал, — проговорил мальчик, которого последние слова Найджела, видимо, сильно встревожили и побудили к исповеди с большим успехом, чем все ласковые увещания и доводы. — Я ни в чем не повинен, то есть я дурно поступил, но не сделал ничего такого, чтобы находиться в этом ужасном месте.

— Тогда скажи мне всю правду, — произнес Найджел ободряющим и вместе с тем повелительным тоном. — Тебе нечего меня бояться, хотя, быть может, и нечего ждать от меня помощи. Но если уж мы оказались вместе, мне хотелось бы знать, с кем я говорю.

— С несчастной... жертвой случая, сэръ, с ленивым и непослушным созданием, как изволили сказать ваша светлость, — ответил мальчик, подняв глаза и обратив к Найджелу свое лицо, на котором бледность и румянец сменяли друг друга, отражая то страх, то застенчивость. — Я без спроса убежал из отцовского дома, чтобы посмотреть, как король охотится в Гринвичском парке. Вдруг раздался крик: «Измена!» — и все ворота заперли. Я так испугался, что спрятался в чаще; там меня нашли лесничие и стали меня расспрашивать. Потом они сказали, что моя история кажется им подозрительной... И вот я очутился здесь.

— Я несчастный, самый несчастный человек! — воскликнул лорд Гленварлох, поднявшись с места и принимаясь шагать по камере. — Всех, кто соприкасается со мной, постигает моя жестокая участь! Смерть и заточение следуют за мной по пятам и грозят всем, кто случается поблизости. Однако рассказ мальчугана кажется мне странным. Ты говоришь, тебя допрашивали, дружок. Скажи, пожалуйста, назвал ли ты свое имя, рассказал ли, каким образом тебе удалось пробраться в парк? Если ты это сделал, то почему тебя задержали?

— Что вы, милорд, — ответил мальчик, — я остерегся назвать имя друга, который впустил меня. Что же касается моего имени, то за все богатства Лондона я не назвал бы его, так как не хочу, чтоб мой отец узнал, где я.

— Но ты же не можешь ожидать, — заметил Найджел, — что тебя отпустят, не выяснив, кто ты такой?

— А какая им польза держать в заключении такое ничтожное существо, как я? Им придется меня отпустить, ведь просто стыдно держать меня здесь.

— Не полагайся на это. Скажи мне, кто ты и где ты живешь, а я поговорю с комендантом. Он человек порядочный и честный и, наверно, не только с охотой отпустит тебя на свободу, но и заступится за тебя перед отцом. Я в какой-то мере обязан оказать тебе эту жалкую услугу и выручить тебя из беды, поскольку был причиной тревоги в парке, во время которой тебя арестовали. Итак, скажи мне твое имя.

— Назвать мое имя — вам? Ни за что, никогда! — ответил мальчик с глубочайшим волнением, причина которого была для Найджела загадкой.

— Неужели ты так боишься меня? — спросил он. — И все из-за того, что я заключенный и человек, обвиненный в преступлении? Поверь, можно быть и тем и другим, но не заслуживать ни лишения свободы, ни подозрений. Почему ты относишься ко мне с таким недоверием? Ты сейчас одинок, без друзей, я тоже; поневоле твое положение вызывает во мне сострадание, когда я размышляю о своей судьбе. Будь благодарен: не только на словах, но от всего сердца я желаю тебе добра.

— Я не сомневаюсь в этом, милорд, нисколько не сомневаюсь, — ответил мальчик. — Я мог бы рассказать вам все, то есть почти все.

— Не рассказывай ничего, дружок, кроме того, что поможет мне быть тебе полезным.

— Вы так великодушны, милорд; я убежден, да, совершенно убежден, что я мог бы смело довериться вашей чести. Но все-таки... Мне так неловко, я вел себя так опрометчиво, неосторожно... Нет, я не могу рассказать о своем безрассудстве. Кроме того, я уже открылся одному человеку, мне показалось даже — я тронул его сердце... И тем не менее я попал сюда.

— Кому же ты открылся? — спросил Найджел.

— Я не смею сказать, — ответил юноша.

— В тебе есть что-то необычное, дружок, — сказал лорд Гленварлох, ласково, но настойчиво отводя руку, которой мальчик опять прикрыл себе глаза. — Не терзай себя больше мыслями о своей участи. Как часто бьется твой пульс, рука горит... Ляг на тюфяк, попытайся успокоиться и заснуть. Сон — лучшее и самое доступное сейчас лекарство от мыслей, которыми ты себя мучаешь.

— Благодарю вас за внимание и предупредительность, милорд, — сказал мальчик. — С вашего позволения, я посижу еще немного в кресле: мне в нем будет удобнее, чем на тюфяке. Я спокойно поразмыслию над тем, что я совершил и что мне предстоит делать дальше, а если бог ниспошлет благодетельный сон измученному созданию, то я буду очень рад.

С этими словами мальчик высвободил свою руку из руки Найджела и, завернувшись в широкий плащ и прикрыв им лицо, погрузился в сон или в раздумье, между тем как его товарищ, несмотря на утомительные события, пережитые им в этот день и накануне, продолжал задумчиво ходить по камере.

Каждый читатель знает на своем опыте, что по временам человек не только не в состоянии управлять внешними обстоятельствами, но не в силах справиться даже со своим внутренним миром собственных мыслей. Вполне естественно, что Найджел собирался хладнокровно обдумать свое положение и наметить путь, какой ему, человеку здравомыслящему и мужественному, надлежало принять; но несмотря на критическое положение, в котором очутился Найджел, он, помимо своей воли, думал больше о судьбе товарища по заключению, чем о собственной. Он не мог подыскать объяснения такому блужданию мыслей, но в то же время ничего не мог с собой поделать. Умоляющие нотки нежнейшего голоса, какой он когда-либо слышал, все еще звучали в его ушах, хотя сон, казалось, уже сковал уста говорившего. Найджел на цыпочках подошел к мальчику, желая удостовериться, что тот спит. Складки плаща совершенно скрывали нижнюю часть лица, но сдвинувшаяся набок шапочка открывала лоб, испещренный голубоватыми

жилками, закрытые глаза и длинные шелковистые ресницы.

«Бедное дитя, — сказал про себя Найджел, глядя, как мальчик уютно свернулся в складках плаща, — твои ресницы еще влажны от слез, должно быть ты вволю наплакался, прежде чем уснул. Печаль — суровая нянька для столь юного и нежного существа. Пусть будет сладостен твой сон, я не потревожу тебя. Мои собственные несчастья требуют внимания, и им я должен посвятить теперь свои размышления».

Найджел пытался сосредоточиться, но тысячи предположений, рождавшихся в его мозгу и касавшихся по-прежнему больше спящего, нежели его самого, все время отвлекали его. С досадой, даже гневно, он упрекал себя за чрезмерный интерес к тому, о ком он ровно ничего не знал, чье общество было ему навязано, кто мог быть шпионом, подосланным тюремщиками; но очарование не исчезало, и мысли, которые он старался отогнать от себя, продолжали его преследовать.

Так прошло с полчаса, на исходе которых снова раздался скрежет отодвигаемых засовов и голос тюремщика возвестил, что какой-то человек желает поговорить с лордом Гленварлохом.

«Поговорить со мной сейчас, при таких обстоятельствах! Кто б это мог быть?» — подумал Найджел.

Джон Кристи, бывший хозяин с пристани святого Павла, вошел в камеру, разрешив тем его сомнения.

— Добро пожаловать, мой честный хозяин! — воскликнул лорд Гленварлох. — Мог ли я думать, что увижу вас в моем узилище?

С этими словами он подошел к Джону и дружески, как старый знакомый, протянул ему руку, но тот отпрянул, точно от взгляда василиска.

— Оставьте при себе свои любезности, милорд, — угрюмо сказал он. — Тех, которыми вы меня наградили, мне хватит на всю жизнь.

— Что с вами, мейстер Кристи? — спросил Найджел. — Что это значит? Надеюсь, я не оскорбил вас?

— Не спрашивайте меня, милорд, — резко ответил Кристи. — Я человек мирный, я пришел сюда не для того, чтобы ссориться с вами, для этого сейчас не время и не место. Имейте в виду, мне известно, как разодолжила меня ваша честь, так что сообщите поскорей и покороче, где несчастная женщина. Что вы с ней сделали?

— Что я с ней сделал? — переспросил Найджел. — С кем? Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Да, да, милорд, прикидывайтесь удивленным, однако вы не можете не догадаться, что речь идет о бедной дурочке, что была моей женой, пока не сделалась любовницей вашей светлости.

— Ваша жена? Разве она оставила вас? И вы обвиняете в этом меня?

— Вот именно, милорд, как это ни странно, — ответил Кристи с горькой иронией и каким-то подобием улыбки, так не вязавшейся с искаженным лицом, сверкающими глазами и выступившей на губах пеной. — Я пришел к вашей светлости как раз за этим. Без сомнения, вы удивляетесь, что я взял на себя такой труд, но, что поделать, люди знатные и незнатные рассуждают по-разному. Она лежала в моих объятиях, пила из моего стакана, и что бы она ни сделала, я не могу забыть ее. Я больше никогда не увижу ее, милорд, но она не будет голодать и не опозорит себя ради куска хлеба, хотя ваша светлость, быть может, считает, что я обкрадываю общество, пытаюсь вернуть ее на праведный путь.

— Клянусь моей христианской верой, моей дворянской честью, — воскликнул лорд Гленварлох, — если что-то худое случилось с вашей женой, я ничего об этом не знаю! Уповаю на небо, что вы так же заблуждаетесь относительно ее вины, как и моей, полагая меня ее соучастником.

— Стыдитесь, милорд, — прервал его Кристи, — почему вы так упорствуете? Ведь она всего-навсего жена старого дурака лавочника, который имел глупость взять себе жену на двадцать лет моложе его. Больше славы, чем вы приобрели этим поступком, вам не стяжать, а что касается выгод и удовольствий,

то, надо думать, миссис Нелли вам уже не нужна. Непростительно с моей стороны было бы нарушать ваши развлечения — старый рогоносец должен знать свое место. Но теперь, когда ваша высокая светлость сидит в тюрьме в обществе других отборных жемчужин королевства, миссис Нелли, думается мне, не будет дозволено делить часы утех, которые...

Тут негодующий супруг запнулся, отбросил иронический тон и продолжал, стукнув палкой об пол:

— О вероломный, если б твои ноги — жаль, тебе их не переломили прежде, чем они переступили порог моего честного дома, — были сейчас свободны от оков, вполне ими заслуженных, пусть нечистый заберет мою душу, я не испугался бы твоей молодости и оружия и исколотил бы тебя вот этой дубинкой в пример всем неблагодарным, лукавым придворным повесам, да так, что до скончания света осталась бы притча о том, как Джон Кристи отделал великосветского любовника своей жены!

— Я не понимаю причины вашей дерзости, — сказал Найджел, — но я прощаю вам: произошло какое-то странное недоразумение. Насколько я понял ваши неистовые упреки, они мною совершенно не заслужены. Вы, по-видимому, обвиняете меня в обольщении вашей жены. Надеюсь, что она невинна. Для меня по крайней мере она невинна как ангел небесный. Я никогда не помышлял о ней, никогда не прикасался к ее руке или щеке с иным чувством, кроме искренней почтительности.

— Вот именно почтительности. Она вечно перевозносила почтительность вашей светлости. Вы меня дуррачили оба этой вашей почтительностью. Ах, милорд, милорд, сами знаете, вы не были богаты, когда вошли в мой дом. Не ради дохода и выгод принял я вас и того дона Диего, вашего хвастливого слугу, под мой несчастный кров. Меня не заботило, сдана каморка или пустует, я мог прожить и без жильцов. Если б вам нечем было платить, никто никогда не спросил бы с вас денег. Вся пристань может подтвердить, что Джон Кристи способен на добрые дела. Когда впервые вы омрачили своей тенью мой честный порог,

я был счастлив, как может быть счастлив человек немолодой и мучимый ревматизмом. Нелли была нежнейшей и самой веселой женой; случалось нам, конечно, повздорить с ней из-за нового платья или ленты, но, в общем, она была добрая душа; нельзя было найти жены заботливей, принимая во внимание ее возраст, пока не явились вы. А чем она стала теперь? Нет, не такой я дурак, чтобы плакать попусту. Не о том сейчас речь, чем она стала, а о том, где она, — вот что я желаю узнать от вас, сэр.

— Но ведь я сказал вам, что знаю об этом не больше вашего, вернее — еще того меньше. До этой минуты я не подозревал, что между вами бывали несогласия.

— Это ложь! — грубо сказал Джон Кристи.

— Как ты смеешь, подлый негодяй! — воскликнул Найджел. — Ты пользуешься моим теперешним положением. Если б я не считал тебя помешавшимся от какой-то нанесенной тебе обиды, ты бы узнал, что я и безоружный сумел бы с тобой расправиться: я расшиб бы тебе голову о стену!

— Так, так, — ответил Кристи, — страшайте сколько хотите. Вы везде перебивали: и в ресторациях и в Эльзасе и, спору нет, научились разбойничьим повадкам. Но повторяю: вы солгали, сказав, будто не знаете о неверности моей жены, ибо, когда ваши веселые приятели подшучивали над вами, ваша светлость охотно принимали похвалы, которыми вас награждали за волокитство.

В этом обвинении действительно была доля правды, что привело лорда Гленварлоха в крайнее замешательство; как честный человек, он не мог отрицать, что лорд Дэлгарно и прочие из его компании и впрямь иногда подтрунивали над ним, намекая на его успех у миссис Нелли, и что, не играя по-настоящему роли *le fanfaron des vices qu'il n'avoit pas*,¹ он все же недостаточно старался снять с себя подозрение в таком преступлении, которое, на взгляд этих людей,

¹ Хвастуна, бахвалящегося пороками, которыми он не обладает (*франц.*).

было достойно всяческих похвал. Вот почему Найджел неуверенным и даже отчасти смиренным тоном признал, что кое-какими досужими шутками они действительно обменивались, но без малейших оснований.

Джон Кристи не стал долее слушать оправданий лорда Гленварлоха.

— Вы сами подтверждаете, — сказал он, — что позволяли говорить о себе неправду в шутку. Откуда же мне знать, говорите ли вы теперь правду всерьез? Верно, вы считали для себя лестной славу человека, опозорившего честную семью. Кто же поверит, что у вас не было достаточного повода для такого подлого хвастовства? Я первый не поверю, а потому, милорд, запомните, что я вам скажу. Вы сами сейчас в беде, но, конечно, надеетесь благополучно перенести ее, не лишившись ни жизни, ни состояния. Скажите же мне, где несчастная, скажите, если вы надеетесь на вечное блаженство, если боитесь ада, скажите, если не хотите, чтобы всю жизнь вас преследовало проклятие погибшей женщины и ее мужа, сердце которого вы разбили, и свидетельствовало против вас в день Страшного суда. Вы тронуты, милорд, я вижу это. Я не могу забыть зло, которое вы мне причинили, не обещаю даже простить вас, но скажите, где она, — и вы никогда более не увидите меня и не услышите моих упреков.

— Несчастный человек, — сказал лорд Гленварлох, — вы сказали достаточно, более чем достаточно, чтобы растрогать меня. Будь я на свободе, я с радостью помог бы вам отыскать того, кто оскорбил вас, тем более что, как я подозреваю, я стал косвенной причиной вашего несчастья, впуслав волка в овчарню.

— Приятно слышать, что ваша светлость жалуется мне так много, — промолвил Джон Кристи, снова прибегнув к язвительному тону, каким он начал этот примечательный разговор. — Я избавлю вас от дальнейших попреков и увещаний — ваше решение неизменно, мое тоже. Эй, тюремщик! Я хочу выйти отсюда, братец, — продолжал он, когда тот появился. — Присматривай хорошенько за арестантом: лучше выпустить из клеток половину хищных зверей,

чем вернуть в порядочное общество вот этого любезного, обходительного молодчика!

С этими словами он выбежал из камеры, а Найджел был наконец предоставлен самому себе и мог на досуге сетовать на своеобразие судьбы, не уставшей преследовать его за преступления, в которых он был неповинен, и взваливать на него вину, одна мысль о которой была для него ненавистна. Он не мог, однако, не признаться самому себе в том, что обвинения Джона Кристи, так сильно огорчившие его, были отчасти им заслужены, ибо из тщеславия или скорее не желая показаться смешным, он позволил считать себя способным на низкое преступление, и все из-за того, что некоторые глупцы считали такое поведение доблестью. Не пролило бальзама на его раны и воспоминание о том, что, как рассказывал ему Ричи, щеголи из ресторации смеялись над ним за его спиной, издеваясь над тем, что он выдавал себя за человека, завязавшего любовную интригу, для которой на самом деле у него не хватало смелости. Короче говоря, притворство поставило его в глупое положение: беспутные юнцы, в чьих глазах настоящие любовные похождения его возвысили бы, насмеялись над ним, как над хвастуном, а оскорбленный муж, твердо убежденный в его вине, видел в нем обольстителя, отплатившего черной неблагодарностью за гостеприимство.

Глава XXIX

Он зол и низок, он внушает ближним
Презрение, — как жил бы он на свете,
Когда б не христианская любовь,
Которая нас учит снисхожденью
К тому, кто нам всех горше
ненавистен?..

Старинная пьеса

Было бы естественно, если бы посещение Джона Кристи полностью отвлекло внимание лорда Гленварлоха от его спящего товарища; и в самом деле,

новые мысли, порожденные случившимся, произвели в первую минуту именно такое действие. Однако вскоре после того, как оскорбленный муж удалился, Найджел начал удивляться крепкому сну мальчика, не пробудившегося при столь шумной сцене. И тем не менее тот действительно ни разу не пошевелился. Может быть, он нездоров или только притворяется спящим? Найджел подошел к мальчику и, всмотревшись, увидел, что тот плакал и все еще плачет с закрытыми глазами. Найджел тихонько тронул его за плечо. Мальчик вздрогнул от прикосновения, но не проснулся. Найджел потормошил его и спросил, спит ли он.

— Неужели в вашей стране принято будить людей, для того чтобы узнать, спят они или нет? — недовольным голосом сказал мальчик.

— Нет, мой юный сэр, — ответил Найджел, — но если они плачут во сне, как ты, их будят, чтобы узнать, что с ними.

— Кому какое дело, что со мной, — возразил мальчик.

— Это верно, — сказал лорд Гленварлох, — однако прежде чем ты заснул, ты знал, что я мало чем могу помочь тебе, и тем не менее как будто собирался почтить меня своим доверием.

— Если я и хотел раньше, то с тех пор передумал.

— Могу ли я узнать, что вызвало такую перемену в твоем настроении? — спросил лорд Гленварлох. — Некоторые люди разговаривают во сне — может быть, ты обладаешь даром слышать во сне?

— Нет, но даже Иосиф не видел более вещих снов, чем я.

— В самом деле? А нельзя ли услышать, что это за сон, который уронил меня в твоем мнении? Ибо суть дела, мне кажется, сводится к этому.

— Что ж, судите сами, — ответил мальчик. — Мне снилось, что я в дремучем лесу; внезапно раздались лай собак и звуки охотничьих рогов, совсем как это было в Гринвичском парке.

— Это оттого, что ты был сегодня утром в парке, недогадливое дитя.

— Слушайте дальше, милорд. Я шел, пока в конце широкой зеленой аллеи не увидел благородного оленя, запутавшегося в тенетах; мне показалось, будто я знаю, что это тот самый олень, за которым все гонятся, и что, если его настигнут, собаки разорвут его на части или же охотники перережут ему горло. Я пожалел благородное животное, и хотя мы с ним были разной породы и я побаивался его, я решил попытаться как-нибудь освободить великолепное создание. Я вынул нож и только принялся перерезать петли сети, как вдруг зверь на моих глазах превратился в тигра, гораздо более крупного и лютого, чем все виденные вами в здешнем зверинце, и он растерзал бы меня на части, если б вы меня не разбудили.

— Мне думается, — заметил Найджел, — что ты мог проявить несколько больше благодарности за то, что я разбудил тебя и тем избавил от такой опасности. Однако, мой милый, мне кажется, вся эта история о тигре и олене не имеет никакого касательства к тому, что ты стал относиться ко мне по-другому.

— Не знаю, имеет она отношение или нет, — ответил мальчик, — но я вам не скажу, кто я.

— Так оставь свою тайну при себе, упрямец, — сказал Найджел, отворачиваясь от него и принимаясь снова ходить по камере. Затем, внезапно остановившись, он продолжал: — И все же ты не уйдешь отсюда, не узнав, что я проник в твою тайну.

— В мою тайну? — воскликнул мальчик, охваченный тревогой и вместе с тем раздосадованный. — Что вы хотите сказать, милорд?

— А то, что я могу разгадать твой сон без помощи халдейского толкователя, и разгадка такова: мой прелестный товарищ носит не то платье, какое ему полагается носить.

— Пусть так, милорд, — ответил тот, вскочив с места и плотней закутываясь в плащ, — но каково бы ни было это платье, та, на ком оно надето, никогда не опозорит его.

— Многие приняли бы ваши слова за открытый вызов, — промолвил лорд Гленварлох, пристально глядя на говорившую. — Женщины не переодеваются в мужское платье, чтобы пользоваться мужским оружием.

— Я не имею такого намерения, — ответил мнимый мальчик. — У меня есть другие, более могущественные средства защиты, но я хотела бы сперва выяснить, каковы ваши намерения.

— Самые честные и почтительные, — ответил лорд Гленварлох. — Кто бы вы ни были, по какой бы причине ни оказались в столь двусмысленном положении, я чувствую — и в этом меня убеждает каждый взгляд, каждое ваше слово и поступок, — что вы не заслуживаете неуважительного отношения, а тем более дурного обхождения. Я не знаю, какие обстоятельства толкнули вас на столь сомнительный шаг, но я уверен, что в них нет и не может быть ничего предумышленно дурного, из-за чего вы могли бы подвергнуться жестокому оскорблению. Меня вам ничего опасаться.

— Я ничего другого и не ждала, зная ваше благородство, милорд, — ответила девушка. — Несмотря на то, что мой поступок, я чувствую, был крайне рискованным и безрассудным, он не настолько безрассуден и я не настолько беззащитна, как это может показаться на первый взгляд, в особенности если судить по моему наряду. Я достаточно, более чем достаточно наказана тем, что меня, к моему унижению, видели в этом неженском одеянии, и тем толкованием моих поступков, какое неизбежно должно было у вас возникнуть. Но, благодарение богу, я нахожусь под таким покровительством, что всякая попытка оскорбить меня не осталась бы безнаказанной.

В этом месте необыкновенное объяснение было прервано приходом тюремщика, принесшего лорду Гленварлоху обед, который при существующих обстоятельствах можно было назвать хорошим, и если он не выдерживал сравнения со стряпней прославленного шевалье Божё, то, во всяком случае, превосходил по вкусу и чистоте сервировки эльзасский

обед. Тюремщик остался прислуживать и сделал знак переодетой девушке, чтобы та встала и помогла ему, но Найджел вмешался и, заявив, что близко знает родителей мальчика, предложил незнакомке отобедать вместе с ним. Она согласилась с некоторым замешательством, придавшим ее красивому личику еще большую привлекательность. Девушка держалась с непринужденной грацией и проявила подобающую благовоспитанность, с какой следует вести себя за столом, так что Найджелу, то ли наперед расположенному в ее пользу удивительными обстоятельствами их встречи, то ли судившему совершенно непредвзято, казалось, что он редко встречал молодых девушек, которые отличались бы столь прекрасными манерами и вместе с тем такой естественной простотой. Исключительность положения, в котором она очутилась, придавала какой-то своеобразный оттенок всему ее поведению; его нельзя было назвать ни церемонным, ни чересчур свободным, ни излишне сдержанным, но оно соединяло в себе все три качества, сменявшие одно другое и переходившие друг в друга. На стол было подано вино, однако девушку нельзя было уговорить даже пригубить его. Разговор их в присутствии тюремщика, разумеется, ограничивался темой обеда, но, задолго до того как скатерть убрали со стола, Найджел принял решение проникнуть, если только это окажется возможным, в тайну молодой девушки, тем более что ему начинало казаться, будто интонации ее голоса и черты лица не совсем ему незнакомы. Убеждение это сложилось у него постепенно под влиянием разных мелочей, подмеченных им во время обеда.

Наконец тюремная трапеза была окончена, и лорд Гленварлох начал обдумывать, как бы поудачнее перейти к интересовавшей его теме, когда тюремщик вновь объявил о посетителе.

— Уф, я вижу, даже тюрьма не спасает от докучливых визитов, — с неудовольствием сказал Найджел.

Однако ж он приготовился принять гостя, кто бы тот ни был, а испуганная девушка бросилась к боль-

шому креслу, имевшему форму колыбели, которое и раньше служило ей убежищем, и, закутавшись в плащ, съежилась там, чтобы как можно меньше привлекать внимание посторонних глаз. Едва она приняла все эти меры предосторожности, как дверь открылась и в камеру вошел почтенный горожанин, Джордж Гериот. Он бросил вокруг себя острый, пытливый взгляд и, сделав шаг к Найджелу, промолвил:

— Хотелось бы мне сказать, милорд, что я счастлив вас видеть.

— Вид несчастных редко делает счастливыми их друзей. Зато я действительно рад вас видеть.

Найджел протянул руку, но Гериот только поклонился с церемонной вежливостью, вместо того чтобы ответить на любезность лорда Гленварлоха, которая в те времена, когда сословные различия строго соблюдались и поддерживались правилами этикета, ценилась как высокая честь.

— Я прогневил вас чем-нибудь, мейстер Гериот? — спросил, покраснев, лорд Гленварлох, ибо его не обманула преувеличенная почтительность достойного горожанина.

— Ничуть не бывало, милорд, — ответил Гериот, — просто я только что вернулся из Франции и счел уместным привезти оттуда, наряду кое с чем более существенным, образчик того хорошего тона, которым так славятся французы.

— И вы решили испытать его на старом друге, который вам столь многим обязан? Это с вашей стороны не очень любезно.

На это замечание Гериот ответил коротким сухим покашливанием и продолжал:

— Хм, хм, так вот, милорд, хм, поскольку на французской учтивости я далеко не уеду, то я хотел бы знать, могу ли я говорить с вами как друг, коль скоро вашей светлости было угодно так назвать меня, или же, сообразно моему положению, мне следует ограничиться неотложным делом, которое должно быть нами улажено.

— Ну конечно, как друг, мейстер Гериот, — ответил Найджел. — Я догадываюсь, что вы успели заразиться общим предубеждением против меня. Вы скажитесь с полной откровенностью; я готов признать свою вину, если ваши упреки будут справедливы.

— И, надеюсь, загладить ее, милорд?

— Непременно, насколько это будет в моей власти.

— Ах, милорд, — продолжал Гериот, — какая печальная, хоть и необходимая, оговорка. Как легко человек может принести во сто раз больше зла отдельным людям и обществу, чем он в состоянии возместить. Но мы здесь не одни, — добавил он, бросив пронизательный взгляд на закутанную фигуру переодетой девушки, которая при всем своем старании не могла остаться незамеченной.

Найджел, больше заботившийся о том, чтобы помешать раскрытию секрета незнакомки, чем о сохранении в тайне собственных дел, поспешил ответить:

— Это мой паж. Можете свободно говорить при нем, он француз и не понимает по-английски.

— Итак, я буду говорить свободно, — сказал Гериот, еще раз взглянув на кресло, — и, быть может, мои слова покажутся вам чересчур вольными.

— Начинайте, сэр, я уже сказал вам, что могу вынести справедливые упреки.

— Короче говоря, милорд, почему я застаю вас здесь, подозреваемого в преступлениях, которые запятнают имя, прославленное многовековой доблестью?

— Вы застаете меня здесь, потому что — начну с первого моего заблуждения — я пожелал быть умнее моего отца.

— Нелегкая задача, милорд, — заметил Гериот. — Вашего отца все почитали одним из самых умных и самых доблестных людей в Шотландии.

— Он завещал мне избегать азартных игр, а я осмелился нарушить его волю, разрешив себе играть сообразно моим денежным средствам, уменью и везенью,

— Увы, милорд, самоуверенность в сочетании с жаждой приобретения... Вы надеялись дотронуться до дегтя и не запачкаться. Достаточно, милорд, можете не рассказывать дальше, ибо я уже с прискорбием слышал, как сильно пострадала ваша репутация от такого поведения. Еще одно заблуждение я напому вам без колебаний. Ах, милорд, милорд, чем бы ни погрешил перед вами лорд Дэлгарно — помня об его отце, вы не должны были поднимать на него руку.

— Вы рассуждаете хладнокровно, мейстер Гериот, а меня жгли тысячи обид, нанесенных мне под личиной дружбы.

— Иными словами, он подал вашей светлости дурной совет, а вы...

— А я был так глуп, что последовал тому совету. Однако, если позволите, оставим это, мейстер Гериот. Старые люди и молодые, военные и люди мирных занятий испокон века думали и будут думать по-разному.

— Согласен, — ответил Гериот, — между старым золотых дел мастером и молодым дворянином существует различие. И все-таки, милорд, вы обязаны были сохранить терпение ради лорда Хантинглена и благоразумие — ради вас самих. Предположим, что ваша ссора...

— Я еще раз прошу вас перейти к следующему обвинению, — прервал его лорд Гленварлох.

— Я не обвинитель, милорд, но уповаю на бога, что ваше собственное сердце уже жестоко осудило вас за то, что вы злоупотребили гостеприимством вашего бывшего хозяина.

— Будь я виновен в том, на что вы намекаете, — ответил лорд Гленварлох, — поддайся я на миг искушению, я бы давно горько раскаялся в этом. Если кто и обольстил несчастную, то я тут ни при чем. Всего какой-нибудь час назад я впервые услышал о ее безрассудстве.

— Оставьте, милорд, — с некоторой суровостью возразил Гериот, — что-то ваши речи слишком похожи на притворство. Я знаю, что нынешние моло-

дые люди по-новому смотрят на прелюбодеяние и смертоубийство. Лучше бы вы говорили о новом толковании десяти заповедей и о смягчении наказания для привилегированных сословий, лучше бы вам говорить об этом, чем отрицать поступок, которым, как всем известно, вы похвалялись.

— Похвалялся? Да я никогда не гордился и не способен гордиться таким поступком! — воскликнул лорд Гленварлох. — Но не мог же я запретить досужим умам и досужим языкам делать ложные заключения.

— Вы отлично сумели бы заткнуть рот клеветникам, милорд, если б слова их вам не нравились или не соответствовали истине. Ну, хорошо, милорд, вспомните ваше обещание признать свою вину, а признать свою вину в данном случае значило бы в какой-то мере загладить ее. Конечно, вы молоды, женщина красива и, как я сам заметил, довольно легкомысленна. Скажите мне, где она. Ее глупый муж все еще чувствует к ней сострадание, хочет избавить ее от позора, а со временем, быть может, примет ее назад, ибо мы, торговцы, народ добросердечный. Не уподобляйтесь тем, милорд, кто сеет зло единственно из удовольствия причинять страдания, — это наихудшее из всех качеств.

— Серьезность ваших упреков сведет меня с ума, — сказал Найджел. — Ваши слова разумны и справедливы, а между тем вы настаиваете на том, чтобы я открыл убежище беглянки, о которой я ровно ничего не знаю.

— Будь по-вашему, милорд, — холодно ответил Гериот. — Вы вправе хранить свои секреты. Поскольку разговор наш на эту тему ни к чему привести не может, нам лучше перейти к делу. И все-таки образ вашего отца встает передо мной и словно просит продолжать расспросы.

— Делайте как хотите, — сказал Найджел. — Я не собираюсь убеждать того, кто сомневается в моих словах.

— Пусть так, милорд. Мне сообщили, что в убежище Уайтфрайерс, месте, столь неподходящем для

знатного и достойного молодого человека, совершенно убийство.

— И вы, очевидно, приписываете его мне?

— Избави бог, милорд! Было проведено следствие, и выяснилось, что ваша светлость под вымышленным именем Грэма вели себя необычайно мужественно.

— Пожалуйста, без похвал, — сказал Найджел. — Я весьма счастлив слышать, что не я убил старика и даже не подозреваюсь в убийстве.

— Да, милорд, но и в этом деле имеется неясность. Ваша светлость сегодня утромплыли в лодке вместе с некоей женщиной, при которой была, как говорят, огромная сумма денег звонкой монетой и множество драгоценностей. С тех пор о женщине нет ни слуху ни духу.

— Я расстался с ней на пристани у собора святого Павла, — ответил Гленварлох, — моя спутница сошла там на берег со своим имуществом. Я дал ей рекомендательную записку как раз к этому человеку — Джону Кристи.

— Да, так говорит и лодочник, но Джон Кристи утверждает, что ничего подобного не помнит.

— Очень грустно, — сказал молодой лорд, — надеюсь, провидение не допустило, чтобы она попала в ловушку из-за своих сокровищ.

— Я тоже надеюсь, милорд, — промолвил Герiot, — но люди взволнованы ее исчезновением. Честь нашей нации подвергается нападкам со всех сторон. Припоминают прискорбный случай с лордом Санкухаром, повешенным за убийство учителя фехтования, и кричат, что не позволят шотландским дворянам совращать их жен и похищать их имущество.

— И всю вину взваливают на меня? Что ж, мне нетрудно оправдаться.

— Верю вам, милорд, — сказал Герiot. — Нет, нет, я не сомневаюсь, что в этом отношении вы чисты. Но почему вы покинули Уайтфрайерс при таких странных обстоятельствах?

— Мейстер Реджиналд Лоустоф прислал за мной лодку, заботясь о моей безопасности,

— К сожалению, милорд, мейстер Лоустоф отрицает это, говоря, что, после того как он переслал вам вещи, дальнейшие действия вашей светлости происходили без его ведома.

— Но лодочники сказали, что они наняты им!

— Лодочники! — воскликнул Гериот. — Один из них оказался повесой-подмастерьем, которого я давно знаю, а другой сбежал. Но тот, что сидит в тюрьме, утверждает, будто нанят вашей светлостью и никем другим.

— Он лжет! — запальчиво воскликнул лорд Гленварлох. — Мне он сказал, что послан мейстером Лоустофом. Надеюсь, этот великодушный джентльмен на свободе?

— Да, — ответил Гериот, — он отделался нагоняем от старшин корпорации за то, что ввязался в дела вашей светлости. В наши смутные времена при дворе хотят мира со студентами, а то бы ему несдобровать.

— Вот первое утешительное известие, какое я слышу от вас, — сказал Найджел. — Но возвратимся к той несчастной: она и ее сундук были поручены мною заботам двух носильщиков.

— То же говорит и мнимый лодочник, но ни один из молодцов, работающих на пристани, не желает подтвердить, что действительно был нанят. Я вижу, вас это беспокоит, милорд. Сейчас приняты все меры, чтобы установить, куда скрылась бедная женщина, если только она еще жива. Теперь, милорд, со всем, что относилось исключительно к вашей светлости, покончено. Остается дело, касающееся не только лично вас.

— Приступим к нему без промедления, — сказал лорд Гленварлох. — Я с охотой поговорю о чьих угодно делах, только не о своих.

— Вы, наверно, не забыли о той сделке, милорд, которая была совершена несколько недель тому назад в доме лорда Хантинглена и согласно которой вам была предоставлена крупная сумма для выкупа поместья вашей светлости?

— Прекрасно помню, — ответил Найджел, — и при всей вашей нынешней суровости я не могу забыть той доброты, какую вы тогда проявили.

Гериот чопорно поклонился и продолжал:

— Деньги эти были предоставлены в надежде на то, что они будут возвращены после получения вами денег по приказу за королевской подписью, выданному в уплату долга государственного казначейства вашему отцу. Надеюсь, вы, ваша светлость, поняли значение этой сделки тогда, понимаете смысл моего напоминания о ее важности теперь и согласны, что я правильно излагаю ее суть.

— Бесспорно, — ответил лорд Гленварлох. — Если сумма, обозначенная в закладной, не будет возвращена, мои земли отойдут тем, кто, купив закладную у ее прежних держателей, приобрел их права.

— Совершенно верно, милорд, — подтвердил Гериот. — Бедственные обстоятельства вашей светлости, как видно, встревожили кредиторов, и они, к моему огорчению, настаивают на выполнении того или иного условия — на передаче им поместья или уплате долга.

— Они имеют право на это. Поскольку я не в состоянии сделать последнее, я полагаю, они должны вступить во владение поместьем.

— Пойдите, милорд, — остановил его Гериот. — Если вы перестали считать меня своим другом, то вы по крайней мере увидите, что я всей душой желаю остаться другом вашего дома, хотя бы в память о вашем отце. Если вы доверите мне приказ с королевской подписью, я думаю, что при теперешнем настроении во дворце мне, быть может, удастся выхлопотать для вас деньги.

— Я охотно сделал бы это, — ответил Гленварлох, — но шкатулки, в которой он спрятан, у меня нет. Ее отняли у меня, когда арестовали в Гринвиче.

— Ее вернут вам, — сказал Гериот, — ибо, как я понял, природный здравый смысл моего повелителя и какие-то сведения, уж не знаю откуда полученные, побудили его взять назад обвинение в покушении на его особу. Это дело прекратили, и теперь вас будут

судить только за нападение на лорда Дэлгарно в пределах дворцового парка. Но и в этом обвинении, достаточно тяжком, вам трудно будет оправдаться.

— Ничего, я не пошатнусь под его тяжестью, — ответил лорд Гленварлох. — Но не о том теперь речь. Будь у меня шкатулка...

— Когда я шел сюда, в маленькой прихожей стояли ваши вещи, — сказал горожанин, — шкатулка бросилась мне в глаза. Я узнал ее сразу — ведь вы получили ее от меня, а мне она досталась от моего старого друга, сэра Фейсфула Фругала. Увы, у него тоже был сын...

Тут мейстер Гериот запнулся.

— Который, подобно сыну лорда Гленварлоха, не делал чести своему отцу. Это вы хотели сказать, мейстер Гериот?

— Милорд, эти слова нечаянно вырвались у меня, — ответил Гериот. — Господь, может быть, все поправит, когда придет время. Скажу, однако, что я подчас завидовал моим друзьям, у которых были чудесные дети, преуспевавшие в жизни; но какие перемены мне приходилось видеть, когда смерть похищала главу семьи! Столько сыновей богатых отцов оказывалось без единого пенни, столько наследников рыцарских и дворянских фамилий оставалось без единого акра, что мое состояние и мое имя благодаря моим распоряжениям переживут, смею думать, многие знатные фамилии, хоть бог и не дал мне наследника. Но это к делу не относится. Эй, страж! Принеси сюда вещи лорда Гленварлоха!

Тюремщик повиновался. Печати, первоначально наложенные на чемодан и шкатулку, были сняты — по недавнему распоряжению из дворца, как пояснил тюремщик, — и заключенный мог свободно распоряжаться своими вещами.

Желая положить конец утомительному визиту, лорд Гленварлох открыл шкатулку и перебрал бумаги, сперва очень невнимательно, а затем еще раз, медленно и тщательно. Но напрасно! Приказ, подписанный королем, исчез.

— Я ничего другого и не ждал, — с горечью произнес Джордж Гериот. — Лиха беда начало. Полюбуйтесь, превосходное наследство потеряно из-за какого-нибудь нечестного метания костей или ловкого карточного хода. Вы отлично разыграли изумление, милорд. Приношу вам свои поздравления по поводу ваших талантов. Много я видал молодых драчунов и мотов, но никогда не встречал такого законченного молодого лицемера. Нет, нет, милейший, нечего хмурить брови. Я говорю с такой горечью, потому что у меня болит сердце, когда я думаю о вашем достойном отце. Если сыну не скажет о его испорченности никто другой, то об этом скажет ему старый золотых дел мастер.

Новое подозрение едва не вывело Найджела из себя, однако добрые побуждения и усердие славного старика, а также все таинственные обстоятельства дела служили таким превосходным оправданием для гнева мейстера Гериота, что лорд Гленварлох был вынужден обуздать свое негодование и после нескольких вырвавшихся в запальчивости восклицаний замкнуться в гордом и мрачном молчании. Прошло некоторое время, прежде чем мейстер Гериот возобновил свои наравоучения.

— Послушайте, милорд, — сказал он, — немыслимо, чтобы столь важная бумага пропала бесследно. Скажите мне, в какой темной лавчонке, за какую жалкую сумму вы заложили ее; еще не поздно что-нибудь предпринять.

— Ваши заботы обо мне весьма великодушны, — сказал лорд Гленварлох, — тем более что вы стараетесь ради того, кого вы считаете заслуживающим осуждения, но — увы! — заботы ваши бесполезны. Судьба разит меня со всех сторон. Пусть же она выигрывает сражение.

— Тыфу ты, пропасть! — в сердцах воскликнул Гериот. — Да с вами святой начнет браниться! Ведь я вам объясняю: если этот документ, утрата которого вас, по-видимому, так мало беспокоит, не будет найден, — прощай тогда прекрасные владения Гленварлохов, леса и рощи, луга и пашни, озера и реки —

все, что принадлежало дому Олифантов со времен Вильгельма Льва!

— Что ж, я скажу им «прощай» и долго оплакивать не стану.

— Черт возьми, милорд, вы еще пожалеете об этой потере.

— Только не я, мой старый друг, — возразил Найджел. — Если я о чем-нибудь жалею, мейстер Гериот, так о том, что я потерял уважение честного человека, и потерял, должен сказать, совершенно незаслуженно.

— Ну что ж, молодой человек, — промолвил Гериот, качая головой, — попробуйте убедить меня в этом... А теперь, чтобы покончить с делами, — добавил он, вставая и направляясь к креслу, где сидела переодетая девушка, — ибо их у нас осталось уже не много, убедите меня также и в том, что эта переряженная фигура, на которую я отеческой властью налагаю руку, — французский паж, не понимающий по-английски.

Сказав так, он схватил мнимого пажа за плащ и, не обращая внимания на сопротивление, насильно, хотя и не грубо, вывел на середину комнаты переодетую красавицу, тщетно пытавшуюся закрыть лицо сперва плащом, а потом руками. Оба эти препятствия мейстер Гериот довольно бесцеремонно устранил и открыл лицо захваченной врасплах дочери часовщика и своей крестницы, Маргарет Рэмзи.

— Вот прекрасный маскарад, — продолжал он, не удержавшись, чтобы слегка не встряхнуть ее, ибо, как мы уже отмечали, он был человеком строгих правил. — Как это получилось, голубушка, что я застаю тебя в таком неприличном наряде и в таком недостойном месте? Нет, нет, стыдливость сейчас не ко времени, стыдиться надо было раньше. Говори, или я...

— Мейстер Гериот, — прервал его лорд Гленварлох, — какова бы ни была ваша власть над этой девицей, пока она здесь, она находится под моим покровительством.

— Под вашим покровительством, милорд? Хорошо покровитель! И как давно, мистрис, вы изволите быть

под покровительством милорда? Отвечай же в конце концов!

— Часа два, крестный, не больше, — пролепетала девушка, опустив голову и заливаясь краской. — Но я попала сюда против своей воли.

— Два часа, — повторил Гериот, — этого за глаза довольно, чтобы натворить бед. Милорд, я полагаю, это еще одна жертва, принесенная вами в угоду вашей репутации волокиты? Еще одно похождение, которым можно будет хвастаться в ресторации Божё? Мне кажется, что дом, где вы ее впервые встретили, мог бы уберечь ее от подобной участи.

— Клянусь честью, мейстер Гериот, — сказал лорд Гленварлох, — вы только теперь помогли мне вспомнить, что я встречал эту молодую леди в кругу вашей семьи. Лицо ее нелегко забыть, и вместе с тем я тщетно старался припомнить, где я его видел. Подозрения ваши несправедливы и оскорбительны как для нее, так и для меня. Я разгадал ее секрет лишь перед самым вашим приходом. Я убедился из всех ее поступков, что присутствие ее здесь в таком наряде вынужденно; сохрани бог, чтобы я воспользовался этим ей во зло.

— Красиво сказано, милорд, — заметил Гериот, — но всем известно, что искусный причетник может прочесть апокриф так же гладко, как писание. Откровенно говоря, милорд, вы теперь в таком положении, что слова ваши требуют доказательств.

— Быть может, мне не следовало бы говорить, — вмешалась Маргарет, которая при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах не могла надолго утратить свою природную живость, — но я не могу молчать. Крестный, вы несправедливы ко мне и не менее несправедливы к этому молодому джентльмену. Вы говорите, что слова его требуют доказательств. Я знаю, где искать доказательства для некоторых из них, а остальным я и так глубоко и искренне верю.

— Благодарю вас, любезная леди, за доброе мнение обо мне, — сказал Найджел. — Не знаю, как это случилось, но я дошел, кажется, до того, что в любых

моих поступках и помыслах отказываются видеть честные побуждения. Тем больше я обязан той, кто вопреки всеобщему мнению отдает мне справедливость. Будь я на свободе, дорогая леди, я со шпагой в руке защитил бы вашу честь.

— Ей-богу, ни дать ни взять, Амадис и Ориана! — воскликнул Джордж Гериот. — Боюсь, что рыцарь с принцессой мигом зарезали бы меня, да, спасибо, стражники стоят за дверью. Ну, ну, мадемуазель Ветреница, если хотите поладить со мной, извольте говорить начистоту, а не угощать меня речами из романов и пьес. Во имя неба, как ты здесь очутилась?

— Сэр, — ответила Маргарет, — раз вы требуете от меня, то я расскажу. Сегодня утром я поехала с монной Паулой в Гринвич, чтобы подать королю просьбу леди Гермiony.

— Боже милосердный! — воскликнул Гериот. — И эта туда же? Неужели она не могла дожждаться, пока я приеду и займусь ее делами? Видно, известие, которое я ей послал, ее растревожило. Ох, женщина, женщина! Кто берется быть твоим компаньоном, должен обладать терпением на двоих, ибо ты его в общий капитал не внесешь. Ну ладно, но какую, к черту, связь имеет поручение, данное монне Пауле, с твоим дурацким переодеванием? Отвечай!

— Монна Паула боялась, — ответила Маргарет, — она не знала, как взяться за дело; вам известно, что она почти не выходит из дому. И вот... вот я и согласилась пойти с ней, чтобы придать ей храбрости. А этот наряд... Вы, наверно, помните, что я надевала его на рождественский маскарад, тогда вы не считали его неприличным.

— Я и сейчас считаю, что он хорош для рождества и гостиней, но не для того, чтобы бегать в нем напоказ всему городу. Конечно, я помню его, проказница, и узнал его теперь. Благодаря ему и твоему маленькому башмачку, да еще намеку, что я получил утром от одного друга, который по крайней мере себя так именует, я и вывел тебя на чистую воду.

Здесь лорд Гленварлох, не удержавшись, взглянул на маленькую ножку, которую считал достойной упоминания даже степенный горожанин, но взглянул украдкой, так как видел, что малейшее проявление внимания усиливает терзания и смущение Маргарет.

— Скажи мне, милая, — продолжал мейстер Герriot (приведенная выше немая сцена была лишь мимолетной интермедией), — леди Гермiona знала о твоей проделке?

— Ни за что на свете я не осмелилась бы признаться ей в этом, — отвечала Маргарет. — Она думает, что с монной Паулой поехал один из наших подмастерьев.

Следует отметить, что слова «наши подмастерья» имели в себе нечто чудодейственное, что нарушило для Найджела очарование несвязного, но занимательного рассказа Маргарет.

— А по какой причине он не поехал? На мой взгляд, он был бы куда более подходящим спутником для монны Паулы, — заметил горожанин.

— Он был занят другим, — еле слышно ответила Маргарет.

Мейстер Джордж бросил быстрый взгляд на лорда Гленварлоха, но увидев, что лицо его выражает полное неведение, пробормотал:

— Дело-то обстоит лучше, чем я думал. Итак, проклятая испанка, у которой, как у всех у них, голова забита переодеваниями, потайными дверями, веревочными лестницами и масками, эта негодная дура потащила тебя с собой выполнять сумасбродное поручение? И чем кончилось дело?

— Как раз когда мы подошли к воротам парка, раздались крики: «Измена, измена!» Не знаю, что стало с монной Паулой; я бросилась бежать и бежала, пока не натолкнулась на одного весьма порядочного королевского служителя по имени Линклейтер. Мне пришлось сказать ему, что я ваша крестница, и тогда он скрыл меня от преследователей и по моей просьбе предоставил мне возможность поговорить с его величеством.

— Вот единственное доказательство того, что в твоей глупенькой головке еще осталось немного рассудка, — заметил Гериот.

— Его величество, — продолжала девушка, — был так милостив, что принял меня наедине, хотя все придворные кричали, что это грозит для него опасностью, и хотели меня обыскать, нет ли при мне оружия, помоги мне боже. Но король запретил им; наивно, Линклейтер сказал ему, кто я такая.

— Хорошо, милая, я не спрашиваю, что было дальше, — сказал Гериот. — Мне не подобает совать нос в секреты моего повелителя. Вот если б ты беседовала наедине с его дедушкой, Рыжей Лисицей из Сент-Эндрюса, как прозвал его Дэви Линдсей, тогда, по чести говоря, у меня появились бы свои соображения на этот счет; но наш государь, благослови его бог, кроток и воздержан и настоящий Соломон во всем, кроме того, что касается жен и наложниц.

— Не знаю, о чем вы говорите, сэр, — отвечала Маргарет. — Его величество был очень добр и выслушал меня с сочувствием, но сказал, что мне придется поехать сюда, где жена коменданта, леди Мэнсел, позаботится обо мне и присмотрит, чтобы меня не обижали. Король обещал отослать меня сюда в крытой лодке под надзором известного вам человека — и вот я оказалась в Тауэре.

— Но почему, каким образом ты попала в эту камеру, красавица? Объясни, пожалуйста; мне сдается, что эта загадка требует разгадки.

— У меня нет другого объяснения, сэр, кроме того, что леди Мэнсел послала меня сюда, невзирая на мои неотступные просьбы, слезы и уговоры. Я, правда, не боялась, ибо знала, что буду под надежной защитой, но я едва не умерла, да и сейчас не знаю куда деваться от стыда и смущения.

— Ну, хорошо, хорошо, если твои слезы непритворны, они скоро смоят воспоминание о твоём проступке. А знает ли отец о твоих похождениях?

— Не дай бог, чтобы он узнал, — ответила Маргарет, — он думает, что я у леди Гермiony.

— Да, честный Дэви следит за своими часами куда лучше, чем за своей дочкой. Идем, проказница, я отведу тебя к леди Мэнсел и попрошу, чтобы впредь, когда ее попечению доверят гуся, она не отдавала его под присмотр лисе. Тюремщики, наверно, пропустят нас в покои леди Мэнсел.

— Подождите еще одно мгновение, — сказал лорд Гленварлох. — Как бы плохо вы обо мне ни думали, мейстер Гериот, я прощаю вам; время покажет, как вы ко мне несправедливы, и вы первый пожалеете об этом и признаете свою неправоту. Но не оскорбляйте подозрениями эту юную девицу, за чистоту помыслов которой могут поручиться сами ангелы. Я запомнил каждый ее взгляд, каждый жест, и пока я дышу, я всегда буду думать о ней с...

— Не думайте о ней вовсе, милорд, — прервал его Джордж Гериот. — Это, по-моему, лучшее одолжение, какое вы ей можете сделать. Или думайте о ней как о дочери часовщика Дэви Рэмзи, особе, неподходящей для возвышенных речей, романтических походов и высокопарных комплиментов в духе пастушеских романов. Прощайте, милорд. Поверьте, я сужу о вас не так уж строго, как может показаться из моих слов. Если я смогу помочь... то есть если я разберусь до конца в этом лабиринте... Но сейчас не к чему говорить об этом. Доброго вечера вашей светлости. Эй, тюремщик! Пропусти нас к леди Мэнсел.

Тюремщик ответил, что для этого ему нужно разрешение коменданта, и пока он ходил за распоряжениями, все трое продолжали стоять рядом, не произнося ни слова и только изредка украдкой обмениваясь взглядами, что, по крайней мере для двоих из присутствующих, было довольно тягостно. Сословные предрассудки — по тем временам существенная преграда — не помешали лорду Гленварлоху заметить, что Маргарет Рэмзи — очаровательнейшая из девушек; не помешали заподозрить, неизвестно почему, что и он ей небезразличен, и почувствовать уверенность в том, что он был причиной многих из ее теперешних неприятностей. Словом, восхищение, са-

молюбие, рыцарские чувства — все действовало вместе, одно к одному. И когда страж принес гостям разрешение покинуть камеру, Найджел поклонился прекрасной дочери механика так выразительно, что вызвал на ее лице румянец не менее яркий, чем много раз заливавший ее щеки в течение столь богатого событиями дня. Маргарет ответила на поклон робко и нерешительно, уцепилась за руку крестного и вышла из комнаты, которая, как ни была она раньше темна, показалась Найджелу еще мрачнее, когда за Маргарет закрылась дверь.

Глава XXX

Когда ты в час последних мук
Пойдешь к позорному столбу —
С тобою будет верный друг,
Чтоб разделить твою судьбу.

«Баллада о Джемми Доусоне»

Мейстер Джордж Гериот и его подопечная, как с полным правом можно назвать Маргарет, ибо привязанность к крестнице налагала на него все заботы опекуна, были проведены гвардейцем в покои коменданта, где они и застали его вместе с супругой. Оба приняли прибывших с учтивостью, какой репутация мейстера Гериота и его предполагаемое влияние при дворе требовали даже от такого педантичного старого воина и царедворца, как сэр Эдуард Мэнсел. Леди Мэнсел обласкала Маргарет и объявила мейстеру Джорджу, что та более не пленница, а гостья.

— Ей разрешено вернуться домой под вашим присмотром, — добавила леди Мэнсел, — такова воля его величества.

— Очень рад слышать это, мадам, — ответил Гериот, — жаль только, что ей не вернули свободы до того, как она виделась с тем бойким молодым человеком. Удивляюсь, как ваша светлость допустили это.

— Любезный мейстер Гериот, — сказал сэр Эдуард, — мы исполняем приказания того, кто могуще-

ственное и мудрее нас с вами. Приказы его величества должны точно и неукоснительно выполняться; нужно ли напоминать вам, что мудрость его величества служит лучшей порукой...

— Мне хорошо известна мудрость его величества, — возразил Гериот, — только есть одна старая поговорка про воск и пламень... Ну, да что говорить.

— Смотрите, к дверям дома подходит сэр Манго Мэлегроутер, — заметила леди Мэнсел. — Он шагает точно хромым журавль. Вот уже второй раз он сегодня является.

— Он принес нам указ о снятии с лорда Гленварлоха обвинения в измене, — сказал сэр Эдуард.

— И от него же я услышал о том, что произошло; я только вчера поздно вечером вернулся из Франции, — сказал Гериот.

При этих словах в комнату вошел сэр Манго; он церемонно приветствовал коменданта Тауэра и его жену, удостоил Джорджа Гериота покровительственным кивком и обратился к Маргарет со словами:

— А-а, моя юная пленница, вы еще не распустились с мужским нарядом?

— Она не снимет его, сэр Манго, — громким голосом сказал Гериот, — пока не получит от вас удовлетворения за то, что вы, как вероломный рыцарь, выдали мне ее тайну. В самом деле, сэр Манго, когда вы сообщили мне, что она разгуливает в столь неподходящем одеянии, вы могли бы добавить, что она находится под покровительством леди Мэнсел.

— Король пожелал держать все в секрете, мейстер Гериот, — важно ответил сэр Манго, развалившись в кресле с меланхолическим видом. — Я сделал вам доброжелательный намек, как другу молодой девицы.

— Да уж, намек был истинно в вашем духе, — заметил Гериот, — вы сказали довольно, чтобы меня растревожить, и ни слова не проронили, чтобы успокоить.

— Сэр Манго все равно не услышит вашего упрека, — промолвила леди Мэнсел, — поговорим лучше

о чем-нибудь другом. Что нового при дворе, сэр Манго? Вы были в Гринвиче?

— Вы могли с таким же успехом спросить меня, мадам, — отвечал кавалер, — что нового в аду.

— Помилуйте, сэр Манго, помилуйте, — остановил его сэр Эдуард. — Выбирайте свои слова получше, ведь вы говорите о дворе короля Иакова.

— Сэр Эдуард, если бы речь шла о дворе двенадцати императоров, я бы все равно стал утверждать, что там сейчас творится неразбериха, как в преисподней. Придворные, находящиеся на службе у короля сорок лет — к ним я причисляю себя, — разбираются в том, что происходит вокруг них, не лучше, чем пескари в Мальстрёме. Одни поговаривают, что король недоволен принцем, другие — что принц косо взглянул на герцога, третьи — что лорда Гленварлоха повесят за государственную измену, а кое-кто прослышал, что за лордом Дэлгарно открылись такие делишки, которые могут стоить ему головы.

— Что же думаете вы, человек, прослуживший сорок лет при дворе? — спросил сэр Эдуард.

— Нет, нет, не спрашивайте его, сэр Эдуард, — сказала леди, выразительно взглянув на мужа.

— Сэр Манго так умен, — вставил мейстер Герriot, — что не станет говорить вещи, которые можно использовать ему во вред: это было бы все равно что вложить заряженный пистолет в руки первого встречного, кому придет охота его убить.

— Как? — воскликнул самоуверенный кавалер — Вы полагаете, что я боюсь ловушки? Так вот же: у Дэлгарно больше хитрости, чем честности, у герцога больше парусов, чем балласта, у принца больше гордости, чем благоразумия, а король... — Тут леди Мэнсел предостерегающе поднесла палец к губам. — А король — мой добрый господин, который в течение сорока с лишком лет платит мне собачье жалованье костями и побоями. Ну и что тут такого — все так говорят, и Арчи Армстронг¹ каждодневно говорит вещи в тысячу раз хуже.

¹ Знаменитый придворный шут (Прим. автора)

— На то он и шут, — сказал Джордж Гериот. — Впрочем, он не так уж неправ, ибо глупость замечает ему ум. Но не советую вам тягаться в остроумии с дураком, сэр Манго, хоть он и придворный шут.

— Дурак, говорите вы? — подхватил сэр Манго, не расслышав всех слов Гериота и желая скрыть это. — Я и точно дурак, что прилепился к этому скупому двору, когда люди просвещенные и энергичные нашли свое счастье при других европейских дворах. Но здесь человек будет всегда нуждаться, если только у него нет большого ключа, — тут он бросил взгляд на сэра Эдуарда, — или если он не умеет барабанить молотком по оловянному блюду. Однако я должен как можно скорее возвратиться и доложить, что поручение выполнено, словно я наемный гонец. Сэр Эдуард, миледи, примите мои лучшие пожелания; мейстер Гериот, желаю вам всякого благополучия; что же касается беглянки, то послушайтесь моего совета — недолгое умерщвление плоти постом и умеренное применение розог послужат лучшим лекарством от припадков легкомыслия.

— Если вы имеете намерение направиться в Гринвич, сэр Манго, — заметил комендант, — то я избавлю вас от лишнего труда: король сейчас прибудет в Уайтхолл.

— Тогда мне понятно, почему Совет созывают так спешно. В таком случае я, с вашего позволения, навещу беднягу Гленварлоха и немного утешу его.

Комендант, казалось, был в нерешительности.

— Он нуждается в приятном собеседнике, который может рассказать о предстоящей ему каре и обо всем, с ней связанном. Я не покину его до тех пор, пока не докажу ему, что он увяз с головой, что его теперешнее положение плачевно и что надежд на избавление почти нет.

— Ну что же, сэр Манго, — сказал комендант, — если вы в самом деле считаете, что все перечисленное послужит утешением для заключенного, то я pošлю тюремщика проводить вас.

— А я, — сказал Джордж Гериот, — покорнейше прошу леди Мэнсел одолжить этой ветреной девице платье одной из служанок, ибо моя репутация погибнет, если я поведу крестницу по Тауэр-хиллу в таком виде. Хотя нельзя сказать, чтобы шалунье наряд был не к лицу.

— Я тотчас велю подать вам мою карету, — сказала обязательная леди.

— Если вы сделаете нам честь, мадам, оказав такую любезность, я с радостью приму ее от вас, ибо дела мои не терпят отлагательства, а утро у меня пропало без толку.

Поданная тут же карета доставила почтенного горожанина и его крестницу к нему домой на Ломбард-стрит. Там, как выяснилось, его с нетерпением ожидала леди Гермiona, только что получившая предписание явиться в течение ближайшего часа в королевский Тайный совет; известие это потрясло леди Гермionу, неискушенную в делах и давно отрешившуюся от мирской жизни, так, словно оно не было неизбежным следствием ее петиции, врученной королю монной Паулой. Джордж Гериот мягко пожурил ее за то, что она сама, не дожидая его возвращения, начала такое важное дело, хотя в письме из Парижа, содержащем нужные ей сведения, он просил ничего не предпринимать без него. Гермiona оправдывалась лишь тем, что ее немедленное вмешательство в события могло повернуть в лучшую сторону дела ее родственника, лорда Гленварлоха, так как ей было стыдно признаться, что она поддалась неотступным уговорам своей молоденькой приятельницы. Настойчивость Маргарет объяснялась, разумеется, ее опасениями за судьбу Найджела; впрочем, мы должны повременить с разъяснением того, в какой связи находилось дело Найджела с прошением леди Гермiony. А пока возвратимся к посещению, которым сэр Манго Мэлегроутер почтил удрученного молодого лорда, томящегося в темнице.

После обычных приветствий кавалер, разразившись предварительно потоком притворных сожалений по поводу бедствий, постигших Найджела, уселся

на стул и, придав своему безобразному лицу погребальное выражение, принялся за свое карканье.

— Я благодарю небо, милорд, что именно мне выпало удовольствие доставить коменданту милостивое повеление его величества, которым с вас снимается обвинение в покушении на священную особу короля. Если мы даже допустим, что вас будут судить за менее тяжкое преступление, а именно — за нарушение закона, запрещающего обнажать оружие во дворце и его окрестностях, и вы подвергнетесь наказанию *usque ad mutilationem*,¹ то есть вплоть до отсечения руки, а скорее всего так и будет, то все-таки потеря руки — ничто в сравнении с казнью через повешение или с четвертованием заживо, постигающими государственных изменников.

— Стыд от того, что я заслужил такое наказание, был бы для меня мучительнее боли, которую мне пришлось бы перенести, — ответил Найджел.

— Без сомнения, милорд, — продолжал мучитель, — сознание, как вы говорите, того, что наказание вами заслужено, должно быть для вас пыткой, своего рода нравственным, умозрительным повешением, потрошением и четвертованием, что в какой-то степени равносильно физическому прикосновению веревки, железа, огня и тому подобного к телу человека.

— Послушайте, сэр Манго, — сказал Найджел, — прошу вас понять мои слова правильно: я не признаю за собой никакой вины, кроме той, что приблизился к государю, имея при себе оружие.

— Вы правы, милорд, что ни в чем не сознаетесь, — проговорил сэр Манго. — Старинная пословица говорит: «признайся...» и так далее. Что касается оружия, то его величество действительно питает редкое отвращение ко всякому оружию, а в особенности к огнестрельному, но, как я уже сказал, с этим обвинением покончено.² Желаю вам так же удачно

¹ Вплоть до отсекования (лат)

² Уилсон сообщает, что когда полковник Грей, шотландец, даже в мирное время не снимавший платья из буйволовой кожи,

выпутаться из другого, хотя это и совершенно невероятно.

— Если на то пошло, сэр Манго, — сказал Найджел, — то в отношении этой истории в парке вы сами могли бы сказать что-нибудь в мое оправдание. Никто не знает лучше вас, что в ту минуту я был доведен до крайности гнуснейшими оскорблениями, нанесенными мне лордом Дэлгарно, и вы сами же раздули мой гнев, рассказав о многих из них.

— Да, да, какое несчастье! — заметил сэр Манго. — Я словно сейчас помню, как выиграла ваша желчь, несмотря на все мои старания убедить вас не нарушать святости парка. Ах, милорд, вы не можете сказать, что угодили в канаву, не будучи никем предостережены.

— Я вижу, сэр Манго, вы решили начистю забыть все, что могло бы сослужить мне службу, — заметил Найджел.

— Я готов вам служить с величайшей радостью, — ответил кавалер, — и лучшее, что я могу сейчас придумать, это описать процедуру наказания, которое вам, без сомнения, придется претерпеть. Мне посчастливилось видеть, как в царствование королевы ему подвергли сочинителя пасквилей. Я тогда состоял в свите лорда Грея, который вел здесь осаду, и так как я всегда был жаден до приятных и поучительных зрелищ, то не мог пропустить такого события.

— Я был бы поистине удивлен, — проговорил лорд Гленварлох, — если бы вы, наперекор своему доброму сердцу, пропустили такое представление.

явился в таком военном наряде во дворец, король, заведя у него за поясом несколько пистолетов — зрелище, к которому он никогда не питал особой любви, — насмешливо сказал: «Он так укреплен, что, запасись он хорошенько провиантом, его нипочем не взять» (Уилсон, «Жизнь и правление Иакова VI» в «Истории Англии» Кеннета, т. II, стр. 389). В 1612 году, на десятый год царствования Иакова, разнесся слух, будто из Испании прислан корабль с грузом карманных пистолетов для поголовного истребления протестантов. В связи с этим был издан указ, запрещающий всем без исключения носить на себе пистолеты с дулом короче одного фута (там же, стр. 690). (Прим. автора)

— Э? Ваша светлость, кажется, приглашаете меня посмотреть, как будут приводить в исполнение приговор над вами? Что и говорить, милорд, это мучительное зрелище для друга, но я скорее соглашусь страдать, чем откажу вам в вашей просьбе. А зрелище, надо сказать, преинтереснейшее. Осужденный шел с таким бесстрашным видом, что одно удовольствие было смотреть на него. Он был одет во все белое — цвет кротости и смирения. Руку ему отрубили на эшафоте близ Уэстминстера — вам, вероятнее всего, отрубят в Черинге. Присутствовали шериф и лорд-маршал со своими людьми, и кого только там не было, а главное — палач с тесаком и молотком и его подручный с жаровней, полной горячих углей, и с железом для прижигания. Искуснейший малый был этот Деррик. Разве может так оттяпать сустав нынешний палач, Грегори? Не худо бы вашей светлости послать этого негодяя к лекарю поучиться хотя бы началам анатомии — от этого будет польза и вам и другим несчастным, а Грегори вы тем окажете любезность.

— Я не возьму на себя такой труд, — возразил Найджел. — Если закон потребует моей руки, пускай палач отрубает ее как умеет. А если король оставит ее на месте, то она еще послужит ему.

— Весьма благородно, милорд, весьма возвышенно. Приятно смотреть, как страдает отважный человек. Тот преступник, о котором я говорил, Таббс, или Стаббс, или какое-то другое плебейское имя, поднялся на помост решительно, как император, и обратился к народу: «Добрые люди, я оставляю здесь руку настоящего англичанина», при этом он положил руку на плаху, да так непринужденно, будто оперся на плечо своей милой. Тогда палач Деррик приложил — вы меня слушаете, милорд? — приложил тесак к суставу и ударил по тесаку молотком с такой силой, что рука отлетела на несколько ярдов, словно перчатка, брошенная рыцарем на ристалище. Представьте себе, сэр, этот Стаббс, или Таббс, ни капельки не переменялся в лице, пока подручный не приложил к окровавленному обрубку

раскаленное железо. Тут раздалось шипенье, милорд, будто жарили сало, и молодец завопил таким диким голосом, что многие решили, что он пал духом. Но не тут-то было! Он вдруг снимает левой рукой шляпу, размахивает ею и кричит: «Боже, храни королеву и порази ее дурных советчиков!» — и народ троекратно приветствует его. И надо сказать, он это заслужил своим мужеством. Надеюсь, что и ваша светлость перенесет муки с тем же величием.

— Благодарю вас, сэр Манго, — ответил Найджел, который во время столь живого и подробного описания не мог подавить вполне естественных ощущений неприятного свойства. — У меня нет сомнений в том, что для вас и для других зрителей церемония будет занимательной независимо от того, какой она окажется для главного действующего лица.

— Весьма занимательной, — подтвердил сэр Манго, — и поучительной, очень поучительной, хотя и не в такой степени, как казнь государственных изменников. Я видел, как поплатились за измену Дигби, Уинтерс, Фокс и остальные злодеи из пороховой шайки, — вот это было поистине грандиозное зрелище, замечательное как по неслыханности их мучений, так и по твердости, с какой они их переносили!

— Я еще больше ценю вашу доброту, сэр Манго: несмотря на то, что для вас такая большая потеря — пропустить подобное зрелище, вы все же поздравили меня с тем, что я избежал опасности предстать пред вашим взором в столь же назидательном виде.

— Как вы правильно изволили сказать, милорд, потеря значительна только с виду. Природа по своей щедрости наделяет нас некоторыми органами в двойном количестве, чтобы нам легко было перенести потерю одного из них, случись на нашем жизненном пути такое несчастье. Посмотрите на мою бедную десницу, на которой уцелели только большой и указательный пальцы, — остальных меня лишил,

конечно, меч противника, а не нож палача. И что же вы думаете, сэр: эта бедная изувеченная рука в некотором смысле служит мне еще лучше, чем раньше. Допустим, что вам отнимут правую руку по запястье; ведь у вас останется левая, и вы окажетесь все-таки в лучшем положении, чем карлик-голландец, живущий в Лондоне: он вдвигает в иголку нитку, рисует, пишет и бросает копье с помощью ног, потому что у него нет ни одной руки.

— Пусть так, сэр Манго, — промолвил лорд Гленварлох, — все это, несомненно, весьма утешительно. Но я надеюсь, что король оставит мне руку, чтобы я мог сражаться за него в бою, где, невзирая на ваши ободрительные слова, я куда охотнее пролью кровь, нежели на эшафоте.

— Как это ни печально, но ваша светлость наверняка погибли бы на эшафоте и никто бы за вас не замолвил словечка, если б не эта помешанная девчонка, Мэгги Рэмзи.

— О ком вы говорите? — с живостью спросил Найджел, впервые проявив интерес к словам сэра Манго.

— О ком же я могу говорить, как не об этой переодетой девице, с которой мы обедали у золотых дел мастера Гериота, когда удостоили его своим посещением. Вам лучше знать, каким образом вы сумели расположить ее к себе, но только я видел, что она на коленях просила за вас короля. Мне поручили доставить ее сюда, обращаясь с ней почтительно и ни о чем не расспрашивая. Но будь моя воля, я отвез бы ее в Брайдуэл, чтобы там выбили у нее дурь из головы, отстегав хорошенько розгами. Распутная негодница, разгуливает в мужских штанах, а сама еще даже не замужем.

— Слушайте, сэр Манго Мэлегроутер, — прервал его Найджел, — я советую вам говорить об этой юной особе с должным уважением.

— О, конечно, милорд, я буду говорить о ней со всем уважением, какое подобает любовнице вашей светлости и дочке Дэви Рэмзи, — ответил сэр Манго с язвительной насмешкой.

Найджелу не на шутку захотелось проучить сэра Манго, но затевать с ним ссору было бы нелепо, а потому Найджел подавил негодование и попросил рассказать все, что он знает о молодой девушке.

— Да просто я находился в приемной, когда она получила аудиенцию у короля, и услышал, как король, к великому моему недоумению, сказал: «*Pulchra sane puella*». ¹ А Максвелл, у которого неважный слух, когда дело коснется латыни, подумав, что его величество произнес его имя «Сауни», открыл дверь, и тут я увидел, что наш государь Иаков собственной рукой помогает подняться с колен девушке, переодетой, как я уже говорил, в мужское платье. Я мог бы заподозрить неладное, но наш милостивый господин уже стар, да и в молодости никогда не гонялся за женщинами. Он утешал ее на свой лад, приговаривая: «Не расстраивайся, голубушка, Гленварлохда будут судить по справедливости. Когда первое смятение, охватившее нас, улеглось, мы и сами рассудили, что он не мог злоумышлять на нашу особу. А другие его проступки мы расследуем со всем вниманием и мудростью». После этого на меня возложили поручение отвезти в Тауэр юную нарушительницу законов и сдать ее на попечение леди Мэнсел. Его величество строго-настрого запретил мне говорить при ней о ваших преступлениях, ибо, как он сказал, «бедняжка и так надрывает из-за него свое сердечко».

— И на этом-то основании у вас сложилось столь нелестное мнение о молодой леди, которое вы сочли нужным только что высказать?

— Говоря по чести, милорд, — ответил сэр Манго, — какое еще мнение может у меня сложиться о девице, которая переодевается в мужскую одежду и на коленях заступает перед королем за ветреного молодого лорда? Не знаю, как это называется по-новомодному, ибо выражения меняются, хотя обычаи остаются прежними, но хочешь не хочешь, сэр,

¹ Поистине прелестная девица (лат.).

а приходит в голову, что эта молодая леди — если вы называете дочь часовщика Рэмзи молодой леди — ведет себя скорее как распутница, нежели как девушка из честной семьи.

— Вы несправедливы к ней в высшей степени, сэр Манго, — сказал Найджел, — или, вернее, вас ввели в заблуждение обстоятельства.

— Но ведь и все впадут в то же заблуждение, милорд, — ядовито возразил кавалер, — разве только вы их разубедите, сделав то, что сын вашего отца вряд ли сочтет для себя возможным.

— Что же я должен сделать?

— Да просто жениться на девушке, сделать ее леди Гленварлох. Да, да, не удивляйтесь, дело идет к тому. Лучше женитесь, пока не натворили бед, если только зло уже не сотворено.

— Сэр Манго, — прервал его Найджел, — пожалуйста, оставьте эту тему; лучше вернемся к разговору об ожидающей меня каре, которым вам угодно было занимать меня.

— Сейчас мне некогда, — ответил сэр Манго, услышав, что часы бьют четыре, — но как только вынесут приговор, можете положиться на меня, милорд, я подробнейшим образом опишу вам всю церемонию; и даю слово кавалера и джентльмена, что я сам провожу вас на эшафот, хотя многие будут на меня смотреть косо. Но у меня хватит духу не покинуть друга в тяжелую для него минуту.

Сказав так, он простился с лордом Гленварлохом, который испытал при его уходе такую же радость (хоть это, пожалуй, и сильно сказано), какая охватывала любого, кому приходилось разделять общество сэра Манго.

Но когда Найджел остался наедине со своими размышлениями, одиночество показалось ему почти столь же тягостным, как общество сэра Манго Мэлегроутера. Окончательное разорение, ставшее, как он думал, неминуемым после пропажи королевского указа, который дал бы ему возможность выкупить отцовское поместье, представлялось ему новым не-

ожиданным ударом. Он не мог припомнить, когда в последний раз видел указ, но был склонен думать, что это было тогда, когда он вынимал из шкатулки деньги, чтобы уплатить ростовщику за комнату в Уайтфрайерсе. С тех пор шкатулка неизменно находилась при нем, за исключением недолгого времени после ареста в Гринвичском парке. Могло стать, что бумага была взята именно тогда, ибо у Найджела не было оснований думать, что он и его имущество находятся в руках людей, относящихся к нему доброжелательно. Однако замок шкатулки, по-видимому, не был взломан; а поскольку он отличался особенной, хитроумной конструкцией, то едва ли мог быть открыт без помощи специального инструмента — для этого было слишком мало времени. Сколько бы он ни раздумывал по этому поводу, ясно было одно: важный документ исчез и, вероятно, находился не в дружеских руках.

«Будь что будет, — сказал себе Найджел. — Сейчас у меня почти так же мало шансов разбогатеть, как и в тот день, когда я впервые приехал в этот проклятый город. Но быть несправедливо обвиненным в серьезном преступлении и запятнанным гнусными подозрениями... Быть предметом унижительной жалости честного горожанина и злорадства завистливого, желчного царедворца, для которого успехи и достоинства ближнего невыносимы, словно солнечный свет для крота... Поистине горестно думать об этом! И ведь последствия скажутся на моей дальнейшей жизни и помешают мне занять то положение, какого я мог бы добиться с помощью своей головы или руки, если ее мне оставят».

Сознавать, что ты являешься предметом общей неприязни, видеть, что ты всеми покинут, — что может быть невыносимее и мучительнее для человеческого существа! Самые закоренелые преступники, чья рука не дрогнув совершала гнуснейшие злодеяния, больше терзаются от сознания, что их муки ни в ком не вызовут сострадания, чем от страха перед неминуемой казнью и телесными мучениями. Известно, что они часто пытаются преуменьшить

чудовищность своих преступлений и даже вовсе отрицают то, чему имеются очевиднейшие доказательства, — так боятся они уйти из жизни, сопровождаемые проклятиями всего человечества.

Неудивительно, что Найджел, изнемогая под тяжестью всеобщего несправедливого подозрения и погруженный в мрачные мысли, вспомнил, что на земле есть по крайней мере одно существо, которое не только верит в его невиновность, но даже употребило все свои слабые силы, чтобы спасти его.

— Бедная девушка, — повторял он, — бедная, безрассудная, но великодушная девушка! Твоя судьба сходна со жребием той самоотверженной шотландки, что вложила свою руку в дверную скобу, дабы помешать войти злодеям, посягавшим на жизнь ее государя. Этот подвиг преданной души не принес пользы, он только обессмертил имя той, что его совершила и чья кровь, говорят, течет в жилах моего рода.

Не берусь сказать читателю, какое влияние имели связанные с этими воспоминаниями мысли о предках и древнем происхождении; возможно, они и уменьшили горячую симпатию к Маргарет Рэмзи, пробужденную в Найджеле пришедшим ему в голову сравнением — пусть несколько натянутым — ее поступка с тем историческим подвигом, о котором мы упомянули. Как бы то ни было, противоречивые чувства дали новое направление его размышлениям.

«Предки? — думал он. — Древность рода? Что они мне? Мое родовое поместье отчуждено, титул стал мне укором, ибо что может быть смешнее титулованной нищеты! Честь моя подверглась сомнению. Я не останусь в этой стране. И если, покидая ее, я заручусь навеки обществом подруги, такой привлекательной, храброй и преданной, кто посмеет сказать, что я обесславил высокое звание, от которого я, в сущности, сам отрекаюсь?»

Было что-то удивительно приятное и романтическое в той картине, которая ему представилась: верные и любящие супруги, составляющие друг для друга весь мир, рука об руку встречающие превратности

жизни.... Мысль соединиться узами с существом столь красивым, с таким бескорыстием и самоотверженностью принявшим участие в его судьбе, приобрела форму сладостных видений, которым любят предаваться романтически настроенные молодые люди. Внезапно мечты его рассеялись, так как он с горечью осознал, что в основе их лежит самая эгоистическая неблагодарность с его стороны. Будь он владельцем замка и крепостных башен, лесов и полей, прекрасных родовых угодий и славного имени, он отверг бы, как невозможную, мысль о том, чтобы возвысить до себя дочь простого механика; но думая о том времени, когда он лишится своего знатного имени и погрязнет в бедности и несчастьях, он, стыдно признаться, был не прочь, чтобы бедная девушка в слепоте своей любви отказалась от лучшего жребия, какой сулило ей твердое положение в обществе, и избрала сомнительный, полный неожиданностей путь, на который был осужден он сам. Найдзелу с его благородной душой показалась отвратительной созданная им картина себялюбивого счастья; и он употребил все силы, чтобы на остаток вечера выбросить из головы мысли об очаровательной девушке или по крайней мере заставить себя не останавливаться на том опасном соображении, что она — единственное живое существо, которое считает его достойным доброго отношения.

Ему не удалось, однако, изгнать ее из своих сновидений, когда, измученный утомительным днем, он погрузился в тревожную дремоту. Образ Маргарет вплетался в беспорядочный и спутанный клубок снов, навеянных его недавними приключениями. Воображение, воссоздавая яркое повествование сэра Манго, явило Найдзелу кровь, кипящую и шипящую от прикосновения раскаленного железа, но и тут Маргарет стояла около него, словно светлый ангел, и дыханием исцеляла его раны. Наконец, измученный этими фантастическими видениями, Найджел уснул и спал крепким сном до утра, пока его не разбудил хорошо знакомый голос, который прежде часто прерывал его сон в тот же утренний час.

Глава XXXI

К чему болтать о благородной крови!
Под этой курткой алая река
Струится — и не хуже греет сердце,
Чем та река, что начала свой путь
В давно погибших царствах ассирийских.

Старинная пьеса

Знакомые звуки, разбудившие Найджела в конце предыдущей главы, были не чем иным, как ворчанием Ричи Мониплайза. Этот достойный слуга, подобно многим лицам, высоко стоящим в собственном мнении, имел обыкновение, не найдя другого собеседника, разговаривать с тем, кто всегда охотно его слушал, то есть с самим собой. Он чистил и встряхивал платье лорда Гленварлоха с величайшим хладнокровием и спокойной аккуратностью, словно никогда и не покидал своего места; при этом он бормотал себе под нос:

— Хм, давно пора плащу и камзолу попасть в мои руки. Навряд ли по ним прохаживалась щетка с тех пор, как мы с ними разлучились. Да-а, шитье порядком-таки поистерлось и золоченые пуговицы тоже. Ей-богу, тут их недостает целой дюжины, не будь я честный человек! Это все от эльзасских похождений. Да не отнимет у нас бог своей милости и да не предоставит нас самим себе в наших помыслах! Я что-то не вижу шпаги... Впрочем, это, наверно, из-за нынешних обстоятельств.

Несколько мгновений Найджел думал, что грезит, — до того невероятным казалось ему, чтобы слуга, который, по его предположениям, находился в Шотландии, сумел его разыскать и добиться доступа в тюрьму. Однако, поглядев в щелку между занавесями и увидев долговязую, неуклюжую, костлявую фигуру Ричи, он убедился, что это явь; придав своей физиономии вдвое более важное выражение, чем обычно, тот прилежно чистил хозяйский плащ и время от времени развлекал себя, то насвистывая, то напевая унылую старинную шотландскую балладу. Будучи совершенно убежден в подлинности сей персоны,

лорд Гленварлох не мог удержаться, чтобы не выразить удивления бессмысленным вопросом:

— Во имя неба, ты ли это, Ричи?

— А кто же еще, милорд? — ответил Ричи. — Я подумал, что, пока ваша светлость живет в этом месте, вам будет приятно, если прислуживать вашей светлости будет человек, не состоящий здесь на службе.

— Я удивлен, что мне вообще кто-то прислуживает, а в особенности ты, Ричи. Ведь мы с тобой расстались, и я думал, что ты давно в Шотландии.

— Прошу прощения у вашей светлости, но мы еще не расстались и вряд ли так скоро расстанемся. Для расторжения договора, как и для его заключения, нужно согласие двух сторон, и хотя вашей светлости было угодно вести себя так, что дело шло к разрыву, я по зрелом размышлении почел за благо не оставлять вас. Говоря откровенно, если ваша светлость не понимает, что такое верный слуга, то я отлично знаю, что значит добрый господин. Коли уж на то пошло, так мне теперь будет еще легче служить, ибо вы лишены возможности преступать границы благоразумия.

— Я и в самом деле вынужден хорошо себя вести, — с улыбкой сказал лорд Гленварлох. — Но надеюсь, ты не воспользуешься моим положением и не станешь слишком строго относиться к моим безрассудным выходкам?

— Избави бог, милорд, избави бог! — проговорил Ричи тоном, в котором самодовольное сознание собственного превосходства сочеталось с искренним чувством преданности. — Тем более что ваша светлость должным образом осознали свои безрассудства. Было время, когда, и верно, я считал своим скромным долгом выражать вам неудовольствие, но сейчас было бы недостойно упрекать вас. Нет, нет, я и сам подчас могу заблуждаться, у меня тоже есть свои слабости: человек далек от совершенства.

— И все же, Ричи, как я ни благодарен тебе за предложение услуг, я не могу скрыть от тебя, что они не принесут мне здесь большой пользы, а тебе могут причинить вред.

— Еще раз прошу прощения у вашей светлости, — прервал Ричи, непререкаемость тона которого усилилась вдесятеро против обычного благодаря преимуществу его положения, — я так устрою дела, что для вашей светлости моя служба будет чрезвычайно полезна, а я нисколько не пострадаю.

— Не представляю себе, как этого можно достигнуть, друг мой, — сказал лорд Гленварлох, — когда даже твои денежные обстоятельства ..

— Что касается денег, милорд, — опять перебил Ричи, — то я не худо обеспечен и по некоему стечению обстоятельств мое пребывание здесь не будет обременительным для вашей светлости и в тягость для меня. Но только я убедительно прошу позволения выговорить себе определенные условия.

— Выговаривай себе что хочешь, — сказал лорд Гленварлох, — ты все равно будешь поступать, как тебе заблагорассудится, с условиями или без них. Если ты не хочешь оставить меня, что, на мой взгляд, было бы самым разумным, то служи мне на любых условиях.

— Все, чего я требую, милорд, — произнес Ричи серьезным и подозрительно скромным тоном, — это неограниченной свободы действий, которой я должен располагать в связи с важными хлопотами; вы же будете пользоваться моим обществом и услугами всегда, когда это окажется удобно для меня и понадобится вашей светлости.

— Причем единственным судьей в этом вопросе будешь, разумеется, ты, — улыбаясь, заметил Найджел.

— Бесспорно, милорд, — с важностью ответил Ричи, — ваша светлость знает только то, что вам нужно, тогда как я вижу дело с обеих сторон и знаю, что полезно для вас и важно для меня.

— Ричи, добрый мой друг, — сказал Найджел, — боюсь, такие условия, которые ставят господина в зависимость от слуги, вряд ли подошли бы мне, будь мы оба на свободе, но так как я арестант, то могу находиться в твоём распоряжении с таким же успехом, как в распоряжении многих других. А потому

ты волея приходить и уходить когда захочешь, коль скоро бесполезно советовать тебе вернуться на родину и предоставить меня моей участи.

— Пусть у меня отнимутся ноги, если я соглашусь на это, — сказал Мониплайз — Я не тот человек, чтобы покинуть вашу светлость в ненастную погоду, после того как столько времени жил при вас припеваючи, пока вам светило солнце. Что бы ни случилось, нас еще ждут впереди ясные деньки.

Домой, домой! Пускай домой дорога далека —
Подует ветер луговой, разгонит облака,
И солнце выйдет проводить и скажет «В добрый час!»
Уж скоро буду я светить на родине у вас!»

Пропев этот куплет на манер певца баллад, чей голос словно охрип от натуги, состязаясь с ревом северного ветра, Ричи Мониплайз помог лорду Гленварлоху подняться и одеться, не упуская возможности при каждом удобном случае выразить самое торжественное и почтительное внимание; затем он прислуживал ему за завтраком и наконец удалился, сославшись на дело чрезвычайной важности, отзывающее его на несколько часов.

Найджел не мог не предвидеть, что самодовольство и непререкаемый тон Ричи Мониплайза будут порой неизбежно раздражать его, но вместе с тем ему было отрадно убедиться в прочной и неизменной преданности, проявленной в данном случае его верным слугой, чьи заботы, как он надеялся, скрасят ему томительную скуку заключения. Он с радостью узнал от тюремщика, что слуге его дозволен свободный вход в то время, какое отведено тюремными правилами для посетителей.

Между тем великодушный Ричи Мониплайз достиг тауэрской пристани. С презрением оглядев яличников, обступивших его со всех сторон, он взмахом руки отклонил их назойливые предложения и с достоинством воскликнул: «Четверку, да получше!», чем привел в движение праздных «тритонов» более высокого ранга, которые при первом взгляде на него сочли его

недостойным своих услуг. Ричи нанял одну из дорогих лодок, уселся на корме с важным видом и, сложив на груди руки под просторным плащом, приказал грести к Уайтхоллу. Благополучно прибыв во дворец, он спросил мейстера Линклейтера, помощника смотрителя кухни его величества. Ему ответили, что мейстера Линклейтера нельзя видеть, так как он занят приготовлением куриного бульона с луком-пореем для самого короля. }

— Передайте ему, — сказал Мониплайз, — что приятель-земляк желает поговорить с ним о весьма важном деле.

— Приятель-земляк? — переспросил Линклейтер, когда ему передали эту неотложную просьбу. — Ладно, впустите его, чтоб его черти взяли! Небось какой-нибудь рыжий долговязый эдинбуржец, прослышав о моем повышении, явился наниматься с моей помощью вертельщиком или кухонным служителем. Как мешают человеку, идущему в гору, всякие приятели, которые цепляются за его подол, надеясь, что он потянет их за собой. А-а, Ричи Мониплайз, ты ли это? Что привело тебя сюда? Если в тебе признают того олуха, что на днях испугал лошадь короля...

— Не будем вспоминать того, что было, сосед, — сказал Ричи. — Я опять по тому же делу: мне надо поговорить с королем.

— С королем? Ты совсем рехнулся, — проговорил Линклейтер и, повернувшись к своим помощникам, закричал: — Эй, следите за вертелами, бездельники! *Pisces purga! Salsamenta fac macerentur pulchre,*¹ я научу вас понимать латынь, мошенники, как подобает поварам короля Иакова! — Затем тихим голосом, предназначая свои слова для ушей одного Ричи, он продолжал: — Разве тебе не известно, как отличился вчера твой господин? Не скрою от тебя, что его выходка заставила кое-кого дрожать за свое место.

— Ну, хорошо, Лори, но на этот раз ты должен помочь мне вручить во все милостивейшие руки ко-

¹ Почисти рыбу! Потоми ее хорошенько. Пусть закуска будет мягкой (лат.).

роля вот это пустяковое прошение. Ручаюсь тебе, что содержание его придется королю как нельзя более по вкусу.

— Ричи, — ответил Линклейтер, — ты как будто задался целью прочесть молитву на конюшне, где за твоей голой спиной будут стоять два конюха с кнутами в руках и приговаривать «аминь».

— Нет, нет, дружище Лори, — возразил Ричи, — я теперь научился писать челобитные, и ты сам это увидишь, если передашь эту бумагу королю.

— Нет, я к ней пальцем не притронусь, — отвечал осторожный служитель королевской кухни. — Но вот сейчас королю в кабинет подадут куриный бульон с луком-пореем. Я не могу помешать тебе положить письмо между золотой чашей и подносом. Его святейшее величество непременно увидит письмо, когда поднимет чашу, чтобы выпить бульон.

— Этого только мне и надо, — сказал Ричи и положил письмо под чашу; едва успел он это сделать, как вошел паж, чтобы отнести кушанье королю.

— Так, так, сосед, — сказал Лоренс, когда бульон был унесен, — если это доведет тебя до лозы или до плети, то ты сам этого добивался.

— Никого другого мне за это винить не придется, — ответил Ричи с невозмутимым и самодовольным упрямством, которое составляло отличительную черту его характера; после чего он стал ожидать дальнейших событий, не замедливших произойти. Через несколько минут в кухне появился сам Максуэл и торопливо спросил, кто положил письмо на королевский поднос. Линклейтер заявил о полной непричастности к этому, а Ричи Мониплайз безбоязненно выступил вперед и торжественно произнес:

— Это сделал я.

— В таком случае следуй за мной, — сказал Максуэл, с любопытством поглядев на Ричи.

Они поднялись по потайной лестнице, по той самой лестнице, которая при дворе считалась более короткой дорогой к власти, чем даже *grandes entrées*.¹

¹ Главные входы (франц.).

Когда они вошли в приемную — по описанию Ричи, «плохо убранную комнату», — провожатый сделал Ричи знак подождать, а сам скрылся в кабинете. Сопровождение продолжалось недолго, и когда Максуэл отворил дверь, чтобы выйти, Ричи услышал конец разговора:

— Ты уверен, что он нам не опасен? Я уже раз попался на удочку. Будь неподалеку, но не подходи к дверям ближе, чем на три локтя. Если я возвышу голос, кидайся ко мне на помощь, как сокол, но когда я буду говорить тихо, держи свои длинные уши подальше. А теперьпусти его.

По знаку Максуэла Ричи вошел и очутился перед лицом короля. Всякий человек такого происхождения и воспитания, как Ричи, да многие и познатнее, растерялись бы, оказавшись наедине со своим государем. Но Ричи Мониплайз был о себе слишком высокого мнения, чтобы почувствовать замешательство. Церемонно поклонившись, он снова выпрямился во весь рост и застыл как столб.

— Они у тебя, любезный, у тебя? — возбужденно спросил король, суетясь как в лихорадке и разрываясь между надеждой, нетерпением, страхом и недоверчивостью. — Давай их сюда, давай и не говори ни слова, я повелеваю тебе как нашему подданному.

Ричи вынул из-за пазухи шкатулку и, опустившись на одно колено, подал ее королю; тот торопливо открыл ее и, увидав рубиновое ожерелье, уже знакомое читателю, впал в какой-то экстаз, принялся целовать драгоценные камни, словно одушевленные существа, и без конца повторять с ребяческим восторгом: *Опух сит рголе, сilexque. Опух сит рголе!*¹ Ах вы мои славные, любезные искорки, мое сердце трепещет, как птичка, от радости, что я снова вижу вас.

Тут он повернулся и, заметив, что поведение его вызвало угрюмое подобие улыбки на обычно неподвижной физиономии Ричи, мгновенно перешел от веселья к неудовольствию и сказал:

¹ Оникс с потомством и кремень. Оникс с потомством! (лат.).

— Остерегитесь, сэр, не вздумайте смеяться над нами, вашим венценосным государем.

— Избави бог, чтоб я стал смеяться, — ответил Ричи, придавая своему лицу его обычную суровость. — Я улыбнулся только для того, чтобы привести черты моего лица в соответствие с веселым лицом вашего величества.

— Ты говоришь как почтительный подданный и честный человек, — сказал король. — Но кто ты такой, черт возьми?

— Я Ричи Мониплайз, сын старого Манго Мониплайза, жившего у Западных ворот в Эдинбурге, что в свое время имел честь поставлять для стола вашего величества и матушки вашего величества говядину и другие съестные припасы.

— Ах вот что! — сказал со смехом король, который обладал весьма полезным в его положении свойством — цепкой памятью, позволявшей ему помнить любого, с кем ему доводилось сталкиваться хотя бы на миг. — Ты тот самый изменник, по чьей милости мы чуть не растянулись посреди двора? Но мы все-таки удержались в седле. *Aequam mentem rebus in arduis servare.*¹ Ну, ну, не огорчайся, Ричи. Столько раз честные люди оказывались изменниками, что справедливости ради изменник хоть изредка должен *contra expectanda*² обернуться честным человеком. А как попали к тебе наши драгоценности, любезный? Ты пришел от Джорджа Гериота?

— Вовсе нет, государь. С позволения вашего величества, я пришел так, как сражался Гарри Уинд — сам по себе, а не по чьему-либо поручению, ибо надо мной нет других хозяев, кроме того, кто меня создал, вашего всемилостивейшего величества, который мною управляет, и благородного Найджела Олифанта, лорда Гленварлоха, который кормил меня, бедняга, до тех пор, пока мог прокормить себя.

¹ Хранить старайся духа спокойствие во дни напасти (лат.; Гораций, «Оды», кн. II, стих 3, перевод А. Семенова-Тян-Шанского).

² Против ожидания (лат.).

— Опять этот Гленварлохид! — воскликнул король. — Клянусь честью, он подстерегает нас на каждом шагу! Тсс, Максуэл стучится в дверь. Верно, пришел Джордж Гериот сообщить, что он не может отыскать драгоценности. Спрячься за драпировку, Ричи, стой тихо, любезный, не чихай, не кашляй, не дыши! Звонкий Джорди так любит показывать свой блестящий ум, но так чертовски неохотно расстается со своими блестящими монетами, что, клянусь нашей королевской честью, я с радостью его проучу.

Ричи, повинуясь приказанию добродушного короля, спрятался за драпировку, а монарх, никогда не позволявший своему королевскому достоинству становиться поперек дороги хорошей шутке, собственноручно поправил драпировку, чтобы никто не заподозрил засады, и спросил у Максуэла, в чем дело. Максуэл ответил так тихо, что Ричи не расслышал его слов, а между тем необычность положения ни в коей мере не уменьшила присущего ему любопытства и желания утолить его елико возможно.

— Пусть Джорди Гериот войдет, — сказал король.

Насколько Ричи мог видеть в щелку, честный горожанин если и не был обуреваем волнением, то, во всяком случае, казался смущенным. Страсть короля к забавной и остроумной шутке поистине должна была быть удовлетворена последующей сценой. Он холодно принял своего верноподданного и заговорил с ним вежливо и с достоинством, что резко отличалось от его обычной бесцеремонной и живой манеры.

— Мейстер Гериот, — начал он, — если память нам не изменяет, мы заложили у вас некие королевские драгоценности за некоторую сумму денег. Было это или не было?

— Мой милостивейший государь, — ответил Гериот, — вашему величеству, бесспорно, угодно было так поступить.

— Право собственности на сии драгоценности и *simelia*¹ сохранялось за нами, — продолжал король тем же важным тоном, — вам же принадлежит лишь

¹ Украшения (лат.).

право взыскать выданную под них сумму. С выплатой таковой означенные вещи, отданные вам в залог, в заклад или в обеспечение сделанного займа, должны быть возвращены нам. Воэтиус, Винниус, Грэнвигенеус, Пагенстехерус, — словом, все, кто изучал «*De contractu opignerationis*», *consentiant in eundem*,¹ то есть согласны в этом пункте. Римское право, английское обычное право и общинное право нашего древнего шотландского королевства, расходясь в большем количестве частных, чем желательно, в этом вопросе объединяются так же тесно, как три скрученные пряди веревки.

— С позволения вашего величества, — заметил Гериот, — нет надобности ссылаться на такое множество ученых авторитетов, чтобы доказать честному человеку, что его права на заложенную вещь кончаются, когда долг возвращен.

— Итак, сэр, я предлагаю вам обратно занятую у вас сумму и требую, чтобы мне были возвращены отданные в заклад драгоценности. Не так давно я уже мельком упоминал, что они мне понадобятся; надвигающиеся события, вероятно, потребуют, чтобы мы явились перед нашими подданными, и покажется странным, если на нас не будет этого украшения, наших наследственных драгоценностей — отсутствие их может навлечь на нас презрение и нарекания наших вассалов.

Слова короля, казалось, сильно задели мастера Гериота, и он с приметным волнением ответил:

— Призываю небо в свидетели, что я совершенно непричастен к пропаже. Я лучше согласился бы потерять выданные в залог деньги, только б возвратить вам драгоценности, об отсутствии которых ваше величество изволит справедливо горевать. Если б ожерелье оставалось у меня, так и думать было бы не о чем, но ваше величество должны отдать мне справедливость и вспомнить, что по вашему строгому приказу перед самым моим отъездом в Париж я передал ожерелье другому лицу, которое предоставило

¹ «О залоговых контрактах», сходятся в одном (лат.).

взаймы большую сумму. Деньги требовались срочно, а иного способа достать их я не мог найти. Я предупредил ваше величество, когда принес требуемую сумму, что она получена от человека с дурной славой, а вы изволили, понюхав золото, ответить истинно по-королевски: «Non olet»,¹ то есть что оно не пахнет теми средствами, какими приобретено.

— Пусть так, любезный, — возразил король, — но к чему вся эта болтовня? Если уж ты отдал в заклад мои драгоценности какому-то прощелыге, то изволь как наш честный верноподданный позаботиться о том, чтобы мы всегда могли их выкупить. Почему мы должны из-за твоей нерадивости терять наши *simelia*, да еще служить предметом насмешек наших вассалов и иностранных послов?

— Мой король и повелитель, — сказал Гериот, — видит бог, если б мой позор и поруганье могли избавить вас от неприятностей, то как верный слуга, обязанный вам бесчисленными благодеяниями, я счел бы своим долгом претерпеть и то и другое. Но примите во внимание насильственную смерть того человека, исчезновение его дочери и имущества, вспомните, что я считал своим смиренным долгом предупредить ваше величество о возможности всяких случайностей и умолял уволить меня от переговоров с ним от вашего имени.

— Но ты ничего лучшего не придумал, Джорди, — возразил король, — ты не мог придумать никакого иного выхода. А мы были в растерянности и ухватились за первые попавшиеся деньги, как утопающий хватается за подвернувшийся под руку ивовый прут. А теперь, любезный, почему ты не можешь вернуть драгоценности? Не сквозь землю же они провалились, стоит только поискать получше.

— Предприняты самые тщательные поиски, ваше величество, — ответил горожанин, — объявлено о пропавшем по всему городу, но найти их невозможно.

— Ты хочешь сказать — трудно, Джорди. Невозможно только то, что противоречит природе, *exempli*

¹ Не пахнет (лат.).

gratia¹ — обратить два в три, или то, что невозможно в нравственном смысле, например — представить истину ложью. Но то, что трудно исполнить, все-таки выполнимо, когда на помощь приходят мудрость и терпение. Посмотри-ка, Звонкий Джорди!

С этими словами король поднес обретенное сокровище к глазам повергнутого в изумление ювелира и торжествующе воскликнул:

— Ну, что ты скажешь, Звонкий Джорди? Клянусь короной и скипетром, он выпучил глаза, словно перед ним не его законный король, а чародей! Это мы-то, настоящий *malleus maleficarum*,² дробящий и сокрушающий молот, обращенный против всех магов, колдунов, волшебников и им подобных! Он думает, что мы тоже причастны к чернокнижию! Иди с миром, честный Джорди, ты добрый, простой человек, но ты не принадлежишь к числу семи греческих мудрецов; иди с миром и вспомни свои подлинные слова, сказанные тобою недавно, о том, что есть в этой стране один человек, который во всем подобен Соломону, царю израильскому, во всем, кроме любви к женщинам, а одна из них к тому же была дочерью фараона.

Если Гериот был удивлен столь неожиданным появлением драгоценностей в тот момент, когда король с жаром упрекал его в пропаже, то упоминание о его собственных словах, вырвавшихся у него в разговоре с лордом Гленварлохом, окончательно сразило его. Король пришел в такой восторг от своего триумфа, что потирал руки, хихикал и наконец, когда чувство торжества одержало верх над чувством собственного достоинства, бросился в кресло и принялся смеяться так неудержимо, что задохнулся и слезы потекли по его лицу. Между тем на залиvistый смех короля из-за драпировки откликнулся оглушительный хохот, хохот человека, который, не имея привычки подобным образом выражать свои чувства, оказался не в состоянии обуздать или умерить свое буйное веселье.

¹ Для примера (лат.).

² Молот ведьм (лат.).

Гериот, вконец ошеломленный, повернул голову в ту сторону, откуда неслись эти дикие, неистовые звуки, столь неприличные в присутствии короля. Король, тоже, видимо, усмотрев некоторое нарушение приличий, поднялся, вытер глаза и воскликнул:

— А ну-ка, хитрый лис, вылезай из норы!

На эти слова из-за драпировки вылез длинный Ричи Мониплайз, продолжавший заливаться смехом, точно кумушка на деревенских крестинах.

— Тише, любезный, тише, — сказал король, — зачем ржать, как жеребец над кормушкой с овсом, хотя бы это была и веселая шутка и мною самим придумана. Однако как вспомню Звонкого Джорди, который воображает себя умнее других, как вспомню, ха-ха-ха, когда он в духе Эвклиона из комедии Плавта сокрушался по поводу того, что лежит у него под носом...

Perii, interii, occidi — quo curram? quo non curram?

Tene, tene — quem? quis? nescio — nihil video.¹

Эх, Джорди, твои глаза остры, когда надо не упустить золота, серебра, бриллиантов и рубинов, но если они упущены, то ты не знаешь, где их искать. Да, да, посмотри, любезный, посмотри на них: вот они, целые и невредимые, все как на подбор, ни одного поддельного.

Джордж Гериот оправился тем временем от удивления, но, будучи старым, опытным царедворцем, предпочитал не нарушать мнимого торжества короля и только с досадой посмотрел на простодушного Ричи, который все еще продолжал, что называется, широко ухмыляться. Затем Гериот не спеша осмотрел камни, установил, что они все в целости, чистосердечно, от всей души поздравил его величество с обретением сокровища, потеря коего могла бы бросить тень на престол, и спросил, кому он должен отдать

¹ Я пропал, я погиб, я убит. Ой, куда мне бежать и куда не бежать?

Стой, держи! Кто? Кого? Я не знаю, не вижу (лат.).

деньги, за которые драгоценности были заложены, заметив, что деньги у него с собой.

— Ты чертовски торопишься, когда дело доходит до платежа, Джорди, — сказал король. — Что за спешка, любезный? Ожерелье возвращено нашим честным и любезным соотечественником. Вон он стоит, и кто знает: сию минуту ему нужны деньги или он удовольствуется приказом нашему казначейству об уплате через шесть месяцев? Ты же знаешь, что в казне нашей пусто, а кричишь «заплатить, заплатить», как будто я владею всем золотом Офира.

— С позволения вашего величества, — сказал Гериот, — если этот человек действительно имеет право на деньги, то, без сомнения, в его воле согласиться на отсрочку. Но когда я вспоминаю, каким я увидел его в нашу первую встречу — в изодранном плаще и с расшибленной головой, — я не могу этому поверить. Вы не Ричи ли Мониплайз?

— Да, мейстер Гериот, из старинного, почтенного дома Касл Коллоп, близ Западных ворот в Эдинбурге, — ответил Ричи.

— С позволения вашего величества, человек этот — бедный слуга. По сути дела, он не имеет права распоряжаться этими деньгами.

— А почему бы нет? — спросил король. — Ты думаешь, никто не может взобраться на гору, кроме тебя, Джорди? Твой плащ тоже был довольно тонок, когда ты приехал в Лондон, а теперь он у тебя подбит теплой и нарядной подкладкой. А что он слуга, так много голи перекатной перешло через Твид, неся на спине котомку своего господина, а теперь смотри: сзади у него хвост из шести лакеев. Вот он сам стоит — спроси у него, Джорди.

— Он будет не самым беспристрастным судьей в этом случае, — возразил осторожный горожанин.

— Ну, ну, любезный, — сказал король, — ты слишком недоверчив. У мошенников, которые охотятся на чужих землях, есть подходящая пословица: «*non est inquirendum unde venit*¹ дичь» — «кто коня приволок,

¹ Не надо расспрашивать, откуда пришла (лат.).

тот и сбруей владей». Послушай, приятель, скажи правду и посрами дьявола. Есть у тебя полномочия распоряжаться выкупом, можешь ты согласиться на отсрочку или нет?

— Мне даны все полномочия, если будет угодно вашему величеству, — ответил Ричи Мониплайз. — В отношении выкупа я охотнейшим образом соглашусь на все, что пойдет на пользу вам, в надежде на милость вашего величества в небольшом интересующем меня дельце.

— Ах вот как, любезный, — сказал король, — так ты за этим пожаловал ко мне? Ты ничуть не лучше остальных. Казалось бы, жизнь и имущество наших подданных принадлежат нам и мы вольны ими располагать, а на поверку выходит совсем другое: чуть нам понадобится занять у них денег, что случается чаще, чем нам хотелось бы, черта с два от них получишь без старого обычая — услуга за услугу, ты мне — я тебе. Ну, говори, сосед, что тебе надо. Какую-нибудь монополию? Или даровую на церковные земли и десятины? Или, может быть, рыцарское звание? Только будь разумен в своей просьбе, если ты не собираешься предложить нам еще денег, в которых у нас сейчас такая нужда.

— Мой государь, — ответил Ричи Мониплайз, — владелец этих денег отдает их в распоряжение вашего величества на любой удобный вам срок, без всяких залогов и процентов, при условии, что ваше величество отнесется благосклонно к благородному лорду Гленварлоху, заключенному в королевский лондонский Тауэр.

— Что такое, что такое, любезный? — вскричал король, краснея и заикаясь, но на сей раз обуреваемый чувствами более благородными, нежели те, какие он частенько проявлял. — Что ты осмелился предложить нам? Чтобы мы продали наше правосудие? Нашу милость? И это ты предлагаешь нам, венценосному королю, который присягал открыто вершить правосудие над нашими подданными, который держит ответ в своем правлении перед тем, кто превыше всех царей? — Тут он благоговейно поднял глаза

вверх, притронулся к своей шапочке и продолжал суровым тоном: — Мы таким товаром не торгуем, сэр, и не будь ты темный невежда, который еще сегодня оказал нам немаловажную услугу, тебе прижгли бы язык каленым железом *in terrorem*¹ других. Убери его с наших глаз, Джорди, заплати ему всё до последнего медяка из наших денег, что хранятся у тебя, и пусть пеняет на себя тот, кто последует его примеру.

Ричи, доселе твердо уверенный в успехе своего ловкого хода, очутился в положении зодчего, на глазах у которого рушится возведенное им здание. Однако ему показалось, что не все еще потеряно.

— Не только сумма, за которую были заложены драгоценности, — сказал он, — но если нужно, то вдвое больше будет предоставлено вашему величеству, и даже без отдачи, если...

Но король не дал ему договорить и закричал с еще большей горячностью, словно опасаясь за стойкость своих добрых намерений:

— Уведи его отсюда, уведи скорей! Самое время ему убираться, раз он начал удваивать цену! Заклинаю тебя жизнью, Джорди, постарайся, чтоб ни Стини, ни кто другой не услышали от него ни слова, ибо кто знает, какие неприятности для меня могут из этого выйти. *Ne inducas in tentationem. Vade retro, Sathanas! Amen.*²

Повинуясь королевскому приказанию, Джордж Гериот поторопился вывести незадачливого просителя вон из кабинета и из дворца. Когда они вышли во двор, горожанин, припомнив с некоторым злорадством попытку Ричи в начале этой сцены быть с ним запанибрата, не мог превозмочь желания отомстить и насмешливо поздравил Ричи с королевской милостью и наконец-то приобретенным умением вручать челобитные.

— Пусть вас это не беспокоит, мейстер Джордж Гериот, — огрызнулся нисколько не обескураженный

¹ Для устрашения (лат.).

² Не введи во искушение. Изыди, сатана! Аминь (лат.).

Ричи. — Скажите лучше, когда и где я могу получить от вас восемьсот фунтов стерлингов, за которые было заложено ожерелье?

— Как только ты приведешь настоящего владельца этих денег, — ответил Гериот, — которого я должен повидать по самым разным причинам.

— Тогда я вернусь к его величеству, — решительно заявил Ричи Мониплайз, — и не уйду, пока не получу назад заклада или денег. Я уполномочен действовать по своему усмотрению.

— Может, это и так, Ричи, а может быть, и нет, ибо твоими устами не всегда глаголет истина. Будь уверен, что я не заплачу тебе столь значительной суммы, пока не узнаю, правду ли ты говоришь. Тогда я дам тебе расписку и вручу деньги по первому требованию. А теперь, любезный Ричард Мониплайз из Касл Коллопа, близ Западных ворот в Эдинбурге, важные дела вынуждают меня вернуться к его величеству.

С этими словами он начал подниматься по лестнице обратно во дворец, добавив, как бы подводя итог всему сказанному:

— Джордж Гериот — старый воробей, его на мякине не проведешь.

Ричи окаменел на месте, когда увидел, как золотых дел мастер вошел во дворец, оставив его, Ричи, на бобах.

— Черт тебя побери, — пробормотал он, — хитрый старый сквалыга. Если ты честный человек, то это не значит, что кругом все жулики. Провалиться мне на этом месте, если я признаю себя побежденным. Помилуй нас бог, вон идет Лори Линклейтер, сейчас он пристанет ко мне с расспросами насчет ходатайства. Нет, клянусь святым Андреем, этого я не вынесу.

И сменив свою гордую поступь, какой он вошел утром во дворец, на неуклюжую рысцу, он с такой прытью пустился к ожидавшей его лодке, что отступление его, как говорится, было очень похоже на бегство.

Бенедикт

Здесь свадьбою не пахнет!

«Много шума из ничего»

Как только мейстер Джордж Гериот вернулся в покои короля, Иаков осведомился у Максуэла, пришел ли граф Хантинглен, и, получив утвердительный ответ, приказал ввести его. Старый шотландский лорд склонился в поклоне, как то было положено, а король дал поцеловать ему свою руку и заговорил участливым голосом:

— В конфиденциальном послании, собственно-ручно написанном вам нынче утром в знак того, что мы ценим и помним вашу верную службу, мы уведомили вашу светлость, что будем вынуждены сообщить вам такие вести, которые потребуют от вас терпения и мужества. А потому мы советовали вам со вниманием прочесть наиболее выразительные места из Сенеки и из «*De Consolatione*»¹ Боэция, чтобы подготовить, так сказать, спину под будущую ношу. Совет этот мы дали вам, опираясь на собственный опыт. «*Non ignara mali, miseris succurrere disco*»,² — говорит Дидона, и я мог бы сказать про себя «*non ignarus*», но изменить род значило бы нарушить пророчество, о которой так заботятся наши английские подданные. Итак, лорд Хантинглен, я надеюсь, вы вняли нашему совету и заранее вооружились терпением... *Venienti occurrere morbo*,³ приготавливай лекарство, когда болезнь только надвигается.

— С позволения вашего величества, — ответил лорд Хантинглен, — я старый солдат, а не ученый. И если крепкая натура не выручит меня из беды, тогда, надеюсь, я найду утешение в текстах священного писания.

¹ «Об утешении» (лат.).

² И не в неведеньи зол помогать злополучным учусь я (лат.; Вергилий, «Энеида», перевод В. Брюсова и С. Соловьева).

³ Предупреждай приближающуюся болезнь (лат.).

— Опять ты против учености, любезный. Библия, дорогой мой, — тут король притронулся к своей шапочке, — конечно, *principium et fons*;¹ жаль только, что ваша светлость не может прочесть ее в оригинале. Хотя мы и покровительствовали переводу библии на английский язык, в предисловии к нему написано, что когда темные тучи угрожали нависнуть над страной после заката яркой западной звезды, королевы Елизаветы, наше появление, подобно восходу могучего солнца, мгновенно рассеяло сгущавшуюся мглу; хотя, стало быть, мы способствовали распространению, как там говорится, евангельского учения, а в особенности переводу писания с древних священных языков, мы, однако же, признаемся, что сами получали удовольствие только от чтения на древнееврейском и нас не могли удовлетворить ни латинский перевод семидесяти толковников, ни тем более английский перевод.

— С вашего разрешения, — сказал лорд Хантинглен, — если рассказ о дурных новостях, упомянутых в письме, которым вы меня удостоили, вашему величеству будет угодно отложить до тех пор, пока я не выучусь читать по древнееврейски, боюсь, что я умру, так и не узнав о несчастьях, постигших или грозящих постигнуть мой дом.

— Вы очень скоро их узнаете, милорд, — ответил король. — Как ни прискорбно, но я должен сказать, что ваш сын Дэлгарно, которого я считал чуть ли не святым, потому что он проводил все время со Стини и нашим сынком Чарлзом, оказался настоящим подлецом.

— Подлецом! — воскликнул лорд Хантинглен, и хотя, опомнившись, он тут же добавил: — Впрочем, так было угодно сказать вашему величеству, — тон, каким он произнес первое слово, заставил короля отшатнуться, как будто его ударили. Но Иаков быстро пришел в себя и сказал, надувшись, как всегда в минуты неудовольствия:

¹ Начало и источник (лат.).

— Да, милорд, нам было угодно так сказать; *pop surdo canis*¹ — мы, слава богу, еще не оглохли, так что, пожалуйста, не повышайте голоса. Вот недурной документ, читайте и судите сами.

И король сунул в руки старому лорду бумагу, содержащую историю леди Гермионы, где факты были изложены так сжато и ясно, что виновность лорда Дэлгарно, любовника леди Гермионы, постыдно ее обманувшего, казалась неоспоримой. Но какой отец легко согласится признать вину своего сына?

— Осмелюсь спросить ваше величество, — сказал лорд Хантинглен, — почему история эта не стала известна вам раньше? Эта женщина живет здесь много лет. Почему жалоба на моего сына не была принесена ею в ту же минуту, как она ступила на английскую землю?

— Скажи ему, как обстояло дело, Джорди, — промолвил король, обращаясь к Гериоту.

— Мне неприятно огорчать лорда Хантинглена, — ответил Гериот, — но я должен сказать правду. Леди Гермиона долгое время не могла решиться предать огласке обстоятельства своей жизни, а когда наконец взгляд ее на этот предмет изменился, необходимо было сперва разыскать доказательства, свидетельствующие о мнимом браке, а также связанные с ним письма и документы, которые по приезде в Париж, прежде чем я ее нашел, она оставила на хранение корреспонденту ее отца в этом городе. Впоследствии тот человек обанкротился; в результате этого несчастья документы леди Гермионы перешли в другие руки, и только несколько дней назад мне удалось напасть на след и получить их. Без этих уличающих бумаг было бы неблагоразумно подавать жалобу на лорда Дэлгарно, когда у него есть такие могущественные покровители.

— Дерзко с твоей стороны так говорить, — сказал король. — Я отлично понимаю, кого ты имеешь в виду. Ты думаешь, что Стини употребил бы все свое влияние, чтобы склонить чашу весов правосудия. Но ты

¹ Ты поешь не глухому (лат.).

забываешь, Джорди, чья рука держит весы. И к тому же ты несправедлив к бедному Стини: он сам признался перед нами и нашим Тайным советом, что Дэлгарно пытался отделаться от девушки и навязать ее ему, Стини, непорочному простодушному малому, выдав ее за женщину легкого поведения. При этом мнении Стини остался даже тогда, когда покинул ее, хотя на месте Стини мне показалось бы странным, что эта особа могла устоять перед таким молодцом, как он.

— Леди Гермiona, — заметил Джордж Гериот, — всегда отдавала должное благородному поведению герцога, который, даже заблуждаясь на ее счет, почел ниже своего достоинства воспользоваться ее горем и, напротив, снабдил ее деньгами и помог выйти из затруднительного положения.

— Как это похоже на него, благослови бог его красивое лицо! — воскликнул король. — Я тем охотнее верю рассказу этой леди, что она не говорит ничего дурного про Стини. Чтобы скорее покончить с этим делом, милорд Хантинглен, скажу, что мнение нашего Совета и наше собственное, равно как мнение Чарлза и Стини, таково: ваш сын обязан исправить зло, женившись на этой леди, или же мы лишим его нашей милости и предадим всяческому посрамлению.

Тот, к кому король обращался, не мог вымолвить ни слова. Он стоял не двигаясь, глядя в одну точку застывшим взором, и даже веки его казались неподвижными; столь жесток был удар, нанесенный ему, что суровое лицо его с резкими чертами и крепкая фигура мгновенно окаменели, превратив его в старинное изваяние рыцарских времен. В следующую минуту, словно та же статуя, пораженная молнией, он с тяжким стоном рухнул на пол. Король в страшной тревоге стал призывать на помощь Гериота и Максуэла и, так как присутствие духа не было его forte,¹ он забежал по комнате, восклицая:

— Мой старый возлюбленный слуга, спасший нашу священную особу! *Vae atque dolor!*² Мой лорд

¹ Сильной стороной (*итал.*).

² Увы, горе! (*лат.*).

Хантинглен, открой глаза, послушай меня — пусть твой сын женится хоть на царице Савской!

Тем временем Максвелл и Герriot подняли старого графа и усадили его в кресло; увидев, что он начинает понемногу приходить в себя, король принялся утешать его уже более рассудительным тоном:

— Подними голову, любезный, подними голову и выслушай твоего милостивого законного государя. Если в этом браке есть бесчестье, то оно придет не с пустыми руками. Тут найдется довольно денег, чтобы позолотить его, хорошее приданое и недурная родословная. Если она и была потаскушкой, то в этом виноват твой сын, и в его власти сделать из нее снова честную женщину.

Как ни разумны были с обычной точки зрения рассуждения короля, они не приносили утешения лорду Хантинглену, который, возможно, даже не вполне понимал их. Однако всхлипывания мягкосердечного короля, сопровождавшие и прерывавшие его слова, оказали на старика более быстрое действие. Крупные скупые слезы выступили у него на глазах, он стал целовать сморщенные руки короля, которые тот, также плача, но с меньшим достоинством и сдержанностью, протягивал ему сперва по очереди, а потом обе вместе; наконец человеческие чувства окончательно одержали верх над сознанием монаршего величия, и король, сжав руки лорда Хантинглена, сочувственно потряс их, как равный, как близкий друг.

— *Compre lachrymas*,¹ — сказал король, — успокойся, любезный, успокойся. Совет, и наш сынок Чарлз, и Стини могут убираться ко всем чертям. Твой сын не женится на ней, если тебя это так огорчает.

— Нет, он женится на ней, клянусь богом! — произнес граф, выпрямляясь, смахивая слезы и пытаясь обрести хладнокровие. — Прошу прощения у вашего величества, но он женится на ней и возьмет в приданое ее позор, если даже она самая отъявленная распутница во всей Испании. Если он дал слово, то

¹ Уйми слезы (лат.).

сдержит его, хотя б он дал его презреннейшей из уличных тварей. Он сдержит слово, или мой кинжал отнимет у него жизнь, которую я ему дал. Если он мог унизиться до столь гнусного обмана, то пусть он даже обманул само бесстыдство, он женится на бесстыдстве.

— Нет, нет, — успокаивал его король, — дела совсем не так плохи. Даже когда Стини думал о ней самое худшее, он не считал ее уличной девкой.

— Если это послужит в утешение лорду Хантинглену, — вставил горожанин, — то я могу поручиться за высокое происхождение этой леди и чистейшую, незапятнанную репутацию.

— Я могу только пожалеть об этом, — начал лорд Хантинглен и, спохватившись, добавил: — Да простит мне небо мою неблагодарность, но мне почти жаль, что она такова, какой вы ее описываете, ибо негодяй не заслуживает этого. Быть приговоренным жениться на женщине красивой, невинной, честной...

— И добавь — богатой, милорд, богатой, — перебил его король. — Вероломный отделается слишком мягким наказанием.

— Давно уже я видел, — сказал убитый горем отец, — что он себялюбив и жестокосерден, но чтобы он оказался еще и лжецом и клятвопреступником... Никогда я не думал, что такой позор постигнет наш род! Я не желаю больше видеть его.

— Полно, милорд, полно, — прервал его король. — Пробеги его хорошенько. Я думаю, тебе надо воздействовать на него скорее в духе Демей, чем в духе Микиона — *vi pempe et via pervulgata patrum*.¹ Но чтобы не пускать его к себе на глаза, твоего единственного сына, — это совершенно бессмысленно. Скажу тебе по секрету, любезный (хотя я ни за что не хотел бы, чтоб Чарлз меня слышал): мой сын мог бы лишиться невинности половину всех лондонских девушек, прежде чем у меня повернулся бы язык вымолвить такие жестокие слова, какие ты сказал о твоём чертовом Дэлгарно.

¹ Силой, у отцов оно так водится (лат.).

— Прошу ваше величество позволить мне удалиться, — сказал лорд Хантинглен, — и пусть королевская справедливость подскажет вам, как решить это дело, ибо я не желаю никакого снисхождения для моего сына...

— Хорошо, милорд, пусть будет так. И если только есть что-нибудь в нашей власти, — добавил государь, — что доставило бы вам утешение...

— Милостивое сочувствие вашего величества уже принесло мне все утешение, какое возможно на земле. Остальное мне дарует царь царей.

— Ему я препоручаю тебя, мой старый верный слуга, — растроганно произнес Иаков.

После того как граф удалился, король некоторое время стоял в задумчивости, а затем сказал Герiotу:

— Звонкий Джорди, вот уже целых тридцать лет ты знаешь все тайны нашего двора, хотя, как умный человек, и делаешь вид, что ничего не слышишь и не видишь. Мне очень хотелось бы из чисто философского интереса задать тебе один вопрос: не приходилось ли тебе слышать, чтобы покойная леди Хантинглен, жена нашего благородного графа, поскользнулась когда-нибудь на своем пути? Я хочу сказать: не оступилась ли она или, там, не потеряла ли поясok? Ну, ты понимаешь меня.

— Даю вам слово, как честный человек, — ответил Джордж Герiot, немало удивленный вопросом, — ее не коснулось никакое, даже самое ничтожное, подозрение. Она была достойной женщиной, весьма благоразумного поведения, и жили они с супругом в полном согласии; графиня имела только тот недостаток, что была склонна к пуританству и больше водила дружбу со священниками, чем то было по нраву лорду Хантинглену, который, как известно вашему величеству, человек старого закала, любящий пить и браниться.

— Ах, Джорди, — промолвил король, — все это слабости людей старого времени, и мы сами от них не совсем свободны. Но свет портится день ото дня,

Джорди. Молодые люди нынешнего века могут с полным правом повторить вслед за поэтом:

Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores.¹

Этот Дэлгарно не пьет и не богохульствует, как его отец, но зато, Джорди, он распутничает, не держит слова и нарушает клятвы. А что касается графини и священников, Джорди, то духовные пастыри и короли — такие же грешные создания, как и прочие смертные. Кто знает, может быть, этим объясняется различие между Дэлгарно и его отцом? Граф — сама честность, он так же мало обращает внимания на земные блага, как благородная гончая на хорька. Но сын его держался с удивительным бесстыдством при нас, при Стини и Чарлзе и при всем Совете, пока не услышал о приданом, после чего он, клянусь королевским престолом, закланялся, точно петух над крыжовником. Как утверждают Баптиста Порты, Майкл Скотт в «*De Secretis*»² и другие, бывают случаи несходства между отцом и сыном, для которых трудно найти естественное объяснение. Ах, Звонкий Джорди, если б гул котлов и бречание горшков, кастрюль и прочей металлической посуды не вышибли у тебя из головы школьной премудрости, то я поговорил бы об этом предмете более подробно.

Гериот не был так лицемерен, чтобы сокрушаться о забытых школьных познаниях, поэтому, сдержанно заметив, что встречал на своем веку много людей, не имевших сходства со своими отцами, он спросил, согласен ли лорд Дэлгарно выполнить свой долг перед леди Гермионой.

— Право, любезный, я в этом нимало не сомневаюсь. Я отдал ему опись ее имущества, которую ты вручил нам на Совете, и предоставил ему полчаса на размышление. По-моему, от чтения этой описи он скорей всего образумится. Я поручил сынку нашему

¹ Отцы, что были хуже, чем деды, — нас негодней вырастили (лат.; Гораций, «Оды», кн. III, стих. 6, пер. Н. С. Гинцбурга).

² «О тайнах» (лат.).

Чарлзу и Стини разъяснить Дэлгарно, в чем его долг, и если он не исполнит того, что *они* от него хотят, я попрошу его научить *меня*, как их не слушаться. Ох, Джорди, Звонкий Джорди, ты бы слышал, как сынок Чарлз рассуждал о порочности лицемерия, а Стини — о гнусности распутной жизни!

— Боюсь, — сказал Джордж Гериот, позабыв об осторожности, — что это напоминает мне старую поговорку о сатане, осуждающем грешника.

— Дьявол заberi нашу душу, сосед, — сказал король, покраснев от досады, — ты, однако, не стесняешься. Я дал тебе позволение говорить со мной откровенно, и, по чести, ты не утратишь этого права *pop utendo*,¹ в твоих руках ему не грозит опасность потерять силу за давностью. Посуди сам: разве прилично Чарлзу при всем честном народе обнаруживать свои мысли? Нет, нет, мысли государей суть *arcana imperii — qui nescit dissimulare nescit regnare*.² Каждый верноподданный обязан говорить королю всю правду, но обратного обязательства не существует. А что Стини иной раз уклоняется с прямой дороги, так не тебе, его золотых дел мастеру, которому он, кажется, задолжал неслыханную сумму, не тебе осуждать его.

Гериот не чувствовал призвания играть роль Зейнона и пасть жертвой борьбы во славу истины. Он, однако, не изменил ей и не отрекся от своих слов, а просто выразил сожаление, что прогневил его величество, чем незлобивый король вполне удовлетворился.

— А теперь, Джорди, — сказал он, — мы вернемся в Тайный совет и послушаем, что скажет подсудимый в свое оправдание. Я хочу покончить с этим делом не позже чем сегодня. Тебе лучше пойти со мной, ибо твое свидетельство может понадобиться.

И король повел Гериота в просторную комнату, где принц, герцог Бакингем и несколько членов Тай-

¹ От неупотребления (лат.).

² Тайны государства. Кто не умлет скрывать — не умеет и управлять (лат.).

ного совета сидели за столом, перед которым стоял лорд Дэлгарно, сохраняя непринужденную и небрежную позу, насколько это было возможно при тогдашней стеснительной одежде и церемонных манерах той эпохи. Все поднялись с мест и склонились в почтительном поклоне, пока король вперевалку ковылял к креслу, или трону, сделав знак Гериоту стать позади себя.

— Мы надеемся, — сказал его величество, — что лорд Дэлгарно готов исполнить свой долг перед несчастной леди, а также перед своим именем и честью?

— Осмелюсь ли я покорнейше спросить, какое наказание угрожает мне, — спросил лорд Дэлгарно, — если, по несчастью, я найду невозможным покориться требованию вашего величества?

— Удаление от нашего двора, милорд, — ответил король, — удаление от двора и наша немилость.

— Как я буду страдать в изгнании! — воскликнул с едва уловимой иронией лорд Дэлгарно. — По крайней мере я возьму с собой портрет вашего величества, ибо мне больше никогда не увидеть второго такого короля.

— Вам также угрожает изгнание из наших владений, — сурово прибавил принц.

— Это должно быть облечено в законную форму, с дозволения вашего королевского высочества, — сказал Дэлгарно с преувеличенной почтительностью. — Признаюсь, мне не случалось слышать, что существует положение, вынуждающее под страхом изгнания из страны жениться на всякой женщине, с которой мы позабавились. Может быть, его светлость герцог Бакингом просветит меня на этот счет.

— Вы подлец, Дэлгарно, — не сдержавшись, сказал высокомерный фаворит.

— Фи, милорд, как вам не стыдно говорить подобные слова подсудимому, да еще в присутствии вашего любезного короля и куманька! — сказал лорд Дэлгарно. — Пора, однако, покончить с обсуждением этого дела. Я изучил опись имущества Эрминии Паулетти, дочери покойного благородного — если я не

ошибаюсь, он назван здесь благородным — Джованни Паулетти из рода Сансовино в Генуе и не менее благородной леди Мод Олифант из рода Гленварлохов. Итак, я подтверждаю, что в Испании я был помолвлен с этой благородной леди, и мы даже успели *proelibatio matrimonii*;¹ а теперь — чего еще требует от меня сей торжественный синклит?

— Вы должны исправить тяжкое, постыдное оскорбление, какое вы нанесли этой леди, и вступить с ней в брак не позже чем через час, — сказал принц.

— Если ваше королевское высочество соблаговолит вспомнить, я состою в отдаленном родстве с одним старым графом, который называет себя моим отцом; у него может оказаться свое мнение в этом вопросе. Увы, не всякого сына бог благословляет послушным родителем! — При этом Дэлгарно метнул беглый взгляд в сторону трона, поясняя смысл сказанного.

— Мы сами говорили с лордом Хантингленом, — сказал король, — и уполномочены заявить о его согласии.

— Я никогда не мечтал об участии *proheneta*,² в переводе на простонародный язык — свата, столь высокой знатности, — промолвил Дэлгарно, уже не скрывая насмешки. — Так мой отец дал согласие? А когда-то, еще в Шотландии, он говаривал, что кровь Хантингленов не смешается с кровью Гленварлохов, хотя бы их слили в один сосуд. Может быть, ему захотелось произвести опыт?

— Милорд, — сказал Иаков, — мы не позволим долее насмехаться над нами. Намерены ли вы сию минуту, *sine mora*³ обвенчаться с этой леди в нашей церкви?

— *Statim atque instanter*,⁴ — ответил лорд Дэлгарно, — ибо, как я понимаю, своим поступком я окажу ценную услугу обществу: я буду обладателем

¹ Предварительно вкусить от радости брака (лат.).

² Посредника (лат.).

³ Без промедления (лат.).

⁴ Тотчас и немедленно (лат.).

богатства, которым предоставляю пользоваться вашему величеству, и красивой жены, которую предоставляю его светлости герцогу Бакингему.

Герцог встал со своего места и, подойдя к тому концу стола, где стоял Дэлгарно, прошептал ему на ухо:

— До сих пор вы предоставляли в мое распоряжение свою красивую сестру.

Эта насмешка пробила броню напускного равнодушия Дэлгарно. Он вздрогнул, словно ужаленный змеей, но тут же овладел собой и, устремив на улыбающегося Бакингема взор, полный невыразимой ненависти, притронулся указательным пальцем левой руки к эфесу своей шпаги, но сделал это так, что никто, кроме Бакингема, не заметил его жеста. Герцог ответил ему уничтожающе презрительной улыбкой и вернулся на место, повинувшись королю, не перестававшему взывать:

— Садись, Стини, садись, я приказываю тебе, мы не потерпим глупых шуток!

— Ваше величество можете быть спокойны; у меня хватит терпения, — сказал Дэлгарно. — А чтобы мне было легче сохранять его, я больше не произнесу здесь ни одного слова, кроме тех, что предписывает мне то чудесное место в молитвеннике, которое начинается с «возлюбленная» и оканчивается — «изумление».

— Ты закоренелый негодяй, Дэлгарно, — сказал король. — Будь я на месте девушки, клянусь бесмертной душой моего отца, я лучше вынес бы бесчестье называться твоей наложницей, чем подвергаться опасности быть твоей женой. Но я беру ее под наше особое покровительство. Пойдемте, милорды, мы будем лично присутствовать на этой веселой свадьбе.

Он подал пример остальным, встав с места и направившись к двери. Лорд Дэлгарно присоединился к ним, но ни с кем не заговаривал, и никто не заговаривал с ним, что, впрочем, его нисколько не огорчало; он держался так свободно и уверенно, как будто и в самом деле был счастливым женихом.

Они прошли в дворцовую церковь потайным ходом, который вел туда прямо из королевских покоев. Епископ Уинчестерский в первосвященническом облачении стоял по одну сторону алтаря, по другую же, опираясь на руку монны Паулы, стояла бледная, истомленная, полуживая леди Гермiona, или Эрминия Паулетти. Лорд Дэлгарно низко поклонился ей, а принц, заметив, с каким ужасом взглянула она на Дэлгарно, подошел к ней и сказал со своим обычным достоинством:

— Мадам, прежде чем вы отдадитесь во власть этого человека, узнайте, что честь ваша в полной мере восстановлена. От вас зависит, отдадите ли вы свое богатство и судьбу в руки того, кто показал себя недостойным какого бы то ни было доверия.

В ответ леди Гермiona с трудом выговорила:

— Добrote его величества я обязана тем, что за мной сохранена часть моего состояния, чтобы я могла жить, ни в чем не нуждаясь. Лучшее применение для остальной части — послужить выкупом, при посредстве которого я восстановлю утраченное доброе имя и приобрету право окончить мои дни в тиши и уединении.

— Брачный договор составлен под нашим наблюдением, — сказал король, — и мы в нем специально оговорили, что *potestas maritalis*¹ не подлежит выполнению и что супруги будут жить врозь. Итак, сочетайте их поскорее браком, милорд епископ, и пусть они опять разойдутся в разные стороны.

Епископ раскрыл молитвенник и в зловещей и необычной обстановке приступил к обряду венчания. Невеста отвечала только наклоном головы, тогда как жених говорил внятно и вызывающе, насмешливым, почти презрительным тоном. Когда церемония была закончена, лорд Дэлгарно наклонился, чтобы поцеловать новобрачную, но видя, что она отпрянула от него со страхом и отвращением, удовольствовался низким поклоном. Затем он снова выпрямился и слегка потянулся, как бы испытывая свободу своих

¹ Супружеское право (лат.).

движений, но сделал это весьма изящно, не меняя позы.

— Я еще могу танцевать, — сказал он, — хотя и скован цепями; цепи эти из золота и потому легки. Однако все смотрят на меня с неодобрением, и я чувствую, что мне пора удалиться. Солнце светит не в одной Англии. Но прежде я должен узнать, что будет с прелестной леди Дэлгарно. Мне кажется, приличия требуют, чтобы я интересовался этим. Будет ли она отослана в гарем милорда герцога? Или этот почтенный горожанин по-прежнему...

— Удержи свой подлый, грязный язык! — прервал его лорд Хантинглен, который во время бракосочетания держался в стороне; теперь он внезапно выступил вперед, взял под руку леди Дэлгарно и встал лицом к лицу с ее недостойным мужем.

— Леди Дэлгарно, — продолжал он, — останется в моем доме как вдова моего сына. Да, она для меня вдова, как будто над ее бесчестным мужем сомкнулась могила.

На миг лорд Дэлгарно испытал сильнейшее замешательство и смиренно сказал:

— Хотя, милорд, вы и желаете мне смерти, я, несмотря на то, что я ваш наследник, не могу пожелать вам того же. Не многие из первенцев Израиля, — добавил он, подавив единственное проявление искреннего чувства, — могут сказать то же и так же чисто-сердечно. Но прежде чем уехать отсюда, я докажу вам, что я достойный потомок рода, славящегося своей памятью на обиды.

— Я удивляюсь, что ваше величество так долго выслушиваете его, — сказал принц Чарлз. — Мне думается, с нас достаточно его дерзостей.

Однако Иаков, подобно истой кумушке с упоением следивший за разыгравшейся сценой, не имел никакого желания прекратить эту ссору и велел сыну замолчать.

— Подожди, сынок Чарлз, будь хорошим мальчиком, подожди, — сказал он, — я хочу слышать, что еще скажет этот бесстыдник.

— Я скажу, сэр, что не будь одной строки в брачном договоре, ничто не соблазнило бы меня взять в жены эту женщину.

— Должно быть, в той строке говорится о *summa totalis*?¹ — спросил король.

— Вовсе нет, государь, — возразил Дэлгарно. — Конечно, общая сумма доходов еще совсем недавно могла бы заставить призадуматься даже короля Шотландии, но для меня она не послужила бы приманкой, не будь в договоре пункта, который дает мне возможность отомстить роду Гленварлохов: вложив мне в руку венчальную свечу, эта бледная девица дала мне средство, с помощью которого я превращу в пепел дом ее матери.

— Как это? — спросил король. — О чем он говорит, Звонкий Джорди?

— Сей добрый горожанин, мой государь, — ответил Дэлгарно, — истратил деньги, принадлежавшие миледи, а теперь, слава богу, принадлежащие мне, на приобретение закладной на поместья Гленварлохов; если закладная не будет выкуплена завтра до двенадцати часов дня, я вступаю во владение прекрасными землями наших бывших соперников.

— Правда ли это? — спросил король.

— С позволения вашего величества, истинная правда, — ответил горожанин. — Так как леди Гермiona заплатила долг первоначальному кредитору, я должен был, по чести и совести, закрепить все права на закладную за ней, а теперь, вне всякого сомнения, они перешли к ее мужу.

— А приказ, выданный нами на имя казначейства? — сказал король. — Разве тех денег не хватит, чтобы выкупить поместье?

— К несчастью, мой государь, лорд Гленварлох потерял приказ или отдал его в другие руки. Так или иначе, мы не можем его найти. Бедняге поистине не везет.

— Вот так история! — проговорил король, в волнении ковыляя взад и вперед и крутя шнурки на

¹ Общей сумме (лат.).

своем камзоле. — Мы можем помочь ему, только уплатив наш долг дважды, а при теперешнем состоянии нашей казны у нас едва хватит средств, чтобы заплатить хотя бы один раз.

— Вы открыли для меня нечто новое, — сказал лорд Дэлгарно, — но я не воспользуюсь этим.

— Не пользуйся этим, — сказал граф Хантинглен. — Если уж ты не можешь не быть мерзавцем, будь хоть смел — мсти оружием дворянина, а не ровестника.

— Простите, милорд, — возразил Дэлгарно, — но перо и чернила отныне будут вернейшими орудиями моей мести — стряпчий приобретет больше земель с помощью пергамента, чем воин с помощью шпаги. Однако, как я уже сказал, я не воспользуюсь преимуществом моего положения. Я буду ждать завтра в городе, около Ковент-Гардена. Если кто-нибудь захочет выкупить закладную у моего стряпчего, у которого находятся документы, тем лучше для лорда Гленварлоха. Если же нет, то послезавтра я отправляюсь с величайшей поспешностью на север, чтобы вступить в свои права.

— Возьми с собой проклятие отца, презренный! — воскликнул лорд Хантинглен.

— И проклятие короля, который есть *pater patriæ*,¹ — сказал Иаков.

— Думаю, что ваши проклятия не слишком обременят меня в пути, — ответил лорд Дэлгарно и, поклонившись, вышел.

Все присутствующие, подавленные и даже уstraшенные его бесстыдством, с облегчением вздохнули, когда он наконец избавил их от своего общества. Лорд Хантинглен, взявший на себя заботу о невестке, ушел вместе с ней, а король и члены Тайного совета снова вернулись в зал совещаний, несмотря на поздний час. Гериота тоже потребовали туда, хотя и не объяснили, какая в нем была надобность.

¹ Отец отечества (лат.).

Глава XXXIII

Подслушаем, что в войске говорят.

Шекспир, «Ричард III»,
акт V, сцена 3¹

Едва только Иаков занял свое место за столом совещаний, как тут же начал ерзать в кресле, покашливать, сморкаться — словом, проявлять все признаки того, что он намерен произнести длинную речь. Члены Совета обратились в слух. Чарлз, настолько же строго придерживавшийся внешних приличий, насколько его отец пренебрегал ими, принял позу сосредоточенного и почтительного внимания, тогда как высокомерный фаворит, сознавая свою власть над отцом и сыном, непринужденно расположился в кресле и, хотя делал вид, что слушает, скорее платил дань придворному этикету, чем выполнял свой долг.

— Я не сомневаюсь, милорды, — начал монарх, — что многие из вас думают с грустью о пропущенном обеде и вслед за невольником из комедии задают себе вопрос: «*Quid de symbolo?*»² И тем не менее, милорды, исполнение правосудия и вынесение приговоров должно заменить нам пищу и питье, а потому мы просим вас, людей, умудренных опытом, рассмотреть дело несчастного юноши, лорда Гленварлоха, и решить, можно ли что-нибудь сделать в его пользу, не поступившись нашей совестью.

— Я удивлен, как это ваше величество, чья мудрость всем известна, предлагает нам подобный вопрос, — сказал герцог. — Совершенно очевидно, что Дэлгарно — отъявленный негодяй, и если бы лорд Гленварлох заколол его насмерть, на свете стало бы одним подлецом меньше; и так земля носит его слишком долго. Я считаю, что лорд Гленварлох пострадал незаслуженно, и очень сожалею, что по наущению коварного Дэлгарно сам участвовал в гонениях на него.

— Ты рассуждаешь как ребенок, Стини, я хочу сказать — лорд Бакингом, — возразил король, — или

¹ Перевод А. Дружинина.

² Что сие означает? (лат.).

как человек, не учившийся классической логике. Ведь действие может быть несущественным и даже похвальным *quoad hominem*,¹ то есть по отношению к тому, *над кем* оно было осуществлено, но в то же время в высшей степени преступным *quoad locum*,² то есть если принять во внимание место, *где* оно было совершено. Можно законно плясать в таверне, но нельзя танцевать *inter parietes ecclesiae*.³ Пожалуй, и не худо было бы, если бы лорда Дэлгарно, каким он себя показал, проткнули где-нибудь в другом месте, но поступок этот подпадает под определенный закон, коль скоро попытка насилия была совершена в пределах дворца. Позвольте вам заметить, милорды, что мало было бы толку от указа, запрещающего вооруженное нападение, если б его можно было обойти на том основании, что нападению подвергался подлец. Как ни плачевно, но мы не знаем ни одного христианского государства, где при королевском дворе не было бы подлецов; и если б люди стали нарушать общественное спокойствие под предлогом истребления подлецов, то даже в нашей приемной нельзя было бы укрыться от посохов Джеддарта.⁴

— Слова вашего величества, — заметил принц Чарлз, — как всегда, исполнены мудрости. Дворцовые владения должны быть так же священны, как священна особа короля, которого даже самые варварские народы почитают и ставят лишь одной ступенью ниже божества. Но волею вашего величества может быть смягчен этот жестокий закон, как и любой другой, и в вашей власти, вникнув в дело, даровать неосторожному юноше полное прощение.

— *Rem acu tetigisti, Carole, mi puerule*,⁵ — ответил Иаков. — Знайте, милорды, что мы с помощью хит-

¹ В отношении человека (лат.).

² В отношении места (лат.).

³ В стенах церкви (лат.).

⁴ Старинное оружие, называвшееся посохом Джеддарта, представляло собою род алебарды. Про очень сильную бурю на юге Шотландии говорят «валяются посохи Джеддарта», что равноценно выражению «льет как из ведра». (Прим. автора.)

⁵ Ты попал в точку, Карл, мой мальчик (лат.).

рой уловки собственного изобретения уже проникли в самую суть характера лорда Гленварлоха. Я думаю, среди вас многие помнят, как я справился с любопытным делом леди Лейк и как ловко разъяснил вопрос о подслушивании за драпировками. Это навело меня на размышления, и я вспомнил, что однажды прочел про Дионисия, сиракузского царя, которого историки называли Τύραννος,¹ что по-гречески обозначает не жестокого деспота, как на нашем языке, а августейшего монарха, правящего разве что немного построже нас и других законных государей, именовавшихся у древних Βασιλεῖς.² Да, так этот Дионисий Сиракузский поручил искусным рабочим построить ему... что бы вы думали, милорд епископ?

— Кафедральный собор, вероятно, — ответил епископ.

— Какого черта, любезный... Прошу прощения у вашей светлости. Нет, не собор, а тайник, который называли «царским ухом», потому что Дионисий мог сидеть там, никем не видимый, и слушать разговоры заключенных в его тюрьме. И вот, милорды, в подражание Дионисию, которого я взял за образец, потому что он был ко всему прочему великий грамматик и знаток языков и после отречения с большим успехом учил в школе, — а может быть, это был его преемник, носивший то же имя, не помню... В подражание Дионисию я велел соорудить в Тауэре, тюрьме для государственных преступников, «ухо», больше похожее на кафедру, чем на кафедральный собор, милорд епископ, имеющее выход за шпалерами в комнате коменданта; сидя там, мы можем слушать разговоры заключенных, обвиняемых в государственных преступлениях, и таким образом проникать в сокровенные тайны наших врагов.

Принц бросил на герцога взгляд, выражавший крайнюю досаду и возмущение. Бакингом едва заметно пожал плечами.

¹ Тиран (греч.).

² Цари (греч.).

— Итак, милорды, вы знаете, какой переполох произошел вчера на охоте; меня до сих пор пробирает дрожь. Вскоре после происшествия во дворец привели смазливого паж, которого схватили в парке. Все вокруг, беспокоясь за нашу жизнь, предостерегали нас и умоляли, чтобы мы не допрашивали его сами; однако, привыкнув не щадить себя для блага государства, мы приказали всем оставить комнату, тем более что в мальчике мы заподозрили девушку. А что вы думаете, милорды? Я знаю, не многим из вас пришло бы в голову, что у меня наметанный глаз на такие вещи, но мы, благодаря богу, хоть и стары, а разбираемся в подобных проказах, насколько это к лицу человеку серьезному и почтенному. Мы сами расспросили девицу в мужском платье, милорды; не скрою от вас, разговор был очень приятный, и я его умело провел. Сначала, правда, она уверяла, что надела такой наряд для того, чтобы сопровождать женщину, вручившую нам просьбу леди Гермионы, к которой девушка питает глубокую привязанность. Но когда мы, заподозрив *anguis in herba*,¹ учинили ей серьезный допрос, ей пришлось признаться в чистой и бескорыстной любви к Гленварлохиду; и она сделала это до того мило и так разжалобила нас своим робким и смущенным видом, что нам стоило большого труда не заплакать с ней за компанию. Она также раскрыла перед нами коварство Дэлгарно, завлекавшего Гленварлохида в дома плохой репутации и под личиной искренней дружбы дававшего ему дурные советы, в результате чего неопытный юноша наделал немало глупостей, вредных для себя и оскорбительных для нас. Но как ни мило она рассказала свою историю, мы не решились вполне верить ей и задумали испытать свое средство, которое мы изобрели для подобных случаев. Быстро добравшись от Гринвича до Тауэра, мы спрятались в тайнике, чтобы, как говорится, подслушать, что произойдет между Гленварлохидом и пажом, которого мы велели впустить в камеру, ибо справедливо рассудили,

¹ Змею в траве (лат.).

что если они в сговоре, то это как-нибудь выплывет наружу. И что же, вы думаете, мы услышали, милорды? Нечего тебе хихикать, Стини; ты бы, конечно, не смог вести себя так кротко и так по-христиански, как бедный Гленварлохид. Он по сравнению с тобой настоящий праведник. Чтобы еще больше испытать его терпение, мы напустили на него придворного и горожанина, то есть сэра Манго Мэлегроутера и нашего верного Джорджа Гериота, которые терзали беднягу и не пощадили при этом нашей королевской особы. Помнишь, Джорди, что ты сказал о женах и наложницах? Но я прощаю тебя, любезный, не надо становиться на колени, я прощаю тебя тем охотнее, что речь идет о таком человеческом качестве, которое не делало много чести Соломону, а отсутствие которого не умаляет нашей чести. И что же, милорды, несмотря ни на какие муки и дурные примеры, бедный юноша не позволил себе ни разу отозваться о нас непочтительно. А это еще пуще склоняет нас к тому, чтобы, прислушиваясь к вашему мудрому совету, признать выходку в парке поступком, совершенным в запальчивости, под влиянием справедливого гнева, и даровать полное прощение лорду Гленварлоху.

— Я восхищен, что вы, ваше милостивейшее величество, пришли к такому заключению, — сказал герцог Бакингам, — хотя никогда не догадался бы, какой путь вы избрали для этого.

— Надеюсь, — добавил принц Чарлз, — ваше величество, помня о своем высоком достоинстве, не станете часто ходить этой дорогой.

— Последний раз в жизни делаю это, сынок Чарлз, даю тебе мое королевское слово. Говорят же, что кто подслушивает, всегда может услышать о себе много дурного; по чести, у меня прямо в ушах звенит от желчных насмешек этой старой язвы, сэра Манго. Он назвал меня скупым, Стини; ты можешь подтвердить, что это не так. Но в увечном грешнике просто говорит зависть: ведь у него нет ни нобля, чтобы положить на ладонь, ни пальцев, чтобы зажать его, если бы он и был.

Здесь король, весьма довольный собственным остроумием, позабыл о непочтительности сэра Манго и ограничился лишь тем, что добавил:

— Придется подарить старому ворчуну *bos in linguam*,¹ чтобы заткнуть ему рот, а то он будет поносить нас от Дана до Вирсавии. А теперь, милорды, немедленно пошлем в Тауэр приказ о помиловании лорда Гленварлоха, и пусть его выпускают на свободу. А так как земли могут уплыть у него из рук, то мы подумаем, как ему помочь. Милорды, желаю вам с аппетитом поужинать, ибо дела задержали нас и время ужина уже наступает. Чарлз и Стини, вы останетесь со мной, пока я не лягу спать. Милорд епископ, прошу вас благословить нашу трапезу. Джорди Гериот, мне надо сказать тебе два слова наедине.

Его величество отвел горожанина в угол, в то время как все члены Совета, кроме тех, кто получил распоряжение остаться, поклонились и вышли.

— Джорди, — сказал король, — мой добрый и верный слуга, — тут Иаков затеребил шнурки и ленты на своем платье, — ты видишь, что по собственному побуждению и по присущему нам чувству справедливости мы даровали то, чего долговязый детина — кажется, его зовут Мониплайз — хотел добиться от нас за большую взятку; мы от нее отказались, ибо мы венценосный король и не привыкли продавать наше правосудие и милость. Как ты думаешь, что из всего этого следует?

— Освобождение лорда Гленварлоха и возвращение ему благосклонности вашего величества, — ответил Гериот.

— Ну да, я это сам знаю, — с досадой проговорил король. — Ты сегодня ужасно непонятлив. Я хочу сказать: что подумает об этом Мониплайз?

— Он подумает, разумеется, что ваше величество — добрейший и милостивейший государь.

— Конечно, мы добры и милостивы, — еще более раздраженно сказал король, — если терпим около себя таких тупиц, которые не понимают намеков, пока

¹ Быка на язык (лат.).

им все не разжуешь и не положишь в рот. Найдите того детину Мониплайза, сэр, и расскажите ему, что мы сделали для лорда Гленварлоха, в котором он принимает такое участие, причем сделали по собственному милостивому побуждению, а не из каких-либо личных выгод. А потом вверни, Джорди, как будто от себя, что он поступит не очень-то благородно, если будет торопить нас с уплатой несчастных двухсот — трехсот фунтов, за которые нам пришлось заложить наши драгоценности. Право же, многие сочтут тебя добрым подданным, если ты возьмешь на себя уговорить Мониплайза отказаться от этих денег; ведь желание его полностью удовлетворено, а по всему видно, что у него нет настоящей потребности в деньгах, тогда как мы в них очень нуждаемся.

Джордж Гериот тихонько вздохнул.

«Ах, мой господин, мой дорогой господин, — подумал он, — неужели так назначено судьбой, чтобы каждое благородное и истинно королевское чувство, рождающееся в твоей душе, было запятнано каким-нибудь эгоистическим соображением?»

Король, нимало не обеспокоенный тем, что думает о нем Гериот, взял его за ворот и сказал:

— Ты понял меня, Звонкий Джорди, а теперь убирайся. Ты человек умный, действуй по своему усмотрению, но не забывай, что мы сейчас стеснены в средствах.

Горожанин поклонился и вышел.

— Ну, детки, — сказал король, — чего вы переглядываетесь? О чем вы хотите попросить вашего любезного родителя и куманька?

— О том, — ответил принц, — чтобы ваше величество соблаговолили приказать немедленно заложить тайник в Тауэре. Жалобы заключенного, исторгнутые страданиями, не должны служить свидетельством против него.

— Как? Заложить мое «ухо», сынок? А впрочем, лучше оглохнуть, чем слушать о себе гадости. Пускай его заделывают, не теряя времени: у меня всю спину свело, оттого что я просидел там битый час. А теперь, милые детки, посмотрим, что приготовили нам повара.

К нему гордец идет с поклоном;
Он грозным ведает законом;
Сидит высоко, важен, сух,
Точь-в-точь — в курятнике петух.
И что ж? Клиенты за советы
Несут — не яйца, а монеты.

«Гудибрас»

Наши читатели, вероятно, помнят некоего сладкоречивого, прилизанного шотландского стряпчего в клеенчатом плаще, который появлялся в первой половине романа в роли протеже Джорджа Гериота. К нему мы и направляем наши стопы. Но теперь для него настали иные времена. Убогая каморка превратилась в солидную контору, клеенчатый плащ преобразился в костюм из черного бархата, и хотя обладатель их сохранил лицемерное смирение и рабскую угодливость в обращении со знатными клиентами, на прочих он взирал теперь уверенно и с наглостью, порождаемой преуспеванием. Перемены эти совершились не так давно, и тот, с кем они произошли, не совсем еще с ними освоился, однако с каждым днем он все больше привыкал к своему новому положению. К числу примет снизошедшего на него достатка относился стоявший на столе прекрасный хронометр Дэви Рэмзи; в этот день взгляд хозяина частенько обращался к его циферблату, и он то и дело посылал на улицу мальчишку, исполнявшего обязанности писца, сверить хронометр с часами на башне святого Дунстана. Казалось, стряпчий был изрядно взволнован. Он вынул из шкатулки связку пергаментов, внимательно прочитал некоторые из них и затем заговорил про себя:

«Закон не оставляет никакого выхода, никаких лазеек. Если земли Гленварлоха не будут выкуплены прежде, чем пробьет полдень, лорд Дэлгарно получает их задарма. Удивительно, что он решился наконец действовать наперекор могущественному Бакингеми и присвоить себе прекрасное поместье, которое он давно сулил своему покровителю. А не может

ли Эндрю Скарлиуитер так же ловко провести его самого? Он, правда, был моим благодетелем, но ведь и Бакингом был его благодетелем, а кроме того, он не может быть больше полезен мне, так как сегодня уезжает в Шотландию. Я рад, ибо ненавижу и боюсь его. Ему известно слишком много моих тайн, а мне — слишком много его тайн. Нет, нет, нечего и пытаться, я не вижу никаких способов перехитрить его...» Ну, Уилли, который час?

— Только что пробило одиннадцать, сэр.

— Пойди к своей конторке за перегородку, детка, — сказал стряпчий. — «Как быть? Я потеряю почтенного клиента, старого графа, и, что еще хуже, его бесчестного сына. Старый Гериот так хорошо разбирается в делах, что вряд ли мне удастся что-либо заработать сверх обычного грошового вознаграждения. Практика в Уайтфрайерсе была выгодной, но она стала небезопасной с той поры, как... Тьфу! С чего мне вздумалось как раз сейчас вспоминать об этом? Рука дрожит, я едва держу перо. Что, если меня застанут в таком состоянии?» Уилли! — крикнул он мальчику. — Принеси-ка мне очищенного джину! Уф, теперь я готов встретиться хоть с самим чертом.

Он произнес последние слова вслух, стоя подле входной двери, которая в ту же минуту распахнулась, и в комнату вошел Ричи Мониплайз в сопровождении двух джентльменов и двух носильщиков, нагруженных мешками с золотом.

— Если вы готовы встретиться с чертом, мейстер Скарлиуитер, — сказал Ричи, — вы, верно, не отвратите взора и от нескольких мешков с золотом, которые я взял на себя смелость вам принести. Сатана и Маммона сродни друг другу.

Тем временем носильщики сбросили на пол свою ношу.

— Я... я... — заикаясь, пробормотал изумленный стряпчий, — я не могу взять в толк, о чем вы говорите, сэр.

— Я говорю, что принес вам от лорда Гленварлоха деньги для выкупа закладной на его родовое поместье. Вот, кстати, и мейстер Реджиналд Лоустоф

и еще один почтенный джентльмен из Темпла; они будут свидетелями уплаты.

— Я... я думаю, что срок уже прошел, — сказал стряпчий.

— Прошу извинения, мейстер стряпчий, — возразил Лоустоф, — вам не удастся провести нас: на всех часах в городе недостает трех четвертей до двенадцати.

— Мне понадобится время, джентльмены, — заявил Эндрю, — чтобы проверить золото по счету и по весу.

— Сделайте одолжение, мейстер стряпчий, — ответил Лоустоф, — только что при нас пересчитали и взвесили содержимое каждого мешка, и мы сами их запечатали. Вот они стоят рядом, ровно двадцать штук, и в каждом из них по три сотни золотых монет. Мы свидетельствуем, что платеж произведен в соответствии с законом.

— Джентльмены, — сказал стряпчий, — закладная теперь принадлежит могущественному лорду. Прошу вас, не торопитесь и позвольте мне послать за лордом Дэлгарно. А лучше я сбегая за ним сам.

С этими словами он схватил шляпу, но Лоустоф воскликнул:

— Дружище Мониплайз, держите дверь, не выпускайте его, он просто хочет оттянуть время! Поговорим начистоту, Эндрю; можете посылать хоть за чертом — самым могущественным владыкой из всех, с кем я знаком, — но отсюда вы не выйдете, пока не откажетесь от предложенного вам выкупа или честно не примете его. Вот деньги — берите их или нет, ваше дело. Я твердо знаю, что закон в Британии могущественнее любого лорда. Чему другому, а уж этому меня в Темпле научили. Не шутите с законом, мейстер Скарлиунитер, а не то он обкорнает ваши длинные уши.

— Ну, если вы мне угрожаете, джентльмены, — сказал стряпчий, — я, конечно, не могу сопротивляться.

— Угрожать? Кто вам угрожает, милейший Эндрю? — спросил Лоустоф. — Это просто дружеский

совет — не больше. Не забывайте, честный Эндрю, что я видел вас в Эльзасе.

Не отвечая ни слова, стряпчий сел и быстро написал по всей форме расписку в получении денег.

— Я полагаюсь на ваши слова, мейстер Лоустоф, — сказал он. — Надеюсь, вы не забудете, что я не настаивал ни на пересчете, ни на взвешивании. Делаю это из уважения к вам, джентльмены. Если откроется недочет, я понесу убыток.

— Заткните ему рот золотым, Ричи! — воскликнул студент. — Забирайте документы! А теперь мы держим веселый путь туда, куда вы нас сведете пообедать.

— Если б выбор был предоставлен мне, — проворчал Ричи, — я бы во всяком случае не повел вас в ту мерзкую ресторацию. Но так как я исполняю сегодня ваши желания, то пиршество будет там, где вы пожелаете.

— В ресторации, — сказал один студент.

— У Божё, — подхватил другой. — Нигде в Лондоне не найдется таких тонких вин, проворных слуг, изысканных блюд и...

— Таких высоких цен, — докончил Ричи Мониплайз. — Но, как я уже сказал, джентльмены, сегодня вы вправе распоряжаться мною, ибо вы великодушно предложили свои услуги, не требуя иного вознаграждения, кроме легкого обеда.

Конец разговора происходил уже на улице, где они, не успев отойти от конторы, встретили лорда Дэлгарно, который, казалось, очень спешил. На его небрежный кивок мейстер Лоустоф ответил столь же небрежно и продолжал медленно идти дальше со своим приятелем, между тем как лорд Дэлгарно сделал Ричи Мониплайзу знак остановиться, чему тот хоть и с негодованием, но по привычке повиновался.

— За кем ты теперь ходишь, бездельник? — осведомился высокородный джентльмен.

— За тем, кто идет впереди меня, милорд, — ответил Мониплайз.

— Без дерзостей, мошенник. Я желаю знать, служишь ли ты еще Найджелу Олифанту.

— Я друг благородного лорда Гленварлоха, — важно ответил Ричи.

— Охотно верю, — сказал Дэлгарно, — благородный лорд опустил до того, что заводит друзей среди лакеев. Но все равно; слушай: если он настроен так же, как в нашу последнюю встречу, скажи ему, что завтра в четыре часа дня я буду проезжать Энфилдский лес по пути на север. Свита у меня будет небольшая, так как я отправляю своих людей через Барнет. Я намерен потихоньку ехать лесом, а потом отдохнуть у Кэмлитского рва. Он знает, где это, и если он не просто эльзасский драчун, то должен согласиться, что место это много удобнее для сведения счетов, чем королевский парк. Он, как я полагаю, уже на свободе или скоро будет освобожден. Если он не найдет меня в назначенном месте, пусть едет в Шотландию, где я к тому времени буду владельцем его родового поместья и угодий.

— Хм, — пробурчал себе под нос Ричи, — это еще бабушка надвое сказала.

Он хотел было отпустить какую-нибудь шутку насчет того, что стоит ему захотеть — и ожидания лорда Дэлгарно будут обмануты, но, заметив настороженный и недобрый взгляд молодого лорда, удержался и, укротив свое остроумие, ответил:

— Дай бог, чтобы новое приобретение пошло впрок вашей светлости... когда оно вам достанется. Я передам милорду ваше поручение... Иначе говоря, — добавил он про себя, — он от меня ни слова об этом не услышит. Я не такой человек, чтобы подвергать его опасности.

Лорд Дэлгарно устремил на Ричи пристальный взгляд, как бы желая проникнуть в значение сухого, насмешливого тона, от которого Ричи, несмотря на одолевавший его страх, не мог удержаться при ответе, но затем сделал знак, что отпускает его. Сам он медленно двинулся дальше, выжидая, пока трое приятелей не скроются из виду, после чего быстрыми шагами повернул назад к дому стряпчего, постучался и вошел.

Стряпчий все еще стоял перед мешками с золотом, и от пронизательного взора Дэлгарно не укрылось, что Скарлиунитера смутил и даже испугал его приход.

— Ну как, любезный? — обратился к нему Дэлгарно. — Что с тобой? Неужто у тебя не найдется ни одного льстивого слова, чтобы поздравить меня со счастливым браком? Ни одного мудрого утешительного слова по поводу моей опалы при дворе? Или же мое лицо обманутого мужа и отставленного фаворита обладает свойствами головы Горгоны, *turbatæ Palladis arma*,¹ как выразился бы его величество?

— Милорд, я радуюсь, милорд, я сожалею, — пробормотал дрожащий стряпчий, который, зная вспыльчивый нрав лорда Дэлгарно, боялся предстоящего объяснения.

— Радуюсь и сожалеешь! — повторил лорд Дэлгарно. — Вот уж поистине согласен на все. Слушай, ты, олицетворение плутовства, если ты сожалеешь, что я рогат, так помни, мошенник, что я сам наставил себе рога. Лицо моей жены так бледно, что никто больше не мог на нее польститься. Так и быть, я согласен носить свои новые украшения — приданое позолотит их, а мою оплату подсластит месть Да, месть, вот пробил ее сладкий час.

Действительно, часы на башне святого Дунстана пробили полдень.

— Превосходно пробито, славные молоточки! — торжествующе воскликнул лорд Дэлгарно. — Владения Гленварлохов сокрушены этими звонкими ударами. А если моя шпага не подведет меня завтра, так же как не подвели сегодня железные молоточки, то нищему лорду не придется оплакивать то, чего лишил его этот звон. Давай мне бумаги, давай скорее, мошенник! Завтра я еду на север! В четыре часа дня я должен быть у Кэмлитского рва в Энфилдском лесу. Сегодня вечером я отправляю вперед бóльшую часть моей свиты. Бумаги! Торопись!

¹ Оружия гневной Паллады (лат.).

— Милорд, закладная на поместье Гленварлоха... У меня ее нет.

— У тебя ее нет? Ты послал ее ко мне домой, болван? Разве я не сказал тебе, что приду сюда? Что ты указываешь на мешки? Какую еще гнусность ты совершил ради них? Честным путем ты не мог достать столько денег.

— Вашей светлости лучше знать, откуда они, — в величайшем смятении ответил стряпчий. — Золото это ваше. Это... это...

— Неужели деньги в уплату по закладной на поместье Гленварлоха?! — воскликнул Дэлгарно. — Посмей только сказать мне это, и я тут же вытрясу кляузную душу из твоего полудохлого тела!

С этими словами он схватил стряпчего за шиворот и встряхнул с такой яростью, что оторвал воротник.

— Милорд, я позову на помощь, — пролепетал, дрожа, презренный трус, объятый смертельным страхом. — Я не виноват, закон на их стороне. Что я мог поделывать?

— Ты еще спрашиваешь? Ах ты проклятое сопливое ничтожество, неужели ты растратил все свои ложные клятвы, плутни и уловки? Или ты считаешь, что ради меня не стоит пускать их в ход? Ты должен был лгать, изворачиваться, клясться, наплевав на истину, но не вставать между мною и моей мезтью. Смотри, — продолжал Дэлгарно, — мне известны за тобой такие проделки, за которые тебя повесят сразу, лишь только я напишу одну строчку королевскому прокурору!

— Чего вы требуете от меня, милорд? — проговорил стряпчий. — Я пушу в ход все свое умение и все законные средства.

— А-а, так ты образумился? Но если ты не исполнишь своего обещания, тебе несдобровать. И помни, что я никогда не отступаю от своих слов. Итак, пусть это проклятое золото хранится у тебя, — продолжал Дэлгарно. — Или нет, погоди, я тебе не доверяю; отошли сейчас же мешки ко мне домой. Я все равно еду в Шотландию, и я не я буду, если не отобью замок Гленварлоха у его владельца с помощью средств,

которые он сам мне предоставил. Готов ли ты слушать мне?

Стряпчий поклялся в беспрекословном повиновении.

— В таком случае помни — уплата была произведена позже обусловленного часа... И позаботься, чтобы у тебя были надежные свидетели для подтверждения этого обстоятельства.

— Ни слова, милорд. Я сделаю больше, — сказал воспрянувший духом Эндрю. — Я докажу, что друзья лорда Гленварлоха шумели, угрожали мне и даже обнажили шпаги. Неужели ваша светлость думает, что я способен на неблагодарность и позволил бы им вредить вашей светлости, если б они не приставили мне к горлу обнаженное оружие?

— Достаточно, — сказал Дэлгарно, — ты само совершенство; продолжай в том же духе, если хочешь избежать моего гнева. Я оставляю за дверью паж, достань носильщиков, и пусть они сейчас же несут золото ко мне.

С этими словами лорд Дэлгарно покинул жилище стряпчего.

Скарлиунтер, послав мальчика за носильщиками, которым можно было бы доверить деньги, остался один со своими унылыми мыслями и задумался над тем, как ему избавиться от мстительного и жестокого лорда, который слишком много знал о его грязных делишках и мог в любую минуту разоблачить в таких проделках, что разоблачение означало гибель. Он, правда, согласился с наскоро составленным планом лорда Дэлгарно, задумавшего завладеть выкупленным уже поместьем, но опыт подсказывал ему, что это неосуществимо; в то же время стряпчий, думая о возможных последствиях гнева лорда Дэлгарно, испытывал такой страх, что его подлая душа содрогалась. Быть во власти молодого расточительного лорда, уступать его прихотям и вымогательствам как раз теперь, когда Скарлиунтер благодаря своей изворотливости почти достиг богатства, — поистине это была самая злая шутка, какую могла сыграть судьба с начинающим ростовщиком.

В то время как стряпчий терзался тревожными предчувствиями, в дверь постучали, и на крик хозяйина: «Войдите!» в комнату ввалился человек в грубом дорожном плаще из уилтширского сукна, подпоясанный широким кожаным ремнем с медной пряжкой — словом, одетый так, как в те времена повсеместно ходили деревенские жители и торговцы скотом. Скарлиуитер, подумав, что его посетитель — деревенский простака, из которого можно извлечь выгоду, открыл уже рот, чтобы попросить того сесть, как вдруг незнакомец откинул фризковый капюшон, закрывавший ему лицо, и глазам стряпчего предстали навеки запечатлевшиеся в его памяти черты, от одного вида которых ему становилось дурно.

— Это вы? — спросил он слабым голосом, когда незнакомец опять опустил капюшон на лицо.

— А кто же еще? — ответил посетитель. —

Червяк бумажный, что прижит портфелем
С чернильницею, ты взамен рожка
Сосал перо, чернилами ты вскормлен,
Сургуч — твой брат, песочница — сестра,
Позорный столб — твой родственник ближайший!
Встань, трус, и трепещи передо мной!

— Вы еще не оставили города?! — воскликнул стряпчий. — Несмотря на все предостережения? Не надейтесь, что деревенский плащ спасет вас, капитан, нет, нет; и ваши актерские ужимки тоже вам не помогут.

— А что же прикажешь мне делать? — спросил капитан. — Подышать с голоду? Если хочешь, чтоб я улетел, ты должен подбить мне крылья новыми перышками. Я уверен, что они у тебя найдутся.

— Ведь у вас были деньги, я дал вам десять золотых. Где они?

— Исчезли, — ответил капитан Колпеппер, — и куда они делись — неважно. Я хотел сплутовать, а попался сам — только и всего. Наверно, у меня затряслась рука, когда я вспомнил о той страшной ночи, вот я и оплошал, как ребенок, передергивая карты.

— И проиграл всё? Хорошо, вот возьмите и ступайте.

— Как? Две жалкие полгинеи? Чтоб тебя черт побрал с твоей щедростью! Не забудь, что ты замешан в этом деле так же, как я.

— Нет, не так, клянусь небом! — отвечал стряпчий. — Я только хотел освободить старика от кое-каких бумаг да малой толики денег, а вы его убили.

— Будь он жив, — возразил Колпеппер, — он скорее расстался бы с жизнью, чем с золотом. Но дело не в этом, мейстер Скарлиутер; зато вы сняли секретные засовы с окна, когда заходили к старику по каким-то делам накануне его смерти. Так что будьте уверены: если меня поймают, то не я один буду болтаться на виселице. Жаль, что Джек Хемпсфилд убит, это портит старую песенку:

Нас трое, друзья, нас трое, друзья!
Веселые скрипки настроя,
Под кленом втроем мы звонко поем,
И вторит нам эхо тройное!

— Ради бога, потише, — остановил его стряпчий. — Разве здесь место распевать ваши разгульные песни? Скажите же, сколько вам надо? Имейте в виду, что я не при деньгах.

— Вранье! — воскликнул задира. — Наглое вранье! Сколько мне надо, говоришь? Для начала, пожалуй, хватит одного из этих мешков.

— Клянусь вам, что мешки принадлежат не мне.

— Ну, если они попали к тебе незаконным путем, меня это не смущает.

— Клянусь вам, — продолжал стряпчий, — я не могу распоряжаться ими, мне вручили их счетом. Я должен передать их лорду Дэлгарно, паж которого ждет за дверью. Если я утаю хоть один золотой, мне несдобровать.

— А нельзя ли их покамест не отдавать? — спросил убийца, кладя свою ручишу на один из мешков, как будто его пальцам не терпелось схватить добычу.

— Это невозможно, — ответил стряпчий, — завтра он едет в Шотландию.

— Так, — произнес капитан после минутного размышления, — он едет с этим грузом по северной дороге?

— Его будет сопровождать много народу, — сказал стряпчий, — но.

— Но что? — спросил убийца.

— Ничего, я больше ничего не хотел сказать, — ответил стряпчий.

— Нет, ты хотел, ты учуял что-то лакомое, — возразил Колпеппер. — Я видел, как ты застыл на месте, точно легавая. Я знаю, что ты, как хорошо натасканная собака, молча приведешь меня к месту, где сидит дичь.

— Я только хотел прибавить, капитан, что слуги его едут через Барнет, а сам он с пажом — через Энфилдский лес; он упоминал еще, что поедет не торопясь.

— Ага, и это все?

— И что он задержится, — продолжал стряпчий, — задержится на некоторое время около Кэмлитского рва.

— Да это будет почище петушиного боя! — воскликнул капитан.

— Не знаю уж, какая вам от этого польза, капитан, — промолвил стряпчий, — но прибавлю еще от себя, что быстро скакать они не могут, так как паж поедет на вьючной лошади, груженной всеми этими мешками. Лорд Дэлгарно не спускает глаз со своего добра.

— Лошадь скажет спасибо тем, кто освободит ее от груза, — проговорил убийца. — Ей-богу, стоит встретиться с этим лордом. У него все тот же паж, Лутин? Чертенок не раз вспугивал для меня дичь, но у меня против него зуб за одно давнишнее дельце в ресторации. Постой-ка, если взять Черного Фелтема и Дика Тряхни Сумой... нам понадобится четвертый, я люблю действовать наверняка, да и добычи хватит на всех, пусть даже я урву кое-что из их доли. Итак,

стряпчий, давай сюда твои полгинеи. Лихо сделано! Приятная новость! Прощай.

И, плотней закутавшись в плащ, капитан поспешил прочь.

Когда он вышел, стряпчий в отчаянии всплеснул руками.

— Опять кровь! — воскликнул он. — Опять кровь! Я думал, что навеки с этим покончил. Но на сей раз я не виноват, ни в чем не виноват, а между тем это будет мне только на руку. Если злодея убьют — конец его посягательствам на мой кошелёк, а если погибнет Дэлгарно — что более вероятно, ибо трус Колпеппер, боящийся обнаженной стали, как должник назойливого кредитора, не промахнется, стреляя из-за угла, — тогда я тысячу раз спасен, спасен, спасен!

Мы с радостью опускаем занавес над ним и его размышлениями.

Глава XXXV

Беда всегда приходит к нам не сразу
Сперва струится тонким ручейком, —
Играючи его ты остановишь;
Потом мутнеет, ширится, — и вот
Уж мудрость вместе с верою

бессильны
Направить вспять стремительный
поток.

Старинная пьеса

Ричи Мониплейз угощал студентов в отдельной комнате у Божё; никто теперь не смог бы счесть его общество зазорным, ибо он переменял лакейский плащ и куртку на отлично сшитую одежду модного, но строгого покроя, скорее подходившую, однако, для более пожилого человека. Он наотрез отказался появиться в игорном зале, хотя приятели весьма старательно подбивали его на это; легко себе представить, что молодые проказники не прочь были позабавиться на счет туповатого, педантичного шотландца и кста-ти избавить его от нескольких монет, которыми он,

по-видимому, обзавелся в достаточном количестве. Однако даже вереница стаканов искрящегося хереса, в котором сверкающие пузырьки играли, словно пылинки в солнечных лучах, не возымели ни малейшего действия на благопристойного Ричи. Он сохранял важность и степенность судьи, несмотря на то, что пил как лошадь, пил потому отчасти, что имел прирожденную склонность к хорошей выпивке, отчасти же — как добрый хозяин, уважающий своих гостей. Когда вино несколько разгорячило головы молодых людей, мейстер Лоустоф, которому, вероятно, надоела возросшая под конец обеда упорная несговорчивость Ричи и его страсть к назиданиям, предложил своему приятелю положить конец пирушке и присоединиться к игрокам. Тотчас позвали лакея, и Ричи уплатил по счету, одарив слуг щедрыми чаевыми, которые были приняты с низкими поклонами и многократными заверениями в том, что «джентльмены будут всегда желанными гостями».

— Сожалею, джентльмены, что мы так скоро расстаемся, — сказал Ричи. — Мне хотелось бы, чтобы перед уходом вы распили еще одну кварту хереса или остались бы отужинать и выпить по стаканчику рейнвейна. Благодарю вас, однако, и за то, что не погнушались моим скромным угощением. Да будет благосклонна к вам фортуна на том пути, какой вы выбираете; моей же стихией игра не была и никогда не будет.

— В таком случае до свиданья, рассудительнейший и всех поучающий мейстер Мониплайз, — сказал Лоустоф. — Желаю вам вскоре выкупить еще одно заложенное поместье и взять меня при этом в свидетели. Надеюсь, вы останетесь таким же славным малым, каким показали себя сегодня.

— Ну, что там, джентльмены, вы просто из учтивости так говорите. Вот если бы вы позволили мне сказать несколько слов, чтобы предостеречь вас от этой нечестивой ресторации...

— Отложите наставление до того раза, почтеннейший Ричи, когда я проиграю все свои деньги! — воскликнул Лоустоф, помахав туго набитым кошель-

ком. — Тогда ваша нотация, может быть, и подействует.

— Приберегите и на мою долю, Ричи, — добавил другой студент, показывая свой тощий кошелек. — Когда он наполнится, тогда я, так и быть, обещаю терпеливо выслушать вас.

— Эх, молодые люди, — сказал Ричи, — вот так и бывает, что полный и пустой кошелек идут одной дорогой, а дорожка-то ухабистая; но наступит время...

— Оно уже наступило, — прервал его Лоустоф, — игорные столы расставлены. Итак, Ричи, если вы не преклонны в своем нежелании идти с нами, тогда прощайте.

— Прощайте, джентльмены! — И Ричи расстался со своими гостями.

Ричи не отошел от ресторации и на три шага, как на него налетел человек, которого он, углубленный в размышления об азартных играх, ресторациях и современных нравах, не заметил и который, в свою очередь, проявил такую же невнимательность. Когда же Мониплайз осведомился, нарочно ли он толкнул его, незнакомец отпустил проклятие по адресу Шотландии и всей шотландской нации. Даже не столь наглое оскорбление, нанесенное его отчизне, вызвало бы гнев Ричи в любое время, а тем более сейчас, когда в голове у него шумело от выпитых двух кварт канарского. Он собрался было ответить очень резко и подкрепить слова действием, как вдруг, приглядевшись к оскорбителю, переменил намерение.

— А ведь вы именно тот, с кем я больше всего желал встретиться, — сказал он.

— А вы и ваши нищие сородичи как раз те, кого я вовсе не хотел бы видеть, — отозвался незнакомец. — Вы, шотландцы, вероломные лстецы; честному человеку и близко к вам подходить нельзя.

— Что касается нашей бедности, приятель, — возразил Ричи, — то так угодно богу; относительно же нашего вероломства вы ошибаетесь, и я докажу вам, что у шотландца в груди бьется верное и преданное сердце, какое не всегда найдешь под английским камзолом.

— Мне наплевать, какое у вас там сердце. Пустите меня! Чего вы держите мой плащ? Пустите, говорю вам, а не то я швырну вас в канаву.

— Пожалуй, я вам это простил бы, ибо некогда вы оказали мне большую услугу, вытащив меня отсюда.

— Будь прокляты мои руки, коли они это сделали! Я б хотел, чтобы все шотландцы валялись там вместе с вами, и пусть отсохнет рука у того, кто вздумал бы вас поднимать. Зачем вы загораживаете мне дорогу? — злобно добавил он.

— Затем, что дорога эта дурная, мейстер Дженкин. Не пугайтесь, любезный, вы узнаны. Ну не прискорбно ли видеть, как сын честного человека вздрагивает, услышав собственное имя!

Дженкин с яростью ударил себя кулаком по лбу.

— Полно, полно, — сказал Ричи, — ваш гнев ничему не поможет. Скажите лучше, куда вы держите путь?

— К дьяволу, — огрызнулся Джин Вин.

— Страшное это место, если слова ваши надо понимать буквально; но если вы употребляете их метафорически, то в этом большом городе найдутся места и похуже таверны Дьявола, так что я не прочь пойти с вами и распить вместе полгаллона горячего хереса — он предотвратит несварение желудка и послужит приятным вступлением к холодной цыплячьей ножке.

— По-хорошему прошу, отпустите меня, — взмолился Дженкин. — Я не хочу, чтоб вы пострадали от моей руки. Может, вы и впрямь желаете мне добра, но только на меня накатило такое, что я сейчас опасен даже для самого себя.

— Так и быть, я готов рискнуть, только пойдем со мною. Тут есть неподалеку подходящее местечко, до него ближе, чем до таверны Дьявола, — какое, к слову сказать, зловещее название, отобьет всякую охоту выпить. Я предлагаю пойти в таверну у церкви святого Андрея — тихое заведение, где я частенько промачивал горло, когда жил с лордом Гленварлохом

по соседству с Темплом. Что за чертовщина с ним? Так рванулся, едва с ног не сбил.

— Не называйте при мне имени этого коварного шотландца, если не хотите свести меня с ума! — воскликнул Джин Вин. — Я был так счастлив, пока не знал его. Он виноват во всех бедах, которые на меня обрушились, по его милости я стал вором и сумасшедшим.

— Если вы вор, то перед вами судья, если вы безумец — перед вами лекарь, но судья милосердный, а лекарь терпеливый. Послушайте, мой друг, об этом лорде каких только слухов не ходило, но в них было не больше правды, чем в бреднях Магомета. Самое худшее, в чем его можно упрекнуть, — это то, что он не всегда любит внимать добрым советам, как следовало бы ему, и вам, и всякому молодому человеку. Идемте со мной, идемте же! Если небольшое денежное подспорье и множество превосходных советов способны помочь вашему горю, то могу сказать одно: вам повезло, что вы встретились с человеком, который в силах дать и деньги и совет и сделает это с превеликой охотой.

Настойчивость шотландца сломила упрямство Винсента, который был так взволнован, что лишился способности сам принимать решения, и потому с готовностью подчинился чужой воле. Он дал отвести себя в небольшую таверну, расхваленную Ричи Мониплайзом; там их усадили в уютном уголке и поставили перед ними полгаллона горячего хереса, от которого шел пар, и голову сахара. Им подали также табак и трубки, но курил один Ричи: он с недавних пор завел эту привычку, считая, что она придает ему больше степенности и важности и что табачный дым служит приятным, завораживающим собеседника сопровождением к мудрым сентенциям, струящимся из его уст. После того как наполненные стаканы были в молчании осушены, Ричи вторично спросил, куда направлялся его гость в ту минуту, когда им посчастливилось встретиться.

— Я же вам сказал, что шел к своей гибели, то есть в игорный дом. Я решил попытать счастья,

рискнув этими последними монетами, — авось и выиграю столько, сколько нужно заплатить капитану Шаркеру, чей корабль стоит в Грейвсенде, готовый отплыть в Америку. Ну, а там — прости-прощай! По пути сюда мне уже встретился один дьявол, он хотел было отклонить меня от моего намерения, но я от него отделался. Кто вас знает, может вы из той же породы? Какие вечные муки вы уготовили для меня, — добавил он с диким видом, — какую цену вы за них предложите?

— Да будет вам известно, что я с таким товаром дела не имею ни как продавец, ни как покупатель. Если вы откровенно расскажете, в чем ваше горе, то я сделаю все возможное, чтобы вызволить вас из беды, однако не буду расточать заранее обещаний, пока не услышу вашей истории: и опытный врач не прописывает лекарства, пока не изучит всех признаков болезни.

— Кому какое дело до моих несчастий, — проворчал бедняга и, сложив на столе руки, опустил на них голову в полном отчаянии, с каким изнемогающая под непосильным грузом лама бросается на землю, чтобы умереть.

Подобно многим людям, придерживающимся о себе высокого мнения, Ричи Мониплайз очень любил утешать ближних, ибо, с одной стороны, это давало возможность проявить свое превосходство (утешитель неминуемо, хотя бы и на короткое время, получает преимущество перед страждущим), а с другой — потворствовало его страсти к разглагольствованиям. Он принялся безжалостно допекать кающегося грешника пространной речью, полной таких избитых истин, как «людская судьба переменчива», «бог терпел и нам велел», «слезами горю не поможешь», «вперед надо быть умнее»; к этому он добавил несколько укоризненных слов, осуждающих прошлое поведение Джина Вина, — он прибег к едким упрекам, видя в них средство для преодоления упрямства больного, подобно тому как Ганнибал воспользовался уксусом, чтобы проложить себе путь через горы. Однако сносить молча подобное извержение

пошлостей свыше человеческих сил, и Джин Вин — то ли желая остановить поток слов, вливаемых ему в уши «рассудку вопреки», то ли вняв изъявлениям дружбы, которым, по словам Филдинга, люди в несчастье всегда столь охотно верят, то ли просто для того, чтобы излить в слова свои горести, — поднял наконец голову и сказал, обратив к Ричи красные, опухшие глаза:

— Побойся бога, приятель, придержи свой язык, и ты все от меня узнаешь. А затем сделай мне милость: простимся и разойдемся в разные стороны. Знаешь ли ты, что Маргарет Рэмзи... Да ты видел ли ее когда, дружище?

— Видел один раз в доме мастера Джорджа Гериота на Ломбард-стрит. Я был там во время обеда.

— Да, помню, ты помогал тогда подавать кушанья. Так вот, эта пригожая девушка — а я продолжаю считать ее самой пригожей из девушек, живущих между собором святого Павла и Темпл-Баром, — выходит замуж за вашего лорда Гленварлоха, чума его возьми!

— Но это невозможно, любезный! Что за чушь ты городишь? Вы, лондонские ротозеи, попадаетесь на первоапрельскую шутку в любой месяц года. Чтобы лорд Гленварлох женился на дочери лондонского механика! Да я скорее поверил бы, что великий пресвитер Иоанн женился на дочери еврейского разносчика!

— Полегче, братец, — заметил Джин Вин, — я никому не позволю отзываться неуважительно о моем городе, даром что у меня своих забот по горло.

— Прошу прощения, любезный, я не хотел никого обидеть, но что до этой женитьбы, то она попросту невозможна.

— И все же она состоится, так как и герцог, и принц, да и все прочие ввязались в это дело, а уж пуще всех наш король; старый дуралей раскопал где-то, что Маргарет — важная дама у себя на родине; впрочем, все шотландцы выдают себя за важных особ.

— Мейстер Винсент, хотя вы, я знаю, и расстроены, — прервал его оскорбленный утешитель, — я не потерплю, чтобы порочили мою нацию.

Удрученный юноша, в свою очередь, извинился, но продолжал настаивать:

— Король взаправду утверждает, будто Пегги Рэмзи — девица древнего, благородного происхождения; потому он и принимает большое участие в ее замужестве и вообще носитя с Пегги как курица с яйцом. Да это и не мудрено, — добавил бедняга Вин, тяжело вздыхая, — он видел ее в штанах и в камзоле.

— Все это может быть и правда, — заметил Ричи, — хотя кажется мне странным. Однако, любезный, не должно говорить худо о высокопоставленных лицах. Никогда не ругайте короля, Дженкин, даже в своей спальне: и каменные стены имеют уши, — никто не знает этого лучше, чем я.

— Да я не ругаю старого олуха, но не мешало бы ему сбавить тону. Если бы он увидел перед собою в чистом поле тридцать тысяч таких пик, какие мне довелось видеть в арсенале, то кто, хотел бы я знать, пришел бы к нему на выручку? Ручаюсь, что не его длинноволосые придворные шеголи.¹

— Постыдитесь, приятель, — сказал Ричи, — вспомните, откуда происходят Стюарты. Неужели вы думаете, что в случае нужды у них не хватит копий или палашей? Но оставим этот разговор — рассуждать о подобных вещах опасно. Еще раз спрашиваю вас: какое вам дело до всего этого?

— Какое дело? Да разве я не обратился на Пегги Рэмзи все свои помыслы с первого дня, как поступил в лавку ее отца? Не таскал ли за ней целых три года

¹ Кларендон отмечает, что результаты военного обучения горожан, несмотря на все насмешки, которым оно подвергалось со стороны поэтов-драматургов той эпохи, основательно испытали на себе кавалеры во время междоусобной войны. Лишь приобретенный постоянными занятиями навык позволил лондонцам, вооруженным пиками, выстоять в битве при Ньюбери и в других битвах против неоднократных атак пылкого принца Руперта и его доблестных кавалеров. (*Прим. автора*)

ее деревянные башмаки, не носил молитвенник, не чистил подушку, на которой она стоит в церкви на коленях? И разве она хоть раз сказала мне, чтобы я этого не делал?

— Если вы ограничивались лишь этими мелкими услугами, то чего ради ей было отвергать их? Эх, приятель, мало, очень мало найдется мужчин, хоть среди дураков, хоть среди умников, которые знают, как вести себя с женщинами.

— Да разве не рисковал я ради нее своей свободой и даже чуть ли не своей головой? Не она ли... Нет, это не она сама, а та проклятая ведьма, которую она на меня напустила, уговорила меня, как последнего дурака, переодеться лодочником и помочь этому лорду, черт бы его побрал, удрать в Шотландию. А он, вместо того чтобы тихо и мирно сесть на корабль в Грейвсенде, раскричался, разбушевался, стал грозить пистолетами и принудил меня высадить его в Гринвиче, где он так набедокурил, что сам в Тауэр угодил и меня за собой потащил.

— Ага, — сказал Ричи, придавая своей физиономии еще более глубокомысленное выражение, нежели обычно, — так это вы были тот лодочник в зеленой куртке, который вез лорда Гленварлоха вниз по реке?

— Да, я и есть тот болван, который не догадался утопить его в Темзе, тот самый парень, который нипочем не хотел сознаваться, кто он и откуда, хоть его и пугали обьятиями дочки герцога Эксетерского.

— А кто она такая, любезный? Должно быть, порядочная уродина, раз вы так боитесь ее, несмотря на ее знатность?

— Я о дыбе, о дыбе говорю, приятель. Где вы жили, что никогда не слыхали о дочке герцога Эксетерского?¹ Все герцоги и герцогини Англии ничего не добились бы от меня, но правда вышла наружу каким-то другим путем, и меня выпустили. Я бросился

¹ Так назывался вид дыбы, применявшийся в лондонском Тауэре. (Прим. автора.)

со всех ног домой, воображая себя умнейшим и счастливейшим малым во всей округе. А она.. она вздумала заплатить мне деньгами за мою верную службу! И говорила со мною так ласково и так холодно в одно и то же время, что мне захотелось очутиться в самом мрачном подzemелье Тауэра. Лучше бы меня замучили пытками до смерти, тогда я не узнал бы, что этот шотландец отбил у меня мою милую!

— Но точно ли вы уверены, что потеряли ее? — спросил Ричи. — Мне как-то не верится, что лорд Гленварлох женится на дочери торговца, хотя должен признать, что в Лондоне заключаются самые диковинные браки.

— Говорю вам, что едва лорда освободили, как он вместе с мейстером Джорджем Гериотом с соизволения короля отправился делать ей предложение, ~~честь~~ по чести. Ладно еще, что лорд пользуется милостью при дворе, а то у него и клочка земли не осталось бы.

— Ну, а что сказал на это старый часовщик? Не снятил с ума от радости, чего вполне можно было бы ждать от него?

— Он перемножил шесть чисел, объявил результат, а затем дал согласие.

— А вы что сделали?

— Бросился на улицу, сердце у меня горело и глаза кровью налились. И кто, вы думаете, попался мне первым навстречу? Старая ведьма, матушка Садлчоп. И что же она мне предложила? Выйти на большую дорогу.

— Выйти на дорогу, любезный? В каком это смысле?

— Ну, как подручный святого Николая, как разбойник вроде Пойнса и Пето и других молодцов из пьесы. А кто, по-вашему, должен был стать моим начальником? Она, верно, приняла молчание за согласие и думала, что я погиб безвозвратно и даже помышлять не могу о спасении, и потому выложила мне все, прежде чем я успел слово вымолвить. Кого она мне прочила в начальники, как не того мошенника,

которого я отдубасил на ваших глазах в ресторации, когда вы служили лорду Гленварлоху, трусливого мерзавца, вора и буяна, известного в городе под именем Колпеппера.

— Колпеппер? Хм, я кое-что слышал об этом негодяе, — пробормотал Ричи. — А не скажете ли, мейстер Дженкин, где его можно найти? Вы оказали бы мне этим важную услугу.

— Он где-то скрывается, — ответил подмастерье, — его подозревают в каком-то гнусном преступлении, наверно в том зверском убийстве, совершенном в Уайтфрайерсе, или еще в чем-нибудь подобном. Я мог все разузнать у миссис Садлчоп, так как она предлагала мне встретиться у Энфилдского леса с Колпеппером и другими молодцами, чтобы вместе ограбить какого-то путешественника, который едет на север с большой казной.

— И вы не согласились на столь заманчивое предложение?

— Я обругал ее старой каргой и пошел своей дорогой.

— А что же она сказала вам на это, приятель? Ваш отказ, должно быть, всполошил ее?

— Ничуть не бывало. Она расхохоталась и заявила, что шутит. Но я-то уж хорошо научился различать, когда эта бесовка шутит, а когда говорит всерьез; меня не проведешь. Впрочем, она знает, что я никогда ее не выдам.

— Зачем выдавать, об этом и речи нет; но разве вы чем-нибудь связаны с этим прытким Пепперколом, или Колпеппером, или как еще его там зовут, что хотите позволить ему ограбить честного человека, который держит путь на север и, как знать, может оказаться славным шотландцем?

— Да, который вывозит к себе домой английские денежки, — заметил Дженкин. — Будь он кем угодно, пусть их ограбят всех подряд — мне все равно: я сам ограблен и погиб.

Ричи наполнил до краев стакан своего приятеля, настаивая, чтобы тот выпил, как он выразился, до суха.

— Эта любовь, — сказал он, — просто ребячество, недостойное такого славного молодца, как вы, мейстер Дженкин. Если уж вам непременно хочется себя потешить, то за чем дело стало — в Лондоне найдется много девушек не хуже Пегги Рэмзи, хотя, по моему мнению, надежнее попытаться счастья со степенной особой. Нечего так тяжело вздыхать, это чистая правда: свет не клином сошелся. К чему вам, ловкому, смышленому молодому человеку, каких поискать, к чему вам сидеть повеся голову? Не лучше ли решиться на какой-нибудь смелый шаг, чтобы поправить свои дела?

— Говорю вам, мейстер Мониплайз, я нищ, как ваш брат шотландец. Я бросил ученье и собираюсь бежать из Англии.

— Как можно! — воскликнул Ричи. — Это не годится, любезный. Из собственного печального опыта я хорошо знаю, что у кого пустое брюхо, тот поневоле падает духом. У кого штаны дырявые, тот сидит смирно.¹ Будьте мужественны, приятель; вы когда-то оказали мне услугу, и теперь я вам оплачу тем же. Если вы устроите мне встречу с тем капитаном, то сделаете самое доброе дело в своей жизни.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните, мейстер Ричард: вы хотите уберечь туго набитую кошелек своего земляка. Не знаю, правда, какая мне будет выгода, но я не прочь принять в этом участие. Ненавижу этого кровожадного хвастливого труса. Коли достанете мне лошадь, я, пожалуй, покажу, где, по словам миссис Урсли, я должен был с ним встретиться. Но имейте в виду, вы подвергаете себя ри-

¹ Последние изящные слова были произнесены герцогом Дугласом, по прозвищу Лесничий, после того, как он был ранен и взят в плен в битве при Шрусбери:

...И был захвачен Дуглас, перед этим
В трех встречах перебивший подставных,
Одетых королем...

(Перевод Б. Пастернака)

ску: хоть сам он трус, но с ним наверняка будут несколько отчаянных ребят.

— Будет издан приказ об аресте, приятель, — возразил Ричи, — и объявлено о розыске преступника.

— Ничего этого не будет, если хотите, чтобы я вас сопровождал. Я не из тех, кто доносит на кого бы то ни было стражникам. Вы должны полагаться на собственное мужество, если хотите, чтобы я поехал с вами. Я принес воровскую присягу и никого продавать не стану.

— Так и быть, упрямца не переупрямишь, — ответил Ричи. — Не забудьте, что я родился и рос там, где прошибленных голов больше, чем целых. А кроме того, у меня тут есть два отважных приятеля — мейстер Лоустоф из Темпла и родственник его, мейстер Рингвуд; они с радостью присоединятся к столь доблестной компании.

— Лоустоф и Рингвуд? Они храбрецы, надежные ребята. Знаете ли вы, где их отыскать?

— Знаю ли я? — повторил Ричи. — Поручусь, что они до глубокой ночи просидят за картами и ко-стями.

— Это честные джентльмены, им можно доверять, — сказал Дженкин. — Если они советуют брать-ся за это дело, я ваш. Приведите их сюда, нам надо с ними договориться. Нас не должны видеть вместе на улице. Не знаю уж, как это получилось, мейстер Мониплайз, — прибавил он с прояснившим-ся лицом, наполняя, в свою очередь, стаканы, — только я подумал малость, и у меня полегчало на сердце.

— Вот что значит иметь умных советчиков, мей-стер Дженкин. Я уверен, не пройдет и нескольких дней, как вы скажете, что на сердце у вас легко, словно у жаворонка. Нечего улыбаться и качать голо-вой, помните мои слова. А теперь побудьте здесь, пока я схожу за нашими студентами. Ручаюсь, что их и канатами не удержишь от того приключения, которое я им предложу.

Боры связали честных людей. Теперь, в свою очередь, мы оберем воров и от трудов праведных отправимся веселиться в Лондон.

«Генрих IV», часть I,
акт II, сцена 2¹

Солнце стояло высоко в небе, ярко освещая прогалины Энфилдского леса, и олени, водившиеся там в изобилии, резвились среди древних дубов, собираясь в живописные группы. В конце одной из длинных аллей, прорубленных для удобства охотников, показались кавалер и дама; они медленно шли пешком, хотя на них были костюмы для верховой езды. Их сопровождал лишь один паж, следовавший на почтительном расстоянии верхом на испанском жеребце, который, видимо, был навьючен тяжелой поклажей. Женщина, одетая с причудливой пышностью, чрезмерной даже для той эпохи, вся в бисере, оборочках и прошивках, в одной руке держала веер из страусовых перьев, в другой — черную бархатную маску и с помощью всех испытанных кокетливых приемов старалась привлечь внимание своего спутника, который иногда нехотя отрывался от серьезных размышлений, чтобы ответить ей, а чаще даже не давал себе труда вслушиваться в ее беспечный лепет.

— Ах, милорд, милорд, вы идете так скоро, что я не поспеваю за вами. Пойдите, я возьму вас под руку, но только как быть тогда с маской и веером? Почему вы не позволили мне взять с собой камеристку: она несла бы мои вещи. Хотя смотрите, милорд, я заткну веер за пояс, вот так! Теперь одна рука у меня свободна, чтобы удержать вас, вы от меня не убежите.

— Идем же, — проговорил кавалер, — не отставай от меня, если уж ты не захотела остаться с камеристкой, как ты ее называешь, и с багажом. Может быть,

¹ Перевод Б. Пастернака.

ты кое-что увидишь; впрочем, это зрелище вряд ли тебе понравится.

Она взяла его под руку, но так как он продолжал идти не убавляя шага, то скоро отпустила его и воскликнула, что он сделал ей больно. Кавалер остановился и взглянул на прекрасную ручку, которую она показывала ему, жалуясь на его жестокость.

— Смею вас уверить, — сказала она, отогнув рукав, — она в синяках до самого локтя.

— Смею тебя уверить, ты совершенная дурочка, — ответил кавалер, небрежно поцеловав пострадавшую руку, — я вижу прелестное розовое пятнышко, которое оттеняет голубые жилки.

— Ах, милорд, это вы говорите глупости, — возразила она, — однако я очень рада, что хоть как-то заставила вас наконец заговорить и засмеяться в первый раз за сегодняшнее утро. Право, если я и настояла на том, чтобы пойти вместе с вами в лес, то лишь для того, чтобы развлечь вас. Мне кажется, со мной должно быть приятнее, чем с пажом. А теперь скажите, милорд, те красивые зверьки с рогами — не олени ли это?

— Они самые, Нелли, — ответил невнимательный спутник.

— Не пойму, что знатные люди могут делать с таким множеством оленей?

— Они отсылают их в город, Нелл, где умные люди готовят из них паштеты и украшают их рогами свои лбы, — ответил лорд Дэлгарно, которого читатель уже, вероятно, узнал.

— Да вы смеетесь надо мной, милорд! — воскликнула его спутница. — Про оленину я и сама все знаю, не думайте. Я всегда отведывала оленьё мясо раз в году, когда мы обедали у городского советника; но нынче, — продолжала она печально, ибо в ее затуманенной тщеславием и безрассудством головке мелькнула мысль о позоре, — нынче он не захотел бы и говорить со мной, даже если бы мы и повстречались в самом узком переулке нашей округи.

— Разумеется, он не заговорил бы, потому что ты уничтожила бы его одним взглядом, Нелл. Надеюсь,

у тебя хватит ума не тратить напрасно слов на такого болвана?

— У кого — у меня? — спросила миссис Нелли. — Конечно, я презираю этого надутого гордеца. Вообразите, милорд, он заставлял всех жителей округа снимать перед ним шапки — и моего бедного старичка Джона Кристи и всех других.

И тут воспоминания увлажнили ее глаза.

— Черт побери твоё хныканье! — довольно грубо сказал Дэлгарно. — Ну, не пугайся и не бледней, Нелл. Я не сержусь на тебя, глупенькая. Но что прикажешь делать, если ты без конца вспоминаешь свою темницу возле реки, пропахшую дегтем и затхлым сыром сильнее, чем уэльсец луком, и вспоминаешь ее тогда, когда я везу тебя в прекрасный замок, какие бывают только в сказке?

— Мы будем там сегодня к вечеру, милорд? — спросила Нелли, вытирая глаза.

— Сегодня, Нелли? Что ты, мы не будем там к вечеру и через две недели.

— Господи, не оставь и сохрани нас! Разве мы не поедем туда морем, милорд? Я думала, что все приезжают из Шотландии морем. Я наверно знаю, что лорд Гленварлох и Ричи Мониплайз прибыли в Лондон на корабле.

— Одно дело ехать в Англию, Нелли, а другое — покидать ее.

— Да, это правда, — согласилась его простодушная спутница. — Однако мне помнится, говорили, что и в Шотландию можно ехать водою. Хорошо ли вы знаете дорогу? Вы уверены, что туда можно добраться сушей, мой возлюбленный лорд?

— А это мы увидим, моя возлюбленная леди, — ответил лорд Дэлгарно. — Утверждают, будто Англия и Шотландия расположены на одном острове, а если так, то можно надеяться, что их соединяет сухопутная дорога.

— Мне ни за что не проделать верхом такого длинного пути!

— А мы подберем помягче твоё седло. Обещаю тебе: как только ты сбросишь свой невзрачный кокон,

ты превратишься из гусеницы с жалких городских задворков в бабочку из королевского сада. У тебя будет столько платьев, сколько в сутках часов, столько горничных, сколько дней в неделе, а всякой челяди столько, сколько недель в году; и будешь ты выезжать с лордом на оленью и соколиную охоту, вместо того чтобы прислуживать старому лавочнику, который только и делает, что харкает да сплевывает.

— Это хорошо, но сделаете ли вы меня госпожой, милорд?

— Конечно, как же иначе — ты будешь госпожой моего сердца.

— Я думала, что буду госпожой в вашем замке.

— По правде говоря, Нелл, этого я не могу обещать тебе. Жена совсем не то, что возлюбленная.

— Я слыхала от миссис Садлчоп, у которой вы меня поместили после того, как я оставила моего бедного Джона Кристи, что лорд Гленварлох собирается жениться на дочке часовщика Дэвида Рэмзи.

— Чашу надо еще донести до рта, Нелли. Я везу с собой нечто такое, что может расстроить сей многообещающий союз, прежде чем год постареет на один день.

— Да, но мой отец был нисколько не хуже старого Дэвида Рэмзи, милорд, и уважали его не меньше; стало быть, отчего бы вам на мне и не жениться? Смею сказать, вы причинили мне немало зла; почему бы вам не загладить теперь свою вину?

— По двум важным причинам, Нелли: судьба нагадила тебя супругом, а король навязал мне жену.

— Ах, милорд, они ведь останутся в Англии, а мы уедем в Шотландию! — воскликнула Нелли.

— Твой довод разумнее, чем ты думаешь, — сказал лорд Дэлгарно. — Я слышал от шотландских законоведов, что в нашем благословенном отечестве супружеские узы можно развязать, прибегнув к обычному судебному разбирательству, между тем как в Англии они могут быть расторгнуты только специальным актом парламента. Что ж, хорошо, Нелли, мы еще обдумаем этот вопрос, и поженимся мы или нет — во всяком случае, мы сделаем все, чтобы развестись.

— Правда, мой миленький лорд? Ну, тогда я меньше буду думать о Джоне Кристи, потому что он женится опять, я в этом не сомневаюсь — он человек зажиточный. Я буду рада знать, что кто-то заботится о нем, как, бывало, я заботилась о бедном доверчивом старике! Он был мне добрым мужем, хоть он и старше на двадцать лет. От всего сердца надеюсь, что впредь он не пустит на свой честный порог молодых лордов!

Тут миссис Нелли снова выказала намерение дать волю слезам. Но лорд Дэлгарно укротил надвигающуюся бурю чувств, сказав ей резко:

— Послушай, моя драгоценная возлюбленная, мне уже надоели эти весенние ливни, я бы посоветовал приберечь слезы для более важного случая. Кто знает, не заставит ли тебя неожиданный поворот колеса фортуны через несколько минут проливать слезы и хватит ли тогда их у тебя?

— Сохрани бог, милорд! Что значат ваши слова? Джон Кристи, добрая душа, ничега от меня не утаивал; я надеюсь, что и ваша светлость не станете ничего от меня скрывать.

— Присядем на этом пригорке, — сказал лорд Дэлгарно. — Я должен здесь ненадолго задержаться. Если ты согласна помолчать короткое время, я, пожалуй, использую его на обдумывание того, в какой мере я могу последовать похвальному примеру, о котором ты говоришь.

Место, где остановился Дэлгарно, представляло собой в те дни небольшую возвышенность, частично опоясанную рвом, откуда вся местность получила название Кэмлитского рва. Вокруг лежало несколько обтесанных камней; они избегли участи многих других, которые пошли на сооружение разных построек для зрителей королевских лесов, и достаточно ясно свидетельствовали о том, что когда-то «трудилась здесь рука людская». Это были развалины жилища некогда знаменитого, а ныне давно забытого рода Мандевиллей, графов Эссекских, владевших встарь Энфилдским лесом и окрестными обширными землями. Эта возвышенность была центром, откуда расходились широкие и очень длинные аллеи, в конце

которых виднелся густой и мрачный лес; именно ее избрал лорд Дэлгарно местом поединка со своим оскорбленным бывшим другом, лордом Гленварлохом, кому он передал вызов через Ричи Мониплайза.

— Он, конечно, явится, — говорил себе Дэлгарно. — Трусость как будто никогда не была ему свойственна, по крайней мере в парке он вел себя весьма решительно. А может статься, тот грубиян не исполнил моего поручения? Но нет, он усердный слуга, один из тех, кто дорожит честью господина больше, чем собственной жизнью. Смотри, Лутин, чтобы не убежала лошадь, и не спускай своих острых, соколиных глаз с аллей парка: ни одна душа не должна пройти незамеченной. Бакингом принял было мой вызов, но теперь гордый баловень отказывается дать мне удовлетворение, ссылаясь на глупые приказы короля. Если мне удастся расстроить планы Гленварлоха, а может быть, и убить его, если я лишу его чести или жизни, то смогу спокойно ехать в Шотландию: у меня достаточно золота, чтобы заставить позабыть о моих прошлых неудачах. Я хорошо знаю моих любезных соотечественников: они никогда не ссорятся с тем, кто возвращается домой с деньгами или с воинской славой, а уж тем более если он приобрел и деньги и славу.

Размышляя об этом и припоминая перенесенный позор, он перебирал в памяти воображаемые причины своей ненависти к лорду Гленварлоху; под натиском кипящих страстей лицо его постепенно исказилось, к великому страху Нелли. Сидя у его ног, незамечаемая им, она с тревогой увидела, что щеки его пылают, губы плотно сжались, глаза расширились, на лице изобразилась отчаянная, беспощадная решимость, какая овладевает человеком, ожидающим близкой смертельной схватки с заклятым врагом. Пустынная местность, весь окружающий ландшафт, непохожий на то, к чему Нелли привыкла, мрачное, зловещее выражение, внезапно появившееся на лице ее соблазнителя, повелительный тон, каким он приказал ей замолчать, наконец явная странность его поведения, необъяснимая задержка в пути, когда их

ожидало столь долгое путешествие, — все это возбудило в ее глупой головке самые страшные опасения. Ей приходилось читать о женщинах, которые нарушили супружеский долг, соблазненные волшебниками, находящимися в союзе с адскими силами; иногда сам сатана, заманив свою жертву в какое-нибудь глухое место, недоступное смертным, сбрасывал привлекательную личину, в которой снискал ее любовь, и представлял в своем истинном гнусном облике. Нелли отгоняла от себя эти безумные мысли, осаждавшие ее слабый, растерянный разум. Возможно, ей и довелось бы увидеть — пусть не в буквальном смысле, но аллегорически — эти фантастические видения, если бы не последовавшее вскоре событие.

Паж, чьи глаза были необычайно зорки, указал на одну из аллей и крикнул своему господину, что по ней движутся всадники. Лорд Дэлгарно быстро встал и, заслонив глаза рукой, стал напряженно вглядываться вдаль; в этот миг раздался выстрел, пуля, задев поднятую руку, пронзила ему мозг, и он упал бездыханным к ногам, или, вернее, на колени, несчастной жертвы его распутства. Лицо, выражение которого последние пять минут непрерывно менялось на глазах у Нелли, исказилось в судороге, а затем застыло навсегда. Не успел рассеяться дым, как из кустов, откуда раздался выстрел, выскочили три грабителя. Один с проклятьями бросился на пажу, другой — на бедную женщину, стараясь ужаснейшими угрозами заставить ее замолчать, третий между тем принялся отвязывать тюк от седла. Но неожиданная помощь вырвала добычу из рук злодеев.

Читателю нетрудно догадаться, что, заручившись содействием обоих студентов, всегда готовых принять участие во всем, что сулило драку, и взяв в проводники Джина Вина, Ричи Мониплайз отправился со всей компанией в путь. Красуясь верхом на лошадях, отлично вооруженные, они выехали в полной уверенности, что доберутся до Кэмлитского рва раньше грабителей и поймают их на месте преступления. Они никак не ожидали, что английские грабители изменят своим привычкам и по примеру разбойников других

стран предварят грабеж убийством. К тому же по пути их ненадолго задержало одно происшествие. Проезжая по лесной просеке, они увидели путника, сидевшего под деревом. Он так душераздирающе стонал, что Лоустоф не мог удержаться, чтобы не спросить, какая с ним приключилась беда. Незнакомец ответил, что он, несчастный человек, пустился в погоню за своей женой, похищенной соблазнителем. Говоря это, он поднял голову, и Ричи, к великому своему удивлению, узрел физиономию Джона Кристи.

— Ради самого бога, помогите мне, мейстер Мониплайз! — воскликнул тот. — Я узнал, что жена моя всего в миле отсюда с этим подлым лордом Дэлгарно.

— Непременно захватим беднягу с собой, — вмешался Лоустоф. — Да это второй Орфей в поисках своей Эвридики! Надо взять его с собой; мы спасем кошелек лорда Дэлгарно, а заодно избавим его от любовницы. Возьмем его с собой хотя бы для того, чтобы внести разнообразие в приключение. Кстати, у меня зуб против его светлости за то, что он однажды ловко провел меня. У нас в запасе еще добрых десять минут.

Но когда дело идет о жизни и смерти, опасно оставлять себе времени в обрез. Возможно, те несколько минут, пока они подсаживали Джона Кристи на лошадь позади одного из всадников, спасли бы жизнь лорду Дэлгарно. Так преступная любовная связь стала косвенной причиной его гибели, так «нас за прегрешенья казнят плодами нашего греха».¹

Всадники прискакали на место минутой позже выстрела. Ричи, имевший особые причины заняться Колпеппером, который торопливо отвязывал седельные мешки с лошади паж, налетел на капитана с такой яростью, что сбил его с ног; при этом лошадь под Ричи споткнулась и сбросила на землю своего седока, отнюдь не первоклассного наездника. Однако неустрашимый Ричи тотчас поднялся и с тем же воодушевлением схватился врукопашную с негодяем; и не смотря на то, что противник его отличался силой и

¹ Перевод Б. Пастернака.

дрался со всем ожесточением приведенного в отчаяние труса, Мониплайз подмял его под себя, вырвал у него нож, нанес ему ужасную рану его же оружием и вскочил на ноги. Когда же раненый попытался последовать примеру Ричи, тот ударил его по голове прикладом мушкетона, и этот последний удар оказался смертельным.

— Браво, Ричи! — вскричал Лоустоф, который после непродолжительного сражения на шпагах с другим грабителем, обратил его в бегство. — Браво, приятель, смотри-ка, грех повержен на землю, точно бык, а беззаконию перерезана глотка, точно теленку!

— Не знаю, мейстер Лоустоф, зачем вы ставите мне в упрек ремесло моего отца, — хладнокровно ответил Ричи, — но уверяю вас, мясная лавка — неплохое место для обучения подобному занятию.

Тут послышался громкий возглас второго студента:

— Ради всего святого, скорее сюда! Здесь лежит убитый лорд Дэлгарно!

Лоустоф и Ричи подбежали к нему, а в это время паж, видя, что на него никто не обращает внимания, воспользовался удобным случаем и ускакал в противоположную сторону, и с той минуты он сам и та внушительная сумма денег, которая была в мешках, навьюченных на его лошадь, точно в воду канули.

Третий разбойник не стал дожидаться нападения Лоустофа и Джина Вина, который в эту минуту, чтобы ему было легче маневрировать, ссаживал на землю старого Кристи. Теперь все пятеро стояли, в ужасе глядя на окровавленный труп молодого лорда и на несчастную женщину, бурно выражавшую свое горе: она рвала на себе волосы, испускала раздирающие душу крики; но вдруг отчаяние ее сразу прошло, или, вернее, приняло иной характер, при совершенно неожиданном появлении ее мужа. Вперив в нее холодный, суровый взгляд, он произнес столь же суровым тоном:

— Да, жена, вот как ты сокрушаешься о своем мертвом любовнике!

И, глядя на окровавленное тело того, кто так жестоко оскорбил его, он произнес слова писания:

— Мне отмщение, и аз воздам, говорит господь. Я, кому ты причинил такое зло, первым окажу тебе почести, подобающие всем мертвым.

С этими словами он накрыл труп своим плащом и задумчиво стоял над ним с минуту, как будто размышляя, что делать дальше. Потом он медленно перевел взгляд с трупа соблазнителя на жертву и соучастницу его преступления, которая упала к ногам оскорбленного мужа и обнимала их, не смея поднять голову. Лицо Кристи, от природы грубое и мрачное, приняло выражение такого достоинства и благородства, что молодые студенты присмирели и даже назойливый и самоуверенный Ричи Мониплайз, вначале жаждавший высказать свое мнение и дать совет, прикусил язык.

— Не предо мной становись на колени, женщина, — сказал Кристи, — а перед богом: перед ним ты согрешила больше, нежели перед подобным тебе ничтожным червем. Не говорил ли я тебе, когда ты бывала в самом веселом и легкомысленном расположении духа, что гордыня влечет за собой гибель, а кичливый дух ведет к падению? Тщеславие породило глупость, глупость породила грех, а грех привел к смерти — своей извечной спутнице. Ты презрела долг, приличия и супружескую любовь ради того, чтобы предаться мерзкому веселью с распутником и нечестивцем. И вот ты лежишь, словно раздавленный червь, и корчишься подле бездыханного тела твоего любовника. Ты принесла мне много зла, ты обесславila меня перед моими друзьями, лишила доброго имени, прогнала мир из моего дома. Но ты была моя первая и единственная любовь, и я не допущу твоей окончательной гибели, если в моих силах предотвратить ее. Джентльмены, примите благодарность, какую только может принести человек с разбитым сердцем. Ричард, засвидетельствуй мое почтение твоему достойному господину, я добавил горечи в чашу его страданий, но меня тогда ввели в заблуждение. Встань, женщина, и следуй за мною.

Он помог ей подняться, а она слезами и рыданиями пыталась выразить свое раскаяние. Она дала увести себя прочь, но шла, не отнимая от лица рук, и только когда они огибали кусты, закрывавшие место убийства, обернулась, бросила последний безумный взор на труп Дэлгарно и, схватив мужа за руку, пронзительно закричала:

— Спаси, спаси меня! Они его убили!

Лоустоф был не на шутку тронут этой сценой, но, как столичный молодой человек, устыдился столь не-светского чувства и постарался подавить его в себе, воскликнув:

— Пусть идут — добросердечный, легионерный, всепрощающий супруг и щедрая на любовь, сговорчивая супруга. Какие великодушные создания наши лондонские мужья! Они украшены рогами, но, подобно домашним откормленным быкам, не способны бодаться. Я не прочь посмотреть на нее, когда она сменит маску и дорожную шляпу на остроконечный чепец и шейный платок. Мы непременно навестим их на пристани у собора святого Павла, братец, это знакомство нам еще пригодится.

— Лучше бы вы подумали, как поймать этого черномазого воришку, Лутина, — заметил Ричи Мониплайз. — Клянусь честью, он удрал с хозяйскими деньгами!

К этому времени подоспели лесничий со своими помощниками и еще какие-то люди; они пустились было в погоню за Лутином, но вернулись ни с чем. Их попечению студенты оставили трупы убитых, а затем, дав нужные показания, вместе с Ричардом и Винсентом возвратились в Лондон, где снискали горячие похвалы за свою доблесть. Винсенту без труда простили его грехи, приняв во внимание, что только благодаря ему удалось разгромить шайку разбойников. И то, что они явились на место слишком поздно и не спасли жизни лорду Дэлгарно, в данном случае не только не умалило их заслуги, но, пожалуй, даже прибавило им чести.

Джордж Герриот, догадываясь о чувствах Винсента, испросил разрешения у его хозяина послать

беднягу с одним важным поручением в Париж. Мы не имеем возможности проследить его дальнейшую судьбу, но думаем, что жизнь его сложилась благополучно и что он вошел в компанию со своим товарищем по учению и они продолжали прибыльное дело старого Дэви Рэмзи, когда тот удалился на покой после свадьбы дочери. У нашего знаменитого антиквария, доктора Драйездаста, есть старинные часы с серебряным циферблатом, с пружиной из овечьей жилы и надписью: «Винсент и Танстол, наставники памяти».

Мейстер Лоустоф, дабы поддержать свою репутацию беспутника, не преминул справиться о Джоне Кристи и миссис Нелли, но, к его великому удивлению (и даже к ущербу для его кармана, ибо он побился об заклад на десять червонцев, что станет другом дома), он узнал, что привилегия, как тогда называлось право на торговлю, передана другому лицу, имущество распродано с молотка и бывший владелец с женой исчезли неизвестно куда. Соседи считали, что они переселились в одну из новых английских колоний в Америке.

Леди Дэлгарно приняла весть о смерти своего недостойного мужа со смешанным чувством; больше всего ее ужасала мысль, что он умер в разгаре своих распутных деяний. Событие это усугубило ее меланхолию и ухудшило здоровье, и без того подорванное прежними несчастьями. Вновь вступив после смерти мужа во владение своим состоянием и стремясь вознаградить лорда Гленварлоха за все перенесенное, она предприняла шаги к розыску закладной. Но стряпчий, напуганный последними событиями, скрылся из города, так что не было никакой возможности выяснить, в чьи руки попал документ. Ричард Мониплайз хранил молчание, имея на то свои причины; студенты, присутствовавшие при уплате денег, по его просьбе не выдавали тайны, и все были уверены, что стряпчий захватил бумаги с собой. Упомянем, кстати, что из-за опасений такого же рода, какие заставили скрыться Скарлиуитера, миссис Садлчоп навсегда освободила Лондон от своего присутствия и окончила

дни в Амстердаме в распхаузе, сиречь в исправительном доме.

Благородный лорд Хантинглен с сухими глазами и гордой осанкой проводил своего единственного сына к его последнему приюту, и, вероятно, та одна слеза, которую он все-таки уронил на гроб, была исторгнута не столько сожалением об умершем, сколько скорбью о том, что угас последний мужской отпрыск старинного рода.

Глава XXXVII

Ж а к. Наверно, близится новый всемирный потоп, и эти пары идут в ковчег. Вот еще пара очень странных животных, которых на всех языках называют дураками.

«Как вам это понравится»

Манера изложения в романах, подобных нашему, изменяется, как и все на свете. Было время, когда рассказчик обязан был завершить свое повествование подробнейшим описанием свадьбы, укладывания молодых на брачное ложе и бросания чулка в толпу гостей. Через множество опасных и затруднительных положений автор приводил наконец героя и героиню к счастливой развязке, и тут уж не упускалось ни одно обстоятельство, начиная от пылкой страсти жениха и стыдливого румянца невесты и кончая новым стихарем пастора и муаровой тальмой невестинной подружки. Но в наше время этим описаниям пришел конец по той, я полагаю, причине, что торжественные свадьбы вышли из моды и теперь, вместо того чтобы созвать своих друзей на пиршество и бал, счастливая парочка удирает в наемной карете, соблюдая такую таинственность, как будто она собралась в Гретна-Грин или задумала что-то еще похуже. Я, разумеется, очень рад такой перемене, ибо она избавляет автора от хлопотливых и тщетных попыток найти новые краски для изображения сцен, давно

всем наскучивших, но все же я вынужден взяться за этот труд, подобно тому как путник под давлением обстоятельств подчас бывает вынужден воспользоваться старой, давно заброшенной дорогой.

Искушенный читатель, вероятно, заметил уже, что в последней главе мы постарались разделаться со всеми наименее важными персонажами, чтобы очистить сцену для веселой свадьбы.

В самом деле, было бы непростительно лишь мимоходом затронуть то событие, которое представляло столь глубокий интерес для нашего главного действующего лица, короля Иакова. Этот ученый и добродушный монарх не сыграл сколько-нибудь видной роли в политической жизни Европы, но зато он проявлял бурную деятельность, когда выпадал случай вмешаться в частные дела своих любезных подданных, а потому предстоящий брак лорда Гленварлоха целиком его захватил. При первом же свидании красота и застенчивость Пегги Рэмзи, как он попросту называл ее, произвели на него весьма сильное впечатление (насколько это было возможно для такого человека, как он, не слишком восприимчивого к женскому очарованию), и он чрезвычайно гордился тем, какую он проявил проницательность, разгадав маскарад, и как ловко провел следовавший затем допрос. Несколько недель подряд, пока шло сватовство, король собственными королевскими глазами изучал старинные книги и документы, стараясь найти подтверждение благородного происхождения невесты, пусть даже и не по прямой линии, и тем устранить единственное возражение против этого брака, выдвигаемое завистниками. Король предавался этому занятию с таким усердием, что, как он выразился, едва не проглядел до дыр лучшие очки, изготовленные отцом Пегги. Старания его увенчались, по его мнению, отменным успехом. Когда сэр Манго Мэлегроутер принялся однажды в приемной горько сетовать на отсутствие родословной у невесты, король прервал его словами:

— Приберегите сожаления для себя самого, сэр Манго. Клянусь нашей королевской честью, мы твердо

стоим на том, что ее отец, Дэви Рэмзи, — дворянин в девятом поколении, ибо прадед его принадлежал к военной ветви старого рода Дэлвулзи, и не было и не будет более доблестных людей, когда-либо обнажавших меч в защиту короля и отечества, нежели эти славные рыцари. Разве ты никогда не слышал, любезный, о сэре Уильяме Рэмзи из рода Дэлвулзи, кого Джон Фордун назвал «*bellicosissimus, nobilissimus*?¹ Его замок сохранился до сих пор, он стоит не далее как в трех милях от Дэлкита и в миле от Беннокрига. От этого старинного, знатного рода Дэви Рэмзи и ведет свое происхождение, и я думаю, он не позорит своих предков теперешним ремеслом. Все они имели дело с металлом, любезный, только в прежние времена рыцари пробивали мечами дырки в латах своих врагов, а Дэви выпиливает пилкой зубцы на медных колесиках. По-моему, возвращать зрение слепым столь же благородно, как и выкалывать глаза зрячим, а учить нас дорожить быстротечным временем не менее благородно, чем расточать его в пьянстве, перебранках, поединках и тому подобных богопротивных занятиях. И да будет тобой понято, что Дэви Рэмзи не простой механик, а творец, чей труд едва не приближается к акту создания живого существа, поскольку о часах можно сказать то же, что говорит Клавдиан о сфере Архимеда Сиракузского:

*Inclusus variis famulatur spiritus astris,
Et vivum certis motibus urget opus.*²

— Так уж вашему величеству надо бы подарить старому Дэви герб вместе с родословной, — вставил сэр Манго.

— Об этом мы догадались прежде вашего, сэр Манго. Надеюсь, что мы, источник всех земных почестей, вольны пролить малую толику оных на близкую нам особу, не нанеся этим оскорбления кавалеру из Касл Гёрниго. Мы уже посоветовались с учеными му-

¹ Воинственнейшим, благороднейшим (лат.).

² Воздух, туда заключенный, приводит в движение светила, словно живые, они точно свершают свой путь (лат.).

жами из Коллегии геральдики и намерены пожаловать Дэви герб с дополнительной эмблемой, то есть наследственный герб с добавлением зубчатого часового колеса в верхней части щита; кроме того, мы предполагаем поместить щитодержатели, олицетворяющие Время и Вечность, но беда в том, что наш первый герольдмейстер еще не придумал, как изобразить Вечность.

— Я бы сделал ее вдвое выше Времени,¹ — ввернул Арчи Армстронг, придворный шут, услышав, в чем состоит затруднение.

— Молчи, любезный, тебя стоит высечь, — сказал король, поняв намек. — А вы, мои английские подданные, извольте принять к сведению сказанное нами и не смейтесь опрометчиво над нашими шотландскими родословными, если даже они уходят в глубь времен и нелегко в них разобраться. Как видите, человек подлинно благородного происхождения может на некоторое время забыть о своей родословной, и все-таки он знает, где ее найти, когда она ему понадобится. Разносчику или странствующему торговцу — а к этому промыслу особенно склонны наши шотландские подданные — не пристало похвастаться своей родословной перед теми, кому он продает на полпenny тесьмы, как не пристало ему носить высокую шляпу с перьями и шпагу, когда на спине у него тук. Нет, нет, он вешает шпагу на крючок, кладет шляпу на полку, прячет родословную в карман и торгует своим мелочным товаром скромно и незаметно, будто кровь в его жилах не лучше болотной воды. Но как скоро наш разносчик превратится в богатого, благоденствующего купца, что мне не раз приходилось видеть, тут он совершенно преображается, милорды.

In nova fert animus mutatas dicere formas.²

¹ Чосер говорит, что все новое старо как мир. Читатель знакомится здесь с первоначальным вариантом анекдота, который теперь приписывается одному шотландскому вождю нашего времени. (*Прим. автора.*)

² Дух мой стремится воспеть тела, облеченные в формы новые (*лат.*).

Тут он вынимает на свет родословную, пристегивает шляпу, чистит шляпу и заламывает ее, будто сам черт ему не брат. Мы так пространно говорим об этом для того, чтобы показать вам, что не без должного и всестороннего рассмотрения всех обстоятельств решились мы негласно и без свиты удостоить своим королевским присутствием свадьбу лорда Гленварлоха и Маргарет Рэмзи, дочери и наследницы Дэвида Рэмзи, нашего часовых дел мастера и потомка в третьем поколении младшей ветви старинного рода Дэлвулзи. Мы огорчены, что нынешнего благородного главы рода не будет на церемонии, но когда можно приобрести славу в чужих краях, то лорда Дэлвулзи едва ли застанешь дома. *Sic fuit, est, et erit.*¹ Звонкий Джорди, коль скоро свадебные издержки ты берешь на себя, мы надеемся, что угощение будет отличное.

Гериот, как того требовал этикет, поклонился. Король, великий дипломат, когда дело касалось пустяков, ради такого случая прибег ко всяческим уловкам и постарался усладить принца и Бакингема в Ньюмаркет, чтобы, воспользовавшись их отсутствием, попить в компании с подданными, притом за их счет; эти излюбленные привычки короля всегда вызывали неудовольствие Чарлза, противника всякой фамильярности; а в последнее время даже фаворит не считал нужным делать вид, что одобряет их. Когда прием во дворце окончился, сэр Манго Мэлегроутер поймал во дворе почтенного горожанина и, несмотря на все попытки того вырваться, приступил к подробнейшим расспросам.

— Незавидное у вас положение, мейстер Джордж, король недостаточно считается с вами. Свадебный пир обойдется вам в изрядную сумму.

— Он меня не разорит, сэр Манго, — ответил Гериот. — Король вправе требовать, чтобы стол, за которым мы много лет сытно обедали благодаря его щедротам, был один раз достойно накрыт для него самого.

¹ Так было, есть и будет (*лат.*).

— Справедливо, весьма справедливо. Боюсь, нам всем придется раскошелиться, кому больше, кому меньше; это выйдет вроде свадьбы в складчину,¹ где каждый гость должен пожертвовать что-нибудь в пользу молодых, чтобы у них было не только четыре голых ноги под одеялом. А что намерены подарить вы, мейстер Джордж? Когда дело касается денег, мы начинаем с Сити.

— Безделку, сэр Манго. Я дарю крестнице обручальное кольцо весьма искусной работы. Я купил его в Италии, оно принадлежало Козимо Медичи. В моей помощи невеста не нуждается: у нее есть поместье, полученное в наследство от деда с материнской стороны.

— От старого мыловара, — заметил сэр Манго. — Что же, его мыло будет очень кстати, чтобы смыть пятно с герба Гленварлоха. Но, как я слышал, поместье это не бог весть что.

— Оно не хуже некоторых придворных должностей, сэр Манго, которых домогаются многие знатные особы, — отпарировал Джордж Гериот.

— Как вы говорите, мейстер Гериот? Придворные милости? — проговорил сэр Манго, почтя за благо сделать вид, что он недослышал. — Лунные блики на воде. Если это все, что бедняжка получит в приданое, то я от всей души сочувствую молодоженам.

— Я открою вам тайну, сэр Манго, она успокоит вашу участливую душу. Вдовствующая леди Дэлгарно дает невесте богатое приданое, а остальную часть своего состояния закрепляет за женихом, своим племянником.

— Да что вы! — воскликнул сэр Манго. — Нельзя сказать, чтобы она этим выказывала уважение к памяти мужа, который уже в могиле. Счастье еще, что не племянничек спровадил его туда. При странных

¹ Шотландская свадьба в складчину вывелась теперь даже среди низших сословий; когда-то она была своеобразным праздником, на котором, если новобрачные пользовались всеобщей любовью, гости вносили довольно большие деньги под тем предлогом, что платят за свадебный пир, на самом же деле — чтобы помочь молодым стать на ноги. (Прим. автора)

обстоятельствах произошла смерть несчастного лорда Дэлгарно. Некоторые считают, что он потерпел несчастливо. Что может выйти хорошего из брака с наследницей рода, с которым ты во вражде? Говоря между нами, на бедняге Дэлгарно меньше вины, чем на тех, кто принудил его к этому браку. Однако я радуюсь, что у молодой пары будет на что жить, а в результате ли благотворительности или наследования — не наше дело. Впрочем, если леди Дэлгарно продаст с себя все до нижней юбки, то и тогда ей не вернуть прекрасного замка Гленварлохов — он потерян для них навеки, навеки потерян.

— К несчастью, это правда, — сказал Джордж Гериот, — нам никак не узнать, куда девался подлый Эндрю Скарлиутер и что сделал с закладной лорд Дэлгарно.

— Должно быть, передал кому-нибудь, с тем чтобы жена не завладела закладной после его смерти. Ему и в могиле не давала бы покоя мысль, что Гленварлох получил обратно свои земли. Будьте уверены, он как следует позаботился о том, чтобы родовое поместье не попало в руки миледи или ее племянника.

— Предположения ваши весьма правдоподобны, сэр Манго, — ответил мейстер Гериот. — А теперь, так как мне еще многое нужно приготовить к предстоящему торжеству, я оставляю вас наедине с вашими утешительными мыслями.

— Вы говорите, свадьба состоится тридцатого числа нынешнего месяца? — крикнул сэр Манго вслед горожанину. — Я непременно буду у вас в назначенное время.

— Гостей приглашает сам король, — ответил, не оборачиваясь, Джордж Гериот.

— Неотесанный, грубый ремесленник, — проворчал сэр Манго, оставшись один, — не будь я с прошлой недели должен ему фунтов двадцать с лишним, я бы научил его, как разговаривать с высокопоставленными людьми! Назло ему обязательно буду на свадебном пире.

Сэру Манго действительно удалось добиться приглашения, а лучше сказать, приказания явиться на

торжество. Гостей было очень немного, так как в подобных случаях Иаков предпочитал тесную компанию самых близких друзей, в кругу которых он мог сложить с себя угнетавшее его бремя королевского достоинства. В этом небольшом обществе недоставало еще по крайней мере двух лиц, чье присутствие как будто само собою разумелось. Одной из отсутствующих особ была лэди Дэлгарно: состояние здоровья, а также недавняя смерть мужа помешали ей явиться на бракосочетание. Вторым лицом был Ричи Мониплайз, поведение которого в последнее время стало необычайно таинственным. Он прислуживал лорду Гленварлоху по заведенному им самим распорядку и со времени приключения в Энфилдском лесу регулярно появлялся по утрам у постели лорда Гленварлоха, а по вечерам — в гардеробной, чтобы помочь хозяину одеться. Остальной частью дня он располагал по собственному усмотрению, и лорд Гленварлох, который держал теперь целый штат слуг, не стеснял его никаким контролем. Он, однако, не прочь был бы узнать, на что его слуга тратит так много времени, но Ричи не проявлял ни малейшего желания объясняться по этому поводу.

Утром в день свадьбы Ричи с особым усердием исполнял обязанности камердинера и постарался как можно выгоднее подчеркнуть красивую внешность своего господина; с величайшей тщательностью нарядив его и придав с помощью гребня «окончательный вид», как он выразился, его завитым волосам, он степенно опустился на колено, поцеловал лорду Гленварлоху руку, пожелал счастья и прибавил, что покорнейше просит позволения оставить службу у его светлости.

— Отчего, что за каприз? — спросил лорд Гленварлох. — Оставляя службу у меня, Ричи, ты, верно, собираешься поступить в услужение к моей жене?

— Желаю ее будущей милостивой светлости, а также вашей милостивой светлости, чтобы бог когда-нибудь наградил вас столь же хорошим слугой, как я, но судьба распорядилась таким образом, что

отныне я буду оказывать вам услуги только в виде дружеского одолжения.

— Хорошо, Ричи, — сказал молодой лорд, — если тебе надоело быть в услужении, мы приищем тебе более интересное занятие. Но ты ведь еще проводишь меня в церковь и разделишь с нами свадебный обед?

— С позволения вашей светлости, милорд, я напомним о заключенном между нами соглашении: одно неотложное и важное для меня дело помешает мне присутствовать на брачной церемонии, однако я не премину отведать славного угощения мейстера Джорджа — оно стоило ему немалых денег, и было бы неуважением не воспользоваться его гостеприимством.

— Поступай как знаешь, — ответил лорд Гленварлох, и, лишний раз подивившись вздорному, упрямому нраву своего слуги, он выбросил из головы всякую мысль о нем и предался другим мыслям, более соответствующим радостному дню.

Читателю самому предоставляется вообразить себе цветы, устилавшие дорогу, по которой счастливая пара направлялась к церкви; громкую музыку, под звуки которой продвигался свадебный кортеж; обряд бракосочетания, совершенный епископом, и, наконец, короля, встретившего их у собора святого Павла. Король вручил жениху невесту, к большому облегчению ее отца, который благодаря этому мог беспрепятственно заниматься вычислением нужного соотношения размеров зубчатых колес для собираемых им в то время часов.

По окончании церемонии гостей в королевских каретах отвезли в дом Джорджа Гериота, где в покоях Фолджамб их ожидал великолепный обед. Едва король очутился в этом скромном приюте, как он тут же поспешно снял и отбросил в сторону шпагу и перевязь, словно они жгли ему руки, швырнул шляпу с перьями на стол, как бы говоря: «Лежи там, власть!», с удовольствием выпил полный бокал вина за здоровье новобрачных, а затем принялся мелкими шажками расхаживать по комнате, бормотать что-то себе под нос, смеяться и отпускать шутки; нельзя ска-

зять, чтобы шутки были очень остроумного или тонкого свойства, но каждый раз король первый заливался одобрительным смехом, показывая пример всем остальным. Его величество веселился вовсю, гости с нетерпением ждали, когда пригласят к столу, как вдруг в комнату вошел слуга и шепотом вызвал мейстера Гериота. Тот вышел, но сейчас же вернулся назад и, подойдя к королю, в свою очередь шепнул ему на ухо несколько слов, от которых король подскочил. — А он не требует денег? — отрывисто и недовольно спросил он.

— Отнюдь нет, мой государь, — ответил Гериот. — Как он выразился, к этому вопросу он останется равнодушным до тех пор, пока будет угодно вашему величеству.

— Клянусь честью, любезный, — воскликнул король, — вот речь честного человека и доброго верно-подданного, и мы не замедлим его наградить! Что ж такого, что он простолюдин — и бродячая кошка может смотреть на короля. Поспеши, любезный, води его сюда, *paradite fores!*¹ Мониплайз? Поистине его должны были бы назвать Монипенсом, хотя, поручусь, вы, англичане, скажете, что в Шотландии нет такой фамилии.

— Монипенсы — старинная, почтенная семья, — вставил сэр Манго Мэлегроутер, — жаль только, что она малочисленна.

— Мне кажется, сэр Манго, — заметил мейстер Лоустоф, которого лорд Гленварлох пригласил на свадьбу, — среди наших соотечественников становится все больше членов этой семьи, с тех пор как его величество изволил вступить на английский престол и шотландцы хлынули в Англию.

— Вы правы, совершенно правы, — кивнул сэр Манго, косясь на Джорджа Гериота, — некоторые из нас нажили себе состояние благодаря этому счастливому для Англии событию.

Он не успел еще умолкнуть, как распахнулись двери и в комнату, к изумлению Гленварлоха, вошел

¹ Отворите двери! (лат.).

его бывший слуга Ричи Мониплайз, одетый в нарядное, даже роскошное платье с богатой отделкой; на руку его опиралась высокая, костлявая, морщинистая Марта Трапбуа. Глухое платье черного бархата, облекавшее ее несколько искривленную фигуру, так причудливо гармонировало с ее неестественно бледным, мрачным лицом, что король в смятении воскликнул:

— Что за черт, кого это он сюда привел? Да это мертвец в саване, клянусь своей королевской особой!

— Осмелюсь просить ваше величество обращаться с ней вежливо, — сказал Ричи, — так как с сегодняшнего дня она моя законная жена, мистрис Марта Мониплайз.

— Клянусь честью, любезный, она у тебя чересчур свирепого вида. Ты уверен, что она не была в свое время придворной дамой у нашей родственницы, кровавой памяти королевы Марии?

— Я уверен в одном, если угодно вашему величеству: она принесла мне в приданое пятьдесят тысяч добрых фунтов, а может, и еще больше, и это дало мне возможность быть полезным вашему величеству и некоторым другим людям.

— Незачем напоминать нам об этом, любезный, — проговорил король, — мы сами помним об оказанном тобой небольшом одолжении и очень рады, что твоя суровая супруга вверила свое состояние такому человеку, который умеет использовать его для блага короля и государства. Но где ты ее откопал, любезный?

— Я добыл ее старинным шотландским способом, мой государь: с помощью копья и лука. У нас был уговор, что она выйдет за меня, если я отомщу за смерть ее отца. Я расправился с убийцей и завладел добычей.

— Это дочь старика Трапбуа, которая так долго пропадала, — вмешался Лоустоф. — В каком дьявольском месте вы ее держали, дружище Ричи?

— Мейстер Ричард, если позволите, — отрезал Ричи, — или мейстер Ричард Мониплайз, если вам так больше нравится. Где я ее держал? Я с самыми чест-

ными намерениями поселил ее в доме одного моего почтенного земляка. А такую строгую тайну я сохранял из чистой осторожности, зная, что в городе полно беспутных шалопаев вроде вас, мейстер Лоустоф.

Высокомерный ответ Ричи вызвал смех у всех присутствующих, кроме его супруги, которая нетерпеливо оборвала его, сказав по обыкновению отрывисто и сурово:

— Довольно, довольно! Прошу тебя, замолчи. Сделаем то, ради чего мы пришли сюда.

С этими словами она достала сверток документов и, протянув лорду Гленварлоху, громко добавила:

— Беру в свидетели его величество короля и всех присутствующих, что я возвращаю выкупленное поместье Гленварлохов его законному владельцу в свободное пользование, безо всяких ограничений, как владели им все предки Гленварлохов.

— Я был свидетелем при выкупе закладной, — сказал Лоустоф, — но не имел понятия о том, кто выкупает поместье.

— И незачем вам было знать, — вставил Ричи, — глупо раньше времени хвастаться удачей.

— Да замолчишь ли ты! — прикрикнула на него жена. — Эта бумага, — продолжала она, подавая лорду Гленварлоху еще один документ, — тоже принадлежит вам. Примите ее от меня, но не спрашивайте, как она попала в мои руки.

Король поспешно подошел к лорду Гленварлоху и, с любопытством бросив взгляд на бумагу, воскликнул:

— Клянусь нашей королевской властью, это тот самый подписанный нами приказ о выдаче денег, который давно считался потерянным! Как он у вас очутился, госпожа новобрачная?

— Это тайна, — сухо ответила Марта.

— Тайна, которую мой язык никогда не выдаст, если только король не прикажет мне, как своему подданному, — твердо сказал Ричи.

— Я тебе приказываю, приказываю, — проговорил Иаков, заикаясь и дрожа от нетерпения и любопытства, как заядлая сплетница.

Сэр Манго, также снедаемый любопытством, а еще больше злорадным желанием дознаться до сути чужой тайны, перегнул вперед свое длинное, тощее туловище наподобие согнутого удилища, убрал редкие седые волосы за ухо и приложил к нему ладонь, дабы не проронить ни одного звука из ожидаемого сообщения. И хотя Марта угрожающе нахмурилась, Ричи безбоязненно продолжал объяснять королю, что «его покойный тесть, в общем человек славный и очень осторожный, отличался излишним запасом житейской мудрости, которая временами несколько искривляла прямоту его пути: он любил рыться в чужих вещах, и порою кое-что прилипало к его пальцам».

— Стыдись, Ричард! — воскликнула Марта. — Если уж предавать огласке его позор, будь по крайней мере краток. Да, милорд, — добавила она, обращаясь к Найджелу, — золотая монета была не единственной приманкой, которая тянула несчастного старика в вашу комнату той злополучной ночью. Он хотел похитить у вас этот документ и осуществил свое намерение. Подлый стряпчий был в то утро у него, и для меня нет сомнений, что именно он подбил впавшего в детство старика на этот гнусный поступок, чтобы создать еще одну помеху к выкупу вашего поместья. Если вдохновителем постыдного заговора было некое более важное лицо, то да простит ему бог, ибо он сейчас там, где держат ответ за свои преступления.

— Аминь! — произнес лорд Гленварлох, и все повторили за ним это слово.

— Мой отец, — продолжала Марта, и суровое лицо ее на миг исказила невольная судорога, — мой отец поплатился жизнью за свое преступление и безумие. Я твердо убеждена, что негодяй, который был у него поутру и подстрекал к краже королевского приказа, снял с окна болты, чтобы в него могли проникнуть убийцы.

Несколько мгновений все хранили молчание. Король первый нарушил его, приказав немедленно начать поиски преступного стряпчего.

— I, lictor, — закончил он, — colliga manus — caput obnubito — infelici suspendite arbori.¹

Лоустоф с должной почтительностью сообщил, что стряпчий скрылся в день убийства лорда Дэлгарно и с тех пор о нем ничего не слышно.

— Пусть его ищут, — сказал король. — А теперь поговорим о другом — от подобных историй кровь стынет в жилах, они совсем не подходят для свадебного торжества. О, Гимен, Гименей! — добавил он, щелкнув пальцами. — Лорд Гленварлох, что вы скажете мистрис Мониплайз, нашей славной новобрачной, которая в день вашей свадьбы вернула вам отцовское поместье?

— Пусть не говорит ничего, мой государь, — возразила Марта. — Это будет больше соответствовать его и моим чувствам.

— Во всяком случае, я должен отдать вам деньги, истраченные на выкуп закладной, — сказал лорд Гленварлох, — я не могу оставаться вашим должником.

— Мы после поговорим об этом, — сказала Марта, — *моим* должником *вы* никак быть не можете.

И она решительно сжала губы, показывая, что разговор на эту тему исчерпан.

Однако сэр Манго не склонен был расстаться с этой темой и, воспользовавшись непринужденностью обстановки, обратился к Ричи:

— Странная история с вашим тестем, почтенный. Ваша жена, кажется, не очень-то благодарна вам за то, что вы все разболтали.

— Я поставил себе за правило, сэр Манго, всегда рассказывать сам все дурное, что я знаю о своем семействе, — ответил Ричи. — Если я этого не сделаю, сделают другие.

— Смотрите, Ричи, похоже, что жена возьмет верх в вашем супружеском союзе.

— Если она прибегнет к словам, то я, хвала небу, умею, подобно некоторым, притвориться глухим, а

¹ Иди, ликтор, свяжи руки, покрой голову, вздерни его на виселицу (лат.).

если она перейдет к тумакам, то у меня обе руки целы, чтобы справиться с ней.

— Опять-таки хорошо сказано, Ричи, — заметил король. — Он нанес вам двойной удар, сэр Манго. Право, госпожа новобрачная, для дурака ваш муженек довольно сметлив.

— Есть дураки, которые наделены сметливостью, государь, — ответила Марта, — есть дураки, которые наделены храбростью, бывают даже дураки образованные, но от этого они не перестают быть дураками. Я выбрала этого человека, потому что он был моим защитником в трудное для меня время, а вовсе не за ум или остроумие. Он по-настоящему честен, и его доброе сердце и крепкая рука искупают некоторое чудачество. Если мне пришлось искать защитника в этом мире, который для меня дикая пустыня, благодарю бога, что я не встретила кого-нибудь похуже.

— Сказано до того разумно, — проговорил король, — что, клянусь душой, я попробую сделать его еще лучше. Преклони колена, Ричи. Одолжите мне кто-нибудь свою шпагу. Дайте вы, мейстер Лоустоф. Незачем выдергивать ее с такой студенческой удалью, будто вы собираетесь проткнуть бэйли.

Король взял шпагу отвернувшись — ибо, как уже известно, он не выносил вида обнаженного оружия, — попытался положить ее на плечо Ричи и чуть не выколол ему глаз. Ричи отпрянул, хотел подняться, но Лоустоф его удержал, а сэр Манго придал надлежащее направление королевскому оружию, и посвящение, таким образом, было благополучно завершено.

— Surge, carnifex,¹ встань, сэр Ричард Мониплайз из Касл Коллопа! А теперь, милорды и верноподданные, приступим к обеду, а не то наш куриный бульон с пореем остынет.

¹ Встань, мясник (лат.).

КОММЕНТАРИИ

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА»

События, изображенные в романе «Приключения Найджела» (1822), происходят в 20-е годы XVII века — во вторую половину царствования Иакова I, первого английского короля из династии Стюартов. Преемник Елизаветы Тюдор, Иаков I взошел на престол в 1603 году, в одну из самых тревожных эпох английской истории.

Процесс распада феодальных отношений, происходивший в Англии на протяжении XVI века, в начале XVII столетия вступил в свою решающую стадию. В стране назревал конфликт между буржуазией и феодальным дворянством. Абсолютная монархия, некогда служившая преградой разнузданному произволу феодалов, превращалась в опору реакции и тормоз капиталистического развития страны. Поэтому борьба с ней была общим делом всего английского народа. Кризис английского абсолютизма особенно острую форму принял при новой династии.

Уже при Иакове I наметился резкий поворот в сторону феодально-католической реакции. Иаков I пытался укрепить свой трон с помощью реакционной феодальной аристократии. Представители старинных аристократических родов, утративших свое могущество в эпоху Тюдоров, при Стюартах вновь подняли голову. Царствование Иакова I проходило под знаком все усиливающихся разногласий между буржуазией и феодальным дворянством. Эти разногласия и растущая нищета народных масс — такова была обстановка английской жизни в первую половину XVII века. Проводя политику сближения с католической Испа-

нией, Стюарты окончательно восстановили против себя английский народ. Всеобщее возмущение нашло исход в революции.

В 1649 году Карл I — второй король из династии Стюартов — сложил свою голову на эшафоте. Эпоха, которую изображает Вальтер Скотт в своем романе, была прологом к грозным событиям 40-х годов XVII века. Такой она представлялась и Скотту. «Во времена его (Иакова) царствования, — пишет он, — были посеяны семена раздора, из которых впоследствии выросла междоусобная война».

Однако в романе «Приключения Найджела» Скотт не воспроизводит жизнь предреволюционной Англии во всей полноте ее трагических противоречий. Это во многом объясняется особым характером авторского замысла.

Эпоха Иакова I заинтересовала романиста прежде всего своим бытом и нравами. По свидетельству Локарта — биографа и друга писателя, Скотт в 1821 году начал работать над книгой, построенной в виде серии писем, якобы извлеченных из архивов одной дворянской семьи. Эти письма носили характер юмористических очерков жизни Англии начала XVII века и создавали представление о языке эпохи и особенностях ее морально-бытового уклада. Однако в ходе работы Скотт решил отказаться от эпистолярной формы и написать роман «о добром короле Джеймсе и его окружении» в обычной для него форме эпического повествования. Можно предполагать, что сюжет романа был подсказан Скотту историей Джорджа Гериота — придворного ювелира Иакова I. Желание увековечить память Гериота, одного из тех шотландцев, которые, тесно связав свою судьбу с Англией, вместе с тем продолжали оставаться гражданами своей родины, — было, по собственному признанию Скотта, главной причиной, побудившей его создать «Приключения Найджела». Так возник роман о «приключениях» шотландца в Англии начала XVII века.

Своеобразие замысла определило не только композиционную структуру романа, действие которого строится на переплетении авантюрно-приключенческой и историко-бытовой линий повествования, но и характер авторского подхода к теме. На первый план в нем выдвинута проблема англо-шотландских отношений. Под таким углом зрения и рассматривает писатель жизнь Англии эпохи Иакова I.

Начало XVII века для Шотландии, как и для Англии, было эпохой великих перемен. С воцарением шотландского короля на

английском престоле обе эти страны впервые в истории объединились под властью одного монарха. Тем самым Шотландия окончательно потеряла свою политическую самостоятельность. Правда, официальное присоединение Шотландии к Англии произошло позже, в 1707 году. Иаков I попытался было в 1604 году осуществить слияние двух государств, но этому воспротивился английский парламент, однако уже личная уния 1603 года фактически превращала Шотландию в составную часть Британского королевства.

Эти события национальной истории Шотландии, ускорившие процесс ломки ее феодального уклада, и определили судьбу героя романа.

Потомок разорившегося аристократического рода, он уже не может жить по традициям своих предков и должен искать какие-то новые пути. Его «приключения» начинаются с приезда в Лондон. Здесь положение обедневшего дворянина еще осложняется его шотландским происхождением. Протестанты-англичане встречают соотечественников своего короля недружелюбно, так как, по их представлениям, Шотландия продолжает оставаться гнездом католицизма. Но, невзирая на оппозиционные настроения английских торговцев и мастеровых, их интересы все теснее сплетаются с интересами шотландцев. Шотландцы приобщаются к жизни Англии, не растворяясь в ней, и, усваивая формы английского быта, сохраняют верность своим национальным обычаям. Скотт верит в возможность содружества двух национальных культур. Обе они мирно уживаются у домашних очагов Дэвида Рэмзи и Джорджа Гериота. Скотт долго водит своего героя по запутанному лабиринту лондонской жизни. Это дает писателю возможность создать яркую картину быта и нравов «веселой старой Англии».

В изображении старого Лондона проявилась одна из сильнейших сторон дарования Скотта — его умение воссоздать бытовой колорит эпохи.

За два столетия, отделявшие Англию XIX века от Англии начала XVII века, облик Лондона сильно изменился, и, для того чтобы восстановить его, Скотту пришлось обращаться к множеству самых разнообразных источников. С такой же тщательностью изучал он и подробности быта эпохи. Большая работа предшествовала и созданию человеческих образов романа, многие из которых имеют жизненную основу. Так, например, прототип Дэвида Рэмзи реально существовал и, так же как его

литературный «двойник», сочетал в своем лице часовщика, математика и астролога.

Рисуя портреты людей начала XVII века, Скотт стремится к обобщению наиболее типических черт эпохи. К числу собирательных образов романа принадлежит, например, Урсула Садлчоп, обучавшаяся «искусству крахмалить» у своей современницы, известной авантюристки Энн Тёрнер. В этом имени — ключ к характеру «дамы Урсулы». «Миссис Тёрнер, — пишет Скотт в примечаниях к роману, — была дама примерно того же рода занятий, как миссис Садлчоп, то есть наполовину модистка, наполовину маклерша и секретный агент по делам всякого рода».

Не случайно в романе упоминаются имена Шекспира и знаменитого актера Бербеджа. Театр елизаветинской эпохи оказал несомненное влияние на изобразительную манеру автора «Приключений Найджела». Многие из образов романа восходят к бытовой комедии конца XVI — начала XVII века. Особенно богатыми Эльзас (или Альсатия), многими нитями связанный и с пьесой Шедуэлла «Эльзасский сквайр» (1688) и с комедийным театром Бена Джонсона. Его обитатели — одноглазый герцог Хилдеброд, разительно напоминающий «своим видом, объемом, цветом лица и внутренним содержанием бочку с вином», лихой капитан Колпеппер (Пепперкол) — охотник за богатыми невестами, скряга Трамбуа с его патологической страстью к золоту — словно вышли из комедий Бена Джонсона. Сам король Иаков, каким его изображает Скотт, сродни «чужакам» Бена Джонсона. Иаков — это тот чужаковатый и немного смешной король Джеймс, чей образ запечатлелся в анекдотах и мемуарах эпохи. Рассматривая короля Изкова в свете той же проблемы англо-шотландских отношений, Скотт видит в нем прежде всего шотландца на английском троне. С этим связаны трудности его положения. Шотландец с головы до ног (король разговаривает в романе не на английском языке, а на шотландском диалекте), Иаков I чувствует себя неловко в чужой стране, народа которой он побаивается. Однако исторический Иаков I при всех своих чужачествах был фигурой куда более злобещей.

Роман дает представление о борьбе социальных сил в предреволюционной Англии. Тень приближающейся революционной грозы здесь лежит прежде всего на картинах придворной жизни. Рисуя быт сгюартовского двора, Скотт отмечает в нем черты упадка и разложения. Английская аристократия в романе уже становится на тот путь, в конце которого ее ожидают эшафот и

топор палача. Так появляется в романе будущий король Карл I. Скотт создает вокруг него атмосферу обреченности, которая как бы предвещает его грядущую участь. Гораздо больший полнотой и ясностью отличается портрет Бакингема — легкомысленного, высокомерного временщика, развращенного сознанием своего могущества.

Воплощением цинизма и аморализма аристократической среды является лорд Дэлгарно, который вместе с принципами морали и нравственности утратил и ощущение связи со своей родиной — Шотландией.

Для Скотта патриотизм составляет необходимый элемент общечеловеческого кодекса нравственности. Писатель противопоставляет растленным нравам аристократической среды моральную высоту ювелира Гериота, чья доброта и благородство неотделимы от привязанности к родной стране и к ее народу. Поддерживая и защищая национальное достоинство своих соотечественников и одновременно содействуя их сближению с англичанами, он выступает и как примиритель социальных антагонизмов. Скотт делает его носителем главной идеи романа — идеи единства людей, их содружества, независимо от национальных и социальных различий. Поэтому его образ в романе окружен ореолом морального величия. Общение с Гериотом становится для Найджела своеобразной школой нравственного воспитания.

Благодаря влиянию «звонкого Джорди» лорд Гленварлох находит в себе силы преодолеть предрассудки своего класса и вступает в брак с девушкой незнатного происхождения.

Этот финал усиливает этический пафос романа, который, в сочетании с мастерством Скотта — бытописателя и портретиста, и определяет художественную ценность «Приключений Найджела».

А. РОММ

Стр. 7. *Гериот* Джордж (1563—1623) — золотых дел мастер, банкир, с 1601 г. — ювелир шотландского короля Иакова VI Стюарта, а когда тот стал английским королем (1603), вместе с ним переехал в Лондон.

..к югу от *Твиды* — то есть в Англии, так как устье этой реки, впадающей в Северное море, находится в Англии.

Стр. 8. *Иаков* — Иаков I (1566—1625), первый король Англии из династии Стюартов (сын Марии Стюарт). Под именем Иакова VI с 1567 г. — король Шотландии, после смерти королевы

Елизаветы Тюдор стал одновременно королем Англии (1603—1625).

Стр. 9. *Леди Мэри Уортли Монтэгю* (1690—1762) — английская писательница; была в центре литературного кружка, в состав которого входили Аддисон, Поп, Конгрив.

Стр. 10. *Сэр Филипп Сидней* (1554—1586) — английский поэт, придворный и дипломат, погибший в борьбе за свободу Нидерландов. Наибольшей известностью пользовался его стихотворный пасторальный роман «Аркадия».

Орден Бани — один из древнейших и высших английских орденов; основан в 1399 г. королем Генрихом IV. Название — от ритуального купания, которому подвергался посвященный.

Лорд Херберт Черберри Эдуард (1582—1648) — английский философ, дипломат, историк, поэт; вел полную приключений жизнь, о которой рассказал в автобиографии (изданной в 1764 г.).

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский государственный деятель (лорд-канцлер при Иакове I), писатель и выдающийся философ.

Бардольф, Ним, Пистоль, Пето и другие собутельники Фальстафа — действующие лица исторической хроники Шекспира «Генрих IV» и его же комедии «Виндзорские насмешницы».

Стр. 11. *См. «Трактаты» Соумера, изданные Скоттом...* — Точнее — «Сборник источников и важнейших трактатов, выбранных из бесчисленного количества королевских и других хранилищ, равно как из частных библиотек, лордом Соумером», вышедший в 1748 г. в четырех томах и в 1809—1815 г. изданный В. Скоттом.

Стр. 12. *...во время гражданских войн...* — Имеются в виду гражданские войны английской революции XVII в.: первая — 1642—1646 и вторая — 1648 г.

Берк Эдмунд (1729—1797) — английский публицист, политический деятель, автор реакционной книги «Размышления о французской революции» (1790), отразившей ненависть господствующих классов Великобритании к революционной Франции.

Сэр Джон Хэррингтон (1561—1612) — английский поэт, по повелению королевы Елизаветы перевел (1591) «Неистового Роланда» Ариосто.

Стр. 13. *...найти в «Хронике» Уинвуда, в «Письмах» Хауэла и в других мемуарах того времени.* — Уинвуд Ралф (1563?—1617) — английский политический деятель, дипломат; его бумаги (корреспонденция, документы и т. п.) были опубликованы в 1725 г. Эд-

мундом Соьером в трех томах; Хауэл Джеймс (1594?—1666) — английский парламентский деятель, автор ряда памфлетов, с 1660 г. — королевский историограф. Наиболее известны его «Письма», вышедшие в 1645—1655 гг. (в 4-х томах).

...*Стини, он же Бакингем*... — Имеется в виду Джордж Вильерс (1592—1628), герцог Бакингем, фаворит королей Иакова I и Карла I Стюартов. Бакингем возбудил ненависть в самых широких кругах английского народа и был убит в 1628 г. (см. прим. к стр. 268). Иаков I называл Бакингема Стини из-за внешнего сходства с христианским великомучеником Стефаном в изображении итальянских живописцев.

Стр. 14. *Кармелитский орден* — монашеский орден, созданный в Палестине во второй половине XII в.; название — от горы Кармель, где была основана первая община. Позднее кармелиты перебрались в Европу.

Эдуард I (1239—1307) — английский король (1272—1307) из династии Плантагенетов.

В эпоху Реформации. — Имеется в виду английская Реформация, завершившаяся образованием так называемой англиканской церкви.

Шедуэл Томас (ок. 1642—1692) — английский драматург, автор многих пьес и, в частности, комедии «Эльзасский сквайр», написанной в 1688 г.

Теренций Публий (ок. 185—159 до н. э.) — родился в Карфагене (отсюда прозвище Африканский). Был рабом сенатора Теренция Лукона; получив свободу, принял имя своего прежнего господина и поселился в Риме. Стал известным комедиографом (автор шести бытовых комедий). В них он создал яркие образы римских граждан, их обычаи, уклад жизни.

Стр. 15. *.. студентам из Темпла*. — Темпл — район Лондона, так называемый квартал адвокатов; когда-то отделялся от города стеной. В средние века принадлежал рыцарскому ордену тамплиеров (отсюда название квартала). В 1346 г. старинные здания Темпла были отданы юристам, и в них обучали праву.

Луцио — персонаж пьесы Шекспира «Мера за меру».

Стр. 17. *Доктор Драйездаст* — вымышленный персонаж, ученый педант, которому В. Скотт приписывал авторство некоторых предисловий к своим романам.

Стр. 19. *Коллинз Уильям* (1721—1759) — английский лирический поэт.

Спенсер Эдмунд (1552?—1599) — английский поэт.

Стр. 21. *Джедедия Клейшботэм* — вымышленный В. Скоттом составитель его «Рассказов моего хозяина».

Стр. 22. *Ариель, Тринкуло* — персонажи пьесы Шекспира «Буря». Имеется в виду сцена из третьего акта.

Стр. 23. *Санчо Панса* — спутник и оруженосец Дон-Кихота в романе Сервантеса.

Том Джонс... Амелия... Филдинг. — Английский писатель Генри Филдинг (1707—1754), автор ряда пьес и романов, из которых наиболее известен «История Тома Джонса, найденыша» (1749). «Амелия» — последний роман писателя (1752).

Смоллет Тобайас (1721—1771) — английский писатель. Наиболее известны его романы: «Приключения Родерика Рэндом» (1748) и «Приключения Перегрин Пикля» (1751).

Лесаж Ален-Рене (1668—1747) — французский писатель. Автор комедий («Тюркаре» и др.) и романов «Хромой бес» (1707) и «История Жиль Блаза» (1715—1735).

Стр. 24. *Бэйс* — персонаж сатирической комедии «Репетиция» (1671), написанной Джорджем Вильерсом, герцогом Бакингером, вместе с несколькими другими авторами.

Стр. 26. *...сэр Филипп Фрэнсис был автором «Писем Юниуса»...* — В разгар борьбы с попыткой английского короля Георга III (1760—1820) ограничить права парламента и избирательные права в газете «Паблик Адвертайзер» (1769—1771) появились письма, подписанные псевдонимом «Юниус». «Письма «Юниуса», бичевавшие избирательные злоупотребления, нападавшие на правительство и на самого короля, завоевали огромную известность. Авторство писем приписывалось многим, но в начале XIX в. удалось доказать, что под псевдонимом «Юниус» скрывался Филипп Фрэнсис (1740—1818), английский отставной чиновник и писатель.

Шенстон Уильям (1714—1763) — английский поэт, автор нескольких прозаических произведений («Письма к друзьям» и др.).

Стр. 27. *Доктор Джонсон Сэмюел* (1709—1784) — английский писатель, критик, языковед.

Стр. 29. *...Джарви или Дальгетти.* — Джарви — действующее лицо романа «Роб Рой», капитан Дальгетти — «Легенды о Монтрозе».

Стр. 30. *Белая Дама из Эвенела* — персонаж романа «Монастырь».

Стр. 31. *Роксбургский клуб* — клуб, задачей которого являлось соби́рание и издание античной литературы; основан в

1812 г., когда в Лондон прибыла библиотека герцога Роксбургского (отсюда название).

...Бомонта и Флетчера, Мессинджера, Джонсона, Уэбстера... — Имеются в виду английские драматурги начала XVII в.

Парнелл Томас (1679—1718) — английский поэт, автор поэмы «Отшельник».

Стр. 32. *...подобно второму Лаберию, я стал драматургом против своей воли.* — Лаберий (ок. 105—43 до н. э.) — римский писатель, автор многих мимов; принадлежал к сословию всадников, но был принужден Цезарем выступить в одном из своих же мимов, что влекло за собой лишение всадничества и даже гражданских прав.

...патентованных перьев Брама. — Джозеф Брам (1749—1814) в 1809 г. запатентовал машину для резки гусиных перьев, что позволяло вставлять их в держатели, как впоследствии перья стальные.

Аллен Рэмзи (1686—1758) — английский поэт.

Аллен Каннингхем (1784—1842) — английский поэт и драматург, друг В. Скотта.

...трагедия о сэре Мармадюке Максуэлле — написана Алленом Каннингхемом в 1820 г.

Стр. 33. *Каледония* — древнее название Шотландии.

Бернс Роберт (1759—1796) — великий шотландский поэт.

Каталани Анджелика (1780—1849) — известная итальянская певица.

Стр. 34. *...когда всеобщее избирательное право войдет в моду...* — После победы над наполеоновской Францией в Англии развернулось широкое движение за реформу избирательного права. Народные массы и демократические круги требовали всеобщего избирательного права. В 1832 г. это движение завершилось компромиссной парламентской реформой.

Адам Смит (1723—1790) — выдающийся английский экономист. В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) утверждал, что богатство страны заключается во всей массе произведенных в ней товаров.

Стр. 35. *Когда царь Петр рыл рвы...* — Имеются в виду легенды, связанные с работой Петра I на корабельных верфях в Голландии в 1697—1698 гг.

Стр. 36. *Голдсмит Оливер (1728—1774)* — английский поэт и автор ряда исторических работ.

Стр. 37. *«Это мое призвание, Хел»*. — В исторической хронике Шекспира «Генрих IV» Фальстаф, обращаясь к принцу Генриху, фамильярно называет его Хел (ч. I, акт 1, сц. 2).

Гораций (65—8 до н. э.) — римский поэт, автор од, сатир и других произведений.

Стр. 38. *«Королева фей»* — аллегорическая поэма Эдмунда Спенсера (1552?—1599).

Ричард Блэкмор (1650—1729) — английский писатель, придворный медик Уильяма III и королевы Анны.

Бритомарта — женщина-рыцарь, олицетворение целомудрия и чистоты, персонаж поэмы Э. Спенсера «Королева фей».

Стр. 40. *Длительная вражда... окончилась... примирением со вступлением на английский престол... Иакова I*. — Сын Марии Стюарт (1542—1587) король Шотландии Иаков VI стал с 1603 г. одновременно и английским королем (до 1625 г.). Таким образом, под властью династии Стюартов произошло объединение Шотландии и Англии.

Стр. 42. *Непир Джон* (1550—1617) — шотландский математик, изобретатель логарифмов.

Стр. 45. *Войны Алой и Белой розы* (1455—1485) — кровавая распря двух феодальных клик в Англии, в результате которой погибла почти вся старая феодальная знать. Боровшиеся за власть в Англии представители династий имели в своих гербах розы: Ланкастерский дом — алую, Йоркский — белую.

Стр. 50. *Его величество король в своих суждениях всегда был подобен Даниилу*. — Намек на увлечение короля Иакова I богословскими вопросами. Легендарный библейский пророк Даниил разгадал начертанные на стене огненные слова, предсказавшие гибель Вавилонскому царству.

Стр. 51. *Гилдхолл* — зал заседаний в Лондоне.

...знатных кавалеров на сцене... — В театре XVII в. наиболее знатные зрители занимали места на сцене.

Стр. 53. *Гален Клавдий* (ок. 130 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель.

Стр. 59. *Пусть это будет моей лептой самаритянина...* — Самаритяне — жители древней Палестины. Имеется в виду евангельская притча о человеке, которого ограбили разбойники. Проезжий самаритянин сжалился над ним и перевязал его раны.

Стр. 62. *Нобль* — старинная английская золотая монета, введенная королем Эдуардом III в 1344 г.

Уайтхолл — королевский дворец в Лондоне, построенный в 1619—1621 гг. английским архитектором Иниго Джонсом в стиле ренессанс. Для украшения дворца был приглашен немецкий художник Ганс Гольбейн (1497—1548).

Стр. 64. *С тех пор как король покинул Шотландию...* — то есть с 1603 г., когда шотландский король Иаков VI стал одновременно и королем Англии.

Стр. 70. Эпиграф взят из пьесы Бена Джонсона «Каждый по-своему» (акт I, сц. 4).

Стр. 72. *Уэстминстерский дворец* — старинный королевский дворец в Лондоне. После пожара 1512 г. дворец перестал быть королевской резиденцией, и в нем стал собираться парламент.

Стр. 82. *...я про Рутвенов вспомнил, которых из-за такого же пустяка в собственном доме закололи.* — Джон Рутвен Гаури и его брат Александр были убиты в 1600 г. в собственном замке, во время пребывания там шотландского короля Иакова VI. По официальной версии братья Гаури пытались напасть на короля, и он убил их, защищая свою жизнь.

Джон Хэррингтон — см. прим. к стр. 12.

Стр. 84. *...на каждой его стороне было по единорогу.* — До унии 1603 г. на шотландском гербе изображены были два поддерживающих щит единорога. Позднее остался один — в гербе Англии слева, в гербе Шотландии справа.

Стр. 88. *«Новый способ платить старые долги»* — пьеса Ф. Мессинджера (1583—1640).

Стр. 92. *Мерк* — название монеты, пришедшее в Англию в X в., во время датского владычества. В Шотландии — серебряная монета, впервые была введена в 1570 г. и равнялась 13 шиллингам 4 пенсам.

Стр. 98. *...до того, как Шотландия и Англия стали одним государством...* — то есть до 1603 г.

Стр. 100. *«При этом глаза его наполнились слезами»* — цитата из аллегорического романа английского писателя Джона Баньяна (1628—1688) «Путь паломника».

Стр. 101. *Старый Рики.* — Так шотландцы называют Эдинбург (что означает «коптилка»).

Стр. 102. Эпиграф взят из поэмы английского поэта Джона Скелтона (1460?—1529).

Стр. 107. *Джилл Джон* (1697—1771) — священник, автор ряда богословских трудов,

Стр. 109. *Это было как раз в то время, когда Иаков, не подозревая, что он строит дворец, который его единственный сын покинет через окно, чтобы умереть перед ним на эшафоте, приказал снести древние, полуразрушенные здания де Бёрга, Генриха VIII и королевы Елизаветы... в которые Иниго Джонс вдохнул свой гений.* — Имеется в виду король Иаков I Стюарт (1603—1625), при котором был построен новый дворец Уайтхолл, где перед казнью находился сын Иакова I Карл I (1625—1649), казненный во время буржуазной революции. Эшафот был расположен так, что Карл I взошел на него 30 января 1649 г. через окно одного из залов дворца. Строил Уайтхолл Иниго Джонс (1573—1625) — английский архитектор, работавший в Дании, Италии, а с 1605 г. в Англии. Имеются в виду постройки, принадлежавшие де Бёргам (с 1255 г.), королю Генриху VIII Тюдору (1509—1547) и королеве Елизавете I (1558—1603).

Стр. 110. *Максуэл* — по-видимому, шотландский дворянин Джон Максуэл (1586—1612).

Стр. 112. *...дало повод Сюлли назвать Иакова мудрейшим глупцом в христианском мире.* — Сюлли Максимилиен (1559—1641) — французский политический деятель, министр короля Генриха IV (1589—1610). Сюлли оставил мемуары, не лишённые исторического интереса, хотя и не совсем достоверные. Приведённое выше выражение, относящееся к английскому королю Иакову I, иногда приписывается французскому королю Генриху IV.

...как из зубов мифического дракона, взошли всходы кровавой гражданской войны. — Иносказательное выражение «посеять зубы дракона» употребляется в смысле «зародить вражду». Связано с древнегреческим мифом о легендарном основателе города Фивы Кадме, который, убив дракона, по велению оракула посеял зубы чудовища, из которых выросли вооружённые воины.

...не потакать... прихотям малютки Чарлза и Стины... — Имеется в виду принц Уэльский, будущий король Карл I (1625—1649), и герцог Бакингом (см. прим. к стр. 13 и 109).

Стр. 113. *...подобно Золотому ослу Апулея.* — Апулей Луций (ок. 135 — ок. 180) — римский писатель, автор широко известного романа «Метаморфозы», названного впоследствии «Золотой осел».

Стр. 114. *Бенвенуто Челлини* (1500—1571) — выдающийся итальянский скульптор и ювелир эпохи Возрождения.

...Франциск! Этот горе-вояка, потерпевший поражение под Павией, как некогда наш Давид под Даремом. — Имеется в виду

Франциск I (1494—1547), король Франции (с 1515 г.). В битве при Павии (1525) потерпел поражение и был взят в плен германским императором и испанским королем Карлом V. Давид II, король Шотландии (1329—1371), потерпел поражение близ Дарема в 1346 г. и был взят в плен англичанами.

Стр. 120. *Заговор Рутвена*. — Имеется в виду заговор 1582 г. в замке Рутвенон недалеко от Перта. Братья Гаури пытались принудить Иакова VI (впоследствии Иакова I, короля Англии) избавиться от придворных, которые выступали против гражданских и религиозных привилегий шотландской знати. Однако король удалось бежать, и заговор оказался безрезультатным.

Стр. 125. *Джордж Бьюкэнан* (1506—1582) — шотландский историк и поэт, с 1570 г. наставник шотландского короля Иакова VI (с 1603 г. Иакова I — английского короля).

...*Пэтрик Янг* (1584—1652) — в 1603 г. помогал своему отцу Питеру Янгу (1544—1628) обучать Иакова VI. Был одним из видных знатоков греческого и латинского языков. Занимался переводами на латинский язык сочинений короля Иакова.

Стр. 127. *Арчи Армстронг*. — См. прим. автора на стр. 491.

Стр. 137. *Позолоченная брошь... в виде креста святого Андрея с чертополохом*. — Косой крест (в виде римской цифры десять) почитался христианской церковью как изображение первой буквы имени Христа (по преданию, апостол Андрей был распят на кресте такой формы). Чертополох — национальная эмблема Шотландии.

Стр. 142. *Энтони Гамильтон* (1646—1720) — французский аристократ, живший при дворе Карла II. Автор воспоминаний о жизни Англии второй половины XVII в.

Стр. 145. *Джон Нокс* (ок. 1505—1572) — проповедник, реформатор, основоположник пресвитерианской церкви в Шотландии.

Стр. 147. ...*никто не думает, что она съедает все это, все равно как статуи Ваала и Дракона не могли есть лакомства, которые им приносили*. — Имеются в виду библейские легенды о выступлении израильского пророка Даниила против так называемых ложных богов, которым поклонялся персидский царь.

Стр. 149. *Мистрис Тёрнер*. — См. прим. к стр. 162.

Стр. 155. *Кристабел* — героиня одноименной поэмы английского поэта-романтика Сэмюэла Колриджа (1772—1834).

Стр. 162. ...*она вмешалась в дело Сомерсета и Овербери*... — Томас Овербери (1581—1613) — английский писатель, жертва одного из самых сенсационных преступлений в английской истории.

Его друг Роберт Кар, впоследствии граф Сомерсет (1590—1645), увлекся графиней Эссекс. Овербери высказал нелестное мнение о графине, ставшее ей известным. Овербери посадили в Тауэр по обвинению в неуважении к особе короля, но разгневанная графиня на этом не остановилась: она подкупила тюремщика, который с помощью миссис Тёрнер, вдовы врача, отравил Овербери. Только через два года преступление было раскрыто.

Стр. 165. *«Сказки матушки Хаббард»* — поэма английского поэта Э. Спенсера (1552?—1599).

Стр. 174. *...мой прадед, стяжавший вечную славу при Флоддене?* — 9 сентября 1513 г. при Флоддене произошла битва англичан с шотландцами, в которой шотландцы потерпели тяжелое поражение. Среди погибших был и король Шотландии Иаков IV.

Стр. 175. *Воссиус, Ворстиус и Арминий* — богословы Лейденского университета в Голландии (начало XVII в.).

Стр. 194. *Пусть дьявол закоптит тебя, бездельник!..* — Цитата из «Макбета» Шекспира (акт V, сц. 3).

Стр. 201. *.. вы головня, рожденная Алфеей, которую она положила в бочку с порохом..* — Матери древнегреческого героя Мелеагра Алтея (Алфее) было предсказано, что ее сын умрет, как только догорит тлевшая в это время в очаге головня. Алтея вынула головню, погасила ее и спрятала. Позднее, мстя за гибель своих братьев, убитых Мелеагром, Алтея бросила в огонь головню и погубила сына. (Миф зародился в эпоху материнского права, при котором брат считался более близким родственником, чем сын).

Стр. 203. *Гробница регента графа Мерри..* — Мерри Джеймс Стюарт (1531—1570) — незаконный сын шотландского короля Иакова V, сводный брат Марии Стюарт. После отречения Марии от престола в пользу своего малолетнего сына, Иакова, Мерри стал опекуном короля и регентом Шотландии (1567—1570).

Стр. 206. *Берегитесь ревности...* — Цитата из «Отелло» Шекспира (акт III, сц. 3).

Стр. 208. *Федр* — древнеримский баснописец (I в. н. э.).

Стр. 212. *Генри Ховард, граф Нортхэмптон* (1540—1614) — государственный деятель, придворный королевы Елизаветы I (1558—1603) и Иакова I, известный своей беспринципностью.

Стр. 214. *Комус* (Ком) — древнегреческий бог пиршеств.

Стр. 215. *Шевалье де Божё* — представитель аристократической французской семьи.

Луллий Раймонд (1235—1315) — средневековый философ-схоласт.

Драхма — серебряная монета в древней Греции, а также вышедшая из употребления единица аптекарского веса, равная 3,732 грамма. В тексте — в смысле очень малой части.

Стр. 219. *Майское дерево* — украшенный лентами и цветами шест, вокруг которого танцуют 1 мая в Англии.

Стр. 223. *...у маршала Строщи... во время осады Лейта..* — Маршал Строщи (1541—1582) — итальянский генерал, с 1558 г. состоял на службе Франции. Принимал участие в осаде Кале, Гиени (1558), Лейта, во взятии Блуа (1562) и в других боевых действиях во время религиозных войн. Лейт — небольшой город и порт в Шотландии (близ Эдинбурга), во время Реформации был оплотом католицизма и так называемой французской партии. В 1548—1560 гг. мать Марии Стюарт, маркиза Лотарингская, будучи регентшей Шотландии, избрала своей резиденцией Лейт, так как не чувствовала себя в безопасности в Эдинбурге, и в 1549 г. сильно укрепила город, что помогло ему в 1560 г. выдержать нападение и осаду шотландцев и союзных с ними тогда англичан.

Стр. 225. *Под командой великого Генриха Четвертого при Куртрэ и Иври..* — Имеется в виду французский король Генрих Бурбон (1589—1610) и сражения времен религиозных войн во Франции.

Фартинг — мелкая английская монета.

Стр. 227. *С видом старого Пистоля...* — Пистоль — персонаж из пьес Шекспира «Генрих IV» (часть вторая) и «Виндзорские насмешницы».

Стр. 229. *...в «Фортуне» Бёрбедж должен был играть шекспировского короля Ричарда.* — «Фортуна» — лондонский театр, построенный в 1599 г. Ричард Бёрбедж (1567—1619) — английский трагический актер, игравший главные роли в пьесах Шекспира, Бена Джонсона, Бомонта и Флетчера. Особенно прославился исполнением роли Ричарда III. Вместе с Шекспиром и др. в 1599 г. основал театр «Глобус».

Стр. 230. *...Джордж Бьюкэнан писал трагедии..* — См. прим. к стр. 125.

Стр. 231. *Петр Пустынный*, или Петр Амьенский (ок. 1050—1115) — католический аскет, проповедник, которому приписывается организация первого крестового похода.

Стр. 232. *Фоконбридж* — персонаж хроники Шекспира «Король Иоанн» Филипп Фоконбридж, незаконный сын короля Ричарда Львиное Сердце.

...пока не появился *Гаррик*... — Гаррик Дэвид (1717—1779) — английский трагический актер, драматург, директор театра Друри-Лен в Лондоне. Прославился исполнением ролей шекспировских героев.

...битва при *Босуорте*... — В этой битве (22 августа 1485 г.) потерпел поражение и погиб последний представитель династии Йорков — король Ричард III (1452—1485); это была заключительная битва войн Алой и Белой розы.

Стр. 233. *Бен Джонсон* (1573—1637) — английский поэт и драматург.

Стр. 235. *Эйвонский лебедь* — прозвище Шекспира.

Стр. 245. *Артурово Седло* — гора близ Эдинбурга, вершина которой по форме напоминает седло. По преданию, король Артур, герой средневековых рыцарских романов, обзирал с этой горы местность перед сражением.

Стр. 254. ...что говорит *Соломон, царь иудейский, о чужой жене*... — Имеется в виду поучение из так называемой «Книги притч Соломоновых» (библия), в котором говорится, что не следует желать красоты чужой жены «в сердце своем» и «да не увлечет она тебя ресницами своими», так как «кто входит к жене ближнего своего, кто прикасается к ней, не останется без вины» и т. д. (гл. 2, 6, 7, 9).

Стр. 263. ...как говорит *Аякс Теламон*. — Персонаж греческой мифологии Аякс (Эант) Большой, сын саламинского царя Теламона, один из героев Троянской войны. Цитата взята из «Метаморфоз» Овидия.

Стр. 266. *Ван-Дейк* Антони (1599—1641) — выдающийся фламандский живописец, провел несколько лет в Англии, однако позднее, чем происходит действие романа, в годы, когда принц Уэльский Карл стал королем Карлом I.

Стр. 268. ...кровью, брызнувшей из-под кинжала его убийцы *Фелтона*. — Фаворит королей Англии Иакова I и Карла I Джордж Вильерс (1592—1628), герцог Бакингем, возбудил ненависть в самых широких кругах английского народа; был убит в 1628 г. офицером Джоном Фелтоном (1595 — казнен 28 декабря 1628 г.).

Стр. 269. ...в *Германии гремят барабаны и развеваются королевские знамена в защиту дела пфальцграфа, зятя его*

величества. — Имеются в виду события Тридцатилетней войны (1618—1648). На первом этапе войны (так называемом чешско-пфальцском) во главе протестантского союза государств стал Пфальц (во главе католической лиги — Бавария). Глава протестантского союза Фридрих V, курфюрст пфальцкий (1596—1632, с 1619 г. избран чешским королем), был женат (с 1613 г.) на Елизавете, дочери английского короля Иакова I Стюарта.

Стр. 273. ...это в духе *«Царя Камбиза»*... — Имеется в виду пьеса *«Камбиз, царь Персии»* (1539) английского драматурга Томаса Престона (1537—1598), героическая трагедия, написанная выспренним стилем.

Стр. 275. *..Пилад и Орест, второе издание Дамона и Пифия или... Тезей и Пирифоя.* — Пилад и Орест, Дамон и Пифий, Тезей и Пирифой — символы верных друзей в античной мифологии.

Стр. 276. *Звездная палата* — высший административный и судебный орган в Англии, учрежденный в 1488 г. королем Генрихом VII Тюдором как комитет королевского Тайного совета. Название получила от украшенного звездами потолка зала заседаний палаты. Неопределенная, широкая компетенция Звездной палаты, особенно когда при Стюартах на первый план выдвинулись не фискальные, а политические цели, возбудила против нее всеобщее недовольство. В начале политической буржуазной революции (1641) была упразднена.

Стр. 277. *Джон Буль* — прозвище типичного англичанина, заимствованное из памфлета *«История Джона Буля»* Джона Арбетнота (1667—1735).

Стр. 278. *Тайный совет* — возник в конце XII — начале XIII в., при королях Эдуарде I и Эдуарде II, и превратился в личный совет короля, рассматривая дела, которые проходили без участия парламента. Тайный совет стал — особенно при Елизавете I — орудием абсолютизма и был наряду со Звездной палатой ненавистен народу. Во время английской буржуазной революции права Тайного совета были сведены к минимуму, а с установлением республики (1649) он исчез вовсе. При реставрации Стюартов (1660) Тайный совет был восстановлен, но с ограничениями не в пользу королевской власти.

Стр. 288. *Гинократия* — власть женщин.

Стр. 291. *...прочь занавес, скрывавший Борджал!*... — Имеются в виду представители фамилии, игравшей в XV—XVI вв. значительную роль в истории Италии и широко применявшей в своей борьбе за власть подкуп и убийства. Наиболее известны

Александр VI Борджа (римский папа с 1492 по 1503 г.), его сын Чезаре (1476?—1507) и дочь Лукреция (1480—1519).

Ганимед (миф.) — сын дарданского царя Троя, за красоту похищенный богами и ставший их любимцем и виночерпием на Олимпе. В переносном смысле слова — виночерпий.

Стр. 297. *...в святцах Ньюгета.* — Имеется в виду Ньюгетская тюрьма в Лондоне, получившая название от старых городских ворот, у которых она была расположена.

Ритсон Джозеф (1752—1803) — английский историк и фольклорист.

Стр. 298. *.. он галилеянин...* — Так называли Иисуса Христа, который, по евангельскому преданию, происходил из города Назарета в Галилее. Здесь употреблено в смысле — чужой, не принадлежащий к грешникам Уайтфрайерса.

Стр. 302. *Тайбёрн* — площадь в Лондоне, где совершались публичные казни.

Стр. 308. *Генрих VIII* (1491—1547) — король Англии (1509—1547) из династии Тюдоров, укрепивший абсолютизм в стране.

Стр. 309. *..в изгнании жриц Ваала...* — Ваал — один из главных богов древней Финикии, Сирии, Палестины, которому приносились человеческие жертвы. Фраза подчеркивает презрительное, враждебное отношение сторонников англиканской церкви и пуритан к католицизму, которое приравнивалось ими к язычеству.

Стр. 311. *Англиканская церковь* — государственная церковь, возникшая после Реформации, проведенной в Англии Генрихом VIII. Были несколько упрощены церковные обряды, однако усилилась власть епископов (оттого иногда церковь называют епископальной); во главе церкви вместо римского папы стал король. Реформация была одной из мер, укреплявших абсолютную монархию в Англии.

Стр. 322. *Пороховой заговор* — неудачное покушение католиков на жизнь короля Иакова I, раскрытое 5 ноября 1605 г. Заговорщики подготавливали взрыв бочек с порохом, заложенных в подвалах здания парламента. Пойманный в подвале Гай Фокс был казнен; позднее были схвачены и казнены и остальные участники заговора.

Стр. 330. *..разделить судьбу несчастного Фрэнсиса, графа Босуэла.* — Имеется в виду Герберт Фрэнсис Стюарт, с 1576 г. граф Босуэл, родственник шотландских королей; занимал высокие должности в Шотландии, принимал участие в шотландских междоусобицах конца XVI в. и, окончательно потерпев неудачу в 1594—

1595 г., был изгнан из Шотландии. Жил во Франции, Испании и умер в бедности в Неаполе (1624).

Стр. 349. *...во времена короля Артура или короля Лудда.* — Имена легендарных королей Британии: Артур — герой многих сказаний и рыцарских романов, Лудд упоминается Джефри Монмутским в его «Истории королей Британии», как строивший (или перестраивавший) стены Лондона. Название Лудгейт-хилл напоминает об этом.

Стр. 350 *«Гудибрас»* — сатирическая поэма Сэмюэла Бэтлера (1612—1680), направленная против пуритан.

Стр. 353. *Тестон* — старинная французская монета (обычно серебряная), с 1575 г. стала называться франком.

Стр. 363. *...картину.. изображавшую Сусанну со старцами...* — Имеется в виду широко распространенный в живописи библейский сюжет о богатой, красивой иудейке, которая была застигнута двумя старцами во время купания. Наиболее известна на этот сюжет картина Рубенса.

Стр. 370. *...драматургам придется творить по рецепту мейстера Пуфа...* — Пуф — персонаж сатирической комедии «Критик» английского драматурга Р. Шеридана (1751—1816). Он является автором представляемой по ходу действия трагедии. Одно из главных действующих лиц этой пьесы лорд Берли выражает свои суждения не словами, а кивком головы.

Стр. 378. *...отразил натиск двадцати кривых сабель в Буде...* — По-видимому, имеется в виду один из эпизодов длительной борьбы венгров с турками. Буда, с 1361 г. — столица Венгрии, в 1526 г. была взята и разграблена турками, окончательно захвачена ими в 1541 г. и до 1686 г. контролировалась турецкими пашами.

Честный Гектор, остерегайтесь моего гостя, он может оказаться вторым Ахиллом... — Старший сын троянского царя Приама и Гекубы, вождь троянцев Гектор был убит во время осады Трои греческим героем Ахиллом (Ахиллесом). Об этом рассказывается в 22-й песни поэмы Гомера «Илиада».

Стр. 387. *...подобно королю Ричарду ..* — Имеется в виду английский король Ричард III.

Стр. 388. *..вы явитесь к королю, заломив берет, словно вы сам граф Килдарский...* — По-видимому, имеется в виду Томас Фитцджеральд, граф Килдарский (1513—1537). После того как был казнен в Тауэре его отец, молодой Томас поднял в Ирландии восстание. 11 июня 1534 г. он во главе вооруженных

140 всадников, на шлемах которых развевались шелковые шнуры, проехал по городу и торжественно объявил войну английскому правительству, бросив вызов королю Генриху VIII, но потерпел поражение и был казнен 1 мая 1587 г. по обвинению в государственной измене.

Стр. 398. ...*«Оселок для оттачивания ума»* — вторая часть *«Арифметики» Роберта Рекорда*... — Английский математик Роберт Рекорд (1510—1558) был одним из первых английских авторов учебников по арифметике, геометрии, астрономии. Его *«Оселок для оттачивания ума, или Вторая часть арифметики»* вышел в 1557 г.

«Кара божья за убийство» ...это было не то сочинение, которое Рейнолдс выпустил под столь заманчивым названием, а более раннее, напечатанное и распроданное старым Вулфом... — Имеется в виду книга английского купца Джона Рейнолдса, вышедшая в 1621 г. Вулф Реджиналд (ум. в 1573 г.) — английский издатель.

Стр. 399. *Роксбургский клуб*. — См. прим. к стр. 31.

Стр. 409. ...*этого душегуба вздернули бы выше Амана*... — Аман — по библейской легенде, вельможа персидского царя Артаксеркса.

Стр. 430. *Томас Пейн* (1737—1809) — английский демократический деятель и мыслитель; участник борьбы американских колоний Англии за независимость (1775—1783). Написал революционный памфлет *«Здравый смысл»* (1776).

Стр. 431. *Зеленый Джордж* — персонаж комедии *«Джордж Грин, Векфилдский сторож»* английского драматурга Роберта Грина (1560?—1592).

Стр. 433. *Фалес* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий философ.

Стр. 443. ...*сцену стряпни из «Самоистязателя»*. — Имеется в виду комедия Публия Теренция.

Стр. 449. ...*предался размышлениям Жака-Меланхолика*. — Жак-Меланхолик — персонаж комедии Шекспира *«Как это вам понравится»*; изгнанный по приказанию герцога в глухой лес в Арденнах, предавался там меланхолическим философским размышлениям.

...*зверскому убийству Риччо, свершенному в присутствии несчастной матери Иакова, когда последний еще находился в ее чреве*. — Риччо Давид (1533—1566), секретарь Марии Стюарт, был убит заговорщиками 9 марта 1566 г.

Стр. 453. *А кто... разнюхал про пятое ноября? Сесил и Саффолк... потеряли след...* — Речь идет о Пороховом заговоре (см. прим. к стр. 322). Имеются в виду Роберт Сесил (1563? — 1612) — секретарь Иакова I, и лорд Томас Ховард, граф Саффолк (1561—1626) — приближенный короля, содействовавший раскрытию Порохового заговора.

Стр. 454. *Вульгата* — перевод священного писания на латинский язык.

Стр. 456. *Грей Томас* (1716—1771) — английский поэт.

Банделло Маттео (ок. 1485—1562) — итальянский прелат и писатель, рассказы которого послужили сюжетами для произведений Шекспира, Мессинджера и др.

Стр. 458. *...робкий почерк несчастной Джен Грей, чья судьба исторгала слезы у последующих поколений.* — Джен Грей (1537—1554) — дочь Генри Грея, маркиза Дорсета, герцога Саффолкского, и правнучка короля Англии Генриха VII Тюдора. С 1553 г. — супруга лорда Дадли, стремившегося после смерти короля Эдуарда VI захватить английский престол. 10 июля 1553 г. заговорщики провозгласили леди Джен Грей королевой, однако Мария Тюдор при поддержке графа Оксфордского разрушила планы заговорщиков, и после девятидневного царствования Джен Грей была лишена короны, а в ноябре 1553 г. арестована и приговорена к смерти по обвинению в государственной измене. После восстания, в котором принял участие отец Джен, она и ее муж были обезглавлены (12 февраля 1554 г.). Трагическая судьба молодой леди Джен Грей привлекала внимание ряда литераторов (госпожа де Сталь и др.).

Бейли Джон (ум. в 1869 г.) — историк, с юных лет служил сначала младшим, затем старшим клерком управления Тауэра. Его «История... Тауэра» состоит из двух частей, написана в 1821—1825 гг. и является одной из лучших работ подобного рода как по стилю, так и по изложенным в ней фактам.

Стр. 470. *...даже Иосиф не видел более вещих снов, чем я...* — Иосиф (библейский персонаж), сын патриарха Иакова, возбудил зависть братьев и был продан ими в Египет, где, находясь в тюрьме, удачно разгадал вещие сны виночерпия и хлебодара фараона, а также и самого царя. В библии речь идет не о снах, которые видел Иосиф, а о разгадке Иосифом вещих снов других.

Стр. 485. *Амадис и Ориана* — персонажи рыцарских романов, созданных в Испании в XV—XVI вв. Ориана — принцесса, ради которой Амадис совершает свои подвиги.

Стр. 487. *...наедине с его дедушкой — Рыжей Лисицей из Сент-Эндрюса, как прозвал его Дэви Линдсей...* — Имеется в виду король Шотландии Иаков V (1512—1542); Линдсей Дэвид (1490—1555) — шотландский поэт и дипломат.

Стр. 497. *Я видел, как поплались за измену Дигби, Уинтерс, Фокс и остальные злодеи из пороховой шайки...* — См. прим. к стр. 322 и 453.

Стр. 513. *Возтиус, Винниус, Грэнвигенеус, Пагенстехерус* — богословы XVII в.

Стр. 515. *Семь греческих мудрецов...* — К ним, в соответствии с классической традицией, относятся следующие политические деятели и философы: Питтак из Митилены (на Лесбосе), Солон (афинский законодатель), Клеобул из Линда (остров Родос), Периандр Коринфский, Хейлон, эфор Спарты, Фалет Милетский, Биант из Приены.

Стр. 516. *...в духе Эвклиона из комедии Плавта...* — Плавт Тит Макций (ок. 254—184 до н. э.) — знаменитый римский комедиограф. Эвклион — скупец, герой комедии «Кубышка».

Стр. 517. *Офир* — упоминающаяся в библии легендарная страна, куда царь Соломон (X в. до н. э.) вместе с царем финикийского города Тира отправил корабли за золотом.

Стр. 521. Эпиграф взят из комедии Шекспира «Много шума из ничего» (акт IV, сц. 1).

...советовали вам... прочесть наиболее выразительные места из Сенеки и из «De Consolatione» Боэция... — Сенека Луций (6 или 3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ-стоик, политический деятель и писатель; Боэций (ок. 480 — ок. 524) — политический деятель, приближенный короля остготов Теодориха, мыслитель, взгляды которого лежат на грани классической античной философии и ранней средневековой схоластики. Пять книг «De Consolatione Philosophiae» («Утешения философии») написаны Боэцием в тюрьме, куда он был брошен по повелению Теодориха и затем казнен.

Стр. 525. *Царица Савская* — по библейскому преданию, владительница страны, расположенной на юге Аравии и управлявшейся женщинами. Прослышав о мудрости и силе царя Соломона, посетила его столицу и принесла в дар золото, драгоценности, благовония. В ответ царь Соломон одарил ее с не меньшей щедростью.

Стр. 526. *...скорее в духе Демеи, чем в духе Микиона...* — Действующие лица в комедии римского комедиографа Теренция

(ок. 185—159 до н. э.) «Братья». Демея — младший брат старика Микиона. В комедии разрабатывается тема воспитания молодежи, и в конечном счете победу одерживает мягкая манера Микиона, а не суровая Демен.

Стр. 528. *...Баттиста Порта, Майкл Скотт в «De Secretis»...* — Джованни Баттиста делла Порта (Джамбатиста) (ок. 1538 или 1540—1615) — итальянский естествоиспытатель, работавший в области оптики, изучения света и т. д., хотя более всего был заинтересован в магии и алхимии. Наиболее распространена была его книга «Естественная магия» («*Magia naturalis*»). Майкл Скотт (ок. 1180 — перед 1235) — шотландский ученый, снискавший себе посмертную славу мага и чародея. Переводил и комментировал Аристотеля (с арабского на латинский язык); занимался астрологией и алхимией. По традиции, которой Вальтер Скотт следовал в поэме «Песнь последнего менестреля», считалось, что Майкл Скотт похоронен в аббатстве Мелроз.

Стр. 529. *...не чувствовал призвания играть роль Зенона и пасть жертвой в борьбе во славу истины.* — По-видимому, имеется в виду легенда о гибели греческого философа Зенона из Елеи (V в. до н. э.) в его борьбе с тираном Нearchом.

Стр. 539. *Дионисий Сиракузский* — Дионисий Старший, возвысился от командира наемников до главы древнегреческого города-государства Сиракуз (ок. 406—367 г. до н. э.). Был извесген своей беспринципностью, жестокостью, подозрительностью, а также преувеличенным представлением о своем писательском даровании.

Стр. 545. *Маммона* — от греческого «мамонас» — богатство; символ стяжательства.

Стр. 549. *...головы Горгоны, оружия гневной Паллады...* — В греческой мифологии Горгоны — женщины-чудовища, со змеями вместо волос на голове; взгляд Горгоны обращал все живое в камень. Герой Персей отрубил голову одной из Горгон — Медузе и отдал ее своей покровительнице, богине Афине (одно из прозвищ которой Паллада); последняя прикрепила голову Медузы к своему щиту (эгиде).

Стр. 560. *...Ганнибал воспользовался укусом, чтобы проложить себе путь через горы.* — Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец. Тит Ливий рассказывает, что при переходе через Альпы Ганнибал приказал очистить часть трудного перевала от снега, раскалив известковые камни и полив

их укусом; камни раскололись, и это позволило проложить путь для воинов, конницы и слонов.

Стр. 561. *Филдинг*. — См. прим. к стр. 23.

Пресвитер Иоанн — властитель легендарного христианского государства, сохранившего независимость в мусульманском окружении. Средневековая легенда помещала его в Средней Азии или Эфиопии.

Стр. 562. *...позволил лондонцам... выстоять в битве при Ньюбери и в других... против... атак... принца Руперта и его... кавалеров*. — Принц Руперт (1619—1682) — племянник Карла I Стюарта; во время гражданской войны командовал королевской кавалерией. В битве при Ньюбери (27 октября 1644) королевские войска не смогли сломить сопротивление парламентской армии. Лондонская полиция выдержала в этой битве атаку королевской кавалерии.

...вспомните, откуда происходят Стюарты... Неужели вы думаете... у них не... хватит копий или палашей? — Намек на шотландское происхождение и воинственное прошлое дома Стюартов, вся история которого была борьбой за власть против феодального шотландского дворянства.

Стр. 564. *...разбойник вроде Пойнса и Пато и других молодцов из пьесы* — персонажи исторической хроники Шекспира «Генрих IV», части 1 и 2, где изображена юность принца Генриха.

Стр. 566. *Битва при Шрусбери*. — В июле 1403 г. около небольшого старинного города Шрусбери (западная Англия), где часто бывали столкновения между Англией и Уэльсом, Генрих IV Английский одержал победу над повстанцами, возглавленными Генри Перси (Хотспером), графом Нортумберлендским, который пал в этой битве.

Стр. 575. *...это второй Орфей в поисках своей Эвридики* — Орфей — мифический фракийский певец, музыка которого укрощала диких зверей, сдвигала с места камни и т. д. Один из мифов рассказывает о смерти жены Орфея, нимфы Эвридики. Чтобы вернуть жену, певец спустился в подземное царство.

Стр. 582. *Джон Фордун* (ум. 1384) — шотландский летописец, автор первой истории Шотландии.

...что говорит Клавдиан о сфере Архимеда. — Архимед (ок. 287—212 до н. э.) — великий древнегреческий математик и механик, живший в Сиракузах и убитый римлянами при взятии города; упоминается в стихотворении Клавдиана (Клавдия) (370—404), последнего классического поэта языческого Рима.

Стр. 585. *Козимо Медичи* (1389—1464) — правитель Флоренции, владевший огромными богатствами.

Стр. 590. *...королевы Марии*. — Имеется в виду королева Англии Мария Тюдор (1553—1558).

Стр. 593. *Иди, ликтор...* — В 63 г. до н. э. Цицерон защищал римского сенатора Гая Рабирия, обвиненного в насилиях над апулийскими земледельцами и в других преступлениях. Позднее Цицерон защищал Рабирия Постума, приемного сына предыдущего, но без успеха. Имеется в виду речь в защиту Гая Рабирия.

Э. ВЕЛИКАНОВ.1

О Г Л А В Л Е Н И Е

П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я Н А Й Д Ж Е Л А

Введение	7
Вступительное послание	17
Глава I	40
Глава II	55
Глава III	70
Глава IV	86
Глава V	102
Глава VI	123
Глава VII	138
Глава VIII	148
Глава IX	165
Глава X	186
Глава XI	204
Глава XII	218
Глава XIII	233
Глава XIV	246
Глава XV	257
Глава XVI	272
Глава XVII	286
Глава XVIII	305
Глава XIX	315
Глава XX	326
Глава XXI	344
Глава XXII	361

<i>Глава XXIII</i>	374
<i>Глава XXIV</i>	391
<i>Глава XXV</i>	403
<i>Глава XXVI</i>	417
<i>Глава XXVII</i>	429
<i>Глава XXVIII</i>	456
<i>Глава XXIX</i>	469
<i>Глава XXX</i>	489
<i>Глава XXXI</i>	504
<i>Глава XXXII</i>	521
<i>Глава XXXIII</i>	537
<i>Глава XXXIV</i>	544
<i>Глава XXXV</i>	555
<i>Глава XXXVI</i>	568
<i>Глава XXXVII</i>	580
 <i>Комментарии</i>	 595

И. В. Брусяниным переведены «Введение», «Вступительное послание» и главы I—XVII, *Н. Л. Рахмановой* — главы XVIII—XXXVII.

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Собрание сочинений, т 13

Редактор Б Томашевский

Художник Б Воронецкий

Художественный редактор

Л Чалова

Технический редактор

Э Марковская

Корректор Э Урицкая

Сдано в набор 24/VII 1963 г.
Подписано к печати 15/I 1964 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—19 5 печ л —
31 98 усл печ л Уч изд л.
30 483 Тираж 300 000 экз За-
каз № 505 Цена 1 р 15 к

Издательство
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград Невский пр 23

Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени
А М Горького «Главполиграф
прома» Государственного коми-
тета Совета Министров СССР
по печати, Гатчинская 26